

Е. Т. ГАЙДАР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТНАДЦАТИ
ТОМАХ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ПОДГОТОВЛЕНО К ИЗДАНИЮ
ИНСТИТУТОМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ имени Е.Т. ГАЙДАРА

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
ГОСПОДИНА СЕППО РЕМЕСА

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР ТОМА

В. Г. Стародубровский

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*А.Г. Аганбегян, П.Е. Гайдар, Е.Ю. Гениева,
Г.О. Греф, С.М. Гуриев, М. Домбровский,
А.В. Колесников, А.Л. Кудрин, Я.И. Кузьминов,
Л.И. Лопатников, В.А. Мау, А.Д. Радыгин,
К.Ю. Rogov, Н.К. Сванидзе, С.Г. Синельников-Мурылев,
В.Г. Стародубровский, А.В. Улюкаев,
Я.М. Уринсон, А.Б. Чубайс, Р.М. Энтов,
В.А. Ярошенко, Е.Г. Ясин*

Е.Т. ГАЙДАР

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

Том 11

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДЕЛО»

МОСКВА · 2014

УДК 338(47)
ББК 65
Г 14

Гайдар, Е. Т.

Г 14 Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 11/Е.Т. Гайдар.— М.:
Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014.— 584 с.

ISBN 978-5-7749-0869-1 (Т.11)

ISBN 978-5-7749-0690-1

В томе собраны выступления Е. Т. Гайдара по телевидению и радио в 1991–2004 гг.
Для изучающих экономическую историю России, а также для широкого
круга читателей.

УДК 338(47)
ББК 65

ISBN 978-5-7749-0869-1 (Т. 11)

ISBN 978-5-7749-0690-1

© Стругацкая М. А., 2014

© Институт экономической политики
имени Е. Т. Гайдара, 2014

© Издательский дом «Дело» РАНХиГС,
оформление, 2014

Содержание

Первая неделя без плана. Телеканал «Россия». Программа «Лицом к России». 15 декабря 1991 г.	9
Защитим наше будущее. Телеканал «Россия». 3 октября 1993 г.	12
Нам приходится дорого платить за чеченскую авантюру. Радиостанция «Эхо Москвы». 26 января 1995 г.	14
Опасная стратегия бюджетного дефицита. Радиостанция «Радио России». Передача «Персона грата». 25 июня 1998 г.	23
Почему МВФ выделил очередной транш кредита? Радиостанция «Эхо Москвы». 28 июня 1998 г.	35
Ситуация тревожна. «Радиостанция Возрождение – XXI век». 10 сентября 1998 г.	45
Заработает ли печатный станок? Радиостанция «Эхо Москвы». 14 сентября 1998 г.	50
Была ли у нас шоковая терапия? Радиостанция «Говорит Москва». Передача «Мы и власть». 13 октября 1998 г.	59
Шесть месяцев правительства Примакова. Радиостанция «Эхо Москвы». 15 февраля 1999 г.	72
Наша позиция не носит конъюнктурного характера. Телеканал «Россия». Программа «Подробности». 24 февраля 1999 г.	80
Кто будет преемником Б. Ельцина. Телеканал «НТВ». Программа «Ночной разговор». 28 февраля 1999 г.	83
Посредническая миссия по урегулированию конфликта на Балканах. Радиостанция «Эхо Москвы». 1 апреля 1999 г.	93

СОДЕРЖАНИЕ

Предложения о пасхальном перемирии в Югославии. Радиостанция «Радио Свобода». Передача «Лицом к лицу». 4 апреля 1999 г.	105
Поспешный импичмент. Радиостанция «Эхо Москвы». 14 апреля 1999 г.	122
Олигархический капитализм. Что дальше? Радиостанция «Эхо Москвы». 9 июня 1999 г.	131
Отставка С.В. Степашина – крайне странное решение. Радиостанция «Эхо Москвы». 9 августа 1999 г.	140
Перспективы выборов в Государственную думу в 1999 г. Телеканал «НТВ». Программа «Итоги». 3 октября 1999 г.	149
Ситуация в целом вселяет оптимизм. Радиостанция «Эхо Москвы». 1 декабря 2000 г.	159
Рыночная экономика, свобода и культура. Телеканал «Культура». 13 декабря 2000 г.	168
Высокие цены на нефть – испытание для правительства. Телеканал «НТВ». Программа «Герой дня». 21 декабря 2000 г.	176
Год правительству Михаила Касьянова. Телеканал «НТВ». Программа «Герой дня». 17 мая 2001 г.	181
От отдельных правых партий – к «Союзу правых сил». Телеканал «Россия». Программа «Зеркало». 20 мая 2001 г.	187
Об объединении демократов. Радиостанция «Маяк». Передача «В центре внимания». 21 мая 2001 г.	200
Мы находимся на этапе постреволюционной стабилизации. Телеканал «Россия». Программа «Зеркало». 5 июля 2001 г.	211
Большое видится на расстоянии. Телеканал «НТВ». Программа «Герой дня». 5 ноября 2001 г.	214
10 лет «гайдаровским» реформам. Радиостанция «Эхо Москвы». 6 ноября 2001 г.	220
Долгосрочные проблемы экономического роста. Радиостанция «Эхо Москвы». 18 марта 2002 г.	238
Перспектива объединения демократических сил на парламентских выборах 2003 года. Радиостанция «Эхо Москвы». 3 июня 2002 г.	255

СОДЕРЖАНИЕ

Влияние силовых структур на экономическую политику крайне негативно. Телеканал «ТВС». Программа «Завтрак с Соловьевым». 9 июня 2002 г.	262
Политические и социально-экономические итоги года. Радиостанция «Эхо Москвы». 23 декабря 2002 г.	274
Важно продолжать реформы. Телеканал «ТВС». Программа «Смотрите, кто пришел». 26 февраля 2003 г.	289
Главное – не наделать ошибок! Русская служба Би-би-си. 27 февраля 2003 г.	296
Приоритетные направления развития экономики. Телеканал «ТВС». Программа «Итоги». 2 марта 2003 г.	299
Человек, который взял на себя эту страшную гору... Телеканал «Культура». Программа «Школа злословия». 17 марта 2003 г.	306
Новый правый курс. Радиостанция «Радио Свобода». 8 мая 2003 г. . .	327
Сколько средств нужно на реформу армии. Радиостанция «Эхо Москвы». Передача «Ищем выход». 10 мая 2003 г.	348
О военной реформе. Телеканал «Ren-TV». Программа «Новости–24». 12 мая 2003 г.	368
О перспективах военной реформы. Радиостанция «Радио России». Передача «Особое мнение». 13 мая 2003 г.	371
О президентском Послании 2003 года. Телеканал «ТВС». Программа «Смотрите, кто пришел». 16 мая 2003 г.	381
Период восстановительного роста закончился. Телеканал «Россия». Программа «Утренний разговор». 18 мая 2003 г.	387
Опасно включать мечты в бюджетный процесс. Телеканал «Ren-TV». Программа «Большие деньги». 21 мая 2003 г.	393
Россия заинтересована в продолжении либерализации мировой торговли. Телеканал «НТВ». Программа «Влияние». 15 июня 2003 г.	398
О программе восстановления Ирака. Радиостанция «Эхо Москвы». 9 сентября 2003 г.	413

СОДЕРЖАНИЕ

Ситуация в Ираке другая, но много сходных с Россией проблем. Радиостанция «Эхо Москвы». 23 сентября 2003 г.	429
Может ли опыт России быть полезен Ираку. Радиостанция «Радио России». Передача «Открытая студия». 23 сентября 2003 г.	440
Десятилетие мятежа 1993 года. Как удалось не допустить прихода к власти фашистов. Радиостанция «Эхо Москвы». Передача «2 Пархоменко 2». 4 октября 2003 г.	456
Частных капиталовложений без надежной гарантии прав личности и собственности не бывает. Телеканал «НТВ». Программа «Обозреватель». 8 ноября 2003 г.	489
Предвыборные дебаты. Радиостанция «Радио России». 11 ноября 2003 г.	492
Сколько мы можем взять у нефтяников, чтобы не навредить развитию отрасли? Радиостанция «Эхо Москвы». 21 ноября 2003 г.	511
Результаты голосования повлияют на то, какая страна у нас будет к 2008 году. Радиостанция «Эхо Москвы». 2 декабря 2003 г.	521
В России нет кризиса либерализма, есть кризис демократии. Радиостанция «Эхо Москвы». 15 апреля 2004 г.	531
О кризисе либерализма в России. Радиостанция «Радио Свобода». 15 апреля 2004 г.	544
Мы делаем все возможное, чтобы испортить инвестиционный климат в России. Телеканал «ВВС». 13 сентября 2004 г.	559
Об изменении законодательства после событий в Беслане. Радиостанция «Эхо Москвы». Передача «Ищем выход». 13 сентября 2004 г.	565

Первая неделя без плана

Телеканал «Россия».

Программа «Лицом к России». 15 декабря 1991 г.

*Выступление приводится в изложении обозревателя М. Кобрин
Ведущий программы Н.К. Сванидзе представил телезрителям Е.Т. Гайдара как деятеля, «отвечающего за проведение экономических реформ». Его первый вопрос был таков: «Как Россия прожила эту неделю?»*

Егор ГАЙДАР: Было тяжело, произошло много неприятных событий. Осложнилось и без того непростое положение. Нужно учитывать, что экономические реформы не могут устранять какие-то конкретные трудности, например затруднения с энергоснабжением Хабаровска. Однако местные органы власти отказались принять оперативную правительственную группу, которую мы хотели направить в Хабаровск для оказания им помощи. И вместе с тем все подобные проблемы не должны уводить нас от главного — от задачи выхода из кризиса.

Ведущий: *Реформа вызывает смешанные чувства. Люди боятся либерализации цен, которая снизит покупательную способность. Они считают, что меры социальной защиты могут смягчить ее последствия, но не нейтрализовать их. Товаров в магазинах нет. Как правительство предполагает снять шок? Где оно собирается достать товары?*

Егор ГАЙДАР: Сейчас все каналы снабжения парализованы. Зерно в наличии есть, но его не продают, ожидая изменения цен. Мяса даже немного больше, чем в прошлом году. Но и продавцы мяса ждут освобождения цен. Склады забиты телевизорами, автомобилями, холодильниками. Заставить их продавать мы не мо-

жем. Старого механизма уже нет, а новый еще предстоит создать. Было бы хорошо, если бы могли делать это постепенно. Но времени уже нет. Каждый день промедления все более осложняет ситуацию.

Такое положение складывалось во всех странах, которые проходили через реформу. Самыми страшными оказывались первые недели после размораживания цен. Лешек Бальцерович, польский экономист, идеолог ускоренного перехода Польши от плановой экономики к рыночной, рассказывал, что первые две недели после реформы магазинные полки оставались пустыми. Но через три недели товары начали появляться. Дело в том, что, если у нас нет возможностей заставить продавцов выйти на рынок, мы должны их заинтересовать. В Болгарии перед началом реформ положение было не легче нашего. Но через две-три недели и там появились товары. Более того, возникла проблема сбыта — подчеркиваю, сбыта! — продукции.

Мы добьемся успеха. Но для этого надо проявить жесткость — не поддаваться социальным угрозам, остановить печатные станки Гознака.

Ведущий: *Учитываете ли Вы, что страна состоит из усталых людей? Следите ли Вы за флагом на часах, отсчитывающих отведенное время? Сколько потребуется его для того, чтобы вывести страну из пике?*

Егор ГАЙДАР: Шесть-семь месяцев. Но это в том случае, если у нас хватит решимости. Обещать, что через шесть-семь месяцев наступит процветание, было бы непрофессионально. Ведь производить мы будем меньше — за счет сокращения ВПК и капитального строительства. Около полутора лет сохранится безработица. Но за названный мною срок вполне возможно создать фундамент, на котором затем предстоит возвести рыночные отношения. Но это возможно при выполнении определенных условий. Необходимо, во-первых, обеспечить согласованные действия республик и, во-вторых, проводить жесткую финансовую политику.

Ведущий: *А история отпустит Вам эти шесть-семь месяцев?*

Егор ГАЙДАР: Думаю, что да. Больше всего нас должно заботить, как бы не сорваться в пропасть гиперинфляции. За этим последовал бы развал, который создал бы угрозу радикального по-

литического поворота. Кто-то будет наводить порядок, но делать будет это недемократичными средствами.

Ведущий: *Как реагируют на предполагаемые реформы за рубежом?*

Егор ГАЙДАР: Реакция крайне положительная. Выше наших ожиданий. Сейчас в Москву вернулась делегация, которой удалось согласовать очень важные вопросы. Изменяется механизм отношений между Россией и Западом, нормальному функционированию которого мешал центр. Теперь мы добились права самим распоряжаться своими ресурсами, экспортными возможностями. Нас признали как надежных партнеров.

Защитим наше будущее

Телеканал «Россия». 3 октября 1993 г¹.

Дорогие друзья, все эти последние дни Правительство России больше всего хотело сохранить спокойствие, избежать кровопролития. Даже сегодня, когда стало ясно, что люди, которые взяли курс на вооруженную конфронтацию, готовы переступить через реки крови, чтобы сохранить свою власть, реставрировать старый тоталитарный режим, снова отнять у нас свободу. Мы надеялись, что удастся избежать вовлечения граждан в это противостояние. Вместе с тем, к сожалению, ситуация продолжает обостряться. У «Останкино» идет бой, противоположная сторона применяет гранатомет, тяжелый пулемет, пытаются захватить узлы связи, средства массовой информации, добиться силового установления контроля в городе. Правительство предпринимает усилия, с тем чтобы подтянуть силы, необходимые для того, чтобы остановить успех реваншистов. Но надо сказать честно: сегодня вечером нам нужна поддержка. Сегодня мы не можем переложить ответственность за судьбу демократии, за судьбу России, за судьбу нашей свободы только на милицию, на внутренние войска, на силовые структуры. Сегодня должен сказать свое слово народ, москвичи. Должны сказать свое слово те, кому дороги свобода России, ее демократическое будущее.

Мы призываем тех, кто готов поддержать в эту трудную минуту российскую демократию, прийти ей на помощь, собраться у здания

¹ Выступление состоялось в связи с тем, что конфликт между законодательной и исполнительной ветвями власти вылился в вооруженный захват сторонниками Съезда народных депутатов РФ здания мэрии Москвы и штурм Телецентра в Останкино. Президентом РФ Б.Н. Ельциным был принят Указ о введении чрезвычайного положения в г. Москве. Большое число людей, пришедших после выступления Е. Т. Гайдара к зданию Моссовета, готовых взять в руки оружие и строивших баррикады на Тверской улице, показало широкую поддержку москвичами действий исполнительной власти. — *Прим. ред.*

ЗАЩИТИМ НАШЕ БУДУЩЕЕ

Моссовета, с тем чтобы объединенными усилиями встать на защиту нашего будущего, будущего наших детей, не дать снова на десятилетия сделать из нашей страны огромный концентрационный лагерь. Наше будущее в наших руках. Если мы его проиграем, нам не на кого будет пенять, кроме как на нас самих. Я верю в наше мужество, я верю в здравый смысл нашего общества, верю в то, что мы просто не можем сегодня проиграть.

Нам приходится дорого платить за чеченскую авантюру

Радиостанция «Эхо Москвы». 26 января 1995 г.

Ведущий: *В студии у нас в гостях Егор Гайдар. Добрый вечер, Егор Тимурович. Сегодняшняя рамка нашей передачи — это горячая линия. Ее формат таков, что сегодня Вы в основном будете отвечать на вопросы радиослушателей. Стоит вопрос о том количестве оружия, которое имеет Дудаев, имел Дудаев и получил Дудаев. Вы были и.о. премьера полгода: с июня по декабрь 1992 г. У Вас наверняка на столе лежали досье по Чечне, хотя тогда, по-моему, главной проблемой была Осетия?*

Егор ГАЙДАР: Наиболее напряженные конфликты в это время были, конечно, в Ингушетии и Северной Осетии и конфликты, которые происходили не на территории России, но которые при этом имели самое прямое к нам отношение, — это Молдавия и Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия и Грузия, это Таджикистан.

Ведущий: *А что было в досье по Чечне, которое лежало у Вас полгода? Что туда поступало в основном?*

Егор ГАЙДАР: Во-первых, надо понять одну элементарную вещь. В российской государственности на протяжении всего XX в. и при царях, и при большевиках, и при демократах у нас всегда было два правительства. Одно правительство — финансово-социально-хозяйственное. В свое время его возглавляли Столыпин, Витте, Коковцев, Косыгин, Рыжков. И правительство политическое-военное, подчиняющееся царю, генеральному секретарю и президенту. В связи с этим, скажем, охранка, КГБ, служба безопасности никогда премьеру не подчинялись. То же самое относится к Министерству обороны, Министерству иностранных дел. По вопросам финансовым, хозяйственным они входят в правительство и пред-

ставляют свои сметы, которые обсуждаются, урезаются, утрясаются. Но напрямую ко мне донесения КГБ поступали только тогда, когда на них стояла виза президента «Ознакомить Гайдара».

Ведущий: *То есть напрямую не поступало?*

Егор ГАЙДАР: Напрямую нет. Были ситуации, когда я запрашивал о чем-то Баранникова, который тогда был министром безопасности. Поэтому кое-какие бумаги я получал, в основном по тем вопросам, которые меня в этот момент особенно волновали. Эти бумаги меня не радовали, смущали крайней расплывчатостью и часто наличием там не соответствующих действительности с точки зрения здравого смысла слухов, но систематически подобного рода информация поступала президенту.

Ведущий: *Скажем, вопрос об утилизации (хорошее слово), об утилизации военного имущества, наверное, должен был проходить и через и.о. премьера и министров экономики и финансов?*

Егор ГАЙДАР: По утилизации приходили через правительство следующие вопросы. Первое — это проблема атомных или подводных лодок и соответственно энергоблоков. Второе — это проблемы, связанные с продажей вооружения, в том числе продажей вооружения из его наличия у Министерства обороны. Но, скажем, в вопрос о том, куда перебросить какие танки, ни Столыпин никогда не вмешивался, ни Рыжков никогда не вмешивался, ни Черномырдин сейчас не вмешивается.

Ведущий: *Егор Тимурович, и все-таки досье по Чечне должно было лежать у Вас. Что там было тогда? Как Вам представлялось?*

Егор ГАЙДАР: У меня, конечно, было много информации, много поступало документов по Чечне. Иногда тяжелые чеченские проблемы сваливались мне на голову и самым серьезным образом, конечно, в ноябре 1992 г. Я, если хотите, расскажу об этом подробнее. В основном там шла речь всегда о наличии разных оппозиционных Дудаеву группировок, которые вот-вот уже были готовы его свергнуть, не сегодня, так завтра. Таково было основное содержание документов по этому вопросу.

Ведущий: А для чего? Для ознакомления, для принятия решения?

Егор ГАЙДАР: Для ознакомления.

Вопрос радиослушателя: Егор Тимурович, я знаю, что Вы много ездите по регионам, работаете с регионами. А знаете ли Вы, что

в данный момент практически никакой работы по линии партии¹ с региональными средствами массовой информации не ведется, так как существовавшая группа по региональной прессе расформирована вместе с оргкомитетом партии, люди уволены?

Егор ГАЙДАР: У нас создана Комиссия по информационной политике, которая приняла на себя обязанности оргкомитета, эта комиссия сейчас устанавливает отношения с региональными средствами массовой информации. Работает соответствующий отдел в Исполкоме. Разумеется, из Москвы помочь всем мы не можем, хотя прекрасно знаем проблемы демократической прессы, особенно проблемы демократической прессы в «красных регионах», тот уровень давления, который на нее идет. Кому-то мы пытаемся помочь, в первую очередь наиболее трудным регионам, где сами возможности финансирования ограничены.

Вопрос радиослушателя: Егор Тимурович, не считаете ли Вы, что ситуация 1993 г. в Белом доме и Чечне в чем-то одинаковая: здесь и там вооруженные банды?

Егор ГАЙДАР: Нет, по моему мнению, это существенно разные ситуации. На этот вопрос предельно просто вам отвечу. В октябре 1993 г., когда началась кровавая авантюра на фоне переговоров с патриархом, когда штурмовали «Останкино», оказалось достаточным 12 болванок, выпущенных по Белому дому. Болванки — это так называемые практические снаряды, на самом деле из них один был практически бронебойный. Так вот 12 болванок хватило. И все подняли руки. В Чечне оказалось недостаточно двух месяцев активного применения Вооруженных сил, ракетно-бомбовых ударов, бомбардировок, танковых атак и т.д. Это все-таки разные вещи: иметь дело с кучкой очень опасных мятежников и, к сожалению, затронуть чувства вооруженного, может быть, обманывающегося, но вооруженного народа, защищающего свои дома. Это разные вещи.

Есть позиция оптимиста и пессимиста. Пессимист говорит: хуже быть не может. Оптимист: может, может. Необходимо понять, насколько может быть хуже, и все-таки попытаться это остановить.

¹ Речь идет о партии «Демократический выбор России» (ДВР). Е. Т. Гайдар возглавлял эту партию и ее фракцию в Государственной думе. — *Прим. ред.*

Что касается октябрьской ситуации с Белым домом, то, напомним, началась эта война не 4 октября утром, а днем 3 октября, началась она со штурма мятежниками «Останкино».

Ведущий: А вот Женя¹ считает, что война началась 21 сентября. Она об этом говорила — с Указа 1400².

Егор ГАЙДАР: Тогда нужно говорить точнее, что война началась с января 1993 г., с ревизии так называемого соглашения, которое было заключено торжественно и по которому все согласились, что оно может действовать только единым целым. Она, может быть, началась даже немножко раньше, с последовательной конфронтации разных ветвей власти, каждое решение одной ветви приводило к противоположному решению другой. Мы все это видели. Я, например, прекрасно представлял будущего премьера, у которого разваливается вся структура российской государственности, она оказывается просто парализованной. На самом деле путь-то был длинен.

Говорят иногда, что Ельцин должен был еще в 1991 г. распустить Верховный Совет. Но это же было совершенно невозможно. Как можно было в 1991 г. распустить Верховный Совет? К депутатскому корпусу тогда было огромное уважение. А вот в 1993 г., когда депутаты приватизировали свои квартиры и т.д., ситуация была доведена до той степени, когда слово «депутат» стало ругательным.

Ведущий: Вы не хотите себе дать самооценку как ученому? Потому что для меня любой доктор наук — это величина.

Егор ГАЙДАР: Самому себе давать оценку как ученому как-то неприлично. Пусть делают это мои коллеги по экономическому цеху.

Вопрос радиослушателя: Почему сейчас «миротворец» (в кавычках) Хасбулатов молчит?

Егор ГАЙДАР: Честно Вам скажу — не знаю, почему он молчит. Он был довольно активен на критической фазе конфронтации

¹ Участница передачи, обозреватель газеты «Известия». — Прим. ред.

² Имеется в виду Указ Президента РФ Б. Н. Ельцина от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Указ предусматривал прекращение деятельности Съезда народных депутатов, проведение новых выборов, принятие новой Конституции РФ. Основанием послужили итоги Всероссийского референдума 25 апреля 1993 г., на котором 58,7% участников выразили доверие Президенту РФ Б. Н. Ельцину, а 67,2% сочли необходимым провести досрочные выборы народных депутатов РФ. — Прим. ред.

в Чечне. На мой взгляд, и в 1993 г. он (но не он один, не надо делать из него дьявола) много сделал для того, чтобы кризис российской демократии стал тяжелым и неизбежным. Что он делал в Чечне, мне трудно сказать, трудно оценить.

Ведущий: *Он сам расскажет, в течение ближайших трех дней Хасбулатов будет гостем «Эхо Москвы», по телефону сможете задать ему вопрос.*

Вопрос радиослушателя: *Я вспоминаю выражение «чикагские мальчики в розовых штанишках». Первый вопрос: не кажется ли Вам, что все это началось не в 1991, 1993 гг., а гораздо раньше — в тот момент, когда начался передел собственности? А передел собственности — это всегда очень опасно.*

Второй вопрос: Егор Тимурович, Вы говорите, что вопрос относительно импичмента президенту следует отложить до выборов. А может быть, как раз и выборов-то не будет, если мы дотянем до того времени? Может быть, сейчас остановить нужно? А то ведь мы столько народа положим, что потом и некому будет на выборы приходиться?

Егор ГАЙДАР: Для меня история — это континуум¹. Нельзя сказать, когда все это началось. В некотором смысле все это началось в 1914 г., можно сказать, что все это началось в 1917 г., все это продолжилось в 1929 г. и т.д. Это длинная трагическая история России. Я немного написал по этому поводу, на днях выйдет моя книжка, там постараюсь объяснить, что я думаю. Кстати говоря, как раз там речь идет и о переделе собственности. Я думаю, что это один из ключевых вопросов, но он требует чуть более длинного разговора, чем 1 минута.

Относительно импичмента. Знаете, это вопрос оценки. Я могу поделиться своим суждением — суждением основательным, потому что все-таки кое-что знаю о том, как устроена российская государственность. На мой взгляд, сейчас попытка призвать к досрочным выборам, к импичменту — это самый надежный путь для того, чтобы добиться, что выборов не будет никогда.

Ведущий: *Вы имеете в виду и некие психологические особенности президента, когда его загоняют в угол?*

¹ Континуум (от лат. *continuum* — непрерывное) — непрерывность, длительность, продолженность. — Прим. ред.

Егор ГАЙДАР: Я имею в виду весь комплекс обстоятельств, который мне известен.

Ведущий: *Тогда я хочу Вас как человека осведомленного спросить о нынешней ситуации с Виктором Степановичем Черномырдиным, который внезапно оказался в центре чеченской проблемы, он, насколько я понимаю, подпираемый Чубайсом, производит некую рекогносцировку в том регионе?*

Егор ГАЙДАР: Я могу только приветствовать усилия Виктора Степановича Черномырдина, потому что любые попытки как-то наладить мирный диалог, на мой взгляд, могут быть только полезными. Честно говоря, я не понял его позицию насчет того, что не может быть переговоров с бандитами. Как раз с бандитами-то и могут быть переговоры, особенно когда речь идет о захваченных заложниках. И в общем-то кого только не называли бандитами, если речь шла о национальных конфликтах. Типичный пример — Ясир Арафат. В конце концов приходилось вступать в диалог, как только выяснялось, что вы, всласть навоевавшись десятилетиями, становитесь способными делать шаги к миру. Вот это меня несколько смущает. А в остальном я могу только приветствовать попытки найти форму диалога.

Ведущий: *Может ли быть Черномырдин единственным кандидатом демократических сил на выборах президента?*

Егор ГАЙДАР: Вряд ли. Но я бы сказал так: мы и сейчас не закрываем никаких возможностей. Наша позиция предельно простая, я еще раз ее повторю. На самом деле она является принятой нами стратегией Елены Георгиевны Боннэр, изложенной в ее письме мне, Федорову и Явлинскому: «Сейчас забудьте о президентских выборах, вам предстоят парламентские. Договоритесь о взаимодействии, создайте широкую коалицию. Принимайте парламентские выборы как праймериз по отношению к президентским. Посмотрите, кто сколько наберет. После этого выдвинете единого кандидата от демократов в президенты». Эта стратегия нами принята. Я надеюсь, что и другие демократы смогут ее принять.

Ведущий: *Несмотря на позицию Бориса Федорова по Чечне?*

Егор ГАЙДАР: Письмо Елены Георгиевны Боннэр было отправлено до того, как была озвучена позиция Федорова, и поэтому я перечислил всех, кому оно было адресовано. Но, по крайней мере, эта позиция сейчас складывается по отношению к Григорию Явлинско-

му. Но мы не закрываем дверь для возможности диалога с другими демократическими силами.

Вопрос обозревателя газеты «Известия»: *Сейчас Борис Николаевич Ельцин поехал в Липецк. Это город, в котором больше всего было подано голосов (в Российской Федерации) за Жириновского. Несколькими днями раньше стало известно, что Ельцин дал согласие встретиться с Жириновским. Черномырдин встречается с Жириновским и Лапиным. Невзоров становится певцом этой власти. Не кажется ли Вам, что мы сейчас повторяем в точности зиму 1991 г. — правый поворот Горбачева?*

Егор ГАЙДАР: Ну конечно, кажется. Честно говоря, мне это кажется очень давно. Мне это стало казаться к концу ноября, и, если Вы посмотрите наше заявление, буквально этими словами я пытался говорить. Кстати, сам Невзоров обратил внимание на очевидные параллели 1991, 1994 и 1995 гг. — Вильнюс, ГКЧП и соответственно сейчас — Чечня, Москва. Тогда не дожали Вильнюс, потом провалились в Москве. Сейчас надо дожать в Чечне, тогда будет успех здесь. Это Невзоров сказал.

Вопрос обозревателя газеты «Известия»: Вы не боитесь, что мы с Вами придем к 19 августа 1991 г¹.?

Егор ГАЙДАР: Конечно, боюсь, разумеется, боюсь. Считаю эту угрозу не неизбежной, но весьма серьезной. Это же продолжение той линии, о которой мы говорили: ослабляется влияние всех гражданских институтов, усиливается влияние военных. А потом в какой-то момент они приходят к убеждению, а, собственно, зачем президент, он только под ногами мешается, какой-то весь гражданский и все ищет старые связи с демократами? Поболеть бы ему надо немножко и т.д. Я не хочу тут спекулировать на конкретных механизмах, но то, что угроза насильственного изменения конституционного строя, представлявшаяся мне абсолютно исключенной

¹ Имеется в виду путч, организованный рядом консервативно настроенных деятелей из руководства СССР, создавших Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) с целью отстранить М. С. Горбачева от власти, сменить политический курс и не допустить назначенного на 20 августа подписания нового союзного договора, предусматривавшего создание вместо СССР Федерации Союза Советских Суверенных Республик (Союза Суверенных Государств). Путч вызвал народное сопротивление, закончился поражением, утратой власти КПСС, ускорением развала СССР. — *Прим. ред.*

полгода назад, просто за гранью реальности, сегодня становится (с невысокой вероятностью) возможностью, это точно.

Ведущий: *Егор Тимурович, голосование по бюджету во всех странах — это вопрос о доверии правительству, о доверии к экономической политике, а экономическое включает в себя все. Ваши голоса по вчерашнему голосованию за бюджет, голоса фракции «Выбор России» смешались с голосами ЛДПР и аграриев, в то время как коммунисты и «Яблоко» дружно проголосовали «против». Как бы прояснить?*

Егор ГАЙДАР: Очень просто. Мы, конечно, нестандартная парламентская демократия. У нас все более смешанно и сложно. Сейчас нам уже приходится дорого платить экономически за чеченскую авантюру. Не надо заблуждаться, это не когда-то придет, это сегодня: по тому, как растут цены в январе, по тому, как начали исчезать продукты с декабря, по тому, что происходит сегодня на валютном рынке, по тому, что произошло с процентными ставками, по тому, что происходит сегодня на рынке госзаказов. То есть можно и дальше долго перечислять. Уже сегодня мы — от простых домохозяйек до профессиональных экономистов — видим, насколько серьезным оказался этот удар по российской экономике. Дальше мы находимся в точке выбора. Очень легко, к огромному удовольствию значительной части сил в верхних эшелонах власти, и дальше идти по этому пути и быстренько-быстренько несколькими точными ходами развалить вообще все, что мы с огромным трудом и издержками сделали в экономике за последние годы. Начать, например, национализировать собственность. Слава Богу, этого не получилось, при том что на самом деле не надо недооценивать угрозу со стороны Полеванова¹, но дело же не в нем. Мы сейчас находимся на развилке. Можно попытаться удержаться, хотя бы не привести все дело к полному развалу, опять к неконвертируемому рублю, к десятичасовым очередям и т.д. А туда попасть можно очень легко.

У нас есть претензии к бюджету, что-то мы будем в третьем чтении корректировать. Мое предложение было индексировать бюджет в зависимости от реальных темпов инфляции. Это вполне мож-

¹ Полеванов Владимир Павлович в 1994 г. непродолжительное время был председателем Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом (Госкомимущества).—
Прим. ред.

но сделать. По нашему убеждению, сегодня принятие этого бюджета (кстати говоря, бюджета еще нет на самом деле) — это как бы строительство редута в борьбе за то, чтобы экономическая реставрация не состоялась. Редут не очень надежный и не очень устойчивый, но отказаться его выставить, на наш взгляд, было бы неправильно.

Ведущий: *Егор Тимурович, где для Вас красная линия, через которую Вы уже не сможете переступить в своих определенных надеждах и доверии к возможностям президента, правительства и т.д.? Через что Вы сейчас пока переступаете? Вот редут выстроить, чтобы не повернуть, лодку не раскачать?*

Где та красная линия лично для Вас? Не для фракции, не для партии. Для Егора Гайдара.

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что эта линия длинная и сложная, она проходит через много точек, наверное, через сохраняющуюся пока еще реальную свободу слова (тоже один из аванпостов, который стоит того, чтобы его защищать), через пока еще сохраняющуюся надежду на выборы в срок, через пока еще сохраняющиеся элементарные рыночные институты: конвертируемый рубль, свободные цены и т.д. Короче говоря, есть целый ряд точек, которые для меня являются предельно важными. Я в полной мере понимаю, насколько близко мы подошли к катастрофе, но в отличие от оптимистов прекрасно понимаю, насколько может быть хуже.

Опасная стратегия бюджетного дефицита

*Радиостанция «Радио России».
Передача «Персона грата». 25 июня 1998 г.*

Беседовал Виталий Ушканов

Ведущий: *Добрый день, Егор Тимурович! Мы с Вами уже встречались в рамках нашей программы, но было это достаточно давно, а в России все происходит очень быстро, очень бурно, и с тех пор много воды утекло, многое изменилось. Сейчас ситуация очень сложная, очень трудная, и я бы хотел начать именно с этого: что же, Егор Тимурович, произошло со страной? почему макроэкономические рецепты оказались шарлатанскими и финансовая стабилизация оказалась пишиком? И страна в который раз стоит на краю пропасти — не помогли ни политическая воля президента, ни присутствие молодых реформаторов, ни смена правительства, которые многие расценивают как ошибку. Может, останься Виктор Степанович на своем посту, все было бы по-другому, все было бы хорошо?*

Егор ГАЙДАР: Конечно, нет. Дело не в смене правительства и премьера Виктора Степановича Черномырдина. Дело как раз в той самой макроэкономике, о которой Вы сказали. На протяжении нескольких последних лет у нас в стране шел спор, в котором я и мои единомышленники отстаивали один простой тезис — наша страна в наших условиях не может позволить себе мягкую бюджетную политику. Короче говоря, не может позволить себе жить не по средствам. Не может позволить себе тратить больше, чем она получает, не может позволить себе бюджетный дефицит. Сколько раз ругали меня мои единомышленники за то, что я говорю про бюджетный дефицит, все равно еще раз повторяю: не может наша страна позволить себе бюджетный дефицит. Бюджетный дефицит — это

долги. За долги необходимо расплачиваться, это рост зависимости от финансового рынка, в том числе внутреннего и внешнего.

Наши оппоненты говорят: «Ерунда все это. Можно позволить себе бюджетный дефицит». Посмотрите все голосования в Думе последних лет — ДВР традиционно и всегда был практически единственной силой, которая голосовала и отстаивала идею сокращения бюджетного дефицита. Все остальные — от Явлинского до коммунистов — голосовали легко и непринужденно за бюджетный дефицит. Если вы имеете бюджетный дефицит, то постоянно наращиваете свой долг. Нарастивая свой долг, вы становитесь все более зависимым от того, как к этому будут относиться, скажем, международные финансовые институты.

Если у вас нулевой дефицит бюджета, то вам наплевать, например, на Международный валютный фонд (МВФ), он вам не нужен. Он не нужен, чтобы помогать вам. Вы можете сказать ему: «Извините, дорогие друзья, но мы будем сами проводить свою политику». Но если у вас есть крупный бюджетный дефицит, его кто-то должен финансировать, кто-то должен дать деньги — либо дорогие деньги с рынка, либо более дешевые деньги от МВФ, но под его условия. Тогда вы неизбежно становитесь более и более зависимым.

В определенной ситуации, более благоприятной можно было надеяться на то, что эта опасная стратегия не приведет к взрыву. Скажем, если бы дела на мировых рынках шли так, как они шли в 1997 г., то можно было бы продолжить этот путь, получить постепенное снижение процентной ставки, начать рост, потом начать сокращать долю заимствований. Стратегия крайне рискованная (мы об этом многократно говорили), но она давала бы какие-то шансы на успех.

Сейчас, когда ситуация радикально изменилась и ко всем вложениям в развивающиеся рынки стали относиться с огромной осторожностью, сразу стало ясно, что Россия из-за стратегии мягкой бюджетной политики, больших бюджетных дефицитов, которые поддерживали практически все политические силы в стране, оказалась одним из наиболее уязвимых элементов мирового рынка. И эту стратегию надо менять только в одну сторону, если вы не хотите катастрофы. Надо жить по средствам. Мне кажется, что я говорил об этом на протяжении семи последних лет, наверное, раз тысячу. Сейчас это просто данность. Раньше можно было спорить. Сейчас спорить не о чем — ясно, что подошли к пропасти. Надо рез-

ко сокращать расходы, расходные обязательства. Мы не можем позволить себе тратить больше, чем получаем. И в этом году страна на самом деле тратит на непроцентные расходы меньше, чем получает. На армию, врачей, учителей, образование мы можем направлять сегодня меньше, чем получаем, потому что у нас есть накопленные большие долги и нам нужно их обслуживать. И проблема сейчас важная у нас — это как раз большие долги.

Что с этими большими долгами делать? Они, правда, не такие большие относительно объема нашего производства, военного потенциала. Но они очень плохие — они короткие и дорогие. И когда мы говорим, что нам сейчас позарез нужны деньги, с чем я совершенно согласен, нам деньги эти нужны не для того, чтобы взять их и проесть. Если мы собираемся взять деньги и проесть, то это самое авантюрное, глупое, что вообще можно придумать. Нам нужны деньги именно и только потому, что мы уже поняли, что не по средствам жить нельзя, мы сегодня тратим меньше, чем получаем. Но нам нужно заместить страшно дорогой долг, который нас просто разоряет, гораздо более дешевым и долгосрочным долгом. Так что речь идет не о том, что вы заняли деньги и потратили, а о том, что вы заняли деньги под огромные проценты у ростовщика, а вам необходимо дозанять деньги под приличные проценты у приличного банка, расплатиться с ростовщиком и начать выводить свой бюджет из кризиса.

Ведущий: *Слушаешь ответ и тут же возникает множество новых вопросов. Против финансовых вливаний Запада возражают не только коммунисты (правда, коммунисты и сами в свое время с протянутой рукой стояли)...*

Егор ГАЙДАР: Мы в основном и занимаемся сейчас тем, что обслуживаем займы, которые они набрали...

Ведущий: *...но возражают и серьезные люди — ученые, академики, профессиональные экономисты. Как Вы думаете, занять деньги — это единственный в настоящее время выход из ситуации?*

Егор ГАЙДАР: Есть другой выход — резко сократить все непроцентные расходы, распустить армию, милицию, отказаться платить врачам, учителям, тратить все наши поступающие доходы на обслуживание короткого долга, резко увеличить профицит бюджета и таким образом справиться с нашими финансовыми проблемами. И тогда можно выйти из кризиса. Только почему-то мне ка-

жется, что эта стратегия малореалистична. У нас есть накопившаяся долговая проблема. Я подчеркну еще раз, что мы были, пожалуй, единственными, кто был категорически против того, чтобы накапливать эту проблему. Сегодня она реальность. Имеется где-то 123 млрд долл. внешнего долга, накопленного еще при Советском Союзе, 13 млрд долл. после его развала и около 400 млрд новых рублей внутреннего долга в ГКО¹. Долги необходимо обслуживать. Если мы перестанем их обслуживать, инвесторы уйдут с рынка, валютные резервы немедленно сократятся до нуля, банковская система обанкротится, люди останутся без своих вкладов. Для того чтобы их обслуживать, есть только два средства:

- мы либо прекращаем платить по любым другим обязательствам государства, в результате чего получаем анархию;
- либо максимально ограничиваем неэффективные расходы и при этом замещаем короткий долг долгом долгосрочным (скажем, можно платить по короткому долгу сегодня 50 % годовых, а можно занять под 7–8 %).

Понятно, что, занимая под 50 % и более годовых в течение нескольких месяцев, мы быстро придем к финансовой катастрофе. Поэтому необходимо срочно заместить займы дорогие займами дешевыми. Речь идет не о том, занимать или не занимать (уже занимали выше крыши!), а о том, как дальше занимать — дорого или дешево.

Ведущий: *Люди, которые дают дешево, ставят некие условия?*

Егор ГАЙДАР: Совершенно точно.

Ведущий: *Одно из условий — собирать по-людски налоги. Другое условие, насколько я понимаю, — это реформировать естественные монополии. Против сбора налогов никто, наверное, не возражает, хотя проект налогового кодекса как лежал в Думе, так и лежит. А реформирование монополий — это ведь прямая тропинка к потере Россией своей независимости, своей самостоятельности. Да или нет?*

Егор ГАЙДАР: Почему же? Во-первых, нормально собирать налоги нужно больше всего для нас самих. Разве это МВФ нужно, чтобы мы платили врачам, учителям, профессорам, офицерам? Главное

¹ ГКО — государственные казначейские обязательства — российские государственные облигации. — Прим. ред.

условие фонда, то, что для него по-настоящему важно, связано с наведением порядка в нашем собственном доме. Что говорит фонд? Он говорит: «Дорогие друзья, вы действительно назанимали выше крыши, начиная с Советского Союза. Если вы сегодня просто собираетесь брать у нас деньги и продолжать их тратить на текущее потребление, то долговая проблема будет обостряться и дальше. Поэтому наведите порядок в собственном финансовом доме, чтобы вам больше не понадобилось занимать на потребление, чтобы вы занимали только для того, чтобы вернуть старые долги и реструктурировать долг, чтобы он стал для вас дешевым и посильным».

Это позиция, с которой спорить просто невозможно.

Другое дело, что там есть набор всяких структурных мер, которые, кстати говоря, фонд волнуют достаточно мало. Кого они волнуют больше — так это Мировой банк. В том, что они говорят, есть идеи правильные, есть спорные, а есть просто неправильные. В фонде и банке работают живые люди, и иногда они имеют самые добрые намерения, которые просто не ложатся на наши реалии. Скажем, разве нам не нужно, чтобы счета Газпрома были прозрачные? Что, нам не нужно чтобы РАО «ЕЭС России» было устроено так, чтобы энергосистемы были заинтересованы в снижении тарифов? Нам не нужно, чтобы Газпром и РАО «ЕЭС России» платили своевременно налоги? Нам не нужно, чтобы снижались тарифы на перевозки на железнодорожном транспорте? Разве нам не нужно, чтобы там наводился финансовый порядок?

Короче говоря, все эти требования имеются в наших собственных программах. И мы с этими требованиями полностью согласны и собираемся выполнять. Другое дело, когда специалисты, которые хорошо знают американский опыт газовой отрасли и знают, что конкуренция на рынке газа очень полезна, предлагают нам следовать их опыту — ведь там так хорошо все работает. Это было бы приемлемо, если бы у нас газовая отрасль была устроена структурно так же, как в Америке, если бы у нас была тысяча мелких месторождений, то была бы возможность конкуренции между ними. А у нас четыре крупнейших месторождения, которые будут обеспечивать основную массу добычи на протяжении ближайших лет и десятилетий. И нужно ли устраивать конкуренцию между ними, учитывая, что у нас есть еще европейский рынок, на котором мы хотим быть монополистами, точнее, не хотим, чтобы на нем конкури-

ровали разные русские компании? Поэтому расщепление Газпрома, с нашей точки зрения, полная глупость. Но это условие фонда ни в коей мере не является жестким. Так что к фонду надо относиться как к нормальной большой квалифицированной бюрократической организации — с ним можно разговаривать, объяснять, доказывать. Не все, что они говорят, правильно. Не все, что они говорят, неправильно. Есть одна проблема — сегодня не они к нам пришли за деньгами. Сегодня так получается, что из-за мягкой бюджетной политики и больших бюджетных дефицитов, которые, еще раз подчеркиваю, поддерживали все — от коммунистов до «Яблока», — мы приходим к фонду и говорим: «Дорогой, дай дешевых и длинных денег». Он говорит, что даст при условии, если мы их не разбазарим.

Ведущий: *Давайте поговорим еще об одном пути выхода из кризиса, о котором ведется речь, — имею в виду девальвацию рубля. Некоторые, казалось бы, умные и грамотные люди говорят: «Давайте девальвируем рубль, будем контролировать, и все будет в порядке». К чему это может привести?*

Егор ГАЙДАР: На мой взгляд, эти суждения основаны на полном непонимании специфики именно российской финансовой системы. Если бы мы с вами жили в Японии или даже в Корее, то в такой ситуации, как наша, — ну что за беда, что за невидаль девальвация. Вот иена упала за последнее время по отношению к доллару на 50%. Да, это вызывает огромные проблемы на мировых финансовых рынках, но в самой Японии ничего не взорвалось, живут себе и живут, инфляция низкая, ничего страшного для нее не случилось. И марка падала по отношению к доллару, и доллар — по отношению к марке в свое время.

Вроде бы ничего страшного. Беда в том, что люди, которые так рассуждают, совершенно не понимают, чем отличается сегодня российская финансовая система от, скажем, финансовой системы развитой, устойчивой рыночной экономики. Там есть длинная история стабильности национальной валюты. Японец знает, иена — она вчера была иена, завтра будет иена и послезавтра будет иена. Чтобы там не было с курсом иены к доллару, он не побежит завтра менять свои иены на доллары и открывать долларовый счет. Там длинная история денежной стабильности, когда люди верят в свою национальную валюту, экономика не долларизована, все контракты выражены в национальной валюте, денег а экономике относитель-

но валового внутреннего продукта много. Тогда вопрос валютного курса действительно не столь важен — это вопрос платежного баланса и т.д.

У нас ситуация совершенно другая. Мы выходим из периода высокой инфляции, которая была следствием той же мягкой денежной политики. Мы все помним, как обесценивался рубль. Еще три года назад все задавали себе вопрос: переводить ли месячную зарплату в доллары или в этом месяце можно подождать? Мы только-только обрели элементарное ощущение некоторой устойчивости национальной валюты. Начался процесс дедолларизации экономики — доллар потихонечку начал утрачивать роль доминирующего средства сбережения, средства платежа. Начала постепенно расти доля национальных денег в экономике и вообще база надежды на экономический рост. И здесь пошли разговоры о девальвации рубля. Скажем, будет не шесть рублей за доллар, а десять. Если вы об этом узнаете, вы завтра побежите менять свои рублевые сбережения на долларовые. Я думаю, что так поступит любой разумный человек, потому что вы подумаете о том, что если завтра он будет не шесть рублей, а десять, то где гарантия, что послезавтра он не будет 15, а потом 25, а потом 225? Мы это не так давно проходили.

Поэтому у нас девальвация меняет массовое денежное поведение.

Начинается резкий рост долларизации экономики, резкий рост доли долларовых сбережений в инвестициях, давление массовое (не только банков, но и населения) на валютный рынок, и мы получаем не одну девальвацию, осторожную, регулируемую, — могли бы ее получить, если бы у нас была другая история, — мы получаем каскад девальваций, в рамках которого происходит стремительное падение курса национальной валюты, утрата доверия к ней, падение спроса на национальную валюту, разгон инфляции, рост цен. На этом фоне — паника инвесторов, дальнейший рост расходов на обслуживание долга, короче говоря, это никакое не разрешение проблемы, это один из шагов, направленных на расширение финансового кризиса с очень тяжелыми последствиями.

Ведущий: *То есть Вы не отказываетесь от своих достаточно жестких слов, что за девальвацию может выступить только безграмотный недоумок.*

Егор ГАЙДАР: Абсолютно уверен в том, что я прав. Сегодня в России — да. Либо такой человек, либо абсолютно безответственный человек, которому не дороги интересы его страны.

Ведущий: *Есть мнение, что Вы, именно Вы изменили ход, плавное течение российской истории. Кто-то Вас считает героем, кто-то — Геростратом. Вторых, надо признать, гораздо больше. Как Вы думаете, наступит ли в России время, когда будет больше первых, которые Вам скажут спасибо? Вы втайне ждете этого времени?*

Егор ГАЙДАР: Исторически да, я убежден, что наступит. Также убежден, что наступит не скоро. Сравнительно недавно я прочитал книжку Яцека Куроня «Семилетка, или Кто украл Польшу». Проведение реформ в Польше сопровождалось большей политической поддержкой, преемственностью курса. Там много сделано из того, что мы с самого начала прокламировали, хотели, за что боролись, но что нам не позволили сделать обстоятельства. У реформаторов Польши было больше времени на проведение реформ. В результате польская экономика растет в последние пять лет, являясь одной из самых быстрорастущих в Европе. Там реальные заработки выплачивают вовремя, они быстро растут и при этом уровень ненависти по отношению к тем, кто начинал реформы, практически тот же самый, что и у нас (Яцек Куронь специально исследовал этот феномен). Я хорошо понимаю почему. Общественное сознание при социализме по своей природе было сознанием инфантильным в понимании отношений человека и государства.

Что такое государство для нормального, скажем, американца или нормального англичанина? Это агент по выполнению некоторых функций, высокооплачиваемый, уважаемый наемный агент, который регулирует, скажем, правила контрактов, способствуя их выполнению. Но это он делает на деньги этих самых нормальных американцев, у него нет своих денег.

Что такое государство при социализме? Это одновременно строгий отец и добрая мать. Это не наемный агент. Государство при социализме — хозяин, оно может наказать ослушников, а может конфетку дать и т.д. Но в поздний социалистический период, когда режим явно выдыхается, слабеет, это инфантильное сознание меняет свой знак — теперь государство не справедливый отец, а злой, но слабый и трусливый отчим. Его надо потрясти хорошенько, и он даст. Детское постсоциалистическое сознание хорошо знает, что

в других домах, западных, и конфеток дают больше, и родители там ласковее. И если прогнать отчима, то и у нас будут ласковые, добрые капиталистические мама с папой, которые будут кормить нас сладкими пирожными. Как в Швейцарии, как в Америке, как в Канаде, которые не имели коммунистического эксперимента и шли к этому на протяжении нескольких столетий.

То есть отсутствует понимание, что, когда у тебя разваливается, взрывается коммунистический режим и ты остаешься на обломках, тебе нужно огромным собственным трудом наверстывать то, что не наверстали несколько поколений предшественников, и ни в какую Швейцарию ты сразу не попадешь. Такое понимание массовым никогда не бывает. Да, можно совершить экономическое чудо, как в Польше, но все равно ведь в Америке-то жизнь намного лучше, и потребуются по крайней мере лет 30, чтобы приблизиться к той жизни,

И разрыв между тем, чего многие люди ожидали, и тем, что реально достижимо, на мой взгляд, самая главная психологическая проблема постсоциализма.

Ведущий: *А как же быть с людьми, которые работают и при этом не получают денег?*

Егор ГАЙДАР: Давайте разделим эту проблему на две части. Первые из этих людей — бюджетники: врачи, учителя, военнослужащие. Если они не получают зарплату, то это проблема бюджетного авантюризма, когда принимаешь обещание явно непосильное, а потом не можешь его выполнить. Пример классический. Одна из самых богатых областей в России — Свердловская имела в прошлом году самые серьезные проблемы по выплате заработной платы. Почему? Потому что Э. Россель перед губернаторскими выборами резко повысил заработную плату врачам и учителям. Он был избран губернатором, а потом выяснилось, что платить он не может и просит помощи у федерального центра.

Есть вторая проблема. На самом деле значительная часть проблем невыплаты заработной платы в коммерческом секторе — это проблема реальной скрытой безработицы. Получается, что люди работают и по полтора года не получают заработной платы. Такое трудно представить. Реальность часто заключается в том, что многие предпочитают числиться на стоящем оборонном заводе, реально работая, например, в коммерческом секторе, где не урегулиро-

ваны его трудовые права и отсутствует элементарная социальная защищенность. Поэтому, кстати, люди и продолжают формально находится на неработающих предприятиях и в организациях, не получая там ничего. Добавьте к этому, что людей волнует социальный статус, ведь еще совсем недавно можно было угодить в тюрьму за так называемое тунеядство. Вообще у нас отношение к безработному гораздо хуже, чем в обществе с нормальной, устойчивой рыночной экономикой. Многие и по этой причине не хотят быть безработными, хотя точно знают, что на их стоящем предприятии работы нет и им никто не заплатит.

Ведущий: *Егор Тимурович, о ситуации в Вашей партии — «Демвыборе России». Недавно у Вас прошел съезд, на котором очень ярко выступил Анатолий Борисович Чубайс. После этого в прессе появились утверждения о том, что в партии появляется второй лидер. Вы с Анатолием Борисовичем как будете делить пальму первенства? Возможно ли, что Вы из-за этого рассоритесь, — так ведь у многих бывало в жизни?*

Егор ГАЙДАР: Нет, невозможно. Мы с Анатолием Борисовичем знакомы много-много лет. И за нами тяжелая, драматичная история борьбы за рыночную экономику и сохранение демократических институтов в России. Это сплачивает. И представить себе, что мы рассоримся из-за того, кто будет играть какую роль в «Демократическом выборе России», было бы очень смешно и странно. У нас с Анатолием Борисовичем как бы давнее распределение функций и сравнительных преимуществ. Мы прекрасно знаем, что я умею делать лучше. Мы прекрасно знаем, что он умеет делать лучше. Мне кажется, что мы неплохо дополняем друг друга. Я думаю, что и дальше мы будем работать вместе.

Ведущий: *Насколько верны утверждения, что Вы и Ваши люди, Ваша команда имеете отношение к антикризисной программе нынешнего правительства?*

Егор ГАЙДАР: Антикризисная программа, разумеется, это программа правительства, а не наша. Наша роль здесь вполне понятна — это роль советников, консультантов. Да, многие из наших предложений инкорпорированы в антикризисную программу правительства. Это правда. Но это антикризисная программа правительства. Отнюдь не все, что там написано, написано с наших слов, и не со всем, что там написано, я в полной мере согласен.

Ведущий: *Удастся ли ее воплотить? Хватит ли политической ответственности у той же Государственной думы, чтобы не действовать все-таки по принципу чем хуже, тем лучше?*

Егор ГАЙДАР: В том, что касается сферы полномочий правительства и президента, а довольно многое в программе относится к сфере их полномочий и может быть сделано в рамках действующего законодательства, я надеюсь, что хватит. Просто ведь нет другого выхода.

Что касается большинства Думы, то здесь ситуация предельно простая. У нас в Думе самая большая фракция — это фракция коммунистов. Можно по-разному относиться к коммунистам, к коммунистической идеологии, но есть один фундаментальный факт — за коммунистов сегодня в России голосуют в первую очередь люди бедные, люди, которым плохо. Соответственно, чем лучше в стране, тем меньше людей бедных и тех, кому плохо, тем меньше голосов у коммунистов. Объективно коммунистическая фракция заинтересована в том, чтобы в стране было плохо. Может быть, они такие альтруисты и совсем об этом не думают. Но объективно — чем хуже, тем больше за них голосов. В какой степени, принимая решение, они будут руководствоваться интересами страны, а в какой степени интересами собственного политического успеха и выживания, мы увидим в ближайшие месяцы.

Ведущий: *Мы не будем изменять традициям нашей передачи, поэтому в ее конце наш блиц, быстрый вопрос-ответ. С кем из профессионалов оппозиции — экономистов Вы могли бы вести нормальный разговор за чашкой чая?*

Егор ГАЙДАР: С Сергеем Глазьевым.

Ведущий: *Каким блюдом Вы способны не просто накормить, но и удивить своих гостей?*

Егор Гайдар: Удивить вряд ли. Накормить пельменями.

Ведущий: *Магазинными?*

Егор ГАЙДАР: Нет. Домашними. Магазинные пельмени — это все-таки издевательство.

Ведущий: *Случалось ли, что Ваших детей пытались упрекнуть за Вашу деятельность?*

Егор ГАЙДАР: Да.

Ведущий: *Есть ли у Вас охрана?*

Егор ГАЙДАР: Да.

Ведущий: *Не устаете ли Вы от ее присутствия?*

Егор ГАЙДАР: Нет, привык.

Ведущий: *И при всей Вашей нелюбви к сослагательному наклонению прошу ответить на вопрос: если бы вернулся 1991 г. и Вы знали бы, чем это все закончится, Вы согласились бы взвалить на себя эту тяжкую ношу, зная, что потом не понесут цветы корзинами?*

Егор ГАЙДАР: Да, я знал об этом с самого начала.

Почему МВФ выделил очередной транш кредита?

Радиостанция «Эхо Москвы». 28 июня 1998 г.

Ведущий — Алексей Венедиктов

Ведущий: У нас сегодня в гостях Егор Гайдар, который возглавлял в свое время правительство страны, Министерство финансов, и тема сегодняшнего нашего с ним разговора — это кредиты Международного валютного фонда (МВФ). Очень много разговоров в последнее время ведется вокруг очередного транша кредита МВФ — зачем и на что предоставлен этот кредит 670 млн долл.?

Егор ГАЙДАР: Это кредит, предоставленный на поддержку российского бюджета. Так как сегодня российский бюджет исполняется с превышением текущих доходов над текущими расходами, то практически все, что мы берем сейчас у МВФ, используем на реструктурирование накопленного долга.

Ведущий: То есть, грубо говоря, сейчас эти деньги не будут проедаться?

Егор ГАЙДАР: Нет, они сейчас не будут проедаться. У нас по первым месяцам этого года превышение текущих доходов над текущими расходами составляет 0,7 ВВП, это довольно много, и эти деньги пойдут только на обслуживание накопленного долга.

Ведущий: Вот эти 670 млн долл. — это часть довольно большого кредита 10 млрд долл., который растянут на 3 или уже даже на 4 года, а предыдущие транши все-таки проедались? Какие у нас отношения на сегодня с МВФ?

Егор ГАЙДАР: Ситуация следующая: у нас в последние 3 года проводилась политика, которую можно было бы назвать жесткой в денежном отношении и мягкой в бюджетном. Подавляющая часть политического спектра в России все последние годы была за мяг-

кий бюджет. Ведь слова «жесткая бюджетная политика», «сокращение бюджетного дефицита» режут слух. Меня даже мои сторонники умоляли: «Ну не говори ты этого, ну что же ты все про жесткую политику и снижение дефицита, ну как можно...» А на самом деле если ты проводишь мягкую бюджетную политику, то накапливаешь долг. Накапливаешь долг — значит, кто-то должен тебе финансировать его обслуживание. Два пути — идти или на международный финансовый рынок, к международным финансовым организациям, или на внутренний рынок. Идти на международный финансовый рынок — значит впасть в зависимость от него, на внутренний финансовый рынок — дорого и очень короткие сроки заимствований. И то, и другое опасно. Какое-то время казалось, что это можно делать, но с осени стало очевидным, что это очень опасно, и с конца прошлого — начала этого года бюджетная политика уже начинает ужесточаться. С начала этого года мы расходует на текущие нужды меньше, чем собираем. Так что начиная с этого года мы не проедаем то, что заимствуем.

Ведущий: *Вы не боитесь, что страна может сесть на «долговую» иглу и привыкнуть к этому? Привыкнуть брать, и брать, и брать... Не может так выработаться психология жить взаимно?*

Егор ГАЙДАР: Я, конечно, этого боюсь, но только надо понимать, что эта проблема родилась не сейчас, не вчера и не позавчера. Произошло это еще в советские времена, мы унаследовали по состоянию на 1991 г. где-то 110 млрд долл. внешнего долга, и в общем с тех пор большая часть денег, которые берем, по крайней мере на мировых финансовых рынках, идет на обслуживание этого долга. Да, это действительно очень опасно, это действительно «игла», от нее надо отвыкать. Только в текущем году за последние месяцы правительство стало поворачиваться к более жесткой политике, соответственно пытается с этой иглы сойти, а это, между прочим, больно, ломка возникает. Финансовый кризис — это в некотором смысле явление этой ломки.

Ведущий: *Но тем не менее долг накапливается и все больше и больше денег уходит на его обслуживание, и ваши политические оппоненты, оппоненты правительства, левая оппозиция, прежде всего говорят о том, что эти долги лягут тяжелым бременем на внуков. Я понимаю, что это популистский лозунг, но тем не менее это тоже факт. Так что же делать?*

Егор ГАЙДАР: Это все абсолютно правильно. Только очень интересна позиция людей, которые все это время, все эти годы выступали за мягкую бюджетную политику, в каждом году голосовали за то, чтобы бюджетный дефицит был побольше, и при этом жалуются, что растут долги. Как же так, говорят, бюджетный дефицит надо побольше, а долги чтобы не росли. Так не бывает. Долги растут, потому что есть бюджетный дефицит. Поэтому делать нужно, собственно, две вещи. Первое — наводить порядок в собственных финансах. Если этого не сделаем, если не перестанем тратить больше, чем мы реально собираем, никакие кредиты ни МВФ, ни МБРР¹ вообще не помогут, потому что долг будет расти, как снежный ком. Второе — если мы договорились — а мы договорились, по крайней мере, это сказало правительство очень четко, — что больше не будем брать для того, чтобы проедать, и соответственно у нас будет дефицит первичный и в этом году, и в следующем году, то дальше возникает проблема: а что делать с этой лавиной, накопленной за годы мягкой бюджетной политики. И здесь главная задача предельно проста. Беда не в том, что у нас огромный долг (он не огромный по международным меркам, отнюдь не огромный, он вполне умеренный по любым международным стандартам. Скажем, по параметрам долга нас приняли бы в Европейскую валютную систему, в евро мы проходим в отличие, например, от Бельгии или Италии), а в том, что он очень «плохой» — очень короткий и дорогой.

Ведущий: *То есть деньги даются на короткое время?*

Егор ГАЙДАР: Если вы берете на 15 лет под низкие проценты — у вас огромная возможность маневрировать долгом. А когда вы берете в среднем на 9 месяцев под высокие проценты, то это очень опасно, потому что любые колебания на финансовых рынках могут вывести вас из состояния равновесия. Поэтому главная задача — заместить этот короткий и дорогой долг длинным и дешевым. Собственно, что такое программа МВФ, о которой мы сейчас гово-

¹ МБРР — Международный банк реконструкции и развития — основное кредитное учреждение Всемирного банка, специализированное учреждение ООН, международный инвестиционный институт, учрежденный одновременно с МВФ по решению Международной валютно-финансовой конференции в Бреттон-Вудсе в 1944 г. В отличие от МВФ предоставляет кредиты под конкретные проекты, направленные на экономическое развитие, особенно в отрасли инфраструктуры (энергетика, транспорт, связь), сельское хозяйство, а также кредиты на улучшение структуры экономики, оздоровление платежного баланса и др. — *Прим. ред.*

рим? Это в первую очередь программа, которая позволяет укрепить наши валютные резервы и одновременно создать базу замещения дорогого и короткого долга длинным и дешевым.

Ведущий: *Но таким образом мы, видимо, просто продлеваем историю?*

Егор ГАЙДАР: Нет. Если бы мы продолжали заниматься, чтобы тратить, — взяли бы сейчас 670 млн для того, чтобы решить наши проблемы с учителями, врачами, массу важных проблем, если бы взяли и потратили, — тогда я бы с Вами согласился. Но нет, сегодня, хотя мы собираем налогов немного, тратим все-таки меньше. Значит, мы этот краник перекрыли. Далее — есть проблема накопленной ранее негативной инерции. Большие дорогие долги — большие расходы на их обслуживание. Главная задача — сделать обслуживание более дешевым. Сделать обслуживание дешевым — значит снизить процентную ставку. Когда вы сегодня занимаете, например, под 53% на внутреннем рынке или под 7% у МВФ, то вы понимаете, что это разница в несколько раз.

Ведущий: *Президент на расширенном заседании правительства сказал о том, что финансовые проблемы в стране грозят перерасти в социальные. Представим себе, что 30 июня приходит транш, а политическая ситуация 1 июля обострилась, — не пойдет ли правительство на то, чтобы 670 млн долл. потратить на заработные платы?*

Егор ГАЙДАР: Даже если бы и хотело, у него бы не получилось, потому что в условиях нынешнего жесткого финансового кризиса правительство не может допустить «дефолта» по своим обязательствам.

Ведущий: *То есть обмануть?*

Егор ГАЙДАР: Да. Вы представляете, если завтра Россия не оплатит свои внутренние или внешние долги? Представляете, что произойдет дальше, через несколько месяцев? В стране вообще будет хаос. Поэтому правительство вынуждено платить ровно столько, сколько надо платить. Управлять можно в долгосрочной перспективе, а в течение ближайших дней ты точно знаешь, кому должен платить. И ты точно знаешь, что бы у тебя ни происходило, ты это сорвать не можешь. И именно на эти цели, без всякого сомнения, пойдет сегодня транш кредита МВФ.

Ведущий: *Но тем не менее как быть с социальными проблемами, если деньги МВФ не пойдут на то, чтобы гасить в пожарном порядке возникшую ситуацию с шахтерами и врачами? Знаменитое заявление Алексея Кудрина, которое по форме, как кто-то правильно сказал, безобразно, а по сути правильно — о сокращении бюджетников, расходов. Судя по всему, расходы действительно сокращаются?*

Егор ГАЙДАР: Действительно сокращаются.

Ведущий: *Но это же обостряет социальные проблемы. Денег-то нет.*

Егор ГАЙДАР: Здесь есть две разные проблемы — структурная и стратегическая. Да, для того чтобы исправлять проблемы, для того чтобы вовремя выплачивать заработную плату, надо научиться тратить денег столько, сколько есть, а не столько, сколько хочется. Для этого нужно перекрывать основные каналы разбазаривания государственных денег, они есть, и это самые первые резервы, но если мы все перекрыли, и денег все равно не хватает — конечно, надо приводить свои обязательства в соответствие с возможностями. Это неприятно и тяжело, но это приходится делать. Это стратегическая вещь. А краткосрочная — связь между кризисом и социальными проблемами — она более жесткая и простая. Еще раз подчеркиваю, если у вас тяжелый финансовый кризис — значит, есть недоверие к способности государства удерживать под контролем финансовую политику. Пока есть это недоверие, нам очень неохотно дают в долг как внутренний, так и внешний рынки. Если нам неохотно дают в долг внутренний и внешние рынки, значит, обслуживание накопленного короткого долга составляет огромную проблему. Значит, мы вынуждены текущие доходы в значительном масштабе тратить на обслуживание долга. Это значит, что у правительства почти совсем исчезает свобода маневра. Ведь иногда действительно необходимо дать деньги — мы их обещали, должны дать, но если у тебя их физически нет на протяжении одной недели, двух...

Ведущий: *Тогда что делать?*

Егор ГАЙДАР: А это значит, что нам нужно как можно скорее выходить из финансового кризиса. Мы живем в этом состоянии примерно пять недель с некоторыми колебаниями и перепадами, но можно протянуть еще три-четыре недели, но не пять месяцев. Так нельзя. Тогда действительно будет очень опасно.

Ведущий: *Еще один вопрос — известно, что транш, который получен сейчас, январский и МВФ не давал его практически полгода, ссылаясь на то, что плохо собираются налоги. Насколько я понимаю, во время смены правительства, а затем и увольнения А. Починка из-за того, что еще хуже стали собираться налоги, по идее, МВФ не должен был бы давать этого январского транша, если это действительно их формальная позиция. Как Вы думаете, почему все-таки МВФ наступил себе на горло и выделил этот транш?*

Егор ГАЙДАР: Во-первых потому, что правительство предложило в своей антикризисной программе и программе очередных действий набор дополнительных мер, направленных на улучшение собираемости налогов. Программа как бы вся структурирована вокруг мер, направленных на то, чтобы мобилизовать дополнительные доходы. И в общем меры показались фонду достаточно разумными и убедительными, у него возникло ощущение, что правительство серьезно поворачивается к решению этой проблемы. Это был базовый повод. И конечно, второе обстоятельство, которое нельзя не учитывать, — фонд также прекрасно понимает, что мы живем сейчас в условиях очень жесткого кризиса и какие-то решения, которые бы радикально дестабилизировали положение — отказ фонда предоставить правительству этот транш кредита, — очень больно ударили бы по рынку. Но в общем просто никто не хочет нам повредить сознательно.

Ведущий: *Тогда получается, что это произошло автоматически, — фонд посчитал, понял, что не надо заваливать Россию, надо ей помочь, фонд посмотрел программу и сам автоматически дал этот транш.*

Егор ГАЙДАР: Нет, так не бывает, конечно. Фонд — это большая международная бюрократическая организация со своими правилами игры. И там есть свобода маневра, но есть и процедуры. И эти процедуры должны были быть соблюдены, и переговоры должны были быть проведены на хорошем уровне, и переговоры должны были быть проведены людьми, которые вызывают доверие в фонде, и только тогда это решение могло быть принято. Ведь ровно неделю назад в условиях не менее жесткого финансового кризиса нам таки отказали в кредите и могли бы отказывать и дальше при всем понимании того, что здесь может произойти. Просто потому, что плохо была выстроена стратегия приема миссии МВФ.

Ведущий: *Теперь о стабилизационном кредите, о котором только сегодня начинаются переговоры в Москве. Недавно А. Чубайс зая-*

вил, что России нужно от 10 до 15 млрд долл. Первое — что такое стабилизационный кредит? Второе — для чего он нужен?

Егор ГАЙДАР: Во-первых — еще окончательно не определена форма того пакета, по поводу которого мы будем вести переговоры с МВФ и Мировым банком, т. е. ясно, что это будет серьезный пакет, большой, ясно, на что он нужен, — в первую очередь для пополнения валютных резервов и в связи с этим — для восстановления доверия к способности России решать свои краткосрочные долговые проблемы.

Ведущий: *Сегодня пришла информация о том, что наши золотовалютные резервы составляют 16 млрд. Этого мало?*

Егор ГАЙДАР: Этого мало. Дело в том, что есть показатель, на который смотрят все финансисты, которые работают на рынке. Это отношение краткосрочных обязательств страны к ее золотовалютному резерву. Суть всей проблемы в том, что до 10 ноября у нас это соотношение было по международным стандартам вполне приличным, а на протяжении последующих месяцев существенно ухудшилось. Короче говоря, возникает ситуация, когда у нас золотовалютные резервы значительны, но они меньше, чем наши годовые обязательства по собственным краткосрочным бумагам. Рынок смотрит на эту цифру и говорит: «Ага, а если что-то такое случится и начнется массовый отток — так у них же меньше резервов, чем у нас их активов, и что будет после этого?» Поэтому важнейшая задача — довести это соотношение до нормальных принятых в мире пропорций. Скажем, сегодня добавьте к нашим золотовалютным резервам 10 млрд и все это будет смотреться абсолютно нормально, не хуже, чем на любом из развивающихся рынков.

Ведущий: *То есть не обязательно даже эти деньги вагонами везти в Россию?*

Егор ГАЙДАР: Если будет предоставлена только кредитная линия, т. е. если будет известно, что российский банк при мощном давлении на рубль сможет эту кредитную линию использовать, послезавтра ситуация на российском финансовом рынке радикально изменится.

Ведущий: *Возможна ли девальвация рубля? В нашем эфире член правительства И. Хакамада сказала, что, если Правительству России не будет предоставлен стабилизационный кредит, не исключена девальвация рубля. Как это связано?*

Егор ГАЙДАР: Связано это следующим образом — во-первых, в наших условиях девальвация рубля — это не какой-то политический выход, на самом деле девальвация рубля в наших условиях — это начало глобальной финансовой дестабилизации, возврат к финансовому хаосу, к череде девальваций, к очень серьезному дальнейшему сокращению непроцентных расходов, усугублению бюджетного кризиса, резкому всплеску инфляции. Короче говоря, это огромный удар по российской экономике, по всему, что необходимо для экономического роста в ближайшие годы. Так что девальвация не решение проблемы. Но конечно, если развитие событий будет крайне неблагоприятным, если Россия не получит сейчас серьезной финансовой помощи, то мы можем оказаться в положении, когда вынуждены будем проводить девальвацию, поскольку уже нечем будет защищать курс рубля. Мы же не можем объявить курс рубля и не защищать его. Вот это реальная угроза. Я оцениваю ее пока как сравнительно невысокую, честно говоря, именно потому, что я с высокой степенью надежды рассматриваю вопрос о предоставлении сейчас кредита. Ситуация достаточно очевидная, правительство в общем пытается делать абсолютно правильные вещи, риски очень хорошо ясны, и в связи с этим я надеюсь, что переговоры с фондом и банком будут весьма конструктивны.

Ведущий: *Председатель Госдумы Геннадий Селезнев сегодня заявил о том, что если брать этот стабилизационный кредит, то он «вылезает» за рамки Закона о внешних заимствованиях, т.е. здесь нужно согласие Государственной думы.*

Егор ГАЙДАР: Это правовой вопрос. У меня такое ощущение, что в бюджете за этот год записано было положение, что правительство имеет право замещать внутренние заимствования внешними в целях снижения расходов на обслуживание долга. Так мы и занимаем-то не для того, чтобы проесть, а для того, чтобы заместить другие долги — долги, номинированные в рублях. Я не думаю, что здесь возникает правовая коллизия.

Ведущий: *Но возникает политическая проблема — либо стабилизационный кредит, либо девальвация?*

Егор ГАЙДАР: Возникает другая проблема — либо стабилизационный кредит и разумная, но жесткая финансовая политика, либо финансовый хаос.

Ведущий: *Совершенно очевидно, что МВФ потребует реформирования естественных монополий, пенсионной реформы — выполнения старых требований МВФ. О чем переговариваться с фондом?*

Егор ГАЙДАР: Переговариваться с фондом надо о том, что делать, и в первую очередь о том, что делать для того, чтобы потом иметь возможность фонду эти деньги вернуть. Большая часть из того, какие будут условия фонда, — абсолютно разумные вещи. Фонд будет настаивать на том, чтобы у нас собирались налоги. Фонду нужно, чтобы у нас платили военным, врачам, учителям. Фонд будет настаивать на том, чтобы мы не разбазаривали деньги и обеспечили жесткий казначейский контроль за исполнением бюджета, чтобы процедуры закупок были тендерными. Фонду надо, чтобы у нас не воровали. Короче, большая часть всего, на чем будет настаивать фонд, — это абсолютно разумные меры, большая часть из которых, собственно, содержится в программах правительства. Только фонд — строгий партнер по переговорам. Если программу правительства можно написать и забыть, то и с фондом записать и забыть можно, но тогда не получишь очередного транша. Конечно, при этом будут обсуждаться и разные структурные меры. Я знаю ситуацию очень хорошо и не понаслышке и знаю, что в отношении структурных мер фонд будет занимать позицию конструктивную, т.е. всяких глупостей — мол, сделайте под нашу диктовку это и это и еще это независимо от того, хорошо это для вас или нет, — вот этого, я убежден, не будет. Об этом речь не идет. Большую часть того, что будет требовать фонд, нужно нам самим. Нам самим нужно, чтобы у нас была «прозрачная» отчетность естественных монополий, чтобы снижались издержки в этих естественных монополиях, чтобы они платили налоги. А если там будут идеи, которые нам не подходят, то, я вас уверяю, в процессе переговоров их всегда можно изменить.

Ведущий: *Поддерживаете ли Вы предложения по налоговой реформе, которые озвучил Борис Федоров, кажутся ли Вам эти меры правильными и возможными для введения?*

Егор ГАЙДАР: Во-первых, есть предложения, которые озвучил Б. Федоров, во-вторых, есть законы, которые внесены правительством, это немножко разные вещи. Я горячо поддерживаю основную идею, которая была сформулирована, она является строгим повторением того, за что мы всегда выступали, — это идея «плоского»

подоходного налога. Короче говоря, чтобы у нас не начинала быстро расти прогрессия налогообложения для среднедоходных групп населения. У нас в стране дурные налоговые традиции и дырявая налоговая система, и если вы хотите сразу в этой стране заставить людей платить столько, сколько платят люди в Швеции, у вас ничего не получится, не будут платить вовсе. Поэтому я всегда был глубоко убежден и остаюсь убежденным в том, что путь к тому, чтобы в России собирались налоги, — это путь предельного упрощения налоговой системы и снижения налоговых ставок на среднедоходные группы населения. В этом была главная идея того налогового кодекса, который прошлое правительство представило в Думу — плоская шкала, 12 % почти на все среднедоходные группы населения, потом 35 % для тех групп, в которых доходы уже высокие, но там зато снимаются социальные платежи. По-существу, плоское налогообложение. То, что сейчас внесло правительство, — это, на мой взгляд, полумера и компромисс. И в процессе обсуждения это так и рассматривалось — через Думу не пройдет, кто же там поддержит, чтобы так радикально снизить налоги на среднедоходные группы населения, давайте поэтому поосторожнее. На мой взгляд, сейчас, в этой кризисной ситуации, осторожность абсолютно не обязательна.

Ведущий: *В прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы» был Егор Гайдар.*

Ситуация тревожна

Радиостанция «Возрождение — XXI век». 10 сентября 1998 г.

Опубликовано в: Демократический выбор. 1998. № 37 (113). 17–23 сентября

10 сентября Е. Т. Гайдар в прямом эфире радио «Возрождение», в программе «Ваш выбор», отвечал на вопросы ведущего и радиослушателей. Благодаря ведущему программы Я. Сильберу, любезно предоставившему нам запись своей передачи, мы представляем Вашему вниманию наиболее интересные фрагменты состоявшегося разговора.

Ведущий: *Егор Тимурович, как Вы видите сегодняшнюю ситуацию, учитывая, что, с моей точки зрения, фактически кризис политический стремительно катится к своему, ну скажем так, завершению.*

Егор ГАЙДАР: Я рассматриваю сегодняшнюю ситуацию как по-прежнему весьма тревожную. Политический кризис, если понимать под ним отсутствие правительства, катится к завершению. Совершенно ясно, что завтра в пять часов дня Евгений Максимович Примаков будет утвержден премьером подавляющим числом голосов депутатов Государственной думы. Ясно, что он сформирует свое правительство, что Правительство России будет существовать. И это будет означать некую как бы политическую стабильность. Ясно и то, что произошло за последние месяцы. Собственно, думское большинство на протяжении последних лет делало все возможное для дестабилизации финансового положения в России. Этот тезис можно подтверждать длинным набором аргументов. Принимая абсолютно непроработанные, необоснованные финансово законы, не принимая законы, необходимые для того, чтобы собирать доходы для покрытия этих обязательств, принимая заведомо неисполнимый бюджет, Дума с каждым шагом добивалась экономиче-

ской дестабилизации. Ей в общем с течением времени при помощи ошибок исполнительной власти удалось добиться своих целей. Экономическая дестабилизация 23 августа перешла в политическую дестабилизацию. Правительство Кириенко было отправлено в отставку, что открыло период торгов с думским большинством, завершающийся сейчас формированием правительства Примакова. В связи с этим сейчас главное не личные качества и автобиография, о которой много сейчас говорят в печати. Главное — политический итог происходящего, то, что думское коммунистическое большинство сумело добиться формирования правительства, которое его устраивает. Это его в некотором смысле правительство. Это его инициатива. Так что путь от экономической дестабилизации, от подрыва финансовой стабильности до формирования правительства коммунистического доверия мы прошли. Другое дело, какую политику это правительство коммунистического доверия будет проводить и какие будут последствия этой политики. Насколько стабильной будет эта политическая стабильность, которая грезится нам в ближайшие дни. Честно говоря, боюсь, что эта экономическая политика будет находиться под сильным влиянием той экономической идеологии, которую проводит КПРФ¹ и фракция КПРФ в Думе. И в связи с этим попытка реализации этой политики приведет к быстро нарастающей экономической дестабилизации.

Ведущий: *Егор Тимурович, я Вас перебыл, приношу свои извинения. Я, честно сказать, не представляю финансовую, экономическую политику КПРФ. Я представляю себе экономическую политику ДВР², «блока»³, более-менее представляю себе экономическую политику ЛДПР⁴, точнее, отсутствие всякой политики. В общих чертах я идентифицирую экономическую политику НДР⁵ с тем, что делал Виктор Степанович Черномырдин, но кроме заверения господина Зюганова, что у них есть экономическая программа, я ничего не слышал, в чем, собственно, ее суть. С этой точки зрения не очень-то могу по-*

¹ КПРФ — Коммунистическая партия Российской Федерации. Лидер — Геннадий Зюганов. — *Прим. ред.*

² ДВР — партия «Демократический выбор России». Лидер — Егор Гайдар. — *Прим. ред.*

³ «Яблоко» — название партии. Лидер — Григорий Явлинский. — *Прим. ред.*

⁴ ЛДПР — Либерально-демократическая партия России. Лидер — Владимир Жириновский. — *Прим. ред.*

⁵ НДР — Всероссийское общественно-политическое движение «Наш дом — Россия». Лидеры — Виктор Черномырдин, Владимир Рыжков, Дмитрий Аяцков. — *Прим. ред.*

нять Ваши опасения: вот если они начнут проводить свою программу. А она у них есть?

Егор ГАЙДАР: Конечно, экономическая программа коммунистов, это вербальная программа. Она абсурдна, из нее мало что можно почерпнуть. Но если Вы посмотрите их бюджетные голосования, за что фракция голосует при утверждении любого бюджета, что важнее всяких программных деклараций, то увидите, что это всегда увеличение государственных расходов, сокращение доходов, увеличение бюджетного дефицита в разных формах. Фракция КПРФ всегда голосует за любые законы, которые бы вели к некоторой финансовой нестабильности. Там действует не программа, а инстинкты, и инстинкты очень простые. Вот три простых элемента такой «программы». Напечатать много денег, разделить эти деньги, ввести различные формы регулирования, с тем чтобы можно было, как им представляется, управлять. Причем это не надо писать длинными томами, все вырастает из предшествующего опыта, из того, что делают коммунистические губернаторы, как только становятся избранными. Такой подход имеет очень длинную традицию в коммунистическом экономическом сознании, присутствует в повседневной работе КПРФ и ее фракции. В связи с этим я опасюсь не того, что разработают некую сложную, длинную, многотомную программу и будут ее осуществлять, а того, что они будут осуществлять то, что подсказывает им «здравый» в их понимании политический смысл.

Ведущий: *И с этой точки зрения то, что сейчас Примакову навязывают первого вице-преьера в лице Маслюкова, который бы курировал все экономические вопросы, и если Евгений Максимович Примаков согласится с этим, мы, видимо, довольно стремительно покатаемся даже не в эпоху 1991 г., а в эпоху сплошного карточного распределения?*

Егор ГАЙДАР: Нет, ну почему же. По-моему, Вы абсолютно точно наметили ориентиры, и все-таки я думаю, что покатаемся в эпоху не дальше 1991 г. Восстановить в сегодняшней России неэффективную, но хуже-лучше работающую целостную социалистическую систему, где у председателя колхоза есть первая и вторая заповеди, где за невыполнение приказа расстреливают, где хуже-лучше отоваривают, а директивные планы выполняются и т.д., вот это, на мой взгляд, в ближайшей перспективе по крайней мере, да и в любой

представляемой перспективе в России сделать не удастся. А вот добиться того бардака, при котором уже не работают рыночные механизмы, ничего нельзя купить за деньги и толком не работают плановые механизмы, то есть какие-то планы доводите, какие-то лимиты доводите, только они не исполняются, продукция не поставляется, лимиты не отовариваются, продукция за пределы города-области не вывозится, хлеб в торговлю не поступает, вот такой бардак образца 1990–1991 гг. восстановить в России как раз абсолютно элементарно.

Ведущий: *Нельзя сказать, что Вы, Егор Тимурович, нарисовали жизнеутверждающую картину.*

Егор ГАЙДАР: Я неоднократно говорил о том, что при безответственной финансовой политике вернуться к реалиям 1991 г., к реалиям дефицита не составляет никакого труда.

Ведущий: *Что, вообще говоря, мы и видим.*

Егор ГАЙДАР: Да, что мы и видим сегодня. Когда я об этом говорил, скажем, год-два назад, как правило, те, кто меня слушал, как-то мне не верили. «Ну как же так? — говорили они. — Всего уже так много, куда же все это денется?» Это так же, как я в 1991 г. говорил, что рынок в России возможен и полные прилавки возможны. Меня тогда спрашивали: «Ну как же так, ведь ничего же нет, откуда же все возьмется на самом деле?» Рынок — это очень тонкая и очень деликатная живая материя, это не механическая, а биологическая конструкция. Она очень чутко реагирует на любые грубые внешние воздействия, ее не узнаешь после этих воздействий.

Ведущий: *Егор Тимурович, сегодня доллар опять упал. Это, с Вашей точки зрения, не является ли неким признаком наступающего успокаивания финансового рынка?*

Егор ГАЙДАР: Ситуация следующая. Резкий рост курса доллара после 23 августа никогда не был подкреплен соответствующей эмиссионной политикой Центрального банка. Короче говоря, да, была масштабная паника и был подрыв доверия к национальной валюте, имевший серьезные основания, но Центральный банк еще никаких коммунистических экспериментов по печатанию денег не начинал. Костерок разгорелся, а вот керосина туда пока не подлили. Пока горит бумага, керосина не подлили, а бумаги мало, она прогорает, и быстро выясняется, что рублей мало в экономике. Центральный банк не сделал того, что от него долго все

добивались, требовали при Дубинине, при Алексахенко. Он не напечатал кучи денег, чтобы костер разгорелся. Поэтому была экстремальная паника, летом выяснилось, что рублей не хватает, начался откат, но только не надо преувеличивать уровня стабильности. Пока это все цветочки, пока это был приступ паники основательный, имеющий свою базу, но не подкрепленный большой струей керосина. Если завтра будет сформировано правительство с сильной коммунистической поддержкой, которое начнет реализовывать некую экономическую программу, находящуюся в диапазоне между программой КПРФ и программой «Яблока», которые предполагают масштабное печатание денег, то керосинчика мы в костер подбросим. И последствия проявятся, конечно, необязательно сразу. Они не проявятся через два, три дня, но через три, четыре месяца даже при благоприятном сценарии проявятся, и проявятся очень сильно. Вот тогда тот маленький костерочек, который из бумажки полыхал в последнюю неделю, покажется нам маленьким веселым детским праздником, фейерверком.

Ведущий: А почему Вы, Егор Тимурович, начиная с 23 августа отсутствовали и активно заявили о себе только на прошлой неделе?

Егор ГАЙДАР: Мне всегда кажется важным сначала посмотреть, что, собственно, происходит, проанализировать, давать оценку. Виктор Степанович Черномырдин, назначенный исполняющим обязанности, первый раз огласил свою экономическую программу на заседании Совета Федерации, вот, собственно, эту программу можно было уже анализировать, давать ей оценку, определять, что будет при попытке ее реализации, что мы практически сразу после 4 сентября и сделали.

Заработает ли печатный станок?

Радиостанция «Эхо Москвы». 14 сентября 1998 г.

Ведущий — Петр Журавлев

Ведущий: Мы сразу перейдем к той ситуации, когда в Думе был утвержден Евгений Максимович Примаков. С этого момента прошло не так много времени, это было в пятницу. Тем не менее из демократического лагеря уже раздались некие аполексические заявления. Вам не кажется, что Вы немного перегибаете сейчас палку? Ведь еще ничего не объявлено, известны четыре фигуры из правительства. А Вы уже говорите о том, что правительство непременно будет разрушать элементы рыночной экономики.

Егор ГАЙДАР: Я ведь опираюсь на объективные политические факты. Я хорошо знаю, что думское большинство, в котором коммунисты играли главную роль, за последние месяцы сделало все возможное для дестабилизации положения в стране. Они сделали все возможное для подрыва финансовой стабильности, постоянно принимая не обеспеченные финансово законы, отказываясь принимать стабилизационные меры правительства Кириенко и т.д. Я знаю, что это большинство сегодня оказалось в положении, когда оно поддержало правительство Евгения Примакова. И первым вице-премьером, курирующим в том числе экономику и финансы, назначен человек неглупый, но бывший экономическим лидером этого большинства, возглавлявший Комитет по экономической политике Государственной думы. Это мне дает основания полагать, что курс этого правительства будет иметь достаточно тесную связь с экономическим курсом, за который выступало большинство Думы. Очевидно, что этот курс направлен на развал финансовой стабильности и на демонтаж рыночных механизмов, по крайней мере их подрыв.

Я не знаю окончательного состава правительства, я не слышал его программы. Не знаю, сколько времени ему понадобится, чтобы развалить рыночный механизм в России. Но то, что деятельность его будет объективно работать в этом направлении, к сожалению, достоверно.

Ведущий: *Егор Тимурович, насколько правительство Примакова в данной ситуации ограничено в средствах?*

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что у него будет очень широкая свобода маневра в экономической политике — та свобода, которой не было ни у одного российского правительства на протяжении последних лет. Во-первых, главное — это правительство, которое действительно опирается на поддержку левого большинства в Думе. В связи с этим массу вещей, для проведения которых через Думу другому правительству потребовались бы месяцы, они могут провести за 2–3 дня.

Ведущий: *Это ни для кого сейчас не является секретом, и Маслюков говорил об этом. Ясно, что сейчас главная задача — рассчитаться с долгами. Откуда взять деньги?*

Егор ГАЙДАР: Есть два способа рассчитываться с долгами. Первый способ — рассчитываться с долгами фантиками, т.е. сыграть в игру: напечатать деньги, сделать фантики, рассчитаться с долгами. Потом, когда Вы побежите в магазин, выяснится, что эти фантики уже ничего не стоят. В другом варианте цены будут зафиксированы, а на них ничего нельзя будет купить. Это «хороший» способ. Вроде со всеми рассчитался, а то, что товаров нет, делать нечего, так получается. Второй способ — все-таки рассчитываться реальными деньгами. Мобилизовывать доходы и рассчитываться с долгами, приводить свои обязательства в соответствие с тем, что ты можешь платить. Заставлять платить крупных неплательщиков, наводить порядок в контроле расходов. В общем делать примерно то, что пыталось делать правительство Кириенко, хотя и с огромным сопротивлением, потому что не могло получить нужных закупок. У нас был всплеск инфляции в августе–сентябре, и он будет продолжаться в сентябре–октябре. На самом деле это значит, что у правительства сегодня есть инфляционные доходы. Это позволяет сегодня расплатиться с частью долгов, больше того, провести индексацию расходов, но не фантиками, а реальными деньгами исходя из реальных доходов. Это сложнее, чем расплатиться фантиками. Это

требует мучительных, неприятнейших баталий. Но зато это реальные деньги. Только так можно расплатиться, если Вы считаете нужным расплачиваться всерьез.

Ведущий: *С чем связан всплеск инфляции?*

Егор ГАЙДАР: Всплеск инфляции пока был связан с подрывом доверия к курсу рубля, резкими колебаниями курса и с инфляционными ожиданиями. Пока он не был еще подкреплен никакими денежными действиями Центрального банка и правительства. ЦБ никаких денег на протяжении последнего месяца не печатал. Пока там сидела администрация Дубинина–Алексащенко, никакой денежной эмиссии, никакой накачки деньгами не было. Именно поэтому первый крупный инфляционный всплеск, паника, падение курса сегодня начали сходить на нет. Но инфляционные ожидания уже выросли. Курс может снова упасть и снова вырасти. Но люди понимают, что тут все совсем не в порядке, делают закупки товаров длительного пользования, почему-то не спешат доллары менять на рубли по этому «хорошему» курсу. Все дело в том, когда в этот тлеющий костерок подольют керосинчику.

Ведущий: *То есть произведут эмиссию?*

Егор ГАЙДАР: Да, конечно.

Ведущий: *Геращенко славится любовью к включению печатного станка?*

Егор ГАЙДАР: В общем это та политика, которую он традиционно поддерживал. Посмотрим, что он будет делать на посту председателя Центрального банка. Но то, что Евгений Максимович говорил вчера о том, что ЦБ будет заниматься подготовкой к зиме, расплатой с армией, внушает «оптимизм». Чувствуется, что с печатным станком все будет «хорошо».

Ведущий: *Егор Тимурович, объясните, почему страшна маленькая эмиссия? На днях я слышал, что даже какие-то крупные наши банки высказались за некую, как сейчас модно говорить, «контролируемую» эмиссию.*

Егор ГАЙДАР: Вопрос об эмиссии, о денежной политике всегда счетный: нужно подсчитать, каков будет рост денежной базы. Исходя из этого можно прогнозировать результаты. Я, честно говоря, боюсь, что если уж она будет, то она будет не маленькая. Лиха беда начало. Можно проводить жесткую политику и говорить, что я буду расплачиваться реальными доходами, не фантиками. Как только ты

скажешь, что расплатишься фантиковыми доходами с армией, завтра к тебе придут врачи, учителя, шахтеры и попросят расплатиться скорее и с ними. Поэтому боюсь, что, как только ты ящик Пандоры открываешь, ограниченной эмиссии не получится. Она будет большая. Во-вторых, в условиях финансовой нестабильности, низкого доверия к национальной валюте есть огромный риск того, что так или иначе при всех мерах контроля все равно все это очень быстро окажется на валютном рынке. Есть гарантированный рецепт экономического провала, много раз проверенный. Много правительств в мире приходило с двумя идеями: надо печатать деньги и надо контролировать. Как правило, последствия всегда были стандартными и очень тяжелыми.

Ведущий: *Сложно проконтролировать или сложно остановиться?*

Егор ГАЙДАР: И то, и другое. Как только ты начинаешь налегать на печатный станок, особенно в условиях паники, быстро падает спрос на национальные деньги. Если ты знаешь, что рубль будет быстро падать, то, получая рубль, будешь сразу думать, как его сегодня потратить, пока он еще не упал. Что это значит? Ты вроде включил печатный станок, заплатил, а у тебя снова неплатежи: рубли-то постоянно обесцениваются. Есть огромный соблазн налегать на него все сильнее и сильнее.

Ведущий: *Насколько я помню, Вы несколько лет назад говорили о 4-месячном лаге между включением станка и тем моментом, когда население начинает чувствовать инфляцию. Это так?*

Егор ГАЙДАР: Он был не 4-месячным, а 6-месячным. С 2–3 месяцев начинается некоторое влияние, затем все это растягивается до 8 мес. В нормальных стабильных условиях этот лаг грубо можно было бы оценить в 6 мес. В нынешней ситуации я думаю, что лаг несколько сократится. Там будет еще один приводной ремень — это валютные резервы, то, как они будут сокращаться и в какой момент произойдет радикальная дестабилизация рубля по отношению к доллару. Это запустит новый виток резкого повышения цен. А когда это произойдет — через 4, 5 или 6 мес., предсказать еще нельзя. Потому что мы пока не знаем твердых ориентиров денежной политики Центрального банка и правительства.

Ведущий: *Что может Маслюков как главный экономист в новом правительстве предложить промышленности? К нему всегда относились как к представителю совершенно иной по сравнению с Вами*

группы — не монетаристов, а как бы индустриалистов. Что он может сейчас сделать в этом направлении?

Егор ГАЙДАР: Давайте посмотрим ту программу, которая будет им объявлена. Что можно предположить? Можно предположить существенное ужесточение режима импорта промышленных товаров, с тем чтобы открыть дорогу отечественному производителю и заставить нас покупать его продукцию независимо от цены и качества. Второе. Возможна накачка экономики дешевыми кредитами на пополнение оборотных средств, которые, впрочем, пойдут туда же, куда и любая другая избыточная форма эмиссии, — на рост инфляции. Я думаю, что, возможно, будут попытки расширить государственный заказ, увеличить военные закупки. Давайте подождем. Это будет известно в ближайшие дни.

Ведущий: *Сегодня Черномырдин встречался с Примаковым. После того как Черномырдин вышел от Примакова, он сказал, что предложил новому премьер-министру оставить в правительстве Задорнова и Федорова. Насколько это реально, насколько это может спасти положение?*

Егор ГАЙДАР: Я абсолютно убежден, что такое предложение Черномырдина реально. В какой степени реально желание Примакова и Маслюкова, который будет отвечать за экономический блок, оставить этих людей работать с ними, я не знаю. Но в ситуации, когда экономическая власть, включая контроль над Минфином и Министерством экономики, будет в руках Маслюкова, я не очень себе представляю, как Задорнов и Федоров смогут определять экономическую политику.

Ведущий: *Они совершенно разные?*

Егор ГАЙДАР: Они существенно разные.

Ведущий: *Если можно, немного подробнее раскройте этот вопрос. Насколько Федоров далек от Маслюкова?*

Егор ГАЙДАР: Идеино Федоров очень далек от Маслюкова. Федоров — экономист, рыночник, всегда был сторонником финансовой стабильности, защиты национальной валюты, стабильного курса рубля. Я не хочу ничего предсказывать. Если Маслюков захочет его оставить, если Федоров сочтет возможным согласиться, посмотрим, как он будет работать в этой ситуации.

Ведущий: *Следующий мой вопрос связан с реакцией на Западе на то, что происходит сегодня у нас в России. Вы человек, знакомый*

с людьми в финансовых кругах за границей. Как они реагируют на то, что происходит?

Егор ГАЙДАР: Тяжело. Ведь очень много сил было потрачено на Западе для того, чтобы рыночные реформы в России увенчались успехом. Иногда с толком, иногда без толку, иногда поддерживая ту политику, которая была недостойна поддержки, иногда поддерживая то, что надо поддерживать. Сейчас Запад оказался перед очень неприятной дилеммой. Совершенно ясно, что в социально-экономической политике будет крутой поворот. Совершенно ясно, что этот поворот, скорее всего, приведет к довольно тяжелым экономическим результатам. Западу надо понять для себя, что в этой ситуации делать: продолжать поддерживать новую лево-коммунистическую попытку экономической политики в России или нет.

Ведущий: *Иными словами, давать ли нам деньги?*

Егор ГАЙДАР: Совершенно точно.

Ведущий: *К чему они склонятся, как Вы думаете?*

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что для Запада это будет очень тяжелое решение. Моя гипотеза состоит в том, что нам они денег не дадут. Я думаю, что у многих был бы очень сильный соблазн полоббировать финансовую поддержку правительства Примакова. А вот полоббировать финансовую поддержку правительства Примакова–Маслюкова с председателем Центрального банка Геращенко будет сложновато.

Ведущий: *И что же получается? Железный занавес только в другой форме?*

Егор ГАЙДАР: Никакого железного занавеса не будет. Просто нам перестанут давать льготные кредиты.

Ведущий: *С этой точки зрения получается, что дается козырь в руки нынешнему правительству, коммунистам. Сказать, смотрите, они от нас отвернулись и мы от них отвернемся?*

Егор ГАЙДАР: Что же делать. Я абсолютно не исключаю, что именно так они и сделают.

Ведущий: *Теперь давайте перейдем к политической части той ситуации, которая сейчас сложилась. И Вы, и Борис Немцов сказали, что коммунисты несут ответственность за то, что сейчас происходит в экономике.*

Егор ГАЙДАР: Без всякого сомнения.

Ведущий: *Но выходит, что коммунисты, только что вставшие у руля, получили некое наследство в виде тех же долгов, неплатежей.*

Егор ГАЙДАР: Вне всякого сомнения. Как и мы получили наследство. Я получил в наследство от коммунистов 50 млн долл. валютных резервов. Пока коммунисты получили в наследство от демократов 12,5 млрд долл. валютных резервов. Есть и другие формы наследства, которые оставляли разные правительства друг другу. Сегодня экономическая ситуация в России при всей ее сложности неизмеримо более спокойна и стабильна, чем та, которая существовала в конце 1991 г. Тогда полностью не работала старая система управления и полностью не работала новая. Наиболее неблагоприятный вариант развития событий состоит в том, что за довольно короткое время новое правительство воспроизведет тот хаос, который у нас был в конце 1991 г. Я убежден в том, что новое правительство будет регулярно кивать на тяжелое наследство предшественников. Тем не менее факт остается фактом. Сейчас правительство сформировано при активной поддержке коммунистов. Они действительно получили серьезные инструменты влияния на социально-экономическую политику, за которую всегда следует ответственность.

Ведущий: *И насколько я понимаю, Вы считаете, что эта ответственность приведет к тому, что на следующих выборах их шансы неизмеримо упадут?*

Егор ГАЙДАР: Если я правильно понимаю то, что они будут делать в экономике, то это так. Очень хорошо и мило слушать «старые песни о главном», пока у тебя есть конвертируемый рубль, работающая рыночная экономика и достаточно быстро развивающийся коммерческий сектор. Вот когда тебе будут крутить эти «старые песни о главном» под аккомпанемент очередей, дефицита и массовой безработицы в этом коммерческом секторе, это будет совсем по-другому слушаться.

Ведущий: *Что же им делать?*

Егор ГАЙДАР: Я им не советчик, они найдут советчиков в своих рядах. Я считаю, что важнейшая задача, которую они сейчас перед собой поставят (это очень определенно сказал Зюганов в одном из своих выступлений), — установление контроля над СМИ. Когда их будут преследовать неудачи в экономике, нужно, чтобы по радио и телевидению все было замечательно. «Многочисленный

российский народ горячо приветствует мудрое руководство нового правительства».

Ведущий: *Что будете делать Вы, Ваша партия и Ваши союзники?*

Егор ГАЙДАР: Первое. Мы очень хорошо понимаем пределы своих возможностей. Сейчас мы не можем остановить тот социально-экономический поворот, который обозначился в политике России. Этот еще один лево-коммунистический эксперимент в России состоится. Второе. Что мы можем сделать? На мой взгляд, мы можем и должны добиться двух вещей. Во-первых, мы можем и должны добиться того, чтобы этот поворот был коротким, объясняя его последствия. Во-вторых, мы можем и должны добиться того, чтобы, когда этот эксперимент провалится, ему на смену пришла не нацистская диктатура, а реформаторское, либеральное правительство, которое наконец проведет те либеральные реформы, о которых много говорили в последние годы, но которые практически буксовали уже несколько лет. В связи с этим еще одна наша важнейшая задача — отстоять сейчас демократические права и свободы, в первую очередь свободу прессы. От этого во многом будет зависеть и то, можно ли будет решить те задачи, о которых я сказал раньше.

Ведущий: *Егор Тимурович, не будем скрывать, что Ваших сторонников не так много. Вы намерены с кем-то блокироваться, создавать некие коалиции?*

Егор ГАЙДАР: Первое — количество сторонников в таких ситуациях подвержено резким колебаниям. Когда общество, тот же самый средний класс, об отсутствии которого столько говорили в России и который предпочитал, чтобы его не замечали, убедится в том, к каким конкретным результатам для нас, для наших детей, для их будущего приведет коммунистический эксперимент, я вас уверяю, что уровень социально-политической активности изменится радикально. Первые демократические манифестации против коммунистического правительства Болгарии насчитывали десятки человек, а через очень короткое время — десятки тысяч. Я обращаю Ваше внимание на то, что сейчас будет происходить очень серьезная мобилизация тех, кто не хочет этого поворота. Второе. Конечно, мы считаем важнейшей задачей создание достаточно широкого объединения всех этих сил, в том числе тех, которые сейчас только возникнут, — сил, которые не принимают этого поворота, которые хотят видеть Россию с нормальной, европейской, свободной ры-

ночной экономикой, где валюта твердая, цены стабильные, частная собственность надежно гарантирована, налоговая система разумная.

Ведущий: *Относите ли Вы к числу Ваших союзников «Яблоко»?*

Егор ГАЙДАР: Нет. На сегодняшний день «Яблоко» поддержало правительство Примакова. Я напомним, что «Яблоко» никогда не поддерживало правительство Кириенко. Явлинский предложил Примакова. «Яблоко» поддержало не просто правительство Примакова, а правительство Примакова–Маслюкова, потому что к этому времени было известно, кто будет первым вице-премьером. В связи с этим «Яблоко», конечно, несет политическую ответственность за то, что сейчас будет происходить.

Ведущий: *Можете ли Вы сейчас сказать, кто Ваш кандидат на президентских выборах?*

Егор ГАЙДАР: Убежден, что на следующих президентских выборах будет кандидат от тех сил, которые заинтересованы не в коммунистическом реванше в нашей стране, а в ее нормальном, стабильном, демократическом развитии. Что касается персоналий, то я сейчас не считаю разумным это обсуждать. Не это сейчас самое главное.

Ведущий: *В прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы» был Егор Гайдар, директор Института экономики переходного периода, лидер фракции «Демократический выбор России».*

Была ли у нас шоковая терапия?

*Радиостанция «Говорит Москва».
Передача «Мы и власть». 13 октября 1998 г.*

Ведущий — Эльмира Маликова

Ведущий: Я представляю гостя нашей передачи — это доктор экономических наук, профессор, директор Института экономических проблем переходного периода Егор Тимурович Гайдар.

Егор ГАЙДАР: Добрый вечер.

Ведущий: Ваш институт называется Институт экономических проблем переходного периода. Но, честно говоря, не всем ясно, в каком состоянии мы находимся сейчас, не каждый ответит однозначно, если переход, то от чего к чему? И какая сейчас нужна экономическая программа?

Егор ГАЙДАР: Переходный период после краха социалистической экономики — это общая для многих стран проблема и закономерность. Через него сейчас проходят около трех десятков государств. И этот переход нигде не оказался легким. Если говорить о том, когда кончается переходный период, то он завершается там, где исчезают существенные пятна социализма. Польша раньше была социалистической страной с социалистической экономикой, а сейчас это никак не влияет на стержневые механизмы функционирования проблем польской экономики. В Польше переход осуществлялся на основе шоковой терапии в отличие от России, где реформы были недостаточно энергичными, и наша страна еще очень и очень далека от момента, когда можно сказать, что переходный период завершен.

Ведущий: Поляки начали реформы лет на 10 раньше нас.

Егор ГАЙДАР: Энергичные реформы они начали на 2 года раньше, чем мы, и главное, что эти реформы шли достаточно энергично. Тем не менее потребуется лет 10–15, когда можно будет сказать, что Польша перестала быть страной с переходной экономикой. Надо понимать, что социализм и 75 лет социалистической экономики не проходят бесследно. Они оставляют за собой огромное наследство традиций, проблем структурной деформации, которые, к сожалению, растягиваются на несколько лет. Переход у нас идет очень непросто, с большими задержками, колебаниями, иногда с попятным движением, как это имеет место сейчас, но все равно с точки зрения стратегических перспектив он неизбежно произойдет.

Второй Ваш вопрос — по поводу программ.

Вопрос не в том, какая программа, а в том, почему, собственно, правительство до сих пор, проработав уже месяц с лишним, так и не может представить свою программу, всячески скрывает факт существования таковой и категорически отказывается от слухов о том, что такая программа есть.

Ведущий: *Но журналисты — народ вездесущий, поэтому уже дней 10 назад мы знали, что программа существует и программа смотрит налево.*

Егор ГАЙДАР: Да программа, подготовленная группой во главе с Маслюковым, хорошо известна общественности, и тем не менее правительство до сих пор не заявило о ней официально. Почему? Правительство сформировано левым большинством, опирается на левые фракции. Левые фракции Думы на протяжении многих лет говорили нам, что у них готова программа стабилизации положения, что, однако, антинародный режим не готов принять эту прекрасную программу. Сейчас они сформировали правительство. Месяц это правительство не решается представить на суд общественности ни одного листочка программного документа.

Ведущий: *Но г-н Зюганов, выступая по телевидению, говорит, что все уже готово...*

Егор ГАЙДАР: Правительственная программа? Но почему до сих пор она не представлена на суд общественности? Одно дело — предъявлять популистские соображения в качестве якобы программы исходя из того, что они никогда не будут реализованы, и совершенно другое — прийти в правительство и сказать: вот именно это мы и будем делать.

Они действительно собираются запретить хождение валюты? Или напечатать энное количество рублей и решить этим все проблемы? Они понимают, к чему это приведет? Вот тут выясняется, что эта программа замечательна для людей политически безответственных и очень рискованна не только для страны, но и для политических сил, которые возьмутся осуществлять ее на практике.

Ведущий: *Егор Тимурович, мне очень хотелось бы еще вернуться к пунктам программы и Вашего видения того, как мы должны идти размеренным шагом, но у нас этого не получается, у нас получается то вкось, то вкривь, то влево, то вправо, то в колдобину какую-то, в яму залезем. Я не думаю, что открою какой-то секрет для Вас: для многих наших сограждан одними из виновников того, что происходит сейчас в нашей стране, являются Гайдар и Чубайс.*

Егор ГАЙДАР: Да я хорошо знаю эту концепцию, регулярно читаю о том, что у нас, оказывается, в течение 7 лет проводился гайдаровский курс в экономической политике. Все наши беды потому, что мы провели шоковую терапию по Гайдару. Я напому, что шоковой терапии у нас в России никогда не было, что у нас никаких 7 лет гайдаровских монетаристских реформ не было. Шесть лет сидело правительство Виктора Степановича Черномырдина, которое монетаристским можно было назвать только в кошмарном сне. Правительство, которое проводило самые разные политики. Иногда оно становилось на несколько месяцев реформаторским, иногда бездарно проматывало деньги, иногда впадало в спячку и не делало вовсе ничего. Именно в силу того, что у нас не было шоковой терапии, у нас не было решительных рыночных реформ, у нас не было последовательной монетаристской политики, потому что монетаризм предполагает не только то, что не печатаешь деньги, но и то, что ты держишь свой бюджет в порядке, не пытаешься накапливать огромные бюджетные долги, думая, что потом расплатится кто-то другой.

Ведущий: *Но именно в этом Вас и обвиняют. Что именно у Вас и началось это огромное количество долгов, надежда на заграницу.*

Егор ГАЙДАР: Когда мы пришли работать в правительство, долги, доставшиеся в наследство от Советского Союза, составляли 109 млрд долл. Кстати говоря, при мне они практически не увеличились. Период новых займов пришелся уже на Виктора Степановича Черномырдина. Суть дела предельно проста. В тех странах, где действи-

тельно была шоковая терапия, в тех странах, где была энергичная, жесткая рыночно ориентированная политика, уже давно начался промышленный рост. Помните, как ругали польскую шоковую терапию и как жалели бедных поляков. Польша сегодня в промышленном отношении самая быстрорастущая страна в Европе. То же относится ко многим другим странам, где действительно проводили жесткую реформаторскую политику. Именно потому, что у нас ее не проводили, у нас сегодня такое положение.

Ведущий: *Но у нас было так много шока, что, кажется, уже больше пережить просто невозможно.*

Егор ГАЙДАР: Когда Вы пытаетесь собаке рубить хвост кусочками, то с шоком у нее будет все в порядке. С терапией неясно, а вот шока — предостаточно.

Ведущий: *То есть Вы считаете, что с нами происходит именно это? Все это печально, все это обидно. И все-таки при всем при этом Вы, видимо, замыслили что-то другое.*

Егор ГАЙДАР: Да, разумеется. Надо понять, что мы начинали реформы не при некоей стабильной, благодатной ситуации. У нас короткая память, но на самом деле именно сейчас мы постепенно приближаемся к реалиям, которые могут напомнить 1991 г. и поэтому легче вспомнить точку отсчета.

Ведущий: *Вы имеете в виду что? Отсутствие товаров? Карточки?*

Егор ГАЙДАР: Да, отсутствие товаров, карточки. Не дай Бог, но если еще полгода, девять месяцев проработает это правительство, то этого исключить нельзя. Хотелось бы, чтобы такого не случилось.

Вернемся в 1991 г. Надо понять, что социалистическая экономика — это целостная система, в ней все друг с другом связано. Там есть каркас — тоталитарная политическая власть. Если директор колхоза знает, что за невыполнение первой заповеди — несдачу зерна государству — его исключат из партии и выкинут с работы с волчьим билетом или в тюрьму посадят, то он голодом свой колхоз уморит, но зерно сдаст.

Ведущий: *Необязательно. Были и другие ситуации. Он просто приписывал.*

Егор ГАЙДАР: Приписки, разумеется, бывали, он должен был выполнить указание начальства. И все это возможно, пока есть то-

талитарная власть. К концу 1980-х — началу 1990-х гг. тоталитарная власть закачалась, потом развалилась и к 1991 г., после августа, просто не существовала. У нас были парад суверенитетов, противоречивые указания союзных, российских, областных, районных и прочих органов власти, законы о предприятии, директора, которые самостоятельно отгружали продукцию, короче говоря, система, при которой хлеб мог быть в магазинах, потому что боялись репрессий, рухнула. А если это так, то хлеба не будет и вовсе, если никто не будет заинтересован, чтобы он был в магазинах. А чтобы были заинтересованы, чтобы хлеб был, нужно, чтобы деньги чего-то стоили, нужны уравновешенные цены, работающие деньги. На самом деле те реформы, которые мы начинали в 1992 г., были реанимационной процедурой. Экономика просто развалилась, потому что старая система уже не работала, а новая еще не заработала, и нам надо было думать не столько о стратегических замыслах и долгосрочных ведениях, сколько о том, как за несколько месяцев заставить рынок работать. Иначе голод и катастрофа. Разумеется, мы имели перед глазами картину будущего, чего мы хотели бы добиться. Мы также понимали, что путь к этому непрост. Не экономически непрост, а непрост политически. Ведь для нормально работающего рынка нужна масса институтов, которые вызревают десятилетиями. Например, нужно уважение к частной собственности, оно не по волшебной палочке создается. Нужны традиции соблюдения контрактов, нужно наладить хорошо работающую рыночно ориентированную судебную систему. Это не может возникнуть в одночасье.

Ведущий: *Я понимаю все это, но не надо было так резко рвать.*

Егор ГАЙДАР: Еще раз подчеркиваю, что гибель социализма, его крушение — это неуправляемый процесс. Помедленнее нельзя, не получается. По существу происходит политическая революция — то, что произошло в 1989–1991 гг. Вы не можете обратно загнать этого джинна в бутылку, сказать, давайте, друзья, позовем Николая Ивановича Рыжкова, пусть Леонид Иванович Абалкин напишет нам программу совершенствования хозмеханизма. У вас просто хлеба не будет, нечем будет кормить людей. У вас нет валютных резервов, они все разбазарены. И у вас резервы зерна до февраля месяца. И вам не до рассуждений о том, что у вас есть и чего у вас нет, как было бы хорошо, если бы Горбачев вел более умную экономическую политику, Николай Иванович Рыжков не набрал бы столько

долгов, как было бы славно, если бы не принимали Закон о предприятии. Это все рассуждения в пользу бедных.

Ведущий: *Сколько Вы были нашим премьером?*

Егор ГАЙДАР: Я работал в правительстве 2 раза: один раз — 13 месяцев, второй раз — 4 месяца. А возглавлял правительство 6 месяцев.

Ведущий: *Как сказал один из экономистов, который не является сторонником гайдаровской политики, если Гайдар даже во многом был и не прав, то, после того как он перестал быть премьером, прошло 6 лет. За 6 месяцев он не мог сделать что-то такое, что нельзя исправить за 6 лет. Вот такая получилась формулировка. Но может быть, в ней есть смысл?*

Егор ГАЙДАР: У нас было 75 лет советского режима, 13 месяцев первого реформаторского правительства. Потом было 6 лет работы правительства Черномырдина. Так получилось, что все, что происходит у нас негативного, если послушать нашу оппозицию, сконцентрировалось в этих 13 месяцах, а потом больше и делать было нечего.

Ведущий: *Да все бы было хорошо, но в принципе наш человек приватизацию никак не может оправдать и сказать, что она была хороша.*

Егор ГАЙДАР: Я с Вами соглашусь. Но если вспомнить, как у нас формировалось приватизационное законодательство, то оно формировалось Съездом народных депутатов Верховного Совета. Больше того, я и Анатолий Борисович Чубайс потратили немало времени, выступая и объясняя депутатам, что так называемая вторая модель приватизации, которая, по существу, превращала предприятия в большие колхозы и открывала возможности даровой их приватизации директорами, — это путь к самой худшей модели собственности.

Ведущий: *То есть виноваты депутаты, а не Чубайс?*

Егор ГАЙДАР: Без всякого сомнения — вторая модель приватизации, которая была предложена коммунистической фракцией Госдуме, была встречена в штыки правительством реформ, против этой модели мы боролись больше, чем против чего-либо другого в последние годы, но она была введена Верховным Советом, она стала законом. И после этого Чубайса упрекают за то, что он этот закон выполнял. Мы говорили, что все ссылки на трудовые коллек-

тивы приведут к тому, что директора получают эти предприятия даром. «Вы пытаетесь отобрать народную собственность у трудовых коллективов. Как же так? Не допустим, не дадим», — отвечали нам. Следующий вопрос к Чубайсу: «Как же Вы допустили, что директора даром получили эту собственность?» Все это есть в стенограммах.

Ведущий: *Все это понятно. Я иногда тоже их просматривала. Но Вы знаете, когда прошел этот момент эйфории — всем сестрам по серьгам, г-н Чубайс мог бы как руководитель изменить эту политику. Давайте вспомним ситуацию с московской приватизацией и как долго г-ну Лужкову приходилось доказывать, что всем сестрам не получится и за московские богатства надо получать городу хорошие деньги. Это была борьба быков.*

Егор ГАЙДАР: Я напому, что началась эта борьба с попытки обвальная приватизации в Москве, когда все московское правительство, возглавлявшееся г-ном Лужковым, предложило отдать всю собственность трудовым коллективам. Кстати говоря, именно поэтому процесс реструктурирования торговли в Москве, который многие сейчас очень плохо помнят, на самом деле в 1992–1993 гг. шел очень медленно, и только потом, когда пришли настоящие собственники, московская торговля обрела тот вид, который она имеет сегодня.

Ведущий: *Москва имеет в 10 раз больше, чем вся Россия, от того, что она отдает в аренду. Это потому, что она пошла своим путем.*

Егор ГАЙДАР: Да, Москва имеет больше от того, что она отдает в аренду, это правда. Только надо понять, что мы за это с вами платим очень высоким уровнем цен в Москве. Предельно завышенные цены московской торговли — это отсутствие реальной собственности у предприятий, в связи с этим их уязвимость к повышению арендной платы московскими чиновниками. Это дополнительный доход московского бюджета, часть которого идет потом на храм Христа Спасителя, на многое другое. На самом деле эти деньги падают не с неба, они из нашего с Вами кармана.

Ведущий: *А знаете, я готова платить эти деньги из своего кармана, но только, если знаю, на что они идут. И мне становится легче.*

Егор ГАЙДАР: Да, я с Вами согласен. Но московский бюджет не самый прозрачный. Если изучить этот бюджет внимательно, там есть и внебюджетные фонды, и много всего другого.

Ведущий: *Может быть... Однако не будем забывать, что именно в Москве пенсионеры получают вовремя пенсии и матери получают пособия. В конце концов давайте уйдем из Москвы и перейдем к другим вопросам.*

Егор ГАЙДАР: Ну почему же, давайте чуть-чуть остановимся на Москве.

Ведущий: *Но мне хотелось бы выяснить другие ситуации.*

Егор ГАЙДАР: Мы выясним. Но раз уж Вы эту тему затронули, мне хотелось бы прокомментировать. Да, без всякого сомнения, положение в Москве с социальными выплатами лучше, чем по стране в целом. Но не надо забывать, что Москва больше других выгадывает от перехода к конвертируемому рублю. Если у вас в стране есть конвертируемая валюта, если у вас экономика открыта миру, неизбежно вы получаете подъем в первую очередь в городе, где концентрируются основные финансовые ресурсы.

Ведущий: *Все это понятно. Я думаю, что москвичам мы не открыли глаза. От неожиданности никто не упал в обморок, просто существует такое понятие, как «богатое место»: хозяин не пустит по ветру, хозяин спрячет, утрамбует и сделает так, чтобы всем остальным, кто будет рядом, было лучше, чем тем, кто будет далеко. Поэтому хорошо, когда есть хозяин.*

Давайте вернемся к другой ситуации. Сейчас ведется так много разговоров о нашем президенте. Недавно прошла акция протеста, на плакатах было написано: и денег дай, и долой президента. Я вспоминаю ту ситуацию, когда, любя Гайдара, президент говорил: Гайдара не отдам. Почти то же самое произошло и с Немцовым, и не только с ним. Как Вы это можете объяснить?

Егор ГАЙДАР: Президент политик. На него нашей историей была возложена огромная ответственность за все, что происходит в стране. Кстати говоря, никому такого не пожелаешь. И просто когда мы судим его, надо судить его исходя из меры тяжести возложенных на него задач. Представьте себе на секундочку: на кого-нибудь из ваших знакомых взяли и возложили задачу реформировать Россию радикально после 75 лет тоталитаризма и сделать здесь стабильную демократию, нормально функционирующий рынок и т.д. Вот представьте себе, как на практике, всерьез надо решить эту задачу. Сколько раз нужно идти на компромисс, отступать, терпеть поражения.

Ведущий: *Это при всем при том, если ты точно будешь знать, чего хочешь.*

Егор ГАЙДАР: Даже при этом. А если ты сам плоть от плоти этой страны, то и все проблемы и противоречия тебе не чужды. Сейчас легче всего критиковать Ельцина. Кстати, это всегда было легко — критиковать Ельцина, он поразительно незлобивый человек в отличие от других начальников. Но я просто не готов заниматься этим спортом именно потому, что президент сейчас предельно ослаблен, он реально отдал социально-экономическую власть после событий конца августа — начала сентября. Недавно прошли митинги оппозиции, демонстрации. Я никак не пойму — какой оппозиции? У этих людей большинство в Государственной думе, они сформировали свое правительство, назначили своего председателя Центробанка. У вас за кремлевской стеной Ельцин — вся власть? Смешно.

Ведущий: *Да, конечно, ситуация не самая простая. Скажите, пожалуйста, за эти 6 с лишним лет Вы ждали, что Вас опять пригласят в правительство?*

Егор ГАЙДАР: Меня много раз приглашали в правительство. Меня приглашали в правительство в 1993 г., в ситуации очень непростой, в январе 1994 г. я ушел из правительства по принципиальным соображениям. Мне не нравилось, что собирались делать правительство и президент в ближайшее время. Мне было понятно, что правительство и президент не готовы проводить ту политику реформ, которую я считал необходимой. Я был убежден, что компромиссная и нерешительная политика приведет к тяжелым результатам. Не имея возможности влиять на эту политику, я не считал возможным оставаться. Меня потом приглашал Борис Николаевич работать в правительство, и не один раз. Но принципиальный вопрос заключается не в том, работаешь ли ты в правительстве, а в том, имеешь ли ты возможность в правительстве делать то, что считаешь важным и полезным для страны. До тех пор пока у меня не будет такой уверенности, я никогда не соглашусь.

Ведущий: *Спустя время как Вы сами оцениваете то, что произошло, когда Вы руководили нашей страной? Наверное, Вы абсолютно твердо убеждены в правильности того, что Вы делали. Если очень коротко, что Вы ставите себе в заслугу и что Вы себе ставите в минус?*

Егор ГАЙДАР: В заслугу могу себе поставить то, что в конце 1991–1992 гг. нам удалось не допустить финансовой катастрофы и голода в стране. Нам удалось создать в России рыночную экономику. Сегодня это не ставится под сомнение никем. Сегодня спросите Маслюкова, он начнет рассказывать, как ратует за рынок. Нам удалось создать конвертируемую валюту и открыть экономику. Я думаю, что это наиболее важное, что нам удалось сделать.

Из того, что я ставлю себе в вину. Было немало технических ошибок, масса вещей, глядя на которые сейчас понимаешь, что можно было бы сделать лучше. Но если говорить не о мелочах, а о стратегии, у нас была убежденность в том, что нужно сделать в России, но это была убежденность, базирующаяся на знаниях, но не на опыте трансформации от социализма. Если бы я сегодня начинал это дело, я по большому счету делал бы то же, но с гораздо большей убежденностью в собственной правоте, с гораздо меньшей готовностью идти на компромиссы, потому что я бы слишком хорошо знал, какая цена этим компромиссам, насколько далеко они отбрасывают страну назад.

Ведущий: *А скажите, 17 августа¹, с Ваших позиций, это тот самый шок с терапией или это просто шок? Его можно было избежать или без него нельзя просто выжить?*

Егор ГАЙДАР: 17 августа, без всякого сомнения, можно было избежать, но, чтобы избежать 17 августа, нужно было на протяжении предшествующих нескольких лет вести другую финансовую политику. Если бы мы сделали строго то, за что мы всегда выступали, — сделали бы бездефицитный бюджет, не занимали бы на внутреннем и внешнем рынках, подвели бы надежную финансовую бюджетную базу под денежную политику, провели бы необходимые структур-

¹ 17 августа 1998 г. в связи с обострением кризиса было принято Заявление Правительства РФ и Центрального банка РФ, предусматривавшее, во-первых, расширение валютного коридора, возможность девальвации рубля, во-вторых, реструктуризацию государственного долга по государственным облигациям, перенос платежей по ним на более длительные сроки в связи с невозможностью своевременного выполнения этих обязательств, что означало технический дефолт, и, в-третьих, введение временных ограничений для резидентов РФ на валютные операции капитального характера, а также объявление моратория сроком на 90 дней на осуществление выплат по возврату финансовых кредитов, полученных от нерезидентов РФ, на выплату страховых платежей по кредитам, обеспеченным залогом ценных бумаг, на выплаты по срочным валютным контрактам. Одновременно вводился запрет для нерезидентов РФ на вложение средств в рублевые активы со сроком погашения до 1 года включительно. — *Прим. ред.*

ные реформы для того, чтобы этот бюджет был устойчивым, то никакой угрозы 17 августа вообще над нами бы не нависало. Кризис возник именно потому, что политика предшествующих лет была компромиссной, именно потому, что левое большинство регулярно принимало законы, заведомо зная, что они финансово не обеспечены, и с удовольствием потирало руки, говоря: «Ну вот теперь правительство попрыгает, теперь они у нас там подумают, как им там закрыть дыру в 10 млрд руб.» Когда собственное парламентское большинство, а иногда и колеблющееся неуверенное правительство закладывали эту масштабную бомбу бюджетного дефицита и короткого долга, с ним связанного, конечно, они должны были понимать, что эта бомба раньше или позже взорвется и очень здорово разворотит нам все инструменты рыночной экономики.

Ведущий: *Скажите, а почему нет денег в стране? Почему люди не получают — не одна организация, а практически 3/4 страны — не получают денег за что-то сделанное? Я понимаю, это сделанное не бывает всегда прекрасно, не всегда конкурентоспособно, но все-таки люди работают и всегда хватало денег для того, чтобы выдавать зарплату. Где они, куда делись?*

Егор ГАЙДАР: На самом деле проблема невыплаты зарплаты — это всегда проблема медленных реформ. Если Вы посмотрите на страны, которые называли в числе лидеров реформ — Эстонию, Польшу, Чехию, там нет таких проблем.

Ведущий: *Может быть, потому, что они малы?*

Егор ГАЙДАР: Есть малые страны типа Грузии, а там эта проблема была в высшей степени актуальной. В большой Украине была актуальной, в большой Польше неактуальна, в маленькой Эстонии неактуальна. Но если Вы посмотрите на страны, где действительно велись радикальные реформы, они привели в порядок свой бюджет. Там нет таких проблем. Ведь что такое неплатежи? Я обещаю, но не выполняю. Я, как государство, принял закон, но точно знаю, что денег на выполнение этого закона у меня нет. У нас парламент такой интересный, он любит давать деньги больше, чем у него есть, т.е. на не обеспеченные деньгами идеи. Значит, я что-то потребил, но не заплачу. Не заплачу за электроэнергию, которую я потребил. Электростанция не сможет рассчитаться со своим рабочими, своими поставщиками за топливо. Я принял закон финансово не обеспеченный и не выплачиваю детские пособия, как обещал выпла-

чивать. После этого люди думают: если государство не выполняет свои обязательства, обязан ли я платить ему свои налоги? Это то, что называется бюджетным разрывом.

Ведущий: *Хорошо, но ведь первые задержки с зарплатой при Вас начались.*

Егор ГАЙДАР: Нет, если кто хорошо помнит, при мне задержек с зарплатой не было.

Ведущий: *Ну, а когда они начались?*

Егор ГАЙДАР: Задержки с заработной платой начались в 1994–1995 гг., массовый характер приобрели с этого момента. В 1992 г. проблем с задержкой зарплаты не было. Там был короткий период в мае–июне, связанный с нехваткой денег.

Ведущий: *Но, как говорится, лиха беда начало. Я не к тому, что хочу показать пальцем, я пытаюсь разобраться сама вместе со слушателями.*

Егор ГАЙДАР: Если хотите разобраться, то надо понять — государство, которое обещает сделать что-то финансово необеспеченное, является главным провокатором проблем с неплатежами зарплаты.

Ведущий: *Вы сказали, что той же Польше, которая ринулась вперед и знает, куда она идет, понадобится минимум 10 лет для того, чтобы достичь своего элементарно твердого стояния на ногах. Сколько лет понадобится России?*

Егор ГАЙДАР: Польша уже сейчас прочно стоит на ногах и быстро развивается. Все там очень неплохо: и зарплата растет, и доля бедных снижается, и социальные программы не чета нашим. Другое дело, что все равно набор постсоциалистических проблем еще есть. В Польше не очень удовлетворены, как идет процесс приватизации. Я не видел ни одной постсоциалистической страны, которая бы была довольна, как у нее идет процесс приватизации. Эти проблемы там еще не решены и будут решаться. Мы же в России действуем по формуле — шаг вперед, два шага назад, если быть точным — два шага вперед, один шаг назад. Сейчас мы делаем шаг назад. Поэтому посмотрим, какой это будет шаг, насколько широкий. Нет никаких экономических причин, не позволяющих нам избежать этого шага. Почему мы не могли за короткий срок стабилизировать положение? Неделю назад мы опубликовали антикризисную программу, подробно показывающую, что надо делать.

Ведущий: *Вы предложили свою программу?*

Егор ГАЙДАР: Да, конечно, мы опубликовали ее. Это не программа построения всеобщего счастья. Эта программа рассчитана на 4–5 месяцев и ориентирована на то, чтобы не дать развернуться экстремально высокой инфляции, стабилизировать валютный курс, раскупорить банковскую систему, раскупорить систему рыночных взаимоотношений, получить дополнительные доходы в бюджет, использовать доходы на погашение задолженности по зарплатам и пенсиям.

Ведущий: *Но Вы категорически против того, чтобы пускать печатный станок?*

Егор ГАЙДАР: Да, я убежден, что без этого можно обойтись. Нужно понять, что это не решение проблемы. Пустить станок — это признать, что не знаешь, как лечить болезнь, как решать проблемы, с горя принимаешь стакан водки и ждешь, что после этого болезнь пройдет. Но когда ты проснешься, будет еще хуже.

Ведущий: *Ну что ж, очень хочется проснуться, чтобы было все хорошо, но для этого, видимо, необязательно выпивать стакан водки. Очень хочется, чтобы наше правительство, рассмотрев много экономических программ, хотя их и не много предложено, все-таки выбрало ту, которая поведет нашу страну вперед, не делая многих шагов назад.*

Еще раз хочу напомнить, что сегодня гостем нашей программы был доктор экономических наук, профессор, директор Института экономических проблем переходного периода Егор Тимурович Гайдар. Я благодарю всех тех, кто нас слушал, и, конечно, большое спасибо гостю.

Егор ГАЙДАР: Спасибо.

Шесть месяцев правительства Примакова

Радиостанция «Эхо Москвы». 15 февраля 1999 г.

Ведущий — С. Корзун

Ведущий: *Егор Тимурович! С одной стороны, весь правый край (и Вы в том числе) начал очень активную критику «экономического бездействия» существующего правительства. С другой — правительство как бы огрызается, говоря о том, что экономика действует и чуть ли не наблюдается промышленный рост...*

Егор ГАЙДАР: Это вопрос работы со статистикой, вопрос, как выбрать базу. Всегда можно выбрать базу, точку сравнения так, что у вас получится все что угодно!

Если говорить всерьез, то экономический рост у нас всегда измерялся сравнением текущих показателей с показателями прошлого года, в том числе показателей текущего месяца с соответствующим месяцем прошлого года. Это позволяет включить все, что происходило на протяжении всех прошедших 12 месяцев.

Ведущий: *Это неправильно?*

Егор ГАЙДАР: Это как раз правильно! Если так анализировать, то в 1997 г. у нас действительно был рост, а потом в конце 1997 г. он прекратился. В 1998 г. была стагнация. Сейчас падение промышленного производства, по последним данным (за декабрь), примерно 7% по сравнению с декабрем 1997 г.

Ведущий: *Но отечественный товаропроизводитель пострадал в относительно меньшей степени? Учитывая, что интеграция в мировую экономику не зашла так далеко, как во многих других странах.*

Егор ГАЙДАР: Отечественный товаропроизводитель пострадал действительно меньше других секторов экономики, но давайте вспомним о двух секторах, которые пострадали больше всего.

Это пенсионеры, пенсия которых сократилась в долларовом выражении более чем в 3 раза, а в рублевом примерно вдвое и продолжает быстро сокращаться в январе и феврале, и все бюджетники, начиная от военнослужащих и кончая учителями и врачами, средняя зарплата которых сократилась примерно так же, т.е. в долларах примерно в три с лишним раза, а в реальных рублях в неизменных ценах — в два с лишним раза.

Ведущий: *Егор Тимурович! Когда Вы стали премьер-министром, тогда была такая же ситуация, абсолютно зеркальная... И Вас обвиняют в том, что Вы провели инфляцию и все у Вас «просело»...*

Егор ГАЙДАР: Тут я с Вами не соглашусь. Когда я стал премьер-министром, средняя зарплата в России составляла 7 долл., а к тому времени, когда я ушел из правительства,— более 100 долл. с лишним.

Да, есть естественное и даже понятное стремление любого правительства сказать, что во всем виноваты предшественники. И иногда для этого есть серьезные основания. Я хорошо помню положение, в котором начинало работать наше правительство, и могу подробно рассказать, в чем нам было намного труднее, чем правительству Примакова... Но на самом деле ведь людям интересно другое — как они живут, как изменяется их жизнь, что происходит с их доходами, с ценами, почему они растут...

Можно, конечно, первые 6–8 месяцев с большим или меньшим основанием упрекать предшественников, а дальше все равно надо понимать, что отвечаешь ты. И будут судить о том, что происходит, и о тебе не по тому, насколько красиво ты сумел убедить, что виноваты предшественники, а по тому, что делается при тебе в жизни людей.

Ведущий: *На Ваш взгляд, экономическая команда Примакова не имеет перспектив?*

Егор ГАЙДАР: На мой взгляд, команда откровенно слабая. Примаков показал себя очень сильным политиком, способным выстраивать коалиции, отношения с разными политическими и социальными группами, но его экономическая команда показала себя крайне слабой. Может, это и взаимосвязано, так как сила Примакова в том, что он не задевает интересов и не принимает решений. Слабость его экономической команды в том, что она не предлага-

ет и не проводит решений. До какого-то времени это совместимо, но, к сожалению, только на очень короткий срок.

Ведущий: *Сейчас то самое время, когда надо принимать какие-то кардинальные решения? Глобальный вопрос: реформы у нас здорово затормозились в связи с августовским кризисом... Сейчас нужно продолжение либеральных реформ, которые Вы начинали, или нужна передышка?*

Егор ГАЙДАР: Передышку мы испытываем последние 6 месяцев... Может, кому-то это и «передышка», может, кому-то от этого и легче, но я думаю, что тем людям, у которых зарплаты сократились в два-три раза, вряд ли легко... Ну знаете ли: «Шли тяжело, тяжело, получали пенсии 60 долл., а теперь передышка — получаем 15...» Трудно людям с этим смириться.

Да, нынешние российские проблемы без либеральных реформ не решить. Причем ни в долгосрочном, ни в краткосрочном плане.

Ведущий: *В каком направлении они должны идти? Больше денег, кредитов с Запада? При нашем куцем бюджете мы должны получить эти деньги и идти в том фарватере, который они нам определяют?*

Егор ГАЙДАР: Во-первых, фарватер все равно за нас никто нам не определит и никакой Запад никогда нам не навяжет реформ. Реформы нужны для того, чтобы у нас росли доходы и не росли цены. Они нужны не Международному валютному фонду, они нужны нам.

Международный валютный фонд — организация достаточно прагматичная. Да, там есть иногда свои «идеологические заморочки», и с ними можно спорить, и что-то им объяснять (и опыт показывает, что очень многое можно объяснить и о многом договориться), но есть граничные условия, поскольку МВФ — кредитная организация, не благотворительная. Она принимает решения исходя из того, вернете вы деньги или нет.

В чем была комичность (при всей важности) наших переговоров с МВФ? Была программа российского правительства, согласованная с Международным валютным фондом. Она была согласована в июле. Под нее мы должны были получить кредитную линию и начали ее получать. Потом (не 17-го, кстати, августа, а в сентябре!) новое правительство сказало: «Нет, эта программа нас не устраивает, мы выбрасываем ее в мусорную корзину», причем сказало это не на словах, а в правительственных постановлениях, которыми отменялась масса фундаментальных вещей, которые были в этой программе. Потом правительство очень удивилось: «Почему же, если

мы выбросили нашу с вами программу, вы денег-то нам не даете? Мы ж хорошие, вы дайте нам денег!»

Что говорит Международный валютный фонд: «Договорились, но тогда вы не старую, так хоть новую программу дайте — вы делать хоть что-нибудь собираетесь, чтобы отдать деньги?» Наши говорят: «А вот это наша великая военная тайна, и мы ее никому не раскроем!»

Вот суть всех переговоров между российским правительством и Международным валютным фондом на протяжении последних 6 месяцев.

Ведущий: *Россия не проживет без этих денег?*

Егор ГАЙДАР: Россия проживет и без этих денег. Другое дело надо понять, какие последствия будут от этого.

Ведущий: *Какие?*

Егор ГАЙДАР: Высока вероятность дефолта России по обязательствам перед международными финансовыми организациями, перед МВФ и Мировым банком...

Ведущий: *То есть соответственно и частные кредиторы не будут давать деньги?*

Егор ГАЙДАР: То, что частные кредиторы не будут нам давать деньги довольно долго, пока мы не восстановим доверие, это ясно. Но этот шаг уже шаг изоляции России от мирового финансового сообщества, он ставит нас в положение Судана, Либерии и еще пары африканских стран. И это очень серьезный удар по нашей интеграции в мировую экономику, по долгосрочным перспективам экономического роста и т.д.

Что такое переговоры? На самом деле я бы не переоценивал их значение. Главные проблемы — это не проблемы с МВФ (при всей их значимости). Главные проблемы — это проблемы российской экономики. Это то, что наше с Вами федеральное правительство хуже-лучше уже три года — и в 95-м, и в 96-м, и в 97-м собирало 3 млрд долл. налогов в месяц, а вот сейчас так здорово выстроило свою налоговую политику, что собирает только 1 млрд долл. налогов.

Это значит, что у всех, кто жил за счет бюджетной сферы, резко сократились возможности получать доходы. И это никакой Международный валютный фонд нам не поправит.

Ведущий: *Но все же страдали от НДС. Все производители говорили, что 20% невозможны при всех остальных налогах! Вы настаиваете на том, что это необходимая цифра?*

Егор ГАЙДАР: Вопрос снижения налоговых ставок в первую очередь это выбор приоритетов и точной стратегии снижения налогов. У нас есть такая «мелочь», которая называется «налоги с оборота, налоги на содержание жилищной сферы и налоги в дорожный фонд». Вместе эти налоги съедают у среднестатистического российского предприятия около половины прибыли. Потом на них накладывается еще 35 % налогов на прибыль.

Разумная же стратегия налоговой реформы, которую мы всегда предлагали, состояла в том, чтобы немедленно снять все налоги с оборота. В результате предприятие будет платить не 75 % налогов с прибыли, а 35 %.

Но ведь это же сейчас никого не трогает! У нас сегодня совокупная ставка подоходного налога, отчислений в Пенсионный фонд, соцстраха, медстраха, занятости, налога на прибыль далеко за 60%! Это загоняет экономику в тень. Правительство эти налоги трогать не собирается, зато собирается снижать НДС — самый плоский, лучше всего контролируемый налог, отчисления по которому строго определяются ставками... В итоге никто из тени не выйдет и платить налогов, естественно, не будет, но зато свою налоговую базу мы подорвем.

Изучая опыт налоговых реформ по всему миру за долгий период времени, такой замечательной стратегии налоговой реформы я никогда не встречал!

Ведущий: *Егор Тимурович! Если Вам сегодня, завтра предложили бы занять главный кабинет в Белом доме, заняли бы?*

Егор ГАЙДАР: Да, занял бы. Без всякого удовольствия, прекрасно понимая, насколько сложные задачи надо решать, хорошо зная, что это место не медом мазано, но без всякого сомнения занял бы, потому что я знаю, что надо делать сегодня в экономике.

Ведущий: *Первые шаги. Основные.*

Егор ГАЙДАР: Мы в сентябре довольно подробно описали свою антикризисную программу, и она была бы базой работы и сегодня, хотя кое-что пришлось бы поменять в силу изменяющейся ситуации.

Первое. Я бы вынул из мусорной корзины и отряхнул разработанную нами вместе с МВФ летом прошлого года программу. И это очень неплохая база! Да, в ней надо кое-что поменять. Но это очень неплохая база для работы кабинета завтрашнего дня, потому что она адресуетя к ключевым проблемам российской экономики.

1. Как добиться того, чтобы налоги собирали, чтобы у нас крупные предприятия не рассказывали, что у них нет денег, а платили налоги? А это процедуры ускоренного банкротства, это режим санкций к предприятиям, производящим экспортную продукцию и накапливающим недоимки, это режим борьбы с взаимозачетами, которые являются по существу системой взаимного воровства, это отказ от принятия налогов в натуре, от индивидуальных налоговых соглашений, т.е. весь тот набор мер, которые нужны не для того, чтобы совершить революцию, но чтобы с нынешнего 1 млрд долл. в месяц хотя бы до двух, не до трех, как в прошлом году, а до двух довести реальные налоговые доходы федерального бюджета. Без этого ни одна проблема неразрешима.

2. Каким должен быть набор мер, направленных на изыскание нетрадиционных, но существенных потенциальных налоговых поступлений. Скажем, конкурсная продажа квот на вылов рыбы? Серьезные деньги, между прочим, уходят таким образом! У нас даже была специальная разработка, подробная схема того, как надо продавать, кому продавать, исходя из каких критериев и т.д. В основном речь идет о квотах вылова морепродуктов.

Ведущий: *Сколько это может дать в бюджет?*

Егор ГАЙДАР: Потенциальные доходы от этого около 0,5 млрд долл. Это не так много, но это существенно больше, чем в бюджете предусмотрено на культуру. Или такая мера, как отмена решения о том, что мы не будем брать проценты по индийским долгам, а будем направлять их на финансирование совместных проектов с Индией, принятого недавно правительством Примакова. Тоже «мелочь», конечно, но, скажем, содержание федеральной судебной системы можно профинансировать за счет отказа от этого решения.

Короче, первое — это набор мер, направленных на мобилизацию дополнительных доходов. Второе — очень серьезные меры, направленные на рационализацию бюджетных расходов, на прекращение разбазаривания бюджетных средств, на полноценное формирование казначейской системы исполнения бюджета, на внедрение тендерных процедур, на реструктурирование бюджетной сети, сокращение разбухших аппаратов управления... То есть все то, что тоже было в июльской программе.

Ведущий: *Допустим, по самому хорошему варианту: это случилось, мы начинаем потихоньку восстанавливать доверие мировых*

финансовых институтов и частных инвесторов. Сколько России еще до выхода из кризиса жить?

Егор ГАЙДАР: Чтобы договориться с Международным валютным фондом, снять проблему дефолта по долгам России, начать и провести серьезные переговоры по Парижскому и Лондонскому клубам¹, снять проблему дефолта по советским деньгам, остановить рост цен, достаточно нескольких месяцев. Тут надо понять, что за эти годы все-таки довольно много предпосылок для развития рыночной экономики уже создано, т.е. нет никаких препятствий для того, чтобы на основе последовательных и разумно проводимых реформ Россия достаточно быстро начала наращивать уровень доходов, потребления, пенсий и т.д. Нужна одна предпосылка: ну дайте хотя бы 1,5 года проводить одну осмысленную последовательную либеральную политику, чего не было никогда на протяжении последних 7 лет!

Ведущий: *Худший вариант. Если ничего не меняется...*

Егор ГАЙДАР: Худший вариант. Продолжаем действовать так, как действуем сейчас, продолжается достаточно высокая инфляция, продолжается эрозия доходов бюджетников, ни о чем не можем договориться с Международным валютным фондом. Примерно в мае вынуждены будем констатировать невозможность выполнения своих обязательств по государственным ценным бумагам, в июне — своих обязательств перед МВФ. Начинается процедура развода России и международных финансовых организаций.

Параллельно с приближением выборов растет давление на то, чтобы провести индексацию. А так как денег для нее в реальных доходах нет, то профинансировать ее за счет резкого ускорения роста денежной массы (авось после выборов кто-нибудь разберется!). В итоге — разгон инфляции. Вот худший сценарий!

Ведущий: *Егор Тимурович! Подкосил августовский кризис «средний класс» или нет?*

¹ Парижский клуб — неофициальная межправительственная организация развитых стран-кредиторов (в лице представителей их центральных банков и министров финансов), которая занимается урегулированием государственного долга суверенных стран-заемщиков перед странами-кредиторами, входящими в клуб. Охватывает 19 стран. Россия вступила в этот клуб в качестве кредитора в 1995 г. Лондонский клуб — неформальная организация банков-кредиторов, созданная для урегулирования задолженности иностранных заемщиков перед членами этого клуба. Объединяет порядка 1000 коммерческих банков развитых стран. — *Прим. ред.*

Егор ГАЙДАР: Еще как! Очень сильно. Нанес огромный удар. Заодно кое-что и прояснил. Помните, мы с Вами обсуждали эту тему (это был, по-моему, 1997 г.), мы спорили — есть «средний класс» в России или нет, а если есть, то большой он или маленький... А вот после августа исчез этот вопрос и стало ясно всем, что этот «средний класс» в России был! И был он довольно большой.

Ведущий: *Чтобы его восстановить, нужно много времени?*

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что в том виде, как он существовал в 1997 г., — примерно 1,5 года осмысленной политики.

Наша позиция не носит конъюнктурного характера

Телеканал «Россия».
Программа «Подробности». 24 февраля 1999 г.

Ведущий — Николай Сванидзе

Егор ГАЙДАР: Мы в отличие от «Яблока» не поддерживали Евгения Максимовича Примакова. И не поддерживали не из-за личных симпатий или антипатий, а потому что очень хорошо понимали, какая экономическая линия будет выстраиваться кабинетом Примакова–Маслюкова. Ведь мы же не играем в милые детские игры на лужайке, мы занимаемся обсуждением принципиальных политических вопросов, очень важных для страны, которая к тому же находится в глубоком кризисе. Естественно, на мой взгляд, в таких условиях неуместно руководствоваться соображениями симпатий и антипатий. Надо определять позицию по отношению к проводимой линии.

Когда, скажем, рублевый эквивалент выручки Газпрома от Рургаза¹ за последние полгода возрастает в 4 раза и в те же самые полгода реальный размер средней пенсии или средней заработной платы врача или учителя снижается в 2 раза, то мне кажется, что правительству надо что-то с этим делать. Если оно ничего не делает, чтобы поправить такую ситуацию, мне очень трудно поддерживать кабинет.

Ведущий: *Нет ли здесь риска для Вас и для Ваших товарищей? Те, кто раньше примет решение предложить Е. Примакова кандидатом в президенты, они на этом наберут немалые политические*

¹ «Эон Рургаз» — E.ON Ruhrgas AG (Ruhrgas) — немецкая компания, крупнейший в Германии дистрибьютор природного газа. Штаб-квартира находится в г. Эссене. Владелец — германская энергетическая компания E.ON. — *Прим. ред.*

очки, потому что лично премьер сейчас по-прежнему очень авторитетен и пока нет оснований считать, что этот авторитет будет снижаться.

Вам не приходило в голову, что коммунисты могут взять и предложить Примакова кандидатом в президенты?

Егор ГАЙДАР: Во-первых, эта мысль не кажется мне абсолютно экзотической. Все-таки давайте вспомним, что нынешний кабинет, который возглавляет Е. Примаков, пользуется полной поддержкой коммунистической фракции Государственной думы. Его способность проводить бюджет и законы через Думу определяется именно этой поддержкой.

Хотя, честно говоря, о позиции коммунистов гораздо естественнее было бы говорить Геннадию Андреевичу Зюганову, чем мне. Но мне кажется, что им нелегко было бы принять такое решение, потому что создать широкую коалицию, которая распространялась бы от Е. М. Примакова до людей, разделяющих взгляды члена ЦК КПРФ господина Макашова¹, — это непростая задача.

Теперь что касается нашей позиции. Мы партия, отражающая некую идею. Есть политики, есть партии и движения, которые меняют свои мировоззрения в зависимости от того, что сегодня рентабельнее, как сложится политическая ситуация, что даст большие политические очки. У нас другая позиция. Мы убеждены в том, что есть набор вещей, которые надо сделать для того, чтобы в России была эффективно работающая рыночная экономика и стабильная демократия. Мы хотим такие реформы провести. Поэтому наша позиция не носит конъюнктурного характера. Мы будем определять ее и на президентских выборах исходя не из симпатий и антипатий, а из реально проводимой претендентом политики.

Ведущий: *Когда Вы будете определяться с Вашим кандидатом в президенты? После парламентских выборов или до этого?*

Егор ГАЙДАР: Я в данном случае действительно бы прислушался к советам Бориса Николаевича и определялся с этим вопросом после парламентских выборов.

¹ Макашов Альберт Михайлович — генерал-полковник, в 1991 г. выступал в поддержку ГКЧП, в 1993 г. активно участвовал в вооруженных столкновениях на стороне Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ, за что был арестован, затем освобожден по амнистии. Член КПРФ. Известен националистическими и антисемитскими высказываниями. — *Прим. ред.*

Ведущий: *Не поздно? Ждете, пока все выйдут на старт и можно будет выбирать?*

Егор ГАЙДАР: Нет, просто я думаю, что до этого будет очень большая суета. Я свою самую серьезную политическую ошибку в прогнозе допустил примерно за полгода до президентских выборов 1996 г., когда сказал, что, «по моему глубокому убеждению, Ельцина в принципе избрать невозможно». Оказалось, что возможно. История всегда все ставит на свои места, независимо от того, как оценивать результаты второго президентства Бориса Николаевича Ельцина.

И мне кажется, что все эти игры в рейтинги: кто сегодня поднялся на один пункт, кто опустился на два пункта — имеют очень ограниченное отношение к тому, что будет реально происходить в России весной 2000 г., когда сложатся реальные контуры президентской кампании.

Кто будет преемником Б. Ельцина

Телеканал «НТВ».

Программа «Ночной разговор». 28 февраля 1999 г.

Ведущий — Евгений Киселев

Ведущий: В минувший четверг президент Ельцин после встречи с премьером Примаковым неожиданно вышел к журналистам и заявил, что Примаков останется на посту главы правительства до 2000 г.

Егор Тимурович! Мы пригласили Вас не случайно, поскольку Вы один из тех немногих людей, которому в свое время приходилось многократно общаться с глазу на глаз с президентом, кто не понаслышке знает, что такое быть главой правительства у Ельцина. Как Вы трактуете эту сцену, которая предстала перед взором телезрителей в четверг вечером на всех каналах? Ваше объяснение.

Егор ГАЙДАР: Во-первых, мы неизбежно здесь находимся в области гипотез. Ни я, ни Вы не были на этой встрече, не слышали, что говорили друг другу Борис Николаевич Ельцин и Евгений Максимович Примаков. Тем не менее у меня есть некая гипотеза по этому поводу.

Видите ли, когда Ельцин в сентябре предложил Примакова в качестве премьера, он тем самым в очень большой степени ограничил свои реальные президентские полномочия, что ему, даже немолодому и не слишком здоровому, не нравится. Второе. Насколько я понимаю Бориса Николаевича, один из важнейших вопросов, который его сейчас волнует, — это вопрос о преемственности, о том, что, собственно, будет после 2000 г., кто дальше поведет Россию. И опять же, если я правильно его понимаю, у него есть свое мнение по этому поводу. Мнение, может, не в пользу человека А, Б или В, а по типу этого человека.

Мы обсуждали это с Борисом Николаевичем неоднократно, и, если я его правильно понимаю, у него есть представление, что в XXI в. Россию должен ввести человек другого поколения, не поколения, которое опутано реалиями, установками, традициями советской эпохи, но поколения, которое смотрит вперед, а не назад. Короче говоря, человек не из тех, кто с удовольствием слушает «Старые песни о главном», а из тех, кто хочет идти в XXI в. Вот это, мне кажется, у него довольно твердое убеждение.

Он видит, как из Евгения Максимовича Примакова достаточно быстро лепят его преемника (независимо от того, хочет Примаков или нет). Если я правильно понимаю Ельцина, то это не может не вызывать у него крайне серьезное неприятие.

Я бы прочитал то, что сказал Ельцин, так: «Мы работаем с Примаковым до 2000 г. После этого страну поведет кто-то другой».

Ведущий: *А как действующий политик и человек, у которого, наверное, есть свои надежные источники информации, как Вы сами строите свою политическую деятельность? С учетом того, будет Примаков участвовать в президентских выборах или нет (не важно, что он сейчас говорит)?*

Егор ГАЙДАР: Я считаю, что Примаков — потенциальный участник президентской гонки независимо от того, что он говорит и даже думает сейчас. Но у меня чуть-чуть другое отношение к этому. Я очень хорошо знаю, как быстро меняются политические реалии в России. Я очень хорошо помню, что в августе 1998 г., полгода назад, не было такого кандидата в президенты, как Евгений Максимович Примаков, а в сентябре нельзя было игнорировать факт его существования. Я очень хорошо понимаю, что если выборы будут в июне 2000 г., то эта шахматная доска может еще пару раз развернуться.

Ведущий: *Возвращаясь к тому разговору, свидетелями которого, конечно, мы не могли быть и который, как утверждают знающие люди, был напряженным, долгим, эмоциональным. (Возможно, даже то, что Ельцин потом опять попал в больницу,— это результат того, что он перенервничал, что у него был некий эмоциональный нервный стресс.)*

Есть версия, что на столе у Ельцина оказалась публикация в «Независимой газете» (в четверг вышла большая статья), в которой без прямого упоминания имен первого вице-премьера Маслюкова и вице-

премьера Кулика тем не менее говорилось об их причастности к коррупции. Как Вы относитесь к этой версии, если вспомнить Ваш собственный опыт? Мог Ельцин, будучи проинформирован о содержании статьи в «Независимой газете», поставить в беседе с Примаковым вопрос об отставке этих конкретных членов правительства?

Егор ГАЙДАР: Во-первых, в разговоре с Борисом Николаевичем всегда есть два слоя: первое — что он говорит, а второе — что он на самом деле имеет в виду. Поводом для разговора может быть статья в газете, но очень редко причиной. Да, проблема коррупции в правительстве очень серьезная, но это не первая статья в газете, где об этом пишут. И не в первый раз Ельцин об этом услышал.

Ведущий: *Фактически то, что написано в «Независимой», — более подробное изложение того, что тезисно говорил Явлинский.*

Егор ГАЙДАР: На самом деле по этому поводу много и справедливо говорили, что вызывает самую серьезную озабоченность. Тем не менее трудно представить, чтобы президент прочитал статью в газете, после этого вызвал к себе премьера и сказал: «Давай-ка мы с тобой расстанемся! Или давай ты выгонишь основных своих заместителей!» Это совершенно не в стилистике президента.

Есть гораздо более глубокие, подспудные вещи. Он готовится к подобного рода решениям. Да, он думает, он читает, на него могут влиять, его могут в чем-то убеждать, но это, скорее всего, не спонтанно. Я убежден, что ему очень многое не нравится в том, что делает правительство, убежден, что он следит за публикациями в прессе, для него, разумеется, не секрет, что буксуют переговоры с МВФ и что это опасно... Но еще раз подчеркиваю: думаю, что сегодня, когда он во многом после сентября отстранился от текущего руководства социально-экономической политикой и как бы сказал правительству, которое получило поддержку Думы: «Действуйте!», думаю, что сегодня его гораздо больше волнуют вопросы политической перспективы, чем сиюминутные, даже важные экономические перипетии.

Ведущий: *А вот другая версия, многим кажущаяся достаточно серьезной. Идут сложные переговоры с МВФ, они буксуют. Однако правительство устами все того же Маслюкова или министра экономики Шаповальянца периодически рапортует, что если не сейчас, то к концу марта кредиты будут предоставлены. И вдруг выясняет-*

ся, что это далеко не так, что правительство рапортует о несколько бóльших успехах, чем на самом деле.

Не могло быть такого, что Ельцин почувствовал себя обманутым или дезинформированным? Ведь Тэлботт¹ во время своих встреч с различными представителями в Москве сказал, что на самом деле все очень сложно, все очень серьезно и никто денег давать не собирается.

Егор ГАЙДАР: Это тоже не новость. Правительство рапортует, что вот-вот будет радикальный прогресс на переговорах с фондом на протяжении последних четырех месяцев. Переговоры ведутся, на мой взгляд, крайне неумело. Это тоже правда, но тоже не новость! Это было и в ноябре, и в декабре, и в феврале, сейчас это происходит в марте, и я не исключаю, что еще раз повторится.

Повод — да! Повод высказать свое «фе» правительству, что «не все у вас получается», — да. Но вряд ли это было поводом для принятия серьезных, принципиальных политических решений для столь длинного и непростого разговора. Не укладывается это в мое представление о том, что сегодня всерьез волнует Бориса Николаевича Ельцина.

Ведущий: *Еще одна версия — что Примаковым были приняты некие кадровые решения (их не называют, но ходит такой слух), на которые он формально имел право и не должен был согласовывать их в Кремле, но по существующей неписаной этике номенклатурных взаимоотношений ему как-то надо было заранее поставить президента в известность. Могло быть такое? Является ли это, по Вашему, для Ельцина тяжелым нарушением?*

Егор ГАЙДАР: Какие-то принципиальные вещи — да! Я убежден, когда Виктор Степанович Черномырдин, не поставив об этом в известность Ельцина, в январе 1998 г. радикально перераспределил полномочия в своем кабинете, сконцентрировав всю реальную власть в своих руках и сделав вице-премьеров фигурами декоративными, это был тот шаг, после которого мне было ясно, что отношения их с Борисом Николаевичем существенно осложнятся. Но тогда речь шла о принципиальных вещах. Там действительно решался вопрос о власти. Если бы сейчас Примаков принял, не посоветовав-

¹ Струоб Тэлботт — американский дипломат и политолог, заместитель государственного секретаря США в 1994–2001 гг. — *Прим. ред.*

шись с Ельциным, решения по принципиальным кадровым вопросам, которые явно обозначают, «кто в доме хозяин», у кого реальная власть в стране, тогда бы я согласился с этой версией. Но такого в общем-то не было.

Еще раз подчеркиваю — Ельцин сегодня человек немолодой и не очень здоровый. Он не очень входит в детали текущих дел правительства.

Ведущий: *Не входит или не любит входить?*

Егор ГАЙДАР: Не входит. В общем мне это в нем всегда нравилось и нравится. Сегодня, мне кажется, он в гораздо большей степени озабочен следующими вещами:

1. В целом своим отношением к правительству Примакова, необходимостью или отсутствием необходимости его поддерживать. Я думаю, что здесь здравый смысл подсказывает ему независимо от того, как оценивать экономическую политику правительства Примакова, что правительство Примакова — это существенный фактор политической стабильности. Еще раз подчеркиваю — мы не голосовали за Примакова, мы не поддерживаем Примакова, мы находимся в оппозиции к Примакову, я в данном случае излагаю свою версию того, как вижу позицию президента.

2. Если правительство Примакова — это некая данность и существенный фактор на политической сцене, у него большая полнота власти, то кто решает вопрос о преемнике Ельцина в 2000 г.? Решает народ, естественно! А кто из политиков оказывает наиболее серьезное влияние на выбор, на принятие этого решения? Я глубоко убежден, что этот вопрос волнует его сегодня куда больше, чем вопрос о том, кого из замминистров назначили или сняли в правительстве, какие перипетии неудачных переговоров с Международным валютным фондом были за последние три дня или даже о том, какая статья появилась в последнем номере «Независимой газеты».

Ведущий: *А кумулятивный эффект не может произойти?*

Егор ГАЙДАР: Да, но это вопрос — «кто в доме хозяин». Ельцин явно сознательно отстранился от социально-экономической политики. Он не мешает правительству проводить свой курс в социально-экономической политике. Это понятное решение. Он отдал власть в этой области 3 августа 1998 г., отправив в отставку правительство Кириенко, после этого он предложил ее Примакову, которого поддержало думское большинство. Тяжелое для него решение. Но он

никогда не отдавал власть президента в той сфере, которая традиционно не является в России правительственной, не являлась таковой ни при царе, ни при советской власти, ни при молодой российской демократии, — все, что связано с силовыми структурами, с обороной, с принципиальными вопросами внешней политики, СМИ.

Ведущий: *Как Вы думаете, президент в каком-то смысле посвятил всю свою карьеру на посту главы российского государства тому, чтобы коммунисты больше не вернулись к власти? Фактически в сентябре, когда возникло правительство Примакова, поддержанное коммунистическим большинством в Думе, коммунисты вернулись к власти. Они стали правящей партией.*

Егор ГАЙДАР: Совершенно правильно.

Ведущий: *А Ельцин способен пережить это? Ведь это перечеркивает то, к чему он стремился, ради чего он работал, во что он верил.*

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что это для него очень и очень тяжелый элемент реальности. Я думаю, что его отношение к действующему кабинету, без всякого сомнения, строится с учетом этого фактора. Да, коммунисты, КПРФ сегодня правящая партия, в огромной степени влияющая на социально-экономическое положение в стране.

Кстати говоря, если всерьез, то на протяжении всех последних лет роль КПРФ в управлении страной была очень серьезной. Они не хотят это признать. Влияние было огромным, просто ответственности на них было меньше. Сейчас у них огромная и очень серьезная власть и ответственность. Я абсолютно убежден, что Ельцину это не нравится. Но это другой вопрос. Пока они члены правящей коалиции. Ведь он боролся не за то, чтобы КПРФ никогда не была членом правящей коалиции, не в этом была суть того, что он хотел сделать. Он боролся за то, чтобы у нас никогда больше не было коммунистического тоталитарного режима. У нас сегодня КПРФ действительно существенный элемент власти, но пока «играет по демократическим правилам».

Для Ельцина, мне кажется, принципиальный вопрос всей его политической борьбы и жизни — это вопрос, не возникнет ли после него не правительство с участием коммунистов, а коммунистический режим? Согласитесь, все-таки Ельцин — это человек, при котором демократия в России (очень слабенькая, очень уязвимая и несовершенная) живет неизмеримо дольше, чем при ком-то другом. И для него это был бы удар.

Ведущий: Скажите, с учетом всего того, о чем Вы сейчас говорили, зная Ельцина, что он «тот медведь, который второго медведя в берлоге не потерпит», что он не любит «политических тяжеловесов» рядом с собой... Возможна ли ситуация, когда он, руководствуясь многими соображениями, о которых мы упомянули, все-таки примет решение отправить в отставку правительство Примакова?

Егор ГАЙДАР: Я не считаю это вероятным. Я не считаю, что это вероятно, по крайней мере в краткосрочной перспективе. Вместе с тем я абсолютно не считаю это исключенным. И еще раз, на мой взгляд, принципиальный вопрос для него — а к чему это правительство всерьез ведет? Пока у него будет убеждение, что оно ведет к демократическим выборам 2000 г., в рамках которых российский народ будет иметь шанс выбрать себе нормальное демократическое будущее, думаю, шансы на то, что он сохранит это правительство, будут высоки.

Ведущий: Ну, а если, не дай Бог, какая-то экономическая катастрофа?

Егор ГАЙДАР: За экономическую катастрофу у нас всегда отвечает правительство. Правительство всегда в России отвечало за экономику (не царь и не генеральный секретарь). Я совсем не хочу никакой экономической катастрофы, но совершенно ясно, что этот кабинет ее полноценно не переживет.

Ведущий: Ну, а Примаков как премьер? У нас же были случаи, когда в таких ситуациях премьер оставался у руля.

Егор ГАЙДАР: Бывало такое. Не хотелось бы гадать. Но даже катастрофы для этого не надо. Когда у нас с Вами средняя зарплата в бюджетной сфере за последние полгода сократилась вдвое (в реальном исчислении по официальной статистике) и средняя пенсия тоже сократилась вдвое, то какая уж еще нужна дополнительная катастрофа? К тому же они продолжают сокращаться, и я не вижу, чтобы правительство собиралось что-нибудь делать. Шансы на то, что экономическая часть кабинета, если дела и дальше пойдут таким образом, будет обновлена, существенно выше, чем шансы на отставку самого Примакова.

Ведущий: Допустим, что правительство останется, Примаков останется, дойдет дело до парламентских выборов, цена которых безумно высока. Особенно если произойдет то, о чем на минувшей неделе говорил Селезнев, что «мы хотим добиться, чтобы следующее

правительство после выборов формировалось на основе парламентского большинства. Той партией или коалицией, которая наберет наибольшее количество голосов». Возможна такая ситуация? Тогда не дожить нынешнему правительству до 2000 г., если совсем другие партии придут к власти!

Егор ГАЙДАР: Надо сказать, что ключевой вопрос о том, как сложится президентская кампания, — это вопрос о том, кто будет возглавлять правительство в феврале 2000 г. А это напрямую зависит от исхода парламентских выборов 1999 г. Я с Вами вполне согласен, что это выборы, значение которых для дальнейшего развития событий в России трудно переоценить.

Ведущий: *А у Вас есть какие-то предварительные прогнозы?*

Егор ГАЙДАР: Сейчас масса сложных маневров вокруг различных блоков. Я думаю, что ближе к выборам произойдут консолидации и на выборы в любом варианте пойдут несколько сил. Это коммунисты (возможно, в разных номинациях). Пойдет так или иначе блок Ю. М. Лужкова. Пойдет Г. А. Явлинский с «Яблоком». Весьма вероятно, пойдет какой-то блок, выстроенный неявно под Примакова, хотя я буду крайне удивлен, если он с ним открыто идентифицируется (это для него крайне опасный шаг). Пойдет Жириновский — будет бороться за свои 5% маргинального электората, и пойдет «Правое дело». Вот основные силы, которые будут участвовать в выборах.

Коммунисты, я думаю, на следующих выборах сохранят большую фракцию, но не сохранят контроля над Думой. Коммунистов будет меньше. Я практически в этом уверен. Первое — они неизбежно несут ответственность за правительство, которое сформировали, которое поддерживают и результаты которого, мягко говоря, не впечатляют. Второе — происходит разочарование традиционного коммунистического электората в своих лидерах. Да и нынешняя ситуация в Думе была связана с огромным разделением голосов демократического спектра. Поэтому коммунисты, получив 22% голосов на выборах, получили 49% мест в Думе.

Для Лужкова, мне кажется, выборы будут достаточно серьезным риском. Юрий Михайлович, возглавляющий список, рискует повторить судьбу В. С. Черномырдина, что не очень хорошо в канун президентских выборов (получить 10% голосов).

Ведущий: *Вы допускаете, что Лужков не пойдет с «Отечеством» на парламентские выборы? Именно для того, чтобы не рисковать, не выступить неудачником на президентских.*

Егор ГАЙДАР: Ситуация, когда и выбросить жалко и держать трудно! Если Лужкову не возглавлять «Отечество», то оно получит совсем слабый результат.

Ведущий: *А если «Отечество» совсем не идет?*

Егор ГАЙДАР: С точки зрения Лужкова как кандидата в президенты, это, наверное, самая разумная и самая сильная стратегия. Но когда уже создали эту организацию, у которой масса своих интересов, амбиций, в которой завязано во многом окружение Лужкова, принять такое решение очень непросто. Разумеется, он очень здорово поменял бы ситуацию, если бы мог, но ее очень трудно поменять.

Ведущий: *А кто бы от этого решения выиграл?*

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что от этого решения в первую очередь выиграл бы тот или иной неявный блок, выстроенный под Е. М. Примакова. Если такое произойдет.

Ведущий: *А если не произойдет?*

Егор ГАЙДАР: Если это не произойдет, то на самом деле партия власти окажется в полном объеме дезорганизованной и соответственно ее элементы отойдут к «идеологическим» партиям. У нас «идеологические» партии — это КПРФ, «Яблоко» (в определенной степени) и «Правое дело». Вот партии, применительно к которым можно сказать, за что они выступают. Про партию власти можно сказать, что она выступает за власть, за тех, кто в данный момент находится у власти. Если партия власти будет совсем дезорганизована, то ее голоса разойдутся по «идеологическим» партиям.

Ведущий: *А Вы не назвали Лебеда с какой-то партией.*

Егор ГАЙДАР: Дело в том, что я не знаю, будет ли Лебедь участвовать в выборах. Все, что я сказал применительно к Лужкову, в полном объеме, причем в большей степени, относится к Лебедю.

Если для Лужкова сейчас важен вопрос о том, что «Отечество» во главе с ним может не получить слишком убедительных результатов, что ослабит его позиции на президентских выборах, то для Лебеда при его нынешних проблемах в Красноярске есть шанс, что возглавляемый им блок получит крайне разочаровывающие результаты и это просто похоронит его как федерального политика.

Ведущий: Тем более что у Лебеда есть отрицательный опыт прошлых выборов. КРО¹ проиграл, и это, несомненно, отбросило тень на президентскую кампанию.

Егор ГАЙДАР: Без сомнения!

Ведущий: Ну а собственные шансы, шансы «Правого дела» как Вы оцениваете?

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что у нас очень приличные шансы добиться формирования либеральной фракции в следующей Думе. Все-таки уроки выборов 1995 г. люди наконец научатся извлекать. Произошло страшное дробление демократических голосов, которых вместе было больше, чем у «Яблока», но они все оказались нереализованными именно в силу того, что партии шли на выборы отдельно. А нереализованные голоса достались коммунистам, «Яблоку» и НДР — это серьезный урок. И мне кажется, что политики нашей части спектра из этого урока сумели извлечь некоторые выводы. Я думаю, шансы получить достаточно сильную депутатскую группу у нас, без сомнения, есть.

¹ КРО — Конгресс русских общин — партия, лидером которой был одно время Александр Лебедь.—
Прим. ред.

Посредническая миссия по урегулированию конфликта на Балканах

Радиостанция «Эхо Москвы». 1 апреля 1999 г.

Ведущий — Алексей Венедиктов

В прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы» лидеры коалиции «Правое дело» Борис Федоров, Егор Гайдар и Борис Немцов

Ведущий: Только что из Италии вернулись лидеры коалиции «Правое дело», которые вели переговоры или, как говорят многие обозреватели, осуществляли посредническую миссию в деле урегулирования конфликта на Балканах: Борис Федоров, Егор Гайдар и Борис Немцов. Только что по телетайпам с пометкой «срочно» сообщают агентства, что Президент Югославии Слободан Милошевич встретился с умеренным лидером косовских албанцев Ибрагимом Руговой¹. В контексте всех начавшихся, состоявшихся и несостоявшихся переговоров что может означать эта встреча перед завтрашними событиями?

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что это один из немногих разумных шагов югославского руководства за последнее время. Один из выводов, к которым мы пришли по итогам встреч, состоит в том, что, если не будет налажен прямой диалог между югославским руководством и албанцами, разрешить конфликт крайне трудно. Югославское руководство традиционно говорило: «Да, это террористы, мы с ними разговаривать не будем». Израильское руководство традиционно говорило: «Палестинцы — это террористы, мы с ними разго-

¹ Ибрагим Ругова (1944–2006 гг.) с 2002 по 2006 г. был первым Президентом Республики Косово.—
Прим. ред.

варивать не будем». Пришлось. Когда стали разговаривать, выяснилось, что только так можно постепенно договариваться. Заставить албанцев после всего происшедшего просто сложить оружие — неразрешимая задача. Придется договариваться.

Ведущий: *Перед вашей поездкой была одна ситуация, после вашей поездки — другая ситуация. Вы вернулись в большей мере оптимистами? Есть реальный результат вашей поездки?*

Борис НЕМЦОВ: Мы вернулись реалистами. Мы понимаем, что большие государственные мужи (не важно, в Вашингтоне, Бонне или Белграде) самостоятельно решить проблему не могут. Именно поэтому мы считаем, что подключение общественного мнения, в том числе европейского общественного мнения, и России, и общественного мнения США, крайне важно для того, чтобы установился мир на Балканах. Я считаю, что главное, что нам удалось достигнуть: мы предложили важную идею — объявить перемирие на время католической и православной Пасхи. Мы это предложили во время нашей встречи с патриархом Сербии Павлом. Это же мы предложили вчера во время встречи с папой римским в Ватикане. Это же мы предлагали руководству Италии, министру иностранных дел Италии. Мне кажется, что это крайне важно, потому что сейчас и американцы, и НАТО в целом, с одной стороны, и Белград — с другой, не хотят первыми сделать шаг навстречу друг к другу. И поэтому здесь участие негосударственных структур крайне важно. Второе. Мы обратились к россиянам с просьбой поставить свои подписи под обращением против войны. Уже сейчас начался сбор этих подписей. Он идет в Москве, начался в Нижнем Новгороде, я надеюсь, и в других городах нашей страны. Далее. Мы обратились к партиям, в том числе к тем, чьи взгляды не разделяем, с тем, чтобы они подключились к этому процессу сбора подписей. Я очень надеюсь, что в Европе также найдется масса организаций и движений, которые будут этим заниматься. И последнее. Обращение к католической и православной церквям. А Вы знаете, что вчера Русская православная церковь уже выступила с таким обращением? Если это обращение будет адресовано лидерам стран-членов НАТО и югославам, то есть надежда, что перемирие будет возобновлено. Я должен отметить, что позиция США остается очень жесткой. На мой взгляд, американцы делают гигантскую после вьетнамской войны ошибку, продолжая эскалацию бомбардировок. Именно поэтому общественное мне-

ние играет очень и очень существенную роль. Мы ни в коем случае не хотим подменять государственную власть, правительство, МИД. Просто мы считаем, что если есть возможность у нашей организации, у коалиции «Правое дело», внести свою лепту в установление мира или хотя бы перемирия, то не воспользоваться этой возможностью было бы просто большим малодушием.

Ведущий: *Но есть ощущение, если говорить о начале переговоров, когда поездка только начиналась, что ее планы более обширны. Говорилось о возможности поездки в Брюссель из Рима, встречи с Соланой, затем полета в Вашингтон и встречи с Альбертом Гором и Олбрайт. Даже говорилось о том, что Клинтон готов принять вашу делегацию. Что случилось? Почему остановили поездку? Почему вы сейчас вернулись в Россию, хотя пока цель не достигнута?*

Борис ФЕДОРОВ: Совершенно очевидно, что у нас были запланированы встречи. Никто не отказывался с нами встречаться в западных странах. Но по итогам того, что мы увидели в Белграде, переговоров с патриархом сербским и некоторыми политическими деятелями Сербии, с американским послом Холбруком, с руководством Италии на уровне министра иностранных дел, затем с Ватиканом было ясно, что позицию мы смогли донести. Определенные инициативы, которые, как только что говорил Борис Немцов, стали известны всем. Были телефонные консультации, в том числе с некоторыми другими странами. Мы посчитали, что на этом этапе мы важнее здесь, в России, потому что Америка, к сожалению, занимает очень прямолинейную позицию. Они сами себя загнали в западню. После начала операции беженцев и жертв стало больше, режим Милошевича стал сильнее, антиамериканские настроения во всех странах усилились. Никто в Америке не знает четко, что делать через неделю, через две недели. По Си-эн-эн показывают, что нужно будет 200 тыс. солдат и месяц развертывания. А мы видели, что многие в Сербии сегодня объединились вокруг идеи сопротивления, исходящей от оппозиции, которая по существу ликвидирована с помощью НАТО. Я думаю, что кровопролитие и дальше может продолжаться. Мы выполнили свою задачу, как ее видели. Это не значит, что через два-три дня, если не произойдет каких-то позитивных сдвигов, мы не предпримем какие-то другие инициативы. Наша позиция, что мы сделаем все независимо от того, нравится это кому-то или не нравится, для того чтобы попытать-

ся остановить бессмысленное кровопролитие, потому что очевидно, что это не в интересах ни сербов, ни югославов, ни стран НАТО, ни России, потому что маленькая Югославия (там 47 МИГов) будет сражаться с НАТО... Только у нас в Государственной думе могут полагать, что это имеет какую-то перспективу. Причем Югославия доказала, что она может сопротивляться. Это уже очевидно тоже. Больше трупов — это гуманитарная цель, что ли? Я думаю, что решение не ехать сегодня в США тоже определенное действие, которым мы пытаемся показать властям США, несмотря на то, что у нас с многими их представителями были разговоры, что на данном этапе они занимают неконструктивную позицию.

Борис НЕМЦОВ: Американцы просто абсолютно не созрели для конструктивного диалога, нужно подождать. Нужно общественное мнение и еще две вещи. Я считаю, что Россия просто обязана немедленно отказаться от американской гуманитарной помощи, которую Кулик с протянутой рукой выпрашивал у американцев и которая стала поступать в том числе в Санкт-Петербург. Немедленно должно быть сделано заявление и президента, и премьер-министра, и правительства, и Государственной думы на этот счет. Второе. Я считаю, что все патриоты России должны найти возможность избегать покупать товары с маркой «Сделано в США».

Ведущий: *А «Сделано в Венгрии»?*

Борис НЕМЦОВ: Нет вопросов, покупайте. Это наша европейская проблема.

Ведущий: *То есть «Сделано в Англии» можно, «Сделано в Германии» можно, «во Франции» можно...*

Борис НЕМЦОВ: Я сейчас Вам объясню, в чем дело. Если бы не такая твердолобая позиция США, даже Тони Блэр, я уже не говорю про канцлера ФРГ, давным-давно бы согласились с нашим предложением. Поэтому смотрите на продукты с маркой «Сделано в США» и повремените покупать их, не покупайте. Потерпите чуть-чуть. Американцы очень материалистические люди. Они, как только увидят, что их компании терпят убытки: «Кока-кола», «Мальборо», «Филипп Моррис»...

Ведущий: *Что делать поколению, которое выбрало «Пепси»?*

Борис НЕМЦОВ: Пусть покупают «Пепси», которое в России сделано. Тут они по крайней мере хоть налоги платят и российские рабочие работают.

Ведущий: *Егор Тимурович, Вы сравнили ситуацию с палестинской автономией. Надо вспомнить о том, что до сих пор нет палестинского государства, что палестинская автономия возникла через 48 лет после первой арабо-израильской войны. Есть ли такое время для Европы, для Балкан?*

Егор ГАЙДАР: Разумеется, хотелось бы, чтобы проблема решалась побыстрее. Я напомним, что Албания была автономным краем в составе Сербии с широчайшими правами на протяжении десятилетий, что лишение де-факто Косово статуса реальной автономии, принятое президентом Милошевичем, было страшной ошибкой, которая была ключевой в начале распада Югославии и зародила семена того конфликта, который сегодня обернулся страшной кровью. Я не вижу ничего такого немислимого в том, чтобы Косово вновь стало нормальной, полноценной автономной республикой с очень широкими правами.

Ведущий: *А почему Вы не встречались с лидерами албанцев, хотя бы умеренных албанцев?*

Егор ГАЙДАР: К сожалению, мы не имели этой возможности. Это технически было очень трудно сделать из-за ограничения на передвижение в зоне военных действий.

Борис НЕМЦОВ: В тот день, когда мы там были, там были страшные налеты. Около 100 налетов в течение одной ночи. И там такая была мясорубка и такое огромное количество беженцев, больше 100 тыс. беженцев буквально за несколько дней. Конечно, там никому было не до встреч.

Егор ГАЙДАР: Попросту говоря, югославские власти никогда бы на это не согласились.

Борис ФЕДОРОВ: Кстати, в Белграде в гостинице женщина подошла и сказала: «Спасибо. Наверное, потому что вы приехали, Белград два дня не бомбили».

Борис НЕМЦОВ: Нас Холбрук предупредил в Будапеште: «Вы можете куда хотите ехать, мы будем продолжать войну». Тем не менее когда мы пришли в наше посольство, где нас встретил Юрий Михайлович Котов, он сказал: «Что-то такое странное: отбой воздушной тревоги впервые за многие ночи. Может, вам тут подольше остаться?» Но нам тогда надо было еще и в Косово ехать.

Борис ФЕДОРОВ: Кстати, если пообещают не бомбить, мы готовы снова приехать в Белград и провести там достаточно много времени.

Борис НЕМЦОВ: Кстати, если бы мы в Приштину поехали, они бы тоже постеснялись что-нибудь такое гадкое делать.

Ведущий: *Ваша поездка на Балканы вызвала странную для многих наблюдателей реакцию. Сначала речь шла о том, что вы консультировались с Ивановым¹ перед поездкой (я не говорю, что вы получили мандат Игоря Иванова), затем резкие заявления Думы, которая собиралась обсуждать и принимать специальное обращение чуть ли не к Милошевичу и Ельцину с просьбой дать оценку вашей поездке. Вас обзывали по-разному: «шестеркой», «попугаями», из-за вас была драка в Думе между Юшенковым, Семаго, Шандыбиным.*

Борис НЕМЦОВ: Жалко, никого не избил.

Ведущий: *Борис Ефимович, Вы можете туда сходить и на каком-нибудь заседании...*

Борис НЕМЦОВ: Нет, сегодня у них праздник, сегодня 1 апреля, день дурака, поэтому ходить некуда.

Ведущий: *У меня вопрос на самом деле серьезный. Зюганов с делегацией компартии тоже мог поехать, попытаться посредничать между Милошевичем и кем-то. Почему такая резкая и негативная реакция как от части официальной России, так и от многочисленных депутатов? Этот проект постановления против вас собрал чуть ли не 250 голосов.*

Борис НЕМЦОВ: Я бы на месте Евгения Максимовича Примкова, Игоря Сергеевича Иванова и всех остальных начальников использовал по полной программе наши возможности для того, чтобы урегулировать конфликт. Я понимаю, что есть чисто советская, или совковая, оценка действий людей, которые не входят в официальные структуры власти, но это же все прошлое. Мы же хотим помочь. Мы, во-первых, были у Иванова перед отъездом, во-вторых, написали шифровку (невероятное дело для людей, не связанных с властью) из Белграда, послали ее Евгению Максимовичу.

Ведущий: *Они отрицают, что получили.*

Борис НЕМЦОВ: Я не знаю, может, у них почта не работает или вообще какие-то проблемы. Егор лично приходил в наше посольство в Белграде и лично отдал в руки послу, тот сказал, что все исполнит. Куда делось дальше, не знаю, может, там проблемы какие-то со связью? Мы вели себя очень конструктивно и до сих пор

¹ Иванов Игорь Сергеевич с 1998 по 2004 г. был министром иностранных дел России.— Прим. ред.

считаем, что Евгений Максимович мог бы нашими возможностями пользоваться более активно. И тогда не было бы таких печальных результатов его поездки в Бонн, между прочим. Это все, конечно, очень печально. Что касается Государственной думы, я уже говорил, но хочу повторить это, поскольку сегодня день необычный все-таки — 1 апреля. Конечно, за долгое время пребывания депутатом в Государственной думе многие явно глупеют. Некоторые из них просто становятся идиотами.

Ведущий: *Вы стремитесь в Государственную думу, коалиция...*

Борис НЕМЦОВ: Мы-то там просто не были и к ним никакого отношения не имеем. Сегодня день дурака, профессиональный их праздник. Мы их оскорблять не будем, мы просто хотим их с этим праздником поздравить, пожелать им всего хорошего. Жалко, что они абсолютно невменяемы, некоторые. Печально, что никто не хочет даже вникнуть в проблему. К сожалению, в Государственной думе главенство имеет партия войны, которую возглавляют товарищ Зюганов и господин Жириновский. А люди, которые имеют конструктивную позицию, там не представлены. Они там будут представлены после выборов в декабре, которые мы выиграем. До этих пор, к сожалению, они, как позор нации, вещают всякую глупость и пытаются провокационными способами втянуть Россию в войну. Этого допускать нельзя.

Ведущий: *Борис Григорьевич, Вы как раз были депутатом именно этой Государственной думы. Непонятна все-таки реакция.*

Борис ФЕДОРОВ: Я в прошлом мае ушел, поэтому сейчас не несу ответственности. Почему? Очень понятная реакция. Посмотрите всю историю Государственной думы, когда кричат, что правительство что-то неправильно делает, а потом принимают бюджеты, которые искажены и настолько плохи, что все понимают, что они не будут работать. Принимают законы, которые иногда выглядят просто абсурдно. Говорят о патриотизме и подталкивают братскую Сербию, братскую Югославию к тому, чтобы устроить чудовищную резню, после чего там не останется ни югославской армии, ни городов. Сегодня уже говорят о возможности бомбежек Белграда, о солидарности и собираются послать волонтеров, добровольцев, чтобы они, я не знаю, что там — ходили по полям и натовские ракеты в них летели? Что они там могут делать? Записываются куда-то там добровольцами, шашкой кто-то там размахивал. Мы видели, что

там происходит: страна, где все попрятались по бомбоубежищам, где на самом деле никаких волонтеров никто не ждет, где совершенно очевидно может дойти до того, что будет очень длительная партизанская война, но в результате потеряют все. И в этом смысле наши критики просто себя разоблачают. На мой взгляд, это просто аморальная позиция. Когда кто-то пытается сделать (пусть немного, но что-то сделать) для того, чтобы войны, в которую могут вовлечь и Россию, не было, а люди, говорящие о братском народе, о патриотических чувствах, по существу хотят уничтожить югославское государство. Я думаю, что они разоблачают сами себя, и я просто называю это в какой-то степени предательством интересов и русского народа, и сербского народа.

Ведущий: *Вам бросают обвинение в том, что вы поехали ради политической саморекламы и, конечно, ничего не привезете. Вы вернулись. Давайте в сухой остаток, Егор Тимурович.*

Егор ГАЙДАР: Что, на мой взгляд, является ключевой на сегодняшний день проблемой? Из-за чего не удалась миссия Примакова? Переговорная позиция югославского руководства: мы не будем вести обсуждение политических вопросов и не сядем за стол переговоров до тех пор, пока продолжаются бомбежки. Переговорная позиция НАТО: мы не прекратим бомбежки до тех пор, пока не будет гарантий решения всех политических вопросов. Замечательно. Обе позиции твердые, четко сформулированные. С каждой из них нельзя сойти, не потеряв лица политического. Льется кровь, усиливается конфликт, увеличивается количество беженцев. И никто: ни одна, ни другая сторона — не знает, как из всего этого выйти. Мое ощущение по многим результатам разговоров: я вижу, что югославская сторона не знает, как из этого тупикового положения выйти. И у меня глубокое убеждение, что и натовская сторона не знает, как из всего этого выйти.

Ведущий: *Но хочет?*

Егор ГАЙДАР: Хочет, на самом деле хочет.

Борис НЕМЦОВ: Хочет, но не говорит.

Егор ГАЙДАР: Хочет, думает лихорадочно. День, два, три, пять, а дальше-то что? Через месяц-два что будет? Наша идея была предельно простая. Дадим возможность выйти из этого тупика без потери лица и той, и другой стороне. Что для этого надо сделать? Элементарная вещь. Наступает Пасха, один из величайших христи-

анских праздников. Католическая Пасха наступает на этой неделе, православная — через неделю. Если будет инициатива церкви о перемирии на эти семь дней, никто не теряет лица. Милошевич прекращает боевые действия в Косово не потому, что боится НАТО, а потому, что его призвала церковь. НАТО прекращает бомбардировки не потому, что они не понимают, что дальше с ними делать, а потому, что призвала церковь, и т.д. Открывается путь для диалога. Вот была наша основная идея. Мы встречались с патриархом сербской православной церкви, с папой римским, с государственным секретарем Ватикана, с итальянцами. Выступила Русская православная церковь с этой инициативой. Сейчас посланник папы архиепископ Торано находится в Белграде, обсуждает эти вопросы с югославским руководством, предполагается обсуждать их с Русской православной церковью. Возникает уникальная инициатива, скоординированная православной и католической церквами, которой не было на протяжении всей истории. В поддержку этой инициативы выступило руководство Италии и Греции, они поставили этот вопрос перед НАТО. То, что можно было сделать на общественном уровне, сделано. База для того, чтобы сделать шаг к миру, на мой взгляд, есть. Здесь уже важнейший вопрос — подключение государственных структур. Мне кажется, что дипломатия, в том числе российская, могла бы, должна была бы самым решительным образом воспользоваться этим позитивным потенциалом для того, чтобы добиться одной элементарной цели: прекращения огня, паузы в боевых действиях на семь дней между двумя праздниками, открывающей дорогу для переговоров. Сумеют воспользоваться — замечательно. Мы не можем, к сожалению, здесь заменить государство. Мы можем создать минимальные предпосылки, чтобы оно действовало в правильном направлении.

Борис НЕМЦОВ: План из трех пунктов. Первое — пасхальное перемирие. Второе — за время перемирия сформулировать общественное мнение в виде сотен миллионов подписей. Третье — посредническая миссия Италии, Греции и России по возобновлению переговоров. Вот план, который мы пытались осуществить и который в определенной степени нам удался, хотя, конечно, мы сами до конца все сделать не можем. Нужно, чтобы все институты были подключены. Сегодня Борис Николаевич сказал, что необходимо собраться «большой семерке», министрам иностранных дел. Важная

инициатива. Мне кажется, что надо это быстро делать, пока Пасха не прошла.

Ведущий: *Реакция папы известна, во всяком случае ее направление, а вот реакция патриарха Павла неизвестна.*

Егор ГАЙДАР: Я вместе с моими коллегами обсуждал эту тему с патриархом Павлом, это патриарх Сербской православной церкви. В разговоре с нами он горячо поддержал эту инициативу.

Ведущий: *Странно получается. Церкви нужен был какой-то импульс от светской партии, светского движения, светских людей для того, чтобы соединиться.*

Егор ГАЙДАР: Конечно, это все церковь решает сама. Это самостоятельное решение церкви, церковных органов и т.д. Это ни в коем случае не должно быть воспринято так, что церковь действует по чьей-то указке. Но другое дело, что здесь вопрос решается не чисто религиозный, здесь важнейшая политическая проблема создания базы для начала переговоров, прекращения боевых действий. Здесь решение церкви оказывается делом, которое определяет вопросы не только религии, но и войны и мира.

Борис НЕМЦОВ: Инициативы одного патриарха явно было недостаточно. Когда мы сказали Святейшему Патриарху Павлу, что поедem в Ватикан и постараемcя там найти понимание, именно это стало очень важным моментом, потому что, как правило, православная церковь, сербская и русская, католическая церковь не очень легко находят общий язык. Это было важно. Выступление одной в отдельности церкви мало что решало.

Ведущий: *Вопрос Борису Федорову. Сегодня вечер 1 апреля. Вы считаете, что (с учетом того, что Вы сказали, с учетом того, что мы слышим о встрече Милошевича и Руговы) возможно, что завтра сербский патриарх, папа римский выступят и война на неделю замрет, откроется такое окно? Насколько велики шансы?*

Борис ФЕДОРОВ: Нам трудно оценить шансы в процентах. В Ватикане мы четко слышали, что, как только архиепископ, который сейчас находится в Белграде, сообщит результаты своей миссии, папа римский будет предпринимать какие-то действия. Вполне вероятно, что такие согласованные действия (они уже начались) будут совершены. Вопрос — насколько сработает? К сожалению, это не от папы римского зависит, не от нас и не от патриархов. Это зависит чисто от политиков. Даже если это произойдет не завтра, а после-

завтра или через три дня, в любом случае это позитив. Если же мы видим, что ничего не происходит, необходимо усилить давление общественности на все стороны, которые участвуют. Нужно донести до общественности США действительную ситуацию, потому что, на наш взгляд, есть однозначно элемент дезинформации в том, как преподносится в СМИ то, что происходит. Здесь мы можем сыграть вполне определенную роль, потому что нас заподозрить в каких-то чисто политических мотивах... Мы не являемся союзниками Милошевича, сторонниками Бабурина, Зюганова и примкнувшего к ним Семаго. Мы совершенно из другого политического спектра, нам зачастую легче разговаривать с республиканцами или с консерваторами в разных странах. Мы видим, что есть существенный перекос в общественном мнении. Мы должны донести правду, какой бы горькой она ни была.

Ведущий: *И там, и здесь перекос?*

Борис ФЕДОРОВ: И там, и здесь. Безусловно, потому что здесь разжигается истерия. Можно подумать, что сейчас 1877 г. и нужно быстро волонтеров собрать для помощи, борьба с Турцией, русско-турецкая война, нужно срочно на Шипку ехать. Очевидно, что сейчас совершенно другое время, другие возможности. Какие бы ни были у меня личные симпатии к братскому сербскому народу, но совершенно очевидно, что безумие, когда микроскопическую армию пытаются противопоставить всему миру, тем более что этот мир даже не посылает туда солдат, а каждый день может сотни бомбардировщиков посылать. Что, мы хотим уничтожить просто братский народ? Те же самые США думают, что, чем больше будет бомб сброшено, тем быстрее сербы полюбят албанцев? Это абсолютный абсурд. Огромное количество беженцев в значительной степени вызвано бомбардировками. Это очевидно любому человеку. Эту истерику, когда сегодня сербов изображают как зверей каких-то, которые в центре Европы затаились и угрожают всему миру, тоже нужно кончать. Это тоже неправда. Мы видели много абсолютно нормальных людей, с которыми можно разговаривать, которые хотят мира, которым не нравится зачастую и режим, существующий в этой стране. Наша задача, как и общественных организаций, у которых, может быть, нет государственных рычагов, попытаться изменить настроение в обществе. И мы будем пытаться это делать.

Ведущий: *В прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы» были лидеры коалиции «Правое дело» Борис Федоров, Егор Гайдар и Борис Немцов.*

Предложения о пасхальном перемирии в Югославии

Радиостанция «Радио Свобода».
Передача «Лицом к лицу». 4 апреля 1999 г.

Ведущий — Владимир Бабурин

Ведущий: *В четверг в Москву вернулась миротворческая миссия руководителей движения «Правое дело» — Егор Гайдар, Борис Немцов и Борис Федоров. Они посетили Белград, а в Ватикане российских правых принял глава Римской католической церкви Иоанн Павел Второй. На следующий день понтифик обратился к участникам косовского конфликта с предложением заключения пасхального перемирия. В Государственной думе (ГД) России миссия Гайдара, Немцова и Федорова вызвала резкий всплеск страстей. Косовский конфликт отодвинул на задний план все другие события, в том числе переговоры российского правительства с миссией МВФ. Хотя именно в эти дни перспектива получения Россией очередного транша фонда стала практически реальной. Обо всем этом мы будем говорить с сегодняшним гостем программы «Лицом к лицу, лидер отвечает журналистам» руководителем партии «ДВР» Егором Гайдаром. Вопросы ему задают Джил Дороти, руководитель московского бюро телекомпании Си-эн-эн США, и обозреватель газеты «Время. Московские новости» Александр Беккер. Ведет программу Владимир Бабурин. И начинаем мы, как всегда, с биографии нашего гостя.*

Егор Гайдар родился в 1956 г. в Москве. Внук известного советского писателя Аркадия Гайдара, а также сказочника Павла Бажова. С 1980 г. работал в Институте системных исследований, с 1986 г. — в Институте экономики и прогнозирования, в 1987 г. — возглавил от-

дел экономики в журнале «Коммунист», в 1990-м был назначен редактором отдела экономической политики газеты «Правда». В сентябре 1991 г. Гайдар возглавил рабочую группу экономистов, созданную усилиями Геннадия Бурбулиса и Алексея Головкова при Государственном совете РФ для разработки проекта реформ в российской экономике. В ноябре 1991 г. назначен заместителем председателя Правительства РФ по вопросам экономической политики, министром экономики и финансов. Фактически исполнял роль премьера в кабинете, который формально возглавлял Борис Ельцин. 2 марта 1992 г. назначен первым заместителем председателя Правительства России. 16 июня 1992 г. Ельцин подписал Указ о назначении Гайдара исполняющим обязанности председателя Правительства России. В декабре 1992 г. седьмым Съездом народных депутатов Гайдар не был утвержден на посту председателя Совета министров РФ. После утверждения новым премьером Виктора Черномырдина и ухода в отставку Гайдар занял пост директора Института экономических проблем переходного периода и был назначен консультантом Президента России по вопросам экономической политики. С весны–начала лета 1993 г. участвовал в создании предвыборного блока реформистских сил «Выбор России», став в июне 1993 г. председателем его исполкома. 18 сентября 1993 г. указом Ельцина был назначен министром экономики и первым заместителем председателя правительства. На учредительных съездах движения и блока «Выбор России» в октябре 1993 г. Гайдар был избран членом политсовета движения и председателем исполкома блока. 12 декабря 1993 г. был избран депутатом ГД по списку блока «Выбор России» и был председателем одноименной фракции. В 1994 г. вышел из состава Правительства России. В 1995 г. возглавлял список блока «ДВР — Объединенные демократы» на выборах в ГД. В январе 1996 г. вышел из Президентского совета в связи с продолжением войны в Чечне. Егор Тимурович, я надеюсь, мы не сделали ошибок в Вашей биографии, тем более что Вы не первый раз на радио «Свобода»?

Егор ГАЙДАР: Все в порядке.

Ведущий: Что ж, тогда мы начнем с первого вопроса. Первый вопрос совершенно естественный — это Ваша поездка сначала в Югославию, а потом в Италию. Она вызвала совершенно разные отклики, склоку и даже небольшое рукоприкладство в ГД. Были и оскорбительные высказывания в Ваш адрес, в частности, от красноярского гу-

бернатора или от Никиты Михалкова, который сказал, что Вы можете заблудиться даже в Парке культуры. Я не сказал еще, что Вы владеете сербскохорватским языком, вернее, теперь правильнее говорить — сербским и хорватским, теперь это уже два языка. А система образования в СССР была такой, что кроме языка человек всегда изучал предмет, который назывался «страноведение», поэтому, я думаю, в югославских проблемах Вы должны разбираться хотя бы на основании своего образования. Поэтому вопрос у меня такой: все-таки чем обусловлена Ваша позиция — довольно жесткая, совпадающая с позицией российского руководства, — что в нынешнем кризисе в Югославии виновны в первую очередь НАТО и США, а никак не президент Милошевич, который проводит этнические чистки в Косове?

Егор ГАЙДАР: Нет, моя позиция другая. Вопрос не в том, кто виноват. В том, что президент Милошевич в огромной степени виноват в конфликте в Косово, нет никакого сомнения. Это совершенно очевидно. То, что Слободан Милошевич, в 1989 г. де-факто отменивший автономию Косово, заварил страшную кашу, которую сейчас приходится расхлебывать... Что об этом говорить... Это общеизвестно. Я об этом говорил многократно. Думаю, что это не прибавляет любви ко мне нынешнего югославского руководства, но я не устаю это повторять. Вопрос не в том, кто эту кашу заварил, а в том, что с этой кашей делать. И здесь очень, на мой взгляд, неразумная линия связана с тем, что если Милошевич, такой в высшей степени малосимпатичный правитель, заварил эту кашу, то теперь другие люди и другие организации, реагируя на вызов, должны делать со своей стороны страшные и очень опасные ошибки. Вот в чем логика того, о чем мы говорим. Понимаете, проблема Косово абсолютно реальна. Она была абсолютно реальна 8 дней назад, перед началом бомбардировок. Она также реальна сегодня. Только давайте посмотрим — а к чему привели бомбардировки в решении проблемы Косово? Первое. Количество беженцев сократилось? Нет, увеличилось. Число жертв среди мирных жителей сократилось? Нет, увеличилось. Режим Милошевича ослаб? Нет, поверьте мне, я был в Белграде только что. Он существенно укрепился. Сербская оппозиция реально раздавлена. Антиамериканские настроения в мире и в том числе в России нарастают. Вот реальные результаты. Они не имеют отношения к тому, плох Милошевич или хорош.

Джил ДОРОТИ: То, что меня интересует, — это политика России, конечно. И мы наблюдаем, кажется, две линии одновременно. Президент говорит, что Россия не будет вовлечена в конфликт, и одновременно Россия посылает корабли, по крайней мере один, в район конфликта. Что происходит? Чем это объясняется и как Вы смотрите на то, что правительство делает?

Егор ГАЙДАР: Два разных вопроса. Первый — влияние того, что происходит в Югославии, на развитие событий в России. И второй — действия российского правительства.

Влияние развития событий в Югославии на ситуацию в России очень серьезное и очень тяжелое, на мой взгляд, в полной мере не оцененное пока в мире, в Вашингтоне, в столицах государств НАТО. Вы здесь, в Москве находитесь. Я думаю, что Вам это гораздо виднее, чем многим Вашим коллегам, которые далеко отсюда. То, что происходит, та картинка, которую мы видим на экранах, рождает у очень многих людей в России одну простую мысль, очень неприятную. Если они это делают в Югославии с очень несимпатичным им режимом, где гарантия, что когда-нибудь они не будут этого делать с нами, с Россией? И эта мысль совершенно неизбежно возникает у любого русского человека, у любого россиянина совершенно независимо от его политических убеждений. Это важнейший фактор внутренней политики. И то, что этот важнейший фактор неизбежно работает на нагнетание в России антиамериканских настроений, — это просто факт. То, что он работает на усиление позиций радикальных националистов, тоже факт. То, что он объективно толкает Россию к изоляционизму, ксенофобии, новой холодной войне, ко всему, что более всего опасно не только для самой России, но и для мира тоже, — это ведь тоже факт. И любые российские политики, в том числе правительство и президент, вынуждены, работая в демократической стране, учитывать и эти реальные элементы общественного мнения. Они данность и реальность.

Второе. Действия в связи с этим российских властей. В целом линия направлена на то, чтобы попытаться сохранить возможность диалога, продвижения в направлении мира, прекращения боевых действий. Я считаю, что она абсолютно правильна и заслуживает всяческой поддержки. Что у меня вызывает опасения? Всяческое бряцание оружием, все эти разговоры о добровольцах и посылке кораблей. Я считаю, что важнейшая задача — остановить югослав-

ский конфликт. Но, может быть, еще более важная задача для нас не допустить ни в какой форме втягивания России в этот конфликт. Втягивания России, не дай Бог, в военный конфликт... В любой форме. Знаете, мы уже один раз втянулись в такой маленький конфликт в 1914 г. на Балканах. Вот с тех пор Россия несколько десятилетий не может расхлебаться с последствиями. Мне кажется, что одного раза за столетие вполне хватит.

Ведущий: *События в Косове действительно заслонили — вот уже вторую неделю — практически все остальные сообщения. Забыли и про похождения человека, похожего на Скуратова, и про переговоры с МВФ. Но здесь, в этой студии среди журналистов присутствует Александр Беккер, экономический обозреватель газеты «Время МН» и поэтому я думаю, что от Югославии мы периодически будем все-таки возвращаться к вопросам экономики.*

Александр БЕККЕР: И тем не менее мой вопрос о Югославии. Егор Тимурович, все последние месяцы российская дипломатия активно защищала Югославию. Закончилось это в октябре прошлого года достаточно неожиданно. Милошевич сепаратно, за спиной России подписал два соглашения с западными странами об ограничении присутствия югославской армии в Косово. Это было шоком и пощечиной для российской дипломатии. Мы «умылись» тогда. Что происходит сейчас? Уже после визита Примакова, Вашей поездки официальный Белград сделал два очень интересных заявления. «Не все в руках России» — первое. И второе: министр информации Югославии сказал, что не надо переоценивать результаты визита Примакова и вообще роль России. Ключ к разрешению конфликта — в Америке. Не получится ли так, что снова Россию... ну, грубо говоря, кинут? Кинет Милошевич, кинет официальный Белград.

Егор ГАЙДАР: Абсолютно не исключаю этого. Не надо никаких иллюзий. Отношение к России в сербском обществе очень хорошее, но отношение к России среди верхушки нынешнего режима — это «две большие разницы». И никакой благодарности, я Вас уверяю, от Милошевича за наши усилия мы не получим. Я это очень хорошо знаю опять же потому, что знаю эту страну не понаслышке. Но еще раз подчеркиваю, здесь задача российской дипломатии состоит отнюдь не в том, чтобы получить медальку благодарственную от Слободана Милошевича. Да, мне глубоко безразлично, будет

он за это благодарен или нет. Пусть за чьей угодно спиной договорится, главное для меня, чтобы были прекращены боевые действия, чтобы прекратилась война, чтобы Россия не была туда втянута. Это мне важно, а отнюдь не то, будет ли нам благодарен господин Милошевич.

Ведущий: *По возвращении в Москву... правда, не Вы, а Ваш коллега Борис Немцов сказал, что после поездки в Югославию он убедился, что поток беженцев возрос не из-за этнических чисток, а из-за бомбежек НАТО по Югославии. Но из зоны конфликта изгнаны все западные журналисты. Это война, которая впервые проходит вслепую. Если Первую мировую было слышно по радио, войны более позднего периода показывали по телевидению, то об этой войне мы не знаем абсолютно ничего. Тем не менее, если бы были человеческие жертвы бомбардировок, я думаю, что сербское телевидение получило бы эти кадры незамедлительно. Пока таких кадров нет. По крайней мере мы не видим. И поэтому я смею утверждать, что число жертв этнических чисток значительно превышает число жертв натовских бомбежек. Несмотря на это, в Вашем обращении, которое выдвинуло движение «Правое дело»: «Скажите “нет” бомбардировкам НАТО в Югославии! Скажите “нет” войне в Косово! Скажите «нет» войне в Европе! Скажите “нет” любой войне!» — нет строчки «Скажите “нет” геноциду албанцев в Косово!» Вот этой строчки, по-моему, здесь не хватает. Вам не кажется?*

Егор ГАЙДАР: Когда мы говорим «Нет войне в Косово!», мы, естественно, говорим и «Нет этническим чисткам в Косово!». Я считаю, что любые формы этнических чисток, где бы они ни происходили — в Краине Сербской¹ или в Косово, — это страшное преступление. И задача — остановить преступление против мирного населения, всякого, в том числе, естественно, албанского, — важнейшая задача, без которой мира, разумеется, там не будет. Это касается и того, как Вы считаете, что количество жертв чисток больше, чем жертв от бомбардировок.

Ведущий: *Я предполагаю.*

¹ Республика Сербская Краина — бывшее непризнанное сербское государство на территории Республики Хорватии. Существовала с 1991 по 1995 г. Была ликвидирована в 1995 г. в ходе хорватской военной операции. — Прим. ред.

Егор ГАЙДАР: Вот то-то и оно. Я не знаю, не знаю. Вы правильно сказали. Там нет сегодня надежных источников информации. Само югославское руководство крайне противоречивые сигналы подает по поводу своего желания или нежелания, чтобы информация куда-то поступала. Драшкович говорит одно, его коллеги из сербского правительства — другое. Действия противоположные. Есть еще одно обстоятельство. Когда говорят, что изгнаны журналисты, — это факт, но часть журналистов не изгнана. А им просто очень опасно там находиться. Причем опасно не потому, что они могут быть подвергнуты преследованию официального Белграда, а потому, что настроение такое сейчас в Югославии, что я действительно бы очень боялся за жизнь Ваших коллег, скажем, просто на улице. Настроение очень жесткое. Воюющая страна. Это представители воюющей страны. Вот они кто. И это тоже элемент, который надо учитывать.

Что касается этнических чисток. Мы категорически против них. Мы только против применения двойного стандарта. Понимаете, проблема этнических чисток и проблема преступлений против мирного населения — это проблема, которая есть, к сожалению, во многих странах и во многих местах, в том числе в той же Югославии. И в той же Югославии трудно людям забыть, что была проблема, скажем, этнических сербов в Краине, колоссальная часть которых вынуждена была бежать из родных мест, и как-то мир очень спокойно к этому отнесся, не обратил на это большого внимания. А в Югославии об этом все знают. Еще раз подчеркиваю, что это ни в коей мере не оправдывает нынешний сербский режим, ни в коей мере не оправдывает этнические чистки. Просто это приводит тому, что происходит, некий дополнительный компонент, без обсуждения которого трудно понять реакцию югославской стороны, не официального правительства, а народа.

Джил ДОРОТИ: Егор Тимурович, еще вопрос о Вашей поездке в Югославию. Когда Вы там были, Вы что-нибудь предложили или просто слушали то, что сказали другие?

Егор ГАЙДАР: Конечно, мы обсуждали там ситуацию и высказывали собственные идеи по поводу того, что надо сделать для приостановки конфликта. Причем какая была наша-то позиция? Есть много разных идей по поводу того, как должно быть выстроено политическое урегулирование этого конфликта. Предложение,

с которым приезжал министр иностранных дел Украины в Белград, предложения российского МИДа, которые привозил Примаков... Есть много разных идей. Все они идут более или менее в одном направлении. Многие из них разумны. Все они упираются в одну принципиальную позицию югославского руководства, правильную или неправильную — неважно, но принципиальная позиция югославского руководства такая: все это может быть предметом обсуждения, мы в целом готовы, и это все возможно. Одно только маленькое обстоятельство — мы не будем вести никакие переговоры до тех пор, пока не будут прекращены бомбовые удары. Вот это принципиальная позиция югославской стороны. Принципиальная позиция альянса, как вы знаете, прямо противоположная: пока югославская сторона не пойдет на серьезные политические уступки и не прекратит боевые действия в Косово, бомбовые удары будут продолжаться.

И что дальше? Если вы не можете разрешить это противоречие, по большому счету бессмысленно обсуждать вопрос о формуле сил, которые будут задействованы в Косово для обеспечения мира, о том, как конкретно должен решаться вопрос о формуле референдума по статусу Албании.

Есть многие и многие другие интересные и важные вопросы... У всех есть своя позиция, свои идеи, но их бессмысленно обсуждать, поскольку не с кем обсуждать. Есть две позиции двух сторон конфликта, они несовместимы. И наша главная идея, которую мы обсуждали в Югославии и потом в Риме, состояла в том, чтобы создать возможность для обеих сторон остановиться и, не теряя лица, сделать шаг по направлению к миру, потому что НАТО — мощнейший военный альянс. Ему сказать: знаете, я передумал, я поменяю свою позицию — как-то очень трудно. И Милошевичу, между прочим, сегодня, в сегодняшней Югославии, чувствуя настроения людей, сказать: знаете, нас так сильно побили, что мы наконец согласились поменять свою позицию, — тоже очень трудно. И именно отсюда наша поддержка идеи воспользоваться наступающими двумя великими христианскими праздниками, католической Пасхой и через неделю православной Пасхой, для того чтобы на это время приостановить боевые действия. Приостановить не потому, что кто-то кого-то перекозырял, не потому, что кто-то кого-то испугался, а просто потому, что есть такие дни, когда

христиане могут позволить себе остановиться в применении силы, остановиться на это время, подумать и начать переговоры. Тогда Милошевич не начинает переговоры под бомбами, а НАТО прекращает бомбежки не потому, что они сдались перед Милошевичем. Вот, собственно, была та формула, которую мы считаем очень важной и которую обсуждали, разумеется, подробно и в Белграде, и в Италии.

Александр БЕККЕР: Егор Тимурович, как ни парадоксально, мне кажется, первой жертвой югославского конфликта может пасть не режим Милошевича, а Россия. Сейчас наша страна проводит важнейшие переговоры с МВФ о выделении кредита. Важнейшие не по сумме кредита, а по тому значению, которое имеет соглашение России с МВФ. Оно открывает возможность для переговоров России с Парижским и Лондонским клубами о рассрочке или списании стомиллиардного долга бывшего СССР. Жесткий антиамериканизм, жесткие антизападные настроения могут повернуть ситуацию таким образом, что США, влияние которых на МВФ и на «большую семерку» очень велико, могут запретить МВФ подписывать соглашения. Тогда захлопывается калитка к переговорам с Парижским и Лондонским клубами и на России затягивается петля гигантского внешнего долга.

Егор ГАЙДАР: Эта угроза реальная, она существует. Правда, ситуация здесь не линейная. Я в данном случае высказываю исключительно собственные соображения, ни в коей мере не пытаюсь обсуждать позицию с точки зрения фонда или американской администрации. Но вот поставьте себя на секундочку в их положение. Есть российское правительство. У него не очень сильная, мягко говоря, экономическая программа и не очень сильный набор людей, которые занимаются переговорами с МВФ. И переговоры эти шли в последние месяцы довольно трудно. Существует странная легенда, что трудно они шли потому, что «злостный Гайдар» со товарищи мешают этим переговорам, хотя это вообще не имеет никакого отношения к делу. Мы никогда не выступали против предоставления кредитов России. Переговоры трудно шли просто потому, что такая программа, такая переговорная команда. И шансы на то, что Россия получит этот кредит, были призрачными не из-за того, какие у нас отношения по поводу Югославии с Америкой, а просто по основаниям, связанным с экономической программой. А теперь пред-

ставьте себя уже не в роли, скажем, МВФ, а в роли политического руководства ведущих западных стран. Они прекрасно понимают, что, если теперь на фоне югославского конфликта МВФ не выдаст кредит России, очень многие в России и подумают, и скажут обязательно, и много раз повторят, что это не потому, что у нас слабая экономическая программа, а это наказание России за позицию по Югославии. И мы в России за это никак не отвечаем. Вот видите, как они на Западе плохо себя ведут. Это тот факт, который, я думаю, не могло не учитывать, скажем, руководство США, принимая решение, какую позицию занять в вопросе о том, выделять или не выделять часть средств России.

Но это сейчас. Дальше-то ведь развитие событий продолжается. И отношения с МВФ — это один вопрос, политика — это другой вопрос. Но если Россия пойдет по пути мобилизационной экономики и открытого, в том числе военного, противостояния с Западом, очень трудно будет себе представить, что организация, в которой контрольный пакет, решающее право голоса по совокупности прав акционеров имеют государства, представленные в НАТО, сама, своими руками будет предоставлять деньги России, скажем, на развертывание новой крупномасштабной программы вооружения. Трудно это себе представить.

Ведущий: Скажите, Егор Тимурович, а Вы допускаете возможность все-таки прямого военного конфликта?

Егор ГАЙДАР: Я считаю, что это было бы страшно, но, к сожалению, не могу этого исключить. Ведь здесь действует логика эскалации, как показало развитие событий в той же Югославии. Очень легко попасть в ситуацию, когда ни одна из сторон не может уступить, не потеряв лица, а оказавшись в этой ситуации, начать принимать резкие решения страшно опасно и абсолютно безответственно. Я, разумеется, не считаю, что этот риск на сегодняшний день серьезен, но недооценивать саму возможность возникновения его в рамках того, что происходит, я бы не стал.

Ведущий: Но пока было только одно сообщение, которое может несколько тревожить. Корабль-разведчик уже вышел и приближается к проливу Босфор, и руководство страны, и командование ВМФ не подтверждают, но и не опровергают... странная такая формулировка, всегда она тревожит... что еще 7 кораблей может выйти в Адриатическое море.

Егор ГАЙДАР: Меня, честно говоря, это крайне беспокоит. Это тот район, район Адриатики, в котором мне бы совершенно не хотелось сейчас видеть присутствие российских кораблей. Я не понимаю, что они там будут делать. Послать их для того, чтобы они осуществляли наблюдательную миссию? У нас спутники есть для этого. С них гораздо удобнее наблюдать. Обозначить присутствие флага в условиях идущих боевых действий — это, между прочим, база для возможных провокаций. Представьте себе на секундочку, что какая-нибудь из сторон, ввязанных в конфликт, заинтересована в том, чтобы был нанесен удар по российским кораблям. Какие последствия? Что после этого происходит? Что мы делаем, не дай Бог? Тогда там возможна реальная война. Я думаю, что люди, которые посылают корабли, не имеют четких ответов на эти вопросы.

Джил ДОРОТИ: Еще раз о Югославии. Егор Тимурович, все это происходит на фоне предвыборной кампании — и в парламент, и президента. Какое влияние в конечном счете это будет оказывать на внутреннюю политику здесь?

Егор ГАЙДАР: Продолжающаяся война неизбежно усиливает антизападные и радикально-националистические настроения, и это неизбежно скажется на российской внутренней политике, в том числе на итогах выборов. Т.е. я думаю, что на сегодняшний день трудно сказать, что НАТО сильно помогло албанцам. Я пока не вижу, что НАТО помогло албанцам в Косово. А то, что НАТО здорово помогло Геннадию Зюганову, вот это я вижу каждый день.

Александр БЕККЕР: Вам не кажется, что, воспользовавшись югославским кризисом, российские левые постараются разыграть такую комбинацию. Они уже навязывают обществу такую мысль — Россия должна из-за агрессивных действий НАТО вооружаться. Следующий неизбежный шаг — нам нужно укрепить и поднять обороноспособность страны. Для этого нужно влить огромные деньги в отечественный ВПК. Чтобы поднять российский ВПК, потребуется концентрировать все финансовые потоки, как внешние, так и внутренние. Для этого нужна только мобилизационная экономика. Мобилизационная экономика с неизбежностью тянет за собой железный занавес, а железный занавес — это сворачивание всех политических свобод в России, и подобных круглых столов у нас уже может не быть долго-долго.

Егор ГАЙДАР: Я абсолютно с Вами согласен. Вы нарисовали вполне реалистичный сценарий дальнейшего развития событий, если нам не удастся остановить войну в Югославии. Я думаю, что все будет происходить в России строго так, как вы сейчас сказали. Представьте себе ситуацию 10 дней назад. У нас есть правительство, которое, к сожалению, не продемонстрировало бурных успехов в экономике, — правительство, при котором у нас вдвое снизился уровень жизни бюджетников, при котором произошло катастрофическое, почти двукратное увеличение доли бедных в численности населения, при котором с каждым днем сокращаются золотовалютные резервы, что становится очень опасным, которое не смогло представить никакой программы собственных действий в области экономики. Ясно, что нормально управлять рыночной российской экономикой и проводить ту политику, в рамках которой эту рыночную экономику можно выводить из кризиса, это правительство, скорее всего, не способно. В итоге что у нас сегодня? У нас есть правительство, которое твердо противостоит натовской агрессии в Югославии, которое при необходимости не пожалеет ресурсов для того, чтобы дать надежный отпор Западу, которое может пойти на то, чтобы еще вдвое снизить реальные доходы, зато увеличить ассигнования на оборону. Вот это все они умеют. Довести среднюю зарплату до 160 долл. — это мне видится с трудом. А добиться того, чтобы мы сидели на карточках и противостояли всему миру, вот это, мне кажется, вполне им по силу.

Ведущий: *А как Вы считаете, президент Ельцин сейчас вполне адекватно оценивает ситуацию? Ведь совершенно невозможно с Вами не согласиться о том, что война на Балканах играет в России прежде всего на руку коммунистам и жириновцам. Смотрите, когда была война в Чечне, ни один человек на улицу практически не вышел. Когда людям годами и месяцами не платят зарплату, выходят на улицу, но гораздо меньшее количество людей, чем пикетировали американское посольство, хулиганили у «Макдоналдсов». И вообще чего только не было.*

Егор ГАЙДАР: Представим, что президент Ельцин вполне адекватно оценивает ситуацию. Я думаю, что так оно и есть. Но что он может сделать? То, что Вы сказали, — это же неизбежная реакция общества на то, что происходит в Югославии. Он же не царь и не повелитель мира, он всего лишь навсегда президент демократически

избранный. Он вынужден выстраивать свою линию в этих условиях. Происходит серьезнейший удар по самому президенту Ельцину, в этом нет никаких сомнений. Это политическое усиление его противников. Я думаю, он это прекрасно понимает, понимает, что каждая натовская бомба — это бомба по его политическим позициям. Ну и что делать?

Ведущий: Нет никакого выхода у него?

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что его свобода маневра достаточно ограничена. Для него важнейшая задача, мне кажется, и внешнеполитическая и внутривнутриполитическая — любой ценой добиться остановки военных действий. В противном случае его политические позиции неизбежно будут ослабляться.

Джил ДОРОТИ: Чем объясняется то, что Вас так резко критиковали? И чем объясняется, что сейчас так мало людей разделяют Ваши взгляды?

Егор ГАЙДАР: Резкая критика... Я не знаю. Я думаю, что это частично от того, что наши политические оппоненты в общем совершенно не заинтересованы в мире. Представим себе на секунду, что совокупные усилия принесли результат. И бомбежки в Югославии остановлены, остановлена война в Косово, восстановлен политический диалог, найдено политическое решение. Для нас это прекрасно. Для Ельцина это замечательно. А для Зюганова? Для него это на самом деле катастрофа. Человек, который больше всего заинтересован в том, чтобы все продолжалось как продолжается, — Зюганов. И его единомышленники, вся эта свора... И они сделают все возможное для того, чтобы ни в коем случае война не кончилась. Вы думаете, им Сербия интересна, Югославия интересна? Да плевали они на Сербию, на Югославию и даже десять раз плевали, как всегда плевали. Им интересно втянуть Россию в противостояние с НАТО. И любая возможность того, что произойдет нормализация, для них страшна. Они просто в истерику впадают.

Ведущий: *Егор Тимурович, коммунисты, жириновцы обвиняли Вас и Бориса Немцова, Бориса Федорова, что Вы поехали в эту поездку прежде всего за предвыборными очками. В таком случае итогами Вы распорядились, извините, на редкость бездарно. Вы встретились с папой, говорили о том, что нужно устроить вот эти пасхальные каникулы, если это слово уместно во время войны. Папа на следу-*

ющий день выступает с таким обращением, и Вы никому ни слова не сказали, что вот мы встретились, поговорили и это случилось.

Егор ГАЙДАР: Это правда, мы встретились, не только с папой, но и с патриархом Сербским Павлом. Мы обсудили с ним вопрос о наших предложениях, возможности этой паузы для переговоров. Мы обсуждали эту тему с государственным секретарем Ватикана и с папой. Я рад, что после этого последовали действия, как мне кажется, весьма позитивные со стороны и российской православной церкви, и католической церкви. Разумеется, это решение церквей. Не надо ставить нас в неловкое положение, как будто все это мы сделали. Это не так, это решение католической церкви, это решение православной церкви. Но тот факт, что эти решения были приняты, что это обращение, кстати, уникальное во многом, обращение двух важнейших христианских конфессий, по существу скоординированное, бьющее в одну точку, вышедшее в одно и то же время, состоялось, мне кажется, это важный сам по себе факт, создающий более благоприятные предпосылки для восстановления диалога. Удастся ли этим воспользоваться, в огромной степени зависит от государств. Я убежден, что если бы сегодня российская дипломатия, вместо того чтобы заниматься разными вещами, сконцентрировалась на одной задаче, только на одной — на том, чтобы в полном объеме воспользоваться обращениями папы и патриарха Русской православной церкви, добиться семидневной паузы в боевых действиях для восстановления переговоров, это была бы важнейшая предпосылка успеха. Надавить всеми силами на Милошевича, чтобы он дал четкие и надежные сигналы прекращения боевых действий в Косово на это время. Надавить на государства НАТО... Я убежден, что это все еще можно сделать. Просто есть пределы того, что могут сделать общественные организации. Начиная с определенного момента должно вступать в дело и государство.

Ведущий: *Я не про то спрашивал. Вы постеснялись, упаси Господи, сказать, что Вы подсказали папе эту идею, хотя вот, например... ладно, не будем говорить кто — обязательно бы себе это приписал. Вы не говорили, что эта идея и Вам тоже пришла в голову. Вы этого не сделали.*

Егор ГАЙДАР: Будем считать, что сейчас я об этом говорю. Эта идея и мне тоже приходила в голову.

Александр БЕККЕР: Потрясающий феномен выявил недавно социологический опрос радио «Эхо Москвы». Они задали вопрос слушателям: «Поддерживаете ли вы миротворческую миссию Гайдара, Федорова, Немцова?» 61% сказали «да», 39% — «нет». 39% сказали «нет» вашей миротворческой миссии, при том что 100% российского населения двумя руками за мир в Югославии, т. е. слушатели сказали: мы за мир, но только не руками этих Гайдаров, Чубайсов, Немцовых. Егор Тимурович, не означает ли это, что «Правое дело» в декабре 1999 г. на парламентских выборах обречено на неудачу?

Егор ГАЙДАР: Нет, я бы сделал совершенно другие выводы из того, о чем Вы говорите. Ведь общество у нас очень сильно разделено. Это не единое общество. Оно разделено на тех, кто за движение вперед, к рынку и демократии, кто хочет видеть Россию европейской страной и частью Европы, и на тех, кто мечтает о восстановлении архаичной империи, которая пугает всех оружием. Российское общество разделено по этим принципиальным вопросам почти пополам. Мы это прекрасно знаем по итогам прошедших выборов. Мы люди, которые, может быть, более последовательно, чем кто-либо другой, связаны с «европейским» выбором России. У нас есть сторонники, люди, которые нам верят и нас поддерживают, а есть люди, которые нас искренне и глубоко ненавидят и которые будут ненавидеть, что бы мы ни делали. Если бы мы завтра сумели остановить войну... или завтра просто сказали, что солнце всходит на востоке, они бы ответили, что это гнусная клевета и провокация против российского народа, если Гайдар говорит, что солнце встает на востоке. И тем не менее при том, что уж кто мы такие, знают все, 61% слушателей «Эхо Москвы» поддержали нашу миссию. Не установление мира, а нашу миссию, направленную на установление мира. Я бы сделал прямо противоположный вывод из результатов этого опроса.

Джил ДОРОТИ: *А какие, скажите, пожалуйста, у Вас предсказания о том, как будет влиять косовское положение на русско-американские отношения, и понимает ли Вашингтон по-настоящему то, что происходит сейчас в России?*

Егор ГАЙДАР: То, что происходит, оказывает очень серьезное негативное влияние на русско-американские отношения. Причем боюсь, что серьезное и, возможно, долгосрочное. И то, что происходит сегодня, объективно при продолжении этих тенденций

почти неизбежно приведет к возобновлению холодной войны. Холодной войны в другом виде, не в том, какой она была в 1960-х гг. Россия другая, мир другой. Но к формированию отношений типа холодной войны с Россией, которая боится мира, боится НАТО, боится Америки, ошетилилась ракетами, имеет мобилизационную экономику, дружит с авторитарными, авантюристическими режимами, помогает им технологиями, помогает им создавать собственное ядерное оружие и т. д. Вот, честно говоря, если развитие событий будет идти так, как оно идет сейчас, еще в течение длительного времени, я считаю, что вероятность такого развития событий очень высока. Понимают ли это в США? Боюсь, что не понимают. И важнейшей своей задачей как человека, которому доверяет по крайней мере часть американской политической элиты, я считаю необходимость объяснить им это. Это должен объяснять им не Зюганов. Мы должны объяснять, насколько все это всерьез опасно для того, что происходит в России. Ведь там какая иллюзия: «У русских полно своих проблем. Низкие зарплаты, пенсии не выплачиваются. Внешняя политика — это всегда вопрос десятистепенный для любого общества. Нам говорят, что это важно для русской внутренней политики. Какая ерунда! Десятистепенный факт никакого влияния не окажет». Огромная ошибка. Вы, я думаю, это прекрасно понимаете. Мне бы очень хотелось, чтобы те, кто принимает решения в Вашингтоне, понимали это не хуже, чем Вы.

Ведущий: *Это был последний вопрос. Мы почти час слушали Егора Гайдара. И теперь я прошу своих коллег-журналистов сказать, что же было самое главное в этом разговоре. Александр Беккер, который не захотел воспользоваться возможностью задать экономические вопросы доктору экономических наук Гайдару.*

Александр БЕККЕР: Кстати, Егор Тимурович известен как редкий тип политика, который ежедневно с карандашом отслеживает экономические процессы, т. е. он все равно действующий экономист. Мне показалось, что Гайдар и в этом эфире оказался верен себе. Он оказался человеком, который смотрит реально на события. Его глаза все-таки повернуты в будущее, а не в прошлое.

Джил ДОРОТИ: То, что сказал Егор Тимурович в ответ на последний вопрос, что мы шесть месяцев назад не ожидали, что Косово будет оказывать такое большое влияние на то, что происходит

в России... И я думаю, это очень важный фактор, на который мы должны смотреть внимательно.

Ведущий: *Я и до этого разговора с Егором Гайдаром был абсолютно убежден, что его поездка на Балканы, а затем в Италию была совершенно искренней и была направлена действительно на установление мира в этом регионе. Другое дело то, что политический лидер, лидер демократических сил Егор Гайдар как один из лидеров блока «Правое дело» политическим капиталом этой поездки, как бы это помягче сказать, распорядился не лучшим образом.*

Поспешный импичмент

Радиостанция «Эхо Москвы». 14 апреля 1999 г.

Ведущие — Ольга Северская, Петр Журавлев

Ольга СЕВЕРСКАЯ: Мы собираемся говорить об итогах собрания совета коалиции «Правое дело», об отношении членов коалиции ко многим проблемам политической и экономической жизни. Начнем с просьбы к Егору Тимуровичу прокомментировать сложившуюся ситуацию с импичментом. Странный демарш предприняла ЛДПР в Госдуме, фактически лишив поддержки, необходимой для переноса рассмотрения вопроса об импичменте. Хорошо это или плохо, что вопрос может так и не разрешиться и процедура импичмента запустится завтра? Или лучше, чтобы она была перенесена?

Егор ГАЙДАР: Если рассматривать импичмент как правовую процедуру, то все мы следили за импичментом Клинтону, который протекал в строгом соответствии с процедурой. Была запущена процедура импичмента. Она имеет собственную логику. В соответствии с этой процедурой у нас по действующему регламенту обсуждение вопроса об импичменте должно состояться завтра¹. Сегодня или завтра будет ясно, что такое импичмент для Думы: это правовая процедура или сугубо политическая. Если это правовая процедура, значит, будут голосовать завтра по действующему регламенту. Если импичмент к праву никакого отношения не имеет, а это просто из Конституции вынутая дубинка, лом, отмычка, ключ, которым можно шантажировать президента или ударить его посиль-

¹ Голосование в Государственной думе по инициированному КПРФ импичменту президенту Ельцину состоялось 15 мая 1999 г. и ни по одному из предъявленных пяти обвинений не было получено необходимого для начала процедуры импичмента числа голосов. — *Прим. ред.*

нее, то тогда, конечно, ее надо приберечь, а то, не дай Бог, останешься без нее.

Петр ЖУРАВЛЕВ: *То есть это тактический ход? Если коммунисты используют процедуру импичмента как постоянно действующую угрозу, которую реализовывать они не хотят, то с этой точки зрения они должны ее все время откладывать?*

Егор ГАЙДАР: Обязательно. Представьте себе: завтра голосование по импичменту прошло и он не состоялся. Как после этого смотрятся позиции дорогих друзей-коммунистов в правительстве, уважаемых коллег Кулика и Маслюкова? Может, они еще не успели завершить все свои финансовые операции? Так же невозможно.

Ольга СЕВЕРСКАЯ: *Лидер «Яблока» Григорий Явлинский вчера в прямом эфире «Эха» сказал, что «Яблоко» выступает за процедуру импичмента как процедуру скорее не для действующего президента, а для будущего президента. Значит, если все пойдет по правовым рельсам, Вы поддерживаете эту точку зрения «Яблока»?*

Егор ГАЙДАР: Я не поддерживаю эту точку зрения, потому что, на мой взгляд, с правовой точки зрения процедура импичмента, начатая на протяжении последнего года, является полной глупостью. Все претензии, которые предъявлены к президенту Ельцину, очень серьезные. Они не имеют никакого отношения к президенту Ельцину, которого мы избрали в 1996 г. Известно, что президент Ельцин, которого мы избрали в 1996 г., начинал чеченскую войну. Он ее и завершил. Я, например, голосовал за президента Ельцина, имея массу к нему претензий по поводу чеченской войны. Тем не менее в 1996 г., чтобы не избрать президентом Зюганова, не иметь вместо чеченской войны мировую войну, я голосовал за президента Ельцина, точно зная, что он начинал чеченскую войну, что в 1994 г. мои собственные депутаты единственные предлагали импичмент. Мы тогда считали это средством остановить войну. Если народ все это знал, избирая Ельцина в 1996 г., что вы тут собираетесь отменить в волеизъявлении народа? Какая ж тут правовая процедура, какой здесь прецедент, какой сигнал вы посылаете, кому? Что Ельцин сейчас ослабел, что не такой сильный, как был сразу после выборов? Почему вы в 1996 г., в августе, не собрались ему импичмент выносить?

Петр ЖУРАВЛЕВ: *Мы перейдем к вчерашнему событию, которое имело место в Колонном зале, которое в информационных агент-*

ствах было названо собранием актива коалиции «Правое дело». Насколько я понимаю, речь идет о собрании просто коалиции?

Егор ГАЙДАР: Правда.

Петр ЖУРАВЛЕВ: *У меня вопрос относительно той платформы, которая вчера была одобрена. Объясните смысл.*

Егор ГАЙДАР: Смысл предельно простой. Мы говорим: объединение демократических сил, реформаторских сил — одно, другое — лидеры разные, красивые, менее красивые. А вокруг чего объединение-то? Чего мы хотим добиться? С чем конкретно мы идем на выборы? Что мы хотим сделать в России? Наше убеждение как лидеров коалиции идеологическое, а не личностное (не людей, сплотившихся вокруг одного лидера и распадающихся, если, не дай Бог, с лидером что случится): мы должны общаться с людьми, с потенциальными партнерами по демократическому союзу, движению на основе четко сформулированных принципов. Документ, который мы вчера приняли, — база подобного объединения. Мы говорим, что нас объединяет. Видение нашей истории последних лет, видение принципиальных задач, видение основных программных принципов, вокруг которых мы предлагаем объединиться. Вот после этого есть база для разговора в Томске, Новгороде, Екатеринбурге, Перми с людьми, которые могут сказать нам: «Да, вокруг этого мы готовы объединиться» или: «нет, мы категорически с этим не согласны, мы совершенно по-другому представляем себе будущее страны».

Петр ЖУРАВЛЕВ: *Я сегодня смотрел информационные сообщения, вчера смотрел телевизор, были сформулированы два, на мой взгляд, расплывчатых принципа: не допустить отмены грядущих выборов и не совершить ошибки 1995 г.*

Егор ГАЙДАР: Это совсем не то, что содержится в основном документе. Главная развилка сегодняшней жизни предельно проста. На протяжении последних месяцев, особенно когда было сформировано лево-коммунистическое правительство, коммунистическое и национал-коммунистическое большинство в Думе почувствовало запах крови. То время, когда они вынуждены были притворяться социал-демократами, не могли послать своих оппонентов в лагерь, ссылку, заткнуть им рот, проходит. Сейчас на фоне Югославии, на фоне ослабленного президента они увидели перспективу — «мы наконец дорвемся до настоящей власти». И это угроза полномас-

штабного тоталитарного реванша, когда все приходит вместе: вы сразу получаете и карточки, и очереди, и цензуру, и железный занавес, и отмену свободы передвижения, и холодную войну с Западом. Это стало реальной и серьезной угрозой. И мы считаем важнейшей задачей взаимодействие со всеми, кто категорически против этого варианта развития России, против втягивания России в войну в любых видах, против отказа от конвертируемости рубля. (На прошлой неделе мы вышли из режима конвертируемости рубля. Пока это мало кто заметил, но на экономике это скажется). Кто категорически против свертывания рыночных реформ. Кто убежден, что выход из нынешних экономических трудностей не в том, чтобы отказываться от реформ, а в том, чтобы проводить их гораздо решительнее, чем они проводились в последние годы, в том, чтобы всерьез обеспечить частную собственность, включая частную собственность на землю, в том, чтобы всерьез отделить собственность и власть, а не объединять их, как предлагают некоторые видные российские политики, в том, чтобы добиться резкого сокращения государственных расходов, реальной налоговой реформы. Вот тот набор идей. За всеми этими идеями у нас стоят не общие рассуждения, а конкретные нормативные документы, конкретные проекты законов, с которыми мы готовы в любой момент идти в Думу.

Петр ЖУРАВЛЕВ: *Не получается ли ситуация «против кого дружите»? Вы действуете как бы от противоположного: «кто против красного реванша?»*

Егор ГАЙДАР: Бывают ситуации, когда эта логика абсолютно правильная. Бывают ситуации, когда она неправильная. Если бы не было сегодня реальной угрозы красного реванша... Честно признаюсь, я сам не верил в 1996 г., что мы снова столкнемся с угрозой полномасштабного красного реванша. Я не знал, в какой степени деструктивным и страшным окажется нынешний парламент, что ему удастся сделать якобы для стабилизации положения в России, какие ошибки совершит Ельцин во время второго президентства. Я считал, что это мы проехали. Я ошибался. Сегодня, когда мы стоим перед реальной угрозой, идея объединения всех, кто не хочет красного тоталитарного реванша, в высшей степени конструктивна.

Петр ЖУРАВЛЕВ: *Какие знаки, какие знамена заставили Вас сейчас политически испугаться?*

Егор ГАЙДАР: Чтобы политически испугаться, если можно назвать это словом «испуг», для меня важнейшим событием прошлой недели было выступление Селезнева¹, несколько интервью, которые он дал по поводу развития событий в Югославии и того, что нужно делать России. Была изложена очень концентрированная политика, политическая программа втягивания России в войну на Балканах, которая состояла во вступлении Югославии в союз Белоруссии и России, в нацеливании ядерных ракет России на государства НАТО, в посылке Вооруженных сил России в Югославию, посылке советского флота на югославские военные базы. Если это не полномасштабный переход к холодной войне, то я не знаю, что это такое. На самом деле это полномасштабный переход к холодной войне, в рамках которого мы начинаем находиться в отношениях с Западом, очень напоминающих те, в которых мы были за 12 ч до Карибского кризиса. Нет никаких гарантий, что Карибский кризис, который тогда разрешился миром, завершится миром и на этот раз. Это просто полномасштабная, очень опасная авантюра, которая на самом деле не является случайной. Для меня это часть вполне понятной программы свертывания демократии и рыночных реформ в России.

Ольга СЕВЕРСКАЯ: *Мы остановились на горячей политической теме — на теме возможного втягивания России в войну с Югославией, когда от холодной войны с Западом можно будет перейти к «горячей» войне. Не хотелось бы, чтобы это стало реальностью. Сегодня президент подписал Указ о назначении Виктора Черномырдина своим специальным представителем именно по вопросам, которые касаются Югославии. До этого Вы, Егор Тимурович, Борис Федоров и Борис Немцов ездили на Балканы с миротворческой миссией. Некоторые политологи скептически отнеслись к вашей поездке, говоря, что вам навязывают какую-то чужую игру. Какие задачи вы ставили перед своей миссией и чем она завершилась? Что можно сделать сейчас, чтобы угроза холодной войны не переросла в угрозу «горячей»?*

Егор ГАЙДАР: Первое. Политики сегодня и в государствах НАТО, и в Югославии сами загнали себя в угол. Они заняли позиции, которые несовместимы, при которых нельзя отступить, не потеряв лица, при которых каждый следующий шаг увеличивает масштаб ущер-

¹ Селезнев Геннадий Николаевич — с 1996 по 2003 г. председатель Государственной думы РФ второго и третьего созывов. — Прим. ред.

ба людям, миру, безопасности. Политикам самим очень трудно вырваться из этого круга. К примеру, сегодня Клинтон скажет: «Дорогие друзья, мое решение и решение моих коллег по НАТО начать бомбежки привело к тому, что появилось 600 тыс. дополнительных беженцев, а также к радикальной дестабилизации ситуации в Македонии, в самой Албании, к укреплению режима Милошевича. Извините, дорогие друзья, я погорячился». Трудно, да? Милошевич, который говорил: «Я никогда не буду вести переговоры под бомбами», может сказать: «Дорогие друзья, вы разбомбили у меня все мосты, разрушили военную инфраструктуру, нанесли удары по основным нефтеперерабатывающим заводам и теперь меня убедили, что я был не прав, когда не принял соглашение в Рамбуйе, я сейчас его быстренько подпишу». Для обеих сторон этот выход очень труден. Учитывая, что Милошевич — это авторитарный диктатор, думающий гораздо больше о себе и своей власти, чем о своей стране, т.е. отнюдь не ответственный государственный деятель, ждать от него таких поступков я бы не стал. Второе. В связи с этим важнейшая задача ложится на плечи общества. В свое время общество сумело показать той же американской администрации, что продолжение вьетнамской войны — это не признак доблести и решительности, а просто полное непонимание того, что должно делать ответственное руководство. Так и сейчас. Мне кажется, важнейшая задача — повлиять со стороны общества (церквией православной, католической, общественных организаций, общественных лидеров, оппозиции и т.д.) на политиков, принимающих решения, с тем, чтобы они поняли для себя, что продолжение этой безумной линии, при которой каждый следующий шаг приведет к дополнительным издержкам, — это признак не твердости, а идиотизма. Вот то, что нужно делать и для чего мы ездили в Югославию, для чего мы встретились с папой, для чего мы инициировали идею пасхального перемирия и убеждали политиков Италии, Греции поддержать эту идею. Продолжение давления в этом направлении — это то, что может сегодня сделать общество.

Ольга СЕВЕРСКАЯ: *Что может дать назначение Черномырдина?*

Егор ГАЙДАР: Я считаю, что здесь никакие возможности не надо игнорировать. Если Виктору Степановичу что-нибудь удастся, удастся хоть на йоту сдвинуть урегулирование конфликта в Югосла-

вии, если есть 0,5 % шанса, что его деятельность в этом направлении будет успешной, этот шанс надо использовать. Я желаю ему успеха.

Петр ЖУРАВЛЕВ: *Вас не удивил подобный выбор президента?*

Егор ГАЙДАР: Мне это в голову не приходило, но почему нет.

Петр ЖУРАВЛЕВ: *В целом, наверное, да. Известный человек, известный политик.*

Егор ГАЙДАР: Известный человек. Скажем, в чем преимущества и недостатки, нашей миссии, которые очень наглядно проявились? Первое — наши преимущества. Нас знают в мире, и к нашему мнению прислушиваются. Это не значит, что мы можем сказать: «Дорогой Клинтон, немедленно прекрати бомбежки», а он скажет: «“Правое дело”» велело, я немедленно прекращаю». Но, по крайней мере, нас внимательно выслушают, услышат наши аргументы, начнут их учитывать раньше или позже. Второе — наша слабость. Известны наши длительные непростые отношения с нынешним югославским руководством. То, что мы всегда считали Милошевича ответственным за югославский кризис, всегда считали его авторитарным, опасным для страны правителем, никто не может игнорировать. У Черномырдина более сложные отношения с западным общественным мнением, но нет такой сложной истории отношений с Милошевичем. В связи с этим, если он сумеет хоть в чем-то убедить Милошевича, придумать способ, позволяющий тому без потери лица пойти на некие шаги в направлении компромисса, будет замечательно.

ПЕТР ЖУРАВЛЕВ: *В первой части нашего разговора Вы сказали о выходе России из конвертируемости рубля. О чем Вы говорите? Поясните.*

Егор ГАЙДАР: Режим конвертируемости рубля по текущим операциям — это режим, в котором Россия жила на протяжении предшествующих лет. Он довольно четко описан не только в литературе, но и в международных финансовых нормативных правовых актах, в том числе в Уставе МВФ. Там есть восьмой параграф, который четко описывает, что это такое. 5 апреля ЦБ РФ принял решение, которое лишает права банки-нерезиденты, имеющие рублевые счета в банках-резидентах РФ, обращать рублевые активы в долларовые активы. В переводе на русский язык это значит, что с 5 апреля Россия вышла из режима конвертируемости рубля по текущим операциям. Грубо нарушен Устав МВФ.

Петр ЖУРАВЛЕВ: *Что нам теперь ждать от МВФ, с которым сейчас проходят переговоры? Почему они не закричали вдруг: «Смотрите, что они делают!»?*

Егор ГАЙДАР: МВФ сейчас неизбежно вынужден расхлебывать последствия гениального решения НАТО начать бомбежки в Югославии. Если бы не было гениального решения НАТО начать бомбежки в Югославии, сегодня о том, что Россия вышла из режима конвертируемости рубля, кричали бы все мировые агентства. По этому поводу был бы колоссальный скандал. Сегодня, когда все крутится вокруг Югославии, вокруг бомбежек, вокруг позиции России, у стран-акционеров МВФ, имеющих там контрольный пакет, есть все стимулы к тому, чтобы реакция была как можно более тихой, чтобы временно, еще несколько дней не заметить, сделать вид, что «мы не прочитали, плохо перевели с русского, посмотрим» и т.д.

Петр ЖУРАВЛЕВ: *Чем нам это вообще может грозить, с какой стати мы вдруг?*

Егор ГАЙДАР: С какой стати, понятно — потому что экономическая политика правительства слабая, потому что резервы ЦБ тают. Они сократились за последние месяцы с 13,5 до 10,7 млрд долл., давление на эти резервы продолжалось. Отсюда реакция правительства и ЦБ на это могла быть только двоякая. Либо понятная, прозрачная для общества политика, направленная на укрепление национальной валюты, на финансовую и денежную стабилизацию. И тогда выясняется, что рубль сегодня резко недооценен, надо переводить активы из долларов в рубли. Либо попытка все новых и новых административных мер, включая разговор о дополнительных ограничениях на вывоз валюты. Каждая мера на самом деле стимулирует недоверие. Когда ты все это знаешь, ты думаешь: «А кто дает гарантию, что через 3 месяца вообще можно будет обменять рубли на доллары? Может, лучше их перевести в более надежную форму?» В связи с этим каждая подобного рода мера является контрпродуктивной. Она усиливает недоверие к стабильности режима конвертируемости рубля. В результате шаг за шагом мы приходим к тому, к чему пришли.

Петр ЖУРАВЛЕВ: *По-видимому, именно в такой ситуации возникают слухи, что ЦБ хочет запретить хождение доллара в России?*

Егор ГАЙДАР: Конечно. Если ты не проводишь последовательную прорыночную и простабилизационную политику, а просто ра-

ботаешь в режиме оперативной реакции, какое-то время можно подкрутить веревочку, что-то подвязать, что-то как-то удержать, но проблемы нарастают. Как в конфликте в Югославии, с каждой новой проблемой, принимая дополнительные, реактивные меры, ты создаешь себе новые, более серьезные проблемы.

Петр ЖУРАВЛЕВ: *Каковы в этой ситуации наши перспективы в переговорах с МВФ, в переговорах, которые ведутся в Лондоне относительно наших долгов по Парижскому и Лондонскому клубам?*

Егор ГАЙДАР: Переговоры с МВФ. Если бы речь шла о чисто финансовых и экономических вопросах, после решения 5 апреля они были бы крайне сложными. Я думаю, что даже сегодня, на фоне политических событий они будут непростыми, потому что фонду нелегко убедить всех своих основных акционеров, что все, что делается, здорово, что программа сильная. Мы никогда не выступали против предоставления кредитов МВФ России, даже под эту экономическую программу. Здесь все будет упираться в политику.

Ольга СЕВЕРСКАЯ: *Коалиция «Правое дело» собирается идти на парламентские выборы, пройти в Думу и по возможности сделать Думу и нашу жизнь лучше. Как Вы оцениваете шансы вашего объединения?*

Егор ГАЙДАР: Шансы серьезные по элементарным основаниям. В 1995 г. в очень непростой ситуации те партии и движения, которые сегодня объединены в «Правое дело», набрали голосов больше, чем фракция «Яблоко». Не прошли в Думу по той элементарной причине, что были разделены. Если они сегодня будут объединены, то почему, собственно, они не должны пройти в Думу, сформировать там фракцию?

Ольга СЕВЕРСКАЯ: *Специалисты оценивают шансы как 6–7% минимум, некоторые доходят даже до 10%. Это оптимистичный прогноз. Если вы пройдете в Думу, вы готовы делать реформы, вы знаете, в каком направлении вести Россию сейчас?*

Егор ГАЙДАР: Наше преимущество состоит в том, что мы за эти годы накопили кое-какой опыт. Его у нас, наверное, больше, чем у кого бы то ни было другого. Мы идем в Думу не с набором красивых фраз, а с совершенно конкретными, проработанными нормативными актами, которые будем проводить в Государственной думе.

Петр ЖУРАВЛЕВ: *В прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы» был директор Института экономики переходного периода, один из лидеров коалиции «Правое дело» — Егор Гайдар.*

Олигархический капитализм. Что дальше?

Радиостанция «Эхо Москвы». 9 июня 1999 г.

Ведущий — Алексей Венедиктов.

Гости: Джордж Сорос, Сергей Кириенко, Егор Гайдар.

В прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы» известный финансист Джордж Сорос, бывшие премьеры Правительства России Сергей Кириенко и Егор Гайдар.

Ведущий: *Господин Сорос, Вы довольно резко в своих интервью в последнее время подвергали критике тот капитализм, который строился в России на протяжении уже 10 лет. Эта критика и название «грабительский капитализм» (это Ваш термин), скорее всего, обращены к тем, кто его строил, прежде всего к Егору Гайдару, который был автором реформ, и к Сергею Кириенко, который действовал уже в 1998 г. Вы могли бы это повторить им в лицо?*

Джордж СОРОС: На самом деле эти претензии адресованы не этим двум людям. В действительности Сергей Кириенко в качестве премьер-министра не имел больших возможностей, ему не дали возможности провести эти реформы. Что касается Егора Гайдара, он был предшественником грабительского капитализма. Он сделал такую вещь, как либерализация цен, а также он ввел схему: «кредиты в обмен на акции».

Егор ГАЙДАР (к переводчику): Я вынужден Вас поправить: Джордж сказал совсем не это. Он сказал, что я не вводил схему «кредиты за акции», поэтому никак не могу нести за нее ответственность.

Ведущий: *Егор Тимурович, мы знаем, что тот капитализм, который сейчас в России, Джордж Сорос на протяжении ряда лет на-*

зывает грабительским капитализмом, и тем не менее, в основе этой системы лежали реформы, которые проводили Вы. Вы не согласны с Соросом?

Егор ГАЙДАР: Мне кажется, что в основе того общества, которое сегодня формируется в России, все-таки лежали не 13 месяцев реформ правительства Гайдара, а 75 лет предшествующей коммунистической истории. Когда мы говорим, используя разные термины («грабительский капитализм», «chronic capitalism»), мы ведь на самом деле говорим об одном и том же феномене: о собственности, слитой с властью, о разных правилах игры, поскольку такая собственность имеет привилегии. Это то, о чем я писал в «Государстве и эволюции», это то, против чего на самом деле мы (либералы) всегда боролись. Мне не очень нравится термин «грабительский капитализм». Мне кажется, что он упрощает российские реалии. Тем не менее по существу у нас нет разногласий с господином Соросом. Именно те самые болячки, которые мы всегда считали наиболее опасными у России, опасным наследием социализма (слабость гражданского общества, отсутствие традиции отделенной от собственности власти), против которых всегда боролись, — это то, что он подчеркивает, когда говорит о грабительском капитализме.

Джордж СОРОС: Дело в том, что, когда Вы говорите о переходе от государственной собственности к частной, ситуация такова, что у людей просто нет денег для того, чтобы покупать эту собственность, и тем самым им приходится воровать.

Егор ГАЙДАР: Ситуация такая, Джордж: когда у вас есть государственный социализм, у вас нет традиции частной собственности. Потом в какой-то момент социализм разваливается. Вам нужны рынки, и, для того чтобы рынки работали, вам нужна частная собственность. Проблема в том, что вы ниоткуда не можете импортировать ее. Вы не можете импортировать легитимную частную собственность в страну, где ее 75 лет не было. Задача в некотором смысле нерешаема.

Ведущий: Господин Сорос, Вы согласны с этим?

Джордж СОРОС: Действительно, у вас не было традиции владения частной собственностью, но была государственная собственность, которую можно было считать частной собственностью государства. Кроме того, была еще так называемая теневая экономика. И когда произошел крах этой системы, люди стали соответствен-

но бороться за частную собственность этих двух секторов. Когда Вы говорите, что капитал не удастся импортировать в Россию (или он не может быть импортирован в Россию), я не согласен с Вами, потому что считаю, что Запад может импортировать и капитал, и ноу-хау для того, чтобы привести к переменам. Но, к сожалению, этого не было сделано.

Сергей КИРИЕНКО: Коллеги, я перебею ваш глубокий спор, потому что очень хочется включиться, но я бы развернул дискуссию чуть в другую сторону. Я не согласен с господином Соросом, может быть, в одном: в его книге сказано, что происходившее летом прошлого года в России — это эксперимент в режиме реального времени. Для меня это не эксперимент, так же как для большинства слушателей, а реальная жизнь. Гораздо важнее сейчас ответить на другой вопрос. Понятно, что та модель, которая существует сегодня в России (можно называть ее «грабительский капитализм», можно называть «олигархический капитализм», «бюрократический капитализм»), — это не то, что мы хотели. Ожидания не оправдались. Моя точка зрения в том, что ключевая проблема здесь не столько в нюансах экономических понятий, сколько в недооценке сознания людей, в недооценке ожидания людей. И тогда очень большой вопрос, что мы будем делать дальше, какой образ будущего мы хотим увидеть в дальнейшем. Люди последовательно разочаровались в закрытой модели коммунистического, социалистического государства, потом разочаровались в том, что у господина Сороса названо в книге рыночным фундаментализмом. И вопрос теперь в другом: какой образ будущего будет выбран сегодня. От этого зависят результаты предстоящих выборов в России, это важнее сегодня.

Ведущий: *Я хотел бы еще отметить, что вы, господин Сорос и господин Кириенко, являетесь в общественном мнении двумя главными виновниками событий 17 августа. И какой будет выбор, в большой мере зависит от того, насколько люди в это поверят. Кто виноват в том, что рухнула модель, которую начинал строить Егор Тимурович Гайдар, — международный спекулянт (как Вас, господин Сорос, называют очень часто здесь) или неумелые, неправильные действия правительства? Или вы оба? И от этого зависит будущее. А Егор Тимурович может радостно сказать, что он к 17 августа уж никак...*

Егор ГАЙДАР: Во-первых, я не буду снимать с себя ответственность за все, что происходило в России в последние годы, в том числе и за 17 августа. Я хотел бы обратить внимание на другое. Вы говорите: «крах модели». Потом мы имели правительство Примакова, который пришел для того, чтобы внести радикальные изменения в экономический курс. Потыркались немножко, и что где этот новый курс-то? Что, выяснилось, что есть какая-то другая экономическая политика? Что, выяснилось, что есть какой-то другой путь, который хоть куда-нибудь ведет? Оказалось, что нет. По моему убеждению, при всех огромных издержках российского постсоциалистического перехода, при том что была потеряна масса времени, наделана масса глупостей и т.д., на самом деле в историческом процессе формирования демократической и рыночной экономики после краха 75-летнего коммунистического эксперимента мы в самом начале пути и в общем идем-то при этом в правильную сторону.

Ведущий: *Егор Гайдар считает, что не было краха модели и что надо идти в том же направлении. Что считает Джордж Сорос?*

Джордж СОРОС: Боюсь, что такой крах действительно был. И те люди, которые верили в рыночную экономику, были глубоко разочарованы и морально, и экономически. И похоже, что они будут опять обращаться к старой модели контролируемого развития, которая не работала в прошлом и едва ли будет работать в будущем. Трагедия России в том, что модель рыночной экономики дискредитировала себя.

Сергей КИРИЕНКО: Не согласен. Дискредитировали себя слова, понятия, люди. Это так, но ценности-то на самом деле только начинают завоевывать место в сознании людей. Очень важного вопроса коснулся господин Сорос: что выберут люди (какую модель). Вы сказали, что они выберут старую, привычную. Я опасаюсь, что будет другое. Говорят, что из двух зол человек всегда выбирает то, которое не пробовал раньше. Поэтому очень высока опасность, что в качестве модели будущего будет выбран новый, бюрократический капитализм (не олигархический, а бюрократический). Главной темой сегодня будет выбор моделей будущего. Мы можем долго спорить, кто больше виноват в том или ином кризисе. Отсутствие эффективной власти в стране виновато, а значит, все. Все политические силы, все сидящие здесь и не только здесь. Все виноваты. Тогда вопрос в другом: какой будет новая модель власти. Сегод-

ня дискуссия, которая идет у меня с Юрием Михайловичем Лужковым, для меня не дискуссия о мэре в Москве. Это для меня дискуссия об эффективности модели власти, потому что будет очень опасно, если московская модель власти будет принята как альтернатива. Она таковой не является, это другая сторона той же медали. Это не альтернатива, это будет очень большая ошибка. Она приведет все к тому же, о чем только что говорили: к разочарованию, к неоправдавшимся ожиданиям. И не дай Бог, мы снова сделаем виток в сторону от необходимого пути.

Ведущий: *Смотрите, что получилось. Егор Тимурович говорит о том, что мы только в начале пути, еще по-настоящему рыночная модель себя не оправдала. Господин Сорос говорит, что люди разочаровались, российские люди выберут старую модель. А господин Кириенко говорит о том, что будет новая модель, но бюрократическая.*

Сергей КИРИЕНКО: Я не сказал, что будет. Я сказал, что нельзя допустить, чтобы она такой стала.

Ведущий: *Но может стать, скажем так.*

Джордж СОРОС: Дело в том, что кроме рынка надо ведь иметь еще и право. Если право не работает, то очень опасно, что можно прибегнуть к силе. И в этом состоит опасность, что государство будет опираться не на право, а на силу. Таким образом, вам требуется правовое государство.

Ведущий: *В первую очередь?*

Джордж СОРОС: Это нужно до перехода от государственной собственности к частной собственности, чтобы изменилось управление на всех уровнях, в том числе управление предприятиями.

Егор ГАЙДАР: Беда в том, что крах социализма происходит не тогда, когда он должен происходить, а тогда, когда он происходит. 21 августа 1991 г. социалистическое государство и социалистическая система управления перестали функционировать. После этого вы не можете заставить колхозы сдавать зерно за несуществующие деньги. Вы не можете заставить Магнитогорский комбинат поставлять металл туда, куда вам кажется нужным. Вы не можете заставить шахтеров поставлять уголь туда, куда вам кажется нужным. У вас вся эта система держится только до тех пор, пока есть тоталитарная власть, пока директора совхоза, который не поставил зерно, могут посадить в тюрьму. Как только это все рушится, рушится КГБ, демократы занимают Старую площадь, экономиче-

ская система социализма начинает рушиться, как карточный домик. И проблема не в том, что ты можешь спокойно потратить несколько лет на улучшение управления предприятиями, усиление собственной правовой системы, развитие системы банковского надзора и сделать массу очень полезных вещей, которые было бы замечательно, если бы сделал в свое время Горбачев вместо довольно странных экспериментов. А ты вынужден создавать рыночную экономику, не идеальную, не лучшую, отвратительную, ужасную, но как единственно возможную альтернативу тому, что перестало существовать.

Ведущий: *Я хотел бы обратить внимание на то, что Сергей Кириенко насчет государства и власти согласен с господином Соросом.*

Сергей КИРИЕНКО: Но мне больше всего понравилось то, что сказал Егор Тимурович, — о том, как демократы занимают Старую площадь. По-моему, это уже снова актуально. А с точки зрения власти я соглашусь с господином Соросом с единственным «но»: вопрос причины и следствия. Конечно, правовое государство, правильные законы, все необходимые действия в экономике. Вопрос в том, как? Насильно? Невозможно. Это как принцип: невозможно сильную государственную власть подарить. Невозможно понимание необходимости рыночных законов подарить. Невозможно подарить правовое государство. Ничего из этого не получится. Нужно время. Следовательно, мы все равно приходим к главному: к уровню ожидания в головах людей. Ведь 90% наших слушателей очень мало интересуется банковской ликвидностью или соответствием того или иного закона. Их интересуется собственное имущество, собственная свобода и собственная безопасность. Они либо увидят, что в реализации модели власти присутствует защита этих очень простых его интересов, либо не поддержат эту власть. А вот тогда господин Сорос будет прав, тогда начнет возникать соблазн привести к счастью силой. Не получится.

Ведущий: *Есть такое ощущение, господин Сорос, что два бывших премьер-министра Вам тонко намекают, что Вы не очень хорошо понимали, что происходит в России, что в теории это хорошо, конечно, и все Вы говорите правильно, а на самом деле это все не так.*

Джордж СОРОС: Конечно, если обернуться, вспомнить прошлое, Егор Гайдар совершенно прав, потому что он оказался в ситуации, когда перед ним встала невыполнимая задача. Он пе-

решил к системе, когда цены должны были сигнализировать предприятиям о том, что им надо делать. Но руководители предприятий не внимали этим сигналам, продолжали прислушиваться к тем сигналам, к которым они привыкли, т. е. к государственному заказу. Я помню наши разговоры однажды в мае, когда мы говорили о том, что государственные предприятия продолжают работать согласно своим программам, они все свои поставки выполняют в срок, между тем многие не могли рассчитаться и долги росли. Размер долга составлял примерно треть всего их производства. Я думаю, что необходимо было осуществить переход от государственного заказа к рыночным отношениям и вам пришлось это сделать. Но это была задача невероятно трудная и практически невыполнимая, потому что предприятия не смогли перейти на новые рельсы хозяйствования. Все это уже дело прошлого, но теперь, спустя 8–9 лет, в течение которых действительно имел место грабительский капитализм, уже пора бы перейти к чему-то уже более, так сказать, имеющему правовую основу. В этом и состоит трагедия. Это переход не удалось осуществить, потому что эти именно капиталисты-грабители держались за свои привилегии, они не допустили этого перехода. В этом трагедия. Я участвовал в торгах по «Связьинвесту», и это были первые основанные на законе торги: государство действительно получило от них 2 млрд долл. Но эти аукционные торги вызвали драку и борьбу за взаимное вытеснение между олигархами, что привело к краху этого аукциона.

Ведущий: *Вопрос ко всем трем участникам беседы. Его можно было бы сформулировать грубо: олигархи — это зло или благо для России? (то, что затронул Джордж Сорос), — но на самом деле все гораздо серьезнее. Каким вы видите место тех, кого называют олигархами, после 17 августа, их экономическое, финансовое, политическое будущее? Какую роль они должны играть в будущем России? Должны ли они играть в нем какую-то роль? Егор Тимурович, Вы с этим напрямую не сталкивались, Вам первое слово.*

Егор ГАЙДАР: Почему не сталкивался? Наше правительство в 1992 г. было отправлено в отставку во многом потому, что мы категорически не хотели идти по пути формирования капитализма разных правил игры.

Ведущий: *Хорошо, столкнулись.*

Егор ГАЙДАР: Столкнулись. Значит, на самом деле олигархи — это, конечно, зло, это, конечно, огромная проблема для России. Смещение собственности и власти и разные правила игры, когда успех предприятия зависит не только от того, насколько эффективно его директор может организовать управление финансово-материальными потоками, а от того, насколько эффективно он научился давать взятки соответствующим чиновникам разных уровней управления. Это переворачивает работу всего рыночного механизма. Это делает неправильными все рыночные схемы. Тем самым вопрос об устойчивом, стабильном развитии России — это вопрос о том, когда мы можем справиться с этой проблемой. Попытки, которые были предприняты в 1997–1998 гг., о которых говорил Джордж¹, были абсолютно необходимыми. Да, они были малоуспешными, но, не сделав этого шага, не покончив с олигархическим или бюрократическим капитализмом, как ты говорил...

Ведущий: *Это разное.*

Егор ГАЙДАР: На самом деле это две разновидности одной и той же проблемы. Скажем, московский капитализм скорее можно назвать бюрократическим, а то, что происходит в стране в целом, — олигархическим. А на самом деле суть одна и та же: собственность, совмещенная с властью.

Сергей КИРИЕНКО: Меня больше интересует не то, какова судьба олигархов, а то, какова судьба страны. Разрушающая их роль? Да, очень часто разрушающая, и здесь я с господином Соросом соглашусь. Но это не потому, что они сильные (мы как-то об этом с Вами говорили), а потому, что государство слабое. Вопрос не в том, как сделать олигархов слабее, а в том, чтобы государство было сильным. Это действительно две стороны одной медали. Влияние крупного капитала на власть возникает тогда, когда власть продается. Это к вопросу рыночного фундаментализма. Когда рыночные отношения переходят во власть, когда властью можно торговать. То, что мы видели, и в последнее время в том числе, — это торговля властью оптом и в розницу, торговля правилами власти. Вот этого нельзя допускать. А если борьба власти за равные правила поддерживается каждым из нас (большинством хотя бы), то никакие олигархи ничего не в состоянии сделать.

¹ Имеются в виду меры по приватизации ОАО «Связьинвест». — *Прим. ред.*

Ведущий: *Джордж, я немножко переформулирую вопрос. Считаете ли Вы, что власть в рыночном обществе — это товар, которым можно торговать (в нормальном рыночном обществе, неграбительском)? И мой старый вопрос про олигархов.*

Джордж СОРОС: Это очень простой вопрос. Если власть может продаваться ради личной выгоды, прибыли, это коррупция. Это совершенно ясно. Гораздо интереснее тот вопрос, который поднял господин Кириенко относительно слабого государства. Я хотел бы развить эту мысль. То, что сильная государственная власть нужна, очевидно. Но дело в том, что если в такой большой стране, как Россия, государственная власть сильно централизована, то это неизбежно приводит к авторитаризму, к самодержавию. Россия не имеет истории демократии, и для того, чтобы внедрить демократию, необходимо усилить местные органы самоуправления и их потенциал. Не знаю, заметили ли вы, что все программы нашего фонда направлены на укрепление региональных властей. Это касается нашей программы выхода университетских центров в Интернет, программ культурного развития, программ поддержки региональных университетов и многих других. Мы хотим создать у местных властей и в провинциях соответствующий потенциал, но чего наш фонд не может сделать, это урегулировать отношения между центральной властью и регионами.

Ведущий: *Интересно было бы встретиться с вами после выборов, которые дадут ответы во всяком случае на вопрос, как обычные люди воспринимают все то, что вы сегодня говорили, что-то одинаково, что-то по-разному. Конечно, господин Сорос не будет избираться в парламент, ему закон это запрещает...*

Сергей КИРИЕНКО: И регулировать взаимодействие между федеральной и местной властью нам придется как-то самим...

Ведущий: *Как-то самим, безусловно, но какие-то прогнозы, какие-то направления видения ситуации господином Соросом, я думаю, получат отзвук в ходе выборов, будет яснее, как понимают его люди. Я благодарю всех вас за участие в беседе.*

В прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы» были известный финансист Джордж Сорос, бывшие премьеры Правительства России Сергей Кириенко и Егор Гайдар.

Отставка С. В. Степашина — крайне странное решение

Радиостанция «Эхо Москвы». 9 августа 1999 г.

Ведущий — Алексей Венедиктов

Ведущий: *Сегодня назначен уже шестой премьер-министр¹ при действующем президенте, а у нас в гостях первый премьер-министр. Такой длинный путь прошла наша история при Ельцине, но замечу, что последние пять премьеров сменились за последние полтора года. Вы хорошо знаете президента. С чем это связано, по-Вашему?*

Егор ГАЙДАР: Было у нас шесть замен премьер-министров. Я мог соглашаться или не соглашаться с некоторыми из этих замен. Некоторые мне казались правильными, некоторые совершенно неправильными. Но я всегда понимал политический смысл происходящего. Естественно, каких-то замен не принимал, мне это не нравилось и не нравится, но я его понимал. На мой взгляд, отставка Степашина — это первая отставка премьера в новой, демократической России, в которой не видно никакого политического смысла.

Ведущий: *Почему? Что, не было ошибок в действиях правительства?*

Егор ГАЙДАР: Давайте очень коротко, буквально пунктиром. Отставка правительства Гайдара, 1992 г.: жесточайшая оппозиция Думы, острый конфликт, попытка Ельцина пойти на компромисс. Правильно ли, неправильно, но политические резоны понятны. 1998 г.: нарастающий финансовый кризис, очевидная необходимость существенного ужесточения курса, но неспособность правительства это

¹ 9 августа 1999 г. Президент РФ Борис Ельцин назначил Владимира Путина исполняющим обязанности председателя Правительства РФ. Утверждение его в этой должности Государственной думой произошло 16 августа. — *Прим. ред.*

сделать, назначение Кириенко. Август: не удержали ситуацию, хотя и не могли, собственно, удержать, кто-то должен отвечать — отставка правительства Кириенко. Правительство Примакова, компромисс с коммунистами, — компромисс, суть которого «ваше правительство в обмен на политическую стабилизацию». Не получается политической стабилизации, нет отказа от импичмента, не нужен компромисс — не нужно правительство, составленное в коалиции с коммунистами. Каждый раз, правильное это решение или нет, у него есть политическая причина. Снять правительство, которое ты сам 82 дня назад поставил, которое за это время не сделало ни одной крупной политической или экономической ошибки и не привело ни к одной серьезной экономической или политической катастрофе, — это крайне странное решение, которое политически объяснить невозможно.

Ведущий: *Наверное, экономически объяснить невозможно. Или политически?*

Егор ГАЙДАР: На мой взгляд, разумно ни экономически, ни политически объяснить невозможно. Даже если ты решил, что будешь поддерживать Владимира Путина в качестве кандидата в президенты, это не является достаточным основанием для того, чтобы через 82 дня отправлять в отставку тобой назначенное Правительство России.

Ведущий: *Тогда апеллирую к Вашему знанию президента: чем тогда это могло бы диктоваться?*

Егор ГАЙДАР: Честно говоря, в данном случае не знаю. Не знаю и не понимаю. Думаю, что это ошибочное решение, во многом продиктованное неясностью и непониманием перспектив 2000 г. и ощущением того, что время уходит и надо определяться, а сильной игры нет, отсюда колебания, отсюда смена ставок. Но это мои гипотезы, и я не хотел бы гадать.

Ведущий: *После того как Вы возглавляли правительство, сложилась система, что на выборах в Государственную думу в 1993–1995 гг. создавалась партия власти во главе с бывшим или действующим премьер-министром. Когда создавалась партия «Демвыбор России», Вы были первым вице-премьером; НДР — когда Черномырдин в 1995 г. был премьером. Может быть, неспособность Степашина создать собственную партию, история неудачи Кремля с этим блоком «Отечество — вся Россия» и привели к отставке? Ну не способен политически возглавить — решили в Кремле, решил президент.*

Егор ГАЙДАР: Очень не люблю гадать. Готов всегда обсуждать то, что понимаю, но не готов гадать. Представление, что назначенный 82 дня назад премьер наряду с решением таких проблем, как конфликты в Дагестане, переговоры с МВФ, Парижским клубом, контроль инфляции и топливный кризис, должен был еще и создать с нуля новое политическое объединение, мне казалось бы крайне странным. Если кто-то так полагал, он, по-моему, не очень себе представляет, как идет политический процесс.

Ведущий: *Как Вы оцениваете экономические шаги правительства Степашина? Что за эти 82 дня сделало правительство? Может быть, там действительно были сделаны ошибки, которые журналисты не замечают?*

Егор ГАЙДАР: В целом экономический курс правительства Степашина был достаточно рациональным. За 82 дня чудес не совершишь. Но договоренность с МВФ, к которой шли в предшествующие месяцы, все-таки была окончательно доведена и канализирована правительством Степашина, переговоры с Парижским клубом, которые шли ни шатко, ни валко, окончательно были завершены правительством Степашина, приличный прогресс на переговорах с Лондонским клубом был при правительстве Степашина. Это серьезные шаги вперед. В налоговой области некие улучшения сбора налогов начались с апреля, после страшного провала в начале работы правительства Примакова между сентябрем и январем. Эта тенденция была существенно усилена и закреплена правительством Степашина в последующие месяцы. Так что в экономике, еще раз подчеркиваю, никакого чуда за 82 дня сделать невозможно, но ничего по-настоящему опасного, ошибочного сделано не было. Ошибка, конечно, одна — это инициированное Николаем Емельяновичем Аксененко картельное соглашение¹. Ошибка в каком смысле: было ясно, что это никогда не будет работать. Вреда особого не будет, но работать не будет. Если кому-нибудь надо было убедиться, что работать не будет, ну, еще раз убедились. Но это не повод, за который нужно отправлять в отставку Степашина.

Ведущий: *Я слышал про так называемый бензиновый кризис. Ставили в вину Степашину, что он обещал быстро разрешить бензиновый кризис, чуть ли не с милицией, и не сделал.*

¹ Речь идет о соглашении правительства с нефтяными компаниями о продаже нефтепродуктов определенному кругу потребителей по фиксированным ценам. — Прим. ред.

Егор ГАЙДАР: Что такое по-настоящему бензиновый кризис? Не надо иллюзий. База бензинового кризиса — это самые благоприятные изменения на мировом рынке для России за последние полтора-два года. Это ситуация, при которой цены на нефть и, естественно, цены на нефтепродукты на мировых рынках выросли в 2 раза по сравнению с предшествующими шестью месяцами. Это то, из-за чего сейчас лучше идут доходы, это то, почему гасятся задолженности по зарплатам и пенсиям, это то, почему гораздо лучше смотрятся сегодня российские финансовые перспективы. Рыночная экономика — это такая штука, в которой не бывает чудес. Если в мире цены на нефть, твой важнейший экспортный продукт, существенно выросли, не надо думать, что это никак не отразится на отечественных ценах на нефтепродукты. И чем больше будешь вмешиваться в этот процесс, грубо и топорно, тем больше будет ошибок. На мой взгляд, ничего страшного правительство здесь не сделало.

Ведущий: *Каково, с Вашей точки зрения, может быть будущее Степашина в общем? У бывших премьер-министров, уж извините, будущее разное. Вы вернулись в профессиональную экономическую деятельность, продолжая заниматься политикой как лидер партии, Виктор Степанович ушел в Газпром, при этом продолжает заниматься политикой. Пока не определился Евгений Максимович, но тоже говорил, что не ушел из политики. Пожалуй, только Силев ушел из политики, и то собирается баллотироваться, насколько я знаю. Это какая-то закономерность для премьеров?*

Егор ГАЙДАР: Для того чтобы закономерность была статистически значимой, нужно большее количество случаев. Давайте мы дождемся, пока у нас будет 18–20–25 бывших премьеров демократической России, а после этого можно будет посчитать хотя бы самые элементарные зависимости. Что касается Степашина, то это, на мой взгляд, как бы ни относиться к разным сторонам его деятельности, талантливый публичный политик, и я бы очень удивился, если бы мне сказали, что он этим талантом не собирается воспользоваться¹.

Ведущий: *Еще несколько слов о Степашине. Было время, когда Вы с ним были в достаточной мере в одном спектре, потом война в Чечне развела «Демвыбор России» и председателя ФСК Степа-*

¹ 19 апреля 2000 г. С. В. Степашин был назначен председателем Счетной палаты РФ. — Прим. ред.

шина. Насколько взгляды Сергея Вадимовича на политику, на место России, на экономику ближе, скажем, к коммунистам, чем к «Отечеству», или к Вам, или к «Яблоку»?

Егор ГАЙДАР: Конечно, гораздо корректнее задавать этот вопрос Сергею Вадимовичу Степашину, чем мне. Я терпеть не могу, когда постоянно судят со стороны о моих взглядах, и считаю, что о них можно меня спросить.

Ведущий: *Как Вам видится?*

Егор ГАЙДАР: Мне кажется, что у него достаточно трезвое видение сегодняшних проблем России, перспектив России, того, что надо делать в России, и т.д. Это не значит, что я считаю, что у него есть развернутая, подробная программа того, что надо делать в стране, но в целом его высказывания показывают, что подход у него здравый.

Ведущий: *Сегодня рынки отреагировали на отставку правительства Степашина довольно резко. Свидетельствует ли это о том, что в России все-таки есть рынок, во всяком случае рынок акций? И хотя министр финансов Михаил Касьянов говорит о том, что это не имеет никакого отношения к отставке, будем считать, что это совпадение знаковое: сегодня доллар подскочил на 74 коп., основные российские акции упали на 11%, а некоторые даже на 30–35%, акции, между прочим, предприятий с государственным участием. Такие вещи не берутся обычно в учет, когда в политике принимаются решения? Экономика как раз начинает выкруливаться, и в этот момент принимаются резкие политические решения.*

Егор ГАЙДАР: В данном случае это явно не было учтено.

Ведущий: *Насколько ситуация смены правительств может отразиться на наших отношениях с инвесторами, обычными частными корпорациями, которые хотят вкладывать в Россию и получать большой процент и видят, что правительство меняется и меняется?*

Егор ГАЙДАР: Дополнительный элемент экономической неопределенности и нестабильности, соответственно увеличение риска для вложений в Россию, соответственно увеличение требований к возврату капитала, соответственно более жесткие критерии отбора проектов, которые всерьез будут рассматриваться по инвестициям в Россию, все это будет результатом.

Ведущий: *А наши отношения с МВФ? Вы их хорошо, наверное, представляете? Может ли такая смена отразиться на предостав-*

лении второго транша? Договаривались с одним правительством, теперь другое.

Егор ГАЙДАР: Это вряд ли. Когда пришло правительство Примакова и первое, что сделало, это выбросило согласованную с МВФ программу в корзину, а потом еще удивилось, почему это МВФ также выбросил в корзину соглашение о предоставлении следующего транша,— то была одна ситуация. Я думаю, что правительство Путина ничего подобного делать не будет. Другое важно в наших отношениях с Западом. На самом деле Степашин за последние три неполных месяца очень понравился миру, создал хорошее впечатление серьезного, спокойного, обстоятельного, очень разумного человека. С ним стали серьезно разговаривать в Кельне, Сараево, Вашингтоне. К нему отнеслись как к человеку с перспективой, к серьезному собеседнику. Серьезный собеседник — это собеседник, с которым имеет смысл обсуждать стратегические вопросы, скажем списание советской задолженности. А что ты будешь обсуждать с человеком, который сегодня пришел, завтра ушел? Что с ним разговаривать? Я боюсь, что реакция наших мировых партнеров на последние смены в правительстве будет такой: «Мы вообще не будем разговаривать. Что с вами разговаривать? Что тратить время на разговоры с людьми, которых меняют по разу в несколько недель? Что, у нас других дел нет? Вы разберитесь как-нибудь. И ваши проблемы с антидемпингом, с массой проблем, со всем, что вас волнует, пока подождут». Просто очень трудно будет Путину, назначенному после такой смены правительства, даже если он все будет делать правильно, завоевать какой бы то ни было международный авторитет, добиться того, чтобы с ним начали разговаривать, обсуждать российские проблемы. Вот объективная проблема, причем совершенно не зависящая от его личных качеств.

Ведущий: *Извините, я Вас спровоцирую. Может быть, тогда имеет смысл подкрепить Путина в правительстве людьми, с которыми будут разговаривать? Скажем, Анатолием Чубайсом.*

Егор ГАЙДАР: Да нет, это бессмысленное дело. Могут разговаривать со мной, могут разговаривать с Чубайсом, но разговаривают все равно в данном случае как с людьми, которые представляют или не представляют российское правительство, если не работают в нем. У нас много друзей, мы можем сесть и замечательно поговорить об экономике, выпить чашку чая. Но что с нами разговари-

вать, если российское правительство столь нестабильно и непредсказуемо само по себе?

Ведущий: *Правильно ли я Вас понял, а если нет, то Вы меня поправьте, что может сложиться ситуация, при которой наши западные партнеры будут просто ждать президентских выборов 2000 г.?*

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что по принципиальным вопросам к тому сейчас и идет. Те шансы, которые были по серьезному обсуждению ключевых для России вопросов до президентских выборов, я думаю, исчерпаны с отставкой правительства. Я не верю ни в какие серьезные разговоры до августа 2000 г., скажем, по Парижскому клубу о списании советского долга. Даже если их пообещают вести, вести их не будут.

Ведущий: *Десять дней назад в этой студии Ваш друг и соратник Анатолий Чубайс не исключил возможности для «Демвыбора России», для коалиции «Правое дело» поддержать Степашина на президентских выборах, если он выдвинется на президентские выборы, если правительство будет делать правильные шаги. В данном случае получается, если говорить о президентских выборах, что коалиция потеряла знаковую фигуру. Не из своих рядов, а фигуру объединяющую.*

Егор ГАЙДАР: Сергей Степашин, как мы уже говорили, публичный политик. У меня нет ни малейших сомнений, что он будет заниматься политикой. Он определит свою политическую позицию. Сейчас, когда он не связан уже в своей позиции с исполнительной властью, он сможет сделать выбор гораздо свободнее. Посмотрим, как он определит свою позицию. В зависимости от этого и «Правое дело» будет определять свою позицию по отношению к Степашину.

Ведущий: *Наблюдатели уже обратили внимание на то, что если бы «Наш дом Россия» сделал свой выбор, к которому призывал тот же Анатолий Чубайс, и вошел в коалицию «Правое дело», то в этой коалиции оказалось бы три премьер-министра Бориса Ельцина: Сергей Кириенко, Егор Гайдар, Виктор Черномырдин. А если еще в большой коалиции, — Сергей Степашин, я имею в виду, не на парламентских, а на президентских выборах, то только Примаков остается неохваченным. Вы вообще в это верите? Это ведь все люди, включая Вас, с амбициями, премьер-министры великой страны.*

Егор ГАЙДАР: Я просто приведу Вам один пример: есть братская наша польская партия «Уния Вольноносич». Там три бывших премьер-министра: Мазовецкий, Сухоцкая, еще кто-то, Белецкий, есте-

ственно. И ничего, прекрасно живет себе, прекрасно существует, выиграла вместе с «Солидарностью» последние выборы, участвует в правящей коалиции. Как-то все со своими амбициями сумели умяться.

Ведущий: *Россия — другая страна.*

Егор ГАЙДАР: Россия — другая страна, это правда, но, надеюсь, здравый смысл и в России не исключен.

Ведущий: *А что может объединять таких политически разных людей, как Егор Гайдар, Сергей Кириенко, Виктор Черномырдин, Сергей Степашин?*

Егор ГАЙДАР: Во-первых, такого объединения на данный момент нет.

Ведущий: *Я имею в виду людей, а не политическую силу. Я отношу это к президентским выборам.*

Егор ГАЙДАР: Для меня принципиальные вопросы были всегда не личностные, а содержательные. Мне не так интересно, кто на каком месте будет сидеть. Мне довелось сидеть в не очень-то старые годы на довольно высоких местах, меня должность мало волнует. Я очень интересуюсь, что будут делать. В стране колоссальное количество нерешенных проблем, нерешенных именно потому, что реформа в свое время затормозилась. Они остались и никуда не денутся, и их надо и придется решать. Вопрос в том, когда их будут решать — в 2000, 2004, 2008, 2012-м? Мне бы хотелось, чтобы их решали быстрее. Есть уже достаточно четко выработанное и очень многими разумными людьми разделяемое понимание того, что на самом деле надо делать. Если есть общая готовность двигаться в этом направлении, принимать соответствующие законы, такой-то земельный кодекс, такие-то налоговые законы, такие-то законы, связанные с бюджетным процессом, значит, есть база для объединения. И тогда в общем вопрос о том, кто на каком кресле сидит, для меня носит технологический характер, производный.

Ведущий: *Считаете ли Вы достаточной гарантией доверия Путину то, что президент впервые назвал своего преемника? Он, конечно, говорил и о Немцове, но вот так назвал впервые. И тем самым многие наблюдатели говорят, что это гарантия Путину, что он останется на этом посту.*

Егор ГАЙДАР: Я не знаю. Я надеюсь, что правительство Путина будет эффективно. Я хотел бы ему пожелать, чтобы оно было устой-

чивым. В России и так было слишком много приключений, чтобы позволить себе еще одно неустойчивое, короткое, слабое правительство. Но после того, что произошло сегодня, расписаться в том, что я в этом убежден, к сожалению, не могу.

Ведущий: *В прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы» был Егор Гайдар, председатель политсовета партии «Демвыбор России», бывший председатель Правительства РФ.*

Перспективы выборов в Государственную думу в 1999 г.

Телеканал «НТВ».
Программа «Итоги». 3 октября 1999 г.

Ведущий — Евгений Киселев

Ведущий: Я напоминаю, мы ведем сейчас опрос наших зрителей по телефону, по специальной интерактивной компьютерной системе. Наш вопрос: за кого бы проголосовали вы, точнее, за какую партию, движение, если бы сегодня были выборы в Госдуму? Вот вы видите результаты, мы получили почти 6 тыс. звонков. Лидер симпатий наших зрителей — это движение «Яблоко», на втором месте — «Отечество — вся Россия», на третьем — КПРФ, на четвертом — обратите внимание — «Союз правых сил»: более 10% позвонивших, это легко посчитать, проголосовали бы на выборах за СПС. Новый блок «Единство» и ЛДПР не проходят 5%-й барьер, если говорить о симпатиях зрителей программы «Итоги».

Я еще раз обращаю внимание на то, что данные нашего телефонного опроса существенно отличаются от данных большинства социологических опросов. Если, скажем, по результатам опроса ФОМа, с которыми мы знакомили вас в прошлой передаче, пока шансы преодолеть 5%-й барьер имеют три организации — это, во-первых, «Отечество — вся Россия», во-вторых, коммунисты и, в-третьих, «Яблоко», то зрители «Итогов» еще бы привели в Госдуму «Союз правых сил».

Один из организаторов СПС, председатель партии «Демократический выбор России», в минувший вторник выиграл в суде иск к лидеру КПРФ о защите чести и достоинства. Иск был подан в связи с тем,

что в этом году 14 марта Геннадий Андреевич, выступая в нашей программе, заявил, что, я цитирую, «Гайдар разворовал 300 млрд», конец цитаты. Суд решил, что сведения эти о разворовывании 300 млрд не соответствуют действительности и порочат честь и достоинство Егора Тимуровича Гайдара. Решение может быть обжаловано в течение 10 дней, по словам представителя Зюганова, не исключено, что он так и поступит, а может быть, и нет. Интересно, что решение суда не обязывает Зюганова приносить извинения Гайдару лично в нашей передаче, т.е. там, где он адресовал Егору Тимуровичу обвинения, признанные судом не соответствующими действительности и порочащие честь и достоинство Гайдара.

Сегодня Е. Гайдар — гость нашей студии. Добрый вечер, Егор Тимурович.

Егор ГАЙДАР: Добрый вечер.

Ведущий: Скажите, Вы полностью удовлетворены решением суда? Вам бы не хотелось, чтобы Зюганов лично перед Вами извинился?

Егор ГАЙДАР: Нет, я полностью удовлетворен решением суда. Для меня было важно, чтобы суд четко зафиксировал, что г-н Зюганов сказал неправду. Собственно, говоря по-русски, солгал. И сказать об этом зрителям «Итогов» для меня большое удовольствие.

Ведущий: Ну, хорошо, хотя мне кажется, что по справедливости Геннадию Андреевичу нужно было извиниться.

Егор ГАЙДАР: Я с уважением отношусь к решениям суда. На следующей неделе у меня еще один суд, я вообще не большой сутяга, но у меня подряд два суда, один был с Зюгановым, второй — с Макашовым, который тоже рассказал про меня массу нелепиц. 5-го у нас будет суд с Макашовым, я надеюсь, что с течением времени смогу сказать, что г-н Макашов тоже является лжецом.

Ведущий: Ну что ж, давайте поговорим о выборах в Госдуму. Вы видели результаты нашего опроса среди зрителей «Итогов», у Вас дела обстоят неплохо, но по другим опросам «Союзу правых сил», в который входит и Ваша партия ДВР, предстоит трудная борьба за преодоление 5%-го барьера. Что вы собираетесь предпринять, чтобы эту заветную планку преодолеть?

Егор ГАЙДАР: Во-первых, результаты последних опросов, в том числе результаты ВЦИОМа, на которые мы опираемся, показывают, что у нас есть серьезные проблемы, но вместе с тем есть и очевидный прогресс за последнее время. Мы видим, что база нашей

поддержки, как и прежде, — это крупные города. И мы, как только законодательство о выборах позволит нам вести энергичную избирательную кампанию, — а мы сейчас не можем этого делать по закону — непременно такую кампанию проведем.

Ведущий: *Тактика какая будет у вас? Вы будете стараться нарастить мускулы там, где они у вас есть, или побороться за неохваченные голоса?*

Егор ГАЙДАР: Две части кампании совершенно естественны. Во-первых, это работа с людьми, которые традиционно голосовали за западные, проевропейские либеральные идеалы и за партии, которые эти убеждения последовательно отстаивали, в первую очередь за «Демократический выбор России», ну и за ряд других партий, более слабых, чем ДВР, отстаивающих ту же идеологию. И наша задача убедить их сегодня прийти и проголосовать за «Союз правых сил» — первая часть нашей работы.

Вторая часть нашей работы — это добиться того, чтобы те люди, которые по ряду причин не очень активно участвовали в политике или не участвовали вовсе, пришли на избирательные участки. Короче, чтобы молодые люди, не связанные с традиционной интеллигенцией, ориентированной на либеральные ценности, и вместе с тем объективно разделяющие те программные принципы, которые отстаивает СПС, — а мы ведь одна из немногих четко идеологически ориентированных партий — проголосовали за нас. Если мы решим эти две задачи, то мы, безусловно, пройдем 5%-й барьер.

Ведущий: *Скажите, сколько кандидатов вы собираетесь выставить по одномандатным округам?*

Егор ГАЙДАР: Мы выставим около 110 кандидатов по одномандатным округам.

Ведущий: *110 из 225?*

Егор ГАЙДАР: Совершенно точно.

Ведущий: *Вы можете назвать какие-либо фамилии?*

Егор ГАЙДАР: Пожалуйста, Ирина Хакамада, которая будет баллотироваться по Санкт-Петербургу...

Ведущий: *Случайно не в 209-м округе?..*

Егор ГАЙДАР: Нет, нет, нет.

Ведущий: *Потому что в 209-й округ все сейчас рвутся...*

Егор ГАЙДАР: Борис Немцов, который будет баллотироваться в Нижнем Новгороде, Эдуард Воробьев, который будет баллотиро-

ваться в Москве, Виктор Похмелкин, который будет баллотироваться в Перми. Есть много авторитетных людей.

Ведущий: *Вы лично?*

Егор ГАЙДАР: Я не буду баллотироваться в округе.

Ведущий: *А по партийному списку?*

Егор ГАЙДАР: Я возглавляю московскую группу партийного списка.

Ведущий: *То есть, возможно, мы Вас увидим в Государственной думе нового созыва?*

Егор ГАЙДАР: Разберемся после выборов¹.

Ведущий: *Какие шансы ваших основных конкурентов, как Вы их оцениваете?*

Егор ГАЙДАР: Разумеется, очевидный на сегодня лидер гонки — это «Отечество — вся Россия» наряду с КПРФ, у которой традиционный электорат. Вместе с тем перед «Отечеством — всей Россией» та же проблема, которая была перед нами в 1993 г. В 1993 г. ДВР получил очень приличные результаты на выборах и сформировал самую большую фракцию в Госдуме. Мы тогда получили 16 % голосов и сформировали фракцию из 75 человек. Тем не менее ожидания были столь высоки, что эти результаты были восприняты, как крупнейшее поражение либеральных сил России, и вот сегодня от «Отечества — всей России» все тоже ждут подвига, все ждут чуда. И 15 % голосов для них будет неизбежно поражением, а никто на партийных выборах не гарантирует никому 15 %².

Ведущий: *Ну а как, на Ваш взгляд, они выступят?*

Егор ГАЙДАР: Я по опыту прошлых выборов не хотел бы гадать. Я думаю, вы все помните, как динамично развивалась ситуация в 1993–1995 гг., насколько результаты существенно отклонялись от данных всех опросов, от всех предшествующих прогнозов,

¹ «Союз правых сил» занял на выборах четвертое место, получил 8,5 % голосов и 24 депутатских места, а в целом с учетом одномандатных округов — 29 мест. — *Прим. ред.*

² «Отечество — вся Россия» (ОВР) — избирательный блок, сформированный для участия в выборах в Госдуму России в 1999 г. Первую тройку составили Евгений Примаков, Юрий Лужков (мэр Москвы), Владимир Яковлев (мэр Санкт-Петербурга). На выборах в Госдуму блок набрал 13,3 % голосов (хотя рассчитывал на 25 %) и получил 37 мест. По одномандатным округам были избраны 32 депутата. 1 декабря 2001 г. движения, входящие в блок, и движение «Единство» объединились в партию «Единая Россия». Ее сопредседателями стали Юрий Лужков, Минтимер Шаймиев (президент Татарстана) и Сергей Шойгу (министр по чрезвычайным ситуациям). — *Прим. ред.*

поэтому я думаю, что для профессиональной репутации опасно давать такие прогнозы.

Ведущий: *Егор Тимурович, я понимаю, что прогнозы — это вещь чрезвычайно опасная для профессиональной репутации, но все-таки многие спрашивают: ЛДПР попадет в новую Думу?*

Егор ГАЙДАР: ЛДПР в эту избирательную кампанию завершила историю своей эволюции. Блок, в котором присутствует так много «уважаемых» авторитетов преступного мира, теперь уже четко отфиксирован. Я вообще полагаю, что это предмет для того, чтобы задуматься, что мы делаем своей избирательной системой, в том числе той неограниченной депутатской неприкосновенностью, которую предыдущие две Думы дали своим депутатам.

Ведущий: *Кстати, я должен предупредить наших зрителей, что сегодня в нашей программе еще одно интервью, сенсационное интервью, которое записал наш корреспондент Константин Точилин, с Анатолием Быковым. Человек, который вошел в первую тройку ЛДПР, который фактически скрывается за границей от российского правосудия, поскольку он объявлен в розыск по двум уголовным делам. Возвращаясь к нашему разговору, что Вы думаете о создании нового блока «Единство»¹?*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, вообще в этой истории мне более всего симпатичен и больше всего жалко С. Шойгу, потому что я к нему очень хорошо отношусь, как и подавляющее число людей, которых знаю.

Ведущий: *Трудно найти людей, которым Шойгу несимпатичен.*

Егор ГАЙДАР: Дело в том, что я-то еще с ним работал в правительстве и знаю его как поразительно дельного министра и очень хорошего организатора. И я очень боюсь, хотя и хочу надеяться, что это не так, но может оказаться, что то, чем он сейчас занялся, не его дело.

¹ Избирательный блок «Межрегиональное движение — Единство» («Медведь») был оформлен осенью 1999 г. путем объединения ряда движений в противовес блоку ОВР. Ориентировался на Владимира Путина, который 16 августа 1999 г. был утвержден председателем Правительства РФ. Пользовался поддержкой Бориса Березовского. Первая тройка: Сергей Шойгу, борец Александр Карелин, генерал Александр Гуров, известный борьбой с коррупцией. На выборах в Госдуму 1999 г. блок набрал 23,3% голосов и получил 64, а с учетом одномандатных округов — 73 депутатских мандата, заняв второе место (после КПРФ, имевшей 24,3% голосов и соответственно 67 депутатских мест, а в целом с учетом одномандатников — 113 мест, на 44 депутата меньше, чем в предыдущей Думе). — *Прим. ред.*

Я в свое время очень сожалел, что занялся политикой, но у меня не было выбора, пришлось. Я боюсь, что он сделал большую ошибку.

Ведущий: *Вы что, жалеете, что занялись политикой?*

Егор ГАЙДАР: Нет, это было неизбежно. Получилось так, что мы начали реформы и потом частично ответственность за все, что мы делали, хотя были уже не у власти, ложилась и на нас, просто отойти в сторону в таких условиях очень тяжело. Я в одной из своих книжек писал, что никогда не считал себя прирожденным политиком.

Ведущий: *Все-таки возвращаясь к истории с блоком «Единство». Вы разделяете точку зрения, которую высказывают некоторые аналитики и наблюдатели, что создание этого блока — попытка противопоставить что-то блоку Примакова — Лужкова, попытка власти по крайней мере.*

Егор ГАЙДАР: Меня бы крайне удивило, если бы это было не так. Есть существующая власть. Совершенно очевидно, что нет политической силы, которая была бы ей лояльна и которая бы имела серьезные шансы пробиться в следующую Думу. Было бы странно, если бы власть не обращала на это внимание, было бы странно, если бы она не попыталась что-нибудь сделать.

Ведущий: *Как Вы думаете, нынешняя власть способна обеспечить переход своей власти в другие руки?*

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что да. Разумеется, в России загадывать что-либо трудно, но знаю, как этот вопрос обсуждался в разные моменты российской истории, скажем в марте 1996 г. Я абсолютно убежден, что власть сегодня не имеет возможности не обеспечить переход власти в другие руки, не имеет возможности сохранить эту власть неконституционным путем. Попытка пойти в этом направлении была бы страшной, непоправимой ошибкой.

Ведущий: *Это те указы, которые готовились в марте 1996-го, накануне выборов, о запрете компартии, о продлении полномочий Ельцина без выборов? Это все сейчас невозможно?*

Егор ГАЙДАР: И тогда это было невозможно. Есть много аргументов, но один из важнейших состоит в том, что это все равно невозможно реализовать. Я напому, что это было невозможно в гораздо лучших условиях, когда было единство элиты перед угрозой коммунистов, когда в едином фронте вместе с Ельциным были люди, начиная от Лужкова и кончая Березовским, когда была более реальная угроза коммунистического реванша. Всего этого сейчас

нет. Если это не произошло тогда, то с какой стати это будет сегодня?! И честно говоря, сам Борис Николаевич всерьез думает о своем месте в российской истории. И это место человека, который был первым в истории России законно избранным президентом и первым уступил законным образом власть следующему избранному преемнику, а любое другое решение поставило бы огромный жирный крест на многом из того, что он пытался делать.

Ведущий: *Но речь идет не о самом Борисе Николаевиче, а о его окружении.*

Егор ГАЙДАР: Ну, окружение — это, наверное, вопрос отдельный. Но без президента сделать определенный набор вещей невозможно, и опыт показывает, что в чем-то его можно убедить, но по принципиальным вопросам он принимает решения самостоятельно.

Ведущий: *Мне сейчас подсказывают — у меня наушник в ухе, — что к нам в студию позвонил один телезритель по фамилии Макашов и поправляет Вас, что суд у Вас, оказывается, не с Макашовым, а с Илюхиным¹.*

Егор ГАЙДАР: Я прошу прощения, я приношу свои извинения генералу Макашову. Я перепутал этих двух политиков из Движения в поддержку армии. Совершенно правильно, у меня суд с Илюхиным.

Ведущий: *Вот видите, как внимательно нас смотрят коллеги по политическому цеху. Так вот о чем я Вас хотел спросить. Ельцин назвал Путина своим преемником. Вы к этому относитесь всерьез?*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, у нас все-таки не монархия, а президентская республика, поэтому о том, кто будет преемником, станет известно на будущих выборах...

Ведущий: *Ну, с элементами монархии, да?*

Егор ГАЙДАР: Все-таки с очень слабыми элементами монархии. Мы можем увидеть квазидемократические, но по природе авторитарные режимы. Ну возьмите, например, Белоруссию. Вот там разговор, кого Лукашенко назначит своим преемником, конечно, комичен, потому что он никого не назначит своим преемни-

¹ Илюхин Виктор Иванович (1949–2011) — депутат Государственной думы от КПРФ, заместитель председателя Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству, председатель общероссийского движения «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки». — *Прим. ред.*

ком, но такой разговор имеет смысл. Я могу назвать еще ряд республик в Средней Азии. Но у нас в России молодая, еще очень неустойчивая, с массой изъянов, но демократия. В связи с этим я думаю, что вопрос, кто будет преемником, будут решать россияне следующим летом.

Ведущий: *Это понятно, но в этом вопросе две составляющие. Ведь сейчас видно, что Кремль ставит на Путина.*

Егор ГАЙДАР: Конечно.

Ведущий: *Поэтому он реальный кандидат существующей власти и у него есть реальная фора как у премьера.*

Егор ГАЙДАР: Конечно.

Ведущий: *С другой стороны, Ельцин — прирожденный политик. Неужели он не понимает последствия, когда говорит: «Я бы хотел видеть Путина своим преемником, если вы, господа избиратели, хотите продолжения этого курса». Но, зная, что курс непопулярен, он его тем самым априори хоронит.*

Егор ГАЙДАР: Знаете, я работал с Ельциным и до некоторого времени мог говорить, что понимаю его поступки. Я мог соглашаться или не соглашаться, но я понимал, что, собственно, он делает, зачем, на основании каких понятных мне мотивов. После отставки Степашина этим летом, правительство которого просуществовало 82 дня, я стал гораздо более скептически относиться к собственным способностям прогнозировать и оценивать действия нынешней власти.

Ведущий: *То есть для Вас отставка Степашина необъяснимая вещь?*

Егор ГАЙДАР: Я, естественно, знал, что она надвигается, я как бы знал те мотивы, которые приводятся. Но, на мой взгляд, это первый пример крупномасштабного решения, которое не имело понятного мне политического смысла.

Я прекрасно понимаю, почему отставили Примакова, я прекрасно понимаю, хотя не был с этим согласен, почему отставили Кириенко. Я прекрасно понимаю, почему отправили в отставку Черномырдина. Я прекрасно понимаю, почему отправили в отставку меня. В каждом из этих решений была четкая, понятная политическая логика. А вот последняя отставка понятной, четкой политической логики не имела. Значит, я этого не понимаю. Раз я этого не понимаю, я не берусь оценивать.

Ведущий: *Напоминаю, что мы сейчас беседуем с Е. Гайдаром, параллельно идет опрос зрителей, за кого бы вы проголосовали на парламентских выборах. Хотел бы задать последний вопрос. Какова Ваша позиция по ситуации в Чечне и вокруг нее?*

Егор ГАЙДАР: Она, разумеется, вызывает серьезное беспокойство. Она в чем-то принципиально отлична от 1994 г. — прямая агрессия ваххабитов в Дагестане, террористические акции в Москве, все это совершенно другой фон по сравнению с тем, что было в 1994 г. Но все равно я боюсь, как бы не начали наступать на те же самые грабли и не понадеялись на то, что методами войсковой операции можно удачно бороться с терроризмом. Я считаю, что сегодня российская армия при всех ее проблемах лучше готова к боевым действиям, чем в 1994 г., в том числе потому, что руководство Министерства обороны более компетентно. Я знаю, что поддержка силовых действий по отношению к Чечне сегодня больше, чем она была в 1994 г. Вместе с тем этого абсолютно недостаточно, чтобы выиграть партизанскую войну.

Да, можно ввязаться в крупномасштабную войсковую операцию, можно пролить массу крови и своей, и чеченской, но добьемся только одного, что будет вялотекущая партизанская война, в которой будут постоянно гибнуть наши ребята. В Ливане израильская армия была хорошо обучена и подготовлена, а операцию поддерживало большинство населения, но все равно пришлось уходить оттуда в конечном счете. Именно поэтому убежден, что повторять таких ошибок нельзя. С бандитами и террористами нужно бороться посредством специальных операций, точечных ударов, направленных не против населения Чечни, а против баз самих террористов. Это первое. Второе, очень боюсь, что мы наступаем на одни и те же грабли, реанимируя сейчас парламент, избранный в 1996 г., и полностью отказываясь вести диалог с Масхадовым.

Масхадов — слабый президент Чечни, это очевидно. Вместе с тем это президент Чечни, который явно не заинтересован в войне в Чечне, который явно не стоял за дагестанскими событиями и терактами. Это ясно любому здравомыслящему человеку. Это тот человек, которого нужно попытаться оторвать от наиболее опасных террористов. Это прекрасный военный, он это показал в ходе чеченской кампании. И зачем загонять его в угол и не оставлять

другого выбора, как совместные действия с Басаевым и Хаттабом, я не очень понимаю.

Ведущий: *Спасибо Вам, Егор Тимурович. Я напоминаю, что сегодня в нашей студии на вопросы отвечал Е. Гайдар.*

Ситуация в целом вселяет оптимизм

Радиостанция «Эхо Москвы». 1 декабря 2000 г.

Ведущий — Марина Старостина

Ведущий: *Егор Тимурович, добрый день.*

Егор ГАЙДАР: *Добрый день.*

Ведущий: *Сначала, конечно, должна поздравить Вас с десятилетием института.*

Егор ГАЙДАР: *Спасибо.*

Ведущий: *Первый мой вопрос будет вот какой. Сегодня Анатолий Чубайс сказал, что российская экономика реанимируется, возвращается к жизни по Гайдару, у которого есть лишь один исторический конкурент — Карл Маркс. Вы как, согласны с такой оценкой?*

Егор ГАЙДАР: *Она крайне лестная для меня. Я думаю, что история все расставит на свои места. Что мы сейчас с Вами будем ставить оценки?*

Ведущий: *Ваш институт называется Институтом экономики переходного периода. Когда...*

Егор ГАЙДАР: *...кончится переходный период?*

Ведущий: *Совершенно верно.*

Егор ГАЙДАР: *Для меня переходный период закончится в тот день, когда можно будет сказать, что российская экономика — это нормальная рыночная экономика, в которой унаследованные от социализма проблемы не являются важными; она реагирует нормально на рыночные сигналы, может анализироваться, исследоваться, как нормальная рыночная экономика. К сожалению, от этой точки мы еще очень далеки. Можно сказать, что мы прошли первый этап переходного периода, — этап, связанный с катастрофическим крахом предшествующей политической и социально-экономиче-*

ской системы, совершенно неизбежной дезорганизацией социально-экономической жизни, с падением производства и т.д. Основные задачи этого первого этапа, вплоть до начала экономического роста, решены. Но у нас осталось колоссальное количество унаследованных либо от социализма, либо от первого этапа неразрешенных проблем. И только сейчас они начинают решаться. И решать они будут, я убежден, к сожалению, на протяжении, по крайней мере, следующего десятилетия.

Ведущий: *Нынешняя экономическая ситуация в стране, по Вашему мнению, вселяет оптимизм? На данном этапе.*

Егор ГАЙДАР: Она в целом вселяет оптимизм. Причем, на мой взгляд, наиболее серьезные основания для оптимизма связаны не столько с благоприятными финансовыми результатами, сколько с тем, что в России явно создалась критическая масса нормально рыночно ориентированных предприятий, которая способна производить конкурентоспособную и эффективную продукцию. Если мы посмотрим структуру промышленного роста, то увидим, что он довольно широкий, он не сконцентрирован в топливно-энергетическом секторе, а распространяется на довольно широкий круг отраслей — от легкой промышленности до машиностроения. Это значит, что при всей значимости конъюнктурных факторов есть основание говорить о том, что самый тяжелый период мы прошли. Это внушает оптимизм.

Ведущий: *Вот, например, советник президента Илларионов, наоборот, дает понять, что правительство не воспользовалось теми благоприятными условиями на мировом рынке, которые были. Вы с этим согласны?*

Егор ГАЙДАР: Сегодня у нас по этому поводу была на конференции большая дискуссия между Андреем Илларионовым и Алексеем Улюкаевым, первым зам. министра финансов, который там выступал. Я бы сказал так. Я склонен более высоко оценить работу правительства, чем Андрей Николаевич. Я солидарен с ним в оценке тех рисков, которые есть сегодня, и солидарен с многими предложениями, которые он высказывает. Но экономическая политика ведь не выдумывается из головы. Она реализуется в реальной жизни и в том числе при реальном политическом процессе. Когда начиналось обсуждение бюджета в бюджетном комитете Думы, я выступал строго за те же самые предложения, с теми же идеями,

которые отстаивает Андрей Илларионов. Но надо понять: а у вас есть думское большинство для того, чтобы провести такой бюджет? Нет, сегодня это нереальная задача. Значит, надо действовать по максимуму в границах возможного. Из того, что сделало правительство, я считаю важным то, что в условиях высоких цен на нефть, когда ситуация неизбежно расслабляющая, — ну, очень хочется пожить спокойно, не начинать трудные вещи — правительство все же начало продвижение по ряду ключевых проблем, которые не решались годами. Это налоговые реформы, это реформы бюджетного федерализма, военная реформа. Это важнейшие направления, каждое из них политически болезненно. Есть стимул, когда деньги есть и ничто не подгоняет, ничего этого не делать. Но все-таки правительство за прошедшие полгода добилось большого прогресса по этим направлениям.

Ведущий: *Вы уже начали говорить о бюджете, который сейчас активно рассматривается в Думе. Что Вам нравится в нем, а что не нравится?*

Егор ГАЙДАР: В этом бюджете мне нравится достаточно консервативная оценка доходов бюджета, ориентация в связи с этим не на лучшие сценарии развития мировой конъюнктуры. И мне нравится то, что он бездефицитный. Что не нравится? Это то, что в бюджет заложена абсолютно нереалистичная, на мой взгляд, гипотеза по поводу получения займов и рассрочек от Парижского клуба. Там есть нереализуемые источники финансирования. Значит, в процессе исполнения бюджета возникнут проблемы.

Ведущий: *А вот дележка дополнительных доходов, которых еще нет, и как бы делят шкуру неубитого медведя. Насколько это справедливо?*

Егор ГАЙДАР: Это правда. Конечно, при сохранении конъюнктуры, мало-мальски похожей на то, что есть сейчас, дополнительные доходы в бюджете будут, это очевидно. Другое дело, что там будут не только дополнительные доходы, но и большие дополнительные расходы, потому что не будет ни займов МВФ, ни, по крайней мере, ожидаемой рассрочки по Парижскому клубу и т.д. Отсюда вопрос о том, как делятся дополнительные доходы, не праздный. Это не вопрос о шкуре неубитого медведя, это вопрос о шкуре медведя, который практически наверняка будет убит. А вот как будет разделена его шкура, это действительно важно, это сейчас решается.

Ведущий: *Вы считаете обоснованными статьи, на которые эти дополнительные доходы хотят направить? Это, по-моему, оборона, образование и наука, если я не ошибаюсь.*

Егор ГАЙДАР: Там по нескольким статьям было увеличение финансирования: оборона, правоохранительная деятельность, судебная система, образование, наука, инвестиции, сельское хозяйство. Если бы опять же наша позиция полностью доминировала, я резко изменил бы эти приоритеты. Я бы, например, меньше дал на сельское хозяйство, а больше дал на военную реформу, на реформу образования. Но это ведь всегда вопрос не выбора, а реального баланса сил и интересов. Если абстрактно, все за все. Вы спросите у любого руководителя фракции, и он вам скажет, что он за то, чтобы увеличить расходы на оборону, на образование, на науку, на культуру, на все. А потом его реальный представитель приходит в бюджетный комитет, и тут выясняется, какой баланс сил. Допустим, мы с «Яблоком» активно поддерживали в бюджетном процессе увеличение расходов на образование. И я считаю, что это абсолютно правильно. Что-то нам удалось сделать в этой области, ну, а что-то не удалось.

Ведущий: *Принятие бюджета по-прежнему является политическим делом?*

Егор ГАЙДАР: Принятие бюджета в любой стране и всегда является политическим делом.

Ведущий: *Особая тема — это наши отношения с Белоруссией. Как известно, Россия готова выделить Белоруссии очень большие стабилизационные кредиты. Насколько сейчас это возможно, когда мы говорим, что у нас в России, допустим, благоприятная ситуация, но она ведь может в любой момент измениться? Как мы можем такие деньги сейчас давать?*

Егор ГАЙДАР: Тут есть два момента, на них уже обращали внимание. Первое: подо что мы даем эти деньги. И второе: как мы в этой ситуации будем объясняться с нашими партнерами по переговорам в Парижском клубе, что в принципе денег у нас нет и что мы выполнять свои долговые обязательства не можем, правда, у нас есть лишние деньги, мы дадим их сейчас Белоруссии на укрепление белорусского рубля. Это наши позиции на переговорах, прямо скажем, не усилят.

Ведущий: *А может, ну их, международные финансовые институты?*

Егор ГАЙДАР: Если встать на позицию, которую сегодня отстаивал Андрей Илларионов, что вообще-то в условиях такой благоприятной конъюнктуры и не надо ставить вопрос о рассрочке платежей Парижскому клубу, тогда да. Только тогда вам нужно понять, что у нас обнаруживается дыра в бюджете объемом 5 млрд долл., или 150 млрд руб. Вот вы найдите, как эту дыру реально закрыть, за счет чего, за счет каких дополнительных доходов и за счет какого сокращения расходов решить эту маленькую проблему, а после этого можно решать и все остальное.

Ведущий: *Нет ощущения, что мы форсируем экономическое объединение с Белоруссией? Может быть, надо подождать?*

Егор ГАЙДАР: Я всегда очень осторожно относился к форсированию нашего экономического объединения с Белоруссией. Конечно, все, что сейчас происходит, не так страшно, как то, что многократно обсуждалось, скажем, в 1994 г. Самое страшное здесь что? Вопрос даже не в том, сколько нам это будет стоить, а в том, чтобы, не дай Бог, не появилась возможность у кого бы то ни было, включая и Белоруссию, эмитировать денежные средства, которые будут законным платежным средством на территории России. Вот это катастрофа. Мы жили при этом в 1992 г., ничего более страшного не бывает. Об этом сейчас речь не идет, поэтому очень большая часть потенциально взрывных вещей не страшна. Конечно, имплантировать в Россию экономику, которая в очень большой степени функционирует иначе, чем российская, — это непростая задача.

Ведущий: *Егор Тимурович, вот мы с Вами говорили об отношениях с Белоруссией. Есть у нас еще один наш ближайший сосед, Украина. Как здесь быть нашему руководству и как Вы к этому относитесь: стоит ли прощать долги Украине?*

Егор ГАЙДАР: Прощать долги, я думаю, не стоит. Мы, Россия, кстати говоря, не ставим вопрос о прощении долгов нам. Мы решили с Лондонским клубом вопрос о списании части долгов Советского Союза. Но с Украиной надо, конечно, договариваться и разговор должен идти о серьезной реструктуризации задолженностей. О чем, собственно, ведутся переговоры? Речь идет о существенных деталях: какая реструктуризация, какого долга и на какой срок, на каких условиях.

Ведущий: *Еще одна тема, которая активно обсуждается, — это экономическая амнистия. Ваше отношение к этой идее?*

Егор ГАЙДАР: Я плохо отношусь к этой идее. Понимаете, капиталы, которые нашли способ утечь из страны, я вас уверяю, точно так же сумеют сюда притечь. Но им захочется обратно в страну, когда здесь будут хорошая налоговая система, гарантированные права собственности, благоприятный инвестиционный климат. Никакой неразрешимой задачи, как этому утекшему капиталу притечь обратно в Россию, не существует. В связи с этим амнистия всегда очень плохой знак налогоплательщику: она дискриминирует тех, кто соблюдал законы и платил налоги, она им говорит: «Вы, друзья, были очень неумными. Так, пожалуйста, больше себя не ведите. Пожалуйста, теперь ведите себя, как все нормальные люди, — налогов не платите, а потом когда-нибудь придет амнистия и вы на более благоприятных условиях договоритесь с государством». Поэтому я считаю, что такого рода вещи не нужны. Другое дело, что нужны серьезные усилия по созданию нормального инвестиционного климата. И здесь налоговая реформа, первый этап которой мы прошли в этом году, — это важный этап, но только один шаг в этом направлении.

Ведущий: *С 1 января в России вводится 1000-рублевая купюра. Почему все-таки у нас приживается такая тенденция появления новых денег? Например, в Америке 200-долларовую купюру не вводят. Почему у нас без конца надо что-то вводить?*

Егор ГАЙДАР: Потому что у нас есть еще инфляция. В Америке инфляция в районе 2 с лишним процентов, а у нас в этом году инфляция будет в районе 20–21 %. Это разные режимы. Если инфляция 2 %, ты век можешь жить с одной купюрной структурой. А если у тебя инфляция 20 %, значит, рано или поздно тебе придется вводить тысячную, потом трехтысячную, пятидесятитысячную и т.д. купюру.

Ведущий: *Пришел вопрос на пейджер. Анна Егоровна спрашивает: «Егор Тимурович, скажите, как лучше всего в настоящее время сохранить свои накопления?» Вот такой конкретный вопрос.*

Егор ГАЙДАР: Лучше всего их на сегодняшний день вкладывать в банки, имеющие, по крайней мере, неформальную государственную гарантию. Сбербанк вполне приличное из возможных мест хранения своих средств.

Ведущий: *Что будет с рублем? Ваш прогноз.*

Егор ГАЙДАР: Рубль до конца года будет более или менее стабильным. На самом деле правительство и Центральный банк были заинтересованы в том, чтобы рубль девальвировался сегодня более высокими темпами, но крупный приток валюты в страну за счет экспорта нефти просто не позволяет это сделать. В следующем году динамика рубля будет во многом определяться конъюнктурой рынка нефти. Если сохранится благоприятная конъюнктура, то обменный курс сохранится на более или менее стабильном уровне. Правительство закладывает обменный курс 30 руб. за 1 долл. в расчет бюджета следующего года. Я думаю, что было бы очень неплохо, если бы мы на этот уровень вышли.

Ведущий: *Еще одна очень болезненная тема связана с финансированием Чечни. Не далее как сегодня Сергей Степашин сказал, что в Чечне не созданы условия для восстановления экономики, неэффективно используются бюджетные деньги и т.д. Не рано ли начали вкладывать деньги в Чечню?*

Егор ГАЙДАР: Я, во-первых, очень рад, что Счетная палата этим активно занимается. Я считаю очень правильным, что было это заявление. По крайней мере, правительство это заставит насторожиться. Сложная ситуация. Мы, когда обсуждали эту тему, выделяли 4 млрд на программу в Чечне. Ясно, что нельзя там не платить зарплату, не финансировать социальную сферу и т.д. Что-то надо делать по восстановлению. Вместе с тем очень страшно, что все, что мы будем делать по восстановлению, реально не будет реализовано, будет плохо использовано и т.д. Слава Богу, были прецеденты. Альтернативы, чтобы вообще ничего не давать, нет. Но есть реальный повод правительству озаботиться, чтобы эти средства были использованы по назначению.

Ведущий: *Я бы хотела все-таки немножко поговорить с Вами не только об экономике, но и о политике. Вы сейчас сказали, что в целом одобряете то, что делает правительство Касьянова¹, как и одобряете то, что делает нынешняя власть в экономической сфере. А все ли Вас устраивает в том, что делается властью в политической сфере?*

Егор ГАЙДАР: Не все меня устраивает, что делается властью в политической сфере, но не могу сказать, что все не устраивает.

¹ Михаил Михайлович Касьянов — председатель Правительства РФ с 2000 по 2004 г. — Прим. ред.

Мне кажется, что наш внешнеполитический курс в последнее время разумный и по большей части взвешенный. По-моему, нынешний президент очень хорошо понимает реальное место России в мире и ее интересы. Что касается внутренней политики, то есть вещи, с которыми трудно спорить, например, необходимость обеспечения реального выполнения федерального законодательства в регионах России и усилия в этом направлении правильные. Но есть, разумеется, вещи, которые нас беспокоят. Ну, если говорить о том, что сейчас обсуждается активно (я не могу сказать, что это самая важная политическая проблема сегодняшней России), — это проблема гимна и символики. Вы знаете, если нынешняя власть действительно будет продавливать гимн на музыку Александрова, мне кажется, что это будет очень серьезная ошибка. Вроде как гимн не самая важная вещь, которая бывает у страны в условиях кризиса, но тем не менее важная. Вот я себе представляю: Государственная дума, исполняется гимн на музыку Александрова и новые слова про трехцветный флаг и герб. Вот как я это вижу. Есть часть Думы коммунистическая, которая исполняет гимн со словами традиционно «Нас вырастил Сталин», есть средняя часть, партия власти, для которой гимн то, что сказали, есть правая часть Думы, которая не встанет (я практически уверен), когда будет исполняться музыка Александрова, ну просто не примет она этот гимн. Тогда зачем нам нужен гимн, который разделяет общество? А ведь такая ситуация будет не только в Думе. Я просто знаю, что много людей, которые являются нашими сторонниками, которые голосовали за «Выбор России», за ДВР, за СПС, не примут гимн на музыку Александрова. Для них он тесно связан с тоталитарным прошлым, со сталинскими репрессиями и т.д. Мне кажется, что движение в этом направлении было бы очень серьезной ошибкой.

Ведущий: *То есть это грозит неким расколом?*

Егор ГАЙДАР: Я считаю, что да. Главное, непонятно зачем. Я понимаю, когда возникает общественный раскол по важнейшему, животрепещущему вопросу, который нельзя не решать: проводить или не проводить, например, налоговую реформу. А когда мы пытаемся устроить себе приключение на ровном месте, мне кажется, что это неправильно.

Ведущий: *Егор Тимурович, но, с другой стороны, есть ведь опросы общественного мнения. И большинство населения против гимна Александрова ничего не имеет.*

Егор ГАЙДАР: Я знаю. Я еще раз подчеркиваю: вопрос не в том, большинство или меньшинство. Гимн — это такая вещь, которая должна объединять страну. Он должен не исключать 30 % населения, которые в принципе его не принимают, а по возможности быть таким, который принимает вся страна, за исключением полных экстремистов. Если по этому вопросу такого общего согласия не достигнуть, лучше не пытаться его решать.

Ведущий: *Какова перспектива объединения СПС и «Яблока»? Что на данный момент Вы можете сказать?*

Егор ГАЙДАР: Я могу сказать, что на данный момент мы очень хорошо и активно вместе работаем в Государственной думе и это во многом способствует повышению нашего реального влияния и возможности отстаивать общие позиции, у нас появляется большой пакет голосов, который важен: не много слабеньких голосов, а один объединенный и сильный. Я считаю, что у нас очень неплохая совместная работа на фракционном уровне, и это, конечно, база для дальнейших совместных усилий. Здесь, по-моему, не надо топиться. Но наращивать усилия, направленные на то, чтобы создать общую политическую структуру, мне кажется, это движение в правильном направлении.

Ведущий: *Не встанет ли у Вас на определенном этапе опять вопрос о лидерстве?*

Егор ГАЙДАР: Он всегда встает, естественно. Но, знаете, у нас в СПС очень много ярких, узнаваемых политиков. Если мы как-то смогли договориться, может, мы и с «Яблоком» сумеем договориться.

Ведущий: *Спасибо большое. Еще раз с десятилетием института. Приходите еще. До свидания.*

Егор ГАЙДАР: Спасибо. До свидания.

Ведущий: *В прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы» был депутат Госдумы, директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар.*

Рыночная экономика, свобода и культура

Телеканал «Культура». 13 декабря 2000 г.

Ведущий — Михаил Швыдкой

Ведущий: 1 декабря общественность России, не только экономическая, не только научная, но и самая широкая, отмечала 10-летие Института экономики переходного периода, или в просторечье института Гайдара. Это был замечательный день, потому что в это время размышляли о том, что произошло за эти 10 лет со страной, с экономикой, с нами самими. Наш сегодняшний гость — директор этого института Егор Тимурович Гайдар.

Я задам вопрос, который наверняка Вам задают. Что, по-Вашему, либеральная экономика все-таки сделала для нового состояния культуры?

Егор ГАЙДАР: Во-первых, я абсолютно с Вами согласен, либеральная экономика сама по себе не решает и не может решить проблемы культуры, это просто проблемы другого слоя общественной жизни. Либеральная экономика способна сделать одно — снять преграды, потому что когда и если экономика у вас основана на системе приказа и распределения, тогда у вас есть начальник и чиновник, который делит ресурсы и определяет, какой у него будет заказ на культуру и какого заказа на культуру не будет. И тогда в общем нечего жаловаться, что тебе говорят, какие спектакли надо ставить, какая должна быть эстетика, какие должны сниматься фильмы, потому что если ты получаешь эти ресурсы из одного единственно возможного в условиях рыночной экономики источника — от государства или от правящей партии, то только так культура и может быть организована. Да, в рамках этой системы иногда создавались

совершенно великолепные произведения, но надо понять, что она вся существовала как система, зависимая от начальства и власти. Либеральная экономика дает возможность, потенциально по крайней мере, для саморазвития, снимает ограничения. Вот Вы совершенно справедливо говорили о всяких культурных событиях. Ведь масса вещей никогда не появилась бы, если б не было рыночной экономики в сфере культуры. Не появились бы многие очень талантливые новые театры просто потому, что не было бы постановления ЦК о создании этих театров, просто неоткуда им было бы взяться. Не появилась бы масса новых музеев, которые возникли за последние годы. Просто общество не привыкло бы жить в условиях какого-то уровня свободы. Свобода, разумеется, сама по себе не решает проблем культуры, она создает для нее питательную среду.

Ведущий: Скажите, но в то же время мы живем в Европе, европейская модель экономики — я имею в виду европейскую, не англосаксонскую, а именно европейскую — предполагает довольно активное участие государства в разного рода социальных программах, в социальных аспектах жизни общества, и не только в культуре, но и в науке, образовании. Как это соотносится? Насколько либерализм такого англосаксонского толка, скажем, сопрягается с европейской традицией?

Егор ГАЙДАР: Во-первых, с традицией это сопрягается без всякого сомнения. Все современные развитые экономики прошли достаточно длительный период жизни и развития в условиях относительно низкого государственного вмешательства в экономику. Собственно, в это время они оторвались от остального мира, именно в это время во многом был создан тот задел лидерства, который определил место Европы в ряду с современными США, Северной Америкой в целом и Японией. Другое дело, что потом, когда у тебя есть богатая экономика, возникает некий дополнительный выбор. Ты можешь платить больше налогов и позволить себе финансировать большие социальные программы. Американцы, англичане, австралийцы предпочитают платить более низкие налоги и иметь более ограниченное по масштабам государство. Это вопрос выбора, когда у тебя есть база. Вот если бы мы захотели перераспределять столько денег, сколько перераспределяет Западная Европа, то мы просто подорвали бы возможность экономического роста. Есть верхние пределы того, что экономика этого уровня раз-

вития способна мобилизовать. У нас пока уровень развития не как в Европе, поэтому и нынешние налоги, которые ниже европейских, кажутся нам безумно обременительными и справедливо кажутся безумно обременительными, загоняют значительную часть бизнеса в сферу серой, нелегальной экономики. В связи с этим у нас есть ограничения на то, что мы можем позволить себе делать. Именно у нас, потому что у нас коррумпированная в значительной части бюрократия, у нас неэффективное государство, у нас плохая налоговая культура, возникающие дирижистские решения... Прекрасно, если у вас замечательная немецкая бюрократия, где воруют очень мало, а в общем эффективность высокая, вы можете позволить себе иметь германскую модель, но только надо для этого сначала вырастить германскую бюрократию.

Ведущий: Скажите, тем не менее роль государства в России, по Вашему, должна быть иной, чем в Европе? Или в общем мы сопоставимы сегодня по влиянию государства на жизнь с европейскими государствами?

Егор ГАЙДАР: Просто мы должны понимать, что у нас свое государство, а не европейское. Оно со своей традицией, причем дурной традицией. То, что в России чиновники воровали, — это не новость конца XX в., это, к сожалению, характерная черта российской власти на протяжении столетий. Да, это некий ограничитель, ты просто не должен думать, что с сегодня на завтра проснешься в другой стране, где будут другое чиновничество, другие люди. Исторически можно сделать довольно много для того, чтобы чиновничество было более эффективным, но для этого нужны исторические же сроки. Это вопрос, который решается поколениями, но не месяцами.

Ведущий: Вы, когда воспитывались, формировались, скажем, в 1960–1970-е гг., что читали? Разного рода утопические, научно-футуристические романы играли какую-то роль в Вашем формировании? Или Вы были всегда достаточно прагматично ориентированы на сегодняшний день?

Егор ГАЙДАР: Я читал то же, что читало подавляющее большинство школьников, потом молодых людей из интеллигентных семей Москвы. Я думаю, что тот объем литературы, который мы с Вами читали, конечно, в чем-то наверняка мог расходиться, но был очень похож. И там, конечно, была фантастика, хорошая социальная фантастика, в том числе утопия и антиутопия.

Ведущий: *Насколько это помогает вообще в прогнозах на будущее? Или это скорее такая акробатика ума?*

Егор ГАЙДАР: Там, где это талантливо, а значит, довольно глубоко с точки зрения понимания логики и противоречий социальной организации общества. В общем вся хорошая социальная фантастика и утопия не о будущем, а о настоящем, о проблемах общества, его истории, экстраполяция этих проблем. Иногда это бывало поразительно талантливо.

Ведущий: *Скажите, для Вас искусство — это сфера познания или сфера удовольствия?*

Егор ГАЙДАР: И то, и другое. Все-таки согласитесь, что искусство — это очень широкое явление. И если вы идете смотреть хороший балет, то это сфера удовольствия, а когда вы смотрите социально интересную драму, тогда бывает и сфера познания.

Ведущий: *Скажем, для Вас как ученого искусство вообще играет роль в Вашей научной жизни или это просто сфера частная такая?*

Егор ГАЙДАР: Ну, не в научной жизни, но в понимании мира. Ведь социальные науки все-таки немножко своеобразные, это науки в общем о человеке, и для того, чтобы ими успешно заниматься, особенно не чисто технически, ты должен, на мой взгляд, довольно много понимать, как на самом деле устроена жизнь, что бывает, а что не бывает, что может быть, а что не может быть, иначе ты будешь очень часто поверхностен. И здесь хорошее искусство — это, конечно, огромное подспорье.

Ведущий: *Вот как раз Ваше поколение экономистов многие считали людьми, которые как бы не учитывают сопротивление материала, человеческого материала. Его, кстати сказать, не учитывали и большевики. Я считаю, что советская власть рухнула не только из-за цен на нефть, а из-за того, что не учли сопротивление человеческого материала. Человек очень плохо поддается многим социальным манипуляциям. И сейчас, когда полагают, что с помощью телевидения можно манипулировать сознанием, то это возможно на короткий период. Так вот один из упреков вообще экономистам и либеральным экономистам в частности, что плохо знаете жизнь и не учитываете человеческий фактор. Правда ли это?*

Егор ГАЙДАР: Во-первых, всякая критика всегда содержит какой-то элемент правды. И если такая критика неоднократно звучала, что-то, наверное, в этом есть. Хотя, честно говоря, мне ни-

когда это не казалось справедливым, если посмотреть, что мы писали и говорили... Я помню свои первые разговоры с Ельциным при формировании правительства, мы об этом говорили. Я говорил о том, где будут пределы политического маневра. Мы говорили о том, сколько сможет просуществовать первое правительство, прежде чем он вынужден будет отправить его в отставку.

Ведущий: *Вы вообще продержались на удивление долго на самом деле.*

Егор ГАЙДАР: В некотором смысле да, совершенно точно. Коротче говоря, для нас не было загадкой, что будет огромное сопротивление материала. Вы поймите, у нас есть странная градация сознания, мы почему-то думаем, что в России пришло правительство Гайдара и начало делать реформы. В России все было не так, как в советской империи. В России произошла антитоталитарная революция, рухнул старый политический режим, рухнула старая страна, и вся система власти, и вся экономика, которая была неразрывно связана с этой структурой власти. Когда мне говорят о том, что ну как же можно было не подумать, начиная реформы, о том, все ли институты созданы... Это примерно как вы говорите людям, которые будут брать Бастилию: «Слушайте, а вы подумали, есть ли у вас все институты, необходимые для формирования стабильной демократии во Франции конца XVIII в.?» Смешно, несерьезно.

Ведущий: *Понятно, что Вы, по существу, вынуждены были строить новые отношения и в экономике, и в социальной жизни и выстраивать некие политические реальности. Я сейчас говорю о другом, о такой психобиологической, что ли, человеческой привычке к жизни. Ведь человек меняется в социальной сфере на самом верхнем уровне. Есть биология, есть нормальная физиология, если угодно, и это не зависит от социальной системы общественной.*

Егор ГАЙДАР: Но все-таки я бы сказал, что очень большая часть проблем реальных, с которыми мы столкнулись, были проблемами традиций, навыков и умений. Ведь нормально функционирующая рыночная экономика — это не просто написанные законы и даже не просто некие правила взаимодействия, это в первую голову рыночные традиции. В Европе, в Америке это вращалось через века позднего аграрного общества, из сложно устроенной, мозаичной структуры европейского общества середины прошлого тысячелетия. В Советском Союзе, в России эти инструменты и тра-

диции были радикально сломаны и их нельзя просто так вот легко воспроизвести по приказу. Скажем, в Советском Союзе подавляющее большинство людей, 99%, никогда не видели к моменту начала реформ, что такое нормальный магазин, они не знали, что такое нормальная конвертируемая валюта, за которую можно что-то купить, они не понимали, что такое нормальный контракт, по которому что-то продается и покупается, что такое гарантированные в условиях рынка права собственности, как они выглядят.

Ведущий: *Да, и поэтому пришлось ломать весь институт, правовой прежде всего.*

Егор ГАЙДАР: Конечно. Мне кажется, что сейчас огромное завоевание, которое мы, может быть, не ценим, — это огромные сдвиги просто в понимании людьми реалий рыночной экономики. Я иногда представляю, скажем, если бы наши дебаты на бюджетном комитете Думы, члены которого по большей части коммунисты, показали по телевизору нашим коллегам из Верховного Совета 1991 г., они просто не поняли бы языка, на котором люди говорят, какие слова употребляют, что они обсуждают. И ведь на самом деле этот опыт прошли десятки миллионов людей.

Ведущий: *А если бы Вы попытались сформулировать коротко: что 1990-е гг. для России, каковы главные ценности, которые сформировались? Потому что все время говорят о кризисе ценностей, но при этом было бы грех не увидеть то, что за это же время сформировались новые ценности, очень важные, с моей точки зрения.*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, я бы сказал, что та социально-экономическая система, которая сложилась в Советском Союзе, в России после революции 1917–1921 гг., оказалась крайне малоадаптивной, т. е. она на определенных этапах позволяла обеспечить высокие темпы экономического роста и значительные объемы производства ВВП, но она в эволюционном смысле оказалась абсолютно тупиковой, как гигантские пресмыкающиеся. Вот то, что произошло за послесоветское время, — это радикальная, очень тяжелая трансформация системы, которая крайне несовершенна и по объему массы меньше, чем гигантские ящеры, но которая способна адаптироваться, которая основана на свободе, на интересе человека и поэтому гораздо более гибкая. Она дает России именно шанс встроиться в мир XXI в. Я Вас уверяю, могу долго об этом говорить, что советская экономика в том виде, в котором она существовала, не имела никаких

шансов встроиться в мир XXI в., она просто была обречена. Если бы не развалилась, то страна была бы обречена на стагнацию и отставание вечное. Мы заплатили очень дорогую цену за то, что обратно вскочили на эту линию мирового развития, которая дает шанс. А вот теперь вопрос в том, как мы этим шансом распорядимся.

Ведущий: *А от чего зависит, по-Вашему, наша способность или неспособность распорядиться этим шансом?*

Егор ГАЙДАР: В первую очередь, разумеется, от того, какой характер будет носить постстабилизация, революционная стабилизация режима. Это именно то время, которое у нас есть сейчас, когда общество устало от беспорядков, когда оно хочет более сильной и эффективной власти, когда возникло некое новое согласие вокруг элементов, скажем, нового опыта и некоторых новых институтов, когда власть, которая была очень слабой после крушения предшествующего режима, обретает способность проводить самостоятельную политику и, значит, делать ошибки. Вообще долгосрочные результаты революции для стран, которые прошли через эту трагедию, определяются именно на постреволюционных стадиях. Посмотрим, как мы распорядимся этим шансом.

Ведущий: *Но важны, скорее, термидор и директория, а не только якобинцы.*

Егор ГАЙДАР: Совершенно правильно. В некотором смысле именно они определяют сухой остаток революции.

Ведущий: *Скажите, если бы Вы попытались прогнозировать ближайшие 5–7–10 лет жизни страны в таком гуманитарном плане, что самое главное?*

Егор ГАЙДАР: Самое главное, мне кажется, сохранить тот потенциал свободы и демократии, демократических институтов, за который мы так дорого заплатили. Молодая демократия — очень неудобное вообще устройство, очень несовершенное. Тем не менее оно предельно важно для долгосрочных перспектив развития страны. Мне кажется, что согласия именно по этому вопросу в обществе, в элитах меньше, чем по вопросу о том, а нужны ли нам, скажем, частная собственность и рынки. И очень хотелось бы, чтобы здесь не сделали ошибок.

Ведущий: *Спасибо. Свобода для художника — это, пожалуй, наивысшая ценность. Свобода творчества важна для всех людей, которые живут в стране, для всех граждан, без нее не существует граж-*

данского общества. И быть может, это самая высшая ценность, которую мы приобрели в минувшие десятилетия, самое дорогое, что нужно сохранить в XXI столетии. Так считает Егор Гайдар, и с ним трудно не согласиться.

Высокие цены на нефть — испытание для правительства

Телеканал «НТВ».
Программа «Герой дня». 21 декабря 2000 г.

Ведущий — Марианна Максимовская

Ведущий: *Сегодня фактически впервые глава правительства дал не слишком оптимистичные прогнозы относительно будущего российской экономики, что, по словам Касьянова, связано и с начавшимся в мире падением цен на нефть. Многие экономисты уже давно говорили, что как раз первым серьезным испытанием для правительства станет изменение ситуации на рынке энергоносителей. Среди них был и человек, которого называют отцом российских реформ, — Егор Гайдар, и сегодня он у нас в студии.*

Здравствуйте, Егор Тимурович. После сегодняшних сообщений о падении цен на нефть можно ли говорить, что вот все, началось? Ведь об этом возможном падении говорили уже давно?

Егор ГАЙДАР: Цены на нефть очень трудно прогнозировать. Это один из параметров, наиболее трудных для прогноза. Похоже, что период экстремально высоких цен на нефть, который мы пережили в 2000 г., подошел к концу. И наиболее вероятно, что цены на нефть в 2001 г. будут близки к прогнозам правительства. Но зато это полезно. Для России очень высокие цены на нефть опасны. Когда умирал Брежнев, цена на нефть была примерно втрое выше, чем в среднем в благоприятном 2000 г. И мы очень дорого потом заплатили за это десятилетие расслабленности, когда ничего не делали. Поэтому я считаю, что снижение цен на нефть до диапазона 15–20 долл. благоприятно.

Ведущий: *Премьер Касьянов сегодня как раз делал довольно нетешительные прогнозы. Он, в частности, сказал, что Россия в сле-*

дующем году, очевидно, не сможет найти 3 млрд для выплаты долгов Парижскому клубу. Если продолжить мысль Касьянова, что нас тогда может ждать? Инфляция? Невыполнение бюджета?

Егор ГАЙДАР: Это будет значить, что нам действительно серьезно будут нужны переговоры с МВФ и Парижским клубом, потому что, пока цены на нефть были крайне благоприятными, возникали настроения: ну, нет соглашения с МВФ, переживем без него. Придираются они там, что мало что делается в банковской сфере, ну а мы и не будем очень уж усердствовать. Сейчас, если цены на нефть будут такими, какие они сегодня, катастрофы нет, бюджет рассчитан примерно исходя из таких цен на нефть, но он не рассчитан на то, что мы будем платить лишние 3 млрд долл. Парижскому клубу, и это действительно будет серьезная проблема.

Ведущий: *В этой своей оценке Вы как раз с Касьяновым совпали. Он сегодня выразил надежду, что МВФ войдет в наше положение, смягчит долговое бремя. Как Вам кажется, смягчит?*

Егор ГАЙДАР: Вопрос, видите ли, какой... Конечно, с МВФ можно договориться. Нет никаких сомнений, что программу с МВФ можно согласовать, особенно если цены будут такие, как сегодня, а не те, которые были месяц назад. Но это потребует действительно некоторой серьезной работы со стороны правительства.

Ведущий: *Вы недавно сказали, что правительство выдержало вызов высоких цен на нефть. Ну а вот новый вызов уже падения цен выдержит?*

Егор ГАЙДАР: Вот это мы посмотрим. На самом деле сейчас очень серьезное время для реальной оценки способностей нашего правительства справиться с ситуацией. Кстати, да, я в целом согласен, выдержало, но скорее в начале своей работы. В начале работы, несмотря на высокие цены на нефть, была сформулирована очень неплохая программа и начата ее реализация по ряду важнейших направлений, начиная с налогового. А вот к осени уже явно стала заметна пробуксовка. Ситуация была слишком хороша, чтобы энергично проводить в жизнь собственную программу. Сейчас у правительства не будет выбора. Жизнь будет толкать правительство к тому, чтобы собственную программу реализовывать. Посмотрим, насколько оно способно будет с нею справиться.

Ведущий: *Егор Тимурович, Вы уже вошли в историю как отец реформ, для кого-то со знаком «плюс», для кого-то с большим знаком*

«минус». Как бы там ни было, как Вы считаете, как Ваше дитя развивается? Вы такого будущего ему хотели?

Егор ГАЙДАР: Конечно, мне бы хотелось видеть его гораздо более красивым, симпатичным, быстро развивающимся. Но у нас то дитя, которое только и могло родиться. У нас дурная генетическая история. У нас дурная традиция в обществе, изуродованном коммунистическим режимом. Ну в общем и до этого, прямо скажем, оно не было идеальным. У нас проводилась слабая, непоследовательная экономическая политика на протяжении предшествующих 8 лет. Собственно, реалистично оценивая ситуацию, надо понять, что вряд ли можно было надеяться, что дитя будет развиваться без проблем.

Ведущий: *Вы возглавляете Институт экономики переходного периода. Как Вы думаете, когда Вам придется поменять его название, когда мы куда-нибудь перейдем наконец?*

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что первую часть переходного периода мы с вами завершили как раз в уходящем 2000 г., и об этом в первую очередь свидетельствует, во-первых, начавшийся экономический рост и, во-вторых, то, что рынок и частная собственность перестали быть предметом разногласий. Вот смотрите, в 1999 г. прошли выборы в Государственную думу и не было ни одной политической партии, имеющей хоть какие-то шансы их выиграть, которая бы на своих знаменах написала: нам не нужно рынка и частной собственности, мы снова хотим построить социалистическую экономику. Это за гранью обсуждения. Вам что-то там не нравится в том, что происходит с рынком, мне тоже что-то не нравится, но мы договорились как общество, что в целом это нам нужно. Это значит, что первый этап мы прошли. А второй этап мы пройдем, когда можно будет сказать, что родимые пятна и социализма, и этого первого тяжелого этапа уже не оказывают серьезного влияния на развитие событий в нашей экономике, что уже нет у нас проблем с нелегитимной частной собственностью, со слабостью рыночных институтов, сформировались рыночные традиции. К сожалению, это вопрос не месяцев, это все-таки вопрос лет. И боюсь, что до окончания собственно переходного периода уж по крайней мере лет 10 придется поработать.

Ведущий: *У нас, кстати, и по вопросу о частной собственности все-таки до сих пор нет единого мнения. Вот вопрос о частной собственности на землю, например. Все спорят и, видимо, еще долго*

не придут к какому-то согласию. Вчера у нас в программе был Григорий Явлинский. Он сказал, что не против союза с правыми, но дал понять, что его смущает Ваша, в частности, позиция, что Вы в чем-то власть поддерживаете, а в другом будете жестко критиковать, что нет в этом определенности, что, сделав одну непринципиальную уступку, Вы следом можете совершить какую-то и принципиальную ошибку. Вы с этим согласны?

Егор ГАЙДАР: В целом я удовлетворен тем, как строятся наши отношения с «Яблоком». Мы очень тесно работали вместе в Государственной думе и по ключевым вопросам голосуем практически как единая фракция, что, на мой взгляд, важно. Что касается позиции. Она у нас вполне и абсолютно определенная. Мы поддерживаем власть всегда, когда она реализует что-то из наших программных установок, т. е. если завтра власть поддержит частную собственность на землю, мы не будем говорить, что нет, нас не устраивает частная собственность на землю, потому что, видите ли, в других областях власть делает не то, что нам хотелось бы. И мы категорически, жестко оппонируем власти там, где она, на наш взгляд, делает нечто опасное для страны. Я думаю, что это понятная, прозрачная позиция, и мы эту позицию будем отстаивать.

Ведущий: *Вы говорили, что Вы противник четкого перехода СПС в правую оппозицию. А вот недавно в одном из Ваших выступлений Вы сказали, что не предостерегли, скажем так, от авторитарных тенденций и пиночетовщины. Что Вы имели в виду?*

Егор ГАЙДАР: Я имел в виду то, что сейчас объективно и неизбежно происходит усиление власти и укрепление государства. И это в общем неизбежный процесс на той стадии постреволюционной цивилизации, через который сегодня проходит страна. Он неизбежен. Он дает много возможностей, но одновременно таит в себе очень серьезную опасность, потому что у нас в России очень молодая демократия, очень еще незрелая, очень еще неустойчивая, и возникает соблазн легких решений... Ведь действительно масса проблем с той же демократией. Ну а что, если бы нам про нее забыть на некоторое время? Давайте сейчас разберемся со своими острыми проблемами, с экономикой, начнется рост, построим хорошие институты, а демократия пока подождет. Вот мне кажется, что это крайне опасная тенденция со всех точек зрения, включая и чисто прагматические.

Ведущий: *Ваша партия «Демократический выбор России», входящая в СПС, первая заявила, что готова самораспуститься, чтобы затем образовать уже единую партию правых. Когда, по-Вашему, это может произойти?*

Егор ГАЙДАР: Мы действительно убеждены, что СПС должен быть преобразован в нормальную, полноценную политическую партию. Мы считаем, что организационное единство важно для наших политических перспектив. Мы думаем, что это произойдет в первом полугодии следующего года.

Год правительству Михаила Касьянова

Телеканал «НТВ».
Программа «Герой дня». 17 мая 2001 г.

Ведущий — Леонид Парфенов

Ведущий: *Сегодня ровно год правительству Михаила Касьянова, и вот уже 10 лет, как всякое правительство, всякий кабинет в России оценивается, во всяком случае теми людьми, которые интересуются деятельностью кабинета министров, насколько это было либеральное правительство, насколько это был либеральный курс, до какой степени это был реформаторский кабинет, до какой степени это правительство министров-капиталистов. Гость нашей студии — первый премьер-министр свободной России Егор Гайдар, нарицательный либерал-экономист России.*

Егор Тимурович, за этот год, Ваше мнение, какие были ошибки правительства Михаила Касьянова с точки зрения критерия экономического либерализма?

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что в первую очередь очень большие проблемы с выбором приоритетов. Правительству трудно было определиться с приоритетами. В связи с этим явная утрата скорости в реформах во втором полугодии работы правительства представляет собой избыточный компромисс. Скажем, сейчас в Думу внесен Земельный кодекс. Без всякого сомнения, избыточный компромисс и в Земельном кодексе. Слишком много ограничений прав частной собственности выдается региональным властям. Кодекс очень сильно выхолощен в процессе межведомственных согласований. В целом программа хорошая, общее направление правильное, есть результаты, но явная пробуксовка всей работы во втором полугодии.

Ведущий: *Девять лет назад, когда Вы были премьером, я помню, мы вот таким же образом с Вами говорили в Смоленске, в турист-*

ской гостинице, и на вопрос, есть ли у президента собственные экономические убеждения, Вы сказали, что у президента, тогда Бориса Ельцина, есть собственные экономические представления. Как Вам кажется, эти компромиссы оттого, что люди в эти нормы не очень верят сами, или оттого, что обстоятельства так сильны, что им приходится так компромиссно продавливать этот закон о земле, например?

Егор ГАЙДАР: Конечно, есть и обстоятельства, но все-таки то, что удалось сделать в прошлом году, — ввести в действие 17-ю главу Гражданского кодекса. На самом деле это фундаментальное достижение, еще в полной мере не оцененное. Правовые основы для нормального земельного оборота в условиях частной собственности заложены 17-й главой. Поэтому если бы речь шла о том, что у нас нет ничего, давайте пойдем на такие серьезные компромиссы, но примем хоть что-нибудь, я бы, скажем, согласился с этой логикой, она имеет основания. Но когда в общем у нас есть база и дальше речь идет о том, в какой степени мы ограничиваем предусмотренные права, здесь я уже гораздо более жестко подхожу к оценкам допустимых компромиссов.

Ведущий: Когда Вы были премьером, даже не премьером, а и.о. премьера, это максимум, до чего Вы дослужились, потому что никто Вас премьером утвердить не мог, получалось, что Вы и были максимальным радикалом. Вот прошли все 1990-е гг., и ничего радикальнее Гайдара у нас так и не родилось. Между тем правительство работает, казалось бы, во вполне щадящей обстановке, президент живо интересуется деятельностью кабинета, вникает в экономические проблемы, Дума более чем лояльна, верхняя палата того шибче. И что? Все-таки почему так складывается ситуация, что Вы говорите о недопустимом компромиссе, что Вы говорите о том, что все это недостаточно свободно, что все это, с одной стороны, хорошо, с другой — плохо?

Егор ГАЙДАР: Во-первых, правительство действительно не может решать одновременно все задачи. И в некоторых направлениях оно проявило достаточные, как мне кажется, волю и радикализм в прошлом году.

Ведущий: Например?

Егор ГАЙДАР: Конечно, в первую очередь это налоговая реформа.

Ведущий: Вот эти прословутые 13%, которыми мы так гордимся?

Егор ГАЙДАР: Да, эти пресловутые 13%. Это не просто 13%, это отмена оборотных налогов, это единый социальный налог, это регрессивная шкала этого социального налога. Все это в общем фундаментальные вещи, качественно меняющие налоговую систему. Нам еще многое предстоит сделать. Вот я сейчас приехал с заседания Бюджетного комитета Государственной думы и уеду на заседание Бюджетного комитета обсуждать главу по налогу на прибыль. Нам еще предстоит большая работа. Но за то, что уже сделано по налоговой реформе, а я знаю, что такое налоговая реформа, насколько она сложна везде, правительству, конечно, надо сказать спасибо. И этим ряд очень важных вещей не исчерпывается. Но когда ты пытаешься одновременно решать 25 задач, ты неизбежно начинаешь пробуксовывать — ну ладно, если здесь я не смогу сконцентрировать усилия, давайте здесь пойдём на компромисс, договоримся.

Ведущий: *А это почему? Неужели люди действительно всерьез не понимают, что из-за вопроса о земле, который не решается, не знаю, с Александра Второго, строго говоря, 150 лет мы не можем решить вопрос о земле, что из-за этого все наши революции? Неужели можно представить, что экономически образованные люди в течение года ждали, ждали, ждали и наконец сейчас перед летом, перед каникулами внесли это законодательство о земле? Почему так?*

Егор ГАЙДАР: Потому что не было сильного лидера в этом направлении.

Ведущий: *Что, президент этого не хотел?*

Егор ГАЙДАР: Дело не в этом.

Ведущий: *Он же сильно клянется в верности либерализму.*

Егор ГАЙДАР: Понимаете, есть реальная организация работы правительства — это люди. И в одних направлениях у тебя появляются сильные, очевидные лидеры, которые способны генерировать идеи, организовывать работу правительства, пробивать свои решения, убеждать президента и т. д. И тогда, как правило, здесь и бывает серьезное продвижение.

Ведущий: *То есть Греф хотел продвинуть вот эти 13%, которыми мы так гордимся, и Греф их продвинул? А вот по поводу земли у нас не было, как бы выразиться, продвигателя...*

Егор ГАЙДАР: Сильного лидера, при том что много квалифицированных специалистов.

Ведущий: *А вот у нас не было Столыпина земельного...*

Егор ГАЙДАР: Совершенно точно. Был бы у нас Столыпин земельный в этом составе кабинета, была бы совершенно другая ситуация.

Ведущий: *А у нас есть только налоговый Столыпин, вот и все.*

Егор ГАЙДАР: Не только. Все-таки я считаю, что там был еще...

Ведущий: *Кудрин — финансовый Столыпин.*

Егор ГАЙДАР: Финансовый Столыпин. Но в общем действительно политика, как показывает опыт, во многом очень персональна. И здесь мало желания. Хорошо, скажем, Путин хочет вступления России в ВТО — это важно, это важнейший, самый сложный процесс.

Ведущий: *Надо пояснить, что это торговая организация.*

Егор ГАЙДАР: Да, Всемирная торговая организация. Это действительно очень важно для России. Но это самый сложный процесс организационно, переговорно — выработать позицию, сформировать ее, принять соответствующее законодательство. Это самое сложное направление работы правительства. Вот оно в этом году немножко лучше стало работать, но потребуются огромные усилия и свой Столыпин по ВТО для того, чтобы мы действительно смогли в нее вступить.

Ведущий: *То есть у нас по-прежнему нет объективных предпосылок, у нас каждый раз все зависит от этого субъективного фактора? Вот есть у нас человек, который лично как-то озабочен тем, чтобы там что-то двинуть, и он двинул, а нет, так нет.*

Егор ГАЙДАР: Так, судя по опыту, вообще бывает почти везде. Когда ты живешь в стационарном обществе, где все размерено, в общем все прилично организовано, и перед тобой стоят одна, две, три задачи, тогда можно выбрать президента, который сказал, что он решит две-три задачи и при хорошем развитии событий подберет людей и они решат эти две-три задачи. Когда ты живешь в обществе, которое унаследовало массу проблем и от социализма, и от очень медленного и болезненного переходного периода, и у тебя плохая банковская система, плохая пенсионная система, плохая налоговая система, плохое законодательство о земле и дальше у меня просто не хватит пальцев на руках, то наивно думать, что надо просто убедить президента, что у нас есть 25 проблем и они будут решены.

Ведущий: *То есть не две-три задачи, а 23 или 32?*

Егор ГАЙДАР: 23 или 32, и для того, чтобы они решались, надо сначала понять и определить — вот 5, которые мы попытаемся решить в первую очередь, а вот следующие 5.

Ведущий: *За эти 9 лет хоть в чем-то изменилась ситуация? Вот Вы сейчас говорите и получается, что по-прежнему есть консерваторы, есть либералы. Мы 10 лет в общем протоптались на месте. У нас по-прежнему есть либеральное крыло, консервативное крыло и каждое по-своему влияет на президента. Вот в Вашей ситуации были либералы, а был Шумейко, который считался консерватором, или Черномырдин, который потом стал премьером. Или все-таки что-то изменилось?*

Егор ГАЙДАР: В этом смысле, что будут либералы и консерваторы, ситуация не изменилась и не изменится, я думаю, никогда, потому что так бывает всегда. Что изменилось радикально — это предмет спора либералов и консерваторов.

Ведущий: *То есть либерализм стал другой и консерватизм стал другой?*

Егор ГАЙДАР: В 1992 г. мы обсуждали вопрос — нам конвертируемый рубль нужен или не нужен? Сегодня Вы не найдете почти людей в России, которые будут утверждать, что конвертируемый рубль нам не нужен. Или нужны нам свободные цены и товары на прилавках или не нужны? Вот это был круг проблем, который обсуждался всерьез в России в 1991–1992 гг.

Ведущий: *Что батон хлеба может стоить 50 руб. до 2 января 1992 г. — это была ересь, а теперь это...*

Егор ГАЙДАР: Главной ересью было не это. Главная ересь — что он появится в магазине, потому что идея, что он появится в магазине, совершенно не принималась. Но вот сегодня масса вещей закреплена и обществом принята как данность, как будто так было всегда, у нас всегда были товары на прилавках, у нас всегда была конвертируемая валюта. А вот какой у нас будет подоходный налог: двухступенчатый, или трехступенчатый, или плоский — вот это серьезный повод для споров либералов и консерваторов. Какой у нас будет Земельный кодекс? Какая у нас будет пенсионная реформа — с накопительной системой или нет? Да, в России действительно очень много надо сделать, чтобы создать институты нормального, эффективного, демократического, рыночного общества. Перечень реформ очень длинный. Борьба вокруг этих реформ будет идти го-

дами, они не кончатся ни через 2, ни через 4 года. Будут люди, которые продвигают, генерируют эти реформы, помогают их проводить. Будут те, кто будет их тормозить, с ними бороться, отстаивать частные интересы. К сожалению, таков ландшафт нашей политической жизни на предстоящую перспективу.

Ведущий: *Вы говорили о практических вещах, о том, что население сегодня не будет спорить о том, нужен нам доллар или не нужен, нужна или не нужна привязка рубля к доллару, нужны или не нужны свободные цены и оттого свободные товары. Но через 10 дней учредительный съезд СПС. Я помню, как при Вашей отставке говорилось, что Ваша фамилия — это то, что потянет любой избирательный блок вниз. Вот за эти годы, как Вам кажется, либеральная экономика и либерализм вообще как идея стали более популярными? Попросту говоря, Вы сегодня тянете СПС вниз как лидер, как человек, с которым связывают ужасы 1991–1992 гг.?*

Егор ГАЙДАР: Первое. Либерализм, без всякого сомнения, за эти годы стал в целом более популярным. Я прекрасно помню атмосферу 1995, 1996, 1997 гг., когда все говорили о крахе либерализма в России, о том, что либерализм в России умер, и т. д. А сегодня уже спорят о другом — а кто либеральнее, я либеральнее его или не либеральнее?

Ведущий: *Все соревнуются.*

Егор ГАЙДАР: Соревнуются. Значит, с либерализмом все-таки в России на самом деле не так плохо. Что касается моего имени, у меня всегда были и сторонники, те, кто меня всегда поддерживал, и всегда был широкий круг противников. В связи с этим вопрос состоит в том, что мы хотим сделать. Если мы хотим выбрать Гайдара президентом России, наверное, это была бы не самая умная политическая конструкция. Если мы хотим объединить тех, кто будет готов бороться за либеральные реформы в России, то для них я фигура абсолютно естественная.

От отдельных правых партий — к «Союзу правых сил»

Телеканал «Россия».
Программа «Зеркало». 20 мая 2001 г.

Ведущий — Николай Сванидзе

Ведущий: 26-го числа, в ближайшую субботу, состоится съезд «Союза правых сил». И к этому дню уже все партии, объединенные в союзы и движения (их, по-моему, 9), приняли то решение, которое предписывалось им принять, а именно решение о самороспуске, дабы создаваемая на базе союза правая партия создавалась уже как партия индивидуального членства. Тем не менее на пути создания правой партии есть еще некоторые серьезные преграды, в частности, одна из них связана с проблемой персонального лидерства. Сейчас известно, что выдвинут, скажем так, не один претендент в лидеры партии. Два претендента сегодня у нас в прямом эфире в студии — это Егор Гайдар и Борис Немцов.

Первый вопрос связан как раз не с тем, кто будет лидером партии, и не с тем, как вы себе представляете ваши дальнейшие деловые, рабочие и личные отношения, а с тем, как вы оцениваете происшедшее. Распустились движения. Я хочу, чтобы Егор Тимурович рассказал о том, как это происходило в «Демвыборе России», потому что именно «Демвыбор России»... ну, говорить «старейшая» довольно смешно, у нас, в нашей стране, все демократические движения и партии крайне юные. Сколько вам?

Егор ГАЙДАР: 7 лет.

Ведущий: 7 лет, можно сказать, что одно из старейших демократических движений в стране, и там были схватки боевые, на-

сколько известно, перед вчерашним собранием, на котором все и решилось. Расскажите, пожалуйста, об этом.

Егор ГАЙДАР: Во-первых, «Демвыбор России» выступил одним из инициаторов создания предвыборного блока «Союз правых сил» и был во многом его организационной основой. По существу демократическое решение о том, что мы должны быть вместе и вместе создать серьезную силу на нашей части политического спектра, что мы должны уйти от раздробленности, что должны объединиться, мы приняли тогда. Собственно, тогда наши оппоненты злорадствовали и говорили: «Ну что вы, чтобы они, демократы, объединились... Да этого никогда не будет, даже не думайте». Мы объединились, мы сумели объединить много организаций, много разных ярких и известных в стране людей нашей части политического спектра и выиграть выборы. По существу политическое решение о том, что мы должны создавать единую организацию, было принято тогда.

Ведущий: *Выиграть — в смысле успешно пройти?*

Егор ГАЙДАР: В смысле успешно пройти, создать дееспособную фракцию в Государственной думе — в этом смысле. Это и есть задача, которую мы ставили перед собой. Когда это политическое решение было принято, дальше вопрос организационный — может ли эта политическая сила оставаться рыхлой и аморфной коалицией, которая всегда может перед выборами развалиться? На мой взгляд, такое решение было бы просто безответственным. Надо было создавать единую политическую организацию, лучше всего на базе фиксированного индивидуального членства. Если это делать, стремиться к тому, чтобы эта организация занималась не самообразованием, не внутренними интригами, а борьбой за своего избирателя, за проведение своей программы, значит, надо было распускать прежние организации, как бы они ни были нам дороги. «Демвыбор» для меня очень дорогая партия, я участвовал в ее создании, там очень много достойнейших людей, которые были членами «Демвыбора» до последнего времени. Тем не менее решение о том, что нам нужна единая дееспособная партия, было «Демвыбором» принято. Да, оно принято было нелегко. Сказать, что все наши единомышленники с огромным восторгом относились к тому, что мы распустим одну из старейших и сыгравших в общем серьезную роль в демократическом движении последних лет организаций, — это неправда. Тем не менее есть соображения политического здрав-

го смысла. Мы создавались перед выборами и сегодня должны как можно быстрее закончить процесс организации и заняться общим нашим делом.

Ведущий: *Уточните то, что связано с людьми, людьми известными, которые тем не менее не захотели войти в СПС. Я, в частности, имею в виду Сергея Николаевича Юшенкова¹, который, насколько мне известно, создает свою партию (по-моему, либеральной он хочет ее назвать), Сергея Адамовича Ковалева², который тоже, насколько я понимаю, не хочет входить в СПС. Прокомментируйте, пожалуйста.*

Егор ГАЙДАР: Ситуация следующая. Люди — это не недвижимое имущество. Если мы с вами приняли решение, что нужно создать новую партию, то это не означает, что мы предписали всем: а теперь вам полагается перейти к новому собственнику. У людей своя история, свои отношения, свои представления о том, что такое политика. На съезде «Демвыбора» подавляющее большинство делегатов съезда, если быть точным — 110 человек, голосовали за роспуск «Демвыбора», 10 человек голосовали против, 6 воздержались. Я жалею о том, что некоторые члены «Демвыбора» по разным причинам считают для себя невозможным участие в создании СПС. Я уважаю их выбор, потому что, я еще раз подчеркиваю, считаю, что у них есть право выбора. Членство в партии — это, вообще говоря, серьезное решение для каждого человека, и отнюдь не все готовы его автоматически принять. Тем не менее я убежден, что подавляющее большинство и членов, и сторонников «Демвыбора» будет активно участвовать в создании «Союза правых сил».

Ведущий: *Это раскол, Вы считаете? Или это просто отдельные члены партии решили дальше идти своей дорогой?*

¹ Юшенков Сергей Николаевич (1950–2003 гг.) — политический деятель, депутат Государственной думы, кандидат философских наук, один из лидеров демократического движения и партии «Либеральная Россия». Убит 17 апреля 2003 г. — *Прим. ред.*

² Ковалев Сергей Адамович — российский политический и общественный деятель, участник правозащитного движения в СССР (за что был осужден), кандидат биологических наук, член Верховного Совета РСФСР (1990–1993 гг.), депутат Государственной думы (1992–2003 гг.), председатель Комиссии по правам человека при Президенте РФ (1993–1996 гг.), первый Уполномоченный по правам человека в РФ (1994–1995 гг.), председатель Российского историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал», президент «Института прав человека». — *Прим. ред.*

Егор ГАЙДАР: Конечно, это не раскол, никакого раскола в «Демвыборе» по этому поводу не произошло. Подавляющее большинство членов «Демвыбора», делегатов съезда за создание СПС. Есть свобода выбора отдельных видных, уважаемых, авторитетных членов нашей партии, которые не захотели принимать участие в создании СПС.

Ведущий: *Борис Ефимович, с остальными партиями, объединенными в союзы и движения, как происходило дело?*

Борис НЕМЦОВ: Непросто. Понимаете, это вопрос психологический и политический одновременно. Многим людям очень комфортно быть друг с другом, они многие годы общались — и вдруг надо принять решение о роспуске. Для многих, я об этом говорил, в том числе и у Егора на съезде, это равносильно политическому суициду, самоубийству.

Ведущий: *Вы сказали, что были у Егора Тимуровича на съезде ДВР. Как Вас встретили там?*

Егор ГАЙДАР: Хорошо встретили.

Борис НЕМЦОВ: Как встречают коллег и товарищей.

Ведущий: *Свиста не было?*

Егор ГАЙДАР: Проводили аплодисментами.

Борис НЕМЦОВ: Вы знаете, вообще организация «Демократический выбор России», костяк ее — интеллигентные люди, и ведут они себя всегда замечательно. Если бы у нас все политики так себя вели, как в «Демвыборе», то, я думаю, у нас проблем в стране не было бы.

Ведущий: *Интеллигентные люди могут утонченно выразить свое неприятие.*

Борис НЕМЦОВ: Видимо, я уже ушел, когда они стали утонченно это делать. Я просто хочу сказать, что на самом деле происходит реструктуризация демократического спектра в нашей стране. Те партии, которые существовали в 1990-е гг., сейчас в одиночку уже прорваться не могут — не могут получить фракцию в Государственной думе, не могут занять места на региональном уровне, не могут победить на президентских выборах тем более. Происходит укрупнение партий, причем не сверху, как это было с «Единством» и «Отечеством», а именно снизу. На самом деле завершается важнейший этап становления нового демократического движения в стране — «Союза правых сил». Естественно, этот этап небезболезнен. Тем не менее выполнены на 100% все те решения, которые мы

принимали начиная с октября прошлого года. Должен сказать, что сам факт подобного решения говорит о политической зрелости всех партий и движений, входящих в «Союз правых сил», и о том, что, безусловно, 26-го числа нам удастся создать партию «Союз правых сил», и я бы очень не хотел, чтобы такие уважаемые люди, как Сергей Адамович Ковалев и Сергей Николаевич Юшенков, уходили. Я, кстати, считаю, что у них еще есть время, до следующего съезда еще есть 5 дней. Что касается дебатов, то впервые в истории России, причем не современной истории, а вообще истории, так открыто, публично и гласно обсуждаются внутрипартийные проблемы. Обычно это считается неким интимным, подкованным делом, съезд представляет совокупность статистов, которые голосуют за кандидатов, о которых уже давно договорились. Мы, как демократическая партия (это будет первая в XXI в. партия, созданная на основе свободного выбора ее членов), считаем, что дискуссия должна быть открытой — и в этом наша сила, хотя для многих это может быть шок. Наши сторонники — Егора и мои — все время говорят: вы сядьте за стол переговоров, договоритесь, решите и т. д. Я не вижу никакой проблемы. Да, это новое в истории политической жизни страны, но мы действительно очень много делали нового в нашей стране, были ошибки, были и большие успехи, и я считаю, что эта открытость как раз то, что нам нужно сейчас, это нужно и на уровне партийного строительства, и на уровне власти, и на уровне бизнеса. Чем более открытыми будут процедуры, тем меньше будет коррупции, меньше будет воровства и больше будет дела.

Ведущий: *Кто будет лидером все-таки? Это называется председателем политсовета, да?*

Борис НЕМЦОВ: Я сейчас скажу два слова. Первое, у нас совсем не вождистская организация. У нас коллегиальное руководство сохраняется: это и политсовет, это и институт сопредседателей, который до сих пор существует. Кроме того, для большей координации работы, для партийного строительства, для разъяснения наших целей и задач, для проведения наших идей в жизнь мы намереваемся на съезде еще избрать председателя политсовета. На сегодняшний день есть три кандидата: двое из них здесь присутствуют и еще есть Алексей Кара-Мурза. Кто победит — решит съезд, причем демократично, тайным голосованием. Что мы будем предвосхищать решение съезда? Зачем его вообще проводить тогда?

Ведущий: *Как вы считаете, чья кандидатура будет оптимальной? У каждого из вас своя точка зрения или она у вас каким-то странным образом единая?*

Егор ГАЙДАР: Я считаю, что этот вопрос решит съезд. На мой взгляд, есть действительно важный вопрос, принципиально важный — мы должны создать единую дееспособную организацию СПС. Второе — в процессе создания этой организации мы не должны расколоться, мы не должны потерять существенную часть своего актива, нашей поддержки. Мы должны сохранять способность вместе работать после съезда. Я убежден, что все эти задачи будут решены. Есть менее важный вопрос — кто будет председателем политсовета? Вот так по жизни сложилось, что СПС существует уже довольно долго, мы создали фракцию в Думе, довольно много сделали в Думе. Обычно заседания политсовета СПС веду я, не потому, что это кем-то установлено, а просто так получилось, Вы это, наверное, знаете. Наверное, это не самое важное из всего, что связано с СПС. Если выберут меня, значит, я буду продолжать вести заседания политсовета.

Ведущий: *Я это знаю потому, что вчера об этом прочел, готовясь к передаче.*

Егор ГАЙДАР: Если выиграет Борис Ефимович, значит, он будет вести заседания политсовета, у него будет чуть больше головной боли, а у меня чуть меньше. Ничего, кроме этого, на мой взгляд, не изменится, СПС не превратится после этого в партию Гайдара или партию Немцова, это невозможно.

Борис НЕМЦОВ: Я должен так сказать: это выбор между единомышленниками. Отличить взгляды Немцова и Гайдара, например, на налоговую реформу, пенсионную реформу, строительство Вооруженных сил — мы просто вместе делаем эту программу — невозможно даже под микроскопом. В этом смысле эти выборы очень специфические, у нас в стране подобного еще не было, потому что цели у нас совершенно одинаковые. Я считаю тем не менее, что задача сейчас базовая — это построение мощной правой партии, партии не только московской, не только питерской, не только университетских центров, но и партии российских регионов. Это потребует огромной организационной работы, это потребует встреч с десятками тысяч людей. Готовясь к съезду, я встретился с десятками тысяч людей и в Оренбурге, и в Тамбове, и в Смоленске, и в Ниж-

нем Новгороде, и в Великом Новгороде, и в Саратове, и в Волгограде. Главная задача ведь не просто построить организацию, а еще и объяснить людям, что мы хотим сделать. В этом смысле наряду с функциями чисто административными есть и политические функции. Я так скажу: изберут Егора председателем политсовета — я, безусловно, буду работать в «Союзе правых сил». Я убежден, что и Егор будет работать, если изберут не его, просто потому, что уровень понимания задач, которые стоят перед нами и перед страной, таков, что наши личные амбиции не имеют приоритетного значения, мы уже давно из этого детского возраста вышли.

Ведущий: *Но это решение будет принято на съезде или решение по этому поводу вообще принято не будет, дабы не раскалывать все движение?*

Борис НЕМЦОВ: Если будет принят устав, естественно, с поправками — там есть масса поправок, на съезде «Демвыбора» эти поправки были озвучены, и очень многие из них разумны, — если основа устава, где речь идет о руководстве, будет принята, то тогда будут выборы. Я вообще не понимаю, как можно их обойти, надо выбирать — значит, будем выбирать, надо было самораспускаться — значит, будем самораспускаться.

Ведущий: *Егор Тимурович, когда вчера ДВР принял решение о самороспуске, в качестве условия, что ли, этого самороспуска выдвигалось именно то, чтобы Вы были избраны председателем политсовета?*

Егор ГАЙДАР: Никогда это не было условием самороспуска ДВР. Условием ДВР, уж если быть точным, было то, что я буду баллотироваться на пост председателя политсовета, но и это даже не было формально сформулировано, хотя по существу, конечно, было.

Ведущий: *То есть будет, условно говоря, избран Борис Ефимович, претензий со стороны Ваших коллег не будет?*

Егор ГАЙДАР: Мои сторонники из «Демвыбора России» будут работать в «Союзе правых сил» под руководством Бориса Ефимовича. Другое дело, что действительно у наших коллег-единомышленников есть набор замечаний к уставу СПС. Причем в первую очередь мы получили их от собственных региональных организаций (у нас немножко замыливается взгляд в Москве), они посмотрели на устав и обратили внимание на то, что там ряд пунктов как-то слишком им напомнил устав КПСС; они обратили наше внимание на то, что недурно было бы в либеральной партии иметь и более

либеральный устав. Кстати говоря, на мой взгляд, большая часть этих поправок разумна, и я, честно говоря, думаю, что съезд СПС их поддержит.

Ведущий: *Значит, не согласны все-таки, не во всем вы идентичны.*

Егор ГАЙДАР: Было бы странно...

Борис НЕМЦОВ: Я Вам страшную могу сказать вещь. Дело в том, что устав в том виде, в котором он обсуждался на съезде ДВР, мы с Гайдаром готовили и, может быть, действительно инициатива региональных организаций была недостаточно учтена. Я думаю, это никакая не трагедия, это рабочий вопрос.

Ведущий: *Вы, Борис Ефимович, сторонник достаточно жесткого централизованного партийного устава?*

Борис НЕМЦОВ: Конечно, нет. Я сторонник того, чтобы у нас была открытая партия, чтобы не было испытательного срока, чтобы стать членом СПС.

Ведущий: *Но решения обязательны для всех?*

Борис НЕМЦОВ: Конечно, нет. Демократическая организация, понимаете? У нас есть такая норма (даже не в уставе, а в кодексе политической ответственности), что если, например, политсовет принял решение, допустим, о поддержке того или иного кандидата на президентских выборах, то от имени политсовета никто из членов политсовета иную позицию озвучивать не может, но свою личную позицию может, естественно, озвучивать, т. е. это настолько очевидная норма, что она даже не требует никаких комментариев. Я вам больше скажу, мы будем единственной партией, где кандидат в президенты будет определяться не на основе аппаратных каких-то решений, а на основе праймериз, т. е. предварительных выборов, и все наши сторонники, члены СПС, могут в этих предварительных выборах участвовать. Мы будем единственной партией, в которой парламентский список тоже будет формироваться на основе изучения общественного мнения, никаких интриг. Да, есть замечания, связанные с большей самостоятельностью региональных организаций, это главное замечание. Я думаю, оно вполне разумно, на съезде мы его обсудим и, я надеюсь, примем.

Ведущий: *Есть интересные вопросы (это уже, скажем, политика и идеология, а не персонажи), связанные с двумя вещами. Первое — едины ли вы в отношении к власти, к Кремлю, к президенту Путину?*

Егор ГАЙДАР: Собственно, у нас есть документ, который называется «Об отношении к президенту и правительству», мы его принимали координационным советом, обсуждали на всех съездах и будем принимать на съезде СПС. Если попросту сказать, перевести суть этого документа, он состоит в том, что мы не являемся и никогда не будем партией власти, мы никогда не будем менять...

Ведущий: *Не будете партией власти? А если вас выберут в качестве таковой?*

Егор ГАЙДАР: Мы не будем партией власти в российском смысле этого слова. Мы можем быть партией, которая находится у власти, которая реализует свою политику, находясь у власти, но мы никогда не будем партией власти, т. е. партией, которая подстраивает свою работу под то, что сегодня сказала власть.

Ведущий: *Партией, обслуживающей власть.*

Егор ГАЙДАР: Да, партией, обслуживающей власть, совершенно точно. И в связи с этим мы, да, поддерживаем многое из того, что делает правительство и президент в первую очередь в экономической области, и мы активно сотрудничаем здесь с президентом и правительством, помогаем им работать, и они помогают нам. Мы считаем, что целый ряд инициатив последнего времени, например судебная реформа, более чем полезны.

Ведущий: *Вы сказали, что они помогают вам. Что это значит?*

Егор ГАЙДАР: Они помогают нам проводить нашу программу, а мы помогаем им проводить их программу.

Борис НЕМЦОВ: Егор Тимурович стесняется. Можно я объясню? Просто Егору неудобно про себя говорить, я скажу за него. Например, подоходный налог — 13%. Вы думаете, это кто предложил? Вы думаете, что Путин, а на самом деле это Гайдар. И то, что мы провели это решение, — заслуга Института проблем экономики переходного периода.

Ведущий: *То есть инициатива была лидеров «Союза правых сил»?*

Борис НЕМЦОВ: Конечно, мы общались с Минфином, с правительством, это все понятно, но тем не менее это наше программное положение. Второе: отмена оборотных налогов — важнейшая норма, повышающая конкурентоспособность российской экономики и дающая возможность экономического роста. Кто предложил? «Союз правых сил». 17-я глава Гражданского кодекса, разрешающая частную собственность на землю, кроме сельхозземель. Чья инициати-

ва? «Союза правых сил». Естественно, мы в сотрудничестве с властью это делаем.

Ведущий: *Переводя Ваши слова, можно сказать, что президент Путин проводит либеральную экономическую политику, я Вас правильно понял?*

Борис НЕМЦОВ: Президент Путин довольно часто придерживается наших позиций в экономической сфере, это правда.

Ведущий: *Он придерживается ваших позиций, наверное, потому, что они соответствуют его позициям.*

Борис НЕМЦОВ: Я хотел бы в это верить.

Егор ГАЙДАР: Если бы они не соответствовали его позициям, вряд ли бы он проводил эту линию. Тем не менее нас отнюдь не все устраивает из того, что делается сегодня в стране, и в первую очередь в том, что касается правоохранительных органов, защиты прав человека, либерализации нашего уголовного и уголовно-процессуального законодательства. У нас здесь много своих предложений, мы пытаемся проводить их через Думу, не всегда встречаем понимание со стороны правительства и президента, не всегда получаем поддержку — это тоже элемент реальности. В связи с этим наши отношения с властью не идилличны, и мы исходя из этого и будем дальше строить отношения с властью. Мы всегда активно будем сотрудничать с властью, когда она, на наш взгляд, проводит разумную политику, и мы всегда будем жестко оппонировать власти, когда она делает нечто, что, на наш взгляд, противоречит интересам нормального развития демократии и рынка в России.

Борис НЕМЦОВ: Я в целом согласен с Егором Тимуровичем. Я бы так суммировал интегральный подход наш к власти: мы на сегодняшний день во многом находимся в оппозиции к власти по вопросам, касающимся гражданских прав и свобод. Я хотел бы дополнить еще, напомнив о нашей позиции по сталинскому гимну, Вы знаете, мы были категорически против. Мы были категорически против феодализации России, когда власть пыталась протолкнуть решение о третьем и четвертом сроке для губернаторов. К счастью, нам удалось убедить руководство, и сейчас принято решение все-таки перейти к ситуации, когда губернаторы могут дважды избираться.

Ведущий: *Надо полагать, вы за судебную реформу.*

Борис НЕМЦОВ: Да, естественно.

Егор ГАЙДАР: Кроме закона о статусе судей.

Борис НЕМЦОВ: По закону о статусе судей у нас есть опасения, что снижение уровня неприкосновенности судей приведет к тому, что суды будут еще более зависимы от исполнительной власти, поэтому у нас есть предложения на этот счет. Мы во многом поддерживаем президента в части, касающейся экономической политики, потому что он осуществляет нашу политику. Вот и вся позиция. Я понимаю, что эта позиция не для митинга, поэтому на митинги, допустим, по поводу НТВ¹ мы не ходили, у нас была позиция такая: мы считаем, что базовыми ценностями для России являются и свобода, и собственность, а еще и законность. Между прочим, эта триада на знаменах ДВР — свобода, собственность, законность, поэтому мы должны защищать эти базовые ценности. На митинге можно только одну мысль высказать: «Долой!» — желательно или: «Да здравствует!» — хуже. Но там покричали и остановились, а мы нет: внесен закон о том, чтобы запретить иметь контрольные пакеты акций любой компании в телевизионном бизнесе федерального уровня. Мы предложили на встрече с президентом заставить все естественные монополии продать акции в медийных компаниях, это касается Газпрома в первую очередь, речь идет также об акциях НТВ и в РАО «ЕЭС России», т. е. мы дальше будем продолжать, более того, мы собираемся провести крупномасштабное исследование о ситуации со свободой слова не только в Москве, но и в регионах, и я думаю, что мы это обсудим на крупномасштабной конференции.

Ведущий: *Причем, как известно, в регионах это гораздо более актуально, чем в Москве. Кстати, в связи с ситуацией, о которой Вы говорили, с митингами, каковы ваши отношения — вопрос давний и тем не менее по-прежнему интересный — с «Яблоком»? Вы недавно сказали в одном из своих интервью, что любой известный политик может стать, если будет такое коллективное решение, вашим кандидатом на президентских выборах, в том числе Г. А. Явлинский. Тогда, может быть, на парламентских выборах сразу призвать ваших*

¹ До начала апреля 2001 г. НТВ, принадлежавшее крупному бизнесмену Владимиру Гусинскому и руководимое Евгением Киселевым, который также вел информационные и политические передачи, было особенно ярким и известным оппозиционным телеканалом. 14 апреля 2001 г. произошла смена собственника, им стал Газпром («Газпром-Медиа»), что повлекло существенное изменение направленности канала. Этому предшествовал митинг в защиту НТВ, о котором идет речь. — *Прим. ред.*

сторонников голосовать за «Яблоко», чтобы легче потом было Григорию Алексеевичу раскрутиться на президентских выборах?

Борис НЕМЦОВ: Я вынужден пояснить, что я сказал. Я сказал, что каждый член «Союза правых сил» может стать нашим кандидатом в президенты, поэтому если Григорий Алексеевич становится членом «Союза правых сил», то он, безусловно, может участвовать в предварительных выборах, т. е. в праймериз.

Ведущий: *А Григорий Алексеевич собирается стать членом «Союза правых сил»?*

Борис НЕМЦОВ: Я просто назвал условия, при которых он может быть нашим кандидатом, об этих условиях написано во всех газетах. К сожалению, запоминается сама интригующая мысль, а условия забываются. В этом смысле у нас открытая организация. Будут у нас такие люди в «Союзе правых сил» — они наравне с другими могут стать нашими кандидатами и могут возглавить список.

Ведущий: *То есть любой человек, который приходит в «Союз правых сил», может теоретически стать членом партии и Г. А. Явлинский здесь не составляет исключения, я правильно Вас понял?*

Борис НЕМЦОВ: На 100%.

Егор ГАЙДАР: Одно уточнение: не любой человек может все-таки стать членом «Союза правых сил». Если Баркашов¹ завтра придет вступать в «Союз правых сил», почему-то мне кажется, что наша региональная организация его не примет. Это не относится к Г. А. Явлинскому.

Борис НЕМЦОВ: Естественно. Надо пройти процедуру. Если ты стал членом СПС, то на тебя распространяются такие же права, как права у Егора Тимуровича, права у Анатолия Борисовича, у Ирины Муцуовны, Сергея Владиленовича², так что все будем в равных условиях.

Ведущий: *Егор Тимурович, есть у вас проблемы, в частности, в ДВР, потому что это одна из основных союзообразующих партий, есть ли проблемы именно в том, что касается отношения к власти? Насколько мне известно, в ДВР много классических, со стажем, за-*

¹ Баркашов Александр Петрович — основатель и руководитель военизированного националистического движения «Русское национальное единство», руководитель движения «Александр Баркашов». — *Прим. ред.*

² Имеются в виду Анатолий Чубайс, Ирина Хакамада, Сергей Кириенко. — *Прим. ред.*

служенных, скажем так, диссидентов — людей, для которых оппозиционность привычна и которые считают ее естественным состоянием либералов в России.

Егор ГАЙДАР: ДВР всегда была демократической организацией, и поэтому в ДВР всегда были разные мнения по всем обсуждавшимся вопросам. Тем не менее у нас есть общая позиция по отношению к президенту и правительству, суть которой мы пытались рассказать. Резолюция по этому вопросу была подготовлена ДВР, предложена «Союзу правых сил» и поддержана координационным советом «Союза правых сил». Так что подавляющее большинство наших сторонников из ДВР разделяет именно эту позицию.

Об объединении демократов

*Радиостанция «Маяк».
Передача «В центре внимания». 21 мая 2001 г.*

Ведущий — Олег Куприянов

Ведущий: *В ближайшие полчаса мы обсудим с Вами некую сенсацию, состоявшуюся в эти выходные. Имеется в виду объединение демократов, которого, впрочем, ждали уже лет семь.*

У нас в гостях будет Егор Гайдар, лидер «Демократического выбора России». Егор Тимурович, Вы нас слышите?

Егор ГАЙДАР: Да, я Вас слышу.

Ведущий: *Мы хотели для начала дать небольшой фрагмент выступления Валерии Новодворской¹, «Демократический союз», она выступает, разумеется, в своем фирменном эмоциональном стиле. Но не удалось ли ей угадать что-либо существенное, упущенное, может быть, во всей дискуссии вокруг объединения?*

Валерия НОВОДВОРСКАЯ: У «Демвыбора» не было ни одного шанса, потому что партия предана собственным лидером Егором Гайдаром. И я думаю, что его вынудили так себя вести, непохоже на то, чтобы его поведение было вызвано его личной нелюбовью к демократии.

Я думаю, что Егору Гайдару угрожали, он был премьер-министром, на него можно повесить все, что угодно, вопреки его личной честности. Минкин ведь обвинял его в том, что он казенную мебель присвоил. Ну так трудно ли завести по поводу этого уголовное дело?

¹ Валерия Ильинична Новодворская — российский политический деятель, диссидентка, правозащитница, независимая журналистка, основательница либеральной партии «Демократический союз». — *Прим. ред.*

У Гайдара трое детей, один совсем маленький. Я думаю, что тут пошли в ход такие угрозы. Естественными причинами его поведение объяснить нельзя. Это не Чубайс, это Егор Гайдар.

Ведущий: *Егор Тимурович, угадано ли что-либо Валерией Ильичиной?*

Егор ГАЙДАР: Нет, к сожалению, в данном случае Валерия Ильичина не права. Мы можем расходиться с ней в оценках того, что делаем, но надо быть точным в фактах.

Я был и остаюсь убежденным сторонником того, что создание партии «Союз правых сил» абсолютно необходимо для борьбы за реализацию наших программных задач. Могу подробно аргументировать.

Ведущий: *С другой стороны, ведь действительно, наверное, для власти удобнее, когда некая оппозиция как бы консолидирована, чтобы иметь с ней дело, в конце концов централизованная оппозиция всегда более, может быть, управляема или больше возможностей для этого.*

Егор ГАЙДАР: Нет, тут я с Вами совсем не согласен. Я прекрасно помню 1995 г., когда как раз шла первая чеченская война и партии власти, в которой тогда очень серьезную роль играл, скажем, господин Коржаков¹, как раз была предельно выгодна раздробленность демократов. И тогда прилагались огромные усилия к тому, чтобы десятки демократических партий и движений, которые шли на выборы, получали по 0,17% голосов, в результате все эти голоса оказались бы раздробленными и сильная демократическая оппозиция не была бы представлена в Думе. В связи с этим всегда труднее иметь дело с едиными и сильными, всегда легче иметь дело со слабыми и разрозненными.

Ведущий: *То есть «разделяй и властвуй» — никто не отменял этот сильный аргумент.*

Егор ГАЙДАР: Конечно.

Вопрос радиослушателя: *Я адвокат. Вы объединяетесь для того, чтобы все-таки в нашей стране хоть что-то состоялось, чтобы реформы сдвинулись, на самом деле они не двигаются. Очень важна су-*

¹ Коржаков Александр Васильевич — бывший начальник охраны Б. Н. Ельцина, затем руководитель Службы безопасности Президента РФ, депутат Государственной думы, генерал-лейтенант Российской армии, кандидат экономических наук. — *Прим. ред.*

дебная реформа, так как без судебной реформы не может быть государство правильно сделано.

Почему наш Мосгорсуд никогда в жизни не выносит оправдательных приговоров, кто наложил табу на это, по Вашему мнению?

Егор ГАЙДАР: Да, очень важен пакет законов по судебной реформе, который сегодня представлен, и в целом мне кажется, что это полезный шаг в реформировании нашей судебной системы. Там не все хорошо, мы не поддерживаем поправки к Закону о статусе судей, на наш взгляд, они могут привести к дальнейшему ослаблению реальной независимости суда. Ведь суд — это в первую очередь, к сожалению или к счастью, традиции, у нас тот суд, который мы унаследовали, имеет длинные-длинные традиции социалистического неправового государства, где суд был элементом карательной системы, а отнюдь не элементом системы правосудия.

Это, собственно, ответ на Ваш вопрос. Не только в Московском суде, но и по всей России оправдательных приговоров бывает очень мало, потому что судьи к этому не привыкли, в крайнем случае они отправляют на следствие и т. д., очень редко бывают собственно оправдательные приговоры.

Я думаю, что введение института суда присяжных хорошо еще и потому, что это существенная подвижка в практике действия судебной системы. В тех регионах, где у нас есть суд присяжных, число оправдательных приговоров похоже на то число, которое бывает обычно в мире.

Ведущий: *Егор Тимурович, многие заметили за прошедшие день-два после того, как целых три организации заявили о самороспуске, что, пожалуй, основной водораздел конфликта демократов на сегодняшний день между, условно говоря, прагматиками и идеалистами, т. е. прагматиками, людьми, которые полагают, что политики должны, в частности, максимально общаться с президентом, с Думой, со всеми силами, и идеалистами, которые полагают, что поступиться здесь ничем нельзя и такое объединение на сегодняшний день преждевременно и невозможно. И Вы как раз относитесь в таком случае к числу прагматиков, да?*

Егор ГАЙДАР: Да, это правильно. Политика в условиях демократического общества — это, может, не самое прекрасное занятие, но оно имеет собственные законы.

Для того чтобы присутствовать в политике, соответственно влиять на процесс принимаемых фундаментальных решений, надо иметь достаточно широкую базу политическую, надо быть представленным, скажем, в Государственной думе, надо иметь свою фракцию, голос которой был бы значим, участвует она в правительстве или нет. Если ты хочешь участвовать в политике, ты просто должен играть по этим правилам.

Абсолютно это не значит, что все обязаны участвовать в политике. Есть люди во всем мире, которые не участвуют в политике, занимаются другими делами, в том числе более чем достойными, скажем, правозащитными делами, пропагандой либеральных принципов, экспертной работой, формированием различного рода важных и полезных программных документов, защитой свободы слова и т. д. Это достойное занятие. Отнюдь не все обязаны заниматься политикой.

Ведущий: *Вы, по-моему, занимаетесь как раз и всем этим перечисленным?*

Егор ГАЙДАР: Да. Но если вы хотите при этом еще и заниматься политикой, если вы хотите влиять на процесс принимаемых решений, то вы обязаны быть сильными.

Приведу пример. Есть консервативная партия Великобритании, там есть люди, которые глубоко расходятся друг с другом по важнейшему, фундаментальному для Англии вопросу об отношениях с Евросоюзом. Они жестко спорят и полемизируют. И те, и другие, отстаивающие разные взгляды на то, как должны строиться отношения Англии с Евросоюзом, понимают, что если они расколются, если они решат создать две альтернативные консервативные партии, то в Англии просто не будет больше консервативной партии, ни те, ни другие не будут принимать участия в политическом процессе, именно это позволяет им сохранять единую организацию.

Ведущий: *То есть все-таки определенными, даже дорогими идеями и принципами следует поступиться ради сохранения единого правого движения в России?*

Егор ГАЙДАР: Если ты хочешь участвовать в политическом процессе, должен принять правила этого политического процесса. Создавай организацию, которая может участвовать в политическом процессе, а дальше в рамках этой организации ты не должен ничем поступаться, ты можешь делать все, что возможно и нужно для

того, чтобы отстаивать собственные идеи, но отстаивать собственные идеи в рамках единой организации, которая может участвовать в политическом процессе.

Вопрос радиослушателя: *Хотелось бы узнать все-таки цель этого объединения. Ведь на самом деле, конечно, создается ощущение, что сейчас идут достаточно серьезные партийные игры абсолютно всех партий и правые силы в том числе играют в эти игры.*

Ну хорошо, сейчас объединятся, через два года разъединятся, это все напоминает вообще махровый социализм в худшем проявлении. А цель-то какая? Не видно никаких результатов при разъединении, когда никто не мешал фильтрованно выбирать свою позицию, чтобы это была четкая позиция, которая была бы на благо или державе, или каждому человеку. Десятилетие на счетчике есть, а результаты какие?

Егор ГАЙДАР: Цель объединения. Собственно, накануне парламентских выборов 1999 г. было много разговоров о том, что демократы никогда не сумеют объединиться, что они всегда будут раздроблены, что их погубят личные амбиции и поэтому у них нет никаких шансов.

Мы тогда удивили наших оппонентов тем, что сумели объединиться, сумели объединить много ярких, известных стране политиков демократической ориентации, сумели создать единую коалицию и прилично выступить на прошлых парламентских выборах. Именно потому, что мы это сумели сделать, мы сумели добиться в этой Думе довольно серьезных результатов по ряду важных для страны направлений.

Приведу, пожалуй, только два примера — это налоговая реформа, в том числе существенное снижение налогового бремени, введение плоского подоходного налога, это было наше программное требование, это был один из элементов нашей предвыборной программы. И второе — это введение в силу гл. 17 Налогового кодекса РФ, которая легализует частную собственность на землю и частный земельный оборот.

Это не все проблемы в России, их очень много, но сказать, что эти два вопроса, вопрос о налогах и вопрос о земле, неважные, пожалуй, сложно. Мы это сумели сделать именно потому, что смогли объединиться.

Следующий вопрос: а зачем, если вы уже смогли объединиться, вам создавать единую партию? А потому что коалиция, которой мы были, всегда хрупкая, она всегда подвержена риску развала при сложных изменениях политической конъюнктуры, потому что коалиция никогда не может быть нормальной демократической организацией, потому что там голосуют не члены партии, не демократическим путем реально принимаются решения, а на основе сложного согласования интересов участников коалиции.

Поэтому если мы понимаем, что, для того чтобы влиять на что-то, добиваться реализации наших программных принципов, мы должны быть сильными, значит, мы должны создать единую партию именно для того, чтобы не расколоться через два года в том числе.

Вопрос радиослушателя: *Как Вы считаете, будет ли иметь какие-то преимущества партия, в которую входят шок без терапии, дефолт и грабительская приватизация? Если все три лидера входят туда, то можете ли вы рассчитывать на большие привилегии?*

Егор ГАЙДАР: Мы ведь создали коалицию «Союз правых сил», где были представлены и ваш покорный слуга, и Анатолий Борисович Чубайс, и Сергей Кириенко, и Борис Немцов, и Ирина Хакамада, и много других известных в России политиков и сегодня, в 1999 г.

Как на это отреагировали избиратели? Ну, они имели возможность высказаться по этому поводу в декабре 1999 г. Мы в общем были удовлетворены тем, как они на это отреагировали, мы убеждены, что это не предел роста нашей поддержки, потому что мы убеждены, что довольно много людей прекрасно понимают, что, собственно, происходило в России в последние годы, прекрасно понимают, какой узел проблем нам предстоит еще решить на самом деле, если мы не хотим уйти обратно в социализм. Я все-таки не вижу людей и политических сил, которые бы сказали: все так было плохо в последние 10 лет, давайте закончим все эти эксперименты с рынком и снова построим нормальную социалистическую экономику. Даже в программе коммунистов не читал такого в последнее время. Если мы это все признали, значит, идти назад нельзя, надо идти вперед, а вперед-то идти туда, куда предлагаем мы.

Ведущий: *Считалось, что правые силы, СПС могли бы укрепиться за счет объединения с «Яблоком», что, как известно, не удалось.*

На сегодняшний день победила и реализуется другая идея — объединение вместе организаций, которые мы сегодня несколько раз перечисляли: «Демократический выбор России» «Демократическая Россия» и «Новая сила» Сергея Кириенко.

Но ведь в этой объединенной партии предполагается индивидуальное членство. Ведь очень возможно, что довольно значительное число членов этих партий поведет за собой «Яблоко» и, собственно говоря, проблема не решится в полной мере.

Егор ГАЙДАР: Во-первых, по поводу объединения с «Яблоком». Я считаю, что у нас с «Яблоком» в целом сейчас налажена нормальная система взаимодействия. У нас есть органы, которые координируют нашу деятельность в Думе. В Думе СПС и «Яблоко» по подавляющему большинству вопросов голосуют практически вместе, солидарно. Именно это, собственно, позволяет нам существенно увеличивать свое влияние на процесс принятия решений. Я считаю, что это крайне позитивно.

Что касается возможностей создания предвыборной коалиции между СПС и «Яблоком», этот вопрос отнюдь не закрыт, он может обсуждаться, будет обсуждаться, наверное, ближе к предстоящим выборам в Думу.

Что касается членов СПС и их позиции. Я, честно говоря, убежден, что подавляющее большинство и членов, и сторонников «Демвыбора России» и других партий и движений, которые объединяются в СПС, вступят в СПС. Разумеется, это не автоматическое решение, это индивидуальное решение для каждого члена, скажем, нашей партии. И я знаю, что есть несколько членов нашей партии, в том числе известных, которые, наверное, не вступят в СПС, хотя не думаю, что вступят в «Яблоко», об этом речь никогда не шла. Но то, что это сложное, тяжелое решение для каждого человека, — это правда.

Ведущий: *Я хотел бы сейчас дать всем послушать два фрагмента на эту тему — это Сергей Станкевич¹, «Демократическая Россия» сначала.*

Сергей СТАНКЕВИЧ: Мы проводим перегруппировку сил, мы ничего не упраздняем нужного, мы проводим перегруппировку

¹ Сергей Борисович Станкевич — российский политик. Был одним из лидеров Московского народного фронта, народный депутат СССР, входил в Межрегиональную депутатскую группу. В мае 2001 г. избран членом политсовета СПС — *Прим. ред.*

сил, сконцентрированных в двух основных боевых отрядах российской демократии — «Союзе правых сил» и «Яблоке». Долгое время многим из нас казалось, что, чем больше организаций, тем больше демократии. Но как только мы убедились, что практически перестаем выигрывать на выборах, что можем быть просто оттеснены на обочину политического процесса и остаться с кучей организаций, но в полном политическом бессилии, начался обратный процесс. В последние три года идет сложный, мучительный процесс интеграции, сосредоточения сил.

Ведущий: *И сейчас еще фрагмент с Олегом Мустафиным, это тоже «Демократическая Россия», председатель ревизионной комиссии.*

Олег МУСТАФИН: Я ничего не имею против того, чтобы наши сторонники вступали в СПС, быть может, я даже для себя такой путь вижу открытым, но я не вижу каких-то серьезных причин к роспуску партий немедленно сегодня, более того, я считаю, что само создание партии СПС немножечко преждевременно.

То, по каким уставным принципам она создается, меня просто очень настораживает, и я понимаю, что, если наши сторонники туда пойдут, реального права голоса, какого-то воздействия на принимаемые решения они иметь не будут. Об этом говорит вся история наших взаимоотношений с лидерами СПС, ДВР. И в партии, в движении «ДемРоссия» сторонников линии, которую проводит «Яблоко», все-таки больше, они нам ближе, чем СПС, хотя, конечно, СПС тоже ближайшие союзники и друзья.

Ведущий: *Как видно из выступлений, существуют очень разные мнения и совершенно не очевидно, что так вот стройными рядами все-таки удастся построить «Союз правых сил», да?*

Егор ГАЙДАР: Во-первых, еще раз подчеркну, мнений в демократических организациях может быть очень много, это понятно, иногда мнений даже больше, чем сторонников.

Тем не менее я выскажу свое мнение — я думаю, что подавляющее большинство активистов и участников партий и движений, которые сегодня объединены в коалицию СПС, которые вместе выступали за СПС на выборах 1999 г., которые работали в общественном объединении СПС, останутся и в политической партии СПС.

Несколько слов по обсуждавшимся вопросам. Первое — устав. Да, мы обратили внимание на то, что проект устава, который вы-

носят на съезд, слишком ассоциируется с принципом демократического централизма, слишком жесткий, и у нас, собственно, наши региональные организации поставили этот вопрос, мы обсуждали его на съезде «Демвыбора» и договорились о том, что внесем в устав целый ряд поправок, направленных на демократизацию, на защиту прав меньшинства, что абсолютно правильно и соответствует нашей идеологии. Если мы либералы, то надо быть последовательными и применительно к собственной организации.

Что касается преждевременности, вот здесь я совсем не согласен. Дело в том, что создание единой политической организации — это всегда довольно сложный процесс, процесс, задевающий сложившиеся структуры отношений, личные позиции и т. д. В связи с этим чем раньше мы это сделаем, чем больше у нас времени будет для спокойной, нормальной политической работы, для проведения нашей собственной программы, для работы с нашими избирателями до выборов, тем лучше. Самое худшее — это начинать процесс реорганизации, когда выборы на носу.

А что касается позиции Сергея Владиславовича Станкевича, я с ней совершенно согласен.

Ведущий: *Да, он сказал, что для победы на выборах нужно объединение. Я хотел бы сейчас, если позволите, немножечко перейти, что называется, на личности. Ведь многие наблюдатели говорят, что съезд объединенной партии вполне может кончиться и провалом или в той или иной степени неблагоприятно, я имею в виду, что не удастся выбрать лидера партии.*

Не обсуждая сейчас всякого рода мнения и интриги вокруг этого, я хотел Вас спросить: возможно ли, что Вы снимете свою кандидатуру, чтобы избежать раскола до голосования?

Егор ГАЙДАР: Первое — важнейшая задача, которую мы должны решить на съезде, — это принять решение о создании единой политической партии «Союз правых сил». Второе — мы должны не потерять существенные элементы собственного актива и узнаваемых лидеров. Я абсолютно убежден, что эта задача решаема и что она будет решена.

Вопрос о том, как будет устроено управление СПС, будет решаться съездом. Решит съезд избирать председателя, значит, будет председатель политсовета, решит съезд сохранить институт сопредседателей, значит, будет сохранен институт сопредседате-

лей. И то, и другое, на мой взгляд, абсолютно приемлемо и нетрагично.

У нас странное сложилось отношение к партии, люди воспринимают партию, как такой чемоданчик, либо начальство поручило кому-то этот чемоданчик нести, либо лидер ходит со своим чемоданчиком, а если кому-то не нравится, то он создает рядом свою партию и ходит со своим чемоданчиком. Поэтому когда возникает дискуссия о том, кто должен быть лидером в партии, это как будто вообще борьба вокруг передела собственности, два лидера посягают на один и тот же чемоданчик.

На самом деле это полная ерунда. При нормальном политическом процессе, в нормальной политической организации вопрос о том, кто должен быть ее лидером, решается демократическим путем, точно так же как решается вопрос, кто будет президентом, кто будет депутатом парламента и т. д. Маргарет Тэтчер была очень авторитетным лидером консервативной партии, тем не менее она никогда не была хозяйкой консервативной партии и потом ее сменил другой лидер, вот сейчас лидером консервативной партии является господин Хейг, кто-то сменил господина Хейга.

СПС мы выстраивали как нелидерскую партию, она не является лидерской партией, она не является партией ни Кириенко, ни Чубайса, ни Гайдара, ни Немцова, и она не будет лидерской партией после съезда, какое бы решение он ни принял. Примет ли съезд решение вводить пост председателя политсовета, выберет он на этот пост кого-то из претендентов, в любом варианте это будет демократическая партия, которая имеет возможность решить, кто в каких условиях дальше должен ее возглавлять, это никогда не будет чемоданчик, который носит один вождь.

Ведущий: *Вы свой чемоданчик до выборов точно не будете снимать?*

Егор ГАЙДАР: Я свой чемоданчик... У меня нет чемоданчика, понимаете, в чем дело? Нет в СПС чемоданчика, СПС никогда не была моей партией в том смысле, что она моя карманная партия, я делаю с ней что хочу. Это демократическая организация, где много авторитетных и уважаемых людей, мы спорим, обмениваемся мнениями, принимаем решения, их реализуем.

Ведущий: *Вы участвуете в выборах?*

Егор ГАЙДАР: Да, конечно.

Вопрос радиослушателя: *Отчасти Егор Тимурович уже ответил на мой вопрос по поводу чемоданной партии, но я по опыту знаю, что многие объединения разваливаются из-за того, что межличностные отношения лидеров, в частности, не стыкуются в единую систему. Не произойдет ли этого и здесь? Все-таки достаточно разноликий коллектив.*

Егор ГАЙДАР: Собственно, наши оппоненты на это и рассчитывали в 1999 г. Я помню, как Геннадий Николаевич Селезнев, например, говорил: ну что вы, друзья, не бойтесь, никогда в жизни они не договорятся, они передерутся друг с другом. Но этого не случилось.

Мы действительно собрали очень много известных политиков с собственной позицией, своей историей и научились работать вместе, научились вместе принимать решения демократическим путем. И если мы научились это делать в сложных условиях 1999 г., совершенно непонятно, почему, собственно, мы должны разучиться это делать в 2001 г.?

Вопрос радиослушателя: *А Вы считаете, что условия стали проще?*

Егор ГАЙДАР: Я считаю, что всегда проще сохранять статус-кво, чем создавать новое. В 1999 г. мы должны были научиться создавать единую организацию на базе существующих и научиться работать вместе в большом кругу известных, уважаемых, авторитетных людей. Сегодня мы умеем это делать, мы просто закрепляем организационно то, что есть.

Мы находимся на этапе постреволюционной стабилизации

Телеканал «Россия».
Программа «Зеркало». 5 июля 2001 г.

Ведущий — Николай Сванидзе

Ведущий: *Егор Тимурович, стало известно, что недавно вышла книга Владимира Мау и Ирины Стародубровской «Великие революции от Кромвеля до Путина». Как Вы толкуете предлог «до»? «До Путина». Революция уже закончилась сейчас или продолжается при Путине?*

Егор ГАЙДАР: Если уж брать исторические персоналии, то я обратил бы внимание на то, что Кромвеля, скорее, можно сопоставлять с Ельциным, а с Путиным логичнее сопоставлять Карла II, как мне кажется. Это на самом деле завершающая стадия, Путин — это стадия...

Ведущий: *Но это требует уже специальных исторических комментариев.*

Егор ГАЙДАР: Путин — это постреволюционная стабилизация. На самом деле сейчас совершенно очевидно, что мы живем в абсолютно других реалиях, чем те, которые существовали в 1993, 1994, 1995, 1996 гг.

Ведущий: *У меня часто спрашивают иностранные наблюдатели: «Сейчас ваше правительство делает то-то, то-то, то-то, то-то. Но ведь вы же об этом говорили много лет и ничего не делалось. А почему сейчас-то делается?» Потому что мы на другой стадии, когда государство гораздо сильнее, когда у правительства есть поддержка в Государственной думе, когда массу вещей, которые можно*

только обсуждать в условиях слабой власти, можно сделать в действительности.

Егор ГАЙДАР: Конечно, это наглядное свидетельство того, что мы находимся на этапе постреволюционной стабилизации.

Ведущий: *То есть все-таки постреволюционной стабилизации?*

Егор ГАЙДАР: Конечно. У меня в этом нет сомнений.

Ведущий: *С уходом Ельцина?*

Егор ГАЙДАР: На самом деле Вы же понимаете, что есть у революции начало и нет у революции конца.

Ведущий: *Да, естественно.*

Егор ГАЙДАР: Пытаться точно определить, в какой момент кончается революция и начинается постреволюционная стабилизация, — это всегда условность. Но конечно, с 1999–2000 гг. мы имеем явные признаки постреволюционной стабилизации.

Ведущий: *Ваш прогноз на развитие России на ближайшее время?*

Егор ГАЙДАР: Первое. Постреволюционная стабилизация совершилась. В связи с этим главное, что у нас, скорее всего, не будет тех характерных для революционной фазы проблем, которые долгие годы были важнейшими. У нас будут прилично собирать налоги, государство будет выполнять свои обязательства, бюджет будет сводиться с профицитом, эмиссионное финансирование, характерная черта революции, скорее всего, использоваться не будет, законы будут соблюдаться в большей степени, чем соблюдались раньше, контроль федерального центра за регионами будет более эффективным. И это уже данность, это то, что очевидно и уже происходит, и будет происходить дальше. А вот дальше масса всего неочевидного, потому что именно на этапе постреволюционной стабилизации у власти возникает та свобода маневра, которой как раз нет в условиях революции.

В условиях революции свобода маневра у правительства находится в пределах очень узкого коридора. А сейчас этап, когда выясняется, что можно принять такие законы, а можно другие, можно использовать это укрепление власти для того, чтобы провести либеральные реформы в экономике, гарантировать права собственности, создать самую эффективную в мире налоговую систему, реформировать систему социальной защиты и т. д., а можно новые условия использовать для того, чтобы зажать свободу слова, сфор-

мировать коррумпированный государственный аппарат, демонтировать рыночные механизмы...

Демонтировать рыночные механизмы сложно, а вот политические свободы можно. Сегодня это предмет очень серьезной, ожесточенной борьбы. И она будет такой в ближайшие годы, потому что именно то, что происходит на этапе постреволюционной стабилизации, оказывается предельно важным для последующей долгосрочной оценки самой революции. Кто мог сказать в 1923–1924 гг., что предыдущая русская революция окончится вторичным закрепощением крестьян? А тем не менее именно это определило все развитие Советского Союза и России на последующие десятилетия. Не дай Бог, чтобы у нас так получилось, и не думаю, что так получится.

Большое видится на расстоянии

Телеканал «НТВ».
Программа «Герой дня». 5 ноября 2001 г.

Ведущий — Савик Шустер

Ведущий: 10 лет назад мой сегодняшний гость был самым популярным человеком в стране, его ненавидели, его любили, наверное, больше было тех, кто его ненавидел. 10 лет назад было создано первое правительство реформаторов. Лидером этого правительства стал Егор Гайдар. 7 ноября будет отмечаться несомненно, потому что это еще и выходной. Многих ли реформаторов помянут добрым словом?

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что в исторической перспективе добрым словом помянут многих реформаторов. Для этого нужно историческое время, большое видится на расстоянии. Поразительно наивно заниматься реформами в России, ожидая благодарности за это, это просто свидетельство глубокой исторической некомпетентности. Тем не менее в исторической перспективе, я убежден, да.

Ведущий: Почему из людей того времени, которые входили в Ваше правительство, среди видных сегодня политиков нет почти никого?

Егор ГАЙДАР: Почему? Если мы посмотрим более широко весь круг людей, которые тогда работали в нашем правительстве, входили в наше правительство или были тесно связаны с тем кругом людей, которые формировали нашу программу, там довольно много из тех, которые сегодня более чем узнаваемы. Я не говорю об Анатолии Борисовиче Чубайсе, который, без всякого сомнения, присутствует в политике сегодня. Александр Шохин, председатель Ко-

митета по бюджету, присутствует в политике сегодня. Петр Авен, президент Альфа-банка, присутствует в политике сегодня. Ваш покорный слуга присутствует в политике сегодня. И Алексей Кудрин, нынешний министр финансов, он не чужой человек для правительства, которое сформировали в 1991 г.

Ведущий: *Вы говорили о вице-президенте Альфа-банка. Многие говорят о том, что президент Путин сейчас стремится покончить с олигархическим капитализмом. Получается, что создавали его Вы.*

Егор ГАЙДАР: Первое. Олигархический капитализм был неприятнейшей чертой российского переходного периода, но чертой, видимо, во многом неизбежной. В чем была фундаментальная проблема перехода в России? В рамках социализма собственность и власть неотделимы, теснейшим образом переплетены. В рамках нормальной, эффективно функционирующей рыночной экономики и демократии власть и собственность четко отделены, есть правила, которые устанавливает власть, а дальше собственники играют по этим правилам. Сразу перескочить из точки А в точку В от полностью совмещенной собственности и власти к полностью четко, по прозрачным правилам разделенной собственности и власти нам было невозможно, и я писал об этом довольно много и считал это важнейшей задачей. Я думаю, что сегодня действительно олигархический капитализм в том виде, в котором он сложился к середине 90-х гг., во многом в России демонтирован. Та ситуация, когда у нас был набор бизнесменов, которые были реальным правительством России, позади. Остались люди с деньгами, влиянием серьезным, но это отнюдь не то, что было, скажем, в 1996–1997 гг.

Ведущий: *Мы сегодня пристально следим за ценами на нефть и говорим: 18 долл. 17 центов за баррель российской нефти — это уже плохо, это уже будет влиять на бюджет следующего года. Как Вы считаете, это Ваша заслуга или Ваша ответственность, что российский бюджет и российская экономика зависят настолько от сырья?*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, российский и советский бюджет, российская и советская экономика зависят от экспорта сырья на протяжении длинного исторического периода. Россия всегда была страной, экспортирующей сырье, а история краха экономики Советского Союза в огромной степени связана с историей нефтяного экспорта и цен на нефть. На самом деле, конечно, были фундамен-

тальные причины краха советской экономики, но то, что на этапе позднего брежневского времени в пересчете на сегодняшние цены баррель советской экспортной нефти стоил примерно 70 долл. (не 10 долл., как в 1998-м, не 25 долл., как в благостных 2000–2001 гг., а 70 долл. в ценах нашего времени), было важнейшим фактором, к которому было приспособлено все советское хозяйство: объем производства вооружений, закупка зерна и т. д. Вот в связи с этим катастрофическое падение цен в середине 1980-х было важнейшим фактором, который привел к краху советской экономики. Сегодня, на мой взгляд, для нас гораздо опаснее длинный период высоких цен на нефть. Вот если цена на нефть, дай Бог, будет колебаться в районе 18 долл. за баррель «Юралса»¹, это стратегически для России гораздо лучше, чем если она будет долго стоять 25 долл.

Ведущий: *Вы упомянули 1998 г., и мы с Вами говорили о присутствии в политике тех людей, которые начинали с Вами. Так вот я хочу подойти к дефолту 1998 г. Если судить по публикациям ответственных людей того времени, то там были 5 человек, из которых 4, по крайней мере, имели прямое отношение к правительству еще Вашему. Ощущаете ли Вы как идеолог тех реформ ответственность за то, что произошло в 1998-м?*

Егор ГАЙДАР: Да, без всякого сомнения. Я считаю, что — по результатам того, что произошло после 1998 г., — тогда было принято болезненное, но правильное решение, и то, что мы сегодня имеем три года устойчивого экономического роста и благоприятную экономическую ситуацию, связано с тем, что тогда мы решились разрубить этот гордиев узел. Конечно, сама по себе ситуация, в которой мы оказались в 1998 г., была следствием предельно слабой бюджетной политики 1995–1998 гг., когда правительство пыталось снизить инфляцию и одновременно не было в состоянии взять всерьез под контроль бюджетные расходы. И тогда мы заложили ту мину, которую потом с тяжелейшим трудом пришлось демонтировать в 1998 г.

Ведущий: *Когда Вы начинали, Ваши противники были абсолютно понятны и очевидны, потому что ситуация была черно-белой. Она не черно-белая сейчас, кто сегодня противник реформ?*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, сегодня гораздо сложнее ситуация, она действительно не черно-белая. Во-первых, реформ много — и

¹ «Юралс» (*Urals*) — марка экспортируемой российской нефти. — Прим. ред.

тех, которые нам достались в наследство, и тех, которые не были проведены за эти годы, и у них разные коалиции, их поддерживающие, и разные потенциальные противники. Скажем, я считаю важнейшим успехом последнего года налоговую реформу, у нее есть сторонники — это те, кто выигрывает от того, что экономика выходит из тени, что снижаются предельные ставки налогов, и есть противники — это те, кто теряет возможность пользоваться дырками, которые раньше были в налогообложении, кто теряет в связи с этим свои конкурентные преференции. И соответственно вполне понятны и силы, которые стояли за налоговую реформу, и те, кто им противостоял. Скажем, когда мы будем обсуждать вопрос о бюджетном федерализме и реформе бюджетного федерализма, здесь иная диспозиция сил, она гораздо менее черно-белая сегодня, вы правы, чем была в начале 1990-х.

Ведущий: *Сегодня те силы, которые противостоят реформам, настолько же опасны, скажем, для президента, насколько были опасны те силы, которые противостояли в Ваше время?*

Егор ГАЙДАР: Конечно, нет. Я напомним, что предшествующая попытка создать демократический режим в России, предпринятая в нашей стране в 1917 г., кончилась страшной, кровавой бойней, и слава Богу, что сейчас это не кончилось так же, но это никто не мог нам гарантировать в 1991-м или в 1992 г. Сейчас этот период позади, правила игры несовершенны, но они более-менее приняты всеми основными участниками политического процесса, нет желающих немедленно взять и опрокинуть шахматную доску на голову противнику, есть готовность к тому, чтобы по этим правилам играть.

Ведущий: *Даже тем олигархам, которых свергают?*

Егор ГАЙДАР: По крайней мере, основная часть общества и политической элиты понимает, что либо у них не будет никакой игры, либо они будут играть по правилам. Есть выборы, избирательный срок, законодательство, Конституция, т. е. ты можешь либо не играть вообще, либо играть по этим правилам.

Ведущий: *Вы считаете, что девальвация рубля возможна при определенной низкой цене на нефть. Сейчас она понижается. Будут ли созданы условия для девальвации рубля и выгодно ли это вообще для экономики?*

Егор ГАЙДАР: Россия должна проводить политику гибкого курса рубля по отношению к доллару. Одна из важнейших причин тя-

желейшей ситуации 1997–1998 гг. была в том, что правительство и Центральный банк того времени оказались пойманными в ловушку реально фиксированного курса, причем не какими-то формальными явлениями коридора, а жизнью.

Ведущий: *Но у Вас же были тоже какие-то возможности на это повлиять в Ваше время.*

Егор ГАЙДАР: В 1995–1998 гг. мои возможности повлиять на это были крайне ограничены, я в это время в правительстве не работал. О конкретной ситуации, возникшей в 1995-м, особенно в 1996 г., я могу подробно рассказать, но вряд ли есть смысл заниматься сейчас этим время. Важнейшее преимущество нынешней экономико-политической ситуации в России в том, что у нас гораздо больше элементов свободы, чем было в 1997–1998 гг. В связи с этим мы можем гибко реагировать на меняющуюся ситуацию, отвечая на это решениями в курсовой политике, денежной политике и т. д. И наличие гибкости, в том числе возможности ослабления номинального рубля при неблагоприятном развитии ситуации на нефтяных рынках, — это, конечно, существенный фактор, повышающий реальную стабильность экономики.

Ведущий: *У меня к Вам еще один, политический вопрос. Вы говорили, что отбыли свой срок в публичной политике. Я не очень верю в эти слова исходя из того, как проходила борьба за лидерство в СПС. При каких обстоятельствах Вы бы вернулись в политическую борьбу?*

Егор ГАЙДАР: Есть разные политические роли, я не перестал заниматься политикой, продолжаю ею заниматься.

Ведущий: *Когда Вы выйдете из тени?*

Егор ГАЙДАР: Я предпочитаю дальше в тени оставаться и заниматься тем, чем я умею заниматься. Скажем, я считаю важнейшим нашим достижением то, что мы провели основные мероприятия налоговой реформы. Конечно, мы провели их потому, что их поддержали правительство и президент, но в том числе и потому, что они были разработаны в нашем институте. Сейчас, например, для меня важнейшая задача — подготовить и провести мероприятия по реформе комплектования Вооруженных сил. Конечно, это невозможно сделать без поддержки президента и правительства, но для меня это гораздо важнее, чем светиться на экране.

Ведущий: Скажите «да» или «нет». С налоговой реформой все в порядке, она как бы победила, а у победы всегда много отцов. Наверное, не только Вы делали эту налоговую реформу?

Егор ГАЙДАР: Я же сказал, что она была результатом работы президента, правительства, тем не менее все, кто всерьез имеет отношение к этому делу, знают, что этот вариант Налогового кодекса был сформирован в 1999 г. в нашем институте.

10 лет «гайдаровским» реформам

Радиостанция «Эхо Москвы». 6 ноября 2001 г.

Ведущий — Алексей Венедиктов

Ведущий: *Добрый день! Наш гость Егор Тимурович Гайдар. Напомню, наш эфир интерактивный, наш пейджер 974–22–22 для «Эха Москвы». Сегодня 10 лет исполняется первому правительству, как у нас говорят, молодых реформаторов. Напомню, что тогда его возглавил Борис Ельцин, а Вы, Егор, были первым вице-премьером, да?*

Егор ГАЙДАР: Я был сначала вице-премьером по экономике и финансам, а потом исполнял обязанности премьера.

Ведущий: *Вот можно такой школьный вопрос, памятуя о своей прежней профессии: что удалось лучше всего? Вот сейчас Вы как бы смотрите назад, как Вы понимаете сейчас, что удалось лучше всего? И что не удалось?*

Егор ГАЙДАР: Первое. Надо отличать задачи, которые тогда решало наше правительство, и эти 10 лет реформ, где было много-много всего — и разных правительств, и разных задач. Главная проблема, которая существовала у нас осенью 1991 г., была не в полной мере осознана обществом. Это то, что у нас в то время не было никакого государства и не было никакой экономической системы. То государство, стержнем которого была коммунистическая партия — авторитарная партия с готовностью к насилию, начало расшатываться в 1989 г., и в 1991 г. оно перестало существовать. В 1991 г. у нас было государство, которое не контролировало свои границы, таможню, банковскую систему, деньги, не могло перераспределять налоги, не финансировало собственные Вооруженные силы и т.д.

Ведущий: *Вы имеете в виду СССР или Россию?*

Егор ГАЙДАР: Я имею в виду и то, и другое, потому что СССР уже не мог выполнять эти задачи, а Россия еще не могла выполнять. И второе. У нас до начала реформ была экономическая система, которая тоже основывалась на том, что есть эффективная жесткая власть, готовая к применению насилия при невыполнении приказов в материально-вещественных потоках. Этот стержень был вынут. Экономическая система рассыпалась, потому что нерыночная экономика уже не работала, а рыночная еще не работала. Вот самое важное, что удалось, на мой взгляд, сделать, это добиться того, что у нас возникло государство и возникла экономика, государство и экономика несовершенные, но они возникли и начали функционировать без катастрофического крушения всех институтов цивилизованного общества. Что не удалось? Не удалось, конечно, провести экономические реформы быстро и последовательно, не удалось пройти тот путь, который мы прошли, не за 10 лет, а за 5 лет, как хотелось.

Ведущий: *В связи с этим вот сейчас, в связи с юбилеем Вашего правительства, можно сказать, что критика Вашей деятельности снова нарастает. Причем критика не только слева, скажем, критика сторонников СССР, националистов, коммунистов, но и так называемая критика справа. По-моему, сегодня в «Независимой газете» Андрей Илларионов, советник президента, писал о том, что вот эти реформы 1992 г. были просто неправильны, не были доведены до конца, что-то там поменяли местами, ваучерная приватизация — это самая неправильная приватизация, которую можно придумать. Как Вы к этой критике присматриваетесь?*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, она должна быть встроена в исторический контекст. Если бы мы обсуждали абстрактные вопросы о том, как хорошо было бы вести реформы, если бы паче чаяния кого-то из нас назначили там Господом Богом всемогущим или по меньшей мере императором всероссийским, конечно, массу всего надо было делать совершенно по-другому. Но есть в реформах, особенно в реформах после краха социалистической системы, важнейшая политическая компонента. Ты должен выстроить не идеальную схему, а ту схему, которая позволит избежать катастрофы. Ты должен действовать в условиях слабости тех социальных групп, которые способны поддержать в долгосрочном плане разумную экономическую политику. Ты должен иметь дело с парламентом, подавляю-

щее большинство в котором вообще не понимает, что такое рынок, как он работает, что такое деньги, что такое бюджетный дефицит, что такое конвертируемая валюта, как все связано друг с другом. Ты вынужден наступать на мощные интересы сильных групп давления оборонного комплекса, разных лобби и т.д. У тебя есть политическая элита, которая отнюдь не хорошо понимает необходимость перемен. У тебя есть президент, который находится под влиянием многих групп влияния и давления. У тебя есть регионы, в которых ты по ситуации 1991 г. очень слабо реально контролируешь развитие событий. Часть регионов вообще говорит, что они независимые государства. Вот в этих рамках, если мы обсуждаем вопрос не об идеальной, а о той программе, которую можно было воплотить, я думаю, что мы были достаточно близки к области возможного.

Ведущий: *В связи с этим, так как Вы упомянули президента, т.е. Ельцина, как Вы сейчас оцениваете роль Ельцина в тот момент, когда входили в его правительство? В 1991–1992 гг., еще немножко в 1993 г. Какую роль, с Вашей точки зрения, сыграл в этот период Борис Ельцин в распаде СССР и создании нового государства?*

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что очень серьезную и в целом весьма позитивную. Ведь опять же давайте говорить не абстрактно о распаде СССР, создании нового государства. По состоянию на 1991 г. у нас распалось 2 социалистических многонациональных государства — Югославия и СССР. Одно из них возглавлял бывший первый секретарь Белградского обкома партии, а другое — бывший первый секретарь Московского обкома партии. Югославия долгие годы функционировала как реальная федерация. Там была социалистическая рыночная экономика. И ничто совершенно не гарантировало нам того, что мы не пойдем по пути Югославии, что у нас не будет просто десятилетий тяжелых кровопролитных войн с тяжелейшими последствиями для нашего долгосрочного развития. Сейчас Ельцина очень часто упрекают за Беловежские соглашения: ну как же можно было тогда не говорить о том, что у нас есть территориальные претензии к Казахстану, они сохраняются, а вот о другом договоримся потом. На самом деле, как только начинают возникать эти проблемы, — это путь к войне и крови. И у Ельцина было понимание того, что да, это ужасное решение, создающее массу проблем, но оно наименее худшее их всех возможных. И вот

эта его способность принимать решения тяжелые, но тем не менее позволяющие избегать катастроф и нести политическую ответственность за эти решения, на мой взгляд, была очень важной. Он ведь осенью 1991 г. был очень популярным политиком. И у него хватило понимания, чтобы решить конвертировать эту свою популярность в заведомо тяжелые и непопулярные реформы, которые эту популярность подорвут, но зато дадут нам возможность организовать продвижение России к рынку.

Ведущий: *Вот Вы сказали о политической составляющей Вашего правительства, что Ельцин представлял для Вас некую политическую крышу, грубо говоря. Что касается его экономических взглядов в то время: ясно было, что первый секретарь Московского горкома в общем даже книжек по этому вопросу не читал в отличие от тех, кто делал реформы. Вот насколько Ельцин понимал рыночность рыночных реформ тогда? Мы сейчас перейдем к Путину, я, естественно, пытаюсь идти постепенно.*

Егор ГАЙДАР: Первое. У него было понимание того, что нужны радикальные изменения, у него было понимание того, что ничего реально не делается, понимание того, что за эти радикальные изменения ему придется платить политической поддержкой.

Ведущий: *Но это все политическая составляющая.*

Егор ГАЙДАР: Да. Конечно, у него не было внутреннего понимания действия экономических механизмов. Он был готов слушать внимательно, он в общем старался разобраться. К нему каждый день приходили люди, бывшие для него понятными, — министры союзные, главы администраций и говорили, что эти экономисты делают какую-то полную ерунду. Ну почему нельзя просто напечатать много денег, когда видно, что денег всем не хватает? И другие подобные разговоры. И они апеллировали к понятным для него реалиям. Он мне говорил: ну, как же так? Мы же этот взаимозачет всегда делали в конце года и пополняли оборотные средства. Но тем не менее что у него было приятным? У него было понимание ограниченности собственных знаний в области рыночной экономики и нежелание действовать через колено. Да, постепенно его поддержка необходимых реформ, конечно, сокращалась. Но чтобы он радикально и полностью был готов поменять курс под давлением, этого не было.

Ведущий: *Егор Гайдар — наш гость. Мы как раз делаем мостик от 1991 г., когда Вы вошли, почти возглавили, вторым человеком,*

во всяком случае, или третьим стали в правительстве Бориса Ельцина 6 ноября 1991 г., к нынешнему президенту. Насколько президент Путин, который по своему базовому образованию, воспитанию, профессии, наверное, так же, как Ельцин, далек от тех экономических дефиниций, насколько Путин тоже правый, тоже понимающий реформы человек, как Вам кажется?

Егор ГАЙДАР: Во-первых, просто за эти 10 лет страна прошла огромный период обучения рыночным реалиям, рыночной экономике, причем, как на микроуровне: что такое предприятие, что такое маркетинг, что такое аудит, финансовое планирование, — так и на макроэкономическом уровне. Если Вы сегодня перечитаете, скажем, мои выступления 1991 г., Вы увидите, что они отнюдь не сложны (в чем меня упрекали). Они предельно просты, более того, банальны для подавляющего числа людей, которые сегодня разговаривают и пишут об экономике, отнюдь не для экономистов. Вот эти 10 лет радикально поменяли видение элитой экономики. Она 10 лет назад не понимала, что такое рыночная экономика, как она работает, а сейчас в общем понимает. И естественно, это отражается на людях понимающих. Ельцин к концу своей работы гораздо лучше ориентировался в рыночной экономике, чем вначале. У Путина плюс к тому был опыт работы в Питере, практической работы. И за 1,5 года его президентства повестка дня, основные вопросы, структурные реформы показывают, что, на мой взгляд, у него есть очень четкое видение того набора проблем, которые надо решить для того, чтобы сделать российскую экономику устойчиво растущей.

Ведущий: *Дипломатичный ответ. Давайте продолжим. Мы видим, что президент, с одной стороны, вносит вполне рыночный закон, он от имени президента вносится в Государственную думу, а с другой — президент говорит все время об укреплении государственного влияния, государства в экономике, о контроле и т.д. Где настоящий Путин, с Вашей точки зрения?*

Егор ГАЙДАР: На мой взгляд, если говорить не о словах, а о том, что делалось, в этом нет противоречия. Правительство Путина–Касьянова никогда не предпринимало никаких действий, которые связаны с попыткой внедриться в некие вредные и антирыночные способы госуправления. Конечно, если укрепление государства — это выполнение законов, это ситуация, при которой у нас нет ре-

гионов, в которых либо выполняются, либо не выполняются федеральные законы, это прекрасно для рынка, потому что у рынка должны быть понятные правила, понятное законодательство. Когда говорится, что укрепление государства — это казначейское исполнение бюджета, в том числе в силовых ведомствах, это на самом деле укрепление государства, это вполне рыночная мера. Когда бы и если бы сказали, что мы будем вводить селективную промышленную политику и вот теперь выделим 85 предприятий, которым будем давать миллиарды долларов для того, чтобы они стали локомотивами роста, я никогда не верил в эффективность такой политики у нас, по крайней мере, в России. Но правительство ничего подобного и не делает. Так что здесь я не вижу противоречий. Да, шла речь о необходимых реформах для того, чтобы сделать экономику устойчиво растущей, и речь шла о том, чтобы государство выполняло свои функции.

Ведущий: Возьмем последнее решение Путина о создании финансовой разведки, его знаменитую фразу на форуме (да, уже Егор Тимурович улыбается, говорю я слушателям), — фразу, которую можно сравнить по образности с «мочить в сортире», про банковскую тайну. А она у нас была? И одновременно создается финансовая разведка, во главе которой, предположим, ставится верный, порядочный человек, но тем не менее я знаю, что очень многие бизнесмены, и не только, озаботились самим этим фактом.

Егор ГАЙДАР: Ну если уж так честно говорить, у нас не было другого выхода, потому что в условиях, когда мир изменился, особенно после 11 сентября, и когда очень серьезные усилия цивилизованного сообщества будут направлены на то, чтобы поставить ограничения на пути нелегального перетока денег, на пути отмывания денег, отказ сотрудничать приводил и привел бы к набору серьезных экономических неприятностей, которые, по всей видимости, перевешивают те неприятности, которые могут последовать от создания финансовой разведки. Другое дело, что, конечно, когда в России делаешь подобного рода вещи, надо понимать, что мы, Россия, очень молодая демократия и не все, что безвредно, скажем, в Европе, будет безвредно у нас. Мы, скажем, в Налоговый кодекс заложили одну вещь, абсолютно беспрецедентную для мирового налогового законодательства, мы заложили принцип презумпции невиновности налогоплательщика, чего вообще нигде нет. Мы его

заложили, и на самом деле ничего страшного не произошло. Более того, как Вы знаете, налоги собираются намного лучше просто потому, что наши налоговые органы введены в некие разумные правовые рамки. Для России мы поставили набор осмысленных ограничений против рэкеты, вымогательства и т.д. И не надо думать, создавая финансовую разведку, что если мы просто скопируем ее с какой-нибудь приличной цивилизованной европейской страны, не подумав о том, что у нас другая бюрократия, то это будет безопасно. Это может быть опасно.

Ведущий: *Какие же чипы безопасности должны быть там встроены?*

Егор ГАЙДАР: Во-первых, там должны быть очень жесткие меры ответственности по обеспечению информационной закрытости этой системы, это самое главное. Главное — не допустить того, чтобы она стала инструментом сведения коммерческих счетов.

Ведущий: *Возьмем другой эпизод деятельности Путина в экономической сфере, я имею в виду Земельный кодекс. Он стал предметом компромисса. И хотя у президента была вполне управляемая Дума и более-менее управляемый Совет Федерации, тем не менее президент пошел на компромисс и не до конца выполнил свои обещания, данные им инвесторам, в частности, в Канаде, о том, что земля войдет в оборот. Вот насколько это политический шаг? Или он экономически тоже считает, что эта земля наша и продавать землю, родину нельзя?*

Егор ГАЙДАР: Во-первых, это вопрос, на который ему ответить гораздо легче, чем мне.

Ведущий: *Мы его спросим, но как Вам кажется?*

Егор ГАЙДАР: Мне кажется, что это политический компромисс. Политика — это всегда искусство компромисса. И не надо переоценивать на самом деле меру его контроля за Думой. Да, если Путин скажет, что ему в общем на все остальное наплевать, что у него нет никаких других задач, а есть одна-единственная задача в этом году — принять закон об обороте сельхозземель, то можно, наверное, выстроить в Государственной думе коалицию так голосов в 230–235, которая этот кодекс проведет. Но, во-первых, за это очень дорого будешь платить, причем в разных областях. Это будет очень хрупкая коалиция. Скажем, мне показалось, что есть смысл рискнуть и попытаться создать такую коалицию и принять сразу и Земель-

ный кодекс, и специальное законодательство по обороту сельхозземель, потому что это действительно важное направление. Но я прекрасно понимаю политические аргументы против этого.

Ведущий: *Еще один вопрос связан с бюджетом, который сейчас обсуждается и принимается. Все следят, кто более, кто менее профессионально, за ценами на нефть. И бюджет верстался, когда нефть была 22–23 долл. за баррель. Сейчас российская нефть котировается вокруг 18 долл. за баррель. Президент грозно в понедельник на встрече с соответствующими министрами требует принять решение, доложить ему о решении. Касьянов собирает совещание. Насколько критичны для российского государства это сидение на трубе и зависимость от этой цены? И что делать?*

Егор ГАЙДАР: Да, критично. Давно критично, с 1960-х гг. стало критичным. И, к сожалению, будет критичным — по крайней мере в идеальном варианте развития событий — еще несколько лет точно, вероятно, не меньше 10 лет. Надо иметь экономическую политику, систему институтов, которые приспособлены к колеблющимся ценам на нефть, влияющим на наш платежный и торговый баланс и все финансовые балансы. Важнейший инструмент управления такой ситуацией — это создание стабилизационного фонда. И мы предложили правительству принять поправки к бюджетному законодательству, которые институционализировали бы создание стабилизационного фонда в условиях благоприятной конъюнктуры и использование этого фонда в условиях неблагоприятной конъюнктуры. На протяжении последних 2 лет, в 2000–2001 гг., правительство, не имея стабилизационного фонда, в целом сумело построить бюджетную политику таким образом, как если бы он у нас был. Использовать эти доходы в первую очередь для погашения внешнего долга и накопления резервов. Сейчас оно в целом сумело успешно пережить очень тяжелый, кстати, период высоких цен на нефть. Он только внешне кажется легким.

Ведущий: *Конечно, деньги идут в страну.*

Егор ГАЙДАР: На самом деле он очень опасный, и наделать массу ошибок, когда высокие цены на нефть, очень легко. Сегодня надо будет смотреть, как правительство сумеет приспособиться к другой реальности, к вероятному периоду относительно низких цен.

Ведущий: *Подождите. Вам и депутатам Государственной думы, кстати, голосовать за бюджет. Простите дурака, но вот счита-*

ли бюджет по одному и часть денег не должна была уходить в этот стабилизационный, условно назовем, фонд. Сейчас этого стабилизационного фонда почти нет. Значит, придется бюджет пересчитывать?

Егор ГАЙДАР: Нет, бюджет пересчитывать необязательно. Он посчитан так, что там есть существенные элементы гибкости. У нас просто после этого действительно сократятся масштабы мобилизации средств в финансовые резервы. Но там есть некоторые другие вещи, некоторые другие резервы, которые можно использовать. Пока и если мы ориентируемся на цену 18 долл. за баррель, да, проблемы с исполнением бюджета будут, но нет необходимости немедленно его пересчитывать. Когда и если цены на нефть будут существенно ниже 18 долл., конечно, возникнет новая бюджетная ситуация, которая потребует дополнительных решений.

Ведущий: *В связи с этим не могу пропустить проблему 2003 г. Тогда, если цена 18 долл. за баррель удержится, что нас ждет?*

Егор ГАЙДАР: Проблем нет.

Ведущий: *Проблем не будет с выплатой долга, да?*

Егор ГАЙДАР: 18 долл. за баррель — это идеальная для России цена на ближайшие годы и в долгосрочной перспективе. Если бы кто-нибудь нам сказал, что она так и будет в районе 18 долл. за баррель, я бы считал, что большая часть макроэкономических проблем России просто решена. Макроэкономических, не структурных. Проблема в том, что ведь она элементарно может уйти в 10 долл. Мы же видели, что никто толком не прогнозировал, скажем, в 1997 г., что цена на нефть в 1998 г. будет 10 долл., точно так же как никто в 1998 г. не прогнозировал, что в 2000 г. цена будет 25 долл. И особенно в условиях таких резких колебаний на международных финансовых рынках, когда трудно оценить масштаб рецессии в США, когда трудно понять, что будет с японской экономикой, мы, к сожалению, вынуждены закладывать неблагоприятные гипотезы. И здесь что важно и что приятно? Что, конечно, сегодня экономика России гораздо менее уязвима для колебаний цен на нефть, чем в 1997–1998 гг.

Ведущий: *То есть выстроен какой-то вал?*

Егор ГАЙДАР: Да. В некотором смысле. Главное даже не вал. Знаете, что от землетрясений спасают не очень прочные стены, а гибкость конструкций. Вот сегодня наша конструкция, состоящая

из бюджетной, денежной политики, политики валютного курса, гораздо более гибкая, чем та, которая у нас была в 1997 г.

Ведущий: *Гляжу, Вы оптимист, несмотря на нефть, несмотря на какие-то политические компромиссы.*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, я действительно очень боялся периода высоких цен на нефть. Я считаю, что для России это тяжелое испытание по нескольким причинам, потому что возникает проблема быстрого реального укрепления рубля. И в общем в мире все знают, как пытаться с этим бороться, но никто не имеет рецептов, как преуспеть в этом деле. Иначе выработка макроэкономической политики была бы очень легким делом, потому что всегда в условиях очень высоких цен на нефть неизбежно идет давление на наращивание непроцентных расходов. И раньше или позже, если эти высокие цены долго держатся, вы встраиваете непроцентные расходы в текущие обязательства бюджета, как бы забывая о том, что цены упадут и что вы будете делать потом, не ясно. Неизбежно пойдет огромная концентрация свободных ресурсов в руках сырьевых компаний, и неизбежно будет происходить формирование конгломератов. С этой точки зрения я считаю, что, если мы войдем сейчас в период более низких цен на нефть, все будет хорошо.

Ведущий (обращаясь к слушателям): *Программу «Рикошет» мы проводим с Егором Гайдаром. Напомню, сегодня 10 лет, как было создано первое правительство реформ во главе с Борисом Ельциным. И мы предлагаем вам сейчас ответить на один вопрос: за 10 лет реформ, суммарно с 6 ноября 1991 г. по 5 ноября 2001 г., вы получили больше или потеряли больше? Если вы получили больше, причем не только по экономике, вообще вы получили больше, звоните 995–81–21. Если от реформ вы потеряли больше, то звоните 995–81–22. Напомню, что голосовать можно в течение 5 минут, а звонок абсолютно бесплатный. Итак, голосование уже пошло. Вот пока у нас шла самореклама, позвонили уже 200 человек и даже уже 300. Итак, еще раз вопрос: за 10 лет реформ вы получили больше или потеряли больше? Если вы получили больше, звоните 995–81–21. Если от реформ вы потеряли больше, то звоните 995–81–22. Потом, Егор, я надеюсь, Вы прокомментируете итоговые цифры, которые уже за тысячу переваливают. Я хотел бы, пока идет голосование, задать Вам такой вопрос. Полюбилось модное слово «глобализация». Мы сейчас говорим об экономике. И очень многих наших экономистов это*

раздражает, в том числе наших слушателей. Говорят, кризис в Аргентине, Индонезии, Европе — какое нам до этого дело, собственно говоря? Нам бы, извините, продержаться на нефти и газе, я бы сказал так.

Егор ГАЙДАР: На сегодняшний день действительно важнейшим связующим звеном между происходящим в мировой экономике, в том числе в Турции и Аргентине и в российской экономике, является цена на нефть, потому что крупные неприятности, в том числе в развивающемся мире, влияют на общий уровень экономической активности и влияют соответственно на спрос на нефть, на цены на нефть, а через них на наш платежный баланс, бюджет и т.д. Хотя надо сказать, что сегодня зависимость нашей экономики от нефти стала меньше, чем она была в 1997 г. В 1997 г. для нас предельно важно было, как инвесторы оценивают развивающиеся рынки. Тогда то, что произошло в Юго-Восточной Азии, в первое время на нас как бы не сказывалось, но для рынка российских ценных бумаг запустили достаточно катастрофический механизм, который потом очень трудно было остановить. Сегодня события в Аргентине и Турции, как два важнейших очага потенциальной напряженности, в меньшей степени влияют на перспективы российской экономики. Мы достаточно устойчивы к возможным неприятным последствиям в этих странах.

Ведущий: *Уже 3 тыс. человек позвонили за 3 минуты. Напомню вопрос: за 10 лет вы получили больше или потеряли больше от реформ? Если вы получили больше, звоните 995-81-21. Если от реформ вы потеряли больше, то звоните 995-81-22. У вас еще есть 1 минута на звонок. Напоминаю, звонок бесплатный, 3,5 тыс. человек нам уже позвонили. Возвращаясь к деятельности правительства Касьянова, если сравнить с тем, что делало Ваше правительство 10 лет назад, оно называлось реформаторским правительством, можно ли сказать, что правительство Касьянова — это реформаторское правительство?*

Егор ГАЙДАР: Я бы сказал, что да. Мы были в совершенно другой ситуации и решали задачи первого поколения реформ, т.е. запуск рыночного механизма, открытие экономики, начало приватизации, обеспечение конвертируемости рубля, создание инструментов государственности. Нынешнее правительство решает проблему второго поколения реформ: налоговая реформа, законодательство

о пенсионной реформе, бюджетный федерализм, механизмы контроля за госрасходами и т.д. Но в общем преемственность между этими двумя этапами реформ после социализма, конечно, есть.

Ведущий: *Но я знаю, что Ваша фракция в Государственной думе и Вы часто критикуете правительство за недостаточность реформирования.*

Егор ГАЙДАР: Да, мы поддерживаем правительство там, где оно, на наш взгляд, действует энергично, решительно и правильно, и мы всегда критикуем его тогда, когда нам кажется, что есть пробуксовка реформ, есть избыточные компромиссы.

Ведущий: *Последний опрос фонда «Общественное мнение» дает партии СПС 8%. Это много или мало для Вас по России?*

Егор ГАЙДАР: Это прилично. Это столько же, сколько мы получили на прошлых выборах. Это неплохая база. Тем не менее, конечно, мы этим недовольны, мы надеемся на следующих парламентских выборах получить существенно больше.

Ведущий: *Был вопрос, который пришел по Интернету из Питера. У нас вообще очень активными стали в Питере слушатели. Декабрьский съезд СПС: ожидаете ли Вы лично неожиданностей от него и будете ли Вы баллотироваться на пост председателя партии?*

Егор ГАЙДАР: Нет, я не собираюсь баллотироваться на пост председателя партии. Я не жду каких-то сюрпризов. Съезд во многом должен решить организационные и правовые вопросы. Нам нужно привести наш Устав в соответствие с требованиями нового закона, есть там организационные проблемы. Но тем не менее съезд есть съезд, посмотрим.

Ведущий: *Посмотрим. Я обращаю Ваше внимание на цифры. Голосование наше закончилось. Нам позвонили за 5 минут 5042 человека. 50 на 50, ровно! Комментируйте с учетом того, что это Москва, аудитория «Эхо Москвы», и тем не менее 50 на 50. Вы удовлетворены?*

Егор ГАЙДАР: Я в целом удовлетворен. Общество разделено по этому вопросу примерно пополам. Москва дает большую поддержку. Старшее поколение, причем значительная его часть, к сожалению, больше потеряло, чем выиграло. Я, кстати, думаю, что большинство звонков поступило от представителей старшего поколения. То, что общество разделено примерно пополам и по этому вопросу, и по второму фундаментальному — куда дальше-то идти, —

это правда. Мне очень интересно, как бы ответили слушатели «Голоса Парижа» в 1799 г., через 10 лет после начала Французской революции, на такой же вопрос, им заданный. Честно говоря, думаю, что ответ был бы примерно такой же.

Ведущий: *Ну, тогда я Вам алаверды, Егор, в 1799 г. пришел Наполеон.*

Егор ГАЙДАР: Ну, началась постреволюционная стабилизация во Франции. У нас она началась чуть раньше, дело же не в персоналиях.

Ведущий: *Но дело не в персоналиях, а в системе людей, которые приходят.*

Егор ГАЙДАР: А это совершенно неизбежно. Ведь постреволюционную стабилизацию в разных странах возглавляли совершенно разные люди. Вот, Карл Второй возглавлял ее в Англии, он просто был король. Но он возглавлял постреволюционную стабилизацию. Этот вопрос связан не с персоналиями. Революция — страшное испытание для страны, которая через него проходит. Лучше всегда ее избегать. Это ужасная вообще штука, когда национальная элита не способна обеспечить упорядоченное реформирование. И возникает долгий период предельно слабой власти, нестабильности, бурных перемен, слабого выполнения законов, роста преступности. Это всегда связано с революцией в большей или меньшей степени.

Ведущий: *Приходит твердая рука.*

Егор ГАЙДАР: И раньше или позже общество устает от этого и говорит: нам нужно функционирующее государство, мы хотим, чтобы законы какие-никакие выполнялись, мы уже готовы более-менее договориться о контурах постреволюционного мира, о правилах игры в этом мире. И вот тогда происходит усиление власти. И массовые вопросы, которые раньше не решались, причем сильными персоналиями, Кромвель отнюдь не был слабее, чем Карл Второй, тем не менее Кромвель не мог решить задачу роспуска постоянной армии, а Карл Второй элементарно ее решил.

Ведущий: *А в этом смысле Путин ближе к Наполеону, Кромвелю или Карлу Второму?*

Егор ГАЙДАР: На мой взгляд, совершенно бессмысленный, прошу прощения, вопрос, потому что дело не в персоналиях.

Ведущий: *Главное, чтобы ответ не был бессмысленным.*

Егор ГАЙДАР: Вопрос не в персоналиях. Разные задачи. Англия после революции была одно государство с одними проблемами, Франция — другое, СССР после революции — третье, а мы сегодня — четвертое. У нас разные задачи создания институтов, выбора приоритетов. Что важно? Важно то, что на этапе постреволюционной стабилизации возникает резкое расширение свободы маневра. До революции и в ходе революции она была узенькой, потому что слабая власть. А дальше можно пойти очень разными путями. Можно взять и через некоторое время укрепить вторично крестьян, как это сделал Сталин, тоже возглавлявший постреволюционную стабилизацию. А можно взять и начать вводить в России очень энергичные, достаточно радикальные прорыночные реформы. Мне кажется, что пока общий вектор движения у нас позитивный. Но дальше, конечно, только время покажет.

Ведущий: *Один из вопросов, который не обойти, потому что Россия воюет (как бы это не называть — контртеррористической операцией в Чечне или в Афганистане), армия воюет или готовится к войне. И в Таджикистане стоят наши войска на всякий случай, и там базы выводятся, открываются, и такое ощущение, что за 10 лет реформа-то армейская не началась. И мы слышали о том, что СПС готовит предложение по реформе. Немцов с этим выступал, президент давал распоряжение. Но в чем суть этого, мало кто, наверное, знает, за исключением Вас, Егор.*

Егор ГАЙДАР: Мы действительно готовили и готовим свои предложения в первую очередь по реформе системы комплектования Вооруженных сил. И они были доложены президенту, он дал поручение. Сейчас мы довольно активно работаем и с Минфином, и с Минэкономики, с Генштабом, потому что понятно, что, если эта реформа будет, это не будет реформа Гайдара или СПС, это будет реформа президента Путина, правительства Касьянова, наших силовых структур. Это единственный способ провести подобного рода реформу. В чем суть проблемы, которую мы пытаемся решить? Она предельно проста. У нас крайне неэффективная система комплектования.

Ведущий: *Призыв.*

Егор ГАЙДАР: Да, но у нас 88% призывного контингента имеет отсрочки, призываем мы 12%. Сложился рынок по освобождению детей от армии, он стоит довольно дорого. Поэтому получаем

в армию 12% как раз из тех семей, которые не имеют необходимых ресурсов или не могут освободить своих детей от армии. Соответственно мы получаем очень слабый призывной контингент, больной, плохо образованный, плохо обученный. Получили соответствующую армию и по существу очень несправедливый налог на бедных и слабых. Многие думают: «Ну, хорошо, ну, в конце концов, это сегодня есть и вчера было, ну, плохо, ну, дедовщина там, ну вот так сложилось».

Ведущий: *Ничего с этим не сделаешь.*

Егор ГАЙДАР: Да. Но достаточно посмотреть демографическую статистику и увидишь, что, собственно, дальше у нас будет. До 2005, 2006 гг. эта система в таком виде более-менее может функционировать. А с 2006 г. у нас начинается резкое сокращение призывного контингента. 2006 год не за горами. Это значит, что до 2006 г. вы должны либо провести военную реформу и изменить систему комплектования, либо сказать, что армию мы вообще распускаем. Либо тогда встанет вопрос — обязательно Минобороны его поставит, — что давайте отменим все эти отсрочки, давайте всех забирать, всех учащихся, всех студентов и т.д. Вот к чему все идет. И поэтому у нас отнюдь не много времени для изменения положения. Что мы, собственно, предлагаем? Мы предлагаем разделить армию на два разных типа частей. Первый тип — регулярная армия. Это те, кто при необходимости воюет в Чечне, несет боевое дежурство у ракет, плавают на кораблях и т.д. Это части боевой готовности, способные выполнять боевые задачи. И второй — это система подготовки военно-обученного резерва.

Ведущий: *То есть это резервисты.*

Егор ГАЙДАР: Да, куда мы призываем не на 2 года, а на полгода. Полгода — это значит, что его нельзя послать в Чечню воевать, это значит, что там один призыв, соответственно там нет дедовщины. И тогда мы снимаем фундаментальную проблему, от которой военные всегда убегали, когда мы обсуждали вопросы профессиональной армии. Профессиональная армия предполагает, что у нас нет военно-обученного резерва. А для нашей страны довольно сложно не иметь его. По крайней мере, как фактор сдерживания он нам нужен. И в этом смысле мы делаем то, что сделали с подоходным налогом, вместо того чтобы иметь очень высокий, неравномерный, с кучей изъятий подоходный налог, мы ввели низкий, но для всех подоходный налог. И на-

чали платить. Вот наши опросы показывают, что при переходе к такой системе комплектования мы можем прежде всего получить необходимое количество контрактников. Ведь сам призыв на 6 месяцев — это система подготовки и отбор контрактников.

Ведущий: *То есть если ты захотел служить после 6 месяцев, ты уже подписываешь контракт.*

Егор ГАЙДАР: Да, и идешь служить на 3 года. Мы (ВЦИОМ) провели опрос на большой выборке, посмотрели, сколько денег надо платить, чтобы получить надежно то количество контрактников, которое нужно. Провели финансовые расчеты, обоснования, сейчас вместе с Минфином их досчитываем, потому что есть, конечно, масса вещей, которые только государственные органы могут адекватно оценить. По нашим расчетам, это посильно для России и ее бюджета, если мы говорим о важнейшем государственном приоритете, о том, что радикально изменит отношение общества к армии и создаст нам другую армию.

Ведущий: *То есть вот эта часть армии постоянной готовности станет практически добровольной?*

Егор ГАЙДАР: Она просто станет добровольной, при том что, конечно, там будут офицеры, там будут контрактники.

Ведущий: *В связи с этим какова была реакция президента, если Вы можете сказать, а также силовых структур: Генштаба, Минобороны? Перелом, согласитесь.*

Егор ГАЙДАР: Да. Это важная реформа. Мне кажется, что абсолютно необходимая. Мы вели работу и постепенно сближали позиции, слушали аргументы, учитывали их в своих предложениях и расчетах. Где-то в середине ноября должно состояться совещание в правительстве. Я надеюсь, что оно пройдет конструктивно. Разумеется, там никакого окончательного решения принято быть не может, но решение о подготовке неких согласованных соглашений, проработанных в полном объеме с финансовой точки зрения и с точки зрения организационной, я надеюсь получить к концу этого года.

Ведущий: *Вот из разных источников стало известно, что, скажем, Генштаб рассматривает благожелательным глазом, а Минобороны — недоброжелательным.*

Егор ГАЙДАР: Нет, все на самом деле сложнее. Понимаете, люди отвечают за важный участок нашей жизни, и отвечают не так, что

я вот что-то сказал, а потом что-то получилось, что-то нет, а я отошел в сторону. Они действительно за это отвечают. И там есть ответственные люди, их немало. Поэтому они, конечно, прежде чем выработать свою позицию, хотят получить ответы на весь комплекс важнейших вопросов: как это будет работать? появятся ли контрактники? сколько это будет стоить? как это организационно обеспечить? откуда возьмутся деньги? как перестроить систему обучения? сколько потребуются дополнительно учебных центров? как в этом случае перестраивать процесс подготовки кадров? Все это серьезные вопросы, требующие проработки. Я бы не сказал, что у нас сегодня идет схватка сторонников и противников реформы. Мне кажется важным, что нам удалось перевести дело в разговор людей понимающих, что реформа нужна, и обсуждающих вопросы о том, когда ее проводить, в каких организационных формах и сколько это будет стоить.

Ведущий: *И сразу вопрос: какие будут последствия? Я имею в виду, что до сих пор очень многие старики вспоминают, по их мнению, хрущевское сокращение, когда офицеры в результате сокращения армии оказались на улице. Можно вспомнить и вывод советских войск из Германии. Вот комплектовать — одно, а декомплектовать? Это рассматривается, просчитывается?*

Егор ГАЙДАР: Это есть в уже принятых решениях Совета безопасности, есть соображения о сокращении численности Вооруженных сил в период 2001–2004 гг. И там предусматривается цифра по сокращению числа мичманов и прапорщиков, офицерского состава. С офицерским составом у нас, конечно, проблемы перевернутой пирамиды — у нас довольно мало младших офицеров и непропорционально много старших. В очень большой степени проблема может быть решена на основе своевременного перевода на пенсию. Это прорабатывается и в некотором смысле решено. Но это за рамками наших предложений. Мы обсуждаем проблему комплектования Вооруженных сил не офицерами, а в первую очередь солдатами и сержантами.

Ведущий: *И последний вопрос. Завтра 7 ноября, красный день календаря¹. И последний опрос (ФОМа или ВЦИОМа, не помню, но они*

¹ 7 ноября (25 октября по старому стилю) произошла Октябрьская революция в России и власть была захвачена большевиками. — *Прим. ред.*

близки) показывает, что все большее количество людей начинают к этому дню по-другому относиться. По-моему, цифры такие: если в 1991 г. 22% считали, что это большой революционный праздник, это выходной день и т.д., то сейчас 37% считают, что это революционный праздник, 10% считают, что это трагедия. Такой рост исторической ностальгии. Как Вы к нему относитесь?

Егор ГАЙДАР: Я его бы не драматизировал. Просто в 1991 г. крайне малоприятные реалии позднесоветского времени были у всех перед глазами, а сегодня они как бы стерлись за дымкой лет и приобрели ностальгические оттенки. Вы знаете, что довольно много людей искренне считали, что война была самым счастливым временем в их жизни: тогда были молоды и т.д. Я думаю, что это не страшно. Гораздо важнее то, что на последних выборах 1999 г. не было ни одной серьезной политической силы с любыми шансами пройти в парламент, которая бы сказала: «Ну все, эксперименты с рынком у нас не удались, мы сейчас снова построим социализм». Даже коммунисты не решались выйти с этим. А это уже не вопрос ностальгии, это вопрос серьезного политического выбора. Да, рынок несовершенен, да, может быть, нам нужен другой рынок, как говорят наши политические оппоненты, но только вот никто не готов сказать, что никакого рынка нам больше не надо, а надо вернуться в социализм. Мне кажется, это гораздо важнее.

Ведущий: *Спасибо! Егор Гайдар был гостем «Эха Москвы».*

Долгосрочные проблемы экономического роста

Радиостанция «Эхо Москвы». 18 марта 2002 г.

Ведущий — Алексей Венедиктов

Ведущий: *Добрый день! Гость нашего прямого эфира Егор Гайдар.*

Егор ГАЙДАР: Здравствуйте!

Ведущий: *Договаривались мы давно, но события пятницы, как всегда, переменили немного ход нашей беседы. И первый мой вопрос, безусловно, связан с комментариями по поводу отставки Виктора Геращенко, вторая часть вопроса — предложение назначить на этот пост г-на Игнатьева, которого Вы хорошо знаете.*

Егор ГАЙДАР: Отставка Геращенко. Я думаю, что это правильно, позитивный шаг. Виктор Владимирович в последние 3 года работы во главе ЦБ, на мой взгляд, проводил достаточно разумную, взвешенную курсовую денежную политику. Вместе с тем было абсолютно очевидно, что он откровенно не хочет заниматься проблемами, связанными с банковской реформой. И видите ли, надо понимать причины этого. Дело не в том, что он не понимает, что банковская реформа важна и что в банковской системе у нас серьезные проблемы и что надо делать. Но банковская реформа, как только мы спускаемся с небес на землю, начинаем обсуждать ее конкретно, — это такие вопросы, как повышение требований достаточности капитала, прозрачности банков, банковской отчетности, повышение требований по минимальному капиталу. Соответствие этим требованиям отсекает от банковской системы значительную часть, которая нежизнеспособна в нормальных условиях, но в которой очень много банков, не все, но много банков, связанных с криминалом, соз-

данных для отмывания денег, для уклонения от уплаты налогов. Вот представьте себе: Вы начинаете этим заниматься и наживаете колоссальную армию жестких, опасных врагов. Вам хочется этим заниматься?

Ведущий: *Ну, конечно, нет.*

Егор ГАЙДАР: Нормальному уже немолодому человеку не хочется. И всегда найдется масса причин, почему этого не надо делать, отложить до бесконечности и т.д. А вместе с тем слабость отечественной банковской системы все очевиднее становится важнейшей преградой на пути распределения финансовых ресурсов, на пути экономического роста.

Ведущий: *То есть отставка Геращенко — это смена политики?*

Егор ГАЙДАР: На мой взгляд, это создание предпосылок для появления у нас политики в области банковской реформы. Я очень хорошо знаю Сергея Михайловича Игнатьева, много-много лет, года с 1984-го, читал его работы, потом лично познакомился, работали вместе.

Ведущий: *Питерский.*

Егор ГАЙДАР: Ну, Вы знаете, этот анекдот я слышал за последние 3 дня много-много раз, что если бы надо было выбирать из питерских, то не было лучшей кандидатуры. На мой взгляд, вообще было трудно придумать лучшую кандидатуру.

Ведущий: *Почему?*

Егор ГАЙДАР: Во-первых, потому что это очень высококвалифицированный человек, прекрасно понимающий российскую макроэкономику и российскую денежную политику, причем не из учебников, а из практической работы. Он работал и замминистра финансов по денежной политике, и зампредом ЦБ по денежной политике, вел финансовую и денежную политику в Минэкономике, работал помощником президента, потом долгие годы первым замминистра финансов и вел в том числе банковскую проблематику, т. е. у него очень глубокое знание темы. Во-вторых, он все эти годы сохранял оправданную репутацию абсолютно порядочного человека, не только не склонного к каким бы то ни было формам неконфиденциального поведения, но и не замеченного в каком бы то ни было лоббизме, т. е. он абсолютно квалифицированный и очень порядочный человек плюс к этому спокойный и взвешенный. Банковская система действительно требует серьезных изменений, но эти

изменения не требуют никаких революционных потрясений. Сергей Михайлович и по духу, и по характеру человек достаточно консервативный. Именно поэтому я жду от него политики, но не жду никаких революций, которые нам сегодня были бы не нужны.

Ведущий: *Вы упустили один из аспектов. Все-таки ЦБ призван вести активную деятельность и на международной арене. Насколько г-н Игнатьев к такой работе готов?*

Егор ГАЙДАР: Прекрасно. Он давным-давно знает международные банковские и иные финансовые институты, он прекрасно знает и много раз вел переговоры с МВФ, с Мировым банком, его там хорошо знают, у него прекрасная репутация.

Ведущий: *Такая форма, как скоростная отставка в пятницу вечером, в момент, когда депутаты обсуждают поправки в Закон о ЦБ, носит характер демонстрации со стороны как г-на Геращенко, так и президента. Считаете ли Вы, что эти поправки, которые обсуждаются, за которые Вы будете или не будете голосовать как депутат Государственной думы, действительно являлись для Геращенко оселком, на котором он проверял свою возможность дальше работать?*

Егор ГАЙДАР: Я не знаю. Это надо спрашивать, конечно, у Виктора Владимировича.

Ведущий: *Как Вам кажется?*

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что дело было не совсем в этом. Мне кажется, что у президента довольно давно вызрело представление о том, что руководство ЦБ нуждается в укреплении. Он долго думал о том, если я правильно понимаю, кто может и должен быть преемником. А дальше работает стиль принятия решения. Вы ведь хорошо знаете систему слухов в Москве, знаете, что в последние месяцы активно ходил слух, что Геращенко предложат остаться на второй срок. Слух этот исходил из информированных источников. А на самом деле источники оказались неинформированными. На самом деле я думаю, что роль президента в этом решении была не последней. А дальше просто происходит очень быстрый процесс принятия решения, когда президент что-то решил, все делается за 2–3 дня. Это не 3-месячный процесс консультаций, согласований.

Ведущий: *Что тянуть-то, да?*

Егор ГАЙДАР: Все правильно. Иногда можно сколько угодно думать, но есть какие-то вещи, скажем, относительно смены предсе-

дателя ЦБ, когда процесс уже запущен, то, чем быстрее это проходит, тем меньше эмоциональный ущерб для финансовой системы, связанный с периодом неопределенности.

Ведущий: *Вы считаете возможным, что на этой неделе Сергей Игнатьев будет утвержден?*

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что да. Кстати говоря, это правильно, потому что опять же длинный период неопределенности здесь крайне вреден.

Ведущий: *Но Дума проголосует?*

Егор ГАЙДАР: Судя по тому, что я слышал от представителей разных фракций, да.

Ведущий: *Вы сказали, что не ждете никаких изменений, но если упростить, понятно, что это может вызвать у Вас улыбку, но я пытаюсь упростить выражение. Известно было, что г-н Геращенко был противником девальвации и сторонником крепкого рубля. Во всяком случае он это заявлял. Мы знаем позицию г-на Илларионова, советника президента, который, я думаю, писал свое заключение на снятие-назначение нового председателя ЦБ, иначе зачем нужен такой советник, известно, что он является сторонником девальвации, я опять огрубляю, и ослабления рубля. В тех первых интервью, которые г-н Игнатьев дал вчера газетам «Время новостей» и «Ведомости», очень трудно его понять. Он-то сторонник чего в этом отношении? Каковы могут быть последствия для потребителя? Что Вы по этому поводу можете сказать?*

Егор ГАЙДАР: Во-первых, я понимаю, что эти темы приходится обсуждать в крайне упрощенном виде. Такая предельно упрощенная постановка вопроса почти беспредметна, потому что курсовая политика по природе для России стационарна. Когда у вас цена на нефть 25 долл. за баррель, то у вас один набор проблем в области курсовой политики. Когда цена 15 долл. за баррель — другой набор проблем. И разные политики для вас разумны. Например, когда у вас 15, для вас разумна политика слабого рубля, когда 25, вы ее и не проведете толком, как бы ни старались, хоть на голове будете стоять, у вас не получится. Управлять номинальным курсом рубля легко, а реальным очень трудно¹. В связи с этим я думаю, что поли-

¹ Острота регулирования курса рубля определялась (и определяется) значительными поступлениями в страну твердой валюты от сырьевого экспорта в условиях роста мировых цен. Это приводило

тика, которую будет проводить Игнатьев, во-первых, будет разумной, а во-вторых, будет достаточно инерционной.

Ведущий: *То есть все-таки инерционной?*

Егор ГАЙДАР: В этой области она будет достаточно инерционной. Это не значит, что, когда ситуация и конъюнктура изменятся радикально, опять же когда нефть будет стоить 30 или 15 долл. за баррель, не потребуются существенных изменений политики, но вот в рамках того, что происходит сейчас, в рамках существующего торгового баланса, я думаю, что она будет достаточно инерционной. Тем более мы видим, что сейчас инфляция на самом деле достаточно быстро замедляется, и в связи с этим возможность проведения политики, направленной по крайней мере на минимизацию темпов укрепления роста рубля, — это главная задача, которая перед нами стоит. Очень трудно эту задачу решать в условиях относительно благоприятной нефтяной конъюнктуры — не допускать быстрого укрепления рубля. Я думаю, что сейчас весь набор инструментов, который есть в руках Минфина и ЦБ, надо направить на ее решение.

Ведущий: *Вы сами затронули нефтяную тему, поэтому не могу пройти мимо. События этой недели: вчера-позавчера Христенко заявил о том, что Россия до 1 июня продолжит ограничивать продажу нефти. Это правильно? Как Вы считаете как экономист? Есть люди, которые считают, что это неправильно, Михаил Ходорковский например. Есть люди, которые считают, что это правильно. Мы знаем позицию Алекперова. А с Вашей точки зрения как экономиста, это правильное решение — ограничивать поставки до начала лета?*

к высокому спросу на валютном рынке со стороны экспортеров на рубли, которые были им необходимы для расчетов с бюджетом, с персоналом и покупок внутри страны. Соответственно рубль укреплялся, а твердая валюта теряла в цене. Чтобы противодействовать укреплению номинального курса рубля, Центральному банку было достаточно покупать часть валюты на рынке, снижая повышенный спрос. В этом смысле управлять номинальным курсом легко. Но, покупая валюту, Центробанк выпускал в обращение на соответствующие суммы дополнительные рубли, денежная масса росла, способствуя повышению инфляции или тормозя ее снижение. А инфляция подстегивала укрепление реального курса рубля. Достоверно определить, в какой мере дополнительная денежная масса повлияет на динамику инфляции и изменение реального курса рубля, практически невозможно. Поэтому и говорится о том, что управление реальным курсом рубля является очень трудной задачей. В свою очередь укрепление рубля снижает эффективность экспорта и относительно удешевляет импорт, затрудняя конкуренцию с ним отечественного производства, влияет на поведение людей особенно при выборе валюты, в которой хранятся сбережения. — *Прим. ред.*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, это тоже вопрос, на который нет однозначного ответа.

Ведущий: *Но вот сейчас?*

Егор ГАЙДАР: Есть серьезные аргументы «за», есть серьезные аргументы «против». Та позиция, которую заняло сейчас российское правительство, мне кажется довольно разумной. Мы в общем демонстрируем свою волю к кооперации и сотрудничеству с ОПЕК, одновременно не беря на себя каких-то формальных обязательств, сохраняем гибкость и свободу рук. Ведь что важно? Если, скажем, будет видно, что результатом сохранения нынешних квот является существенный дальнейший рост цены на нефть, тогда, конечно, нам нужно выходить из режима самоограничения, увеличивать экспорт, потому что России в отличие от ОПЕК не нужны цены на нефть, которые превышают 23–24 долл. за баррель. Объективно, экономически, с точки зрения перспектив курсовой политики, развития промышленности такие цены на нефть для нас вредны. Да, бюджету легче немножко, но с точки зрения более широкой перспективы это для нас проблемы. Точно так же нам не нужны цены 10 долл. за баррель. У нас коридор, который нам нужен, просто немного другой, чем коридор, который нужен, скажем, Саудовской Аравии. Он ниже. Им желательно было бы иметь 24–25 долл. за баррель, хорошо 30, но они могут прожить и при 10 долл. А вот нам желательно, чтобы цена колебалась между 16 и 23. И если конъюнктура мировая будет хорошей и будет видно, что высокие цены на нефть становятся объективным препятствием к экономическому росту в мире и создают опять же проблему для нас с курсом, тогда, конечно, надо выходить как можно быстрее из ограничений и наращивать экспорт. Если мы будем видеть, что конъюнктура все-таки достаточно слабая, рост неустойчивый (на самом деле спрос на нефть растет очень медленно), тогда сохранение кооперации с ОПЕК для нас разумная политика.

Ведущий: *Вы знаете, что неоднократно делаются заявления, прежде всего американцами и их союзниками, о возможности удара по Ираку. Я в связи с этим ставлю вопрос о том, как это может отразиться на российской нефти и на ценах.*

Егор ГАЙДАР: Ограничение экспорта иракской нефти — это то, что России чисто прагматически приносило очень большие дополнительные доходы. Больше, чем Россия, мало кто заинтересован

в том, чтобы этот режим был сохранен. Не потому, хорош он или плох, просто будем говорить о прагматических наших интересах.

Ведущий: *То есть нам выгодны санкции против Ирака?*

Егор ГАЙДАР: Объективно да. Ну, наша позиция против, категорически против режима санкций, но с чисто экономической точки зрения для России санкции выгодны. Конфликт нам объективно невыгоден, потому что конфликт — это дестабилизация рынка, падение и т.д. В российских интересах минимизация колебаний цен на нефть. Именно потому, что мы не только нефтяная страна, мы не хотим оставаться только нефтяной страной, для нас важны вопросы развития и создания баз для развития других отраслей, нам нужно минимизировать фактор неопределенности, связанный с масштабными колебаниями цен на нефть. Вот если будет открытый конфликт в Ираке — это то, что нам предельно невыгодно.

Ведущий: *И уж коли мы опять заходим с другой стороны, вот это замечательный стальной шампур для американских птичек¹. Как эксперт, как человек, который возглавлял российское правительство, все-таки объясните, в чем суть конфликта торгового. И по стали, и по птичкам.*

Егор ГАЙДАР: Суть конфликта по стали предельно проста. Американская сталелитейная промышленность находится в глубоком кризисе, в первую очередь по собственным причинам, вообще не связанным ни с какой мировой конкуренцией. А связано это с тем, что давным-давно крупная американская промышленность не сумела адаптироваться, давным-давно она отстала по всем показателям экономичности использования ресурсов. Отставание началось с 1950-х гг. Давным-давно там росла доля рентабельных металлургических мини-заводов, и в первую очередь именно они отбирали рынок у крупных производителей стали. Маленькие заводы, часть из них рентабельна. Но там сильное стальное лоб-

¹ Речь идет о поставках в Россию американских замороженных куриных окорочков, получивших название «ножки Буша», после подписанного об этом торгового соглашения между Михаилом Горбачевым и Джорджем Бушем-старшим. На Россию приходилось порядка 40 % экспорта окорочков из США, и обе стороны использовали этот фактор как рычаг политического давления. В 2002 г. ввоз «ножек Буша» в страну был запрещен в связи с обнаружением в них бактерии сальмонеллы. В ответ США пригрозили повысить пошлины на экспорт стали и не отменять дискриминационную поправку Джексона-Вэника. Через месяц запрет был снят. Осложнения возникали и в последующем. — *Прим. ред.*

би крупных фирм, мощная группа интересов, скоординированная в отличие от потребителей металла. Давление этого лобби внесло существенный вклад в победу республиканцев в последней президентской кампании. Традиционно демократические голоса отошли республиканцам в том числе и потому, что они обещали позаботиться о сталелитейной промышленности.

Ведущий: *То есть это предвыборные обещания?*

Егор ГАЙДАР: Да. Решение ужасное с экономической точки зрения, для США ужасное, мы-то переживем. Для США очень плохое, потому что это серьезный удар по потребителям, по конкурентоспособности американских потребителей. Есть серьезные шансы, что они потеряют больше рабочих мест в других отраслях, чем сохранят в металлургии. Ужасное с точки зрения позиции по переговорам по ВТО, по следующему раунду, потому что быть чемпионом в деле открытости экономики, одновременно давая такие сигналы партнерам, как-то очень сложно. Такова чисто внутривнутриполитическая вещь, защита отечественного товаропроизводителя, которая наблюдается, когда мы обсуждаем вопросы, связанные с санкциями, с протекционизмом. Как правило, это все вредно для собственной экономики

Ведущий: *То есть это защита отечественного производителя?*

Егор ГАЙДАР: Да. Вредная для своей экономики, но побуждаемая в данном случае внутривнутриполитическими обстоятельствами. Для Европы, Бразилии, Японии, для нас это тоже порождает серьезные неприятности, причем не только из-за американского рынка, но и потому, что совершенно неизбежно запускает дальше волну ограничений по другим рынкам. Важнейшим фактором, который в свое время усугубил Великую депрессию, были начало закрытия рынков и крах мировой торговли.

Ведущий: *В конце 1920-х?*

Егор ГАЙДАР: В конце 1920-х — начале 1930-х. Кстати говоря, запустили его американцы тогда, приняв соответствующий закон. Я не жду сейчас ничего подобного, но то, что вся линия на открытие рынков серьезно ослабла, — это абсолютно очевидно. Окорочка мы действительно покупаем, у нас один из самых свободных сейчас сельхозрынков. Это создает некие проблемы для нашей страны и дает некие преимущества, потому что все, что связано с открытием рынка, как правило, приносит серьезные выгоды потребителям.

То, что у нас открытый рынок, значит практически, что субсидируемое американцами и европейцами продовольствие идет российскому потребителю. Я думаю, что общий объем субсидий, которые получил российский потребитель от американского и европейского бюджета по аграрному рынку, существенно больше объема кредитов, которые мы когда бы то ни было получали по линии МВФ. Хотя понятно, конечно, что это создает проблемы нашим производителям. Сейчас, когда у нас институциональная ситуация в аграрном секторе немного стабилизировалась, когда возникли предпосылки для роста рыночно ориентированных предприятий, а в последние год-два-три это стало совершенно ясно, и когда наметились явные признаки роста в аграрном секторе, нужен если не такой жесткий протекционизм, то хотя бы набор мер, которые позволяют ограничить конкуренцию на нашем рынке для тех стран, которые активно субсидируют свое сельское хозяйство и аграрный экспорт. Это путь к созданию равных правил игры. Я не хочу конкретно говорить о «ножках Буша», но некоторые меры, направленные на противодействие демпинговому экспорту в Россию, — это почти неизбежная сейчас политика.

Ведущий: *То есть Вы не сильно верите, что это техническая проблема, как об этом заявляют? Хотя она, наверное, есть, но все-таки.*

Егор ГАЙДАР: Поскольку я не представляю сейчас исполнительную власть, то мне в такие совпадения верится с трудом.

Ведущий: *Считаете ли Вы, что торговые войны, а торговые войны в общем-то идут и внутри ЕЭС, мы знаем, и между Европой и странами других континентов, что это нормально для современного рынка? И какие еще ожидают Россию в ближайшее время опасности? Или не опасности?*

Егор ГАЙДАР: Торговые войны — это неприятное явление. Оно почти неизбежно. Они практически никогда не связаны с осмысленным экономическим выбором. Обосновать с экономической точки зрения целесообразность любых решений, связанных с началом торговых войн, практически невозможно. Они почти всегда связаны с внутренней политикой и с лоббированием отдельных групп интересов. Но так как у всех есть эти группы интересов, они есть в США, в Европе, в Японии, все к этому привыкли, и процесс торговых переговоров — это всегда вопрос минимизации ущерба.

Ведущий: *И в связи с этим, если можно, Вашу позицию по поводу автомобилей, иномарок, введения пошлин¹. Вы депутат, Вы будете принимать тоже какие-то решения. Вот эта история — старые иномарки, новые — вообще тоже протекционизм?*

Егор ГАЙДАР: Конечно, это протекционизм. Это тот же самый вопрос о том, какую позицию нам занять в стратегии развития собственной автомобильной промышленности и в защите собственных потребителей.

Ведущий: *А это не всегда совпадает.*

Егор ГАЙДАР: Это чаще всего не совпадает. С точки зрения потребителей, лучше всего было бы снизить до нуля пошлины на импортные автомобили, и на новые, и на старые, и тогда бы они конкурировали с отечественными «Жигулями» на равных. Качество машин по соотношению качество–цена, может быть, и у нас серьезно улучшилось бы. Но я согласен с тем, что такое решение невозможно в том числе и по политическим соображениям. Вы не можете остановить промышленность, которая дает вам миллион рабочих мест. Вопрос о стратегическом курсе. Конечно, мы хотим, чтобы у нас в стране была автомобильная промышленность, которая производит хорошие, качественные, недорогие автомобили. И вроде действительно есть ниша: недорогой автомобиль, — в которой мы потенциально можем быть конкурентоспособными. Но это предполагает, что «Жигули» сегодня имеют одно качество и у нас есть обоснованная гипотеза полагать, что они через год будут лучше, через 2 года еще лучше, а через 5 совсем будет отличная машина. Если есть основания так думать, тогда можно сказать: хорошо, пусть сегодня будут пошлины, как сейчас, 30%, потом они будут 25%, потом 20, потом 15%. Если же мы не видим от самой отрасли серьезных усилий, направленных на повышение качества продукции, а только усилия, связанные с тем, чтобы увеличить уровень защиты, то это почти безнадежно. Это просто долгая агония.

Ведущий: *Вы знаете, у нас есть проект ОСВВП² и члены семьи могут задавать вопросы нашим гостям.*

Радиослушатель: *Скажите, пожалуйста, просчитаны ли в Вашем институте выгоды или потери от нашего вступления в ВТО?*

¹ Речь идет о повышении пошлин на ввоз импортных автомобилей. — Прим. ред.

² ОСВВП — «Одна семья времен Владимира Путина». Проект радиостанции «Эхо Москвы».

Егор ГАЙДАР: Нет, эта тема у нас очень глубоко не исследовалась. Традиционная наша сфера — это бюджетная, налоговая политика, межбюджетные отношения, проблемы собственности, аграрная экономика, военная реформа, потому что невозможно заниматься всем. Я знаю, что этот вопрос исследовался довольно подробно по заказу в том числе Минэкономки. Но просто это были не наши разработки.

Ведущий: *Ваша позиция на нынешнем этапе?*

Егор ГАЙДАР: Я убежден, что вступление в ВТО для России объективно выгодно. Дальше вопрос об условиях.

Ведущий: *Но как все говорят, условия для всех одни и те же.*

Егор ГАЙДАР: Вот это чистая неправда! Условия для всех разные. И они определяются переговорами. И переговоры с нами ведут отнюдь не романтические рыночники, которые полностью преисполнены заботой о свободной торговле, а наши торговые партнеры, у которых свое текстильное лобби, страховое, банковское, авиационное, автомобильное лобби и т.д. А у нас есть свое лобби. И вместе с тем у нас есть свои некие объективные интересы. Что нам важно, на мой взгляд, в рамках этих переговоров? Не столько создать высокие, огромные протекционистские преграды на пути проникновения на наш рынок иностранных конкурентов. Вот это безнадёжная тактика с точки зрения интересов нашей страны. Для нас важно сохранить в рамках этих переговоров и в рамках тех условий, которые мы примем, возможный набор инструментов для того, чтобы, когда ставят преграды на пути нашего конкурентоспособного экспорта, на интересные для нас рынки у нас был набор цивилизованных инструментов, позволяющих нажать на больную мозоль нашим партнерам, потому что иначе, к сожалению, снятия торговых барьеров не происходит.

Ведущий: *Я недавно смотрел встречу в верхах в Барселоне лидеров Евросоюза, ее показывали все телеканалы, российские в том числе. И напротив них четверть миллиона человек, которые кричали «Долой глобалистов!». Четверть миллиона человек на улицах в Барселоне. Молодые, нормальные, студенты. И с другой стороны, вот эти глобалисты, лидеры 15 держав, сытые, ухоженные. Начинаешь как бы понимать, что есть проблема. Или она выдуманная?*

Егор ГАЙДАР: Она абсолютно реальна, только надо понимать суть этой проблемы. Глобализация серьезно задевает группы инте-

ресов, вот те самые лобби отраслевые. Причем везде. Нормальный ход развития, в том числе борьба с бедностью, — это постепенный процесс индустриального созревания и выхода на более развитые рынки более бедных ранее стран. Вот так и получается, что раньше сельского хозяйства в Англии было много, потом стало меньше, потом еще меньше, а оно замещалось импортом продовольствия из других стран. Текстиль был в Англии, а потом постепенно замещался. Английская занятость переходит в другие сферы. Но там, где происходит сокращение, там болит. В сельском хозяйстве болит. Почему такие огромные субсидии на сельское хозяйство? И в текстильной промышленности болит, когда она сокращается, потому что от того, что рядом создаются другие рабочие места, тем, кто всю жизнь был занят в текстиле, не легче. И там есть свои лобби, серьезные интересы, деньги и т.д. И главное, что делает сегодня развитый мир для развивающегося мира, — ограничивает вход развивающихся стран именно на те рынки, на которых они наиболее конкурентоспособны. Заставить африканскую страну сегодня быстро научиться делать высококачественную, высокоинтеллектуальную технику невозможно, а конкурировать на рынке текстиля она может. И вот как раз на те рынки, на которых они могут конкурировать, это в первую очередь рынки продовольствия и рынки текстиля, их не пускают. За этим стоят очень мощные лобби, которые вкладывают массу политических усилий в то, чтобы не пускали и никогда не пустили. Одно из последних решений последнего уругвайского раунда¹ — либерализация рынка текстиля развитых стран. Но только он был принят как-то интересно: что как бы ничего не делается, а потом вдруг приходит какая-то дата, там 2005 г., и вдруг все либерализовано. Я к чему это говорю? Для того чтобы организовать такое движение, как движение антиглобалистов, нужна такая мелкая вещь, как смазка финансовая. Да, платить им не надо, они с удовольствием поедут вместе потусоваться, поку-

¹ Так называемый уругвайский раунд переговоров, в котором участвовали 125 стран, продолжался с 1986 по 1994 г. и завершился подписанием соглашения о создании Всемирной торговой организации (ВТО), вступившего в силу с 1 января 1995 г., а также принятием пакета правовых документов, обязательных для всех членов ВТО. До этого в октябре 1947 г. было подписано Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ). Оно первоначально рассматривалось лишь как часть более общего соглашения в рамках новой международной торговой организации, но на создание этой организации ушло около 50 лет. — *Прим. ред.*

ритель травку, побить стекла, да. Но для того чтобы все это работало, поверьте мне, я не первый год занимаюсь политикой, нужно 250 тыс. человек собрать, как-то разместить, расселить, организовать, это все не делается без денег. У этих безработных и студентов денег нет. А деньги-то откуда? И вот тут мы выходим на тесные связи движения антиглобалистов с европейскими аграрными лобби. Постоянно в газетах писали о связях антиглобалистов с деньгами текстильного лобби, т. е. на самом деле получается, что лобби развитого мира используют эту энергию молодежи, которая всегда готова протестовать, недовольная несовершенствами современного мира. А для чего? А чтобы, когда придет время либерализовать текстильный рынок, сказать: друзья, да вы что? Видите, народ-то недоволен, он против. Аграрные субсидии сегодня в 20 раз больше, чем вся помощь развитого мира развивающемуся. Эти деньги прямо направлены на то, чтобы развивающийся мир никогда не мог развиваться. Поэтому такая болезнь на самом деле имеет за собой, на мой взгляд, вполне серьезные масштабные интересы: политические, лоббистские и финансовые.

Ведущий: *А интересы России в этом?*

Егор ГАЙДАР: Вот с этой точки зрения Россия в очень забавном положении, как неоднократно уже бывало в истории. Нас по большому счету это не очень сильно волнует, потому что мы не традиционная развивающаяся страна. У нас конкурентное преимущество не на этих рынках в первую очередь. Для нас открытие рынка продовольствия, текстиля — второстепенная проблема. Гораздо важнее для нас другие вещи, скажем, сталь или потенциально высокотехнологичная продукция. Они не затрагиваются напрямую этими соглашениями. И для нас конкуренция развивающихся стран не важна, потому что у нас нет масштабной поддержки, скажем, собственного аграрного сектора или угрозы закрытия этого сектора. Для нас проблема глобализма — это, как всегда, проблема, так сказать, интеллектуального переноса. Мы же ведь из Европы получили массу хорошего, но и массу всякой гадости. Если Вы помните, то увлечение марксизмом пришло в Россию в то время, когда было совершенно очевидно, что марксизм вообще не имеет никакого отношения к российским проблемам, по крайней мере марксистские рецепты. Вот это была серьезнейшая проблема: вроде как капитализм надо строить в стране, а Маркс здорово написал, какие там

беды у капитализма. Отсюда возникали проблемы и для марксистов. Ведь, по Марксу, невозможно построить коммунизм в одной стране. И что же делать в связи с этим? Но сама причастность к масштабному международному массовому движению соблазнительна, она как бы меняет представление о сути дела.

Ведь что было главной проблемой российских леваков в последние годы? То, что коммунизм был слишком сильно скомпрометирован нашим опытом. Невозможно было заставить вновь проникнуться энтузиазмом по поводу коммунизма. Уж слишком близко все это. А здесь мы получаем некую захватывающую, глобальную, мировую идею, с которой можно идентифицироваться, хоть она не имеет к нам, собственно, никакого отношения. Они не понимают механизмов левацкого движения, не понимают, зачем все это делается. Но зато чувство причастности на самом деле соблазнительно и опасно.

Ведущий: *С антиглобалистами?*

Егор ГАЙДАР: Да. Оно вновь придает этим левацким штучкам, которые уже привели к одной кровавой каше в нашей стране, соблазнительную респектабельность. И самое обидное состоит в том, что ладно, в Европе, как обычно, опять все проедет, они переболеют этим марксизмом, они потихонечку приспособятся, как-то справятся со своими лобби. Да, развивающимся странам будет трудно, потому что уругвайские соглашения не будут выполнены. Но все это потихонечку пройдет. А вот у нас-то в стране, где демократия крайне неустоявшаяся и все еще болит от последствий крушения социализма, эта интеллектуальная респектабельность левацких идей настоящему опасна, на мой взгляд. Суть в том, что антиглобализм опасен потенциально своим воздействием на Россию.

Ведущий: *В связи с этим 2 кратких вопроса. Один пришел по Интернету от Михаила Осмоловского из Кербера, США: как Вы считаете, должны ли государство, исполнительная власть, президент заниматься повышением благосостояния трудящихся?*

Егор ГАЙДАР: Знаете, государство — это не хозяин народа, а инструмент, который мы создаем вместе для того, чтобы решать какие-то проблемы. Да, мы должны создавать такой инструмент, который будет работать таким образом, чтобы наше благосостояние мы сами могли повышать. Государство само за нас ничего не делает.

Ведущий: *И второй вопрос. Вы были у нас 6 ноября, в день 10-летия первого реформаторского правительства. Мы с Вами говорили о том, что в стране наступила постреволюционная стабилизация, и приводили разные исторические примеры. Я Вам задал вопрос: Путин ближе к Наполеону, Кромвелю или Карлу Второму? Прошло полгода с нашей последней встречи, я задам Вам этот же самый вопрос. Не в смысле просто аналогов, а в смысле той политики, которую проводит правительство Путина – Касьянова, именно как политики постреволюционной стабилизации. Стабилизация, с одной стороны, но есть и продолжение реформаций – с другой, есть и реконструкция, ну и реставрация.*

Егор ГАЙДАР: В общем те тенденции, которые, на мой взгляд, обозначились в 2000 г., продолжались все это время. Да, очень хорошо, что правительство и президент использовали усиление власти и свободу маневра для проведения ряда важнейших экономических реформ. Действительно, здесь трудно переоценить сделанное. Остается еще сделать очень многое. И я вижу в последнее время явные признаки замедления реформирования, пробуксовки, это правда. Но тем не менее сделано очень много для того, чтобы создать в России нормальный набор эффективных рыночно-ориентированных инструментов, начиная от налоговой реформы и кончая пенсионной, законодательством по земле, собственности и т.д. Второе. Существенно окрепла сама власть. Это видно по отношениям между центром и регионами и т.д. Это почти неизбежный процесс на фоне постреволюционной стабилизации. Приятно, что свобода маневра была использована для того, чтобы занять очень четкую и, на мой взгляд, абсолютно соответствующую стратегическим интересам России внешнеполитическую позицию, причем позицию, которая бы не выходила далеко за рамки середины согласия в элитах и обществе, но тем не менее объективно соответствовала интересам страны. Вместе с тем сохраняются те угрозы, которые всегда таит постреволюционная стабилизация, особенно угроза избыточного усиления власти.

Ведущий: *Реставрация, наверное, угроза реставрации.*

Егор ГАЙДАР: Я все-таки пытаюсь осторожно использовать термины, реставрации классической не будет. Она невозможна совершенно. И ситуация в стиле а-ля Бурбоны после Наполеона невозможна. Но усиление политического контроля, закрытость

политической системы, формализация выборных процедур, ограничение свободы слова — это тот набор угроз, который реально сегодня в стране обозначился. Это не значит, что эти тенденции необратимы. Но они есть и по-настоящему очень опасны. Надо все-таки помнить, что толком Россия строит демократию первый раз в своей истории. И демократии этой еще очень-очень мало лет, она отнюдь не опирается на вековые традиции. И на самом деле несложно сделать эту демократию формальной, как у многих наших соседей, когда вроде есть и выборы, и пресса, но все знают, что это игра. У нас все-таки все эти годы это не было игрой. И сегодня это еще не игра. Но для того чтобы ее сделать игрой, не нужно государственных переворотов, нужно всего несколько решений, и после этого вроде как все всё понимают. Ну да, вроде как демократия, а на самом деле все это игрушки. Вот это, на мой взгляд, было бы крайне опасно.

Ведущий: *Сегодня партия СПС получает юридический документ. Когда мы с Вами встречались полгода назад, рейтинг СПС был 8%, это отражено в наших интервью. Сейчас рейтинг, по всем опросам, упал в 2 раза. С чем Вы это связываете? С тем, что население разочаровывается в либеральных реформах и принимает модель усиления госвласти, которая хочет — проводит либеральные реформы, хочет — нелиберальные. С чем Вы связываете, что половина Ваших сегодняшних избирателей колеблется как минимум голосовать за Вас?*

Егор ГАЙДАР: Во-первых, есть такой стандартный междувыборный цикл. Он практически всегда происходит.

Ведущий: *Ну, скажем, Жириновский в 2 раза усилился.*

Егор ГАЙДАР: Да, но на самом деле если Вы посмотрите, куда ушли наши избиратели, то увидите, что они ушли в неопределившиеся. А неопределившиеся — это та доля, которая всегда возрастает между выборами, потом, ближе к выборам, в ходе избирательной кампании, определяется, за какую партию голосовать.

Ведущий: *По-моему, Вы себя успокаиваете!*

Егор ГАЙДАР: Нет, я думаю, что это правда. Я помню, что мы начинали избирательную кампанию в 1999 г. с рейтинга, который был примерно в 2 раза меньше, чем у нас сейчас, и получили свои 8,5%. Я думаю, что очень большая часть проблемы — это текущие колебания. Вторая очень серьезная проблема для нас — это то, что партия власти, чему мы не можем не радоваться, в очень в большой степени за эти 1,5 года воплощала наши экономические програм-

мы. Помните тот толстый красный том, который Кириенко вручал Путину? Если Вы его посмотрите и сравните с тем, что было сделано за эти годы по поводу налоговой реформы, законодательства по собственности, бюджетным отношениям, то увидите, что большая часть того, что было в этом томе, просто уже либо реализовано, либо находится в стадии реализации. В связи с этим совершенно естественно, что наши избиратели начинают задавать всем вопрос: слушайте, если партия власти так энергично реализует вашу платформу, собственно, вы-то нам зачем? И здесь нам надо суметь объяснить людям, убедить их, что, для того чтобы партия власти реализовывала нашу программу, СПС должен присутствовать на политической сцене, потому что партия власти сама по себе не имеет четкого направления. Она сегодня проводит либеральную политику, завтра скажут, она развернется на 180° и будет проводить антилиберальную, причем большая часть присутствующих там коллег займется этим с большим удовольствием. Для того чтобы было хоть какое-то давление на власть, которое подталкивает к тому, чтобы реализовывать осмысленные программы, и должен быть сильным СПС. Объяснить это избирателям, убедить их в этом — важнейшая наша задача сегодня.

Ведущий: *Спасибо! Егор Гайдар был гостем нашего эфира.*

Перспектива объединения демократических сил на парламентских выборах 2003 года

Радиостанция «Эхо Москвы». 3 июня 2002 г. (по телефону)

Ведущий — Алексей Венедиктов

Беседа с Григорием Явлинским и Егором Гайдаром

Ведущий: У нас на связи по телефону Егор Гайдар. Добрый день, Егор Тимурович.

Егор ГАЙДАР: Добрый день, Алексей Алексеевич.

Ведущий: Вы знаете, что совсем недавно стали известны некие предложения, которые сделал СПС. Сейчас мы попробуем дать их послушать нашим слушателям и ответ на них, как бы сказать, конкурентов, а затем Вы прокомментируете, с Вашего позволения. Поему слушаем.

Недавно лидер СПС Борис Немцов в программе Шустера на НТВ, не знаю, знаете Вы или нет, снова предложил выдвинуть единого кандидата на президентских выборах 2004 г., я так понимаю, не Владимира Владимировича Путина. Но он предложил некую технологию — заключить с вами, я имею в виду с «Яблоком» и «Либеральной Россией», некое соглашение, по которому от той партии, которая, например, на парламентских выборах по спискам наберет большее число голосов, будет выдвинут единый кандидат на президентские выборы 2004 г. Ваше отношение даже не к идее, скажем, а к такой технологии?

Григорий ЯВЛИНСКИЙ: Так это уже все было. В 1995 г. говорилось ровно то же самое, потом ДВР не прошел в Думу вообще, «Яблоко» получило 60 мест. Ну и что? Это как-то повлияло на под-

держку кандидата от «Яблока» на президентских выборах? Это уже все было.

Ведущий: *То есть Вы не верите в это?*

Григорий ЯВЛИНСКИЙ: На последних выборах 1999 г. «Яблоко» получило на 1,5 % меньше, чем СПС, но СПС же вообще не был в состоянии выдвинуть никакого кандидата, все же попрятались, и «Отечество», и все-все попрятались, и, кроме «Яблока», никто не выдвинул ни одного кандидата, никто не смог собрать средства, никто не отважился, ни у кого не хватило смелости. Ну вот Вам, собственно, и ответ. Поэтому это общие соображения, а жизнь, и история, и наша практика показывают, что когда до дела доходит, то все как-то получается иначе.

Ведущий: *Вы будете вести переговоры с СПС и «Либеральной Россией» вообще в преддверии парламентских выборов? Не так далеко, в общем 1,5 года.*

Григорий ЯВЛИНСКИЙ: Ну, конечно, конечно, обязательно.

Ведущий: *Это был Григорий Явлинский. А теперь слово Егору Гайдару. Итак, Егор Тимурович, что бы Вы могли по поводу этой заочной пока полемики сказать?*

Егор ГАЙДАР: Первое: СПС не принимал официально решение о подобном рода инициативе. Но соображения, высказанные Борисом Ефимовичем Немцовым, мне представляются разумными, потому что у нас действительно достаточно близкие позиции по подавляющему большинству принципиально важных политических вопросов. Если отбросить личные амбиции, то, конечно, база для взаимодействия СПС и «Яблока» сегодня есть, это совершенно очевидно. Второе: по истории. Я вынужден здесь немного поправить Григория Алексеевича, я был довольно активным участником переговоров 1995 г. и напомним, что ситуация была строго противоположная. Да, мы предлагали и обсуждали возможность создания коалиции между «Яблоком» и «Демвыбором России», и одной из обсуждавшихся была формула о том, что мы идем разными списками и тот блок, который получает больше голосов, выдвигает своего кандидата в президенты. Но, к сожалению, потом Григорий Алексеевич категорически вышел из всех этих договоренностей, сказал, что никакого ни блока, ни коалиции между «Яблоком» и «Демвыбором» по идеологическим соображениям быть не может. Собственно говоря, поэтому «Демвыбор» никак не мог поддержать его в ка-

честве кандидата в президенты в 1996 г. Вы прекрасно помните эту историю, мы с Вами обсуждали это тогда, у Вас есть собственные записи, их довольно легко реконструировать.

Ведущий: *Да. И теперь, и тогда, Егор Тимурович, все-таки, поскольку позиция Бориса Ефимовича — это его позиция и она пока еще, как я понимаю из Вашего комментария, не обсуждалась на руководстве партии, все-таки, если говорить технологически, понятно, что парламентские и президентские выборы будут связаны, и понятно, что на парламентские выборы СПС идет самостоятельно. Ну, может, в какой-то коалиции, но со своим списком самостоятельно, скорее всего. Да?*

Егор ГАЙДАР: Ну, собственно, что обсуждалось тогда, в 1995 г., как один из вариантов? Что мы идем двумя разными списками, но мы идем в тесном сотрудничестве, мы не ведем борьбу друг с другом, мы договариваемся по принципиальным программным вопросам. Такая форма, возможно, нужна нам и сейчас.

Ведущий: *И считаете ли Вы, что удастся внутри Вашей партии сначала, я имею в виду СПС, а затем и с Вашими союзниками договориться о том, чтобы парламентские выборы стали действительно реальными праймерис? Или по каким-то причинам этого делать сейчас не стоит?*

Егор ГАЙДАР: Первое: я в целом буду поддерживать эту идею, потому что, еще раз подчеркиваю, здесь надо руководствоваться не личными симпатиями и антипатиями, а соображениями пользы дела. Я вижу и знаю, что мы имеем общие позиции по подавляющему большинству экономических вопросов, я вижу, что мы имеем общие позиции по международной политике, мы имеем общие позиции по вопросу прав человека, по вопросу защиты демократических свобод, что предельно важно сегодня. Так что договоренность политическая есть. И если этот вопрос будет обсуждаться на партийном форуме, я буду поддерживать это предложение.

Ведущий: *В связи с этим вопрос уже, скорее, не провокационный, а политический. Известно, что в последнее время СПС, как, впрочем, и «Яблоко», поддерживают в основе внешнеполитическую линию президента Путина, поддерживают и во многом формируют внутри-экономический, скажем так, курс президента Путина. Так, может быть, просто договориться и поддержать Путина сразу в первом туре, если есть совпадения по 80% проблем?*

Егор ГАЙДАР: Ну, этот вопрос все равно придется обсуждать гораздо позже, когда будет формироваться ситуация перед президентскими выборами. Сейчас что об этом говорить?

Ведущий: *Я объясняю, почему задал такой вопрос: если Вы договариваетесь о праймерис, а потом выигравшая партия, партия, набравшая больше, решает не выдвигать своего кандидата, а поддержать уже действующего или другого кандидата какого-то, то эти договоренности бессмысленны.*

Егор ГАЙДАР: Ну, Вы знаете, это гипотетический вопрос.

Ведущий: *Ну, конечно.*

Егор ГАЙДАР: Вы учтите, все-таки и у нас, и у «Яблока», при том что мы действительно поддерживаем внешнюю политику Путина и поддерживаем очень многое из того, что делается в экономической политике, очень серьезные претензии к внутренней политике, не к экономической политике Путина. И сказать, что мы сегодня прямо вот так готовы поддержать Путина в кандидаты в президенты в первом туре, — это очень сильное предложение, которое мы вряд ли могли бы сегодня реализовать.

Ведущий: *Я тогда вернусь еще к одной телевизионной программе. Недавно опять же один из лидеров Вашей партии, Борис Немцов, был в гостях у Владимира Соловьева на ТВС, на новом телевизионном канале. Ему был задан вопрос: правда ли, что один из лидеров партии, Анатолий Чубайс, приглашен в штаб по переизбранию Путина, а если он будет приглашен в штаб как эффективный менеджер, то что тогда делать партии? Таким образом, партия как бы связана по рукам и ногам и не может выдвигать своего кандидата. У Вас есть ответ на этот вопрос?*

Егор ГАЙДАР: Я услышал об этом из вопроса от господина Соловьева.

Ведущий: *Я тоже об этом узнал из вопросов.*

Егор ГАЙДАР: Я никогда не слышал об этом от Анатолия Борисовича Чубайса, поэтому не стал бы это комментировать, пока бы относился к этому как к слуху.

Ведущий: *Нет, я ведь не о факте, я о том, что могут ли члены партии поддерживать разных кандидатов в президенты?*

Егор ГАЙДАР: Наша партия устроена демократически. Если Вы знаете, у нас даже в Уставе есть пункт о том, что член партии имеет право не выполнять решения партии, если он выразил свое

несогласие с этим решением. Так что у нас такая мягкая партия. Она не большевистская по своей природе. Тем не менее я с трудом представляю ситуацию, когда один из членов руководства партии примет решение, которое категорически разойдется с мнением партии.

Ведущий: *Именно по выборам?*

Егор ГАЙДАР: Да.

Ведущий: *И еще, Егор Тимурович, вопрос как к эксперту в партийном строительстве, говорю без тени юмора, потому что вопрос о том, что сейчас происходит в КПРФ, занимает очень многих. Как Вы считаете, то, что случилось в руководстве КПРФ¹, — это вопрос политический или персональный, технический, как угодно, как Вам показалось, скажем так?*

Егор ГАЙДАР: Ну, Вы знаете, там есть и то, и другое. Я должен сказать, что мы переживали в свое время подобную неприятность в «Демвыборе», и не могу сказать, что наблюдаю за этим без тени злорадства, со злорадством некоторым, потому что я думал, что это наши проблемы как молодой, неорганизованной демократической партии, что у коммунистов, чья партия, может быть, мне идеологически неприятна, но с мощными организационными традициями, такого не будет. Ничего подобного. Как только доходит до дела, вся их дисциплина ненамного лучше нашей. Конечно, очень не хочется людям терять высокие посты, кабинеты, все понятно. Есть ощущение, что это существенно важнее, чем согласие или несогласие с руководством партии. Но здесь есть политический компонент. Если бы было ощущение, что КПРФ находится на подъеме, что у них есть серьезные, большие политические перспективы, я Вас уверяю, никакие кабинеты не удержали бы их обладателей от следования линии руководства партии. Сейчас это признак того, что в самой верхушке КПРФ усиливается ощущение неизбежного долгосрочного внутреннего кризиса этой партии, нарастающего кризиса.

¹ Весной 2002 г. голосами большинства депутатов Госдумы были лишены постов председателей парламентских комитетов некоторые члены фракции КПРФ. После этого на пленумах ЦК КПРФ было решено, что коммунисты, оставшиеся во главе комитетов, а также председатель Госдумы Геннадий Селезнев должны уйти в отставку в знак солидарности с уволенными. Однако Селезнев, а также главы комитетов Думы Николай Губенко и Светлана Горячева отказались подчиниться этому решению и были исключены из партии и из ее думской фракции. — *Прим. ред.*

Ведущий: *Спасибо. И последний вопрос, Егор Тимурович, теперь уже позвольте спросить как бывшего премьер-министра. Вся элита и во многом вся страна обсуждает проблемы Калининграда¹. Я думаю, что Вы в курсе. Проблема Калининграда — это проблема и политическая, и экономическая, и правовая. Скажите, пожалуйста, вот Вам как эксперту в области госстроительства, как Вам кажется, удастся решить на приемлемых для России и для Евросоюза условиях этот вопрос? Или пока эти два подхода, один о визах, а другой: «мы за ценой не постоим», они просто, как вчера было сказано, оба в тупике?*

Егор ГАЙДАР: Вопрос непростой, но, без всякого сомнения, разрешимый. В чем суть проблемы, если абстрагироваться от деталей? ЕС в последние годы привык вести переговоры о вступлении новых членов. А эти переговоры, собственно говоря, не являются переговорами, это обсуждение вопроса о том, в какой степени та или другая страна соответствует требованиям Евросоюза. И дальше Евросоюз говорит: «соответствуете», «не соответствуете», «ну, убедите нас, что соответствуете», «ну, можем обсудить вопрос о том, за какое время вы должны привести свои стандарты в соответствие с нашими». Это не переговоры. Мы не являемся страной-кандидатом в члены Евросоюза, по крайней мере в обозримой перспективе. Поэтому переговоры с нами неизбежно надо вести несколько иначе, не так, как ведут переговоры с потенциальным родственником, а как переговоры с соседом. Они имеют другую природу. Но вот осознать этот факт Евросоюзу достаточно сложно. Это неизбежно произойдет, я убежден, что решение будет найдено, но на это потребуются время и силы.

Ведущий: *И возвращаясь к началу нашей беседы: известно, что между А. Б. Чубайсом и Г. А. Явлинским помимо политических разногласий есть разногласия персональные, которые, как многие считают, во многом мешают двум партиям найти на переговорах некую общую платформу. Считаете ли Вы, что в нынешней ситуации такие разногласия можно было бы преодолеть, или спрятать в карман, или просто забыть их?*

¹ Речь идет о проблемах транспортной связи регионов России с Калининградом, возникших после вступления стран Балтии в ЕС, поскольку Калининградская область не имеет непосредственных границ с остальной частью России. — Прим. ред.

Егор ГАЙДАР: Мы занимаемся достаточно серьезным делом — обсуждаем вопрос о демократии в России, о том, как будут выглядеть контуры политической карты России в ближайшие годы. Я считаю, что это достаточно важный вопрос, чтобы при его обсуждении можно было как-то спрятать личные отношения в карман.

Ведущий: *Речь идет ведь о взаимном недоверии, личные отношения, может быть, можно спрятать, а вот недоверие не спрячешь никуда, оно же и политическое, нет?*

Егор ГАЙДАР: Жизнь устроена так, как она устроена. Мне может нравиться или не нравиться кто-нибудь из политических персонажей, мне может нравиться или не нравиться Г. А. Зюганов. Но он есть и будет лидером КПРФ в ближайшее время, и я должен считаться с его присутствием на политической карте России. Мне может нравиться или не нравиться Г. А. Явлинский, тем не менее он присутствует на политической карте, больше того, в нашей части политического спектра, значит, мы обречены договариваться, если мы не безответственные люди.

Ведущий: *Спасибо большое, Егор Тимурович. Напоминаю, что в прямом эфире «Эха Москвы» был Егор Тимурович Гайдар, один из лидеров СПС, и мы с ним говорили прежде всего о политических аспектах будущих выборов.*

Влияние силовых структур на экономическую политику крайне негативно

Телеканал «ТВС».

Программа «Завтрак с Соловьевым». 9 июня 2002 г.

Ведущий — Владимир Соловьев

Ведущий: *На этой неделе из-за океана пришла радостная новость: администрация США признала нас страной с рыночной экономикой. Поэтому сегодня мы завтракаем с пионером российского рынка Егором Гайдаром. Вас давно не было видно на экранах телевизоров, почему?*

Егор ГАЙДАР: Я не очень люблю это занятие.

Ведущий: *Почему? Вы разочаровались в публичной политике?*

Егор ГАЙДАР: Я никогда не был очарован публичной политикой. Занимался этим, потому что не мог не заниматься, когда руководил правительством, потом фракцией в Госдуме. А сейчас занимаюсь тем, что мне гораздо ближе: я разрабатываю экономические законопроекты, пытаюсь их воплотить в законы. И в связи с этим мое присутствие на экране обязательным не является.

Ведущий: *Означает ли это, что Вы перешли из категории публичных политиков в категорию серых кардиналов?*

Егор ГАЙДАР: Нет. Это означает, что я занимаюсь разработкой экономического законодательства.

Ведущий: *Как депутат Госдумы? Или по заказу отдельных структур правительства или администрации президента?*

Егор ГАЙДАР: Я депутат Госдумы, работаю там и возглавляю Институт экономики переходного периода, который довольно ак-

тивно работает над экономическим законодательством, в том числе для правительства.

Ведущий: *Какие структуры правительства пользуются Вашими услугами?*

Егор ГАЙДАР: В первую очередь Министерство финансов и Министерство экономического развития и торговли.

Ведущий: *Министерство финансов через господина Улюкаева, который работал у Вас?*

Егор ГАЙДАР: Почему только через Улюкаева? Есть господин Шаталов — другой первый заместитель министра финансов, с которым мы давно и плодотворно сотрудничаем. Есть министр финансов А. Л. Кудрин, которого мы тоже знаем очень давно.

Ведущий: *Означает ли это, что Ваше влияние на правительство достаточно велико?*

Егор ГАЙДАР: Что значит влияние? Правительство заинтересовано в разработке качественных документов. К сожалению, разрабатывать их, находясь внутри Кабинета министров, сложно. Правительство может реализовывать политику. Разрабатывать же ее, как правило, лучше в других местах. Да, мы предлагаем свои решения. Что-то из наших предложений принимается, что-то нет.

Ведущий: *Из тех правительств, которые приходили после Вашего, нынешнее, наверно, наиболее последовательно выполняет установки, заложенные в свое время Вами? Как Вам кажется?*

Егор ГАЙДАР: Ситуация меняется. Проблемы, которые стояли перед нами в начале 1990-х гг., и проблемы, которые перед нами стоят сегодня, — это разные проблемы. Они связаны генетически, но они разные. Не существует никакого завета, который с лучшим или худшим качеством выполняло бы то или другое правительство. Есть постепенно меняющийся набор задач. Я считаю, что нынешнее правительство решает те задачи, которые надо решать сегодня, в целом скорее удовлетворительно, чем неудовлетворительно.

Ведущий: *Есть ли другие советники у правительства, кроме Вашего института?*

Егор ГАЙДАР: Наверное.

Ведущий: *Вы их знаете?*

Егор ГАЙДАР: Я их знаю.

Ведущий: *Они относятся тоже к правым силам или среди них есть представители всего политического спектра?*

Егор ГАЙДАР: Я не хочу говорить обо всем правительстве, гораздо лучше было бы спросить об этом у премьера или у кого-то из вице-премьеров. В целом большая часть законодательных норм, которые исходят от правительства, скорее либеральная, и трудно предположить, что эти нормы разрабатывают коммунисты.

Ведущий: *Егор Тимурович, какие из последних принятых правительством решений были инициированы Вами?*

Егор ГАЙДАР: На этот вопрос я не могу Вам ответить, потому что это вопрос к правительству. Отношения лица, принимающего решения, и его советника носят, как правило, конфиденциальный характер — только при этом условии возможно их постоянное сотрудничество. Именно такими являются и наши отношения с правительством.

Ведущий: *Понимаю, здесь мы говорим о врачебной тайне...*

Егор ГАЙДАР: Совершенно верно.

Ведущий: *Егор Тимурович, правительство платит за эти консультации?*

Егор ГАЙДАР: Очень редко.

Ведущий: *Исходя из этого, на какие доходы тогда существует Институт экономики переходного периода?*

Егор ГАЙДАР: У нас есть доходы, которые мы получаем в рамках наших проектов с Мировым банком, с рядом международных организаций, с USAID¹, с канадским Агентством по сотрудничеству с зарубежными странами, по программе TESIS (это деньги Европейского союза). Что-то мы получаем от частного российского бизнеса.

Ведущий: *Вы могли бы сказать, какой процент вашего финансирования обеспечивают иностранные источники? Мой вопрос не означает, что я хочу обвинить Вас в работе на иностранцев.*

Егор ГАЙДАР: Если воспринимать Мировой банк как источник российских денег, поскольку туда вносит деньги и российское правительство, хотя к нам они поступают по линии Мирового банка, — то примерно половину.

¹ USAID (United States Agency for International Development) — Агентство США по международному развитию — независимое агентство федерального правительства США, отвечающее за невоенную помощь другим странам. Осуществляет поддержку торговли, сельского хозяйства, экономического роста, здравоохранения, демократии, экстренную гуманитарную помощь, содействие в предотвращении конфликтов в более чем 100 странах мира. — *Прим. ред.*

Ведущий: *Можно сказать, что сейчас существует несколько мощных рычагов, пытающихся оказать влияние на Президента России. С одной стороны, это питерская группировка — господин Сурков и фракция «Единство», а с другой — это правительство, которое подкрепляется — по крайней мере на уровне идеологии — «Союзом правых сил».*

Егор ГАЙДАР: Это вопрос, на который мне трудно ответить. Я не очень представляю себе расклад сил в ближайшем окружении В. В. Путина. Я более-менее хорошо знаю, что происходит в правительстве, прекрасно знаю, что происходит в экономическом блоке в целом и как там принимаются решения. Другая же часть ближайшего окружения президента — это люди, которых я плохо знаю лично, читаю о них главным образом в газетах... Пересказывать, что читаю, нет смысла...

Ведущий: *Другая часть — это кто?*

Егор ГАЙДАР: В первую очередь люди, вышедшие из числа сотрудников органов безопасности. Они присутствуют сегодня во власти, в администрации. С ними я знаком очень плохо.

Ведущий: *Но Вы говорили, что у Вас хорошие отношения с Кудриным, который относится к ближайшим личным друзьям В. В. Путина.*

Егор ГАЙДАР: Вы правы. Но я хочу сказать честно, что мы с Алексеем Леонидовичем, несмотря на то что знакомы очень хорошо, эти темы просто не обсуждаем.

Ведущий: *Понимаю. Можно ли исходя из этого сказать, что на правительство Ваше влияние как советника существует, на президента — нет?*

Егор ГАЙДАР: Наверное, это будет не совсем точно, потому что иногда бывает, что за какими-то советами президент к нам обращается.

Ведущий: *Когда это было в последний раз?*

Егор ГАЙДАР: Полтора месяца назад.

Ведущий: *Егор Тимурович, нас наконец признали страной с рыночной экономикой. Журнал «Форчун» в прошлом месяце утверждал, что сделать это надо было лет десять назад и в таком случае могло бы это, наверно, больше. Как Вы считаете, сейчас России этот ее новый статус что-нибудь дает?*

Егор ГАЙДАР: Укрепляется наша позиция на переговорах с ВТО по поводу вступления в эту организацию. Нам будет существенно

легче регулировать вопросы, связанные с антидемпинговыми расследованиями. Так что в целом новый статус полезен для России.

Ведущий: *Для России как страны или для части тех олигархов, которые увлечены продажей наших товаров за рубежом?*

Егор ГАЙДАР: Для России как страны, потому что дополнительный экспорт — это и дополнительные рабочие места. Однако ждать радикальных изменений в российской экономике только по той причине, что США и ЕС признали нас страной с рыночной экономикой, не стоит. Новая жизнь из-за одного лишь этого обстоятельства не наступит, все розы не расцветут.

Ведущий: *Как Вы могли бы прокомментировать нынешнее гигантское влияние силовых структур на проблемы рыночной экономики?*

Егор ГАЙДАР: Как крайне негативное. Суть той стратегии, которую пытались выработать и реализовать правительство, — это структурная реформа, направленная на улучшение инвестиционного климата России, на то, чтобы создать у нас предсказуемые условия ведения бизнеса. Налоговая реформа, изменение законодательства в отношении собственности, Земельный кодекс, многое другое направлены на достижение простой цели: убедить бизнес, в первую очередь российский, а затем и мировой, в том, что Россия — страна, где можно спокойно и надежно вкладывать деньги, зная, что у тебя их не отберут и что они принесут тебе прибыль. В связи с этим любое выходящее за рамки закона вмешательство в экономический процесс, любые силовые действия, которые всегда произвольны, наносят по проводимой правительством политике серьезный удар.

Ведущий: *Одно из самых шумных дел было связано с борьбой между господином Заостровцевым, относящимся к структурам ФСБ, Таможенным комитетом в лице господина Ванина и структурой, называемой «Три кита»¹. Вас это как-то задело?*

Егор ГАЙДАР: Меня лично никак. Но есть главная проблема: очевидная неразбериха в государственных структурах. Когда возникает подобного рода конфликт, ясно, что государство устроено

¹ Речь идет о громком «мебельном деле» или деле «Трех китов», возбужденном в 2000 г. Государственным таможенным комитетом по поводу контрабанды итальянской мебели. В замешанности в нем подозревали и представителей некоторых силовых структур. — *Прим. ред.*

очень плохо. И меня сейчас мало волнует, кто из названных Вами участников конфликта прав, кто виноват, кто вымогал деньги и кто пытался построить крышу. Этого я не знаю и не хочу знать. Но это сигнал, который...

Ведущий: ...свидетельствует о системном кризисе.

Егор ГАЙДАР: Ну, не о системном кризисе, а о системном несовершенстве.

Ведущий: *Можно ли считать это проявлением некой родовой травмы нашего российского капитализма?*

Егор ГАЙДАР: Если Вы имеете в виду, что это явление не случайно, то да, вне всякого сомнения. У нас в конце 1990-х гг. сложился своеобразный олигархический капитализм, часть олигархов считала себя истинным правительством России, и они на самом деле были истинным правительством России. Когда к власти пришел Путин, он сказал, что эта система ему не нравится, и уничтожил ее — это правда. Но дальше, из конечной точки олигархического капитализма, есть два пути. Первый — это постепенное формирование капитализма нормального, с работающими демократическими институтами, гарантированными правами. А второй — это резкое усиление бюрократии, силовых структур, когда именно они определяют, кто возьмет верх в экономической конкурентной борьбе, т. е. определяют победителя не олигархи, покупая бюрократов и действуя через посредство последних, — нет, теперь его назначают сами бюрократы. Это очень плохо, потому что в таком случае преследующая экономические интересы борьба перемещается из сферы «кто эффективней», «кто лучше организует производство», «кто в большей степени умеет контролировать издержки» в совершенно иную плоскость — исход борьбы решает вопрос о том, у кого какие связи.

Ведущий: *И кто умеет дружить.*

Егор ГАЙДАР: Кто умеет дружить, кто умеет получать и перераспределять административную ренту. Это всегда вычет из экономического роста.

Ведущий: *Как известно, Ваше появление во власти во многом произошло благодаря господину Бурбулису. Вы перешли из команды талантливых экономистов, талантливых людей во власть, главной задачей которой было срочно, любым способом создать рыночные механизмы и разрушить ту махину, которая 70 лет существовала в стране...*

Егор ГАЙДАР: Я бы чуть-чуть скорректировал. Не было задачи разрушить махину. Махина к тому времени уже не существовала, была некая видимость махины, рычаги которой не были ни к чему подведены. Никакие госзаказы не выполнялись...

Ведущий: *То есть выйти из руин.*

Егор ГАЙДАР: Совершенно верно. Надо было понять, что это все не работает и что надо что-то срочно, хоть на живую нитку, создавать заново.

Ведущий: *Но если создаешь на живую нитку, нет приоритета закона. Законы за реалиями управленческой деятельности просто не поспевали. И сегодня мы расхлебываем по большому счету именно эту проблему. Закон не действовал как таковой тогда, не действует и сейчас.*

Егор ГАЙДАР: Я бы все-таки не согласился с Вами. При всем моем уважении к праву есть реальная жизнь. Реальная жизнь требует иногда немедленных действий. Если у Вас Москва и Санкт-Петербург завтра останутся без хлеба (а реалии были именно такими), то Вы не можете ждать, к примеру, пять месяцев, когда наконец-то удастся принять закон, направленный на то, чтобы этого не произошло.

Ведущий: *То есть начинать действовать по законам военного времени.*

Егор ГАЙДАР: В некотором смысле да.

Ведущий: *Я понимаю Вашу точку зрения. Единственное, что хотелось бы отметить, что и сейчас отношение к закону примерно такое же.*

Егор ГАЙДАР: Не будем преувеличивать значение последних 10 лет, вспомним историю России. У нас ведь есть классическая поговорка «Закон что дышло...». Хорошо представляя себе события последнего десятилетия, могу сказать, что при всем несовершенстве нынешних законов роль их в реальном экономическом процессе сегодня неизмеримо выше, чем она была в 1992 г.

Ведущий: *Егор Тимурович, В. В. Путин стал президентом после того, как некоторое время находился в должности премьер-министра. Оценивая его деятельность как премьер-министра, Вы тоже можете сказать, что он действовал по законам военного времени, а не опираясь на закон? И каким был господин Путин в качестве премьер-министра?*

Егор ГАЙДАР: Путин был, на мой взгляд, нормальным премьером, вполне приличным. Конечно, его премьерство в огромной степени прошло под знаком перспективы президентских выборов. Оценивать проводимую им экономическую политику можно только с того момента, когда он выиграл выборы и сформировал правительство. А до этого политика была ориентирована на то, чтобы выиграть выборы, в условиях демократии это вполне естественно.

Ведущий: *То есть как президент и как премьер-министр господин Путин, как Вам кажется, в высшей степени эффективен.*

Егор ГАЙДАР: Да, эффективен. Хорош ли? В разных отношениях по-разному. Во внешней политике он проявил себя существенно лучше, чем я ожидал. В экономической политике в целом тоже. Ну, а в том, что касается работы государственного аппарата, государственной администрации, роли силовых структур, отношений с гражданским обществом, совсем не выше моих ожиданий.

Ведущий: *Правильно ли я понимаю, что таким образом можно разделить влияние политических сил на полушария российского президента. Правые отвечают за экономические области в уме Владимира Владимировича, а левые — за все остальные.*

Егор ГАЙДАР: Это все-таки вопрос к Владимиру Владимировичу. Хотя, согласитесь, надо быть своеобразным человеком, чтобы одновременно провести радикальную налоговую реформу, ввести плоский подоходный налог и принять советский гимн.

Ведущий: *Согласен. Налоговая реформа рождалась в Вашем институте?*

Егор ГАЙДАР: При некотором участии.

Ведущий: *Существенном?*

Егор ГАЙДАР: Да, существенном.

Ведущий: *Мы говорили о том, что очень важно в России уметь дружить. Для Вас понятие дружбы превышает собственных политических и экономических воззрений?*

Егор ГАЙДАР: У меня как-то никогда не возникало этой проблемы, потому что мои друзья, как правило, разделяли мои убеждения.

Ведущий: *Если Ваши друзья перестают разделять Ваши убеждения, Вы перестаете с ними общаться?*

Егор ГАЙДАР: Я в таком положении никогда не оказывался. Бывали ситуации, когда мои, ну, не друзья, а младшие коллеги меня-

ли свои убеждения. Если они при этом не совершили подлости, мы продолжаем здороваться.

Ведущий: *В августе 1996 г. Вы назначили генеральным директором Фонда защиты частной собственности, известного как Фонд Гайдара, господина Евстафьева. Вместе с господином Лисовским он был незадолго до этого пойман при выносе полумиллиона денег. Как я понимаю, это назначение произошло по просьбе А. Б. Чубайса.*

Егор ГАЙДАР: Да, это так.

Ведущий: *Зачем Вы назначили господина Евстафьева? Вам это действительно было нужно? И как он тогда себя сам зарекомендовал?*

Егор ГАЙДАР: Прежде всего я не считал, что вся эта история 1996 г. хоть в какой бы то ни было степени бросает на него тень. Мы понимаем прекрасно, что Евстафьев нес эти деньги не себе. И мы понимаем, как финансируются избирательные кампании. В связи с этим делать его козлом отпущения, на мой взгляд, было бы крайне некорректно. Анатолий Борисович сделал все для того, чтобы его спасти, и это было единственно возможное решение для нормального руководителя.

Ведущий: *То есть Вы знаете, кому он нес эти деньги?*

Егор ГАЙДАР: Я понятия не имею, но могу предположить, что они предназначались для избирательной кампании Ельцина.

Ведущий: *То есть мы просто изначально верим, что если Чубайс сказал, что человек хорош...*

Егор ГАЙДАР: Я знаю, что у Анатолия Борисовича бывали кадровые ошибки. Например, председателем Госкомимущества был в свое время назначен в том числе с его подачи Полеванов. Оказался, на мой взгляд, не очень порядочным человеком... Это была кадровая ошибка. Были и другие кадровые ошибки. Но в случае с Аркадием Евстафьевым для меня было очевидно, что надо спасти человека, которого подставили в условиях тяжелой борьбы. От исхода ее зависело, состоятся ли президентские выборы или они будут отменены, и было ясно, что при втором варианте Коржаков попытается установить авторитарный режим с большим Б. Ельциным в качестве человека, которым можно манипулировать.

Ведущий: *Анатолий Борисович не бросает своих друзей. Назначение Евстафьева на должность главы Мосэнерго произошло именно поэтому. В пятницу прошло сообщение о возбуждении уголовного*

дела против господина Евстафьева. Как Вы считаете, означает ли это начало нового раунда борьбы между Москвой в лице господина Лужкова и РАО «ЕЭС России», где жертвой будет господин Евстафьев?

Егор ГАЙДАР: Не знаю, но вряд ли могу Вам возразить. Полагаю, что это может быть и так.

Ведущий: *Насколько сильно влияние Анатолия Борисовича на Ваши решения? Есть мнение, что в Думе, если предложение выгодно для РАО «ЕЭС России», голос господина Гайдара будет отдан за него со стопроцентной гарантией — даже если и вся Дума, и фракция СПС против.*

Егор ГАЙДАР: Это не так. Дело в том, что Анатолий Борисович никогда не стал бы просить меня выступать за решение, противоречащее экономическому курсу, который мы проводим. Такого случая не было, и он невозможен. Я готов прислушаться и прислушиваюсь к мнению Чубайса, когда решение вопроса укладывается в рамки либеральной политики. Если же кто-нибудь из РАО «ЕЭС» попросит меня сделать налоговую лазейку специально для РАО «ЕЭС», я скажу, что мы этого делать не будем.

Ведущий: *Егор Тимурович, выступление президента с призывом к экономике развиваться быстрее было очень эмоциональным. Вы считаете это причиной какого-то конкретного экономического советника или собственной инициативой президента?*

Егор ГАЙДАР: Экономисты знают, что между глубокими структурными реформами и их непосредственным влиянием на жизнь проходят многие годы, иногда десятилетия. Рейгановские реформы, например, существенно повлияли на экономическое развитие Америки в 1990-х гг., т. е. спустя по меньшей мере полтора президентских срока после того, как Рейган перестал быть главой государства. Что касается нашей страны, то нынешние темпы роста российской экономики имеют какое-то отношение к тому, что делалось в 1990-х гг., они имеют отношение к конъюнктуре мирового рынка. Но они не имеют никакого отношения к важнейшим реформам, проведенным в 2000–2001 гг. Любой экономист это прекрасно понимает. Объяснить же это обществу, политическому классу практически невозможно — во всяком случае пока. Публика, политики недоумевают: как же так, мы тут реформы проводим, кучу политического капитала в это вложили, а темпы роста падают? Однако

падают-то они отнюдь не из-за того, что осуществляются реформы, а совершенно по другим причинам.

Ведущий: *То есть Путин выступил как великий успокоитель?*

Егор ГАЙДАР: Нет, просто как практически действующий политик он реагирует на настроения общества, а общество спрашивает о темпах роста.

Ведущий: *Правильно ли я понимаю, что при этом господин Путин осознает, что экономикой, как паровозом, покомандовать невозможно?*

Егор ГАЙДАР: Об этом лучше спрашивать его. Я думаю, что он способен это понять. Но для политика, от которого ждут результатов, сказать об этом вслух не так просто.

Ведущий: *У Вас есть расхождения с господином Илларионовым, экономическим советником президента?*

Егор ГАЙДАР: Да, конечно. В чем-то я с ним солидарен, в чем-то расхожусь.

Ведущий: *Вы находитесь в процессе конструктивного диалога или не общаетесь?*

Егор ГАЙДАР: Мы общаемся.

Ведущий: *То есть в какой-то степени Вы можете доносить свои взгляды до президента через его экономического советника?*

Егор ГАЙДАР: Если надо, я могу делать это не только через экономического советника. Могу напрямую.

Ведущий: *Егор Тимурович, экономика рыночная. Вроде бы поставленные цели давным-давно достигнуты. Сейчас, озирая взглядом прошедшие 10 лет, испытываете ощущение удовлетворенности?*

Егор ГАЙДАР: И да, и нет. Да, потому что экономика в России рыночная, частная. Эта экономика растет. Растет она благодаря тому, что сформированы основные рыночные институты, обеспечена финансовая стабильность. Да, потому что в последние два года удалось провести ряд важных и позитивных, на мой взгляд, реформ, в результате есть, как мне кажется, перспективы того, что экономика будет расти дальше. Ну, а нет... Нет, потому что сделано неизмеримо меньше того, что нужно для обеспечения условий стабильного роста российской экономики, для преодоления той огромной дифференциации между богатыми и бедными, которая существует в России.

Ведущий: Как известно, Ваш институт дал оценку происходящего в России, сильно отличающуюся от оптимистической оценки господина Грефа и его ведомства. Каков Ваш прогноз на ближайшие месяцы экономического развития России?

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что катастрофы не будет. Финансовое положение продолжит оставаться достаточно устойчивым. Если в этом году темпы роста составят 4% ВВП, это будет хороший результат.

Ведущий: Здесь Вы невольно спорите с утверждением господина Путина, который сказал, что такие темпы роста для нас недостаточны.

Егор ГАЙДАР: Есть разница между прогнозом и желанием. Я хотел бы иметь темпы роста 6, 8 и 10%, это было бы замечательно. Но Вы же не спросили меня, сколько я хочу. Вы спросили меня, сколько будет. Будет близко к 4%.

Ведущий: Если Вам предложат снова пойти в правительство, пойдете?

Егор ГАЙДАР: Нет.

Ведущий: Такие предложения были?

Егор ГАЙДАР: Нет.

Политические и социально-экономические ИТОГИ ГОДА

Радиостанция «Эхо Москвы». 23 декабря 2002 г.

Ведущий — Алексей Венедиктов

Ведущий: *Здравствуйте, в эфире радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов, у нас в гостях Егор Гайдар. Думаю, я не буду все Ваши титулы, Егор, называть, и бывшие, и нынешние, просто хочу напомнить нашим слушателям, что вчера в Подмоскowie проходило заседание политсовета СПС, который обсуждал некоторые программные или предпрограммные вопросы. И я хотел бы затронуть сначала политический вопрос — о возможности коалиции с «Яблоком» на будущих парламентских и, возможно, президентских выборах. Как эта картинка в Вашем представлении выглядит на сегодняшний день, за год до парламентских и за полтора до президентских выборов?*

Егор ГАЙДАР: В целом я «за» такую коалицию. Считаю, что за 3 года работы в Думе мы довольно неплохо работали с «Яблоком» и многого смогли добиться вместе. Разумеется, задача непростая, она требует желаний обеих сторон. Надеюсь, что нам удастся договориться о взаимодействии. В целом наши предложения по президентским выборам известны и, на мой взгляд, вполне разумны. Суть их следующая: мы договариваемся о том, что выставляем единого кандидата в президенты.

Ведущий: *И этот единый кандидат не Путин?*

Егор ГАЙДАР: Этот единый кандидат не Путин. И вопрос о том, кто будет этим единым кандидатом, решается Конгрессом демократических сил после парламентских выборов и с учетом итогов парламентских выборов.

Ведущий: *В связи с этим вот если этот единый кандидат не Путин, то естественно, что, в том числе вчера на политсовете, Вы как человек, который ведет, видимо, в СПС всю экономическую программу, подвергли серьезной критике курс правительства. Я бы все-таки в скобках сказал: читай курс президента, поскольку у нас президентская республика. В чем Ваши главные претензии к курсу правительства, потому что, если мы с Вами вспомним, что говорил президент на открытой линии, я Вас буду специально сейчас сшибать и провоцировать по этому поводу: все хорошо, абсолютное большинство россиян довольны, у них повышается материальное благосостояние и т.д. Я не буду повторять президента. В чем Ваши претензии?*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, мы ведь довольно высоко оценили результаты работы правительства в 2000–2001 гг. И я считаю, что в это время были проведены действительно очень существенные и очень важные реформы, в том числе, скажем, в сфере подоходного налогообложения. В 2002 г. мы просто видим, что линия исчезла. Вот в 2000–2001 гг., если бы Вы меня спросили, я бы сказал, что вижу линию правительства, это линия такая-то, она по таким и таким основаниям осмыслена, а здесь правительство того-то не делает, это плохо. А в 2002 г., если Вы будете подводить итоги, то здесь есть один важный результат в экономической области — это Земельный кодекс. А линии нет.

Ведущий: *А что, время уходит? И куда оно уходит, от кого оно уходит?*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, что, собственно, произошло. Конечно, чаще всего жалуются на приближающиеся выборы, на то, что ближе к выборам очень трудно проводить реформы, на рост популизма в парламенте, в том числе среди центристских фракций, — все это правда, это есть. Но, на мой взгляд, главное-то не в этом. В 2001 г. произошла консолидация «Единой России» как партии власти и как партии российской бюрократии. И если в 2000 г., скажем, «Единство» было инструментом в руках тех, кто хотел проводить либеральные реформы, то в 2002 г. мы видим, что партия власти уже становится серьезным институтом, который выражает классовый интерес к российской бюрократии.

Ведущий: *То есть не инструмент, а рука?*

Егор ГАЙДАР: Совершенно точно. А что, разве наша бюрократия заинтересована в том, чтобы у нас были прозрачные проце-

дуры, были равные правила игры, чтобы власть не вмешивалась в дела? Не заинтересована совершенно. И вот именно в этот момент и пошла очень серьезная, на мой взгляд, пробуксовка реформ.

Ведущий: *Значит ли это, что «Единая Россия» и стоящая за ней бюрократия как социальный слой вполне сознательно, а не бессознательно не дают возможности проводить реформы?*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, мне, честно говоря, безразлично, сознательно или бессознательно. Вполне вероятно, что бессознательно. Охотно верю, что бессознательно. Но неважно, является это сознательным саботажем, во что я не очень верю, или просто искренним, неосозанным, но тем не менее мощным стремлением отстоять собственные интересы. Один простой пример, я о нем вчера говорил: ЖКХ. У нас государство гарантирует льготы примерно на 50 млн руб., но не платит по ним, платит, точнее, на 17 млн. Вы партия власти, президент, правительство, парламентское большинство. У вас есть два возможных решения: первое — отменить льготы, второе — платить. Каждое из этих решений имеет свои основания. То и другое вы можете принять. Нет, говорим мы, мы не примем ни того, ни другого решения, льготы не отменим и платить не будем. После этого мы никогда ничего в жизни не проконтролируем в ЖКХ. Как вы будете контролировать сферу, которой вы все время должны? У вас будет постоянный беспорядок, бардак, попросту говоря. У вас там будут все время воровать, ничего не будет прозрачно, будут замораживаться дома. Но зато какая прекрасная среда для российской бюрократии многих уровней!

Ведущий: *Вот создание этой партии центристов или блока, пока не очень понятно, что у нас с партией, это же все-таки деятельность президента, это значит, что президент принял такое решение?*

Егор ГАЙДАР: Конечно. Президент принял это решение. Больше того, я его даже понимаю, потому что в начале его работы создание такого инструмента было важнейшим способом проведения реформы. Я Вас уверяю, что мы никогда не провели бы налоговой реформы в том виде, в котором мы провели ее в 2000 г., если бы не было такого инструмента, как центристские фракции. Просто исключено. Только надо понять, что это как раз тот случай, где цель и средства взаимосвязаны, где очень скоро средства начинают серьезно влиять на цели, которые ты можешь реализовать, используя эти средства.

Ведущий: *Егор, возвращаясь к прямой линии президента, — там, скорее, пицца для размышления и комментария, чем фактура, — я хотел бы понять, и я знаю, я говорил с коллегами с первого и второго каналов, которые работали над вопросами, что огромное число вопросов шло по здравоохранению и образованию, про зарплату. Зарплата учителей, зарплата медицинских работников — эти проблемы напрямую увязывались с результатами их труда. Более того, когда президенту задали вопрос о перегрузке школьников, он ответил про перегрузку учителей, т.е. у него все время в голове именно это. Значит, понятно, что реформа образования и реформа здравоохранения должны быть прежде всего экономической реформой, как показалось, а не реформой идеологической.*

Егор ГАЙДАР: Это совершенно правильно, мы вчера об этом говорили на совете партии. Здесь надо понять, да всем как бы известны наши сегодняшние проблемы образования и здравоохранения, не буду их перечислять — это платежи населения, 40 % реального финансирования из частных источников, 12 % неформальных платежей, низкие зарплаты врачей, невысокое качество обслуживания, отсутствие структурных реформ. Все прекрасно известно, почти навязло в зубах. Надо понять только одно, что эти наши проблемы существуют в контексте мировых проблем с образованием и здравоохранением. Если Вы будете обсуждать эту тему, скажем, с гражданином Англии или Канады, он Вам скажет, как это ужасно: 3 месяца ждать очереди на анализ, потом 3 месяца ждать его результат, очереди, низкое качество обслуживания, отсутствие реальных возможностей, это кошмар какой-то. Причем это в богатых странах, которые тратят на здравоохранение неизмеримо больше в долларах и существенно больше в процентах от ВВП или бюджета. Так что, если мы просто увеличим расходы на здравоохранение на 10 %, на 20 %, на 30 %, на 50 %, не надо думать, что это само по себе решит проблему. Проблема фундаментальная. Когда создавалась нынешняя система финансирования образования и здравоохранения, у образования и здравоохранения была махонькая доля в занятости, в ВВП, в расходах населения. А потом, когда у вас общество трансформируется, взрослеет, входит в постиндустриальную стадию, становится гораздо более пожилым, у вас резко растет спрос на эти услуги. Выясняется, что на них люди хотят тратить гораздо больше, чем на одежду или на обувь. А есть верхние пределы на-

логовых изъятий: вы можете поднять уровень налогов, но, если вы пытаетесь взять более 50 % ВВП, экономика останавливается. И возникает фундаментальная проблема: это сферы занятости и сферы деятельности, спрос на которые объективно растет и будет расти, а возможности вашего финансирования объективно ограничены.

Ведущий: *Моего или государства?*

Егор ГАЙДАР: Государства. Причем не надо думать, что есть в этих сферах простые средства. Нет простых средств типа «давайте все сделаем частным», это общественные блага. И то, что мы предлагали, скажем, вчера в области здравоохранения, это вполне возможные, реализуемые, но просто нестандартные решения, решения, которые нарушают набор догм, который сложился на протяжении последних десятилетий не только у нас, но и, скажем, в Европе.

Ведущий: *Ну, например.*

Егор ГАЙДАР: Например, когда Владимира Владимировича спрашивали о том, что делать со здравоохранением, он говорил: надо развивать страховую медицину. Правильно, надо развивать. Но давайте подумаем, а что у нас, собственно, такое страховая медицина? Вот Вы — предприятие, как налогоплательщик платите взносы в фонд социального страхования, медицинского страхования. У Вас есть возможность выбора, набор услуг, которые Вы получаете взамен?

Ведущий: *Нет.*

Егор ГАЙДАР: У Вас есть реальная возможность выбора страховой организации?

Ведущий: *Скорее нет.*

Егор ГАЙДАР: Практически нет. Качество Вашего медицинского обслуживания как-нибудь зависит от того, сколько Вы платите?

Ведущий: *Абсолютно нет.*

Егор ГАЙДАР: Так какой же это страховой платеж? Это просто налог, который по традиции оформлен, как будто бы это страховой платеж. А теперь представьте себе, например, радиостанцию «Эхо Москвы». Вам говорят, что Вы можете выйти из системы государственного социального медицинского страхования со своими налогами, с 7,6 % фонда заработной платы «Эхо Москвы» и направить эти деньги в частную страховую компанию, сказать частной страховой компании, какой набор медицинских услуг Вы хотите для Ва-

ших работников. Напомню, это будут деньги, которые не облагаются ни социальным, ни подоходным налогами. А теперь мы Вам скажем, что Вы плюс к этому можете еще 5% зарплаты Ваших работников внести туда же, доплатить и они тоже не будут облагаться ни социальным, ни подоходным налогами. После этого разве для Вас это налог? Это замечательная налоговая льгота.

Ведущий: *И вложение средств.*

Егор ГАЙДАР: Прекрасная часть заработной платы Ваших сотрудников, которая не облагается ни социальным, ни подоходным налогами. Что Вы получаете? Первое, Вы снижаете налоговое бремя. Второе, Вы увеличиваете ресурсы, которые идут на реальную медицину. Третье, Вы создаете для людей возможность выбора, доверяете им возможность участвовать в выборе того, какие медицинские и страховые услуги они хотят получать. Четвертое, Вы создаете конкуренцию в этой сфере. Пятое, Вы создаете разумный набор стимулов к тому, чтобы система медицинских учреждений начала трансформироваться из того, что нам досталось, в то, что действительно нужно людям. Вот, собственно, подобного рода набор решений мы и предлагаем в разных областях социальной сферы.

Ведущий: *И образование?*

Егор ГАЙДАР: Да, там по-другому. В образовании есть несколько проблем, но ключевая, главная из них — это высшее образование.

Ведущий: *Все-таки высшее, Вы считаете?*

Егор ГАЙДАР: Главная из того, что можно всерьез поправить, это высшее. В области среднего образования, конечно, свои проблемы. Кстати, Вам как профессиональному учителю они хорошо известны, мы можем их обсудить. Но вот то, что абсолютно очевидно неразумно устроено, — это система финансирования высшего образования. Что у нас получается? Все обследования показывают, всем прекрасно известно, что у нас массово распространены различные неформальные платежи при поступлении в вузы на места, которые финансируются государственными деньгами. У нас замечательная ситуация. Те, кто богаче, влиятельнее, они могут заплатить субплатежи, скажем так, и добиться того, чтобы их дети поступили в вузы.

Ведущий: *И купить место.*

Егор ГАЙДАР: Да, и учились на деньги налогоплательщиков. А те, кто менее богат, менее влиятелен, не имеет таких денег, не могут добиться, чтобы их дети поступили в вузы и учились на день-

ги налогоплательщиков, и этих детей забирают в армию, где им, естественно, не платят и откуда они пытаются бежать. Согласитесь, какая-то немножко странно устроенная структура. Сейчас идет эксперимент, и он разумный, если мы хотим направлять деньги на финансирование за счет налогоплательщиков высшего образования тем, кто достоин. Одно дело — среднее образование, мы его предоставляем всем. Поэтому я прекрасно понимаю, почему я как налогоплательщик плачу деньги на то, чтобы все дети в нашей стране получали среднее образование. И хотел бы платить именно на это больше.

Ведущий: *Это понятно.*

Егор ГАЙДАР: А почему мои деньги должны идти на финансирование высшего образования, если непонятно, кто их получает? Должны быть понятны критерии, кому эти деньги поступят. И идея тестов, единых экзаменов, с этой точки зрения абсолютно правильная, нам нужны некие стандарты и процедуры. Тогда, если обсуждается вопрос, что Вы получите деньги налогоплательщиков на то, чтобы Ваш ребенок учился в вузе за государственный счет, значит, должна быть понятная процедура, при помощи которой выясняется, почему Ваш ребенок получает эти деньги, а вот ребенок Петрова не получит. И тут возникает другая проблема. Если Вы по этим же стандартам, тестам будете отбирать тех, кто имеет право поступить в консерваторию, в ГИТИС, на мехмат, в физтех и т.д., Вы можете представить, что получите?

Ведущий: *Очень легко могу представить.*

Егор ГАЙДАР: Это фундаментальная проблема, которая требует решения. И мы предлагаем ее решить. Причем решение предельно простое. Во-первых, у нас есть абсолютно идиотская норма в законодательстве, которая регламентирует, сколько студентов мы должны учить бесплатно на 10 тыс. жителей. Она особенно странная, если учесть специфику российской демографии, где в силу демографических волн, которые идут от Первой мировой войны, у нас численность юношей и девушек в разных возрастных когортах может различаться практически в 2 раза.

Ведущий: *А норма остается?*

Егор ГАЙДАР: А норма остается, она же не подсчитала юношей и девушек, она вообще не зависит от численности населения. В 2006 г. вообще непонятно, откуда возьмем столько молодежи.

Надо уйти от этой нормы, существенно повысить ту сумму, которую государство предоставляет.

Ведущий: *То есть количество людей, которые будут приняты?*

Егор ГАЙДАР: Снизить количество людей, обучаемых на государственные деньги, а деньги оставить или увеличить, с тем чтобы действительно это было адекватное финансирование. Надо, чтобы все вузы конкурировали за государственное финансирование. После этого мехмат сможет выбирать, кого он возьмет, точно так же как консерватория. А в обычных вузах должно быть три главных основания предоставления государственных денег. Первое, это система тестов, и она стандартна. Второе, это существующий у нас совсем небольшой канал, но который должен сохраняться, — это канал предметных олимпиад. Все-таки очень хорошая культура.

Ведущий: *Егор, что Вы говорите? Вот буквально на днях министр образования сказал, что теперь золотые медали не будут предоставлять права внеочередного или льготного зачисления в вузы, т.е. люди, которые получают медали, которые добиваются успехов, не получат преимуществ. Все наоборот происходит.*

Егор ГАЙДАР: То, что мы предлагаем, — это наше предложение. Жизнь, я бы так сказал, показывает, что рано или поздно наши предложения почему-то бывают реализованы. Это получается не сразу, но они будут реализованы, я Вас уверяю. Вопрос лишь в том, когда именно. И третье основание государственного финансирования. В Америке, например, очень серьезное продвижение в сфере образования после Второй мировой войны было обеспечено так называемым Солдатским биллем о правах, когда воевавшим солдатам было предоставлено право получить за государственный счет высшее образование. И если мы обсуждаем эту проблему вместе с проблемой перехода на контрактную армию, то уж кому точно надо предоставить право за счет государства учиться, если он этого хочет, так это тому, кто прошел трехлетний контракт. Он служил в армии, выполнил долг перед отечеством за деньги и плюс к этому получил право бесплатно, за деньги налогоплательщиков учиться в вузе. Я понимаю тогда, за что я плачу свои деньги на высшее образование.

Ведущий: *Егор Гайдар — гость нашего эфира. И мы вернемся, может быть, опять к тому, о чем говорил президент. Я все-таки пытаюсь понять какие-то вещи. Вот президент достаточно оптими-*

стично говорил о росте ВВП в этом году, он сказал, что 4,1% — это замечательно. И сегодня эти цифры подтвердил, по-моему, Дворкович, замминистра экономического развития. Или даже они больше, чем ожидалось. Я хотел бы просто напомнить, что года полтора-два назад президент говорил о недостаточности амбиций правительства. Год назад, когда правительство заикнулось о 5–6%, говорил, что надо, чтобы был рост 7% и тогда мы догоним Португалию, по-моему, через 20 лет, точно не помню. Значит, теперь у нас успех 4,1%. Так что правильно — 7 или 4 или надо успокоиться на том, что есть?

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, первое, что здесь надо сделать, надо понять характер нынешнего российского экономического роста, который, к сожалению, на мой взгляд, не понят большей частью экономического и политического сообщества. Когда говорят о сегодняшнем росте в России, то явно или неявно подразумевают две гипотезы. Первая из них, самая комплиментарная для правительства: вот пришел В. В. Путин, произошла политическая стабилизация, начались реформы, начался рост. Вторая, менее комплиментарная для правительства и более широко распространенная в профессиональном сообществе, связывает рост с девальвацией, реальным обесценением рубля и хорошей конъюнктурой рынка нефти.

Ведущий: 1998 год, обесценивание рубля.

Егор ГАЙДАР: Реальная девальвация, хорошие цены на нефть — вот Вам предпосылки для роста. На самом деле и то, и другое, на мой взгляд, не точно, т. е. структурные реформы важны для долгосрочных перспектив, цены на нефть важны для российской экономики, реальный уровень рубля важен. Но все это накладывается на гораздо более общий процесс. Понимаете, когда мы, обсуждая российские проблемы, ссылаемся на то, что страна такая большая, все время остается ощущение, что никого рядом просто нет. Что нет 30 других стран, которые тоже решают проблему постсоциалистического развития. А если Вы вспомните, что они есть, Вы зададите себе вопрос: а остальные-то, они как сейчас себя ведут? Растут. Вот, скажем, постсоветские страны почти все растут, в Киргизстане в этом году проблемы с ростом. Они все время росли? Нет, они в свое время падали между 1992 и 1995 гг. В 1995 г. начались первые признаки восстановления там, где были войны и блокады до это-

го. В 1996–1998 гг. были колеблющиеся, неустойчивые темпы роста. В 1999 г. рост происходит практически везде, кроме Украины, в 2000 г. — везде.

Ведущий: *То есть есть некая линейка?*

Егор ГАЙДАР: Конечно, есть некая линейка.

Ведущий: *Независимо от...*

Егор ГАЙДАР: Абсолютно точно. И на самом деле, почему это происходит, тоже понятно, потому в том числе, что когда мы говорим о росте, то все время пользуемся понятием ВВП. И люди, которые пользуются этим понятием, им как-то кажется, что это что-то такое банальное, простое, очевидное.

Ведущий: *Рост и рост.*

Егор ГАЙДАР: Рост, что-то производят, что-то делают.

Ведущий: *Больше стали делать, да?*

Егор ГАЙДАР: На самом деле само понятие ВВП — это очень деликатный параметр. И те, кто его вырабатывал, великие экономисты, разрабатывавшие систему национальных счетов, это прекрасно понимали. Вот понимаете, что если, не дай Бог, Вы разведетесь со своей женой, но она при этом согласится стирать Ваши рубашки, то ВВП вырастет.

Ведущий: *Нет, этого я не понимаю.*

Егор ГАЙДАР: А если Вы после этого снова на ней женитесь, ВВП упадет.

Ведущий: *Это сложно.*

Егор ГАЙДАР: Это очень деликатный показатель. Вот, скажем, Саймон Кузнец, тот самый замечательный американский экономист Simon S. Kuznets русского происхождения, автор системы национальных счетов, обращал внимание на то, что если Вы будете обсуждать проблему ВВП в Древнем Египте, то у Вас возникнет серьезнейшая проблема, на сколько делить-то для получения душевого показателя: на число живущих или на число живущих плюс первое поколение мертвых?

Ведущий: *Я хотел бы вернуться все-таки к цифрам и к определению ВВП, поскольку все говорят о том, что это объективный показатель, который дает возможность сравнивать результаты разных стран. Я хотел бы, чтобы все-таки Вы, Егор, объяснили, как его понимать и каков он должен быть для России, чтобы мы не отставали, а как минимум чуть-чуть догоняли каждый год разные страны.*

Егор ГАЙДАР: Во-первых, еще раз о самой природе показателя ВВП. Он вырабатывался для рыночных экономик с демократическими правительствами. И авторы, выработавшие его, сформировали простую гипотезу, не лишённую для этих условий здравого смысла. Суть ее в следующем: если за это кто-нибудь платит либо как потребитель, либо как налогоплательщик, то эта деятельность или товар представляет некую ценность.

Ведущий: *То есть только тогда, когда продукт имеет то, что называется в учебниках потребительной стоимостью, когда он мне нужен?*

Егор ГАЙДАР: Только тогда, когда он имеет меновую стоимость, только тогда, когда за него кто-нибудь платит.

Ведущий: *То есть, если производится что-то, что не находит применения, это не должно включаться в ВВП?*

Егор ГАЙДАР: Да, абсолютно правильно. Теперь наложим эту концепцию на реалии советской или в целом социалистической экономики. Потребителя никто ни о чем не спрашивал, есть экономика дефицита, никакой демократии нет, есть масса видов деятельности, за которые в условиях рынка и демократии никто никогда бы в жизни не стал платить, которые нежизнеспособны. Вот, скажем, в известные нам годы мы как страна осушали торфяники под Москвой. Сейчас мы после пожаров собираемся их снова орошать. Мы тогда создавали ВВП, мы снова будем создавать ВВП. Мы в свое время осушали Кара-Богаз-Гол для того, чтобы остановить падение Каспия. Потом Каспий начал подниматься, и мы после этого стали строить канал Волга–Чограй, чтобы отвести волжскую воду и прекратить подъем Каспия. И в том, и в другом случае мы повышали ВВП. Если мы завтра начнем реализовывать гениальные идеи Юрия Михайловича¹ насчет переброски сибирских рек, я Вас уверяю, ВВП вырастет. Правда, на карточки придется всех посадить, но ВВП-то будет расти. Так вот когда социализм рухнул, выяснилось, что существует очень широкий круг видов деятельности в Польше, Чехии, Словакии, России, Таджикистане, везде, которые никогда не могут быть оплачены людьми, ни как налогоплательщиками, ни как потребителями. И с этих видов деятельности начина-

¹ Лужков Ю. М. — российский политический деятель, на протяжении 18 лет (с 1992 по 2010 г.) занимавший пост мэра Москвы. — *Прим. ред.*

ется высвобождение ресурсов. Но вы не можете немедленно перераспределить эти ресурсы и направить их в те сферы, за которые люди готовы платить деньги. Поэтому везде, всегда после краха социализма, развитого, индустриального, сначала идет падение производства, пока высвобождение ресурсов идет более быстро, чем их использование в других сферах, и потом, после этого, падение сменяется ростом. Вот, собственно, природа того роста, который мы имеем сегодня.

Ведущий: *То есть это постсоветский рост.*

Егор ГАЙДАР: Это постсоветский восстановительный рост. Причем, что интересно, этот рост не новая вещь в нашей стране. Он у нас уже бывал, и он изучен в экономической литературе. Именно так, как восстановительный рост описывал рост советской экономики при нэпе замечательный российский экономист Владимир Густавович Громан. И известны тенденции этого роста. Собственно, в чем его суть? В том, что вы используете то, что было раньше. Вот раньше у вас было оборудование, у вас была рабочая сила, она на какое-то время разбежалась, вы снова объединили оборудование, хозяйственные связи, материалы, рабочую силу, немножко переориентировали ее использование, она снова у вас работает. Это тот рост, который происходит при невысоких темпах роста капитальных вложений, за счет использования существующих производственных мощностей.

Ведущий: *Вы считаете, что это то, что сейчас происходит у нас?*

Егор ГАЙДАР: Это то, что происходило в 1920-е гг. и происходит сейчас у нас. Кстати говоря, в 1920-е гг. на это тоже обращали внимание. При всех разрушениях важнейшим фактором падения производства тогда, во время Гражданской войны, была дезорганизация хозяйственных связей. После того как была проведена денежная реформа, был введен золотой червонец, хозяйственные связи установились, начался бурный восстановительный рост. Есть две важные черты такого роста, которые надо понимать. Первое — он всегда происходит неожиданно. В Госплане никто не ожидал таких высоких темпов роста в 1923/24 хозяйственном году, они были величайшим сюрпризом для начальства, для политического руководства, для экспертов, для всех, точно так же как величайшим сюрпризом были темпы роста 2000 г., ведь наше российское правительство

на тот год планировало от роста на 0,2% до падения на 2,2%. МВФ планировал рост 2%. А рост составил 11% в промышленности, 9% — по ВВП¹. Он всегда является неожиданным. Второе — он по своему характеру является затухающим, потому что вы сначала загружаете оборудование, рабочую силу — почти 9 млн. человек привлекли в экономическую деятельность на протяжении последних 4 лет, у вас стабилизируются хозяйственные связи. Но это же все исчерпаемо! Для того чтобы потом рост у вас носил долгосрочный, устойчивый характер, он должен быть иным, он тогда должен включать серьезные долгосрочные вложения в основные фонды и т.д. А этот высокий скачок начала восстановительного роста задает политическую точку отсчета.

Ведущий: Ну да, 9, 5, 4.

Егор ГАЙДАР: Как же так, эта вся дискуссия нэповская, когда удивлялись: вы посмотрите, как же так, мы столько хорошего делаем, а темпы роста-то падают? И весь крах нэповской конструкции прошел на этом фоне, там было два кризиса нэпа: 1925–1926 гг., потом 1927 г. В 1925–1926 гг. пытались форсировать темпы роста, но тогда еще был большой восстановительный рост, поэтому потом стабилизировали деньги и от искусственного форсирования отказались. А в 1927 г. они уже просто в несколько раз упали.

Короче говоря, этот рост носит восстановительный характер. Нынешнее падение его абсолютно естественно, более того — неизбежно. Для того чтобы создать базу устойчивого роста, по большому счету не имеет значения — будет у нас в 2003 г. рост 4% или 3,5%. Важно, какие будут темпы роста между 2005 и 2020 гг., создадим ли мы тот набор институтов, который позволит не просто задействовать эти оставшиеся резервы восстановительного роста, а создать предпосылки устойчивого роста на основе вовлечения в оборот новой, квалифицированной рабочей силы и новых, достаточно совершенных и современных средств производства. Вот это предельно важно. А для этого, собственно, что нужно? А для этого и нужны те самые структурные реформы: создание благоприятного инвестиционного климата, защита прав собственности, разумная налоговая система. И это важно. Если говорить всерьез о позитивных

¹ По уточненным данным, темп роста в 2000 г. составил по промышленному производству 8,7%, по ВВП — 10%. — *Прим. ред.*

амбициозных планах, то это не амбициозные планы, как повысить с сегодня на завтра темпы роста до 7%, это авантюра со страшно тяжелыми потенциальными последствиями. Амбициозные планы — это как нам сформировать за исторически ограниченный, короткий срок времени...

Ведущий: *Какой?*

Егор ГАЙДАР: Следующие 2–3 года, тот набор институтов, которые позволят сказать, что частная собственность надежно гарантирована, вкладывать деньги в Россию можно, здесь функционирует более-менее приемлемая судебная система, коррупция в государственном аппарате есть, но она сокращается, решения принимаются прогнозируемо и прозрачно, налоговая система разумная и т.д. Только тогда мы сможем создать предпосылки устойчивого роста для России. Что касается темпов. Вы знаете, Америка обеспечила себе лидерство в мире за счет того, что темпы роста производительности труда там составляли 2% в год, только они составляли 2% в год на протяжении 200 лет!

Ведущий: *И последний вопрос. Вы сказали, нам необходимо в течение 2 лет то-то и то-то, иначе...*

Егор ГАЙДАР: ...иначе мы получим следующее: у нас возникнет пауза, и резервы восстановительного роста будут исчерпаны, это совершенно неизбежно. Рост на основе долгосрочных крупных вложений не возникнет, возникнет угроза суеты экономической, политической, попыток решить проблемы роста за счет наращивания бюджетного дефицита, ослабления денежной политики, всего, что обычно в таких случаях и делают под влиянием паники в странах, столкнувшихся с невозможностью обеспечить адекватные, устойчивые предпосылки роста.

Ведущий: *В связи с этим вот СПС, я возвращаюсь к началу нашей беседы, обладает сравнительно небольшой, просто небольшой фракцией в Госдуме, где принимаются законы. Мы видим огромный центристский контролирующей сейчас Думу блок, мы видим левую оппозицию: треть, четверть Госдумы. За счет каких ресурсов те предложения, которые выдвигает СПС, вы будете осуществлять? Или ваш единственный ресурс президент?*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, до сих пор так или иначе нам удавалось реализовывать наши важнейшие программы и задачи. Мы поставили задачу сформировать в России рынки — сформировали, мы

поставили задачу сделать рынок конвертируемой валюты — сделали.

Ведущий: *Только ресурсом был Ельцин, президент, но с другой фамилией.*

Егор ГАЙДАР: Совершенно точно, правильно. Мы поставили своей задачей ввести в России плоский подоходный налог и добились этого.

Ведущий: *И ресурсом был президент с другой фамилией: Путин.*

Егор ГАЙДАР: Совершенно верно. То, что мы предлагаем, соответствует объективным интересам России. Это нужно, но не нам, это нужно стране для ее устойчивого развития. В связи с этим я надеюсь, что мы сможем и на этот раз добиться реализации наших предложений. А если в следующей Думе фракция СПС будет в 2 раза больше, это существенно поможет.

Ведущий: *Спасибо большое. Я напоминаю, в прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы» был Егор Гайдар.*

Важно продолжать реформы

Телеканал «ТВС».

Программа «Смотрите, кто пришел». 26 февраля 2003 г.

Ведущий — Владимир Соловьев

Ведущий: *Сегодня Егор Гайдар представил общественности свое видение перспектив социально-экономического развития России. Это был доклад, в котором затронуты практически все институты современного общества и даны конкретные рекомендации по обустройству России. Егор Тимурович сегодня гость нашей студии. Здравствуйте, Егор Тимурович.*

Егор ГАЙДАР: Добрый вечер.

Ведущий: *Вы не согласны с проводимой правительством политикой?*

Егор ГАЙДАР: Я считаю, что правительство сделало довольно много важного и полезного, особенно в 2001 и 2000 гг.

Ведущий: *А сейчас забуксовало?*

Егор ГАЙДАР: Я считаю, что были проведены важные и полезные структурные реформы. Я сожалею, что темп их явно замедлился с 2002 г., что, на мой взгляд, неправильно. И я боюсь, что правительство не в полной мере оценивает риски, связанные с падением цен на нефть, в течение следующих 18 месяцев.

Ведущий: *Сегодня на улицы вышли люди, считающие Вас непосредственным виновников всех их бед. И они тоже не согласны с правительством. Как быть с такой странной датой, которая выбрана Вами для доклада? Это случайное совпадение или в пик бюджетамикам?*

Егор ГАЙДАР: Да нет, зачем. Они не согласны с правительством, считают, что то, что собирается сделать правительство, неправильно. Я считаю, что это правильно, и плохо то, что это делается медленно и непоследовательно.

Ведущий: *Что это?*

Егор ГАЙДАР: Набор структурных реформ, включающих такую вещь, как реформа бюджетных расходов. Мы сегодня финансируем бюджетные учреждения не потому, что знаем, что эти бюджетные учреждения выполняют некий набор полезных функций, скажем, учат студентов, проводят научные исследования, которые мы хотим проводить. А просто потому, что они когда-то попали в бюджетную сферу. И мы с Вами вроде как обязаны их всегда содержать. На мой взгляд, это неправильная ситуация. Приведу один пример. У нас есть сеть заграничных представительств, посольств, торгпредств. Вы знаете, в каких странах у нас есть атташе по сельскому хозяйству? Думаете, в тех странах, куда мы с огромным трудом пытаемся сейчас сбывать наше избыточное зерно — в Южной и Северной Африке? Ничего подобного. Они там, где Советский Союз 20 лет назад закупал зерно. В Канаде, Аргентине, Австралии. Почему они там? А так сложилось исторически, и вот пока мы не перейдем от бюджетной сети, которая нам досталась, к той, которая устроена исходя из потребностей страны, до тех пор у нас всегда будут крайне неэффективные бюджетные расходы, будут очень высокие налоги.

Ведущий: *Но вроде бы то, что Вы говорите, совершенно очевидно.*

Егор ГАЙДАР: Это очевидно. Более того, разработаны программы реструктурирования бюджетных расходов, подготовлены соответствующие законы. С ними никто даже не спорит, Минфин это поддерживает. Но все это очень тяжелая работа и, как только доходит до дела, затрагивает конкретные интересы. Тяжело эти законы проводить и через парламент.

Ведущий: *Конкретные интересы — это чьи?*

Егор ГАЙДАР: Они затрагивают интересы всей бюджетной сферы. Одно дело, если ты хорошо работающий институт, производящий массу полезного научного продукта, ты конкурентоспособен. Тогда для тебя такого рода реформа не представляет никакого труда и никакого ущерба, ты получишь заказ. А может быть, мои работы вообще никому никогда не нужны и я получаю деньги толь-

ко потому, что когда-то оказался в бюджетной сфере. Меня устроит такая реформа? Да с какой стати.

Ведущий: *Егор Тимурович, люди вышли на улицы не потому, что они никому не нужны, не потому, что их труд не востребован: это врачи, учителя, а потому, что наше государство асоциально. В Конституции записано, что мы социальное государство. А ведомство Починка¹ получает деньги по остаточному принципу.*

Егор ГАЙДАР: Эти проблемы нашей бюджетной сферы, к сожалению, просто дополнительными деньгами не решаются. Я сегодня об этом подробно говорил и объяснял почему. Вы можете туда вбухать два бюджета. Если Вы не поменяете структуру финансирования, у Вас возникнут те же самые проблемы низких зарплат, неэффективности, которые есть сегодня. Это просто такая закономерность. Просто так устроено финансирование здравоохранения и образования, как показывает опыт многих стран.

Ведущий: *Понимаю, но люди должны пережить реформы. Ваши первые реформы часть людей пережила, и они сейчас очень хорошо себя чувствуют, и мы знаем их фамилии. Их человек 20 в стране, остальные до сих пор вспоминают Вас не без внутреннего матерного слова.*

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что Вы не правы, не 20 человек.

Ведущий: *220. Мы говорим о разных категориях.*

Егор ГАЙДАР: Десятки миллионов людей на самом деле, конечно, выиграли от реформы. Они не всегда готовы в этом признаться, но десятки миллионов людей выиграли с точки зрения того, что они реально получают сегодня: как они живут, какая у них есть свобода перемещения по стране и в мире. Потому что они не должны ходить в райком и получать разрешение на выезд в Болгарию. Потому что они привыкли, что не стоят по 2 часа в очереди. Потому что у них совершенно другой уровень выбора. Десятки миллионов людей выиграли, иначе никогда бы в жизни мы не предотвратили возврат коммунистов к власти. Не надо думать, что люди у нас абсолютно иррациональные, что им можно всем задурить голову пропагандой, это неправда. Базово, конечно, страна разделена на тех, кто выиграл, и тех, кто проиграл.

¹ Починок Александр Петрович — в 2000–2004 гг. министр труда и социального развития РФ.— *Прим. ред.*

Ведущий: *Вы имеете в виду на тех, которые своровали, и тех, кого обворовали?*

Егор ГАЙДАР: Нет, тех, которые приспособились, адаптировались, научились работать в новых условиях, вкалывать тяжело. Конечно, это были в первую очередь большие города, а не село. Хотя село на юге сейчас начинает жить очень прилично. Это, конечно, были в первую очередь молодые, пожилому адаптироваться гораздо труднее. Это были, конечно, в первую очередь образованные. Тем не менее страна оказалась разделенной на тех, кто выиграл, и тех, кто проиграл.

Ведущий: *Да, но возник главный вопрос — социально незащищенные слои всегда проигрывают, а государство обязано их защитить. Вот сейчас Вы предлагаете очередную структурную реформу. Как защитит тех, кто нуждается в защите?*

Егор ГАЙДАР: Социально незащищенные всегда выигрывают от разумно проведенных реформ. Но вот то, что проводилось в 1992 г., — это в общем были не реформы. Мы проводили дефибрилляционные¹ мероприятия умершей экономики в умершем государстве. Вообще они довольно болезненны.

Ведущий: *Вы имеете в виду электрошок на голое сердце?*

Егор ГАЙДАР: Да, Вы ведь знаете, что удовольствия от этого никто не получает. К счастью, большинство людей в это время находится в бессознательном состоянии. Мы, когда у нас не было ни золотовалютных резервов, ни хлеба до урожая, ни работающего старого государства, ни работающего нового государства, ни работающего плана, ни работающего рынка, должны были провести дефибрилляционные мероприятия, чтобы у нас не получилось, как в 1918 г.

Ведущий: *Жаль, на народ не хватило анестезии.*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, к сожалению, анестезия мало помогает. В 1917 г. не провели дефибрилляцию, чем это закончилось, знаем. В 1992 г. провели дефибрилляцию, причем тяжело и очень болезненно. Легкими методами терапии это не лечится. Но гражданской войны не было.

¹ Дефибрилляция — один из наиболее важных компонентов сердечно-легочной реанимации путем пропускания через грудную клетку короткого одиночного разряда электрического тока высокого напряжения с целью устранения фибрилляции желудочков, т.е. беспорядочного сокращения отдельных групп мышечных волокон сердца. — *Прим. ред.*

Ведущий: *Хорошо, вернемся на 10 лет вперед. Что нас ждет в дальнейшем? Большинство людей, с которыми я разговариваю, живут в ощущении надвигающегося кризиса, по сравнению с которым 1998 г. покажется детским садом, потому что тогда удалось сдержать социальное недовольство. Теперь разрыв между уровнем доходов беднейших и богатейших уже давно за пределами критической ситуации. И то, как часто власть и СМИ говорят: не волнуйтесь, все будет хорошо, — только нагнетает страх.*

Егор ГАЙДАР: Я не жду какого-то масштабного кризиса. У нас есть опыт кризисного развития. Я помню, как с 1999 г. в любой аналитической программе было принято прогнозировать кризис на следующие 3 месяца. Потом постепенно временные рамки раздвигались. Сейчас уже никто на следующие 3 месяца не прогнозирует, но сохраняется ожидание, что когда-то этот страшный кризис должен наступить. Я убежден, что, если мы не будем делать грубых просчетов в экономической политике, если продолжим структурные реформы, если не будем безответственно проводить макроэкономическую политику, ничего подобного тому, что было в 1998 г., у нас в ближайшее время не будет даже при самом неблагоприятном сценарии резкого падения цен на нефть.

Ведущий: *Но, как я понимаю, сослагательное наклонение, которое Вы употребили, подразумевает, что как раз сейчас все эти ошибки становятся все более и более реальными.*

Егор ГАЙДАР: Они становятся возможными. 4 года высоких цен на нефть приводят к полному «разжижению мозгов» правящей элиты. Если Вы вспомните последние 4 года высоких цен на нефть в 1979–1982 гг., цены были примерно в 3 раза выше, чем сейчас, в реальном исчислении. Они привели к такому «разжижению мозгов», что мы даже в Афганистан ввязались. Я считаю, что сейчас правительство в целом прилично справилось с 4 годами очень высоких цен на нефть. Но всему приходит предел, и политическая элита становится очень расслабленной, и кажется, что уж дальше мы просто все можем себе позволить.

Ведущий: *Политическая элита — это кто?*

Егор ГАЙДАР: Разумеется, это и парламент, думское большинство, часть правительства, часть администрации президента, политические и экономические журналисты, все, кто участвует в процессе реального обсуждения экономики. Ощущение, что, когда 4

года такие высокие цены на нефть и мы профицитный бюджет себе позволяем, а у нас же масса проблем, давайте потратим.

Ведущий: *Егор Тимурович, а Вы кому доклад писали? То есть Вы хотите, чтобы кто-то услышал и понял, что Вы там изложили?*

Егор ГАЙДАР: Я хочу, чтобы это как раз поняла та политическая элита, о которой я говорил сейчас.

Ведущий: *То есть президенту и Касьянову?*

Егор ГАЙДАР: Нет, совершенно необязательно. Политическая элита не состоит из президента и Касьянова. Как человек, который работал во власти, я могу сказать, что на самом деле правительство прислушивается к тому, что говорит общество, экспертное сообщество, к тому, что говорят с экранов телевизора, пишут влиятельные газеты, что происходит в Думе. Влияние Думы на процесс принятия решений очень сильно недооценено этим политическим сообществом. Кажется, если такой сильный президент и у него там проправительственное большинство, то он может делать все что угодно. Это не так. Да, если он бросит все и сконцентрируется на двух важных реформах, он может провести через нашу Думу почти все. Но их, к сожалению, никогда не бывает две. А дальше возникает масса компромиссов, уступок.

Ведущий: *И «забалтывание» проблемы. Егор Тимурович, сейчас очевидно, что внутри правительства идет борьба. Условно говоря, между господином Касьяновым, который считает, что нам нужна не структурная реформа, а тонкое налаживание, и командой, скажем так, господина Грефа, которая убеждена, что необходимо сейчас немедленно осуществлять изменения. Как я понимаю, мне было вежливо дано понять, что принято решение реформу разрабатывать, но приступить к ее осуществлению после президентских выборов. Вы считаете, что такой подход возможен? Какую из двух групп Вы поддерживаете: группу Касьянова или группу Грефа?*

Егор ГАЙДАР: Я не стал бы говорить в терминах личностей. Я понимаю мотивы тех, кто говорит: ну какие тут реформы перед выборами, смешно же. Тем не менее я убежден, что потеря времени очень опасна. Можно сказать так: посмотрите, сколько мы всего сделали. Судебная реформа — десятки тысяч людей не сидят в тюрьме без судебного решения. Замечательно. Пенсионная система — начали наращивать накопительную часть. Налоговая реформа. И дальше можно пальцы загигать, и каждый раз будет се-

рьезное дело. И можно сказать: ну слушайте, сколько же можно? А можно сказать, что, понимаете ли, для того чтобы все это работало на устойчивый рост, нужно не три, пусть очень хорошие, реформы, нужно создание набора институтов. И вы не можете заменить плохо работающую судебную систему или систему защиты прав собственности даже очень хорошей налоговой реформой. Если вы завтра сделаете прорыв в налоговой области, у вас будет лучшая налоговая система в мире, но при этом не будет массы всего другого, что необходимо, вас просто не будет.

Ведущий: *Понял. Итак, очень короткий вопрос под конец. Так какие же тенденции успеют победить до выборов: необходимость изменения или: а, подождем, дай Бог, цена на нефть так резко не упадет.*

Егор ГАЙДАР: Не знаю, не хочу гадать. Боюсь, что второй подход имеет больше шансов быть реализованным. Но что особенно важно, уж тогда нужно по меньшей мере быть готовыми к энергичному использованию следующего «окна возможностей», которое откроется весной 2004 г. И еще — не наделать глупостей в финансовом плане.

Ведущий: *Спасибо, Егор Тимурович. Я советую всем тем, кто нас смотрел, не наделать глупостей в финансовой области, посчитать, сколько денег осталось в кошельке, и знать, что реформы — это очень хорошо. Главное, иметь возможность дожить до их счастливого завершения.*

Главное — не наделать ошибок!

Русская служба Би-би-си. 27 февраля 2003 г.

Известный экономист и политик Егор Гайдар впервые за последние полтора года собрал российских журналистов и политиков в Москве, чтобы обнародовать свой прогноз развития России в ближайшие несколько десятилетий.

В последующем интервью корреспонденту Русской службы Би-би-си Илье Архипову Егор Гайдар, возглавляющий Институт экономики переходного периода, подробнее рассказал о том, каким он видит будущее страны, и о том, как кризис вокруг Ирака может повлиять на российскую экономику.

Би-би-си: *Вы утверждаете, что через 25–50 лет Россия выйдет на уровень развития современных высокоразвитых стран. С чем связан такой оптимистичный прогноз?*

Егор ГАЙДАР: Россия на протяжении двух веков развивалась примерно с таким лагом с ведущими странами — лидерами экономического роста. Она прошла через две мировые войны, через Гражданскую войну, через революцию, социалистический экономический эксперимент и его крах, а дистанция отставания при этом оставалась достаточно близкой.

Два поколения нас и разделяют. Это не значит, что нам кто-нибудь гарантирует, что так будет всегда. Никто нам не гарантирует, что через 50 лет у нас будет такая инфраструктура, такая система занятости, как сегодня во Франции или Германии. Важно понимание того, что наши завтрашние проблемы — это проблемы стран-лидеров вчерашнего дня. Мы очень многому можем научиться у них и очень многих ошибок можем не повторить.

Би-би-си: *Как кризис вокруг Ирака может повлиять на развитие российской экономики? Способен ли этот кризис как-либо изменить Ваши оптимистичные прогнозы?*

Егор ГАЙДАР: Он уже сейчас дает нам крупную «военную» премию нефтяных цен. При начале войны он приведет к дальнейшему росту цен на нефть, по завершении — к соответствующему компенсирующему резкому падению этих цен. Насколько резкому, посмотрим, но ясно, что они будут на уровне существенно более низком, чем нынешние.

Сейчас российские финансово-денежные установления функционируют так, что мы можем легко пройти через этот кризис. Все, конечно, непросто, но, по крайней мере, ничего катастрофического, подобного тому, что произошло в 1998 г., иракский кризис сам по себе нам не несет, если мы не наделаем новых ошибок.

Би-би-си: *Какими могут быть эти новые ошибки?*

Егор ГАЙДАР: Я вижу очевидное замедление реформ с 2002 г. Результаты структурных реформ были очень серьезными в 2000–2001 гг., но существенно более медленными в 2002 г., потому что приближается избирательный цикл, усиливается влияние партии власти на реально принимаемые правительством решения, что не улучшает их качество.

В 2000–2001 гг. партия власти была инструментом в руках президента и правительства, который они использовали довольно эффективно. А с течением времени партия обрастает своими интересами и популистскими задачами. Уровень популизма в партии власти и соответственно влияния на правительство явно нарастал с 2001 г.

Я считаю, что самое глупое, что правительство сейчас может сделать, — это отказаться дальше последовательно проводить линию реформ и заняться макроэкономическими экспериментами.

Би-би-си: *Есть ли опасности политического характера? Что у Вас вызывает наиболее серьезное беспокойство с этой стороны?*

Егор ГАЙДАР: Я вижу риск появления модели так называемой закрытой демократии, под которой стоит понимать ситуацию, когда выборы есть, партии есть, оппозиционные политики сидят в парламенте, а не в тюрьме, границы свободны, печать умеренно свободна, выборы проходят, но только вот результаты выборов мало на что влияют.

Это такой способ решения проблем нестабильности молодых демократий. Он, к сожалению, имеет одно неприятное свойство — ве-

дет к укоренению коррупции в политическом процессе всегда и неизбежно. А для России это очень опасная угроза.

Би-би-си: *Вы говорите о существующих у России «окнах возможностей». Что это за «окна»?*

Егор ГАЙДАР: Первое «окно возможностей», очевидно, весна 2004 г., когда пройдут президентские выборы, время, когда начинает работать новый президент и вновь избранный парламент — это время максимальной свободы маневра.

В широком плане я говорю об «окне возможностей», связанном с молодостью российской демократии. У нас демократия молодая, она имеет свои риски — нестабильность, формализация демократических процедур, вырождение в авторитаризм, но и свои возможности — проведение глубоких преобразований, которые ориентированы на стратегически важные задачи.

Приоритетные направления развития ЭКОНОМИКИ

Телеканал «ТВС».
Программа «Итоги». 2 марта 2003 г.

Ведущий — Евгений Киселев

Ведущий: Мы продолжаем программу «Итоги». В среду бывший премьер-министр России, один из отцов рыночных реформ начала 1990-х и главный экономический идеолог «Союза правых сил» Егор Гайдар выступил при большом стечении членов российской деловой и политической элиты с докладом, посвященным стратегическим перспективам развития России. Доклад наделал много шума, было много комментариев. Его автор сегодня, как было обещано, в прямом эфире нашей программы. Здравствуйте, Егор Тимурович. Многие восприняли главный пафос Вашего выступления и большой статьи, которая была опубликована в «Известиях», что не надо никого догонять, что нужно просто понять, что это бесперспективно, что нужно определить какие-то основные, приоритетные направления развития экономики и спокойно двигаться по этим приоритетным направлениям, т.е. прежде всего как своего рода полемику с нынешним правительственным экономическим курсом. Это так?

Егор ГАЙДАР: Главное, я действительно убежден, что нам не надо никого догонять. Когда нам говорят о том, что главная задача России — это догнать Португалию по дешевому валовому внутреннему продукту, то я хочу напомнить, что мы эту задачу один раз решили, произошло это, знаете ли, в 1937 г.

Ведущий: То есть один раз уже догнали?

Егор ГАЙДАР: Но счастье почему-то не наступило. Второй раз мы опять... в конце 1960-х. И на мой взгляд, здесь есть какой-то

огромный комплекс неполноценности. У нас есть серьезнейшая задача — обеспечить стабильное поступательное экономическое развитие России: постепенно наращивать российский ВВП, приближать наши стандарты, инфраструктуру, уровень жизни к стандартам в инфраструктуре, которые сегодня есть у наиболее развитых стран мира. Это амбициозная задача. Мы имеем все основания надеяться, что можем ее решить. А бегать наперегонки с кем-то — зачем?

Ведущий: *Но все-таки. Когда кто-то говорит, что мы отстали практически от всех развитых стран Запада на 2 поколения, на 50 лет, и попытка догнать их, перекрыть вот этот разрыв просто неосуществима по определению...*

Егор ГАЙДАР: Нет, я говорю, собственно, не об этом. Да, действительно мы начали...

Ведущий: *Я имею в виду, что не вызывает ли это чувство неполноценности национальной?*

Егор ГАЙДАР: На мой взгляд, нет.

Ведущий: *Мы как бы обречены оставаться где-то между Европой и отсталыми странами Азии?*

Егор ГАЙДАР: На мой взгляд, нет. Действительно, Россия начала тот процесс, который с подачи замечательного американского экономиста российского происхождения Саймона Кузнеца, лауреата Нобелевской премии по экономике, получил название современного экономического роста. Россия начала этот процесс примерно на два поколения позже, чем крупные страны континентальной Западной Европы, в 1980-х гг. XIX в. Прошло чуть меньше полутора веков, мы пережили две мировые войны, Гражданскую войну, две революции, крах двух империй. И тем не менее эта дистанция в два поколения сохранялась очень близко, колеблясь от 40 до 60 лет. Значит ли это, что мы обречены навсегда отставать от Запада? Нет, не значит. И на мой взгляд, это вопрос почти бессмысленный, потому что это невозможно прогнозировать. То, что по настоящему интересно и важно, — это путь наиболее развитых стран Запада за последние полвека, — это путь решения тех проблем, которые встанут перед нами на протяжении следующего полувека, т.е. мы, может быть, сможем пройти эту дистанцию быстрее. Это очень трудно прогнозировать, но, проходя эту дистанцию, мы встретимся с тем же набором проблем, с которыми Англия, Фран-

ция, Германия сталкивались где-то примерно между 1950 г. и сегодняшним днем.

Ведущий: *Егор Тимурович, но все-таки скажите, мы же постоянно слышим критику в адрес правительства за то, что ВВП вырос не настолько процентов, на сколько прогнозировалось. Я ведь не случайно Вас спросил, нет ли в Ваших тезисах полемики с этим желанием подхлестнуть, чтобы выйти на более высокие проценты роста ВВП.*

Егор ГАЙДАР: Конечно, есть. Я очень боюсь подхлестывания темпов роста. Знаете, Евгений Алексеевич, ничего более простого, чем в следующие два года подхлестнуть темпы роста, нет. Как это сделать, знает, собственно, любой, прошу прощения, идиот. Вы возьмете 20 млрд долл. в долг у Центрального банка, разместите заказы на российских оборонных предприятиях, начнете, как предлагал мэр Москвы Юрий Лужков, перебрасывать сибирские реки в Среднюю Азию. У вас на два года темпы роста ВВП обязательно вырастут. А потом получите тяжелейшие экономические последствия всего этого и вам будет очень больно. Но на два-то года подстегнуть темпы роста очень легко. А сегодня мы сталкиваемся с фундаментальной проблемой. Да, правительство проводит медленнее, чем мне хотелось бы, но в целом разумные структурные реформы. Оно работает над тем, чтобы создать базу долгосрочного устойчивого роста российской экономики.

Ведущий: *То есть Вы своими учениками в правительстве довольны?*

Егор ГАЙДАР: Ну, я для них делаю меньше, чем мне бы хотелось, но все-таки, на мой взгляд, они осуществляют вещи правильные. Видите, тут какая беда со структурными реформами: это вещь очень важная, осмысленная и очень полезная стратегически, но не дающая быстрых результатов. Скажем, рейгановские структурные реформы 1980-х гг. Конечно, они заложили основу динамичного роста американской экономики в 1990-х. Но, прошу прощения, для этого нужно было 10 лет. А здесь возникает проблема политического цикла. У нас пришел новый президент, пришло новое правительство, которое проводит важные структурные реформы. Взять, к примеру, из того, что уже сделано хотя бы в судебной системе, где нет революции. У нас десятки тысяч людей, не осужденных судами, сидели в тюрьмах. Теперь четко регламентированы сро-

ки предварительного заключения и соответствующие процедуры¹. Это очень важный результат. Но, понимаете, судебная система по-прежнему крайне неэффективна. И она будет неэффективна, что бы вы ни сделали, будь вы самым гениальным президентом России. Для того чтобы повысить качество судебной системы, нужны годы, годы и годы систематических усилий. А возникает желание что-нибудь сконструировать быстренько, что-нибудь такое сделать популярненькое к выборам, и оно, к сожалению, начинает набирать поддержку в экономико-политической элите.

Ведущий: *Вот смотрите, Егор Тимурович. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но мне кажется, что Вы выделяете в своем докладе, во всяком случае в том виде, в каком он опубликован в газете «Известия», 4 приоритетных направления, причем довольно неожиданных в известном смысле. Вы подробно говорите о проблемах миграции, о военной реформе, об образовании и здравоохранении. Я правильно уловил эти 4 направления?*

Егор ГАЙДАР: Да.

Ведущий: *Это действительно, на Ваш взгляд, сейчас приоритетные...*

Егор ГАЙДАР: Да.

Ведущий: *...направления развития.*

Егор ГАЙДАР: Да. Из нетривиальных. На самом деле, конечно, есть масса вещей, которые просто недоделаны. Из той же, на мой взгляд, в высшей степени разумной правительственной программы на 2000–2004 гг. многое просто не сделано. Но что об этом говорить, это просто надо сделать.

Ведущий: *Ну а если говорить об этих 4 направлениях? Коротко.*

Егор ГАЙДАР: Есть действительно стратегические вещи, которые, на мой взгляд, не вполне поняты обществом. Вот, например, военная реформа. У нас политическая элита до сих пор, на мой взгляд, пребывает в заблуждении о том, что наши нынешние проблемы с армией — массовые уклонения от призыва, бегство военнослужащих — это какая-то текущая неприятность. Ну так вот получилось, мы тут вот сейчас немножечко что-нибудь на живую ниточку подошьем, и все будет нормально. Непонимание того, что

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, регламентирующий эти вопросы, был принят в конце 2001 г. — *Прим. ред.*

кризис возникает от системы призывной армии, — это вообще характерная черта всех постиндустриальных обществ, что призывную армию в том виде, в котором она возникла в Европе в конце XVIII в., постиндустриальные общества не могут себе позволить, потому что одно дело, когда вы имеете призывную армию в стране, где средняя женщина рождает 7 детей, из которых половина не доживает до 18 лет. А другое дело, если вы имеете призывную армию там, где средняя женщина рождает порядка 1,2 ребенка, как сегодня в России, Италии, Испании, Германии, Японии. И представить себе, что вам отдадут вот этого единственного ребенка в призывную армию не из деревни, где для него это способ социального продвижения, а из города, где он собирается идти учиться в университет, — это полная иллюзия. Можете, конечно, закрыть существующие сейчас лазейки, но просто возникнут другие и перераспределятся взятки, вот и все. Необходимо понимание того, что наши проблемы с призывной армией — это не такая уж текущая случайность, а необходимость перехода к контрактной армии, это не политическая конъюнктура и не мода, а просто реальность всех постиндустриальных обществ. Соединенные Штаты не смогли себе позволить иметь призывную армию в 1970-х гг. прошлого века и ушли от нее. Тяжело, но ушли. Вот и мы вынуждены будем это сделать. Это одна из тех вещей, которые, на мой взгляд, требуют просто понимания.

Ведущий: *Ну а миграция? Почему Вы решили так подробно об этом говорить?*

Егор ГАЙДАР: Потому что в сфере миграционной политики очень многие постиндустриальные страны, т.е. страны, которые прошли тот путь, который нам еще предстоит пройти, наделали в своей истории колоссальные глупости. Потому что там всегда сталкивались два противоположных стимула. С одной стороны, в постиндустриальных странах есть много рабочих мест, на которые очень трудно заманить представителей коренного населения этих стран. Если Вы посмотрите на реальность Москвы, то увидите, что мы уже живем во многом в этом мире. С другой стороны, особенно в моноэтнических странах, люди, которые хотят иметь иностранную рабочую силу, которая будет там работать уборщиками, водителями автобусов, трамваев и т.д., при этом не хотят иметь их соседями. И вот отсюда крайняя неразумность. Дело в шизофреничности политики по отношению к миграции, в результате кото-

рой те же Франция, Англия, Германия, Италия, Америка загоняют абсолютно неизбежную трудовую миграцию, которая будет идти, потому что к этому вынуждают как спрос на эту рабочую силу, так и предложение этой рабочей силы, загоняют в область нелегальной эмиграции.

Ведущий: *А есть позитивные примеры, где разумно строится иммиграционная политика?*

Егор ГАЙДАР: На мой взгляд, Канада — типичный пример разумной миграционной политики. Больше половины иммиграции в Канаду — это трудовая миграция, легальная, по балльной системе. Канада не получает непонятно какой приток иммигрантов, часто нелегальных и в связи с этим часто связанных с криминалитетом. А канадское правительство имеет свою программу, свою систему балльного отбора: мы хотим таких-то и таких-то, с таким-то знанием английского языка, с таким-то уровнем образования, таких-то возрастных групп и т.д. И вот по этому каналу в Канаду попадает больше половины всех иммигрантов.

Ведущий: *В Австралии, по-моему, примерно...*

Егор ГАЙДАР: В Австралии примерно подобная программа, хотя менее масштабная, чем канадская, т.е. надо просто понять, что у нас нет выбора.

Ведущий: *А это применимо к российским условиям?*

Егор ГАЙДАР: Конечно, применимо, более чем применимо, потому что у нас ведь есть фундаментальное преимущество, которого нет у большинства стран. Мы окружены странами, которые объединились в СНГ и в которых живут миллионы просто русских и десятки миллионов людей русскоязычных, т.е. выращенных в традиции русского языка и русской культуры. И Вы имеете полную возможность реализовать программу по привлечению их в Россию, по привлечению их на службу в российскую армию, по привлечению самых способных студентов из СНГ в российские университеты, по привлечению нужных нам трудовых иммигрантов для работы в России, по предоставлению им вида на жительство, прав гражданства, если, скажем, они служат в российской армии. Все это тот потенциал, который на самом деле мало у кого есть в мире.

Ведущий: *Ну а Вы не боитесь, что если Ваши предложения, Ваши идеи будут приняты на вооружение, то через наши границы на Дальнем Востоке, в Сибири хлынут просто миллионы китайцев?*

Егор ГАЙДАР: Ну, Вы же понимаете, что у нас на самом деле прогниваемые границы. И у нас идет трудовая иммиграция из многих стран, включая Вьетнам и Китай. И в связи с этим вопрос выбора-то другой. Мы будем выстраивать собственную рациональную политику, выбирая, кого мы хотим. Хотим ли мы в первую очередь привлекать людей, которые знают русский язык, пишут по-русски и воспитаны в русской культуре. Либо мы получим других иммигрантов, которые не знают русского языка, которые придут к нам по каналам нелегальной иммиграции, вот и все.

Ведущий: *Ну и в заключение вопрос: насколько Ваши предложения, Ваши идеи будут востребованы, как Вы ожидаете?*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, у меня довольно большой опыт участия в политическом процессе в России. Я знаю, что здравые идеи рано или поздно оказываются востребованными. Когда мы предлагали свою реформу налоговой системы, включая плоский подоходный налог, а это было в 1997 г., казалось, что это абсолютно за гранью всяких политических реалий. Сегодня это реализовано и, более того, банально. В связи с этим я убежден в том, что то, что мы предлагаем, будет востребовано. Вопрос — когда.

Ведущий: *Есть еще один вопрос. Для того чтобы какие-то идеи были востребованы, чтобы они дошли до адресата, до тех, кто принимает такие существенные решения, которые необходимо принимать в данном случае для реализации Ваших идей и предложений, нужны какие-то технологические каналы? Нужно, чтобы Вы имели возможность прийти в Кремль, общаться с президентом?*

Егор ГАЙДАР: Нет, не нужно. Я в общем могу прийти в Кремль и при необходимости пообщаться с президентом. Но дело не в этом. Вот то, что мы с Вами сейчас обсуждаем эту тематику, означает, что она становится, по крайней мере, обсуждаемой в экономико-политической элите, на эту тему начинают думать. Есть аргументы «за», есть аргументы «против». Но эта тема перестала быть несуществующей. Как только она становится существующей, рано или поздно разумные решения оказываются принятыми.

Ведущий: *Ну что ж, я благодарю Вас за то, что Вы пришли к нам и ответили на наши вопросы. Напомню, сегодня у нас в прямом эфире был Егор Тимурович Гайдар, который наделал на минувшей неделе много шума своим докладом о стратегических перспективах экономического и социального развития России.*

Человек, который взял на себя эту страшную гору...

Телеканал «Культура».
Программа «Школа злословия». 17 марта 2003 г.

Ведущие — Татьяна Толстая, Дуня Смирнова

Т. ТОЛСТАЯ: Есть такой исторический анекдот в Греции. Генерал Куропаткин во время войны с японцами выдвинул свой левый фланг туда-то и проходит между сопками такими-то и рекой такой-то. Где Греция и где Япония? Сведения доходят медленно и не сразу. Так вот один греческий журналист сильно волновался за русских. У него был такой заголовок статьи «Чуть левее, Куропаткин». Куропаткин думает: что это они предлагают в Греции? Разница ведь 10 тыс. верст примерно, а значит, надо левее. И дислокация поменялась. В итоге это стало анекдотом, ходячей фразой «чуть левее, Куропаткин». Так вот претензии к Гайдару по принципу «чуть левее, Куропаткин». Но «Куропаткин» знает, что нужно на самом деле.

Д. СМИРНОВА: Это программа «Школа злословия». А в гостях у нас сегодня Егор Тимурович Гайдар.

Т. ТОЛСТАЯ: Егор Тимурович, у Вас двойной образ в нашем русском общественном сознании. С одной стороны, Вы отец русской демократии, с другой — губитель русских старушек, т.е. Герцен и Раскольников в одном флаконе. Уютно ли Вам в такой двойственности?

Егор ГАЙДАР: Я привык, я знал, на что иду, когда в 1991 г. соглашался начать работать в российском правительстве. У меня не было иллюзий, что задачи, которые перед нами стоят, легкие. Я знал, что они очень тяжелые. Я знал, что за это обычно памятник не ставят.

Т. ТОЛСТАЯ: Что из этих двух вещей Вам в жизни чаще приходится слышать?

Егор ГАЙДАР: Примерно сбалансированно. Сейчас я меньше занимаюсь публичной политикой, больше занимаюсь собственно своими профессиональными делами экономическими. В профессиональной экономической аудитории мне реже приходится слушать про «убитие» старушек, потому что там люди понимают, что реально происходило в 1991 г.

Т. ТОЛСТАЯ: Старушки-то реально гибли тоже.

Егор ГАЙДАР: Да, это правда. Но надо понять, что такое был 1991 г. Это была ситуация, когда у нас не было страны, государства, когда у нас развалилась старая система управления и не было новой. По всем характеристикам 1991 год очень напоминал мне 1917 г., поскольку я его хорошо знаю, и ситуация могла развернуться с теми же последствиями, с той же масштабной Гражданской войной и масштабным голодом. Я Вас уверяю, что старушек погибло бы неизмеримо больше.

Т. ТОЛСТАЯ: Вы говорите, напоминает 1917 г., но ведь 1917 год был некоторым завершением достаточно благополучного при всем при том режима, достаточно благополучной жизни, а 1991 год — завершением жизни очень мало благополучной.

Егор ГАЙДАР: Конечно, но тем не менее революции 1917 и 1991 гг. — это типичный пример парных революций. 1991 год — продукт всего того, что происходило в России в 1917–1921 гг., продукт того, как тогда развернулись события, того, кто тогда пришел к власти, того, какой режим был построен. Что этот режим мог сделать, что не мог сделать, когда он должен был столкнуться с неразрешимыми проблемами и когда у него возникли проблемы, связанные с его саморазрушением.

Т. ТОЛСТАЯ: То есть Вы говорите, что за 1917–1921 гг. сложилось то, что потом неизбежно должно было аукнуться вот так?

Егор ГАЙДАР: В некотором смысле да. Я не жесткий исторический детерминист. Я не верю в то, что все всегда предопределено. Но если внимательно изучать российскую социально-экономическую историю, то очень хорошо видно, что корни наших проблем 1970–1980-х — начала 1990-х гг., конечно, были по крайней мере заложены в период 1917–1921 гг.

Т. ТОЛСТАЯ: А в свою очередь тогда 1917 год чем был заложен?

Егор ГАЙДАР: Там есть сложнейший набор проблем российской истории: догоняющей индустриализации, сложных отношений с Европой, очень своеобразных отношений между элитой и основной массой населения, которые сложились своеобразно с XVI в. Но в первую голову, конечно, это Первая мировая война.

Т. ТОЛСТАЯ: Она протолкнула?

Егор ГАЙДАР: Конечно. Набор рисков-то был заложен к 1914 г. А после 1905–1907 гг. было видно, что развитие России наконец начинает обретать некоторые черты устойчивости и относительной независимости от государства при сохранении массы проблем. Столыпин же не зря говорил, что нам нужно 20 лет мира. Это была чистая правда для любого, кто понимает, что происходит в России. Россия в это время никак не могла себе позволить войны.

Д. СМИРНОВА: Мифология часто чрезвычайно насмешливо относится к реальности. Грубо говоря, мифология, связанная с Вами. Например, в ней есть такой сюжет, что Ваш дед выдумал мальчика Тимура, который помогает старушкам, приносит им домой тепло, уют и т.д. Внук этого дедушки как бы мифологически все это отнял. Каково жить с этой мифологией Вам, не только как историческому лицу, но и как представителю своей семьи?

Егор ГАЙДАР: Нормально. Вы знаете, ведь дед действительно воевал на стороне красных. Воевал с 14 лет, с 15 лет командовал ротой, с 16 — полком. Он действительно верил в коммунистические идеи и разделял в связи с этим заблуждения, страшные, трагические заблуждения, — заблуждения, которые в это время в мире разделяла масса вполне достойных людей. Я понимаю, почему дед воевал за красных. Я понимаю, почему я, будучи его внуком, начинал делать реформу России.

Д. СМИРНОВА: Ваша мама была с Вами, к кому она ближе?

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, отец и мать меня очень горячо поддерживали в 1991 г. Конечно, им было страшно, потому что они неглупые люди. И они понимали, что, собственно, происходит. Но отец меня очень горячо поддержал. Он просто понимал, что надо делать реформу.

За кадром. Т. ТОЛСТАЯ: Гайдар шагает впереди. Поразительная вещь. Как устроен промысел Господний. Вот идет глухое советское время, 1960–1970-е гг. И какие-то люди зачем-то, не знаю зачем, пишут песню, слова, музыку. Ее начинают исполнять. «Гайдар шага-

ет впереди». Какой Гайдар? Об этом Гайдаре еще ни слышу, ни духу не было. Но каждое утро, практически каждый день как запоют детские голоса, так 30 лет и пели. И наклеивали на свою голову...

За кадром. Д. СМИРНОВА: Заклинание.

За кадром. Т. ТОЛСТАЯ: Есть такое общекультурное понятие. Инвокация вызывает эпифанию¹. Это означает, что, если Вы выкликнули, к Вам явились. Тридцать лет говорили, что Гайдар шагает впереди, вот он и пришел.

Д. СМИРНОВА: Мы недаром заговорили об этой семейной связи. Я наблюдала однажды один Ваш жест, который меня очень долго озадачил, честно признаюсь. В предбаннике комнаты, где Вы надевали пальто, Вы разговаривали в тот момент с Татьяной². Я, уже надев пальто, стояла и слушала Ваш разговор. Вы, не прерывая разговора, продолжая беседовать и не оборачиваясь, сделали такой жест — протянули руки назад. Люди, которые стояли сзади, надели на Вас пальто. Дальше, продолжая разговор, Вы протянули одну руку назад, Вам подали кепку, Вы ее надели. Вы ни разу не посмотрели туда. Когда мы потом жарко и горячо с Татьяной об этом говорили, Татьяна говорит, что, видимо, это идет из детства, потому что оно всегда сказывается. Всегда есть некие субстанции, которые надевают пальто, дают шапку.

Егор ГАЙДАР: Это у меня совсем не из детства. Детство у меня было не совсем обычным, потому что у меня был безумно знаменитый дедушка — Аркадий Петрович Гайдар. Конечно, это всегда оказывало некое влияние просто на отношения с друзьями, с учителями и т.д. Но мое детство было обычным, потому что там не было никакого барабанного боя. И семья была обеспеченной, но отнюдь не слишком богатой. И прислуга исчезла тогда же, когда она исчезла почти по всей Москве, когда пресекался поток мигрантов из деревень. Мне было где-то 6 лет, когда ее уже не было. А то, о чем Вы спрашиваете, — это, конечно, наследие работы в правительстве и последующей жизни. С чего это начинается? С того, что у тебя со-

¹ По своему значению инвокация — особый призыв, обращенный к богам, духам, энергиям стихий, любым представителям потусторонней силы; эпифания (по-гречески — явление) предполагает появление видимого и слышимого божества, как олимпийских богов у Гомера, ангела, как в иудейско-христианских верованиях, или других сил, обладающих сверхчеловеческими способностями творить чудеса. В христианстве так называется праздник Богоявления — *Прим. ред.*

² Имеется в виду Татьяна Толстая. — *Прим. ред.*

вершенно по-другому выстроен режим времени. Надо привыкнуть к тому, что у тебя режим времени выстроен так, что у тебя есть не 2 часа, 4 часа, 2 дня, а есть 3 минуты, 5 минут, 30 секунд. Пообедать ты должен за 1 минуту 30 секунд и т.д. Вот это постепенно вырабатывает некий набор стереотипов поведения, который, к сожалению, потом сохраняется.

Д. СМИРНОВА: Я даже не говорю про сотрудников аппарата, но получается, что те, кто вокруг, — охрана, водитель, секретарь, что это просто-напросто уже не люди, а такие функции.

Егор ГАЙДАР: Не так. У нас хорошие отношения с моими водителями, с моими секретарями. У нас хорошие человеческие отношения. Но одно дело, мы утром встретились, поздоровались, поработали день, вечером раскланялись, попрощались, поблагодарили друг друга. А в процессе интенсивной работы политес не всегда получается.

Т. ТОЛСТАЯ: Когда Вы возглавили правительство, то, говорите, полтора часа нет на то, чтобы подумать, — это понятно. Я очень хорошо помню ощущения не просто голода. Другой раз в наше время забываешь поесть весь день и не испытываешь чувство голода. Это уже психология. Ты съел дрянь какую-то, что тебе досталась, и сейчас же наступает паника, поем ли я еще когда-нибудь. Ощущение было очень сильным. Как быстро и что надо было решать? То есть Ваши действия, они были какие? Эх, долой партию и все прочее, все разрешаем, отпускаем. Говорят, отпустить цены, а как их отпустить? Сказать, что, эх, гуляй? Как это было?

Егор ГАЙДАР: Знаете, во-первых, у нас, конечно, к тому времени, когда мы пришли в правительство, было достаточно четкое понимание того, что мы хотим сделать. Во-вторых, та ситуация, с которой мы столкнулись в 1991 г., была достаточно беспрецедентной в мировой социально-экономической истории и вообще не имела нерискованных решений. Вы описываете ситуацию с точки зрения человека, который сталкивается с этим в реальной жизни, и я тоже в ней, но я с ней сталкивался и с точки зрения человека, который знает все про золотовалютные резервы, про поставки продовольствия, про госрезерв. У меня паника, к сожалению, могла бы быть на самом деле гораздо больше, чем у Вас, потому что я-то знал, что нет ни золота, ни в резерве ничего нет, и не поступает ничего,

и не будет никакого продовольствия. Некуда посылать продотряд. И продотрядов нет.

Т. ТОЛСТАЯ: И никто не пойдет.

Егор ГАЙДАР: Да. Но параллельно нет никаких рыночных институтов, нет никакой рыночной структуры. Есть мощные интересы советской торговли. Не дай Бог, если бы не изменилось безумно привилегированное положение людей, которые сидят на каких-то пусть убывающих товарных потоках. И одновременно, создавая рынок, Вы не можете позволить себе сказать: нет, Вы знаете, мы сейчас тут все создадим потихонечку, месяцев за 9, хотя бы на живую нитку, а потом цены разморозим. Но у нас нет этих 9 месяцев. У нас резервы зерна при минимальных нормах потребления позволяют нам прокормить хоть как-то население лишь до начала февраля. После этого ничего не остается. Это, конечно, была очень рискованная стратегия, которая по большому счету сработала, потому что мы действительно тогда ушли от голода и ушли от гражданской войны. Но, конечно, безобидной, мягкой, легкой она никак не могла быть.

За кадром. Т. ТОЛСТАЯ: Поскольку у нас были полные кранты в упомянутый исторический период в 1991 г., и, не случись хладнокровно умного человека там, у власти, да просто его и не было, на самом деле просто невозможно было не спеша провести эту сложнейшую операцию. Получается, что сначала Вы бежите к хирургу: все болит, а после операции Вы начинаете трясти шрамами и говорить, ты не мог разрезать получше, а то вот у меня внутри спайки, а снаружи некрасиво. Не мог, быстро надо было делать. Но что нашелся хирург — слава тебе, Господи, потому что остальные — колдуны.

За кадром. Д. СМИРНОВА: Знаете, есть одно словосочетание, которое меня всю жизнь завораживает. Институт мозга. Там не хирург.

За кадром. Т. ТОЛСТАЯ: Нейрохирург.

За кадром. Д. СМИРНОВА: Да. А мы такие «лоботонавты», потому что действительно нам дырочку просверлили и Паркинсон кончился. Так постепенно, постепенно. А потом мы говорим: что ты мне дырку-то сверлил в голове? Так у тебя руки тряслись.

Д. СМИРНОВА: У меня вот какой вопрос. Я помню, как моя подруга вернулась из своей родной станицы с Кубани и говорит, ты зна-

ешь, я поняла, откуда вообще взялось понятие «красный пояс». Это самые плодородные земли в России. Там швабру воткни в землю, она через полчаса цветет. Вроде бы, казалось бы, там и должна была быть опора реформ. Она говорит, у моих родителей на «книжке» было много тысяч рублей, у моей тетки было 30 тыс. руб., у нашей соседки было 100 тыс. руб. Это были деньги, кровно заработанные, причем заработанные не какими-то там валютными операциями, запрещенными тогда, а тяжелым крестьянским трудом. И когда произошла ваучерная приватизация, когда всем выдали по одному ваучеру «на рыло», они обнищали. Как это могло произойти? Мы никак не могли себе объяснить. Эти люди могли стать основой того самого среднего класса, стать мелкими акционерами, если бы было выдано пропорционально их вкладам. Все оказались против реформ, потому что они реально обнищали. Мы — интеллигенция — не обнищали, мы были люмпенизированными, мы были нищими. Они не были нищими. Почему эта приватизация, при том что Вы говорите, что пришли в правительство уже с готовой программой, почему она происходила по принципу большевистской уравниловки?

Егор ГАЙДАР: Наверное, Вы не знаете, кем были предложены весной 1992 г. основные элементы той программы, по которой была приватизирована подавляющая часть российской промышленности. Знаете кем?

Д. СМIRHOVA: Кем?

Егор ГАЙДАР: Фракцией «Коммунисты России» в Верховном Совете. Это был так называемый второй вариант приватизации. Хотя на самом деле большая часть собственности отходила не тем, кому дали ваучеры, а так называемым трудовым коллективам, т.е. реально «красным директорам». Это не тот вариант, который мы предлагали. Мы предлагали другие два варианта. Но мы могли проводить приватизацию, только добившись договоренности, компромисса с коммунистическим большинством в Верховном Совете по этому так называемому второму варианту, либо мы должны были ее остановить. Никак иначе не получалось. И мы в общем достаточно хорошо понимали, насколько плох тот вариант, который собирались реализовать. Все его недостатки были совершенно очевидны. Тем не менее у меня было глубочайшее ощущение, что остановить приватизацию — это хуже, чем пойти на такой компромисс. Это, кстати, потом опыт хорошо пока-

зал. Мы, скажем, приватизировали нефтяную промышленность. И за это нас бесконечное количество раз там и сям ругали. И действительно там долгое время был большой бардак и падение добычи... Потом все стало на свои места. Сейчас нефтяная промышленность у нас хорошо организована, высоко прибыльна, быстро растет добыча. И главная проблема — как нам с ОПЕК окончательно не рассориться, потому что у нас нефть прет, как на дрожжах. Таков результат, если подойти к этому делу с точки зрения долгосрочных последствий. Поэтому да, конечно, если бы мы могли выбирать, как приватизировать, мы бы приватизировали совсем по-другому. Совсем по-другому! Но, к сожалению, это не было вопросом выбора.

Д. СМЕРНОВА: Хорошо. Тогда у меня встречный вопрос. Существует некая довольно большая часть населения, как выражаются начальники, или народа, как выражаются трибуны, которая не понимает всех этих терминов типа детерминизма, не понимает, что такое социэкономика, — да и я сама, собственно, отношусь к этой части — и которая на самом деле в общем-то, если разобраться, заслуживает того, чтобы ей объяснили, что вот извините, но была такая ситуация. Мы считаем, что приватизация должна быть так-то, так-то, согласно таким-то, таким-то, таким-то требованиям. Причем объяснить на простом языке, а не так, как этот Ваш знаменитый ответ, который все цитируют: «Верите ли Вы в Бога?» «Видите ли, я агностик». Это величайшая Ваша острова, я считаю. Почему тогда Ваше правительство, я понимаю, что у Вас были другие проблемы, но почему Вы забыли о такой вещи, как пропаганда реформ? И в итоге до сих пор, уже сколько лет прошло, мы имеем многоэтажные проклятия в адрес самого слова «реформа», т. е. погублен бренд под названием «реформа».

Егор ГАЙДАР: Частично я принимаю этот упрек. Сам неоднократно говорил, что это было нашей ошибкой. В свое время я пытался убедить Бориса Николаевича¹ в том, что этим надо системно заниматься и создать соответствующие структуры. У него как у человека, который вырос в партийных, но одновременно в партийно-хозяйственных органах, была глубокая ненависть к отделам пропаганды и к самому слову «пропаганда». Я к нему как-то пришел

¹ Имеется в виду Борис Николаевич Ельцин. — Прим. ред.

и сказал, что, Борис Николаевич, ну это же надо делать обязательно. «Отдел пропаганды создавать? Не будет отделов пропаганды!» И если вспомнить, тогда же транслировали заседания Верховного Совета, я там по два часа выступал. Если Вы сейчас возьмете, читаете, то скажете: «Да, он же все объяснял. Все простыми словами. Всем понятными!» Они сегодня всем понятны. Но тогда они были всем совершенно не понятны и не могли быть понятными, потому что ты вынужден апеллировать к социальному опыту, которого три поколения не было. Когда люди три поколения не видели, что такое рынок, объяснить им, что это такое, — задача, может быть, кем-то и решаемая, но я такого человека не видел.

За кадром. Д. СМИРНОВА: Я, кстати, думаю, что на самом деле эта всенародная ненависть к Гайдару, в общем-то делающая его и без того величественную фигуру еще и трагической фигурой, что эта ненависть как раз связана... Она происходит на физиологическом уровне при столкновении с вот этим высокоразвитым интеллектом.

За кадром. Т. ТОЛСТАЯ: Потому что ненависть — это эмоции. «Я думаю» — это один процесс, а «ненависть» — это другой процесс.

За кадром. Д. СМИРНОВА: Согласна, согласна.

За кадром. Т. ТОЛСТАЯ: То есть на него реагируют эмоционально.

За кадром. Д. СМИРНОВА: Да.

За кадром. Т. ТОЛСТАЯ: Потому что если подумать, то все, что он сделал, — очень хорошо. Иначе сделать было, наверное, можно, но попробуй, сообрази за такой короткий срок. Вот любой, ну-ка, давай. Я помню, что я подумала: когда все пройдет, то люди закричат и скажут, что все он сделал не так, надо было иначе, надо было по-другому. В общем станут управлять и руководить позже.

Д. СМИРНОВА: Вы пошли рациональным путем, а надо было обращаться к иррациональному.

Т. ТОЛСТАЯ: Эх, вот возьми и найди тех, кто стал бы работать на иррациональном уровне.

Д. СМИРНОВА: Совершенно верно. Совершенно верно.

Егор ГАЙДАР: Это огромная проблема. Фундаментальная. Дело в том, что такая работа на иррациональном уровне в условиях революции — она работает короткий срок.

Д. СМИРНОВА: Да?

Егор ГАЙДАР: Вот на это короткое время стать популярным и получить поддержку, как показывает опыт, можно. А потом наступает страшное разочарование, потому что революция — это всегда разочарование. Ты-то ждешь, что все будет хорошо, но крушение старого режима и становление нового — это колоссальная социальная травма, потому что это катастрофа, свидетельство того, что старая элита не смогла нормально организовать процесс изменений не самым болезненным образом. Очень тяжело жить, когда у Вас нет никаких правил игры: ни старых, ни новых. Сейчас есть новые правила, они более-менее понятны — пусть кому-то нравятся, кому-то не нравятся. Ну в общем они есть. До 1987 г. тоже были понятны. Ну, не нравились многим, мне в том числе, но они были понятны. А вот в 1991 г. не было никаких правил. И вот этот контраст между ожиданием и тем, что придет когда-то, дай Бог, через 10 лет, когда все устаканится, все будет гораздо лучше, эти реалии периода, когда нет никакого порядка и никакой власти, — это всегда рождает огромную обратную волну неприятия революционной идеологии. И в связи с этим я не знаю, было ли бы так уж здорово, если бы у нас нашелся такой замечательный, гениальный пропагандист, который разжег бы совершенно безумные ожидания счастья...

Т. ТОЛСТАЯ: Знаете что? В поддержку того, о чем Вы сейчас говорите, в голову приходит следующее. Вот мы говорим о пропаганде. Это верно! Если бы знать, где упасть, соломки подстелили бы. Как пропаганда идет всегда? Она идет следующим образом. Например, поэзия, черт бы ее побрал, да? Она романтизирует революцию и те процессы, которые к ней приводят, совершенно поразительным образом. «Свобода приходит нагая, бросая на сердце цветы...» Значит, все думают: «Ох, голая баба!» Во-первых, очень приятно. Даже до подсознания доходит. А во-вторых, цветочки в поле, василечки. Чудесный образ! И тогда этот образ входит и выбивает Вашу еще не железную дверь ногой, потому что железной в природе нет, она картонная. Он разбивает ее ногой и входит к Вам. «Нагая», понимаете? «Бросая на сердце цветы...»!

Д. СМИРНОВА: Конечно, надо было иметь и колоссальную смелость, и мужество, и выдержку, чтобы все это сделать. И знать, что будут проклятия, и ожидать, что будут проклятия. И при этом я вот в одном Вашем интервью читала, что у Вас вообще-то в семье был культ смелости. Ведь когда Вы чего-то боялись, а наверняка чего-то

боялись, то признаться в этом было невозможно. А раз невозможно признаться ребенку, то значит, что все страхи, все ужасы он переживает внутри себя, ни к кому не прислоняясь, не ожидая ни от кого сочувствия. И потом он вырастает в очень мужественного человека, который требует от всех окружающих такого же мужества, нежелания сочувствия, такой же способности справляться самому со всеми трудностями. Так вот можно ли этого требовать?

Егор ГАЙДАР: Знаете, мне трудно говорить, потому что действительно это семейная традиция. Вот так дед воспитывал отца, так отец воспитывал меня. Ничего более, так сказать, страшного, чем показать, что тебе страшно, в нашей семье у мальчиков не было. Можно ли этого требовать от всех окружающих? Да нет, конечно, нельзя. Я уже от детей такого не требую теперь.

Т. ТОЛСТАЯ: Как Вы относитесь к чужой слабости, не коллег и соратников, а вот, ну, просто человеческой? С брезгливостью? С пониманием? Или с жалостью? Или с сочувствием? Как?

Егор ГАЙДАР: Нормально. Немножко рационально отношусь.

Т. ТОЛСТАЯ: Ать!

Д. СМИРНОВА: Проговорились! Проговорились!

Т. ТОЛСТАЯ: То есть у Вас, вообще говоря, такая доминанта психологическая — это рациональность и прагматизм. А чувства?

Егор ГАЙДАР: Я очень люблю свою жену, своих детей и своих друзей. Это не мешает мне быть...

Т. ТОЛСТАЯ: Я не про этих. А чувства? Я про чувства! Я имею в виду вот такую острую иррациональную жалость. Когда, ну, просто едешь в троллейбусе — Вы, наверное, вряд ли ездите в троллейбусе, — и из окна Вы смотрите, а троллейбус встал на перекрестке, и Вы видите какую-то фигуру. Вот стоит, и ты видишь, что это женщина средних лет, что у нее все лицо опустилось, у нее довольно плохой беличий воротничок какой-то или заячий. Ну, такой кто же сейчас носит?..

Д. СМИРНОВА: По-моему, Вы описываете меня!

Т. ТОЛСТАЯ: Вы рядом со мной сидите. И понимаете, в глазах что-то такое, ну, собственно, еще впереди-то много лет жить, но уже радости не будет. И вдруг чувствуешь такую пронзительную жалость по отношению к ней. Хотя она бы эту жалость не поняла, она встанет, свою сумку подтянет и дальше пойдет.

Д. СМИРНОВА: Бывает такое?

Егор ГАЙДАР: Такое? Нет, не бывает. Не бывает. Ну, мы разные люди. Вот у меня такого не бывает. Я не буду притворяться, что вот так езжу, смотрю, испытываю чувство горькой жалости, хочется немедленно заплакать. Нет, такого не бывает!

Д. СМИРНОВА: То есть Ваша жалость связана с какими-то событиями? Конкретными, понятными?

Егор ГАЙДАР: Она связана с конкретным, понятным мне событием, человеком, его бедой — конкретной, понятной мне, случившейся с ним. Да, конечно.

За кадром. Д. СМИРНОВА: Помните, был такой идиотский советский фильм «Его звали Роберт»?

За кадром. Т. ТОЛСТАЯ: Роберт! Конечно, помню. Там Марианна Вертинская играла. Я очень хорошо помню две вещи. Первое — когда он в гостинице ставил подпись, то у него печатные буквы получались, из авторучки печатные буквы сами получались, а второе — что он все воспринимал буквально. Когда они сидят в кафе, она ему говорит: «Ну, ударим по шашлычку?» И он так по шашлычку и ударял. Я нашему гостю предложила вариант, и вот как он отреагировал.

За кадром. Д. СМИРНОВА: Совершенно верно, потому что то, что касается эмоциональной сферы Егора Тимуровича Гайдара, у него получается тоже «ударение по шашлычку».

За кадром. Т. ТОЛСТАЯ: Я уже не помню, про что там, собственно, был фильм. Дело в том, что вот живой человек — Марианна Вертинская и вот робот. И эмоции невозможны.

За кадром. Д. СМИРНОВА: Только там был робот-идиот...

За кадром. Т. ТОЛСТАЯ: А здесь робот умный.

За кадром. Д. СМИРНОВА: Да.

За кадром. Т. ТОЛСТАЯ: Но это уже следующее поколение, которое может с Каспаровым играть в шахматы, в любые сложные игры.

Т. ТОЛСТАЯ: А у Вас у самого какие страхи? Какая в жизни ситуация для Вас была бы наиболее отвратительной? Куда бы Вы ни за что не хотели попасть?

Егор ГАЙДАР: В эмиграцию.

Т. ТОЛСТАЯ: Отвратительно?

Егор ГАЙДАР: Не хочу в эмиграцию ни при каких обстоятельствах!

Т. ТОЛСТАЯ: Ну, это, может быть, скучно и одиноко, но чтобы отвратительно?

Егор ГАЙДАР: Нет, совершенно не хочу! Абсолютно не хочу! Не мое! Я бываю за границей, как вы знаете, по крайней мере, два месяца в году. Правда, в коротких командировках, как правило. И с удовольствием туда езжу, очень люблю. Там есть замечательные места и страны, где я люблю бывать по делам, реже гораздо — не по делам. Но вот жить за границей ну просто категорически не хотел!

Т. ТОЛСТАЯ: Я немножко другое имею в виду. Не знаю, что я имею в виду, потому что Вы опять даете рациональные ответы. И может быть, так Вы и будете их продолжать давать. Но я имела в виду оказаться в ситуации — не то, что территориально, когда Вы как есть ценное существо — Егор Тимурович Гайдар, Вас вот взяли из этой квартиры и поместили в другую, гораздо менее интересную. А я имею в виду ситуацию, когда, например, ну, не знаю, Вас забудут на улице?

Егор ГАЙДАР: Ой, это блестяще! Вы знаете, это моя мечта! Я очень хочу, чтобы меня перестали узнавать на улице, чтобы я мог спокойно идти по улице, зайти, скажем, с женой в магазин, не знаю, сходить в кино так, чтобы при этом на меня не смотрели, как на бегемота, которого водят. Сейчас уже есть некоторые продвижения. Сейчас уже можно идти и в общем оборачиваются далеко не все.

Д. СМИРНОВА: Знаете ли Вы и обижают ли Вас Ваше прозвище Железный Винни-Пух?

Егор ГАЙДАР: Нет, оно меня не обижает. Оно мне кажется довольно смешным и милым.

Т. ТОЛСТАЯ: Железный не страшно, а что Винни-Пух — очень мило?

Егор ГАЙДАР: Да.

Т. ТОЛСТАЯ: А я имею в виду вот что-то, что с Вами могло бы случиться, ну, я не знаю, чтобы Вы стали бездомным?

Егор ГАЙДАР: Это было бы крайне неприятно.

Д. СМИРНОВА: Нет, чего Вы боитесь?

Т. ТОЛСТАЯ: Чего Вы боитесь? Сумы, тюрьмы, я не знаю?

Егор ГАЙДАР: Я могу сказать, чего. Ну, разумный, рациональный человек в моем положении, естественно, не зарекается ни от тюрьмы, ни от сумы. Вот если всерьез, у меня был один самый страшный день в моей жизни, который я никогда не хотел бы по-

вторить. Это был день 3 октября 1993 г., когда Макашов¹ с Баркашовым² уже праздновали победу и собирались брать Останкино, а Хасбулатов³ рассказывал, как «мы сейчас возьмем Кремль». Я понимал, что мы должны переломить ситуацию, что мы не можем вот, как в 1917 г., взять и отдать власть. Ясно было, что милиция реально малобоеспособна, это мне надо было принять решение о том, чтобы (а) позвать народ и (б) быть готовым при необходимости его вооружить и своими силами подавлять это безобразие. Я это решение принял. И принял огромную на себя ответственность, потому что позвал людей. Причем это же прекрасные люди, замечательные. Я помню, эта толпа на Тверской, наверное, самая красивая толпа по качеству людей, по лицам, которую я видел в жизни. Я взял на себя огромную ответственность, я понимал, что эти люди могут погибнуть, многие из них могут погибнуть, и я за это буду отвечать, всегда буду отвечать. Но понимал, что я не могу позволить себе этого не сделать. Вот я бы никогда не хотел снова оказаться в этой ситуации.

Д. СМЕРНОВА: Ваш институт и Вы на сегодняшний день в общем довольно интенсивно консультируете экономический блок правительства. И не только консультируете, но и предлагаете определенные решения, рецепты и т.д. Но ответственность за проведение этих решений несете не Вы. Вас не могут снять. Могут снять Кудрина, Грефа. Каково человеку, который в общем доказал, и неоднократно, что у него сформирован некий культ ответственности,

¹ Альберт Михайлович Макашов — советский военачальник, генерал-полковник. Советский и российский оппозиционный политик, активный участник вооруженных столкновений в Москве в начале октября 1993 г. — *Прим. ред.*

² Александр Петрович Баркашов — российский политический и религиозный деятель, основатель и руководитель движения «Русское национальное единство», руководитель движения «Александр Баркашов», автор ряда статей, монах в «Истинно православной церкви» Рафаила (Прокопьева). — *Прим. ред.*

³ Руслан Иманович Хасбулатов — российский политический деятель, ученый и публицист, член-корреспондент РАН (1991), последний председатель Верховного Совета Российской Федерации, сначала сподвижник первого президента России Бориса Ельцина, затем его основной оппонент и активный участник российского конституционного кризиса до октября 1993 г., в 1994 г. — организатор так называемой миротворческой миссии профессора Хасбулатова в Чечне, с того же года — заведующий кафедрой мировой экономики Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова. — *Прим. ред.*

существовать в ситуации, когда за твои решения несут ответственность другие?

Егор ГАЙДАР: Это нормально, потому что совершенно разные роли — роль лица, принимающего решение, и роль советника. Мы и не предполагаем, что решаем за правительство, что ему делать. Это его решение. Мы пытаемся в максимальной степени учитывать риски и показывать эти риски, чтобы не было так: мы-то знаем, что вообще-то это рискованно, может не сработать, но мы Вам этого не скажем. Вот, скажем, когда мы по просьбе правительства работали над программой налоговой реформы, мы всегда закладывали максимально консервативные оценки. Так, все наши расчеты о последствиях реформы базировались на том, что никто не выйдет из тени, ну в первый год по крайней мере. Потом, может быть, выйдут, а в первый год — никто. Но при том, что, даже если никто не выйдет из тени, мы все равно понимали, как закроем наши дырки. Да, потом выяснилось, что реальные доходы бюджета по налогам выросли на 50%. Реально за 2 года. А вот строить реформы исходя из гипотезы, что все будет здорово...

Д. СМИРНОВА: Правительство приняло Ваше предложение?

Егор ГАЙДАР: Исходя из консервативной гипотезы.

Д. СМИРНОВА: Товарищи, кто же страной рулит?

Егор ГАЙДАР: Страной рулят президент и правительство. Мы никогда в жизни не провели бы эти меры налоговой реформы, если бы правительство и президент не решили, что они политически готовы поддержать эту реформу.

Д. СМИРНОВА: Мне рассказывал один представитель крупного бизнеса, как он пришел с некоторыми предложениями, касающимися как раз налоговой реформы, в Минфин. Сидит он, разговаривает с господином Кудриным и господином Улюкаевым и говорит: вот что мы придумали, так давайте попробуем. И господин Кудрин ему говорит: прекрасное предложение, мне очень нравится, Минфин за. На что господин Улюкаев, сотрудник Вашего института, говорит: нет, мне это совершенно не нравится, Минфин против. После чего этот бизнесмен подумал и говорит: я понял, что тут на кривой козе не объедешь и все равно надо идти к Гайдару. Если в институте скажут «да»...

Егор ГАЙДАР: Он зашел ко мне, мы поговорили. И я исходя строго из тех соображений, которые Вы сейчас высказывали, попы-

тался убедить его в том, что их предложения не реализовываются, потому что не проходят по одному, но важнейшему критерию — их нельзя оценить на степень рисков. Там, в этих предложениях, масса того, что никогда в жизни на деле никто не опробовал, и масса того, что никак невозможно оценить исходя из опасности потерь для бюджета. Условно говоря, неизвестно, мы приобретем 5 млрд или потеряем 20 млрд. А если не можешь ответить на этот вопрос, тогда лучше не рисковать.

Д. СМИРНОВА: И Вы его переубедили?

Егор ГАЙДАР: Я не знаю, переубедил ли я его, но, по крайней мере, мы с ним, по-моему, разошлись, поняв позиции друг друга.

Д. СМИРНОВА: То есть Минфин на самом деле у Вас там, в институте?

Егор ГАЙДАР: Нет, Вы не правы. На самом деле Минфин в Минфине. И все решения принимают Минфин, президент, правительство. Да, с нами советуются иногда, иногда не советуются, кстати говоря. Отнюдь не все решения, которые принимались, были нашими решениями, отнюдь не все они мне нравятся, некоторые из них мне кажутся совсем неправильными. Так что, еще раз подчеркиваю, у нас другая роль.

Д. СМИРНОВА: Я считаю, что им надо исправиться. Я считаю, что надо их как-то вызвать, поставить на место и вообще объяснить им...

Т. ТОЛСТАЯ: Вы говорили, что Вы прагматик. Вы агностик, мы уже это поняли. А вот Вы в колдунов верите?

Егор ГАЙДАР: Нет. Пока не видел достаточно убедительных доказательств.

Т. ТОЛСТАЯ: Я видела, например, одно. При мне одна женщина знакома, про которую известно, что если очень захочет, то может наколдовать, говорит, что возненавидела Хасбулатова с учетом известных событий. И тут показывают живьем Хасбулатова. Трубку вставил себе в рот, покуривает. И она думает: да чтоб ты поперхнулся. И вдруг спокойно сидевший Хасбулатов... извинился и вышел из студии.

Егор ГАЙДАР: Если бы я такое увидел, может быть, я бы пересмотрел свою точку зрения.

Д. СМИРНОВА: Я хотела бы Вас спросить. Известно, что Вы отстаиваете вообще позицию людей правдивых. Может быть, не надо

говорить все, но если говорить, то правду... У нас в гостях в программе был Миша Леонтьев. И он нарисовал в общем абсолютно апокалиптическую картину коррупции. Картина страшная, потому что там получалась коррупция сверху донизу. И шестикрылый серафим В. В. Путин. Естественно, он вырастает в абсолютно трагическую фигуру. Но вот скажите правду: коррупция российской власти действительно тотальна или нет?

Егор ГАЙДАР: Коррупция российской власти — очень серьезная проблема. Но коррупция в России не тотальна. На самом деле в российском правительстве всегда работали и работают люди честные, которые никогда ни одной взятки не брали и никогда ни одной взятки не возьмут. Да, конечно, качество государственного аппарата очень плохое. Длительный период беспорядков, низкая заработная плата, широкие возможности альтернативной занятости, слабо отработанные процедуры, атрофия старых инструментов контроля: КГБ, партконтроль и т.д., отсутствие новых, демократии, прозрачности процедур, ограниченная сфера компетенции. Все это создает очень неприятную базу для коррупции.

За кадром. Т. Толстая: Помните перфокарты?

За кадром. Д. СМIRНОВА: Совершенно верно. Не было никаких персональных компьютеров, ЭВМ занимала 2 этажа в институте. Была ЭВМ, и там были перфокарты. Поэтому у меня убогие представления о техническом прогрессе. И я, когда воображаю Гайдара изнутри, мне кажется, что там эти перфокарты.

За кадром. Т. ТОЛСТАЯ: Да. Так понятнее, виднее, потому что, когда вот этот компьютерный чип туда вставляется, он маленький, там ничего не видно и у нас вообще никакого образа не создается. С ним работает, без него — нет. Перфокарта — это ясно.

Д. СМIRНОВА: У меня такое ощущение, что мы вот строим, это давно известно, ничего нового мы не изобрели, мы строим коррумпированный капитализм, при котором действительно очень высокая степень коррупции, поэтому малая эффективность экономики, чрезвычайно подверженное риску население, но это все равно значительно лучше, чем советская власть.

Егор ГАЙДАР: На самом деле Англия прошла через период коррумпированного капитализма. Английский государственный аппарат был крайне коррумпированным в XVIII в. Америка прошла через этот отвратительный этап. Тут надо вспомнить, что происхо-

дило в американских городах, скажем, до 1930-х гг. Да и сейчас, конечно, просто сейчас не так все видно...

Т. ТОЛСТАЯ: С более крупных сумм начинают шевелиться.

Егор ГАЙДАР: Совершенно точно, т. е. на самом деле эта проблема существует в разных странах. Есть страны, которые имеют репутацию очень мало коррупциогенных. Когда я был в Новой Зеландии, а это страна, которая имеет очень низкую коррупцию, я там спрашивал. Люди говорят, да, действительно, у нас мало воруют. Ведь все в колоссальной степени зависит от того, как сложилась традиция. Там традиция сложилась относительно благоприятно. Там был какой-то набор приличных, некоррупцированных людей, которые стояли у истоков.

Т. ТОЛСТАЯ: Больше каторжников.

Егор ГАЙДАР: Это Австралия. Новая Зеландия не является страной каторжников. Там прилично сложился госаппарат, традиции хорошие, более-менее прилично аппарат развивался дальше, прилично оплачивался по новозеландским меркам, специальные реформы разумные люди проводили, в общем действительно она имеет репутацию страны с низкой коррупцией. Но есть другие страны с традицией относительно низкой коррупции — Финляндия, скажем, там коррупция меньше, чем в странах с аналогичным уровнем развития. Мы страна с высоким уровнем коррупции. Для нас это важнейшая проблема и важнейший ограничитель. Вот я Вам один пример приведу. Мы реформировали систему налогообложения природных ресурсов. И нам другие специалисты предлагали сделать очень своеобразную современную систему налогообложения природных ресурсов: 6 разных коэффициентов, которые зависят от природных условий и используются для корректировки суммы, которую ты должен платить за тонну добытой нефти из какого-то месторождения. Все очень здорово, за исключением одного. Я ни на грош не верю, что в наших реалиях каждый из этих коэффициентов нельзя купить за деньги. Поэтому в результате правительство приняло наше предложение и решило сделать систему предельно простой: добыл тонну нефти — заплатил n рублей. Это корректируется в зависимости от цен на нефть. Взятки брать некому, государство знает, сколько оно получит денег, люди знают, сколько они должны заплатить налогов, система некоррупционна. На мой взгляд, это типичный пример решения, которое

адаптировано к нашим реальным условиям и не предназначено какому-то фантастическому, немислимому государственному аппарату, который, дай Бог, у нас через 30 лет появится...

Д. СМИРНОВА: Егор Тимурович, а о чем Вы думаете перед сном?

Егор ГАЙДАР: Перед сном? Перед сном я обычно открываю последний номер журнала «Economist» и просматриваю там 2 или 3 статьи.

Д. СМИРНОВА: Ну хорошо, вот Вы закрыли этот журнал «Economist»...

Егор ГАЙДАР: Я закрыл журнал «Economist» и заснул.

За кадром. Д. СМИРНОВА: Когда при мне произносят словосочетание «материнская плата», я себе представляю такой большой-большой серый платок.

За кадром. Т. ТОЛСТАЯ: Материнский, оренбургский, пуховый. Я видела плату, я ее чинила. Я думаю, что когда Егор Тимурович болеет, то семья вынимает эту материнскую плату и паяет. Когда все там налажено, ее вставляют и Егор Тимурович снова здоров.

За кадром. Д. СМИРНОВА: Я не понимаю, почему Егор Тимурович производит такое впечатление, потому что на самом деле он действительно очень умный человек.

За кадром. Т. ТОЛСТАЯ: А я скажу почему. Потому что умы бывают разными, по-разному окрашенными. А здесь, по-видимому, мы наблюдаем случай чисто рационального высокоорганизованного мозга. И видеть какую-то вещь в чистом виде — это завораживает.

Д. СМИРНОВА: А что Вам снится?

Егор ГАЙДАР: Это зависит от того, насколько я устал. Когда переработаю, начинает во сне сниться работа. Содержательная работа. Абсолютные величины резервов, проблемы социально-экономического развития.

Д. СМИРНОВА: Вам снятся проблемы?

Егор ГАЙДАР: Как я сижу, пишу, клею, параграф такой-то.

Д. СМИРНОВА: А что кроме параграфов?

Егор ГАЙДАР: Кроме параграфов? Детство снится, родные снятся. Отец часто снится. Отца я потерял 3 года назад. Друзья снятся.

Т. ТОЛСТАЯ: Может быть, напоследок. Егор Тимурович, Вы вот, в моих глазах во всяком случае, да и в глазах многих других людей, лицо историческое. Вы сами, наверное, про себя тоже так думаете?

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что что-то в истории мне сделать удалось.

Т. ТОЛСТАЯ: Что-то! Мне кажется, намного больше. Мне кажется, что человек, который взял на себя действительно вот эту страшную гору... она ведь могла раздавить, как букашку, нашу страну. Кого она только не давила. Чтобы взять ее на себя в уникальный момент, прецедента которому не было вообще в русской истории, для этого нужно ощущать себя в общем фигурой исторической, а не просто папой, дедушкой, дачником или руководителем института. Вам, наверное, эти исторические горизонты, исторические блоки от природы по плечу?

Егор ГАЙДАР: Знаете, ведь самое глупое, что может сделать человек, — это начать относиться к себе без чувства юмора. Строить памятник самому себе — это ужасно смешно, но приятно. Я всячески с этим борюсь, по-моему, мне это в основном удается.

Д. СМИРНОВА: Я хотела спросить, что Вы читаете кроме журнала «Economist»?

Егор ГАЙДАР: Знаете, в последнее время, должен признаться, довольно мало.

Д. СМИРНОВА: Вы вообще похожи на малочитающего человека. Я так и думала.

Егор ГАЙДАР: Я должен сказать, что мне приходится читать в день несколько сот страниц печатного текста социально-экономического содержания и к вечеру, честно говоря, просто глаза уже устают, так что не могу сказать, что хочется сесть и перечитать книжку. Читаю я, когда переутомлен или в отпуске. И конечно, в последнее время приходится гораздо больше перечитывать, чем читать.

Д. СМИРНОВА: А дурацкое Вы что-нибудь читаете?

Егор ГАЙДАР: Нет, дурацкое нет.

Д. СМИРНОВА: Я хотела Вам прочесть стихотворение, на которое наткнулась, ожидая встречи с Вами. Случайно совершенно наткнулась на стихотворение Аксакова. «В тарантасе, в телеге ли еду ночью из Брянска я. Все о нем, все о Гегеле моя дума дворянская». Это, по-моему, к мыслям перед сном.

Т. ТОЛСТАЯ: А вот в детстве Вы читали, наверное, все. Из пустяков Вы читали детективы, фантастику? И что Вы предпочитали? Я заметила, что эти жанры люди не смешивают.

Егор ГАЙДАР: Нет, нет. Я читал и то, и другое.

Д. СМИРНОВА: Что больше? Больше детективы или фантастику?

Егор ГАЙДАР: Фантастику больше любил. Я очень любил всегда Стругацких. Это никак не было связано с моими семейными отношениями с Машей, дочкой Аркадия Натановича.

Д. СМИРНОВА: Но Вы всем доказали, что любили и любите Стругацких.

Егор ГАЙДАР: Я любил Брэдбери, я любил Лема, фантастику я действительно в детстве читал много и знал довольно прилично. Детективы я читал, когда учил английский язык. Естественно, лучший способ научиться английскому языку — это начать читать. В 8 классе я начал читать, начал, правда, с очень хорошей вещи — со «Скотного двора»¹. Первое, что у меня пошло, это был «Скотный двор». А потом я перечитал колоссальное количество всяких детективов, которые стояли у отца: Агата Кристи, Перри Мейсон и т.д.

Д. СМИРНОВА: А Вы предпочитаете Толстого или Достоевского?

Егор ГАЙДАР: Толстого.

Т. ТОЛСТАЯ: Слава Богу.

Д. СМИРНОВА: Как они еще делятся?

Т. ТОЛСТАЯ: Огурчики-помидорчики, сыр-колбаска, Толстой-Достоевский, фантастика-детективы, это все бинарные позиции. А мы не понимаем с Егором Тимуровичем слова иностранные.

Д. СМИРНОВА: А Вы агностики. Простые православные люди. Пойди пойми их всех, эту Вашу тарабарщину. Егор Тимурович, спасибо Вам большое.

Егор ГАЙДАР: Спасибо, было очень приятно с Вами поговорить.

Д. СМИРНОВА: Нам тоже.

Т. ТОЛСТАЯ: Я поняла, в чем дело. Мы представляем собой по сравнению с Гайдаром глубоко устаревшую модель, снятую с производства. Они там, в будущем, все будут такие. А мы просто устаревшая модель человека. Как это... палка-копалка. Правда. Мы по сравнению с Гайдаром — это палка-копалка с компьютером.

¹ «Скотный двор» — сатирическая повесть-притча Джорджа Оруэлла. — Прим. ред.

Новый правый курс

Радиостанция «Радио Свобода». 8 мая 2003 г.

Ведущий — Михаил Соколов

Ведущий: Егор Гайдар в последние несколько лет был не очень заметен в публичной политике. Он удалился в кабинетную тишь, что не мешало ему влиять на реальную деятельность власти, предлагая ей разработки своего Института экономики переходного периода. Но в декабре прошлого года на совете партии «Союз правых сил» (а затем и весной 2003 г.) он выступил с докладами, которые показали, что в анализе стратегического развития России Гайдар не потерял время даром.

Егор Гайдар в декабре, еще до приступа нынешней всеобщей критики правительства Михаила Касьянова, профессионально показал, что в отличие от 2000-го и 2001 гг. в 2002 г. внятной политики у Кабинета министров уже не было, все большее тормозящее влияние оказывает на правительство партия власти «Единая Россия». Российская бюрократия отказывается вводить простые, прозрачные, контролируемые процедуры, делать власть, как того требует общество, некоррупционной и подконтрольной.

Сейчас в России заканчивается восстановительный рост, шедший высокими темпами после демонтажа социализма, и наступает время иных решений, создания новых мощностей и долгосрочных вложений. России надо отказаться от модели «догоняющей индустриализации», используя стратегии постиндустриального мира.

И сегодня мы будем обсуждать стратегию развития России, которую предлагает один из лидеров «Союза правых сил» — Егор Гайдар.

В своих последних докладах он указал на ключевые проблемы. Для благоприятного инвестиционного климата в России недостаточно налоговой реформы, разумной курсовой политики, снижения государственных расходов. Требуется эффективно функционирующая судебная система, реально защищенные права собственности, менее коррумпированная бюрократия.

Проблема населения: оно в России сокращается. Нужно не загонять эмиграцию в нелегальную сферу, что делают власти с помощью контрпродуктивного Закона о гражданстве, а предложить политику адаптации эмигрантов по аналогии с США, Канадой и Австралией.

Проблема Вооруженных сил: необходим отказ от призывной армии и переход к профессиональной контрактной армии уже к 2007 г.

Проблема образования и здравоохранения: постиндустриальное общество требует, чтобы в этих сферах тратилась более значительная часть ресурсов. В образовании Гайдар предлагает отбор в вузы по результатам единого экзамена и олимпиад и преференции тем, кто отслужил в армии по контракту. В здравоохранении — право выхода работника и работодателя из системы государственного медицинского обеспечения в конкурентную среду частных страховых компаний, освобождение от подоходного налога средств, которые работник направляет на страхование.

Обо всех этих инициативах мы и будем беседовать с Егором Гайдаром.

Егор Тимурович, в своих последних выступлениях Вы говорите о том, что так называемый восстановительный рост замедляется, резервы использования старых производственных мощностей в общем исчерпаны или исчерпываются, нужны структурные реформы и сохранение консервативной денежной политики. Но в то же время есть ведь и политические ограничители для того, чтобы проводить подобные меры. Вы их учитываете сейчас?

Егор ГАЙДАР: Да, конечно. Я хочу минимизировать риски. Я прекрасно понимаю, что мы подходим к выборам. Я прекрасно понимаю, что на подходе к выборам привлекательность популистских рецептов растет. Я хочу попытаться убедить российскую экономико-политическую элиту в том, что при всей внешней стабильности мы еще не в той точке, когда можем позволить себе глупость.

Ведущий: *Вы проводите параллели с периодом нэпа, когда была ситуация такого выбора: рост замедлился и политическое руковод-*

ство решило догонять Европу, Америку достаточно примитивными методами? Действительно есть такие вот ясные параллели с 1920-ми гг.?

Егор ГАЙДАР: Ну конечно, они есть для любого, кто читал экономико-политическую литературу конца 1920-х гг. — дискуссии по поводу того, что надо сделать, чтобы подстегнуть темпы роста, — параллели достаточно очевидны. Конечно, надо понять, что ситуация разная, это параллели неоднозначные, не стопроцентные. Ситуация, в которой мы находимся, существенно отлична от той, в которой находилось советское правительство в 1926–1927 гг.

Ведущий: *Крестьян никто не призывает грабить.*

Егор ГАЙДАР: Да, крестьян грабить никто не призывает, никто не призывает раскулачивать кулаков и т.д. Тем не менее эта проблема, связанная с тем, что рост был очень быстрый, а потом начал замедляться, а хотелось бы, чтобы он не замедлялся, и что-нибудь такое надо бы отчебучить, чтобы он не замедлялся, — вот это задает тон, к сожалению, экономико-политического обсуждения и в конце 1920-х, и сегодня.

Ведущий: *На данный момент Вы учитываете то, что значительная часть этого роста связана с аномально высокими нефтяными ценами, которые, с одной стороны, дают поток нефтедолларов в Россию, а с другой стороны, на мой взгляд, расслабляют политическую элиту и как бы откладывают многое из того, что предлагается разумными людьми, на потом?*

Егор ГАЙДАР: Вы абсолютно правы. Есть два важных фактора, которые влияют на российское экономическое развитие. Первый из них — это действительно восстановительный рост, второй — это высокие цены на нефть. Восстановительный рост идет вниз, а цены на нефть остаются высокими, и это худшее сочетание для прогноза качества экономической политики, потому как «разжижение мозгов» экономико-политической элиты в условиях высоких цен на нефть — это мировой феномен, это происходило почти везде и почти всегда, исключения довольно редки.

Если Вы посмотрите, какую чушь пороло мексиканское руководство в период высоких цен на нефть в 1979–1982 гг., Вам перестанет быть так стыдно за советское руководство периода 1979–1982 гг. Они, конечно, были идиотами, но они были не уникальными идиотами. Такими же идиотами было руководство практически всех

стран, которые занимались нефтедобычей в условиях цен, которые были примерно в 3 раза выше в сопоставимых ценах, чем сейчас.

Я на самом деле очень глубоко уважаю наше правительство, которое у нас не принято хвалить, — интеллигенция в России не любит хвалить правительство — за то, что оно четыре года в условиях высоких цен на нефть проводило более-менее (не без изъянов) ответственную макроэкономическую политику. Я восхищен этим результатом. Мне хотелось бы быть уверенным, что таким будет и следующий год, пока есть шанс, что цены на нефть будут высокими. К сожалению, я в этом не уверен.

Ведущий: *Есть мнения, например, что идет уже скрытая подпитка промышленности за счет, скажем так, инфляционных источников. Инфляция 1,8–2,4% — это как-то вот...*

Егор ГАЙДАР: Это другое. Пока денежная и финансовая политика остается достаточно осторожной. Там есть другая проблема — проблема, связанная с курсовой политикой.

Последние 3–4 года Центральный банк и правительство пытались одновременно решить две задачи, которые теоретически малосочетаемы, просто несочетаемы в долгосрочной перспективе. Задачи эти такие: не допустить слишком быстрого укрепления рубля в реальном исчислении и постепенно добиваться снижения темпов инфляции. В силу комплекса причин и достаточно удачных технических решений правительству и Центральному банку в последние три с лишним года удавалось одновременно препятствовать избыточно быстрому укреплению рубля и добиваться последовательного снижения инфляции.

В конце прошлого — начале нынешнего года перед правительством и Центральным банком встал вопрос: что мы делаем дальше, какой наш приоритет — мы пытаемся в первую очередь сдерживать укрепление рубля в реальном исчислении или важнейшим приоритетом считаем снижение инфляции? И надо было принимать решение. Центральный банк принял решение в пользу снижения инфляции. На самом деле это решение очень ответственное, имеющее экономические основания, но крайне рискованное в российских условиях.

Я очень надеюсь, что политика Центрального банка окажется успешной. К сожалению, здесь нет гарантий.

Ведущий: *Вы достаточно высоко оценили денежную политику правительства и Центрального банка. А если говорить о структурных реформах, насколько я понимаю, Вы не удовлетворены, судя по Вашим выступлениям, тем, что сделано, или, по крайней мере, относительно высоко оценили только судебную реформу.*

Егор ГАЙДАР: Нет-нет, я считаю: то, что было сделано в 2000–2001 гг. по структурным реформам, крайне важно и крайне полезно. Ну, надо же быть реалистами и научиться говорить себе правду, даже когда она противоречит интеллигентским стереотипам. Я понимаю, что ругать правительство интеллигенту в России прилично, а хвалить неприлично, но правительство за два года легализовало частный оборот земли — плохонько, но легализовало — впервые за последние 80 лет. Плохонько, я согласен, я крайне не удовлетворен качеством особенно Закона об обороте сельскохозяйственной земли, но это впервые за 80 лет.

У меня есть претензии к Трудовому кодексу, но правительство существенно приблизило трудовые отношения, прописанные в Законе, к тому, что может существовать на практике.

Не все сделано в налоговой реформе, но все-таки предельная ставка налогообложения существенно снижена, введен плоский подоходный налог, и это дало крупные дополнительные налоговые доходы. Да, не все идеально в сфере налогообложения природных ресурсов, но только то, что платят сегодня нефтяники, возросло в несколько раз по сравнению с тем, что они платили раньше. И они платят это на основе простых, предсказуемых и некоррумпированных правил. Да, не все замечательно с единым социальным налогом, но все-таки ситуация, когда с Вас четыре ведомства собирали этот налог с разной базой, ушла в прошлое.

В судебной реформе масса нерешенных проблем, но все-таки суд присяжных в России будет введен — это уже определено — по всей территории страны. И уже сегодня введена нормальная судебная процедура ареста, и уже сегодня из-за этого десятки тысяч людей не сидят в тюрьмах до тех пор, пока им не вынесен приговор.

У меня есть очень серьезные претензии к пенсионной реформе в том виде, в котором она прошла. Я считаю ее недостаточно радикальной, считаю медленным рост накопительной части, неудовлетворительным компромисс по порядку инвестирования накопительной части пенсий. Но тем не менее то, что она уже сегодня начала

влиять на поведение людей, в том числе поведение в области легализации зарплаты, — это и статистика показывает.

Короче говоря, у меня есть претензии почти к каждой проведенной структурной реформе, у меня есть претензии к тому, какие структурные реформы не проведены. Но просто не сказать о том, что правительство много важного и полезного сделало за 2000–2001 гг., могут либо люди, которые ничего не понимают, либо люди, которые говорят откровенную неправду. Другое дело, что в России это всегда вопрос стакана, который либо наполовину пуст, либо наполовину полон.

Да, очень много сделано важного и полезного в 2000–2001 гг. А 2002 год почти потерял.

Ведущий: *То есть это то, что Вы назвали «невнятной политикой»?*

Егор ГАЙДАР: Да. В 2002 г. началась невнятная политика, резко падают темпы любых преобразований. К сожалению, политика становится непонятной, невыраженной, не дающей оснований полагать, что есть стратегическая линия. А перечень того, что надо сделать, по-прежнему очень длинный. Мы же с Вами в России живем, не в Англии, нам надо довольно много всего сделать для того, чтобы сложилась та система институтов рыночного развития, которая в Англии сложилась в конце XVII в. И думать, что если мы здорово поработали в 2000–2001 гг., то дальше, в условиях политического цикла и приближающихся выборов, можем позволить себе лечь и отдыхать на полатах, надеясь, что тем не менее развитие будет успешным, мне кажется довольно опасным выбором.

Ведущий: *Егор Тимурович, а как Вы тогда объясните, что такой застой связан именно с 2002 г.? Это что значит? Что эта бюрократическая коррумпированная система в некотором смысле стабилизировалась, стала заключать откровенно коррупционные групповые сделки, как со «Славнефтью»? Что она создала свою достаточно сильную партию «Единая Россия»? То есть эта система в общем, я бы так сказал, стала во многих случаях неуязвима к внешним воздействиям?*

Егор ГАЙДАР: Я бы не сказал неуязвима, просто более трудно уязвима. В 1999–2000 гг. российские экономико-политическая и политическая элиты пребывали в состоянии глубокого шока.

Ведущий: *Раскол был, правильно?*

Егор ГАЙДАР: Конечно. Все-то думали, что надо за Лужкова и Примакова голосовать, за это же чины и ордена будут давать. То есть первый эшелон элиты рванулся в «Отечество» со «Всей Россией», а потом выяснилось, что рванули не туда, и вместо «ура» «караул» кричали. Победил Путин, победило «Единство».

«Единство» состояло, прямо скажем, из третьего эшелона политической элиты и некоторое время просто настолько было ошеломлено фактом своего успеха, что не составляло автономной политической силы. А на это накладывался шок от кризиса 1998 г., понимание того, что вообще дела-то не очень хороши, что надо много и быстро делать для того, чтобы стабилизировать положение в стране. И в этой ситуации сопротивление реформам оказалось подавленным, минимальным.

Я прекрасно помню, как, скажем, мы проводили реформу подоходного налога в 2000 г.

Ведущий: *Все были «за», кроме коммунистов.*

Егор ГАЙДАР: Не надо иллюзий. Это неправда, не все были «за». И вообще, чтобы представить себе, как мы провели тогда плоский подоходный налог, для этого надо только внимательно перечитать стенограммы Бюджетного комитета. Не все были «за», не надо.

Ведущий: *Но теперь все «за».*

Егор ГАЙДАР: Это теперь все «за». Плоский подоходный налог — это такая замечательная штука, которая создает потом тебе устойчивую базу политической поддержки. Тогда далеко не все были «за» и проходило это тяжелейшим образом. И на самом деле почти ни в одной стабильной демократии не прошло бы никогда, а вот у нас прошло именно в силу того, что был фактор «100 дней» Путина, потому что было принято политическое решение, подготовлены документы, мобилизована поддержка, деморализована оппозиция, не готовая к сопротивлению, и т.д.

Что такое плоский подоходный налог? Это не просто плоский подоходный налог, это одновременно ликвидация кучи налоговых льгот, это ликвидация налоговых лазеек для страховых компаний, для банков, льгот для военных, для судей, для налоговых полицейских и т.д. На самом деле представить себе проведение чего-то подобного в Америке практически невозможно.

Тогда это удалось сделать, но потом постепенно, конечно, партия власти, партия российской бюрократии организовалась, кон-

солидировалась, к концу 2001 г. она оказалась более-менее нормально устроенной и дальше начала «бронзоветь». И, «бронзовея», естественно, начала отстаивать свои интересы, интересы двух, собственно, родов. Первый из них — это интересы бюрократии, это чтобы не было прозрачных процедур, чтобы система была устроена так, чтобы в ней можно было достаточно свободно распоряжаться административным ресурсом и деньгами налогоплательщиков. И второй — чтобы при этом нравиться избирателю, соответственно предлагать ему что-нибудь популярненькое.

И с 2002 г. влияние этой партии власти на практически проводимую политику — на то, что, скажем, делает правительство, — очевидно нарастает. Это просто видно. Это продолжается сегодня, особенно в канун выборов, и, конечно, это радикально снижает качество проводимой политики.

Ведущий: *Егор Тимурович, но получается такая ситуация, что и президент, и премьер в данном случае уже не выступают во многих моментах таким мотором реформ. Например, президент выступил против реформы Газпрома, давно назревшей, а премьер вдруг почему-то высказывается против строительства негосударственных нефтепроводов. Как бы почва уходит из-под ног, я бы сказал, заставившихся реформаторов.*

Егор ГАЙДАР: Все это реальность, Вы правду говорите. Ни президент, ни премьер не живут в вакууме, они живут в реальном политическом мире. Да, в принципе нынешний — весьма популярный в стране — президент, конечно, практически любую одну какую-либо реформу, которую он поддержит, способен провести через Думу, через Совет Федерации. Нет сомнений. Но беда в том, что реформу надо проводить не одну. А дальше тогда выясняется, что при всем влиянии Кремля в Думе и в Совете Федерации возникает куча конкретных интересов, необходимость договариваться, достигать компромиссов, в той или другой политической форме платить за принимаемые решения, учитывать эти реалии.

Еще раз подчеркну: мы же живем в условиях демократии, а демократия — это вообще-то плохая форма правления, как известно. Другое дело, что она лучшая из всех существующих, но она имеет свои серьезные проблемы. И проводить структурные реформы в условиях демократии нелегко, но тем не менее беда-то России в том, что нужно. Если бы можно было не проводить, так замеча-

тельно. Вы знаете, мой опыт показывает: если ты можешь не проводить реформы, никогда их не проводи для интереса, проводи их только тогда, когда их нельзя избежать. Но беда в том, что у нас еще довольно много сфер, где нам нельзя избежать реформ, если мы хотим добиться устойчивого развития страны.

Ведущий: *А Вы видите такую проблему, как все более сужающаяся возможность для частного лица участвовать в экономике? Вот опять же эта олигархическая структура, крупный бизнес и т.д., они постепенно закрывают для, скажем так, инициативных людей вход на рынок, и еще это лишает людей, желающих перемен и западного развития России, их массовой поддержки. Все больше людей, собственно, разочаровываются. Вот это вот «окно возможностей», не политическое, а массовое... или дверь, дверь закрывается, и в окно уже не влезть.*

Егор ГАЙДАР: Я бы не согласился с этим диагнозом. Да, мне крайне не нравится избыточная роль крупного бизнеса в российской экономике, считаю ее в долгосрочном плане достаточно опасной для устойчивости нашего развития. Вот только мы все время создаем себе, мне кажется, мифы.

Давайте посмотрим чуть-чуть на статистику занятости. Если Вы посмотрите на нее за последние несколько лет, то увидите, что число занятых в России выросло на 8 млн человек с лишним. А если Вы посмотрите на статистику занятости в крупных и средних компаниях, то увидите, что она почти не возросла. А куда эти 8 млн человек ушли? Куда, если они оказались занятыми дополнительно и не ушли в крупные и средние компании? Видимо, они ушли в малый бизнес.

Ведущий: *Или в теневом секторе.*

Егор ГАЙДАР: А это другой вопрос. Малый бизнес есть и в теневом секторе, совершенно точно. Да, большая часть из них ушла в малый бизнес в теневом секторе, но это другая ситуация. Это не то, что Вы описали. Это не то, что пришли Дерипаска с Ходорковским¹, контролируют все в России, и больше некуда крестьянину податься. Есть куда крестьянину податься. Желательно было бы крестьянину создать возможности работы в легальном секторе, когда он не зависит от рэкетира и платит налоги. Но на самом-то деле он работает.

¹ На момент интервью один из самых крупных российских предпринимателей.

Ведущий: *В Вашем фундаментальном докладе Вы сказали, что Россия в принципе соответствует сейчас уровню развития западных постиндустриальных стран где-то 40–60-летней давности, наверное, лучше 40-летней, и, предположим, континентальных стран типа Германии или, скорее, Франции. А значит ли это, что Россия, которая пережила все-таки период вот такого тотального коммунистического огосударствления, действительно с высокой вероятностью повторит путь этих стран, т.е. будет решать все те же самые проблемы? Или здесь все-таки есть специфика посткоммунистического развития?*

Егор ГАЙДАР: Конечно, есть специфика посткоммунистического развития. Проблема российской демографии связана с серьезнейшим влиянием социалистического эксперимента в отношении и продолжительности жизни, и рождаемости, отсюда и перспективы численности населения, проблемы миграции и т.д. Мы просто столкнулись с многими проблемами, которые высокоразвитые страны переживают сегодня, на несколько десятилетий раньше. Но вместе с тем надо все-таки учитывать и другое. Да, есть серьезные искажения, связанные с наследием коммунизма. Но есть и общая траектория, порожденная таким мощнейшим феноменом, как современный экономический рост, тем, что происходило с миром и Россией на протяжении последних двух веков. Из того, что я сказал, не следует, что мы точно повторим траекторию развития, скажем, Франции или Германии 1950–1990-х гг. Из этого следует только одно: что есть высокая степень вероятности, что, если развитие России будет мало-мальски успешным, нам придется столкнуться со сходным набором структурных изменений и связанных с ними проблем. И лучше думать об этом раньше, а не позже, не в тот момент, когда они становятся неразрешимыми, а сейчас, когда ты можешь понять, что с этими проблемами столкнешься.

Ведущий: *Из Вашего доклада следует, что первоочередные задачи как раз во многом социальные.*

Егор ГАЙДАР: Действительно, именно эти проблемы возникают как доминирующие, ключевые на стадии постиндустриального развития, и я считаю, что мы сегодня должны о них думать, а не завтра, потому что, когда они возникали, скажем, в Германии, во Франции, в США, реально элиты — французская, немецкая, английская, американская — не понимали, в каком мире они будут жить через 50 лет.

Они совершенно не понимали, какая радикальная демографическая трансформация им предстоит, насколько возрастет, скажем, спрос на услуги здравоохранения. Они не понимали, что тот аномальный экономический рост, который там происходил в 1950–1960-х гг., не будет продолжаться вечно, что те возможности наращивания налоговых доходов, которые открылись где-то после Первой мировой войны, окажутся исчерпанными. Короче говоря, они были первооткрывателями, они вынуждены были делать ошибки и потом учиться на своих ошибках. А мы имеем приятное преимущество...

Ведущий: *Наступить на те же грабли.*

Егор ГАЙДАР: Не наступить на те же грабли. Упрекать, например, Бевериджа¹ в том, что он вырабатывал систему социального страхования в Англии, не понимая ее долгосрочных последствий, бессмысленно: он и не мог этого понимать. Упрекать нашу элиту в том, что мы не понимаем, что те установления, которые есть сейчас, долгосрочно неустойчивы и их нужно серьезно реформировать, для того чтобы обеспечить их устойчивость, — можно, потому что мы, по крайней мере, можем извлекать какой-то опыт из чужих ошибок.

Ведущий: *Вы считаете, что, например, можно довольно быстро запустить накопительную пенсионную систему?*

Егор ГАЙДАР: Я считаю, что можно быстрее ее запустить. Кстати говоря, слава Богу, что мы начали запускать накопительную пенсионную систему на более ранних уровнях развития, чем это делали страны-лидеры. Другое дело, что, учитывая специфику российской демографии, того, что мы начали делать и решили, уже недостаточно. Мы, к сожалению, должны идти быстрее и радикальнее, если хотим сохранить соотношение средней пенсии и средней заработной платы хотя бы на нынешнем уровне.

¹ Беверидж Уильям Генри (1879–1963) — английский экономист и политический деятель, именем которого назван план Бевериджа, представленный в 1942 г. парламентской комиссией, которую он возглавлял, в виде доклада о социальном страховании и сопутствующих услугах и содержавший предложения по созданию «государства благоденствия». В разные годы был директором биржи труда, директором Лондонской школы экономических и политических наук, председателем Постоянного комитета по страхованию от безработицы, заместителем министра в Министерстве труда. В 1919 г. возведен в рыцарское достоинство. С 1937 г. — член Британской академии. В 1940–1944 гг. — президент Королевского экономического общества. В 1944 г. был избран в палату общин. В 1946 г. получил титул барона. — *Прим. ред.*

Ведущий: *Есть соблазн, скажем, решить проблему старших возрастов за счет перераспределения нефтяной ренты, поскольку они не могут, естественно, накопить.*

Егор ГАЙДАР: Это здорово. Но проблема состоит в том, что рента крайне неустойчива. Если вы способны создать пенсионную систему, где средняя пенсия у вас пляшет в пределах три раза вверх и вниз, тогда замечательно. Только я не видел примеров стран подобного рода. Надо помнить, что средние цены на нефть на протяжении жизни нынешнего поколения между 1970-м и 2003 гг. плясали в нынешних долларах с 90 долл. до 11, т.е. соответственно в 9 раз.

Ведущий: *Реформа здравоохранения: Вы предлагаете дать возможность работнику управлять фактически страховым взносом, который сейчас обезличенно направляется в систему обязательного медицинского страхования. В то же время, по-моему, это радость, действительно доступная и выгодная лишь для высокооплачиваемых работников.*

Егор ГАЙДАР: Первое — не только медицинского, но медицинского и социального. Второе — я предлагаю дополнить это реформой системы социальных вычетов, предоставив работнику право увеличивать свои взносы на добровольное медицинское и социальное страхование, предусмотренные действующей системой, дополнительными взносами.

Ведущий: *За счет подоходного налога?*

Егор ГАЙДАР: За счет подоходного налога, совершенно точно. Верхний предел — в зависимости от объема облагаемого дохода. Да, правда, что это в первую очередь будет влиять на поведение средне- и высокодоходных групп населения. Но это немало. Это меняет отношение к этим выплатам для крупных секторов российского бизнеса, для какой-нибудь нефтяной, металлургической, газовой промышленности, железных дорог и т.д.

Вопрос в другом: это налог, который Вы платите в казну и который никак не влияет на условия обслуживания занятых у Вас работников, или это налоговая льгота, это та зарплата, которую Вы выплачиваете своим работникам в другой форме, причем в наиболее благоприятной, потому что она не обложена ни социальным, ни подоходным налогом? Это вопрос о том, мобилизуете ли Вы дополнительные деньги, которые пойдут на здравоохранение. Это вопрос о том, можете ли Вы выстроить нормальную систему стимулов, где

больницы получают деньги в зависимости не от того, сколько у них коек, а от того, сколько они оказали медицинских услуг.

Да, все, что мы предлагаем, — это не какая-то панацея, это не средство, которое позволяет Вам немедленно решить все проблемы здравоохранения. Это позволяет создать систему стимулов, которые будут позитивно влиять на долгосрочные перспективы состояния системы здравоохранения и здоровья населения.

Ведущий: *Относительно реформы высшего образования, да и вообще образования, без которой постиндустриальное общество вряд ли может состояться в России. Те модели, которые Вы называете, их в общем-то и действующая власть обещает, — ну, единый госэкзамен, деньги идут за учеником и т.д., представлены в какой-то такой бюрократической форме.*

Егор ГАЙДАР: Да, то, что предлагает власть, имеет разумные основания. Но то, что происходит сегодня, трудно оправдать каким бы то ни было здравым смыслом. По всем обследованиям мы знаем, что у нас широко распространены коррупция и, мягко говоря, платежи при поступлении в вуз, есть система репетиторов перед вузами, есть сложно устроенная система блата при поступлении. Мы понимаем, что у тех людей, которые влиятельны и богаты, возможности обеспечить этот набор услуг для своих детей больше, чем у других.

Мы понимаем, что реально получение бесплатного образования (а по сути оно не бывает бесплатным), за которое платим мы, налогоплательщики, в первую очередь доступно детям из наиболее привилегированных и высокооплачиваемых слоев населения. Мы знаем, что те группы населения, которые менее влиятельны, менее высокооплачиваемы, вынуждены отправлять своих детей на платное обучение. И мы знаем, что те семьи, которые относятся к наименее обеспеченным и наименее социально преуспевающим, даже своих талантливых детей не могут послать получить высшее образование, их как раз забирают в армию. Таковы реалии, и все на самом деле хорошо знают, что жизнь в России устроена так.

Дальше нам говорит, скажем, нынешняя образовательная элита: мы вот так устроены, нам так удобно и так должно быть устроено, с чем, на мой взгляд, никак нельзя смириться мне как налогоплательщику, ну никак невозможно. Реформаторы системы образования резонно говорят нам, что если Вы хотите предоста-

вить реальный доступ к высшему образованию детям из низкодоходных, низкостатусных групп населения, но способным, то должны ввести простые, прозрачные процедуры. Это правда. Дальше нам говорят, что никаких простых и прозрачных процедур, кроме тестовых, мир еще не выдумал. Это тоже правда. Дальше нам говорят: давайте вводить единый экзамен, что осмысленно, и в общем эксперимент по этому поводу идет.

А вот дальше следует последний тезис, который очень легко оспаривается. Говорят: теперь давайте на основе единого экзамена определять, кто будет поступать в какой вуз. А это уже очевидная ерунда, понятная любому, кто учился в вузе или кто преподавал в вузе. Я, например, преподавал и преподаю. Ясно, что отбирать студентов в консерваторию, на физтех, мехмат, факультет восточных языков исходя из единых тестов — это идиотизм.

Ведущий: *Но это предлагается.*

Егор ГАЙДАР: Это предлагается.

Ведущий: *Кроме нескольких вузов.*

Егор ГАЙДАР: Это неправильно, это не обеспечит нам качественного образования. Причем, с одной стороны, есть одна правда — действительно, деньги налогоплательщиков должны распределяться на основе простых, прозрачных тестовых процедур. И есть другая правда — для того чтобы иметь качественное образование, Вам нужны специфические требования, которые предъявляются к данной специальности и данному вузу.

Мы предлагаем решение — и решение, на мой взгляд, достаточно логичное. Мы предлагаем иметь систему тестов, которая наряду с системой олимпиад и воинской службой по контракту является единственным основанием для предоставления государственного финансирования. Мы предлагаем отказаться от тех норм, которые закреплены сегодня в российском законодательстве, которые регламентируют, сколько мы должны обучать бесплатных студентов, потому что они вообще бессмысленны, и особенно бессмысленны в России, где огромные колебания в возрастных когортах населения. Мы предлагаем увеличить финансирование на один образовательный ваучер¹.

¹ Образовательный ваучер — государственный денежный сертификат, выдаваемый для использования в качестве платы за обучение, один из способов реализации принципа «деньги следуют за уче-

Мы предлагаем добиться того, чтобы вузы не получали от государства никаких денег, кроме денег за государственного студента. И тогда пусть они действительно сами определяют, соревнуясь в том числе за студента с государственным ваучером, с государственным гарантированным финансированием, кого они считают возможным принимать и кого невозможным. И особенно если мы увяжем все это с военной реформой, когда перейдем на контрактную армию и вузы перестанут быть важнейшим способом откоса от службы в Вооруженных силах, а, наоборот, служба по контракту станет важнейшим способом получения государственного финансирования образования, что происходит, скажем, в тех же Штатах, где очень большая часть государственного финансирования образования идет именно по линии финансирования образования тех, кто прослужил по контракту в американской армии, тогда, на мой взгляд, получается система прозрачная, разумная, справедливая и достаточно гибкая для того, чтобы при всей этой реформе не угробить само образование.

Ведуший: *Тогда к этой реформе нужно присоединить, собственно, и военную реформу. Ощущение такое, что в пропагандистском плане ее очень резко критикуют «яблочники» за то, что это слишком большой компромисс — отказ от чисто профессиональной армии, сочетание шестимесячного призывного ополчения и профессиональной армии. И в то же время фактически она заморожена нынешним Министерством обороны.*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, ситуация, конечно, тяжелая, но она лучше, чем то, что Вы описываете. Первое: программа перехода на контрактную службу будет разрабатываться не в течение всего 2003 г. (тогда она уже не сможет быть включена в бюджет 2004 г. и в связи с этим будет откладывается неизвестно на сколько лет), а должна быть разработана до 1 июня и быть интегрирована с разработкой бюджета 2004 г. Второе: сами сроки реализации программы не до 2011 г., как предлагало Министерство обороны, а 2004–2007 гг.

Да, мы сегодня ведем работу вместе с Минобороны, Минфином, Минэкономики по конкретному анализу организационных и финансовых вопросов, связанных с переходом на контрактную армию.

ником». Применяется в ряде стран.— *Прим. ред.*

Это никогда не бывает просто, но позитивные подвижки есть, битва не проиграна, есть серьезные шансы на то, что все-таки нам удастся начать переход на контрактную службу не в тот момент, когда армия полностью развалится из-за демографических проблем 2007–2008 гг., а существенно раньше, и сделать это более упорядоченно. Здесь не надо впадать в панику.

Военная реформа в России будет, она все равно неизбежна. Вопрос в том, будет она раньше или позже, будет упорядоченно проведена или в условиях острейшего кризиса в системе комплектования Вооруженных сил.

Ведущий: *Решение миграционной проблемы. Ваша программа регулирования миграции, балльного принципа привлечения мигрантов, в основном из стран СНГ, русскоязычных, адаптированных, наверное, хороша, но, по-моему, это не очень популярная тема в условиях такой государственной ксенофобии и изоляционизма, которые явно просматриваются в том числе в законотворчестве.*

Егор ГАЙДАР: Это чистая правда. Я убежден, что разумная миграционная политика стратегически важна для России, что самое глупое, что мы можем сделать, — это пытаться закрывать глаза на реальность и выдумывать себе реальность. Просто любой человек, который живет в Москве, знает, кто в Москве водит автобусы и троллейбусы, знает, кто строит дома и ремонтирует квартиры. И при этом делать вид, что этого всего нет, а вот те люди, которые этим занимаются, — это какие-то страшные преступники, на которых надо охотиться и регулярно выдворять их в Таджикистан, чтобы на следующий день они вернулись обратно, на мой взгляд, это самая глупая политика, которую можно проводить.

Если эмиграция в Россию неизбежна — а она неизбежна в силу вообще реалий постиндустриального общества, не говоря о российских демографических реалиях, — нужно научиться ею управлять, научиться ее регулировать, научиться вводить ее в правовые формы, чтобы эмигранты были социально защищены, чтобы они платили налоги в России, чтобы не были объединены в преступные сообщества. Вот это, собственно, важнейшая задача.

Да, я знаю, это трудно, кстати говоря, как ни странно, трудно почти во всех постиндустриальных обществах, потому что есть такая своеобразная социальная шизофрения, когда люди хотят, чтобы у них были турки, которые работают уборщиками, и не хотят, что-

бы у них были турки, которые живут как их соседи. Тем не менее, чем в большей степени мы поймем, что это реальность, что с этим надо жить, что этим надо управлять и это надо регулировать, тем меньше проблем мы с этим получим.

Ведущий: *Знаете, есть такой вывод, который Вы не сделали в своем докладе. Ни одна из успешных постиндустриальных стран не состоялась до того, как провела деколонизацию. Россия от этого категорически отказывается, наоборот, продолжает такую вот чисто колониальную войну в Чечне. Как с этим?*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, я бы с этим не согласился. Дело в том, что Россия провела радикальную и бескровную деколонизацию, которая была малохарактерна почти для любой империи индустриального периода. То, что мы сделали в 1991 г., — это вообще достаточно беспрецедентный шаг в мировой истории. За это Ельцина потом бесконечное количество раз ругали, а на мой взгляд, он избежал развития событий по югославскому сценарию, которое было абсолютно реальным, и сделал очень ответственный выбор. Дальше всегда возникает фундаментальная проблема целостности государства и противоречия этого с правом наций на самоопределение, которую еще никто не придумал, как решать.

Ведущий: *Но Франция решила — в Алжире.*

Егор ГАЙДАР: Нет, Франция не решила в Алжире, потому что Франция проиграла алжирскую кампанию и была отделена от Алжира морем. Скажем, Испания не решила в Стране Басков и Англия не решила в Ирландии, при том что Англия уступила огромную мировую империю, намного превышавшую по численности населения, по доле мирового населения советскую империю. Но выяснилось, что решить проблему в Ирландии нельзя, потому что она внутренне разделена. И решить проблему Страны Басков для Испании, которая отдала свои владения в Латинской Америке, с войнами, конечно, тоже невозможно. Как, скажем, для Израиля крайне трудно решить проблему Западного берега реки Иордан.

Ведущий: *Может быть, нужно исходить из того, что Российская Федерация не должна быть однородной, что должны быть особые отношения? А сейчас навязывается совершенно другое.*

Егор ГАЙДАР: Я не знаю твердого ответа на этот вопрос. Вот когда была первая чеченская война, мне казалось, что я знаю ответ на этот вопрос, что ответ состоит в том, что да, там есть про-

блемы с законодательством, но, в конце концов, если мы оставим Чечню — де-факто хотя бы — саму по себе, как Китай оставил Тайвань, то с течением времени ситуация там так или иначе стабилизируется. К сожалению, развитие событий на протяжении всего периода после хасавюртовских соглашений не подтвердило мою гипотезу.

Здесь тот случай, когда я вынужден признать, что мне трудно отстаивать тезис, что я был тогда прав. Во-первых, в Чечне не сложилась мало-мальски стабильная власть, в Чечне продолжались массовые хищения людей, в том числе из других регионов России. И во-вторых, возникла проблема кризиса в Дагестане, мы уж не будем обсуждать детали и механизмы, но очевидно связанная с Чечней. Сейчас отстаивать тезис «давайте оставим Чечню в покое, и все будет хорошо» я бы не стал, потому что не убежден в его правоте.

Ведущий: *Ну что — продолжать то, что делали?*

Егор ГАЙДАР: На мой взгляд, чеченская проблема длинная и очень тяжелая. Да, хотелось бы более энергичной борьбы со злоупотреблениями в Вооруженных силах, борьбы с коррупцией, большего желания интеграции чеченцев в мирную жизнь, сотрудничества с теми, кто готов это делать, больше усилий по налаживанию мирной жизни, по образованию. Все это тяжелая работа, она не дает немедленной отдачи. Там никакие референдумы, ничто не позволит решить с сегодняшнего дня на завтрашний. Но вот патентованных рецептов, которые, на мой взгляд, были бы убедительны и позволили сказать: Вы сделайте это, это и это — и с Чечней у нас все будет в полном порядке, — я не знаю.

Ведущий: *Схема муниципализации, которая сейчас предлагается, Вы ее поддерживаете?*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, в законопроектах, которые внесены, есть масса разумного и правильного, но есть и серьезные проблемы. Все реформы распланированы примерно, как план баталий при Аустерлице: первая колонна марширует, вторая колонна марширует. Россия очень большая, очень несовершенная, но — Федерация. Там разные условия, подсчитать финансовые последствия нелегко. Мне кажется, что, если бы мы сформулировали все, что сформулировали сегодня президент и правительство, как общие рамки, как то, к чему в целом мы стремимся, но сроки и формы приближения к этому определяются реальными местными, региональными усло-

виями,— это было бы все-таки правильнее. Я очень боюсь, что проводить такую реформу по принципу «куда марширует какая колонна» очень опасно.

Ведущий: *Вы считаете, что существует угроза демократии в России в данный момент? Некоторые считают, что эта угроза исходит на самом деле от власти, которая готова проводить экономические реформы, но не готова демократизировать общество.*

Егор ГАЙДАР: Я считаю, что такая угроза есть. Я не считаю, что в России есть угроза полноценного авторитаризма по модели Лукашенко, скажем. Все-таки даже те люди, которые не очень любят нынешнюю власть, как, скажем, мой товарищ по партии Б. Е. Немцов, который, прилетев из Минска, будучи оттуда выдворенным, отметил, как замечательно жить в России на самом деле.

У нас оппозиция сидит в парламенте, лидеры ее не пропадают в неизвестном направлении. Есть партии, есть выборы. Есть более-менее свободная пресса. Есть свобода выезда и въезда. Но есть серьезный риск эволюции всего, что происходит у нас, в сторону того, что я обычно называю закрытой демократией, т. е. все атрибуты демократии вроде есть — и выборы, и оппозиция, но только то, что происходит на выборах, никак не сказывается на развитии событий в стране. И мы видели в мире довольно много стран, в том числе вполне цивилизованных, которые долгие периоды жили в условиях закрытой демократии, например Мексика. Я даже приведу пример более цивилизованной страны — Италия между Второй мировой войной и концом холодной войны. Вроде все есть, а только ничего не меняется. И есть понятные стимулы в пользу такого развития — надо преодолевать риски, связанные с разными экстремистами, и т.д.

Но только весь опыт показывает, что закрытые демократии всегда стимулируют политическую коррупцию. А коррупция для России — это серьезная преграда роста. В связи с этим, к сожалению, нам надо решать более сложную задачу. Задача построить стабильную закрытую демократию тривиальна. Задача построить стабильную реальную демократию гораздо сложнее.

Ведущий: *А Вы не думаете, что в России может повториться то же самое, что было в Европе, т.е. 1968 г., леворадикальная молодежная революция? Тем более что на фоне отрыва олигархии от народа недовольство действительно возросло.*

Егор ГАЙДАР: Да, я эту угрозу считаю серьезной, особенно на фоне антиглобалистского движения в мире. Дело в том, что коммунистической идеей всерьез российскую молодежь уже не увлечешь, она слишком архаична. А вот ощущение причастности к глобальному мировому движению, модному и стильному...

Да, движение это на самом деле финансируется лоббистами агропромышленного комплекса и текстильных отраслей для того, чтобы не допустить открытия их рынков для товаров из развивающихся стран. Но кто это понимает? Это понимают 5 человек. А внешне все это модно, здорово, тусовочно, замечательно, это придает протесту против истеблишмента, против существующих институтов молодой задор.

Ведущий: *В России тоже полно будет желающих профинансировать.*

Егор ГАЙДАР: Точно. Как в свое время принадлежность к марксистскому, социалистическому мировоззрению, в то время модному, крайне популярному, интеллектуально respectable, придавала интеллектуальную respectable и молодой задор российской социалистической идее. Причем в Европе переварили это и в общем не поперхнулись, а мы расхлебываем по сегодняшний день. Вот очень бы не хотелось, чтобы было так еще раз.

Ведущий: *Егор Тимурович, а как быть все-таки с Вашей партией СПС, с рейтингами на уровне 5%, с недовольством в Кремле тем, что делают и особенно говорят некоторые лидеры СПС? В общем есть такой риск, что правых может не оказаться в парламенте.*

Егор ГАЙДАР: Знаете, наши рейтинги колеблются в пределах где-то от 5 до 11%. Но так как мы не контролируем основные телевизионные каналы, то по странному стечению обстоятельств о наших рейтингах чаще всего говорят в то время, когда они падают до 5%. Когда они поднимаются до 11%, об этом почему-то забывают.

Я напомним, что в ноябре 1999 г., когда, собственно, мы всерьез занялись избирательной кампанией, наш рейтинг был 2%. Потом мы получили 8,5%. Я думаю, что с результатами выборов у нас все будет нормально.

Ведущий: *Несмотря на неудачи в объединении с Явлинским?*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, наше дело было предложить, его дело — отказать. Дело в том, что наш избиратель действительно хотел

этого союза. Вопрос не в том, как я отношусь к этому союзу, наши избиратели этого хотят. Мы должны были сделать все возможное.

Ведущий: У микрофона Михаил Соколов. Моим собеседником был сопредседатель партии «Союз правых сил» Егор Гайдар.

Записывали мы эту программу еще до гибели Сергея Юшенкова. Это убийство Гайдар назвал делом рук российских нацистов. Если в России продолжат так же стрелять в очевидных лидеров либералов, а другие демократы превратятся в интеллектуальную службу нового «цезаризма», на всех блестящих стратегиях поворота России к Европе можно будет поставить крест.

Сколько средств нужно на реформу армии

*Радиостанция «Эхо Москвы».
Передача «Ищем выход». 10 мая 2003 г.*

Ведущие — Сергей Бунтман, Алексей Венедиктов

Сергей БУНТМАН: *«Ищем выход» к новой армии в России. Мы с Алексеем Венедиктовым в студии как ведущие.*

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Добрый день.*

Сергей БУНТМАН: *У нас Егор Гайдар в студии. Егор Тимурович, добрый день.*

Егор ГАЙДАР: *Добрый день.*

Сергей БУНТМАН: *У меня сразу же есть вопрос, не вопрос, а констатация. У меня в Интернете есть печальная элегия, которая пришла до нашей беседы. Из Томска нам слушатель написал: «Кажется, что и эта реформа не получится и вообще никакая не получится». Наш слушатель — противник призывной формы армии, но ему кажется, что ничего у нас не получится. И на пейджер 961–22–22, для абонента «Эхо Москвы», приходит много экономических и иных конкретных вопросов. Я просто маленький обзор сделаю: «Скажите, пожалуйста, насколько верна цифра 91 млрд руб.? Необходима ли военная реформа? Илья. Спасибо», «10 лет ВВС практически не покупают ни одного самолета, все морально устареет». Дальше: «Если бы наших солдат кормили, как американских, никакой бы дедовщины не было». Значит, дело в кормежке только?»*

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Прошу прощения, я прерву. Сейчас очень многие смотрели, естественно, в новостях, как действовала американская армия в Ираке¹, как экипирован американский солдат, не го-*

¹ Речь идет о вторжении начиная с 20 февраля 2003 г. Вооруженных сил США и их союзников в Ирак с целью свержения режима Саддама Хусейна. — Прим. ред.

воря об офицерах. Мы это видели все не в художественном фильме, а в кадрах реальных событий. Поэтому, я так понимаю, это добавило нам вопросов. Ну давай, начнем.

Сергей БУНТМАН: Начнем.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: У меня первый вопрос...

Сергей БУНТМАН: Я предупрежу, что, поскольку нам предстоит вести расчеты, у нас есть один калькулятор шикарный, а другой наш, простенький.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: Мы решили проверять Гайдара.

Сергей БУНТМАН: У Венедиктова в руках. Будем проверять.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: Я просто хотел спросить, прежде чем мы начнем говорить о цифрах: реформа армии нужна для того, чтобы, с Вашей точки зрения, реформировать некий тяжелый внутренний институт или для того, чтобы сделать институт таким, чтобы он отвечал каким-то реальным угрозам?

Егор ГАЙДАР: Для двух задач. Первая: существующая система призыва, которая является по своей природе налогом на самых бедных и самых социально незащищенных, очевидно неэффективна и несправедлива, создает серьезные социальные проблемы. В связи с этим с социальной точки зрения для решения проблем российского общества реформа призыва нужна. Вторая: призывная армия в XXI в. неэффективна. Вьетнамская война была последней войной, которую проиграла призывная американская армия, война в заливе¹ была первой войной, которую выиграла наемная профессиональная добровольная американская армия. И ничего мы с этим не сделаем.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: Понятно. Теперь цена вопроса.

Сергей БУНТМАН: Один маленький нюанс. Немцы до конца не отказались от призывной армии, потому что считают, я практически цитирую, они считают призывную часть Бундесвера завоеванием демократическим и связью армии с обществом, чего не мог-

¹ Война в Персидском заливе — разные авторы относят к такой войне ирано-иракскую войну 1980–1988 гг., войну между многонациональными силами во главе с США по мандату ООН и Ираком за освобождение и восстановление независимости Кувейта (17 января — 28 февраля 1991 г.) и военный конфликт, начавшийся с вторжения 20 февраля 2003 г. Вооруженных сил США и их союзников в Ирак с целью свержения режима Саддама Хусейна. В тексте имеется в виду, судя по всему, вторая война. — Прим. ред.

ла добиться ни прусская, ни гитлеровская системы комплектования армии¹.

Егор ГАЙДАР: Первое — давайте вспомним, какой срок службы в призывной немецкой армии. Срок службы, напомним, 9 месяцев. Второе — напомним, какая система отсрочек и оснований для отказа от призыва в немецкой армии. Если Вы перечитаете все немецкие основания для отказа от призыва, то поймете, что на эти 9 месяцев идет только тот, кто хочет туда идти.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Цена вопроса, поехали. Потому что это вопрос помимо того, что он внутривластный, внешнеполитический, он и экономический.*

Егор ГАЙДАР: Абсолютно правильно. Вопрос о призыве и реформе армии всегда наполовину, по крайней мере, или больше чем наполовину — вопрос о деньгах. И наши оппоненты, скажем, из Министерства обороны говорят фактически то же самое, что говорили оппоненты реформы в 1960-х гг. из американского Министерства обороны. Они говорят: нет денег на контрактную армию, поэтому какой смысл об этом разговаривать. Давайте разберемся. У нас были длинные дискуссии, ведь мы, институт, участники рабочей группы по реформе системы комплектования, работали и с Министерством экономики, и с Министерством финансов, и с Министерством обороны. У нас были длинные дискуссии, в том числе по поводу закрытости, ведь Министерство обороны сегодня закрывает даже те цифры, которые официально представляет ОБСЕ. Поэтому я буду оперировать только открытой и только официальной информацией². Ничего, что не открыто и не официально, я не буду использовать. Есть проект программы перехода на комплектование контрактниками по крайней мере части соединений постоянной боевой готовности.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Это Министерство обороны.*

Егор ГАЙДАР: Есть по Министерству обороны, есть по другим силовым ведомствам, давайте для простоты я буду говорить про Министерство обороны.

¹ Позднее Германия отказалась от призыва. — *Прим. ред.*

² По мнению специалистов по военной реформе Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара, здесь обращается внимание на принципиальный вопрос, поскольку ситуация связана как с чрезмерной закрытостью данных, так и с практическим отсутствием военной статистики в стране, включая отсутствие официальных методик расчетов. Это открывает возможность для манипулирования цифрами. — *Прим. ред.*

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Это официально, это не Ваш институт?*

Егор ГАЙДАР: Нет-нет. Это доклад министра обороны на заседании правительства от 24 апреля 2003 г., приложение к нему, соответственно оценка затрат на переход к контрактной армии.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Понятно, т. е. это то, что представило...*

Егор ГАЙДАР: ...то, что представило Министерство обороны. Значит, рассказываю. Пока не будем брать затраты на оплату, это отдельная история. Постоянные расходы, т.е. единовременные затраты, которые мы, собственно, должны потратить для того, чтобы создать условия, позволяющие нам иметь контрактную армию, рассчитаны на переход на контрактную службу 131 555 человек. Расходы составляют, при варианте 20 % семейных контрактников, 65 449 088 тыс. руб.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Это будет ежегодный расход?*

Егор ГАЙДАР: Нет, это единовременный расход. Причем на заседании правительства было признано, что, собственно, то, что имеет отношение к переходу, это переоборудование казарм в общежития. Ну действительно, когда Вы берете контрактника и сажаете его в казарму на 100 человек с двухъярусными кроватями, это в общем неправильно. Я могу, конечно, возразить, что и призывника-то так размещать неправильно, но в принципе согласились: контрактников надо селить в общежитие кубричного типа, т.е. по 4 человека на комнату со всякими необходимыми удобствами. Знаете, как называется это по приказу Министерства обороны? Солдатские общежития с жилыми ячейками, оборудованными блоками, с санитарно-бытовыми помещениями для семейных военнослужащих. Так что предполагается по 4 человека на комнату.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Это солдаты или офицеры?*

Егор ГАЙДАР: Это солдаты, конечно. Кто такие контрактники? Контрактники — это во всем мире 18-летние ребята, которые поступают на службу, служат 4–8 лет, т.е. до 22–26 лет, вот кто они такие на самом деле. Это по возрасту примерно те же самые призывники. И их предполагается расселять примерно, как расселяют сегодня студентов и аспирантов элитных вузов. Правильно, я вполне согласен. Значит, давайте мы с Вами разделим, сколько у нас получается на одного контрактника.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *У меня получилось 499 тыс. руб.*

Егор ГАЙДАР: Нет-нет, если быть точным, то 497 500 руб.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Да, 497 500 руб.*

Егор ГАЙДАР: Теперь подумаем, чему это соответствует. Мы с Вами забудем о том, что у нас есть казарменный фонд на 1 млн 100 тыс. военнослужащих. Забыли. Мы забыли с Вами о том, что армии не надо платить за отвод земли, потому что военные городки уже есть. Мы забыли с Вами о том, что туда подведены коммуникации, газ, канализация, водопровод и электричество. Мы забыли с Вами о том, что там есть, вообще-то говоря, фундаменты хотя бы. Все забыли, считаем, что мы в чистом поле, платим деньги за землеотвод, строим абсолютно новые помещения, строим по средней стоимости по России. Средняя стоимость: по последним данным Госкомстата, строительство 1 м общей площади в квартирных домах и общежитиях (в общежитиях меньше, забудем об этом) составляет 7072 руб., запишите. Мы предполагаем расселять их по 4 человека, посчитайте стоимость кубрика. (Далее идут совместные расчеты. — *Прим. ред.*)

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *У меня получился размер кубрика при таких затратах 281,4 м!*

Егор ГАЙДАР: У меня такая же цифра. Мы где-нибудь ошиблись с Вами?

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Нет.*

Егор ГАЙДАР: Что ж там в футбол играть предполагается, что ли? Хорошо, ладно, нам скажут, ну есть же семейные.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Да.*

Егор ГАЙДАР: Мы резонно скажем, что вообще так ли уж нужны семейные-то. И сегодня, когда мы призывника семейного забираем, мы что, ему квартиру даем?

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Имеются в виду солдаты?*

Егор ГАЙДАР: Солдаты, да.

Сергей БУНТМАН: *Все о рядовых.*

Егор ГАЙДАР: Рядовой, 18-летний мальчик, призвали его.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *А почему с семьей его призывают?*

Егор ГАЙДАР: Непонятно. Ну, скажем, призвали, он заключил контракт, взял и женился. Ну случилось так, что ж мы теперь ему не разрешим жениться? На это резонно ответить, что во всех армиях мира в таких случаях дают деньги на наем жилья, что это неизмеримо дешевле, чем строить жилье. Ладно, забыли об этом. Вот здесь есть очень хорошие цифры, они дают нам возможность совер-

шенно точно сказать, какую же квартиру мы собираемся предоставлять контрактнику. Не буду техническими деталями заниматься, но в общем из цифр Министерства обороны методом простой арифметики получается, что на 13 156 семейных контрактников предполагается израсходовать деньги на строительство жилья в размере 11 015 070 тыс. руб. Если Вы разделите, у Вас получится 837 265 руб. на одного контрактника. Таким же образом мы забыли про готовые коммуникации, про землеотводы, про фундамент.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: 120 кв. м!

Егор ГАЙДАР: 120 кв. м. Вы можете представить себе?

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: Могу.

Егор ГАЙДАР: Контрактнику 18-летнему, которого мы взяли, страна выделила квартирку на 120 м!

Сергей БУНТМАН: На верхнем этаже, хороший пентхаус.

Егор ГАЙДАР: Где-нибудь мы с Вами ошиблись?

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: Речь идет именно о жилищном строительстве?

Егор ГАЙДАР: Это жилищное строительство для контрактников, это ясно из таблицы приложения к докладу министра, абсолютно очевидно. Теперь ладно, хорошо. Вспомнили с Вами, что вообще-то есть казарменный фонд на 1 млн 100 тыс. военнослужащих. Вспомнили, что вообще-то нам не нужно подводить коммуникации. Вспомнили, что есть фундамент, да, там много всего надо перестраивать, но в общем фундамент-то есть, попытались оценить реальный расход. Заказали двум организациям — Институту экономики города (вполне авторитетная организация по проблемам жилищно-коммунального хозяйства) и Академии народного хозяйства при Правительстве РФ расчеты ориентировочные, потому что вообще-то точные надо делать на основе той информации, которая является секретной. Ну, хорошо, пусть с допусками. Расчеты Института экономики города — примерно 2350 руб. за 1 кв. м реконструкции казарм в общежития. Расчеты Академии народного хозяйства — примерно 2850 за 1 кв. м.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: То есть, иными словами, примерно 3 тыс. руб.

Егор ГАЙДАР: Ну хорошо, ошиблись они все, все занизили, не учли, что разворуют половину.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: Умножим на 2.

Егор ГАЙДАР: Берем верхнюю, близкую к какому-то здравому смыслу цифру 4500 руб. за 1 кв. м реконструкции (это уже почти стоимость нового строительства общежития), перемножаем на 131 555 контрактников и на разумную площадь 9 кв. м на одного контрактника. Получаем цифру 5 млрд 300 млн руб. Сравните: 65 млрд 500 млн и 5 млрд 300 млн.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Егор Тимурович, но как же военные это объясняют? Я понимаю, ну в 2 раза, ну в 3, но не в 10–12!*

Егор ГАЙДАР: Как бывший министр финансов, как бывший премьер, я понимаю, что всякое ведомство завывает расходы, представляемые в правительство, на 30, 40, 50 %, в 2 раза. Ну не в 13 же раз! И Вы знаете, что меня успокоило? Только одно. Когда я все это подсчитал, взял и подумал, а дайте-ка, я посмотрю, насколько завышало Министерство обороны США расходы на военную реформу. В то время, когда она обсуждалась, Министерство обороны было категорически против.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *А что, то же самое?*

Егор ГАЙДАР: Абсолютно то же самое. 1966 год, доклад Министерства обороны в Конгрессе США о нецелесообразности перехода к контрактной службе. Основные аргументы: все равно нигде мы этих контрактников не найдем, реформа будет стоить безумных денег, а если найдем, то пойдут одни негры. И Министерство обороны США оценило затраты на переход в годовом исчислении в 17 млрд.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Долларов?*

Егор ГАЙДАР: Долларов 1966 г., причем доллар 1966 г. на основе индекса инфляции пересчитывается в доллар 1974 г. с коэффициентом 1,5. Соответственно в долларах 1974 г., когда в полном объеме американская армия была переведена на контрактное комплектование, это должно было составить 25,5 млрд долл. По официальному же отчету Министерства обороны расходы на военную реформу на 1974 г. составили 3,1 млрд, т.е. завышение составило 8,2 раза. Так что Вы знаете, когда на все это помотришь, то успокаиваешься.

Сергей БУНТМАН: *Все как у людей.*

Егор ГАЙДАР: Все как у людей, не мы одни такие.

Сергей БУНТМАН: *Понятно. Егор Тимурович, дело в том, что мы сейчас зададим нашим слушателям такой вопрос. Все-таки надо ли начинать немедленно реформу?*

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Скажем так, есть ли возможность?*

Егор ГАЙДАР: Да, возможность такая есть.

Сергей БУНТМАН: Подождите, подождите, Вы уже отвечаете.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: А мы обращаемся к слушателям.

Сергей БУНТМАН: Мы нашим слушателям зададим вопрос: надо начинать немедленно или можно подождать, пока сложатся благоприятные условия, пока мы выполним первоочередные задачи и т.д.?

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: Несколько лет.

Сергей БУНТМАН: Несколько лет.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: Начать, но через несколько лет.

Сергей БУНТМАН: 2–3 года. Итак, если Вы считаете, что надо начинать немедленно, то тогда звоните по телефону 995–81–21. Если Вы считаете, что можно подождать по каким бы то ни было причинам — 995–81–22. Начинаем голосовать, голосование уже идет.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: Можно, пока голосуют, обсудить вот какой вопрос. Был, кстати, вопрос в Интернете о том, что, когда, Егор, Вы были премьером, Вы тогда уже говорили о реформе армии. С тех пор прошло 10 лет. А почему сейчас надо начинать немедленно? Ну 10 лет жили без реформы армии, не удалось, Вы ушли, другие правительства выделили другие приоритеты. Ничего, живем.

Егор ГАЙДАР: Плохо живем.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: Живем.

Егор ГАЙДАР: Плохо живем. Бегают солдаты чуть ли не каждый день, каждую неделю, армия небоеспособна, призыв приводит к тому, что мы получаем в армии контингент ребят с очень низким уровнем образования, с очень низкой способностью к несению военной службы. Конечно, можно еще жить некоторое время. Только еще надо помнить, что есть своеобразное событие в российской демографии. У нас есть длинные волны поколенческие, связанные с последствиями Второй мировой войны.

Сергей БУНТМАН: Дети тех детей уже.

Егор ГАЙДАР: Всплески падения и повышения рождаемости. И у нас вот сейчас приближается такая волна — в 2006 г. начнется резкое сокращение призывного контингента и продолжится оно до 2011-го, между 2006 и 2011 гг. призывной контингент у нас сократится почти в 2 раза, т. е., если сейчас хуже-лучше как-то мы комплектуем армию за счет призывников, то надо понять, что к 2006 г. подойдет дело к тому, что либо надо эту армию распускать, либо к нам придут наши друзья военные и скажут...

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Отменяйте отсрочки.*

Егор ГАЙДАР: Отменяйте все отсрочки, всех в армию! Причем не надо иллюзий. В армию всех взять никогда не удастся. Это просто будет значить, что стоимость отсрочки по медицинским соображениям, поскольку их все равно никто не отменит и т.д., возрастет, количество взяток, которые платят организациям, связанным с этим, увеличится. Только это.

Сергей БУНТМАН: *Поэтому мы спрашиваем, нужно ли начать прямо сейчас, немедленно реформу армии — 995–81–21 или можно подождать — 995–81–22.*

В течение 2,5 минуты вы отвечали по разным телефонам на такой вопрос: военную реформу надо начинать немедленно или можно подождать? За 2,5 минуты нам позвонили 2169 человек. Я поздравляю с таким туркменско-корейским результатом Егора Гайдара, потому что «надо начинать немедленно реформу» считают 95% наших слушателей, тех, кто нам позвонил, принял участие. Соответственно 5% считают, что можно подождать.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Извините, я хочу сказать, что если говорить о всероссийском опросе на этот же самый вопрос, то «немедленно» отвечают 63%, «в ближайшее время» — 24%, я думаю, что это можно сложить, получаем 87%, «в ближайшие 5–10 лет» — только 5%. Таким образом, есть некая корреляция.*

Сергей БУНТМАН: *Сопрягается, да.*

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Чуть больше у нас.*

Сергей БУНТМАН: *Я бы хотел задать вопрос все-таки о приоритетах, потому что армия — дело дорогое, а мы увидели, что у нас, как пишут наши слушатели и совершенно справедливо замечают, что по военной технике, по уровню военных технологий российская армия очень сильно отстает. Американская война в Ираке это показала еще раз. Вкладывать деньги прежде всего, может быть, нужно в перевооружение армии?*

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Вот те реальные 5,3 млрд руб., о которых мы говорили, вместо 65 млрд оных по предложению Минобороны?*

Сергей БУНТМАН: *Да.*

Егор ГАЙДАР: Большой мировой опыт военного строительства показывает, что, если вы имеете немотивированную армию, неквалифицированный личный состав, бессмысленно давать ему в руки качественное вооружение. Ну если у вас большая часть призывни-

ков плохо читает, если они из тех 10% населения, что не получают нормального, адекватного школьного образования, какой компьютер вы ему дадите для того, чтобы он действовал так, как американский солдат в Ираке? Конечно, нет вопросов, нужно перевооружение, нужны новые высокоточные виды оружия, но просто ни в коем случае нельзя ставить телегу впереди лошади. Сначала вам нужны качественные, мотивированные Вооруженные силы, после этого дальше им надо давать в руки качественное, высокоточное оружие, потому что иначе ничего, кроме разбазаривания денег, у вас не получится. Еще один момент, который здесь надо, на мой взгляд, иметь в виду, — это немножко разные расходы. Это не всегда понимают неэкономисты, хотя экономисты очень хорошо понимают.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Попробуйте объяснить.*

Егор ГАЙДАР: Когда шла дискуссия о реформе призыва в Штатах, два очень известных американских экономиста, которые почти никогда друг с другом не соглашались: один — Милтон Фридман, а другой — Гэлбрейт, выступили с большими статьями, объясняющими, что призыв по своей природе является налогом. Это налог, просто старый натуральный налог, он очень неэффективен, очень несправедлив. В связи с этим когда вы убираете этот налог и вводите другое финансирование, вам не надо увеличивать налоговое бремя для перехода на контрактную армию. Когда вы финансируете любые другие важные направления военной реформы, военного строительства, тогда найдите деньги. В некотором смысле военная реформа в части перехода на контрактную систему — это то, что с точки зрения комплектования финансирует себя само. Сколько стоит система призыва с налоговой точки зрения? Я вам скажу. С точки зрения экономической теории она стоит ровно столько, сколько надо денег, чтобы такое же количество контрактников получить за заработную плату.

Сергей БУНТМАН: *За счет чего это складывается, Егор Тимурович?*

Егор ГАЙДАР: Вот представьте себе. Вы берете новобранца и платите ему денег намного меньше, чем платили бы ему для того, чтобы он добровольно пришел на это место работы. Что такое разница? А разница — это налог натуральный, т. е. стоимость военной реформы с точки зрения реформы комплектования однозначно равна тому, что вы должны потратить на замещение призыва кон-

трактом. У нас есть программа налоговой реформы на ближайшие годы: мы собираемся, и уже принято решение, сократить налоги на 1,75 % ВВП. Стоимость военной реформы, реформы призыва, как ее ни считай, по всем мало-мальски резонным оценкам, — это 0,3 % ВВП, т.е. это $\frac{1}{6}$ того, что мы уже решили потратить на сокращение разных налогов. Но это же самый социально опасный, самый неэффективный, самый вредный налог. Давайте тогда в нашей программе налоговой реформы запишем себе реформу призыва как просто следующий этап этой реформы, как важнейший ее приоритет. А если вы не хотите отменять призыв, тогда это не имеет отношения к налоговой реформе, тогда придумайте, какие другие расходы вы собираетесь сократить для того, чтобы закупать новое вооружение, новую технику, весьма возможно, что все это нужно. Но только тогда вы должны ответить на вопрос, за какой конкретно счет. С точки зрения реформы призыва нет такого вопроса, потому что это элемент снижения налогового бремени¹.

Сергей БУНТМАН: *То есть здесь это входит в общую систему, в общую систему шагов?*

Егор ГАЙДАР: В общую систему шагов по снижению налогового бремени на экономику.

Сергей БУНТМАН: *Понятно.*

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Там был личный вопрос Егору.*

Сергей БУНТМАН: *«Почему сугубо штатские люди, не имеющие никакого отношения к армии, вот здесь одни разрабатывают реформы, а другие сидят в студии и задают им вопросы, ничего не понимая в этом деле?»*

Егор ГАЙДАР: Я не буду говорить о том, что я, собственно, из военной семьи, что мой отец прослужил 40 лет в Вооруженных силах, это неважно. Я просто Вам могу сказать, кто играл ключевую роль в разработке конкретной программы военной реформы, реформы призыва в США. Я могу назвать два имени, которые Вы точно знаете: одно из них — Алан Гринспен, нынешний председатель Федеральной резервной системы, а другое — нобелевский лауреат

¹ Имеется в виду включить уменьшение «натурального» налога в 0,3 % ВВП в 1,75 % ВВП общего сокращения налогового бремени. Тогда снижение денежных налогов составит 1,75 % за вычетом 0,3 % ВВП. Учитывая, что в бюджете должно быть заложено снижение денежных налогов на 1,75 % ВВП, денежные средства в объеме, соответствующем 0,3 % ВВП, высвобождаются и могут быть использованы на финансирование новой системы комплектования армии. — *Прим. ред.*

по экономике Милтон Фридман. Оба, скажем, были не очень лихие вояки, если Вы посмотрите на Алана Гринспена, то согласитесь.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: Да-да.

Егор ГАЙДАР: Тем не менее они просто очень хорошо понимали экономические аспекты этой проблемы. А реформа армии — это наполовину военная проблема, а наполовину — финансово-экономическая.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *В связи с этим вопрос. Вот все-таки из того, что было сказано, может получиться впечатление, что это деньги на реформу армии, которая складывается из строительства, которое мы уже обсуждали, из зарплат, которые мы еще не обсуждали, из модернизации вооружения, что это запредельные деньги, запредельная цена, которая пойдет за счет кого? Если бюджета, скажем честно, давайте, врачи подождут, учителя подождут, «социалка» подождет, хотя это другие, тем не менее важные сферы, пенсии подождут. У нас приоритет — реформа армии. Я думаю, что президент в Послании, которое будет 16 мая, об этом скажет, не что «подождут», а вот за счет чего.*

Егор ГАЙДАР: Хотя мы с Вами обсудили несовершенство расчетов Министерства обороны, тем не менее реформа системы комплектования — это дорогостоящая штука, она стоит серьезных денег по одной причине: потому что контрактнику надо прилично платить.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *То есть это вторая позиция, которую мы не обсуждали.*

Егор ГАЙДАР: Да, совершенно верно, прилично платить. В США невозможно было укомплектовать контрактную армию в 1960-х гг., потому что они платили своему контрактнику примерно 40% средней заработной платы по стране. А когда стали платить 67%, они примерно сейчас так и платят, оказалось, что армия элементарно комплектуется. Есть некие дополнительные доплаты, которые выводят...

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Вот эти льготы учебные.*

Егор ГАЙДАР: Они выводят примерно на уровень, близкий к средней заработной плате по стране в целом. И вот тогда выяснилось, что армия конкурентоспособна на рынке труда и можно нанимать контрактников. Не получилось того, что обещали противники реформы, что там одни афроамериканцы будут служить. Служат се-

годня там 14% афроамериканцев при доле афроамериканского населения 11%.

Сергей БУНТМАН: *Сравнимо.*

Егор ГАЙДАР: Ничего этого не произошло, хотя об этом постоянно говорили. У нас тоже надо прилично платить.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Я напомню, мы говорим не об офицерах.*

Егор ГАЙДАР: Мы говорим о рядовых солдатах.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Я напоминаю слушателю.*

Егор ГАЙДАР: Когда мы начали мало-мальски платить в начале 1990-х, у нас ведь было большое количество контрактников. Вот когда потом начались задержки, пошло резкое снижение заработной платы контрактников, когда она упала ниже половины средней по стране... Ну какой же идиот пойдет служить за половину средней заработной платы, жить в общежитии кубрикового типа? Зачем это нужно? Мы провели обследование и давным-давно сказали, сколько надо платить, и, видимо, сказали адекватно, потому что, как только выходят на этот уровень, исчезает проблема. Мы сказали что платить надо 1,2 средней заработной платы по стране, в расчете на сегодня это где-то в районе 6300 руб., т.е. порядка 200 долл. Мне могут сказать: где же Вы в Москве найдете контрактника на 200 долл.? Так в Москве его и не надо искать, в Москве, где средняя зарплата 8 тыс. руб., Вы не найдете никого на 6300. Но надо вспомнить, что Москва — это не Россия, надо вспомнить, что у нас 25 регионов, где средняя заработная плата ниже 100 долл. Это большие регионы: это Алтайский край, Брянская область, Иваново, Чувашия, много их. И там средний взрослый человек, не 18-летний парнишка без квалификации, а взрослый человек получает 100 долл. А Вы этому парнишке после полугода службы предлагаете 200 долл., да еще с льготами по образованию. Совершенно очевидно, по всему опыту мировому ясно и по нашей социологии, по нашим реальностям, что, предложив соответствующий набор дополнительных льгот, в том числе образовательных, предложив набор потенциальных льгот для граждан СНГ, которые получают еще меньше, чем в Брянской области, можно, конечно, решить проблему комплектования. В 1966 г. в Америке было сказано, что ни за какие деньги не будет укомплектована армия, если платить просто заработную плату. В 1968 г. Никсон принял твердое политическое решение, что он хочет военную реформу. В 1970 г. был готов доклад. В 1972 г., в конце декабря, про-

шел последний призыв. С 1973 г. американская армия стала полностью контрактной. И в общем все это произошло при более низком уровне зарплат по отношению к средней по стране, чем то, что мы обсуждаем применительно к России.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *То есть 3–4 года, максимум 5.*

Егор ГАЙДАР: Да. Теперь давайте опять посчитаем. Возьмем калькулятор.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Не вопрос.*

Егор ГАЙДАР: Нормативное число контрактников, если вспомнить число офицеров, прапорщиков, учащихся военных училищ, которое предполагает нынешняя система комплектования, 400 тыс. человек. Мы предполагаем платить им 200 долл. в месяц.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Это не офицерам?*

Егор ГАЙДАР: Нет-нет, это все только контрактники, это только рядовые, офицерам мы и так платим. Получаем 2400 долл. на человека в год. Получили?

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *80 млн, видимо.*

Егор ГАЙДАР: Нет, 2400 долл. на год, считаем.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *А, на год я сейчас умножу.*

Егор ГАЙДАР: Получили мы с Вами на всех 960 млн долл.

Сергей БУНТМАН: *Абсолютно верно.*

Егор ГАЙДАР: Вспомнили, что у нас вообще-то есть 140 тыс. контрактников.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Сейчас?*

Егор ГАЙДАР: Да. Мы им, конечно, мало платим, мы платим примерно по 100 долл., но все равно что-то платим. Вычли соответствующие деньги: 1200 долл. в год, умноженные на 140 тыс.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Получили 168 млн.*

Егор ГАЙДАР: Да, получили 168 млн долл., вычли их из 960, получили примерно 800 млн долл. Вспомнили, что действительно, допустим, у нас будет 20% семейных контрактников и мы им будем приплачивать на наем жилья по 1 тыс. долл. в год, добавили. В общей сложности получили где-то под 900 млн долл., соответственно для...

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *400 тыс. контрактников.*

Егор ГАЙДАР: В районе 900 млн долл., ну, грубо говоря, 30 млрд руб. Реально полноценный перевод на контрактную службу требует ежегодных расходов, грубо говоря, 30 млрд руб. Это большая сумма.

Сергей БУНТМАН: Да.

Егор ГАЙДАР: Скажем, это больше по долям ВВП, чем стоила реформа американцам. Реформа американцам стоила примерно 0,2% ВВП. Если мы принимаем для России названные цифры, — они осторожные, потому что американцы относительно меньше платили, — мы закладываем 0,3% ВВП. Я напомним, что реформа призыва — это налоговая реформа. Я напомним, что у нас принято решение о сокращении налогового бремени на 1,75% ВВП. Я напомним, что если мы разделим 0,3% на 1,75%, то увидим, что это $\frac{1}{6}$ того относительного снижения налогов, о котором мы уже договорились.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: Уже $\frac{2}{6}$ на самом деле, Егор, был уже перевод...

Егор ГАЙДАР: Это годовые расходы на перевод. Один раз, не два раза, это $\frac{1}{6}$ принятых решений по налоговой реформе. Да, к нему надо добавить годовые единовременные расходы на переоборудование казарм в общежития. Годовые расходы, по самым худшим прикидкам, — это порядка 15 млрд руб.¹

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: Не понимаю. Зарплата, вот эти 900 млн долл., их же каждый год надо будет платить.

Егор ГАЙДАР: 30 млрд руб. — это годовая стоимость, это 0,3% годового ВВП. Эти 0,3% должны быть включены как элемент налоговой реформы, и после этого, если мы с Вами решим снизить НДС, снизить ЕСН, решим в следующий раз снизить еще какой-нибудь налог, мы это будем делать с учетом того, что уже было снижение на 0,3%, поскольку мы отменяем призыв. Вот откуда взялись деньги на зарплату контрактникам. Да, нам нужны единовременные расходы. Единовременные расходы, по самым пессимистичным прикидкам, — это около 15 млрд руб. на переоборудование казарм в общежития.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: 65 млрд, по Министерству обороны 65 млрд.

Егор ГАЙДАР: А, ну да. Но мы с Вами считали, получается 15,3, больше ну никак не получается, на переход всех 400 тыс. на контракт. Да, я еще раз подчеркиваю, это серьезные расходы, 0,3%

¹ Имеются в виду расходы на переоборудование казарм в общежития на 400 тыс. контрактников в отличие от ранее приводившейся цифры 5,3 млрд руб. в расчете только на 131 555 (округленно — 140 тыс.) человек. — Прим. ред.

ВВП — это большие деньги, но мы платим их для того, чтобы решить важнейшую социальную проблему, и мы платим их для того, чтобы получить боеспособную армию. На заседании правительства — оно было открытым, поэтому могу цитировать — один из военных руководителей, который все время стремился в расходы на военную реформу включить все, что только возможно, что не имеет отношения к реформе комплектования Вооруженных сил, сказал: «Если вы вот всех этих денег не дадите, у вас же не будет боеспособных частей». На что премьер ответил ему: «А сейчас они есть?»

Сергей БУНТМАН: *Егор Тимурович, два вопроса важных, наверное. Что Вы предполагаете делать в этом случае с условиями, с обучением, с подготовкой, с численностью уже командного, офицерского состава?*

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Да, важный вопрос.*

Егор ГАЙДАР: Конечно, у нас очень завышена численность офицерского состава по отношению к общей численности военнослужащих. Нормальное соотношение офицеров и рядового состава в современных армиях мира, например в американской, колеблется от 1:15 в морской пехоте до 1:8 в ВВС и в среднем близко к 1:10. У нас соотношение офицеров, если мы даже включим в рядовой состав прапорщиков и мичманов...

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: ...что неправильно.

Егор ГАЙДАР: Неправильно, ну, допустим, хорошо, согласились, включили прапорщиков и мичманов, все равно это получается 1:1,5, что, согласитесь, малоразумно. И в связи с этим, конечно, переход к контрактной службе — это перспектива существенного сокращения тех нагрузок и ролей, которые мы возлагаем собственно на офицеров, потому что есть масса вещей, которые сегодня делают офицеры, но которые нормально и прекрасно могут делать контрактники и лучше будут делать контрактники, молодые ребята, не обремененные семьями, и т.д. Да, потенциально это серьезный источник экономии. Другое дело, что, как всякая реформа, она требует времени, она должна быть социально мягкой и т.д. Сравните численность кадетов, которые обучаются в военных училищах США, и численность курсантов, которые обучаются в российских военных учебных заведениях.

Сергей БУНТМАН: *Ну и что получится у нас?*

Егор ГАЙДАР: У нас их примерно втрое больше на армию, которая меньше, чем американская.

Сергей БУНТМАН: При этом с постоянными разговорами о неукomплектованности.

Егор ГАЙДАР: Да-да, в рамках этой структуры младшими офицерами армия действительно не укomплектована. Она переукomплектована генералами и полковниками и недоукomплектована младшими офицерами.

Сергей БУНТМАН: Значит, Вы рассчитываете на повышение умений и образования контрактного рядового по сравнению с призывником?

Егор ГАЙДАР: Конечно.

Сергей БУНТМАН: Вот когда Вы исключаете большие города, например такой город, как Москва, где средняя зарплата больше, отсюда будут идти явно меньше, потому что 6 тыс. руб., мы поняли, — это несколько не то для Москвы. Каким образом Вы обеспечиваете тогда в перспективе уровень образования и умения контрактников?

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, что ведь и сегодня разве мы получаем много призывников из Москвы? Нет.

Сергей БУНТМАН: Это такой ответ Касьянова получается.

Егор ГАЙДАР: На самом деле основной контингент, который мы получаем, — это действительно деревни, малые города, это депрессивные регионы, ведь совершенно очевидно, откуда мы сегодня получаем призывников. Но только благодаря реформе они станут другими. Одно дело — ты его в армию из-под палки загнал, потому что папа слишком бедный, чтобы взятку дать или дать взятку на поступление в вуз, а другое дело — взял более-менее всех на 6-месячную подготовку.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: На работу, а так выгнать могут и без денег останешься.

Егор ГАЙДАР: Между прочим, это радикально меняет отношение к службе. Это тоже американский опыт показал. Моральный дух в американской армии какого-нибудь там 1970 г. — это был дикий кошмар: «откашивание» от призыва, взятки, бегство в Канаду, служба воспринималась как каторга, богатая семья никогда в жизни не соглашалась, чтобы сын пошел служить в армию, шли действительно только самые неспособные защититься. И сейчас в общем армия по-прежнему комплектуется контрактниками в первую оче-

редь за счет менее обеспеченных групп. Но для этих менее обеспеченных групп ты даешь приличную зарплату и, больше того, даешь им реальные возможности образовательного продвижения. Он служит 4 года — это для него канал получения федеральных денег для продолжения своего образования.

Сергей БУНТМАН: *Не для чего-нибудь, а именно для образования.*

Егор ГАЙДАР: Да, для продолжения образования, т. е. ты откуда-нибудь там из Бронкса, из неблагополучного района, у тебя бедная семья, но тем не мене ты не хочешь стать наркоманом или спиться, а хочешь преуспеть. Армия дает тебе реальный канал социального продвижения, образовательного продвижения, того, что позволит состояться в жизни.

Сергей БУНТМАН: *Продвинуться в обществе через армию.*

Егор ГАЙДАР: Ведь это же не только вопрос о деньгах, это вопрос действительно о стимулах, связанных с социальным продвижением.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Я возвращаюсь к своему первому вопросу об армии как социальном институте, потому что у нас армия воспринимается, знаешь как: стоишь на границе, ждешь, пока враг нападет, или пошел куда-нибудь в Афганистан, или еще куда-нибудь. А вот вопрос о том, что открываются новые возможности для вот этих самых ребят, которые служат, — это важно. Да, Сергей?*

Сергей БУНТМАН: *Я как раз последний вопрос хотел задать неэкономический, потому что экономические причины накручивания расходов всеми военными мира при всех реформах это, наверное, понятно. Здесь есть еще такая вещь, как политическая целесообразность, им нужно принять очень важное политическое и стратегическое решение. Человек 10 слушателей мне привели разницу между США, которые застрахованы своим географическим положением, и огромной границей нашего Отечества даже после уменьшения ее по сравнению с СССР, на которую может напасть в любой момент огромная армия. Где мы возьмем столько мобилизованных, готовых к защите солдат, если что случится?*

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Если будет война, грубо говоря.*

Егор ГАЙДАР: Это правильный вопрос. Именно поэтому, в отличие от того, что было сделано в Штатах, наши предложения по военной реформе включают меры по сохранению и созданию военно-обученного резерва. Именно поэтому мы считаем, что надо

действительно сохранить систему широкой военной подготовки, по-разному организованной. Она может быть организована через военные кафедры, лагеря, 6-месячную службу и т.д., но, конечно, нам нужен обученный резерв. Дальше нам говорят, знаете, забавная у нас была дискуссия: за 6 месяцев нельзя подготовить резервиста.

Сергей БУНТМАН: *Да, это очень часто говорят.*

Егор ГАЙДАР: После этого, когда Министерство обороны само представило свою концепцию, в ней все равно обучение 6 месяцев. И сегодня мы получаем обученного бойца через 6 месяцев, через 6 месяцев мы его можем послать в Чечню вообще-то. Мы 6 месяцев готовим спецназ ГРУ. Ну ладно, я Вам скажу одну вещь. Хорошо, сейчас вот все кадры хроники про Багдад смотрели. Как Вы думаете, сколько продолжается военная подготовка американского контрактника сухопутной армии 3-й дивизии, которая, собственно, и брала Багдад?

Сергей БУНТМАН: *Ну, сколько?*

Егор ГАЙДАР: 6,5 месяца. Да, он, конечно, учится потом всегда, но через 6,5 месяца он солдат этой самой 3-й дивизии.

Сергей БУНТМАН: *То есть он достиг минимально необходимого уровня?*

Егор ГАЙДАР: Да, минимально необходимого уровня, чтобы принять участие в боях.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Он идет рядом с ветеранами, короче говоря. Я просто хотел обратить внимание, что здесь действительно Егора не поймать, потому что перед операцией «Буря в пустыне-2», как известно, еще только летом 2002 г. было объявлено о том, что те, кто пойдет в армию сражаться, получают гражданство. Помните эту историю, да?*

Егор ГАЙДАР: Да-да.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *И как раз в августе они набирали, а в феврале эти ребята уже воевали, те самые новички, которых в августе набирали. Был замечательный кадр с украинским парнем, который говорит: «Да, я вот в августе услышал, пошел, обучили, а сейчас еду на БТРе». Это правда, 6 месяцев.*

Сергей БУНТМАН: *Самый последний вопрос, просто несколько секунд. Скажите, насколько, в отличие от нашего самого первого радиослушателя из Томска, который не верит, что какая-нибудь ре-*

форма пройдет, насколько Вы рассчитываете на реальность проведения достаточно интенсивной реформы?

Егор ГАЙДАР: Я абсолютно убежден, что реформа будет проведена. У нас нет другого выхода. Вопрос в том, какой ценой и с каким опозданием. Чем быстрее мы ее будем проводить, тем больше шансов, что проведем ее мало-мальски упорядоченно, что не начнем ее проводить, как часто, к сожалению, у нас бывает, после того, как все развалилось, и тогда только мы наконец начинаем чесать репу и проводить реформу¹.

Сергей БУНТМАН: *Ну что ж, так говорил Егор Гайдар о военной реформе у нас в эфире радиостанции «Эхо Москвы» в программе «Ищем выход». Вели эту передачу Алексей Венедиктов и Сергей Бунтман. Егор Тимурович, большое Вам спасибо.*

Егор ГАЙДАР: Спасибо.

¹ Федеральная целевая программа перевода на контракт воинских частей постоянной готовности, обсуждавшаяся весной 2003 г., была принята, но до сих пор вопреки надеждам россиян не осуществлена, и у нас по-прежнему сохраняется призыв.— *Прим. ред.*

О военной реформе

Телеканал «Рен-TV».
Программа «Новости-24». 12 мая 2003 г.

Ведущая — Ольга Романова

Ведущая: В России пытаются реформировать свою армию и перевести ее на контрактную основу. Сегодня министр обороны Иванов рассказал Владимиру Путину, что к 1 июня программа перехода российской армии на контрактную основу должна быть утверждена правительством. По словам министра, это позволит приступить к осуществлению программы уже в конце этого года. Напомню, что вокруг этой программы продолжают кипеть страсти.

Сегодня у нас в гостях директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар. Добрый вечер, Егор Тимурович. На днях Вы заявили, что, планируя реформу армии, Министерство обороны завышает ее стоимость в 13 раз. Откуда взялась эта цифра?

Егор ГАЙДАР: Она из доклада Министерства обороны, который был представлен правительству 24 апреля, из соответствующего приложения. Давайте мы возьмем цифры и посчитаем.

Предлагается постоянных, т.е. одновременных, расходов произвести 65 млрд 449 млн 880 тыс. руб. На эти деньги предлагается перевести на контрактную службу в Министерстве обороны 131 555 человек. Если Вы разделите соответственно рубли на людей, получится, что стоимость перевода одного военнослужащего рядового и сержантского состава на контракт составляет 497,5 тыс. руб. Если после этого Вы вспомните о том, что мы договорились на заседании правительства, что основные одновременные расходы — это расходы на переоборудование казарм в общежития, где контракт-

ники будут жить так, как живут сегодня студенты и аспиранты, т.е. примерно по 4 человека в жилищном блоке на 36 кв. м.

Мы забыли, что есть казарменный фонд на 1 млн 100 тыс. человек. Мы забыли, что к нему подведены коммуникации, не надо платить за землеотвод, за подведение газа, электричества, что есть фундамент. Мы все строим в чистом поле и по средним ценам, последним, которые у нас есть за IV квартал 2002 г. Тогда получится, что на это нужно 8,3 млрд руб. 8,3 и 65,5 — согласитесь, большая разница.

Если мы возьмем более реалистичные гипотезы и вспомним, что за землю платить не надо, что военные городки есть, что не надо платить за подведение коммуникаций, и возьмем верхнюю из называемых цифр в 4500 руб. за 1 м переоборудованной казармы в общежитие, тогда получится 5,3 млрд руб.

Ведущая: *Но ведь вот-вот президент должен подписать какую-то концепцию?*

Егор ГАЙДАР: Да, сейчас мы в решающем моменте обсуждения того, как дальше пойдет военная реформа. Есть два принципиальных подхода.

Первый: Министерство обороны затратит колоссальное количество денег и не переведет армию на контрактную службу. К 2007 г. мы переведем на контрактную службу не более трети военнослужащих, после чего выяснится, что призыв необходимо сохранять.

Второй: потратить меньше денег на переход не части, а всей военной организации на контрактную службу и в связи с этим отказаться от призыва, кроме призыва для получения первоначальной военной подготовки. Какое будет принято решение — это вопрос политический.

Ведущая: *Скажите, а Министерство обороны учитывает демографическую яму, когда в 2006 г. ему некого будет призывать?*

Егор ГАЙДАР: Если посмотреть на нашу демографию, есть два выхода. Первый: за сравнительно короткий срок, ассигнуя для этого необходимые деньги, но деньги, которые возможны и сильны для российской экономики, мы переводим армию на контрактное комплектование, сохраняем призыв для получения первоначальной военной подготовки и как базу комплектования корпуса контрактников. Второй: в 2006 г. Министерство обороны скажет: «При-

зывать некого, армия разваливается, давайте мы всех студентов немедленно поставим под ружье». Так реально стоит вопрос.

Когда в России вводилась призывная система, а это было в 70-х гг. XIX в., — военный истеблишмент был категорически против этой идеи, рассказывал, почему нельзя отказываться от рекрутчины, почему для России всеобщая воинская обязанность неприемлема. Тогда на одну женщину приходилось 7,1 рождения. И после введения призыва единственный сын освобождался от службы. Подавляющее большинство освобождений было не по образованию, а по семейным обстоятельствам.

Сегодня на одну женщину в России приходится примерно 1,2 рождения, как, скажем, в Испании, Италии. Если вы будете освобождать от призыва единственного сына, то нам вообще некого будет призывать в армию, вы не найдете призывного контингента. Представьте себе, что семья, в которой один сын, легко отдаст вам его, чтобы его послали в казарму, под дедовщину, под издевательства, воевать в Чечню не за деньги, не по выбору, а просто потому, что у вас такой своеобразный налог — налог на тех, у кого мальчики, и налог на тех, у кого мальчики еще в бедных семьях, трудно. Эта система явно неустойчива.

Ведущая: Будем надеяться, что разум когда-нибудь победит. Спасибо, Егор Тимурович. Я напомню, у нас в гостях был директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар.

О перспективах военной реформы

*Радиостанция «Радио России».
Передача «Особое мнение». 13 мая 2003 г.*

Ведущий — Николай Сванидзе

Ведущий: *Сегодня у нас в гостях руководитель Института экономики переходного периода — именно так сегодня я представляю Егора Тимуровича Гайдара. Именно в этом качестве сегодня Егор Тимурович у нас, и мы будем говорить о перспективах военной, армейской реформы в нашей стране.*

Вчера Президент России В.В. Путин сказал о том, что он ждет окончательной, доработанной программы армейской реформы к 1 июня сего года. Егор Тимурович, каковы перспективы в этом плане? Будет ли программа положена на стол президента? Насколько эта программа устроит Вас? Ведь Ваш институт как раз детально занимается именно этой проблемой?

Егор ГАЙДАР: Да, в соответствии с решением правительства от ноября прошлого года наш институт является одним из соисполнителей этой программы. Мы работали с Министерством обороны, с Министерством финансов, с Министерством экономики. Программа обсуждалась на заседании правительства 24 апреля. Сейчас Минобороны должно представить доработанный вариант.

Есть позиции, по которым мы едины с Министерством обороны. Мы предлагали разрешить гражданам СНГ службу в российской армии по контракту с предоставлением им по завершении контракта российского гражданства. Сейчас такой подход разделяет Министерство обороны. Есть еще ряд позиций, где мы едины, но есть и ряд принципиальных разногласий, которые пока не сняты. Они

обсуждались на заседании правительства 24 апреля и, на мой взгляд, заслуживают внимания и обсуждения.

Ведущий: *Какие? Основные и коротко.*

Егор ГАЙДАР: Начнем с вопроса о том, сколько стоит программа. Наши расчеты единовременных расходов на переход к контрактной службе различаются с расчетами Министерства обороны в 13 раз.

Ведущий: *У кого дороже?*

Егор ГАЙДАР: У них дороже в 13 раз, если мы говорим только о единовременных расходах.

Ведущий: *Порядок сумм?*

Егор ГАЙДАР: Порядок сумм: у них единовременные расходы только по Минобороны 65 млрд 449 млн 880 тыс., у нас — 5 млрд 327 млн 970 тыс. Кто хочет, может посмотреть мое интервью на сайте радиостанции «Эхо Москвы» или на нашем институтском сайте www.iet.ru. Могу заверить, что защищать расчеты Минобороны невозможно, они не поддаются защите.

Ведущий: *Откуда они взялись тогда, на Ваш взгляд?*

Егор ГАЙДАР: Частично это просто завышение расходов на строительство, которые легко продемонстрировать. Но дело не только в этом. Программа, которую представило Министерство обороны, не является программой перехода на контрактную службу.

Ведущий: *Программа, которую министр обороны Иванов представил на заседании Кабинета министров?*

Егор ГАЙДАР: Да, об этом на заседании кабинета говорили, в том числе премьер-министр. Это другая программа. Она, может быть, и осмысленна, и, может быть, нужна, но ориентирована на решение другой задачи. Была четко сформулирована задача: подготовить программу перехода на службу по контракту с сокращением срока службы по призыву и использованием призыва для начальной военной подготовки. Представлена же программа создания некоторого количества частей полной боевой готовности.

Согласитесь, это важная задача, но это другая задача. В программу Минобороны включены вещи важные и, наверное, полезные, связанные с закупкой военной техники, ее ремонтом, ремонтом полигонов и т.д. Но это другие расходы. Возможно, Министерство обороны может профинансировать их из своего бюджета. Может быть, оно должно выйти с предложением программы, ориенти-

рованной на повышение боеготовности частей. Может быть, хотя я с этим не соглашусь, не надо реализовывать программу перехода на контрактную службу, а надо убедить общество, правительство, президента, что такая программа нам не нужна, а нужна другая — программа создания частей постоянной боевой готовности так, по крайней мере, будет честно. А как можно говорить: «Друзья, мы сейчас создадим программу перехода на контрактную службу, потребуем под нее немислимых денег, а потом, когда ее реализуем, к 2007 г., выяснится, что у нас служит по контракту только $\frac{1}{3}$ рядового и сержантского состава». После этого придут генералы и скажут: «Видите, как же мы будем переводить армию на контрактную службу, у нас призывного контингента нет, давайте отменять все отсрочки». Это логика программы, представленной Минобороны. Если переведете административную бумагу на русский язык, получится ровно то, что я сказал. На мой взгляд, это неправильно.

Ведущий: *Объясните мне такую вещь, Егор Тимурович, просто на пальцах, если можно, мне и нашим слушателям. Потому что это тема животрепещущая. Есть у нас российская армия, которая сейчас, даже если мы очень мягко будем формулировать, в очень тяжелом, проблемном состоянии. Матери не хотят отдавать в нее детей, потому что там бьют, калечат, оттуда бегут с оружием в руках и т.д. Кроме того, еще есть проблема чеченская, что, само собой, не способствует лучшему настроению матерей, дети которых должны идти в армию. Это одна сторона. Другая сторона — состояние наших Вооруженных сил не годится для такой державы, как российская, т. е. в них и служить не хотят, и армия слабая. Значит, надо что-то делать, нужна радикальная реформа. Американцы — условно говоря американцы, но не только они — пошли на реформу после тяжелого поражения во вьетнамской войне в 1973 г. Все сходятся на том, что реформа нужна. И Вы сходите, и Ваш институт, и Ваша партия СПС, которая проталкивает эту реформу. И в Министерстве обороны никто с этим не спорит. Но когда доходит до конкретики, как именно проводить реформу, позиции радикально расходятся. С чем Вы это связываете? Почему позиция Вашего института и позиция Министерства обороны столь полярны?*

Егор ГАЙДАР: Реформа системы комплектования всегда очень тяжелая проблема. В истории много раз происходили радикальные изменения в военной технике, в социальной структуре об-

щества, которые предполагали радикальные изменения системы комплектования вооруженных сил. Переход к тяжеловооруженной рыцарской коннице был революцией в военном деле. Потребовались тяжелые поражения периода Столетней войны, чтобы Европа, и в первую очередь Франция, поняла, что рыцарская конница свое отжила, надо переходить либо к наемным армиям, либо к рекрутчине.

Приведу одно высказывание: «Весь природный склад российской армии косят, как старый бурьян. На куче сору, означающей могилу двухвекового опыта России, возвышается профессорская голова». Это не статья в одном из органов Министерства обороны о несовершенствах программы, предлагаемой Институтом экономики переходного периода. Это из записки Фадеева Александру II о том, как ужасна военная реформа профессора Милютина, которая предполагала отмену рекрутчины в России и введение призыва.

Ведущий: *Это 70-е гг. XIX в.?*

Егор ГАЙДАР: Это 72-й год XIX в. Еще одну цитату приведу: «Выводы: 1) мы не можем отменить призыв в течение следующего десятилетия; 2) невозможно оправдать расходы на увеличение денежного содержания, достаточного, чтобы укомплектовать контрактную армию». Это тоже не из записки Министерства обороны России. Это из доклада Министерства обороны Соединенных Штатов Америки Конгрессу США, июль 1966 г. Напомню, последний призыв в американскую армию был в 1972 г. Расходы оказались примерно в 8 раз меньше, чем те, которые запрашивало Министерство обороны в 1966 г. Это понятно. Есть радикальные изменения, которые требуют для сохранения боеспособности нарушения длительных, измеряющихся десятилетиями и поколениями традиций, и есть естественный консерватизм военной организации, которая старается сохранить статус-кво. Такие радикальные изменения обычно происходят после больших поражений. Если бы Россия не проиграла Крымскую войну, у нас сохранялась бы рекрутчина. Если бы американцы не проиграли войну во Вьетнаме, у них сохранялась бы плохо организованная призывная армия. Разница между нами и Минобороны состоит в том, что опыта Афганистана и Чечни, как мне кажется, достаточно, чтобы понять, что у нас неудовлетворительное положение с комплектованием Вооруженных сил и нам нужны серьезные перемены. Коллегам из Минобороны ка-

жется, что нужна еще одна дополнительная катастрофа, чтобы приступить к реформе.

Ведущий: *Есть ведь помимо прочего объективные обстоятельства, скажем, такие, как изменение характера населения любой индустриальной страны. Ведь известно, что призыв — это всегда черта аграрного общества, потому что... Ну, у нас в старые добрые времена, уважаемые радиослушатели, когда наша страна была аграрной, сельской, когда в доброй сельской семье, деревенской, крестьянской, было у кого 5, а у кого и 11 детей, и среди них много сыновей, которые шли в армию, — это был способ как-то и свою жизнь в чем-то поправить, а там, глядишь, и в город переехать и т.д. Это вообще было нормально, и мать за каждого не билась. Но теперь, когда в городской семье один дитя, с трудом выношенный, выхоженный, и в такую армию какая же мать отдаст?! Поэтому, конечно, с призывом будут проблемы. Вот не знаю, меня всегда удивляет, почему часть нашей военной уважаемой элиты, которую я вовсе не подозреваю в нечестности, в коррумпированности, — хотя коррупции там много, но она есть во всем обществе, не только в военной среде, — почему она этого не понимает? Почему такое косное отношение к перспективам военной реформы? Это вопрос не к Егору Тимуровичу, потому что Егору Тимуровичу, наверное, не с руки отвечать на этот вопрос, ему еще работать с военными, это скорее вопрос риторический.*

Возвращаясь к моему первому вопросу, Егор Тимурович, каковы Ваши оценки перспектив этой реформы? 1 июня президент ждет результата.

Егор ГАЙДАР: Все будет зависеть от следующих двух недель. Документ поступит в правительство на днях, и правительству надо будет принимать принципиальные решения: оно либо соглашается с тем видением реформы, которое предлагает Министерство обороны, т.е. с тем, чтобы потратить очень много денег на набор решений, может быть, и полезных, но не имеющих отношения к реформе системы комплектования, и не перевести армию на контрактную службу до 2007 г., либо отстоит ту позицию, которую премьер продекларировал на заседании 24 апреля, т.е. то, что в программу должны быть включены вопросы, имеющие отношение именно к реформе комплектования и призыву. Сейчас Минобороны предлагает перевести на контракт 131 555 должностей. Чтобы укомплектовать армию контрактниками, их должно быть 400 тыс., а едино-

временные расходы на перевод должны составить 16,2 млрд руб. Я не говорю здесь о заработной плате, хотя заработная плата — это важнейшая составная часть расходов на переход, и здесь наши позиции с Министерством обороны довольно близки. Мы предлагаем более высокую заработную плату, чем разработчики Минобороны, — 6100 руб. Но это другая история. Это не единовременные расходы, а постепенно нарастающие ежегодные расходы. В таком случае можно за суммы меньшие, чем запрашивает Министерство обороны, перевести не треть должностей, что не решает ни одной проблемы, а перейти на контрактное комплектование всех солдатских и сержантских должностей в российской армии, за исключением тех призывников, которые будут получать начальную военную подготовку в течение 6 месяцев.

Ведущий: *Егор Тимурович, скажите, пожалуйста, ведь Вы сами тоже не чужды... Не могу сказать, что Вы военная косточка, Вам здесь виднее. Но и дед Ваш был военным человеком, и Ваш отец был морским офицером. Скажите, пожалуйста, если будут события развиваться так, как Ваш институт считает нужным, реально ли создание в России в обозримом будущем нормальной армии с нормальной, гордой, с достойной ментальностью, психологией настоящих защитников Родины?*

Егор ГАЙДАР: Убежден, что реально. Эта задача непростая, но реальная. Просто давайте перечитаем американские газеты начала 1970-х и вспомним, каким было отношение американского общества к армии. Оно принципиально не отличалось от того крайне критического отношения российского общества к своей армии, которое мы видим сегодня.

Ведущий: *Я Вас на секунду перебью. У нас сейчас к российской армии очень сложное отношение. Очень забавные показатели опросов общественного мнения: армия как институт вызывает доверие, только в армию детей отдавать не хотят, вот ведь что.*

Егор ГАЙДАР: Да. В Америке отношение было, видимо, хуже. К армии относились как к разложившемуся, предельно неэффективному институту. В 1968 г. президент Р. Никсон сказал, что хочет провести радикальную военную реформу и отказаться от призыва. В 1969 г. он создал комиссию под руководством бывшего министра обороны Р. Гейтса, которая в 1970 г. дала свои предложения. В 1972 г. прошел последний призыв. Вьетнамская война была по-

следней войной, которую проиграла призывная американская армия. Война в заливе была первой войной, которую выиграла новая, контрактная американская армия с высоким боевым духом и высоким профессионализмом, — армия, в которой солдаты-контрактники прилично зарабатывают, высоко ценят свое место, те привилегии, которые они получают по завершении контракта, в первую очередь образовательные. Это радикально меняет отношение общества к армии, отношение людей к военной службе. Я не думаю, что мы такие неумехи, что не можем сделать примерно то же самое. Да, для этого нужны серьезные деньги, нужно думать о том, какие предоставлять контрактникам образовательные льготы. Но если поставить эти задачи, понять, что они приоритетны и посильны для страны, то решить проблему реформирования армии можно.

Ведущий: *Но есть ведь еще штуки очень малоприятные, на мой взгляд, Егор Тимурович, которые сильно затрудняют задачу реформирования армии, а именно на уровне среднего российского офицерского звена, с одной стороны, несомненные взятки в военкоматах, потому что, когда дети и их матери не хотят идти в эту армию, т.е. матери не хотят, чтобы шли дети, а дети не хотят сами идти, ведь не заставишь их пойти. Тем более в нашей стране с ее традициями по части взяток и т.д. Найдут, кому сунуть деньги, найдут майора или полковника, который возьмет, тем более что... Ясно, как это все делается, не сложно. Это одна сторона. Другая сторона — есть стройбаты и прочая даровая рабочая сила в погонах, от которой среднее и, скажем так, генеральское звенья тоже не готовы отказаться. Это же рабский труд, вот прелесть какая. Тебе дачу построят — и все, а ты сиди себе и ковыряй в носу. И наконец, еще один фактор, он касается уже высшего генералитета. Ведь, как известно, реформирование армии чревато сокращением и неэффективных подразделений, иногда просто отсутствующих, мертвых душ, и генеральских должностей. Я не исключаю, уважаемый Егор Тимурович, что, скажем, высшее руководство Министерства обороны не готово на это пойти из политических соображений.*

Егор ГАЙДАР: В чем я с Вами согласен? Есть очень серьезные интересы, стоящие за тем, чтобы не реформировать армию. Есть система уклонения от призыва и взяток за это. Это крупномасштабная индустрия с серьезными оборотами и серьезным влиянием. Есть привычка к использованию рабского труда. Именно поэтому

подобного рода радикальная реформа из недр военного ведомства никогда не родится. Последняя военная реформа во Франции (переход к контрактной воинской службе) произошла в конце 1990-х — начале 2000-х гг. В 2002 г. прошел последний призыв. С этого года армия контрактная. Министерство обороны Франции в 1994 г. в своем докладе доказывало, что для французской армии переход на контрактную систему невозможен. Нужна была политическая воля Ж. Ширака, который в 1996 г. сказал: «Мы перейдем на контрактную армию». Только тогда началась серьезная работа. Если не будет четкого и однозначного, мощного политического импульса, реформа не начнется.

Приведу один пример. Укомплектовали мы армию контрактниками, договорились с Министерством обороны, а они с нами согласились, что подготовка военно-обученного резерва должна вестись в течение 6 месяцев. Министерство обороны говорит: нет, призывник за 6 месяцев получил военную подготовку, а потом 6 месяцев пусть где-то послужит, правда, не в боеготовых частях, которые охраняют Родину, а пусть с метлой походит. Зачем?

Ведущий: *Пускай его «потужат», как говорил Александр Сергеевич Пушкин.*

Егор ГАЙДАР: Пускай его «потужат», конечно. Мы договорились, что учить его больше не надо, что он не нужен в частях, которые защищают Родину, но как же его, крепостного, отпустить?

Ведущий: *На чью мельницу льет воду результат иракской войны? С одной стороны, очень мощное выступление профессиональной армии, с другой — есть мнение, что американцы как двинули по Ираку, так они по кому хочешь так двинут, и поэтому нужно срочно готовиться, крепить нашу оборону. Срочно крепить, причем не долгосрочно, а именно срочно. А потому расширить призывную базу и вообще кого можно, хоть зайца, ставить под ружье, потому что нужно брать количеством.*

Егор ГАЙДАР: Хорошо помню, сколько злорадства было в комментариях некоторых наших военных обозревателей, когда в первые дни кампании казалось, что американская военная машина застряла в песках. Какое было счастье, какие комментарии о том, что контрактная армия неэффективна.

Ведущий: *Хотя наш президент Владимир Владимирович Путин указывал, что нам невыгодно поражение США.*

Егор ГАЙДАР: Да, но злорадства было много. Потом было видно, как опускаются руки у тех, кто надеялся, что трудности американской армии в Ираке можно использовать как аргумент в пользу того, чтобы не реформировать наши Вооруженные силы. На мой взгляд, война в Ираке, как и многое другое, показала, что количеством сейчас ничего не возьмешь. У нас есть ядерное оружие, в краткосрочной перспективе большая война нам не грозит, но это не повод, чтобы не формировать современную, качественную, хорошо подготовленную, хорошо мотивированную и хорошо вооруженную армию. Урок из опыта иракской войны один: отсрочка реформы комплектования — это реальная и серьезная угроза России.

Ведущий: *Егор Тимурович, Вы сказали насчет того, что требуется политический импульс. Абсолютно с Вами согласен. Вообще в нашей стране для любой серьезной реформы требуется очень серьезный политический импульс. И нам с Вами понятно, и нашим радиослушателям, от кого этот импульс. Единственно от кого в нашей стране этот импульс может исходить, дабы он был эффективным, — от президента страны, от первого лица. Насколько, Вы считаете, этот импульс может в данном случае реально исходить и насколько Вы ждете его от президента с учетом одного привходящего обстоятельства, а именно позиции Кабинета министров сейчас, перед выборами, не столь политически сильны, как пару лет назад, и поэтому они в данном случае как сила, на которую Вы могли бы в другой ситуации надеяться, могут Ваше доверие не оправдать?*

Егор ГАЙДАР: Есть один человек, который может ответить на этот вопрос убедительно, — это Владимир Владимирович Путин, но его нет в Вашей студии. Могу сказать по собственному опыту, что у нас бывали разногласия с Министерством обороны, и по ряду вопросов президент внимательно вникал в суть этих разногласий, и только после этого проходили некие импульсы, которые позволяли либо начать работу, либо радикально скорректировать то, что делается. Скажем, в последний раз это было, когда мы корректировали ход эксперимента в 76-й Псковской дивизии. Там эксперимент задумывался очень странно. Не хочу вдаваться в детали, но лишь после того, как на это обратили внимание президента, эксперимент был существенно поправлен...

Ведущий: *Президент лично обратил внимание?*

Егор ГАЙДАР: Да, президент лично обратил внимание.

Ведущий: *С подачи министра обороны?*

Егор ГАЙДАР: Нет, не с подачи министра обороны.

Ведущий: *Понятно.*

Егор ГАЙДАР: После этого были скорректированы многие положения эксперимента, прошли совещания в правительстве. Президент этой тематикой интересуется и способен в нее вникать. В какой степени он будет готов принять серьезное решение, связать себя четкими и однозначными ориентирами на переход к иной системе комплектования Вооруженных сил (а связи с этим вступить в серьезный диалог и разногласия со значительной частью военной элиты), это мы узнаем в ближайшее время.

Ведущий: *Насколько Вам комфортно работается с министром обороны Ивановым?*

Егор ГАЙДАР: Мы в рабочем диалоге. У нас есть общие позиции, есть серьезные разногласия.

Ведущий: *Какое-то взаимопонимание есть или в принципе у Вас разговор двух глухих?*

Егор ГАЙДАР: По каким-то вопросам мы продвинулись. Когда мы выдвигали предложение о том, чтобы разрешить комплектование в качестве контрактников российских Вооруженных сил гражданами стран СНГ с предоставлением им разнообразных льгот, в том числе российского гражданства, это встречало очень серьезную оппозицию, по крайней мере, ряда силовых ведомств. Министерство обороны нас поддержало, и я этому рад.

О президентском Послании 2003 года

Телеканал «ТВС».

Программа «Смотрите, кто пришел». 16 мая 2003 г.

Ведущий — Владимир Соловьев

Ведущий: *Добрый вечер! Я Владимир Соловьев. В эфире программа «Смотрите, кто пришел». А пришел к нам Егор Тимурович Гайдар, директор Института экономики переходного периода. Говорить мы, конечно, будем о Послании Президента России Федеральному собранию. Так вот, Владимир Путин, в частности, сказал, что реформы ради реформ не нужны, не нужна перманентная революция. Это означает, что сегодня закончилась эпоха Егора Гайдара, потому что у нас в России, Егор Тимурович, как Вы знаете, начало эпохи реформ связывают с Вами. А сегодня приказано перманентную революцию прекратить. Вы были разочарованы, очарованы или не услышали ничего нового в прозвучавшем Послании?*

Егор ГАЙДАР: Первое: о конце либеральных реформ в России я слышу много раз на протяжении прошедших лет, и к ним все равно приходилось возвращаться, потому что они нужны не ради реформ, а потому что есть много важных нерешенных задач, которые именно на основе таких реформ только и можно решить. Второе: в чем-то я удовлетворен Посланием, там есть некоторые вещи, которые, на мой взгляд, крайне позитивны. В чем-то я готов поспорить с тем, что сказал Владимир Владимирович. Он сказал, что по поднятым вопросам можно поспорить, и я готов поспорить. В чем-то не согласен.

Ведущий: *В чем не согласны?*

Егор ГАЙДАР: Мне не понравилось то, что было сказано о военной реформе.

Ведущий: Ну, это, очевидно, учитывая, что позиция СПС потерпела поражение.

Егор ГАЙДАР: Это еще жизнь покажет, потому что ведь позиция СПС продиктована не нашими амбициями, а общим пониманием ситуации и здравым смыслом. Целый ряд вещей, которые сказал президент по военной реформе, на мой взгляд, абсолютно правильны и соответствуют позиции СПС. Было сказано, что нам нужна профессиональная контрактная армия, что в частях боевой готовности должны служить только контрактники, в бой должны идти контрактники. Также было сказано, что нужно сохранить призыв на 6 месяцев, за эти 6 месяцев там получать боевую подготовку. Вопрос о деньгах я не поднимаю — президент его не поднимал, по этому вопросу еще Министерство финансов и Министерство обороны не договорились. И разница у них в несколько раз. Один вопрос, который, на мой взгляд, имеет весьма важное значение и по которому я не очень понимаю позицию Министерства обороны, которую поддержал президент. Мы сказали, что в частях, которые могут быть использованы для обороны России, служат контрактники, что мы будем на боевую подготовку давать призывникам 6 месяцев. А что они будут делать остальные 6 месяцев? То есть они нам не нужны, чтобы строить боевое дежурство.

Ведущий: Как обычно, строить генеральские дачи.

Егор ГАЙДАР: Понимаете, в чем дело, не у меня одного возникнет вопрос, его много раз зададут на протяжении следующих лет и министру обороны, и правительству, и президенту.

Ведущий: *Согласен, но это несколько отдаленная перспектива. Меня-то гораздо больше смутило несколько призывов к экономике, напоминающих призыв — «поезд, стой, раз, два»: это за 10 лет удвоить ВВП, и я абсолютно не понял фразу о кадровом голоде, которая прозвучала как осознание, что в Питере кончились жители. И я совершенно не понял фразу, что если правительству необходимо дать директиву на сокращение функций, то мы ее дадим. Означает ли это, что теперь администрация президента окончательно подмнет правительство, потому как еще президент может дать осуществить эти директивы?*

Егор ГАЙДАР: Ну, про кадры в Питере я говорить, конечно, не буду. Про директивы правительства тоже, а вот то, что относится напрямую к сфере моей профессиональной компетенции, — это во-

прос о темпах роста и связи реформ и темпов роста. Никто не против высоких темпов роста, никто не запрещает мечтать о высоких темпах роста, делать все возможное для этого, надеяться на высокие темпы роста. Что нельзя делать — так это думать, что рыночной экономикой можно управлять, приказывать ей, как экономике социалистического плана. В свое время Сталин сменил профессиональное руководство ЦСУ в 1926 г., после этого с темпами проблем никогда не бывало. Если, скажем, завтра мы установим, что губернаторов трех регионов, у которых будут самые низкие темпы роста, будут снимать и против них будут возбуждать уголовные дела, я Вас уверяю, у нас не будет проблем с темпами роста.

Ведущий: *По крайней мере, на бумаге.*

Егор ГАЙДАР: А вот если завтра президент США — самой мощной экономической державы мира — стукнет кулаком по столу, вызовет своего вице-президента и министра финансов и скажет, что ему нужны темпы роста не менее 25 %, ничего не последует, т.е. это никак не повлияет на реальное развитие событий. Что здесь, на мой взгляд, безопасно, а что опасно. Безопасно, если это такая фигура речи, это надежда. Замечательно, надеяться действительно можно на многое. А если это призыв к правительству включить в бюджет 2004 г. корректировки роста российской экономики от 7 до 10 %, а там вилка — непонятно, то ли за 10 лет, то ли к 2010 г., то это действительно опасно.

Ведущий: *О правительстве. Вот Вы де-факто возглавляли правительство в свое время. Если бы Вы услышали от президента такого рода речь, Вы бы не написали заявление об отставке? Потому что впрямую сказано, что правительство неэффективно. Потому что правительство — это и есть чиновники, которые с конкретно поставленной задачей сократить функции справиться не могут, и сейчас им дадим директивы. Не означает ли это, что надо в отставку подавать?*

Егор ГАЙДАР: Во-первых, правительство — это не чиновники. Чиновники работают не только в правительстве, это гораздо шире. Во-вторых, в данном случае я бы исходил исключительно из соображений практической политики. Я бы никогда не подал в отставку в ответ на некие слова, следствие из которых непонятно. Я бы подал в отставку за действия. Вот когда я подавал в отставку в 1994 г., этому предшествовал набор вполне понятных действий в области

экономической политики, которые я не мог остановить, с которыми был категорически не согласен.

Ведущий: *Подождите, если Вам говорят, что единственное, что научились делать чиновники, — это взимать ренту чиновничью, т.е., по-русски говоря, брать взятки, что работают неэффективно, то как на все это можно смотреть и прерывать речь аплодисментами?*

Егор ГАЙДАР: Нет, но это же правда.

Ведущий: *Конечно, правда.*

Егор ГАЙДАР: Это правда на протяжении последних там 300 лет.

Ведущий: *Я рад, что наконец президент об этом узнал, что в той стране, в которой он живет, оказывается, чиновники воруют.*

Егор ГАЙДАР: Да, в общем я сказал бы так, что это не в первый раз сказано, но тем не менее это остается правдой и проблемой.

Ведущий: *Означает ли это, что все остальные послания можно этой фразой начинать и ею же заканчивать? И при этом все находящиеся в зале, элита России, по каждой из группировок которой очень жестко прошлись, будут аплодировать и говорить: да, да, наконец-то, правильно.*

Егор ГАЙДАР: Это некий ритуал.

Ведущий: *То есть у нас просто произошло выступление верховного жреца. Все ритуально поаплодировали и пошли дальше воровать?*

Егор ГАЙДАР: Подобного рода мероприятия существуют во всем мире. Всегда есть элемент ритуала, вообще в любой государственности, тем более что государство начиналось вместе с религией и всегда было с ней довольно тесно связано. И в связи с этим я бы не стал критиковать Послание президента за то, что это ритуал, потому что это по определению всегда ритуал, при том что некие ориентиры иногда правильные, иногда нет, но это всегда ритуал. Я хочу отметить одну вещь, которая, на мой взгляд, в Послании прошла и которая правильная и крайне важная. Президент по существу признал, что та иммиграционная политика, которая проводилась в последние годы, те законы о гражданстве, которые были проведены через Госдуму, — это серьезная ошибка.

Ведущий: *Ну, наверное, беспрецедентно в истории России, когда президент публично признает собственную ошибку без экивоков и ссылок на исторический момент.*

Егор ГАЙДАР: Да, и призывает ее поправить. Причем по вопросу действительно принципиальному, важному, стратегическому.

Ведущий: *Это, бесспорно, вызывает глубочайшее уважение к президенту. Прокомментируйте, пожалуйста, фразу, так как Вы хорошо знаете происходящее на политической сцене: «Непрозрачность финансовых операций на политической сцене часто дополняется невняtnостью идеологических позиций, а иногда, прямо скажем, определенной политической неискренностью». Вот эта фраза звучит как определение для партии «Единство», потому что про СПС все знают, что там 10 (или сколько?) олигархов, которые Вас финансируют. «Яблоко» — господин Ходорковский, коммунисты — куча разных граждан. Ну, ЛДПР, да, ЛДПР... Сразу вспоминается флер вокруг Быкова, кокосов, бананов и пр. А вот на какие деньги существует «Единство» — никто не знает, так же как очевидно, что именно о них идет речь, когда отмечается невнятная идеологическая позиция. Но после этого достается и либералам, и правым, и левым.*

Егор ГАЙДАР: Я не думаю, что авторы Послания имели в виду именно «Единство».

Ведущий: *Ну, вот Вы изнутри политической партии знаете, кто финансирует «Единство»?*

Егор ГАЙДАР: Догадываюсь.

Ведущий: *Кто?*

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что финансирование «Единства» довольно тесно связано со всем, что имеет отношение к государству.

Ведущий: *То есть получается, что мы с Вами как налогоплательщики финансируем «Единство»?*

Егор ГАЙДАР: Ну, не напрямую.

Ведущий: *Ну, хорошо, но рубль, пройдя через мои руки, руки налогового инспектора, дойдя до казначейства и придя в «Единство», все равно остается мои рублем.*

Егор ГАЙДАР: Естественно, так никто «Единство» не финансирует. Я не знаю, как устроено финансирование «Единства», и терпеть не могу говорить о том, чего не знаю. Но ясно, что это делается не так.

Ведущий: *Ну вот эта фраза не означает ли некоторый откровенный вброс в сторону «Единства» и против как правых, так и левых?*

Егор ГАЙДАР: Я бы так и трактовал. У нас приближаются парламентские выборы, рейтинг «Единства» невысок, рейтинг президен-

та высок. Есть важная задача конвертировать хотя бы часть рейтинга президента в рейтинг «Единства».

Ведущий: *То есть надо взять хоть что-то — если не рубль сделать конвертируемым, то хотя бы позицию президента. Кстати, как Вам понравилась идея о конвертируемости рубля, сделать его твердым?*

Егор ГАЙДАР: Идея правильная, действительно стратегически в современном глобальном мире у нас стоит задача перехода от конвертируемости рубля по текущим операциям, которая есть в России давно, к полной конвертируемости рубля, включая конвертируемость по капитальным операциям. Это правильно, это придется все равно делать. Другое дело, опыт последних лет показывал, что делать это надо довольно осторожно. Во многих случаях финансовые кризисы в странах возникали непосредственно после того, как они вводили конвертируемость своих валют по капитальным операциям.

Ведущий: *То есть экономика не терпит легкого отношения.*

Егор ГАЙДАР: Это не значит, еще раз подчеркиваю, что не надо вводить конвертируемость. Надо это делать вовремя, хорошо понимая риски, подготовившись к ней и твердо зная, что ты будешь делать при неблагоприятном развитии событий.

Ведущий: *Спасибо, Егор Тимурович.*

Егор ГАЙДАР: Спасибо.

Ведущий: *Обращение президента к стране по своей природе является правильным, понятным, это уровень доверия президента к нам, что мы способны осознать проблемы, стоящие как перед ним, так и перед всеми нами. В то же время мы все этого ждем, потому что для нас, если угодно, это надежда, что власть не окончательно коррумпирована. Сегодняшнее обращение содержало беспрецедентный момент признания, что власть бывает не права. И в тот же момент для меня прозвучало колоссальное отчаяние, потому что реформировать надо все, где есть чиновники и политические лица. И нет кадров, чтобы все это сделать. Но мы-то с Вами есть. Если президенту нужна помощь народа, народ готов.*

Период восстановительного роста закончился

Телеканал «Россия».
Программа «Утренний разговор». 18 мая 2003 г.

Ведущий — Дмитрий Киселев

Ведущий: *Сегодня у нас в гостях доктор Егор Гайдар с профессиональными рекомендациями правительству и доктор Джон Тедстром с частными рекомендациями администрации Джорджа Буша. На минувшей неделе Москву посетил госсекретарь США генерал Колин Пауэлл. Во время его визита президент Владимир Путин подчеркнул, что удалось сохранить фундаментальную основу наших отношений с США. О московских впечатлениях вице-президент американского института «Восток — Запад» и бывший советник президента Билла Клинтона доктор Джон Тедстром.*

Как Вам как бывшему сотруднику президентской администрации, Совета национальной безопасности США представляется, хорошую ли работу сделали советники нынешнего президента США в ходе подготовки войны в Ираке?

Джон ТЕДСТРОМ: Ну, конечно, ошибки были. Я не могу согласиться со всеми решениями администрации президента Буша, и подход министра обороны Д. Рамсфелда, по-моему, неправильный. Нельзя говорить о старой Европе и новой Европе. Это просто неправильно. Мы живем вместе в мире, надо сотрудничать, надо работать в системе ООН, надо работать лучше в рамках Совета Безопасности ООН. По-моему, это самое главное.

Ведущий: *Если бы президентом США был демократ, а не республиканец, считаете ли Вы, что война с Ираком в этом случае была бы возможной?*

Джон ТЕДСТРОМ: Боюсь, что да. Подход к войне был бы другой, решения были бы разные, но я думаю, что мы были бы там даже при демократическом президенте, война была бы.

Ведущий: *Как эта война изменила двусторонние отношения России и США и изменила ли?*

Джон ТЕДСТРОМ: Трудности, конечно, были. Я думаю, что самое главное сегодня думать о будущем, как мы сможем работать вместе, честно, открыто, как мы можем сотрудничать, создавать стабильность в этом регионе, создавать богатства для людей в Ираке. Это самое важное.

Ведущий: *Спасибо. Это был Джон Тедстром, который считает, что иракская война была действительно неизбежной, но демократы сделали бы это по-другому.*

Егор Гайдар всегда говорил, что он исторический оптимист. В начале 1990-х гг. он возглавил правительство России, когда полки в магазинах были пустыми, а запасы продовольствия на государственных складах угрожающе таяли. Гайдаровские реформы и сегодня вызывают споры. Самого же Гайдара больше заботит будущее.

В каком состоянии сейчас находится экономика России?

Егор ГАЙДАР: Экономика России сейчас находится на стадии восстановительного роста. Мы прошли наиболее тяжелый период резкого падения производства, связанного с крахом предшествующей социально-экономической системы. С 1999 г. Россия, как и подавляющее большинство других государств СНГ, начала расти и продолжает сегодня этот рост. И сегодня ситуация в экономике России лучше, чем она была год назад, а год назад — лучше, чем два года назад.

Ведущий: *Однако этот восстановительный рост везде имеет затухающую тенденцию. Мы испытываем ее?*

Егор ГАЙДАР: Да, это абсолютно точно. По своей природе такой рост носит затухающий характер. Это хорошо было выявлено еще в 1920-х гг., когда Россия впервые столкнулась с феноменом затухающего роста. Тогда он был проанализирован в работах Громана и Базарова, и тогда же было отмечено, что основные его источники, к сожалению, исчерпаемы, потому что восстановительный рост обеспечивается использованием ранее созданных мощностей, ранее подготовленной квалифицированной рабочей силы. Перспектива российской экономики зависит от того, в какой степени мы

сможем подкрепить ресурсы восстановительного роста ресурсами роста уже на новой, собственной основе.

Ведущий: *Ваш Институт экономики переходного периода, очевидно, разработал рекомендации для экономики России. К чему они сводятся?*

Егор ГАЙДАР: К тому, что сейчас надо продолжать работу по проведению структурных реформ. Такая работа в России была начата. И с 2000 г. в России был проведен ряд важных и полезных структурных реформ, которые дают надежду на то, что мы дополним ресурсы восстановительного роста ростом на собственной основе. Но, к сожалению, здесь есть проблема. Для того чтобы люди начали вкладывать в крупных масштабах и надолго деньги в российскую экономику, нужно очень много всего. Вы можете провести гениальную налоговую реформу, ввести замечательное законодательство о собственности на землю, сделать много всего полезного, но если при этом у вас плохо работает судебная система, если при этом собственность у вас могут отобрать по ложному заявлению о банкротстве, то это резко подрывает шансы на устойчивый рост капитальных вложений.

Ведущий: *В какой степени рекомендации Вашего института можно считать идеологизированными, партийными?*

Егор ГАЙДАР: Они не идеологизированы, носят профессиональный характер. Сами по себе эти рекомендации вытекают не из наших партийных пристрастий, а из нашего понимания тех задач, которые мы должны решать в России, и тех способов, которыми можно решать эти задачи.

Ведущий: *Хочу Вам предложить смесь шахматного блица с игрой на ассоциации. Кратко. Армия...*

Егор ГАЙДАР: Армия нуждается в радикальной реформе по многим направлениям, одно из которых очень важное — это реформа системы комплектования. Призывная армия, которая была создана в Европе с конца XVIII в., могла существовать в странах, где женщины рожают по 5–7 детей. Когда в России вводили призывную армию, это было в 1873 г., одна российская женщина в среднем рожала 7,1 ребенка, сейчас — 1,2, как и в Италии, в Испании, Японии, где этот показатель примерно равен 1,2–1,3. Тогда единственный ребенок не подлежал призыву. Подавляющее большинство отсрочек и освобождений от службы в армии в 70-х гг. XIX в. было в се-

мьях, где есть единственный сын-кормилец. Его в армию не призывали. Если вы завтра введете ту же нормативную базу, которая существовала в 1873 г., у вас не будет призыва. Где вы найдете семьи с 3–4–5 детьми?

Ведущий: *76-я дивизия проводит эксперимент по комплектации на новых принципах. Получается?*

Егор ГАЙДАР: Сначала не получалось по понятным причинам — потому что не хотели платить нормальные деньги. Когда, собственно, мы начали работать над военной реформой, первым делом провели социологические обследования и поняли, что, для того чтобы можно было комплектовать армию добровольцами, нужно им платить примерно 1,2 средней заработной платы по стране. А пытались платить 0,7. А за 0,7 вы никогда ее не укомплектуете. Когда сейчас стали платить хотя бы что-то близкое к единице, выяснилось, что можно комплектовать. Если хотим всерьез комплектовать армию на добровольной основе, надо платить 1,2. Да, это довольно много. Обычно в мире контрактники получают 0,7 средней заработной платы по стране, скажем, в Штатах. Но мы же не в Штатах, мы с Вами в России. У нас такая история, что нам нужно платить 1,2.

Ведущий: *Продолжаем блиц и ассоциации. Иммиграция...*

Егор ГАЙДАР: Важнейший факт для всех постиндустриальных стран, высокоиндустриальных стран. Есть объективная потребность в рабочей силе на рабочие места, которые с трудом заполняет местное население в развитых странах. Есть предложение, потому что в странах-соседях заработная плата ниже, чем в России (в большинстве из них). Этот спрос обязательно найдет предложение, дальше возможны две альтернативные стратегии: либо вы понимаете, что это нужно, и тогда вы регулируете этот процесс, его легализуете, вы интегрируете мигрантов, либо вы их гоняете, вымогаете у них деньги, отправляете обратно в Душанбе, а они обратно из Душанбе прилетают в Россию. И вы устраиваете себе огромный сектор нелегальной деятельности, который неизбежно криминализируется, оказывается связанным этнической солидарностью, связывает преступность здесь и преступность в странах происхождения. И вы получаете весь букет самых неприятных вещей, с которыми столкнулись многие страны, включая ту же Америку.

Ведущий: *Рубль...*

Егор ГАЙДАР: С рублем все сейчас нормально. У нас квалифицированное руководство Центрального банка, которое ведет последовательную, разумную консервативную политику. Непровозглашенная, но явно осознанная задача — постепенная отвязка рубля от доллара и постепенная привязка рубля к корзине валют, состоящей из доллара и евро.

Ведущий: *Медицина...*

Егор ГАЙДАР: Важнейшая проблема всех высокоиндустриальных и постиндустриальных обществ. Очень тяжелая ситуация, потому что реформа не завершена. Сложилась смешанная система, где есть элементы страховой системы, элементы системы бюджетного финансирования. Они плохо связаны между собой, и объективно несовершенства и той, и другой, а они есть, дополняют друг друга.

Ведущий: *Образование...*

Егор ГАЙДАР: Та же проблема. Что хорошего можно сказать про образование? Все-таки образование — штука очень консервативная. И, несмотря на все серьезнейшие проблемы, с которыми столкнулась страна на протяжении последних 12 лет после краха социализма, они не привели к краху системы образования. Система образования сохранилась. И качество российского образования по-прежнему достаточно высокое. Скажем, если Вы посмотрите результаты тестов по математике и естественным наукам, учитывая, что система тестов абсолютно органична для европейских, американских систем образования и очень новая, неорганичная для российских, они все равно нас ставят где-то между Норвегией и Новой Зеландией, а не между Гондурасом и Панамой.

Ведущий: *Олигархи...*

Егор ГАЙДАР: Серьезная проблема 1998 г. Сегодня проблемы олигархии в том виде, в каком она существовала в 1998 г., когда было теневое правительство России, которое и было реальным правительством, не существует. Тем не менее осталось много влиятельных людей с сильными связями в политике, парламенте, правительстве, которые эти связи пытаются использовать. Ничего необычного в этом нет. Так бывает в мире. Не нравится, но тем не менее это элемент реальности.

Ведущий: *Украина...*

Егор ГАЙДАР: Российская элита за эти годы наконец поняла, что независимость Украины — это реальность. Это не какое-то недоразумение, которое быстро пройдет, а это реальность, это наш партнер, это наш важнейший сосед, это наш потенциальный союзник, с ним надо строить отношения уважительные и равноправные.

Ведущий: *Кох...*

Егор ГАЙДАР: Талантливый человек.

Ведущий: *Победа...*

Егор ГАЙДАР: Победа? Для нас сегодня важнейшая задача — победить в XXI в., не проиграть XXI в., как мы проиграли XX в.

Ведущий: *При этом Вы думаете о победе России, но не о победе своей партии на ближайших выборах.*

Егор ГАЙДАР: Я думаю о победе России. Может быть, в данном случае я недостаточно патриотичен с партийных позиций, но победа России для меня важнее.

Ведущий: *Спасибо, Егор Тимурович. Это был Егор Гайдар, для которого победа России в XXI в. значит куда больше, чем победа его партии на предстоящих парламентских выборах.*

Вот и все, о чем мы хотели говорить сегодня утром. У России по-прежнему завидная потенция. Курс обозначен на годы вперед.

Опасно включать мечты в бюджетный процесс

Телеканал «Рен-TV».
Программа «Большие деньги». 21 мая 2003 г.

Ведущий — Владимир Доронкин

Ведущий: До конца мая, т.е. через неделю, Минфин и Минэкономразвития должны представить правительству основные параметры бюджета на будущий год. Как и в отношении любых ожидаемых от правительства решений, теперь, после Послания президента, это вызывает один-единственный вопрос: что должно стать основой бюджета — осторожные прогнозы роста ВВП по версии министерства Грефа или то ли 7%, то ли 10% роста в год, как в Послании? Иными словами, намерено ли правительство поддержать Илларионова в его бесконечной полемике с Гайдаром относительно того, что реформы должны давать немедленный результат в виде роста не хуже, чем в Китае? Вчера мы говорили об этом с Егором Гайдаром.

Правительство получило указание разработать систему мер по осуществлению того, что было сказано президентом в Послании. Вы считаете это реализуемой задачей? Послание — это инструкция или утопия?

Егор ГАЙДАР: Послание президента — это всегда частично набор практически реализуемых указаний, которые действительно влияют на проводимую политику, и частично элемент государственного ритуала, что вполне понятно. Реализуемо или нереализуемо? По отдельным направлениям вполне реализуемо, более того, крайне полезно, если будет реализовано.

Приведу один пример, на мой взгляд, очень важный — это радикальный пересмотр отношения к миграционной политике. Пре-

зидент в самом начале сказал, что демография — это очень важно, что приток эмигрантов из СНГ в Россию — это позитивный процесс, что то, что было сделано в области законодательства о гражданстве, — ошибка и что эту ошибку необходимо поправить. Подчеркнут принципиально важный вопрос для будущего России, для стратегии, принципиально важный вопрос для миллионов людей, которые сегодня работают в России на положении нелегальных эмигрантов. Очень полезно, надеюсь, этот подход будет реализован.

Есть вещи, которые реализовать либо сложно, либо невозможно.

Ведущий: *Например?*

Егор ГАЙДАР: В Послании в двух разных местах даны разные ориентиры по темпам роста. В одном сказано, что надо обеспечить удвоение ВВП за 10 лет, а в другом — к 2010 г. Согласитесь, есть маленькая разница. Это и наводит Вас на разницу в годовых темпах роста ВВП где-то от 7 до 10 %.

Никто ведь не против высоких темпов роста. Я не видел ни одного человека, который бы сказал: нет, Вы знаете, пусть лучше российская экономика растет медленнее. И я еще не видел ни одного человека, который рассказывал бы, что реформы нам нужны ради реформ, мне такие люди не встречались. Но есть как бы объективные экономические закономерности, они довольно жесткие.

Темпы роста на разных уровнях развития бывают разные. Если Вы посмотрите сегодня статистику по всем наиболее развитым, наиболее богатым странам мира, то увидите, что они растут темпами, в длительной перспективе, в районе 2–3 % в год, чуть меньше, чуть больше двух. Америка росла темпом 2 % в год, правда, в последние два века.

Бывают периоды, когда темпы выше. Скажем, часто приводят в пример Китай, который растет быстрее, это правда. Но напомним, что Китай — это еще аграрная страна с уровнем жизни, уровнем душевого ВВП примерно вдвое ниже, чем в России. Это страна, в которой происходит бурный процесс высвобождения рабочей силы из традиционного аграрного сектора, из перенаселенного села в промышленный сектор и в сектор услуг. В такое время вообще страны растут существенно быстрее.

Скажем, Советский Союз даже в 1950-е гг., когда уровень душевого ВВП был довольно близок к сегодняшнему китайскому, рос довольно высокими темпами. И в это время лидеры США и Велико-

британии обсуждали, что они будут делать, когда Советский Союз обгонит Америку по душевому ВВП. А потом темпы роста упали, когда были исчерпаны основные резервы индустриализации.

Найти в мировой экономической истории страны, которые в условиях нерастающей численности работоспособного населения и завершенного процесса перераспределения ресурсов из аграрного сектора в индустриальный росли бы устойчивыми темпами 10% в год, Вы не сможете. Этого нет.

Ведущий: *Зато есть мечта у советника президента Илларионова.*

Егор ГАЙДАР: Да, Вы абсолютно правы. Мечтать, вообще-то говоря, никому не запрещено, и мечты сами по себе вполне безвредны. Более того, можно сказать, что надо не просто мечтать, а стремиться создать предпосылки для ускорения экономического роста в России, что чистая правда. И нам довольно многое надо сделать для того, чтобы это стало возможным. Наши уроки говорят о том, что у нас остались домашние задания по проведению важных и очевидно влияющих на рост реформ, скажем, административной реформы, направленной на снижение коррупции и административных барьеров; бюджетной реформы, направленной на то, чтобы мы эффективнее тратили бюджетные деньги и предоставляли государственные услуги более высокого качества; банковской реформы; реформы естественных монополий и многого другого — того, что мы еще не сделали. Так что и стремиться к этому разумно, и мечтать об этом не вредно.

Что опасно? Опасно включать эти мечты в бюджетный процесс. Мы сейчас разрабатываем бюджет на 2004 г., я имею в виду «мы» как страна. А на что нам ориентироваться в этом бюджете: на реалистичные оценки или мечты? Если на реалистичные оценки — замечательно, это значит, что у нас будут профинансированы наши расходные обязательства. А если на мечты — это значит, что у нас возникнут вновь крупные неплатежи по ряду государственных обязательств, что очень плохо сказывается на экономическом развитии, в том числе в долгосрочной перспективе на темпах роста.

Ведущий: *А на что мы как страна будем ориентироваться в этом бюджетном процессе, на мечты или на реальные оценки? Пოსлание обладает некой императивностью.*

Егор ГАЙДАР: Это тот вопрос, на который должны будут ответить Министерство финансов и правительство в самые ближайшие

дни, потому что бюджетный процесс сейчас находится на завершающей стадии. Основные параметры бюджета 2004 г. должны быть определены правительством в эти дни, дальше будет поздно. Бюджет в конце августа должен быть внесен в Государственную думу. А для того чтобы он был внесен в Государственную думу, понимание ориентиров общеэкономических, общефинансовых должно сформироваться просто на днях.

Ведущий: *Вы верите в вероятность того, что правительство скорректирует свою программу, в том числе среднесрочную программу, под то, что услышало от президента?*

Егор ГАЙДАР: Гораздо удобнее было бы отвечать на эти вопросы министру финансов и председателю правительства. Но я надеюсь, что правительство корректировать программу на 2004 г. не будет. Есть всегда разумное понимание, что если требуются очень высокие темпы, то это можно продемонстрировать в прогнозах на 2009–2020 гг., тогда это не будет особенно вредным.

Ведущий: *Когда перед правительством ставятся задачи: конвертируемость рубля, ускорение темпов роста, реформы, которые немедленно дают результаты, решение проблем бедности и т.д., оно приобретает некоторую свободу выбора ориентиров, которые надо принимать во внимание.*

Егор ГАЙДАР: На мой взгляд, в том, что Вы говорите, есть здравый смысл. Это было даже в советские времена. Когда и если предприятие получает задание по 100 разным параметрам, за что-то спрашивают, скажем, традиционно — за объемы производства, а за что-то — нет, скажем, за выполнение плана по научно-техническому прогрессу. И почти никого с работы не снимали. В связи с этим есть какие-то значимые показатели или параметры, доведенные до тебя, которые подкреплены жесткими стимулами и санкциями: выполнишь — получишь звезду Героя, не выполнишь — уйдешь со строгим выговором на другое место работы, менее престижное, а в былые времена еще и в тюрьму сядешь, а был набор параметров, которые являются такими благими пожеланиями. В принципе полагается их включать, но только всерьез за это никто и не награждает, и не наказывает.

Ведущий: *В данном случае за что спросят?*

Егор ГАЙДАР: Мы не в стабильной, хотя и неэффективной советской системе, где на этот вопрос были четкие, понятные ответы.

Там сорвешь поставку по накладной с красной полосой — снимут, сорвешь выполнение плана производства — снимут. Сейчас сложность состоит в том, что это неясно, причем я думаю, что это неясно и правительству, и президенту.

Ведущий: *Спасибо. Вот и замечательно, попробуйте придумать экономику более либеральную, чем в России. Правительство в состоянии трактовать стратегические задачи так, как захочет, не зная, за что с него спросят. Это определит исключительно конъюнктура — и рыночная, и политическая. До свидания.*

Россия заинтересована в продолжении либерализации мировой торговли

Телеканал «НТВ».
Программа «Влияние». 15 июня 2003 г.

Ведущий — Савик Шустер

Ведущий: Участники программы «Влияние»: Егор Гайдар — директор Института экономики переходного периода и Владимир Лисин — председатель Совета директоров открытого акционерного общества «Новолипецкий металлургический комбинат». Наша программа идет после очередного праздника России — Дня независимости России, или просто Дня России. И наверное, надо учитывать новые условия в этом году. После победы в Ираке Соединенные Штаты утвердились единственной сверхдержавой, делают в экономике, если можно говорить по-простому, что хотят и делают с долларом что хотят. А доллар очень сильно влияет на нашу жизнь. Егор Тимурович, как Вы оцениваете, как экономически должна вести себя Россия в этих новых условиях?

Егор ГАЙДАР: Ослабление доллара объективно полезно для российской экономики. Я в течение последних трех лет все ждал, когда же произойдет укрепление евро по отношению к доллару, потому что от этого в большой степени зависит динамика реального курса рубля по отношению к корзине валют наших основных торговых партнеров. Исторически на протяжении многих лет рубль де-факто был привязан к доллару. И у Центрального банка была очень ограниченная свобода маневра в курсовой политике. Укрепление курса евро позволило решить сложнейшую задачу — остановить реальное укрепление рубля по отношению к корзине валют, что позитивно повлияло на конъюнктуру российской промышленности.

Ведущий: Какие корзины валют Вы имеете в виду?

Егор ГАЙДАР: Наши основные экспортные и импортные товары номинированы в двух важнейших валютах — долларах и евро. Большая часть импортного оборота идет из зоны евро.

Ведущий: *То, что мы получаем по импорту? Продукты, которые мы получаем?*

Егор ГАЙДАР: Да. То, что конкурирует на нашем рынке с нашими собственными производителями.

Ведущий: *Владимир Сергеевич, Вы разделяете мысль, что очень хорошо, что наконец-то доллар упал?*

Владимир ЛИСИН: Я думаю, что надо все-таки к исходной части вопроса вернуться и зафиксировать: Америка сегодня реально экономически сильнее. Она ведет себя сегодня достаточно агрессивно и активно на внешнеполитическом поле. И самый главный вопрос — это то, что она прежде всего заботится о своих экономических интересах. За всем стоит экономический интерес Америки. Если мы сегодня объективно тоже слабее, если мы объективно понимаем, что наша экономика сегодня несопоставима с американской, и понимаем, что для нас тоже превыше всего наши экономические интересы, надо просто себя адекватно вести по этому вопросу.

Ведущий: *А что значит адекватно?*

Владимир ЛИСИН: Я думаю, что нет необходимости доказывать сегодня миру, что он действительно стал однополярным. Когда мы имели двухполярный мир, в принципе мы могли балансировать и рассуждать с точки зрения баланса двух крупных держав. Сегодня нам надо выбирать маршрут практически в фарватере, и не с точки зрения того, чтобы просто повторять все, что делает сегодня Америка с европейскими странами, а пытаться искать свой интерес — цинично, со здоровым восприятием и понимать, что интересно нам сегодня экономически. Есть у нас экономический интерес остаться в Ираке? Значит, мы должны были все сделать для того, чтобы там остаться, чтобы в принципе получать свою долю этого пирога. Такая необходимость у нас сегодня есть и других вариантов нет.

Ведущий: *Несмотря на всякие заявления Министерства иностранных дел, ощущение такое, что не очень-то мы там остаемся.*

Владимир ЛИСИН: Значит, надо зафиксировать убытки и понимать, что мы потеряли для себя с точки зрения экономического интереса, и внешнеполитические действия направить прежде всего на то, чтобы откорректировать политику, исправить ошибку и в следующий раз все-таки остаться где-либо.

Ведущий: *Следующий раз — это у нас что будет?*

Владимир ЛИСИН: Это неважно на самом деле.

Егор ГАЙДАР: Жизнь в условиях однополярного мира опасна для того, кто находится в центре этого мира. Это показывает вся история человечества. По старой советской песне: жизнь сама накажет строго. Не надо торопиться это делать самим. К сожалению, когда любая страна оказывается лишенной сдержек и противовесов, качество политики в этой стране имеет обыкновение ухудшаться, она начинает делать глупости. Это, к сожалению, может произойти с Соединенными Штатами Америки. Не надо первыми бежать и пытаться переделать мир, когда для этого нет базы.

Ведущий: *Скажем, мы говорим, что это, конечно, экономическая сверхдержава, но дела у этой экономической сверхдержавы не так уж хороши. Безработица в самом деле растет, и растет такими темпами, которые были непредсказуемы. Президент проводит совершенно другую политику, отличающуюся от той, которую он провозглашал во время предвыборной кампании. Общество расколото, и достаточно серьезно. На чем же тогда зиждется вот эта держава Соединенные Штаты?*

Егор ГАЙДАР: Держава Соединенные Штаты держится на одном элементарном факте — на том, что эта страна в последние два века росла по 2 % в год. Поэтому она сегодня действительно очень большая часть мировой экономики.

Ведущий: *А вот для Вас, Владимир Сергеевич, для металлурга, это хорошо, что доллар ведет себя так?*

Владимир ЛИСИН: Америка достаточно быстро продемонстрировала нам свое понимание либерализма во внешней торговле. Она, несмотря даже на протест европейского сообщества, очень быстро закрыла свои торговые границы для нашей стали. Хотя не только стали. В принципе даже не обратила внимания на возражения внутренних потребителей, потому что легко посчитала, что сегодня стальная индустрия важна пока экономически и политически для Америки. Таким образом, это и создало волну протекциониз-

ма во всем мире и повторения тех же самых вариантов закрытия своих рынков, т. е. попытка защитить экономику, когда она находится не в лучшем состоянии, показала такое здоровое и жесткое отношение Америки, а потом и всех остальных стран, которое говорит о том, что, когда дело касается экономических интересов, мы будем защищаться и не всегда будем оборачиваться на все договоренности или принципы, которые провозглашали буквально за 2 года до этого. В результате российская металлургия потеряла за последние 4 года по сравнению с тремя предыдущими практически 1,5 млрд долл. реализации продукции. Значит, соответственно надо понимать, что американская стальная индустрия их нашла. Вот, собственно, наше восприятие ситуации.

Ведущий: *А вот такая, я не знаю, как ее назвать, теория, ну, в общем такое обстоятельство: саудовские деньги — так говорят арабские журналисты, арабские наблюдатели, те, кого мы называем наблюдателями, — активно вывозятся из Соединенных Штатов. И в принципе это большой фактор, влияющий на курс доллара. Это, с Вашей точки зрения, соответствует действительности? Почему этот вопрос важен? Потому что нельзя предвидеть, когда внезапно отток саудовского капитала остановится и, значит, доллар будет падать дальше?*

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что оценка тех специалистов, которые говорят о том, что есть отток саудовских денег из Соединенных Штатов Америки, соответствует здравому смыслу. Прогнозирование же курса доллара по отношению к евро, так же как отношения курса доллара к иене, столь же опасно для интеллектуальной репутации, как прогнозирование цены на нефть. Это никто делать не умеет.

Ведущий: *А прогнозирование собственного бюджета?*

Егор ГАЙДАР: Прогнозирование собственного бюджета — задача более простая. Другое дело, что, прогнозируя собственный бюджет, мы должны учитывать, что 1 долл. падения цен на баррель нефти грозит российскому бюджету потерей 1 млрд долл. И повышение цен на нефть на 1 долл. дает 1 млрд долл. дополнительных доходов. Именно поэтому в России, где бюджет в существенной степени зависит от конъюнктуры цен на энергоносители, бюджетная политика должна быть консервативна. Если есть лишние доходы, никогда нет проблем потратить деньги. А когда выясняется, что цены упали

и у Вас этих доходов нет, то объяснить после этого военным, учителям и врачам, что Вы не выдадите им заработную плату, сложно.

Ведущий: *Ну а где версия диверсификации экономики, которая необходима, но по большому счету не происходит? Все равно ведь сырье является ядром российской экономики. Это же быстро не повернешь.*

Егор ГАЙДАР: Сырье было ядром российской экономики на протяжении всей ее истории. Не было периода, когда сырье не играло ключевой роли в российском экспорте. Это, конечно, неприятно и создает для нас проблемы. То, что делает правительство, ориентировано на то, чтобы эту ситуацию изменить, чтобы у нас был более разнообразный экспорт, чтобы экономика в меньшей степени зависела от цены на нефть. Но надо понять, что это длительный процесс, который происходит на протяжении 10–20 лет, но не с сегодня на завтра.

Ведущий: *Но ведь можно сказать, что лучшие русские умы работают на Билла Гейтса, вместо того чтоб создавать Билла Гейтса в России.*

Егор ГАЙДАР: Россия выходит на рынок услуг в области программирования. Это никогда не происходит во взрывном порядке, с сегодня на завтра «Майкрософт» в России не возникнет. Но то, что сегодня в России тысячи людей получают деньги за то, что работают на мировой глобальный рынок услуг в области программирования, это факт. То, что их становится с каждым годом больше, тоже факт. То, что у нас растет число российских фирм, которые работают на этом рынке и работают неплохо, тоже факт. В Индии, которая сейчас тоже довольно активный участник рынка услуг программирования, все это не произошло в один день.

Ведущий: *Владимир Сергеевич, Вы не ощущаете недостатка кадров?*

Владимир ЛИСИН: Вы знаете, я думаю, что, несмотря на то что металлургия, если так можно выразиться, своеобразное ремесло, которому не научишь за один день, мы принципиально сегодня недостатка в кадрах не видим. Если требуется обучение людей или получение каких-то эксклюзивных профессий, в конце концов эти вопросы решаются. И нам даже иногда удобнее выращивать эти кадры у себя, чем искать их на стороне. Я не думаю, что проблема сегодня в кадрах. Егор Тимурович сказал о том, что необходимы определенные шаги и время для того, чтоб нам решить свои экономические проблемы. У меня здесь немножко другая точка зрения. На мой взгляд, можно и нужно идти, может быть, не в вопросах амбициозных шагов

по развитию экономики, все-таки немножко поактивнее — и поактивнее с точки зрения защиты своих интересов на внешних рынках. Если мы вернемся к металлургии, то понимаем, что поставки нашей стали ограничивают во всем мире. Сегодня она действительно является продуктом с высокой добавленной стоимостью и действительно конкурентоспособна. В то же время если у нас нет возможности разместить ее внутри России, значит, мы должны понимать, что правительство либо помогает нам прорываться на внешние рынки, либо должно сказать: мы сегодня настолько открыты, что позволяем всем нашим конкурентам везти сталь в Россию. Таким образом мы поддержим рабочие места наших соседей, а Вы должны немножко сокращаться. То есть все-таки следует понимать, что нужны определенная промышленная политика и определенные действия правительства, которые воспринимались бы бизнесом как инвестиционный проект, в который можно вкладывать деньги. Здесь необходимо активнее и достаточно четко проявлять позицию. Не нужны реформы ради реформ. В процессе реформ всегда страдает большинство их участников. Но ведь надо понимать — для нас важны цель или процесс? А то у нас периодически процесс превращается во все, а результат — ни во что. Вот цель надо бы увидеть.

Ведущий: *Владимир Сергеевич, мы говорили о необходимости более активной политики со стороны правительства, чтобы дать возможность металлургии конкурентно бороться на рынках. Скажем, ВТО — это хороший механизм присутствия на рынке и борьбы на рынке?*

Владимир ЛИСИН: Во-первых, правила международной торговли, конечно, необходимо иметь для всех общие. И ВТО вроде бы позволяет это делать. Во-вторых, есть примеры, когда, в том числе и США, достаточно легко нарушают эти правила. Я уже об этом говорил. В-третьих, нас особо никто не ждет, т. е. наш рынок, может быть, нужен, но рынки, которые нам, удалось бы получить, не очень для нас будут открыты.

Ведущий: *То есть Россия нужна как потребитель, но не нужна как экспортер?*

Владимир ЛИСИН: Это крест каждого нового члена, вступающего в ВТО. Надо понимать, что, как бы мы ни рассуждали, нас обязательно при вступлении в ВТО, если опять же говорить о стали, вернут к процессу взаимных ограничений, т. е. мы не уйдем никуда от вопросов соглашений и никто не откроет границы, при которых мы моменталь-

но взорвем рынок... Все идет постепенно. Сегодня это уже происходит, и мы будем завтра дальше на основе конкурентоспособности додавливать европейскую металлургию. Это будет не так просто. Надо понимать, что обратная реакция вступления в ВТО — определенная открытость нашей экономики — приведет к тому, что, например, часть продукции, которую мы размещаем сегодня в России, не будет востребована. Насколько придет в Россию из-за рубежа комбайнов, сельхозтехники и автомобилей, настолько сократится потребление стали в России. Насколько сельхозпроизводитель прекратит покупать нашу технику, нужную для того, чтобы развиваться, и вынужден будет какое-то время бороться с конкурентной сельхозпродукцией из Европы, или продукцией машиностроения, или автомобилестроения, настолько мы потеряем сталь, т. е. процесс легкопрогнозируем.

Ведущий: *Значит, с точки зрения машиностроения или автомобилестроения Вы протекционисты? Вам интереснее, чтоб развивался внутренний рынок?*

Владимир ЛИСИН: Я думаю, что нельзя просто плыть против течения. Если мир захлестнула волна протекционизма, нельзя быть здесь святее папы римского. Надо точно так же плыть по течению, нет смысла грести против.

Ведущий: *То есть Ваши главные конкуренты в любом случае во внешнем мире — это Соединенные Штаты и Германия?*

Владимир ЛИСИН: Я бы не сказал, что вопрос в силе их конкуренции. Вопрос в том, что сегодня металлургия этих стран, а также тяжелое машиностроение реально находятся в кризисном положении. И ограничения, которые они против нас построили, как раз связаны с тем, что они не могут конкурировать ни в ценовой области, ни в вопросах качества. А итоги экономической деятельности металлургических концернов Европы показывают, что они практически все находятся либо на грани нулевой рентабельности, либо, как сегодня происходит с «Корусом»¹ — это бывшая «Бритиш»² в Великобритании, — вынуждены фиксировать убытки и решать вопросы реструктуризации.

¹ Компания *Corus Group* — британская металлургическая компания, образованная в 1999 г., один из крупнейших в мире производителей стали и алюминия. — *Прим. ред.*

² Имеется в виду *British Steel Corporation* — британская стальная монополия, которая позднее слилась с голландской *Koninklijke Hoogovens*, сформировав *Corus Group*. — *Прим. ред.*

Ведущий: *Егор Тимурович, протекционизм сегодня есть некая тенденция в мире, и абсолютно не следует идти против течения?*

Егор ГАЙДАР: Да. В мире в последние годы есть тенденция к росту протекционизма. Правда, если брать не последние годы, а последние полвека, то они были периодом высоких темпов роста за счет снижения барьеров на путях внешней торговли. Если мы будем говорить не о последних трех годах, а о том, что происходило между 1950-м и 2003-м, то увидим, что уровень протекционизма радикально снизился. То, что мировая торговля росла в 2 раза быстрее мировой экономики, было важнейшим фактором, влияющим на глобальный рост. В последнее время изменилась природа протекционизма. На раннем индустриальном этапе развития протекционизм для многих стран был инструментом обеспечения экономического роста. Когда Германия начинала процесс индустриализации, она закрывала свою экономику протекционистскими барьерами от английского экспорта и за счет этого создавала конкурентные сектора. Американская экономика, когда была на ранних этапах индустриализации, защищалась высокими барьерами от английского экспорта. В последние полвека ситуация меняется. Протекционизм перестает быть инструментом обеспечения роста. Мало кто полагает, что американская металлургия является мотором американской экономики и именно от нее, от того, как она будет развиваться, зависят перспективы Америки в следующие 20 лет. Или что именно европейское сельское хозяйство — это тот сектор, динамичное развитие которого приведет к другой жизни в Европе. Но отраслевая политика становится фактором защиты входящих отраслей. Американская металлургия — отрасль, которой трудно конкурировать с российской просто по соотношениям цены рабочей силы. Объективно она должна сворачиваться, как, скажем, текстильная промышленность в Бельгии. У них есть другие сравнительные преимущества, они гораздо сильнее нас в ряде других областей.

Ведущий: *Она должна сворачиваться?*

Егор ГАЙДАР: Она должна сворачиваться. Объективный процесс...

Ведущий: *...И это не первая отрасль...*

Егор ГАЙДАР: Не первая. Есть процесс развития, в рамках которого отрасли сначала начинают бурно развиваться, потом сворачи-

ваются, потому что эти отрасли оказываются более эффективными в странах с более низкой ценой рабочей силы. Начинают развиваться другие отрасли. Но для каждой заходящей отрасли это проблема. Это собственность, это прибыли, это рабочие места. От того, что в целом американская экономика будет расти по мере того, как американская металлургия будет сокращаться, тем, кто сегодня занят на металлургическом заводе, не легче, когда говорят, что с завтрашнего дня вашего рабочего места не будет. И дальше возникают естественные и мощные инструменты лоббирования защиты заходящих отраслей.

Ведущий: *А применительно к нашим условиям?*

Егор ГАЙДАР: У нас ситуация другая. Во многих отраслях, где сегодня наиболее развитые страны защищают свои заходящие отрасли по политическим мотивам, мы являемся их естественными конкурентами. Объективно Россия заинтересована в защите своего рынка металлургии? Для нас это самое важное? Нет. Для нас важно, чтобы не было закрытия рынков, на которые мы можем выйти. Россия находится в той стадии развития, когда мы заинтересованы в продолжении либерализации мировой торговли. Это не значит, что мы можем ее навязать. Это не значит, что мы можем игнорировать те действия, которые направлены против нас, и просто стоять на позиции, что мы за свободную торговлю, и поэтому поставим всегда вторую щеку, если нас ударили по первой. Но понимание того, что стратегически в наших интересах продолжение той тенденции либерализации мировой торговли, которая доминировала в мире на протяжении последнего полувека, — это важно.

Ведущий: *Но если ВТО та организация, где все равны, но кое-кто равнее, то как бороться там за доступ к рынкам?*

Владимир ЛИСИН: Я думаю, что нам в какой-то степени Китай показал пример в этом плане. Не надо идти на поводу конъюнктурного стремления вступить в ВТО сегодня и незамедлительно. Надо понимать, что это тяжелый процесс, процесс выторговывания всевозможных позиций и всевозможных необходимых и интересных для экономики страны вопросов. По каждому из них необходимо время и необходимы расчеты. Мы придем к этому результату, но здесь не нужно делать плановый график, а видеть все-таки главную цель — максимальное обеспечение нашего экономического интереса. Если эта цель главная, а она не сводится просто к тому, что

1 января 2004 г. вступаем в ВТО, тогда под эту цель можно отстроить и аппарат, и чиновников, и, собственно, промышленников для того, чтобы все двигались в этом направлении и получили максимальный эффект. Если будет какой-то перекося или заданный механизм, что завтра вступаем не задумываясь, то, как это часто бывает, понесем просто экономические издержки.

Ведущий: *Владимир Сергеевич, мы говорили про Китай. Давайте сейчас не будем говорить о том, что есть одни регионы в Китае и совсем другие регионы — Шанхай, Гонконг. Но есть некоторые неоспоримые факты: 98% игрушек производится в Китае сегодня. Я Вам сейчас скажу вещь, может быть, вы не поверите в нее, но это правда: 95% обуви сегодня производится в Китае.*

Владимир ЛИСИН: Это известный факт, но...

Ведущий: *...Они выбрали некоторые направления и смогли по этим направлениям пойти, выполнить заказ, грубо говоря.*

Владимир ЛИСИН: Я могу сказать, что процессы разделения труда в мире будут продолжаться. Они будут продолжаться исходя из национальной специфики, из стоимости рабочей силы, приближенности к источникам реальных ресурсов, из демографии...

Ведущий: *...Вот Россия на какой сектор может претендовать в этом большом мировом разделении рынка труда?*

Владимир ЛИСИН: Если мы все-таки представляем, что у нас есть явные преимущества с точки зрения того, что мы живем на нашем сырье, оно у нас под ногами: нефть, газ, есть инфраструктура, то, конечно, понимать должны, что и этим преимуществом мы должны пользоваться. Меня очень сильно смущали заявления наших некоторых коллег о том, что цена электроэнергии должна быть в России такая же, как в Европе. Или газ, например, в Европе стоит 120 долл., по этому принципу надо стремиться к тому, чтоб он стоил столько же на территории России...

Ведущий: *...Таких голосов очень мало сейчас.*

Владимир ЛИСИН: Вы знаете, дело не в этом. Дело в том, что тем не менее, если вы посмотрите последние публикации, говорится всегда, что наш, например, Газпром фиксирует убытки, когда продает газ внутри страны. Интересно, я хотел бы это понимать, откуда это вытекает. Из того, что у нас отопительный сезон 9 месяцев? Или наш конкурент в Европе может сделать стенку просто из обычного железа, а мы должны строить бетонные теплые

дома либо использовать современные технологии для того, чтобы не потерять тепло. Если в Европе отопительный сезон может быть полтора-два месяца, почему же мы должны по таким же точно ценам получать электроэнергию для нас и нашего населения? Но если мы понимаем, что это наше преимущество, и готовы его использовать, то на этом преимуществе необходимо строить в том числе промышленную политику, понимать, что мы здесь можем получить свою долю мирового разделения труда. И если, возвращаемся к металлургии, металлургия сегодня в Европе и Америке объективно начинает страдать от того, что она становится неконкурентоспособной, и мы понимаем, что акцент металлургический смещается сегодня уже даже не на Японию, Япония тоже ее потеряла, а на Россию, Китай и страны Дальнего Востока, Корею в том числе... Корея сегодня колоссальные результаты демонстрирует в металлургии, потому что есть преимущество, значит, надо тогда этими преимуществами пользоваться для того, чтобы экономика начинала развиваться. Мы ведь прекрасно понимаем, что нельзя до бесконечности жить на сырьевых ресурсах, надо использовать и другие имеющиеся достоинства. Вот, наверное, главная задача.

Ведущий: *Егор Тимурович, согласны?*

Егор ГАЙДАР: У нас действительно разные сравнительные преимущества с Китаем. Китай — страна с уровнем жизни примерно вдвое более низким, чем в России сегодня. В Китае колоссальные резервы рабочей силы в сельском хозяйстве, которая слабо занята и не мечтала о средней заработной плате российского рабочего. Там огромный, неограниченный поток дешевой рабочей силы из сельского хозяйства, причем рабочей силы с хорошей этикой, традиционно сформированной тысячелетиями. У Китая длинная морская полоса с удобными портами, а это дополнительная возможность интеграции в мировую экономику. И Китай в соответствии с логикой сравнительных преимуществ вышел на те рынки, где это сочетание — доступ к морю, дешевая рабочая сила, приличная этика — дает свои результаты. В России ситуация иная, и у нас другие сравнительные преимущества. И по тем секторам экономики, где Китай завоевал рынок, мы вряд ли будем крупным участником этого рынка. По тем же детским игрушкам. У нас есть два других сравнительных преимущества, которых нет в Китае. Первое из них — это обеспеченность сырьем в расчете на душу населе-

ния и возможность не просто сырьевого экспорта, а экспорта всего, где высок компонент энергоносителей, сырья. Мы заинтересованы в том, чтобы вывозить не только сырье, но и товары обрабатывающих отраслей, где высоки компоненты сырьевых факторов. У нас есть и другое сравнительное преимущество — необычно высокий для нашего уровня развития, душевого ВВП, уровень высококвалифицированных кадров, т. е. инженеров, математиков, физиков. Всего того...

Ведущий: ...С прошлых времен.

Егор ГАЙДАР: Мой институт ведет кафедру в физтехе. Многие мои друзья и коллеги там преподают. Сейчас качество приема в физтех не хуже, чем оно было в советские времена, т. е. слухи о том, что наше хорошее образование в физике и математике развалилось, сильно преувеличены. У нас есть другая сфера, абсолютно противоположная по отношению к сырьевой, — это сфера всего, что связано с высокотехнологичными услугами. А это быстро развивающийся сектор в мировой экономике, сектор с огромными перспективами и минимальным уровнем протекционизма, как все быстро развивающиеся сектора.

Ведущий: Если говорить о преимуществах России, то это сырье и кадры. И тогда нам придется все же говорить о роли олигархов в обществе. Владимир Сергеевич, Вы являетесь одним из тех людей, которых называют олигархами. Это значит, у Вас есть капитал и Вы влияете на власть. Ну, примерно. Если исходить из того, что российское преимущество в том, что под ногами сырье и это сырье востребовано на рынке, то такие люди, как Вы, всегда будут диктовать политикам, что делать. Это правильно?

Владимир ЛИСИН: Вы знаете, я бы не увлекался нашим российским желанием создавать штампы. Я думаю, что в том представлении, которое сложилось, когда мы говорим об олигархии, надо некоторые аспекты просто разделить. Не все, кто ходит сегодня на встречу с президентом, являются в прямом классическом смысле олигархами, и не все олигархи, их достаточно много, ходят на встречи с президентом.

Ведущий: Давайте тогда скажем, что в Вашем понимании такое олигарх или кто это такой?

Владимир ЛИСИН: Это не мое понимание. Это группы лиц или лица, владеющие достаточно большими капиталами и не толь-

ко имеющие политическое влияние, но и оказывающие конкретное политическое влияние на государственные органы и структуры власти. Поэтому, если часть бизнеса сегодня имеет какие-то взаимоотношения с властью, это еще не значит, что кто-то из них стремится оказать влияние. Кто-то ведь и не стремится.

Ведущий: Скажем к примеру. Извините, я Вас прерву, просто человек, известный и Вам, и Вам. Анатолий Чубайс — олигарх?

Владимир ЛИСИН: Да, потому что Анатолий Чубайс располагает огромным финансовым ресурсом и имеет достаточно влияния в политической элите, во власти для того, чтобы использовать это в своих интересах или в интересах корпорации, в которой он работает.

Ведущий: Егор Тимурович, Анатолий Чубайс также является членом одной с Вами партии. Таким образом, СПС — это в общем-то партия олигархов по идее. Или партия, которая защищает интересы большого капитала?

Егор ГАЙДАР: Сам крупный капитал на протяжении последних лет сильно менялся. Я хорошо помню, что интересовало его в 1996–1997 гг. Интересовали конкретные вещи: доступ к государственным ресурсам, отдельные решения для себя. Тогда у нас был действительно довольно серьезный конфликт с крупным капиталом. Мы говорили: друзья, пора принимать общие правила игры, пора наводить элементарный порядок в экономике. А коллеги из крупного бизнеса не были готовы к такому повороту событий. Но ситуация за последние годы изменилась. Я просто смотрю, работая в Думе, в бюджетном комитете, что именно сегодня отстаивает крупный капитал. Ситуация изменилась. Причем к нам никто не ходит по частным вопросам из крупного бизнеса. Ходит мелочь — по лотереям, по алкоголю и т. д. А вот крупные, те, кого принято называть олигархами, ходят по поводу того, чтобы был нормальный налог на прибыль. Это их интересует. Чтобы был нормальный единый социальный налог, который позволял бы легализовать зарплату. Чтобы собственность была защищена. Чтобы были понятные и прозрачные процедуры обеспечения выполнения контракта. Мы вышли на стадию, когда крупный капитал, первый из разных слоев российского капитала, понял, что общие правила игры, прозрачные процедуры, разумная налоговая система — это то, что ему нужно в его собственных интересах, то, что работает на повышение капи-

тализации компаний, то, что делает их состояния больше. И здесь у нас действительно есть общность интересов и общность позиций. Последние 3 года работы в Думе «Союзу правых сил» было легко работать с крупным капиталом. Вместе с тем мы прекрасно понимаем, что вся эта система может быть устойчива, когда свои интересы также осознает средний и малый бизнес. Когда они поймут, что их политическое участие нужно не кому-то другому, а нужно им самим, чтобы ограничить уровень рэкета, выплаты коррумпированным чиновникам, вывести свой бизнес «в белую» сферу, добиться того, чтобы у них были прозрачные процедуры. Мы рассматриваем как свою базу в первую очередь средний класс.

Ведущий: *Владимир Сергеевич, то, что сейчас сказал Егор Тимурович, вот это осознание подлинных собственных интересов, в Америке оно есть, и, может быть, именно это отличает Америку от России?*

Владимир ЛИСИН: Я думаю, что касается крупного бизнеса — у него в принципе сегодня нет таких специфичных представлений, которые слишком бы отличали его от американского бизнеса. Ведь здесь есть такая понятная прагматика: нельзя быть крупным в любом регионе, на любом предприятии, в любой структуре. И нельзя находиться в зоне благополучия, построив вокруг забор с колючей проволокой, и смотреть, как ухудшается общая экономическая ситуация. Значит, возникает вывод: чем больше вокруг будет создаваться новых рабочих мест, а это создание малых предприятий, развитие малого и среднего бизнеса, тем легче будет и крупному. С одной стороны, это возможность повышения своей производительности, с другой — это подпитка кадров и получение сервиса для обслуживания своего же бизнеса, особенно в регионах. Это в конечном счете такой единый классовый интерес, направленный на то, чтобы страна развивалась. Поэтому сегодня у крупного бизнеса реальное представление состоит в том, что невозможно укрыться за забором на даче на Рублевке или на своем предприятии и сидеть ждать, когда ситуация изменится. Здесь все механизмы, которые могли бы менять ситуацию, будут приемлемы, будут восприниматься как необходимость, а не как какая-то виртуальная фантастика в будущем.

Ведущий: *Я, к сожалению, должен Вам сообщить, что наше время истекло. В программе «Влияние» участвовали Владимир Сергеевич*

Лисин — председатель Совета директоров ОАО «Новолипецкий металлургический комбинат» и Егор Тимурович Гайдар — директор Института экономики переходного периода. А я, Савик Шустер, встречу с вами в следующее воскресенье.

О программе восстановления Ирака

Радиостанция «Эхо Москвы». 9 сентября 2003 г.

Ведущий — Алексей Венедиктов

Ведущий: *Гость дня — Егор Гайдар, возглавлявший Правительство РФ, ныне директор Института экономики переходного периода. Добрый день, Егор.*

Егор ГАЙДАР: *Добрый день.*

Ведущий: *Вчера было сообщено о том, что Вас пригласили принять участие в изучении обстановки вокруг экономики Ирака и вместе с другими экономистами предложить план ее реконструкции. У меня вопрос первый. Что здесь правда, что неправда? Кто позвал? Джордж Буш позвонил, сказал: «Хэй, Егор, приезжай, делай». Или как это все было?*

Егор ГАЙДАР: *Я получил письмо от главы временной администрации Ирака господина Бремера с просьбой подъехать в Багдад, это будет где-то между 18 и 22 сентября, и принять участие в обсуждении вопросов, связанных с восстановлением экономики Ирака, с учетом опыта Восточной Европы и постсоветских государств.*

Ведущий: *Чем мотивировал?*

Егор ГАЙДАР: *Тем, что при всех отличиях есть некоторые черты сходства. Я знаю, что пригласили еще двух моих хороших знакомых — бывшего президента Болгарии Петра Стоянова и бывшего премьера Эстонии Марта Лаара. Естественно, мы будем обсуждать это вместе с иракскими специалистами. Мой опыт показывает, что подобного рода вещи обсуждать без национальных специалистов — глупейшее занятие.*

Ведущий: *Что это будет? 3–4-дневный круглый стол, научно-практическая конференция? А затем?*

Егор ГАЙДАР: В принципе обсуждался этот вопрос. Он еще не решен, мы находимся в процессе обсуждения. Обсуждался вопрос о том, чтобы мы как Институт экономики переходного периода и наши близкие друзья и коллеги из Польши, CASE (это, пожалуй, самый авторитетный в Восточной Европе экономический институт) приняли участие в разработке набора проблем, связанных с восстановлением Ирака.

Ведущий: *То есть можно сказать, что Ваша поездка ознакомительная?*

Егор ГАЙДАР: Да, конечно. Мы посмотрим, обсудим это с администрацией и будем дальше работать, принимать решение.

Ведущий: *Давайте посмотрим, что могло подвинуть временную администрацию Ирака на приглашение Вас как специалиста. Давайте о сути проблемы. Как Вам сейчас кажется, есть ли схожесть между Россией 1991 г. и Ираком 2003 г.?*

Егор ГАЙДАР: Есть некоторые общие черты. При всех огромных различиях тем не менее есть одно важное общее. И в 1991 г. в Советском Союзе, в России, и в 2003 г. в Ираке фундаментальная проблема — это полный крах политических институтов тоталитарного режима. И там, и здесь при всей остроте экономических проблем они были производными от того, что была некая очень жесткая конструкция, КПСС в Советском Союзе, партия БААС в Ираке, пронизывающая все элементы государственной машины. Потом по разным причинам — в Советском Союзе в силу внутренних причин: краха режима, провала путча, в Ираке из-за вмешательства коалиции — происходит крах этой системы институтов. Но она в системе тоталитарной власти неразрывно связана с системой организации соответствующей цивилизации. Члены партии БААС ответственны за то, чтобы было электричество, поступала вода. Часть из них — значительные мерзавцы, а часть нет, часть — просто прагматики. Они пронизывают всю систему, обеспечивающую функционирование общества.

Ведущий: *То есть если нет воды, партийная ячейка снимает ответственность за воду?*

Егор ГАЙДАР: Да, госпиталь работает, потому что есть соответствующая структура, которая им руководит. В школы приходят учи-

теля, потому что так приказано. Хлеб по карточкам, но есть, потому что есть те, кто это обеспечивает... Потом вдруг все это исчезает, и общество начинает погружаться в хаос. У меня страсть к истории. Я люблю перечитывать последние выпуски журнала «Вестник Европы» за конец 1917 — начало 1918 г., потому что там очень хорошо видно, как наша российская интеллигенция, романтически относившаяся к революции, всегда любившая революцию, всегда думавшая, что революция — это что-то романтическое и красивое, начинает понимать, что это все очень здорово, но все завершается тем, что исчезает городской и начинают грабить прямо у дома. Это было в 1917-м, это было в России в 1991-м, это происходит сейчас в Ираке. Это фундаментальная проблема, связанная с тем, что когда и если у Вас рушатся институты, пусть отвратительного, мерзостного тоталитарного режима, то это абсолютно не означает, что дальше приходит красивая свобода, такая во всем замечательная, и все идет хорошо. Это значит, что дальше предстоит огромная работа по отстраиванию нового набора институтов, традиций. И мне кажется, что это главное, что сближает ситуацию сегодня в Ираке и в 1991 г. в России.

Ведущий: *Вы не боитесь, что Вас назовут пособником оккупантов и там, и здесь?*

Егор ГАЙДАР: Нет. Если бы я вообще был пугливым человеком, я бы не брался за то, за что я взялся в 1991 г.

Ведущий: *По-другому переформулирую вопрос. Известно, что Ваши товарищи не поддержали, некоторые даже осудили действия коалиции в Ираке в самом начале. А сейчас Вы, собственно говоря, помогаете вытаскивать американскую администрацию из того болота, в которое она залезла.*

Егор ГАЙДАР: Я должен сказать честно. Я сам никогда не был энтузиастом (и говорил об этом своим американским друзьям, включая крайне влиятельных) того, что они собираются делать в Ираке. И не потому, что считал иракский режим хорошим. Я был убежден, что он антинароден, отвратителен, наносит огромный ущерб иракскому народу. Больше того, у меня есть иракские друзья-интеллектуалы, которые мне говорили, я им верил, что там никто не будет драться за Саддама Хусейна, что людей, которые всерьез собираются отдать жизнь за этого проходимца, найдется очень мало. В связи с этим у меня не было иллюзий, что там будет, что будут тяжелые

военные проблемы и т.д. Но просто исходя из того, что я пережил некоторые процессы, связанные с крахом тоталитарного режима, я понял две вещи.

Первое — что главный сигнал, который будет подан миру, — это не то, что не надо быть проходимцем, а это сигнал о том, что если ты проходимец, то обзаведись своей ядерной бомбой. Что, как показывает последующее развитие событий, видимо, было правильным. Второе — что если туда влезаешь таким образом, как это произошло, то потом тебе предстоит разбираться с очень тяжелым набором проблем. И идея, что пришел, увидел, победил и ушел, абсолютно не резонна. В конце концов, я высказывал свое мнение по этому поводу. Так или иначе то, что произошло, произошло. Тем не менее я убежден, что, если им можно хоть чем-то помочь (а ясно, что все равно там решения будут принимать иракские новые власти, пока временная администрация с каким-то включением ООН), надо помочь. Самое глупое — это повторять: «Я ж вам говорил!»

Ведущий: *То есть Вы не считаете себя пособником оккупантов?*

Егор ГАЙДАР: Нет. Я считаю, что, если мы чем-то можем помочь в стабилизации положения в Ираке, а там живут больше 20 млн человек, нужно сделать это.

Ведущий: *Как Вы думаете, Егор Тимурович, Ваше приглашение было согласовано временной администрацией с Вашингтоном?*

Егор ГАЙДАР: Временная администрация меня, собственно, и пригласила.

Ведущий: *А временная администрация согласовывала это приглашение с Вашингтоном? Не временная администрация президента Буша.*

Егор ГАЙДАР: Я понятия не имею. Но думаю, что да.

Ведущий: *Тогда другой вопрос. А Вы после этого приглашения проводили консультации с кремлевской администрацией и получили ли Вы их мнение по поводу этого приглашения или какой-то совет?*

Егор ГАЙДАР: Я написал сегодня письмо нашему министру иностранных дел Игорю Иванову, проинформировал его о том, что такое приглашение я получил, о том, что считаю необходимым его принять, и сказал, что, если есть необходимость или польза в том, чтобы посоветоваться, я с огромным удовольствием готов поговорить с ним или с кем-то из его коллег.

Ведущий: *Не означает ли Ваше согласие и Ваша поездка, которая будет во второй половине сентября, то, что, в случае если Вас попросят заняться этим очень серьезно и очень надолго, Вы выключитесь из внутривосточной российской борьбы в преддверии выборов в Государственную думу и президентских?*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, что я не самый большой энтузиаст участия в публичной политике. Я иду на выборы в Государственную думу, я возглавляю московский список, как это было и на прошлых выборах. Я постараюсь помочь моим коллегам. В общем я не убежден, что мое искусство публичного политика — это характерная черта моих сравнительных преимуществ.

Ведущий: *То есть не помешает?*

Егор ГАЙДАР: По-моему, нет.

Ведущий: *Вы возглавляете Институт экономики переходного периода. Что такое понятие «переходный период» для Ирака в сфере экономики? Вы уже представляете, от чего к чему, с учетом того, что все-таки, знаете, есть книга «Америка — не Россия», Ирак не Россия, я имею в виду то, что там никогда не были заложены основы рынка, то, что он окружен определенными соседями. Переход от чего к чему Вам бы виделся сегодня? Может быть, завтра после того, когда Вы изучите. Но сегодня?*

Егор ГАЙДАР: Мне кажется, что те искажения в наборе экономических и политических институтов, которые были в Ираке, были более ограниченными, чем характерные для социалистических стран. Все-таки рыночная экономика там была, пусть искаженная, там всегда существовала частная собственность, существовал частный сектор и т.д. Тем не менее, на мой взгляд, главное там — это создание собственно институтов, обеспечивающих функционирование цивилизации на иной, не связанной с прежним тоталитарным режимом основе.

Ведущий: *Вы имеете в виду институтов общества, государства?*

Егор ГАЙДАР: Да.

Ведущий: *Неэкономических?*

Егор ГАЙДАР: В первую очередь государственных институтов.

Ведущий: *Впереди политика.*

Егор ГАЙДАР: Впереди государство. На самом деле там, конечно, будут экономические проблемы, инфляция довольно высокая,

деньги печатают, доходы плохо собираются, большой урон нанесен нефтяному сектору, трубопроводы плохо работают. Короче говоря, там есть куча конкретных проблем. Но глубоко убежден и по опыту могу сказать, что 90% иракских проблем — это проблемы функционирования институтов государственности.

Ведущий: *Тогда у меня вопрос совсем прямой и, может быть, слегка туповатый. Нефть в Ираке должна принадлежать государству, с Вашей точки зрения, на этот период или должна уйти в частные руки?*

Егор ГАЙДАР: Я бы очень хотел, чтобы этот вопрос решали иракцы.

Ведущий: *Они будут решать, а Вы будете советовать. Что бы Вы посоветовали тогда для реконструкции экономики Ирака?*

Егор ГАЙДАР: Когда нефть в Советском Союзе принадлежала государству, а у нас запасы были богатейшие, у нас добыча нефти падала в последние годы, как я помню, на 50 млн т в год. А как только она стала принадлежать частным компаниям, как сейчас, она растет на 40 млн т в год. Я не готов к конкретному совету, это вопрос уже политический, не профессиональный.

Ведущий: *Вопрос нефти — это вопрос политический?*

Егор ГАЙДАР: Это вопрос политического выбора, того, что иракские власти сочтут своим приоритетом. Из сугубо экономических соображений я могу сказать, что, конечно, частно управляемые нефтяные компании, как правило, более эффективны, чем государственные. Но решать все равно придется иракцам.

Ведущий: *Кстати, по поводу решения иракцев. Неоднократно во второй половине XX в., раз уж Вы заговорили о государственных институтах, реконструкция государственных институтов шла через попытки реставрации монархии. Это тоже будет в сфере Вашего интереса? Если Вы говорите не об экономике, а сначала о государственных институтах.*

Егор ГАЙДАР: Не готов обсуждать эту тему до тех пор, пока не побывал в Ираке и не понял ситуацию на месте. Идея понятна. Насколько она реалистична? Это из пальца высасывать совершенно глупо.

Ведущий: *Тогда я зайду на этот же вопрос, но по-другому. Мы знаем, каким образом пытаются реконструировать экономику Аф-*

ганистана сейчас. Насколько похожая ситуация по реконструкции государства Афганистана и Ирака?

Егор ГАЙДАР: Очень разная. Дело в том, что Афганистан все-таки очень традиционное государство с доминирующим сельским, часто кочевым населением. От того, что происходит в Кабуле, на самом деле жизнь подавляющего большинства афганцев зависит крайне мало. Они как жили там 100 лет назад, так и живут. Власть заведомо крайне слаба, очень велико влияние местных региональных лидеров. Фундаментальная проблема — это угроза анархии. Важнейшая проблема — это проблема наркотиков и возможности какого-то контроля за производством и сбытом наркотиков. Ирак все-таки достаточно развитый в цивилизационном отношении режим с очень большой долей городского и грамотного, образованного населения, в связи с этим очень уязвимый и зависимый от сохранения этих элементов цивилизации. Когда и если вы живете, как и жили эти 100 и 200 лет назад, кочевым скотоводством, то от того, функционирует Ваша энергосистема или нет, Вам не горячо и не холодно. Все равно ни папа Ваш, ни дедушка Ваш, ни вы просто не привыкли к ее услугам. Ирак — это городская цивилизация, поэтому она гораздо более уязвима, гораздо более хрупка.

Ведущий: *Как Вы собираетесь взаимодействовать: там есть две если не силы, то во всяком случае две точки. Есть временная американская администрация и есть этот Высший совет иракский. Кто Ваш работодатель?*

Егор ГАЙДАР: Меня пригласила американская администрация, но я точно знаю, что это согласовано с нынешней иракской властью.

Ведущий: *На Ваш взгляд, поскольку сейчас развернулась дискуссия вокруг резолюции Совбеза ООН по Ираку и буквально сегодня постоянный представитель РФ при ООН Лавров дал очень большое интервью о том, как Россия, гражданином которой Вы являетесь, сейчас должна вести себя по отношению к Ираку и к войскам коалиции или к оккупационным войскам, как принято говорить? Какая роль РФ должна быть в этом?*

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что мы должны пытаться помочь. Самое глупое, что можно сделать, на мой взгляд, это все время говорить: «Мы же вам говорили, что будет плохо, что там будет куча проблем. Вот видите, а теперь вы их расхлебывайте, а мы вам будем мешать всячески». Потому что никому это не поможет — ни Ираку,

ни России, ни миру. Ну да, это бывает с очень мощными державами, как мы знаем, в истории, когда они становятся слишком сильными, они начинают делать глупости. Это правда. Жизнь учит потом за это, наказывает. Но не нам здесь надо помогать тому, чтобы жизнь научила, она сама научит. Нам надо пытаться в максимальной степени минимизировать ущерб, добиваться того, чтобы в Ираке была цивилизованная, нормальная жизнь, не было беспорядков.

Ведущий: *А разве это наш вопрос? Это их вопрос, Ирака и США. Почему это наш вопрос?*

Егор ГАЙДАР: Это в некотором смысле их вопрос, но мы по крайней мере должны руководствоваться принципом «не навреди».

Ведущий: *Кому?*

Егор ГАЙДАР: Ираку, народу Ирака, потому что не надо наказывать народ Ирака за то, что у него сначала был такой тоталитарный диктатор, а потом американцы решили таким образом бороться с этим проходимцем.

Ведущий: *Я все-таки пытаюсь получить ответ на тот вопрос, который задаю. Пока не получил. Смысл моего вопроса вот в чем. Раньше Советский Союз растрчивал деньги на помощь развивающимся странам и т.д. А внутри была масса проблем. Сейчас у нас, мы говорим, утечка мозгов, у нас ученые уезжают, у нас Гайдара выдернули. А в России проблемы другие, но их не меньше. Может быть, здесь силы сосредоточить?*

Егор ГАЙДАР: Нет-нет. Первое: от нас в общем ведь никто не требует, чтобы мы дали кучу денег на реставрацию Ирака. Это нереалистично, и никто от нас этого не требует. От нас просят одного: «Если можно, не мешайте». Так зачем мешать-то?

Ведущий: *Нет, Егор. Вопрос в другом. Почему не сосредоточиться на российских проблемах? Сейчас полно российских проблем, полно невыполненных реформ. Может быть, Вы разочаровались в том, что здесь уже ничего не сделаешь, и точка приложения Вашей силы уже туда ушла?*

Егор ГАЙДАР: Нет-нет, Алексей, Вы же реалист, Вы же понимаете, что есть политические циклы. Сейчас у нас идут выборы сначала в Государственную думу, потом президентские. Но если Вы мне скажете, что Вы сами верите в то, что в период избирательного цикла можно провести системные важные и полезные реформы, я Вам все

равно ведь не поверю. Да, будет новое окно политических возможностей. Мы к этому готовимся, с этим работаем, мы готовим набор важных документов, которые, как мне кажется, можно будет полезно использовать, если будет на то политическая воля, начиная с мая следующего года. А сейчас у нас с точки зрения возможности проведения реформ просто объективный простой.

Ведущий: *То есть Вы используете простой?*

Егор ГАЙДАР: Абсолютно верно. Вы абсолютно правы.

Ведущий: *Как в свое время... как это называлось? Отходничество.*

Егор ГАЙДАР: На отхожие промыслы.

Ведущий: *Кстати, уже появляются некие комментарии, что Гайдар туда едет зашибать много денег, что ему за консультации обещаны миллионы долл. Егор, я понимаю, Вы публичное лицо и, кстати, Вам в декларации как кандидату в депутаты придется их указывать. Какие фактические предложения, грубо говоря, чем Вас заманили?*

Егор ГАЙДАР: У меня всегда абсолютно прозрачные финансы, они все всегда публичны, особенно для налоговой администрации. Вопрос о гонораре просто не обсуждался.

Ведущий: *Вообще?*

Егор ГАЙДАР: Другое дело, что, если действительно будет серьезная работа CASE и института, конечно, там будут какие-то деньги, которые надо будет платить конкретным сотрудникам, которые будут этим заниматься. А сейчас вопрос о моих личных деньгах просто не обсуждался.

Ведущий: *И еще вопрос достаточно циничный: если Ирак восстановит свои нефтяные промыслы и поставки на мировой рынок, то чем скорее он это сделает, тем быстрее упадут цены на нефть во всем мире, тем быстрее упадут цены для России. Это означает, что, восстанавливая экономику Ирака, Егор Гайдар, который и так во всем виноват, будет работать на падение мировых цен на нефть и на «угробление», извините за это слово, экономики России?*

Егор ГАЙДАР: Я глубоко убежден, что крайне высокие цены на нефть — это серьезная угроза экономике России. Я об этом говорил, писал, я в этом убежден. Проблемы, связанные с «голландской болезнью», которые 5 лет назад знала небольшая часть экономических интеллектуалов, по-моему, стали уже абсолютно общеизвест-

ными, и мне даже смешно об этом говорить. Но тем не менее проблема фундаментальная есть. Если бы мы хотели быть всю жизнь страной, которая полностью зависит от нефтяных доходов, на нее можно было бы наплевать и забыть. Чем больше их, тем лучше. Если мы хотим быть страной, которая имеет диверсифицированную экономику, высокие цены на нефть объективно способствуют вытеснению нефтеориентированных отраслей из российской экономики. Так устроена жизнь, это не шутки.

Ведущий: *Да, зачем заниматься тем, когда можно заниматься этим.*

Егор ГАЙДАР: И чем они дольше высокие, тем больше одновременно а) у нас идет рост вложений в нефть в разных районах мира, которые раньше или позже все равно обрушат цены на нефть; б) у нас идет вытеснение нефтефтяных видов бизнеса. Если говорить объективно, то просто так устроена жизнь, что мы заинтересованы в том, чтобы цены на нефть были не максимально высокими, а умеренными и предсказуемыми. К сожалению, никто не может, включая ОПЕК, установить и жестко регулировать цены на нефть, но если бы, не дай Бог, у меня была бы такая возможность, я бы сказал, что цены на нефть в районе 18 долл. за баррель — это лучшее, что может быть для российской экономики.

Ведущий: *Сразу после новостей мы проведем «Рикошет» и вы ответите на вопрос, прав ли Гайдар, согласившись принять предложение ехать в Ирак с целью реконструкции его экономики. Вашу точку зрения Егор Тимурович увидит и потом прокомментирует.*

Мы задаем вам очень простой вопрос: прав ли Гайдар, согласившись ехать восстанавливать Ирак? Если вы считаете, что Гайдар прав, дав такое согласие, то звоните 995–81–21. Если бы вы отсоветовали Егору Тимуровичу туда ехать, звоните 995–81–22.

Решается Ваша судьба, Егор Тимурович, сказал бы я. Но Вы уже решение приняли.

Егор Тимурович, вопрос был в Интернете от Сергея С. из Химок: «Со стороны представляется, что в Ираке сейчас и экономики-то нет, нет самого предмета реформ. В чем Вы видите свою задачу в этой ситуации?»

Егор ГАЙДАР: В России в 1991 г. тоже не было экономики, потому что старая социалистическая экономика развалилась, а но-

вой, рыночной не было. Я думаю, что меня, собственно, поэтому и позвали.

Ведущий: *Чуть в сторону России. В последнее время идут публичные дискуссии о возможности то национализации, то раздела природной ренты, то передела крупной собственности, то возвращения не только к залоговым аукционам 1995-го, но и вообще к 1991 г. На всю эту публичную дискуссию (Вы в ней, по-моему, не принимали еще участия) со стороны как Вы смотрите?*

Егор ГАЙДАР: Вопрос делится, на мой взгляд, на два. Первый из них — вопрос о национализации. Второй — вопрос о природной ренте, т. е. если мы хотим получить снова полный бардак в стране: падающие доходы бюджета, невыплаченные заработные платы, тогда национализация — это святое дело. Я очень хорошо помню Советский Союз образца 1991 г., когда ничего еще не было приватизировано. Шел процесс растаскивания собственности, причем растаскивания, которое носит анархический характер. Я вообще не очень люблю, когда воруют деньги у государства. Ну, совсем не люблю. Но уж особенно я не люблю, когда воруют их анархически, когда у каждого начальника ворует его подчиненный, у подчиненного ворует его подчиненный, а у подчиненного — его подчиненный, после чего у нас нет никаких инвестиций в те же нефть и газ и отрасль начинает разваливаться. Это то, что было в 1990 г.

Сейчас отношения собственности стабилизируются. Вы спросите меня, нравится ли мне, как была проведена приватизация. Совершенно не нравится. Я могу Вам рассказывать длинную историю, сидя у камина, до чего мне не нравится, как была проведена приватизация, почему она была так проведена, какую роль сыграла КПРФ в том, как она была проведена, в том числе в передаче большей части собственности по второму варианту, и т.д. Это я могу долго рассказывать. Тем не менее сегодня сфера собственности некоторым образом стабилизирована, она распределена и у нас куча эффективно управляемых компаний, которые много инвестируют в свой бизнес и наращивают производство. Еще раз подчеркну, в конце существования Советского Союза у нас добыча нефти падала на 50 млн в год, а сегодня растет на 40 млн. И главная наша проблема — это как нам окончательно не рассориться с ОПЕК, потому что у нас слишком быстро она растет. И по многим другим отраслям, по пищевой промышленности. Там так хорошо не было

в конце 1980-х, а сегодня она растет бурно. Если мы хотим, чтобы частные деньги инвестировались в частный бизнес, тогда мы просто должны сказать твердо, как Путин говорит насчет подоходного налога плоского, что никто никогда не тронет плоский подоходный налог, это всерьез и надолго, точно так же мы должны сказать про собственность. Иначе мы за счет налогов, что ли, будем инвестировать? Давайте мы тогда повысим налоги, будем вкладывать государственные деньги в экономику. Потом будут бегать от этих налогов и рассказывать, какие налоги ужасные и отвратительные. Они и так-то высокие. Если мы этого не хотим, а хотим развиваться за счет частных денег, то есть одна фундаментальная предпосылка, это показывает вся история: тогда уж будьте добры сказать, что в собственность вы лезть не будете.

Ведущий: *И что? И закрыли глаза на те нарушения, которые, наверное, были?*

Егор ГАЙДАР: И закрыли глаза на те нарушения, которые были. По крайней мере, приняли решение о том, что у нас есть разумный срок исковой давности 3 года. Если вы 10 лет не обращали внимания, что были нарушения, а потом в какой-то момент не понравился вам хозяин компании и вы посмотрите: «нарушения-то были!», так после этого что вы удивляетесь, что он деньги вкладывает не в отечественную экономику, а куда-нибудь в «Челси», например? Он ведет себя рационально. Имели возможность обратить внимание, не обратили этого внимания. Давайте уж тогда закроем эту тему. Не нравится приватизация? И мне не нравится. Но если мы хотим, чтобы зарплата у нас была 400 долл., а не 150, другого пути нет. Иначе она будет 100.

Есть другая тема, это тема природной ренты. Это отдельная тема, она важная. Мы провели в институте довольно подробное изучение вопросов изъятия природной ренты и налогообложения нефтегазовой отрасли, т. е. я вполне в курсе темы. Когда говорят, что можно взять и обложить нефтяников, взять от них 27 млрд долл. и решить все наши проблемы, — это откровенная и чистая ложь. Попробовать можно. В результате у нас, конечно, рухнет нефтегазовый сектор, и после этого дальше будем разбираться. Особенно интересно слышать эти рассуждения из уст человека, я имею в виду Сергея Глазьева, который голосовал в июне против увеличения нефтегазовой ренты. У нас было голосование, мы

с Борисом Ефимовичем голосовали за повышение нефтегазовой ренты, а Сергей Юрьевич и все представители КПРФ, как один человек, голосовали против предложенного правительством повышения нефтегазовой ренты. Говорить можно одно, голосовать по-другому. Но сказки о том, что можно взять 27 млрд без ущерба для отрасли, — это сказки.

Ведущий: *А сколько можно взять?*

Егор ГАЙДАР: Это, конечно, всегда вопрос сложный, деликатный, он зависит от гипотез. При базовой цене, по нашим расчетам, без ущерба для отрасли, оставляя возможность для наращивания инвестиций и добычи нефти, выхода на 500 млн добычи, можно изъять дополнительно примерно 3 млрд долл.

Ведущий: *А теперь я обращаю внимание на наше голосование. Нам позвонили за 5 минут 2398 человек. 72% одобряют Вашу поездку в Ирак. Может быть, некоторые считают, что Вы из нее не вернетесь, извините, те, которые голосовали за. Есть, наверное, и такие. Кстати, по этому поводу. Там ведь физически опасно, Егор Тимурович, мы видели гибель сотрудников ООН. Это все непросто, там есть сопротивление сторонников Саддама Хусейна. Вы вообще отдаете себе отчет, что это довольно рискованное мероприятие, а не научно-практическая конференция?*

Егор ГАЙДАР: Я даже сегодня посмотрел по цифрам и выяснил, что страховка для поездки в Ирак стоит намного дороже, чем страховка при поездке в Афганистан.

Ведущий: *Серьезно?*

Егор ГАЙДАР: Да.

Ведущий: *Есть еще одна тема. Буквально сегодня пришел новый опрос ВЦИОМа. Он связан с отношением населения к богатым людям. Понятно, что это вызвано покупкой, в частности, Романом Абрамовичем команды «Челси», но не только. Социологи задали такой вопрос: «Как Вы относитесь к появлению в нашей стране сверхбогатых людей?» 8% сказали «с гордостью» и «с удовлетворением», я суммирую. И 51% «с раздражением», «с возмущением» и «с ненавистью». Причем с возмущением и с ненавистью 30%. 37% без особого чувства к этому отнеслись. Егор Тимурович, недавно в программе «Свобода слова» у Савика Шустера бывший телеведущий Сергей Доренко сказал: «Не за то мы стояли у Белого дома в 1991 г., чтобы Роман Абрамович, получив в результате нашего стояния та-*

кие деньги, покупал английскую команду “Челси”». Если бы Вы были на программе, что бы Вы ему ответили? Что бы Вы вообще ответили людям, которые так считают, которые в 1991 г. стояли на защите Белого дома, которые выступали тогда за рыночные реформы?

Егор ГАЙДАР: Я был у Белого дома, как и Вы, в 1991 г. Я знаю, за что ходил к Белому дому. Для того чтобы моя страна была свободной, чтобы в стране была демократия, чтобы ею управляли люди, которых ее граждане выбирают, чтобы была нормальная рыночная экономика и товары в магазинах. Вы знаете, от того, покупает «Челси» Абрамович или не покупает, для меня ничего не меняется. Я получил страну, которую хотел. Она крайне несовершенна. Мы с Вами хорошо знаем историю России и знаем, что она всегда была довольно несовершенной страной с кучей проблем. Исторически так сложилось, она так была расположена, так была устроена ее история, что проблемы у нее были всегда. Тем не менее я получил то, что хотел. Да и сегодня я крайне не удовлетворен массой вещей, которые происходят в России. Но сказать, что меня звали заодно с другими к Белому дому и я, как несмышленьш, не понимал, насколько трудно будет построить здесь нормальную, эффективно функционирующую демократию, и что теперь, если Абрамович купил «Челси», то я немедленно отрекаюсь от того, что ходил к Белому дому, — я так не скажу.

Ведущий: *В связи с этим о предыдущем 4-летии, оно было тоже переходное, после выборов президента. Прежде всего какие, на Ваш взгляд, самые болевые точки? Что сделано за это 4-летие, если говорить о видимых вещах? Плоский налог, о котором мы уже устали говорить, — это очень хорошо.*

Егор ГАЙДАР: Хорошо! Это хорошо!

Ведущий: *Но устали говорить. А что еще?*

Егор ГАЙДАР: Еще много. Еще суд присяжных, судебный характер ареста...

Ведущий: *Ой, Вы знаете, давайте про это не будем, а то мы знаем, как это работает.*

Егор ГАЙДАР: Идеально не работает ничего. Сам факт! Вы знаете, насколько у нас меньше людей сегодня сидит в тюрьмах без суда, чем сидело при прошлой системе? Десятки тысяч человек.

Ведущий: *Хорошо.*

Егор ГАЙДАР: Десятки тысяч человек не сидят сегодня в тюрьмах!

Ведущий: *Егор, все-таки в ближайшее 4-летие что должно стать главными шагами нового правительства и старого, наверное, или нового президента (неизвестного)? 4 года — короткий исторический период.*

Егор ГАЙДАР: Конечно, это новое «окно возможностей». Собственно, институт над этим подробно работает. Есть довольно широкий круг вещей, которые надо сделать. Я не могу рассказывать о всех них, потому что это просто будет длинно.

Ведущий: *Давайте назовем.*

Егор ГАЙДАР: Главное — это реструктурирование системы государственных расходов. Мы с Вами довольно многое сделали. Налоговую систему нигде не любят, я не видел ни одной страны, где любили бы налоговую систему. Мы сделали много полезного, но дальше в налоговой области все упирается в то, что есть расходы. Вы их обязаны профинансировать.

Ведущий: *То есть доходы мы добились, теперь давайте...*

Егор ГАЙДАР: Больше того, мы сделали фантастическую вещь. Мы резко снизили предельные ставки и получили дополнительные доходы. Это довольно редко удается, нам это удалось. Хотя там по-прежнему куча всего, от чего несовершенна налоговая...

Ведущий: *Это отдельная ответственность.*

Егор ГАЙДАР: Главное, это проблема. Налоги мы собираем обратительно, как и везде, но приличные. А на что их расходуете? Как только мы переходим к тому, на что их расходуете, так видно, что мы абсолютно не имеем рациональных ответов на этот вопрос.

Ведущий: *Почему туда столько, а туда...*

Егор ГАЙДАР: Почему туда столько, почему сюда столько? Вообще зачем сюда? Какие услуги мы покупаем за это, какие требования предъявляем тем, кто получает государственные деньги, почему мы этим даем, а этим не даем? Все это огромный пласт того, что еще не решено.

Ведущий: *И последнее, чтобы наших слушателей обнадежить. Давайте договоримся, Егор Тимурович, что, когда вы вернетесь из Ирака, то придете и просто расскажете о своих впечатлениях.*

Егор ГАЙДАР: Обязательно.

Ведущий: *Поймали на слове.*

В прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы» был Егор Гайдар — директор Института экономики переходного периода, депутат Госдумы РФ, один из сопредседателей СПС, бывший первый вице-премьер Правительства РФ.

Ситуация в Ираке другая, но много сходных с Россией проблем

Радиостанция «Эхо Москвы». 23 сентября 2003 г.

Ведущий — Ксения Ларина

Ведущий: *Добрый день, это радиостанция «Эхо Москвы», в студии ведущая эфира Ксения Ларина. Сегодня у нас в гостях по договоренности, которая прошла в прямом эфире перед поездкой в Ирак, Егор Тимурович Гайдар, директор Института экономики переходного периода, депутат Госдумы РФ. Много очень вопросов к Вам, Егор Тимурович. Здравствуйте.*

Егор ГАЙДАР: Добрый день.

Ведущий: *Начнем мы, наверное, с Ваших впечатлений. Что Вы увидели в Ираке, что на Вас произвело наиболее яркое впечатление, вообще в каком состоянии сейчас находится страна? Как у человека гражданского, невоенного, у Вас другой взгляд на эту проблему?*

Егор ГАЙДАР: Страна, по крайней мере из того, что я видел, не разрушена. Удары явно носили точечный характер. Багдад напоминает Белград после 1999 г., т.е. город целый, но если ты видишь там разрушенные здания, значит, это либо генеральный штаб, либо казармы республиканской армии, либо Министерство информации и т.д. Город в общем целый. Но, конечно, инфраструктура явно в тяжелом состоянии, причем, как я понял, в первую очередь не из-за бомбежек, бомбежек было мало, почти не было вообще. Очень серьезные бомбежки были в 1991 г.¹, и инфраструктура после этого

¹ Имеется в виду война в Персидском заливе между многонациональными силами во главе с США по мандату ООН и Ираком за восстановление независимости Кувейта.— *Прим. ред.*

была в очень тяжелом состоянии, была изношена, и, конечно, ска-зались грабежи первого периода, сразу после краха режима, они до-вольно серьезный удар нанесли по водоснабжению, по энергетике и т.д. Просто зарисовка из жизни: мы там жили в лучшем в Багдаде отеле «Эль Рашид», как нам сказали, в нем вполне прилично, даже вода холодная почти всегда бывает. А по утрам иногда дают теплую воду. Правда, опытом это не было подтверждено, оказалось, что не совсем так хорошо, как думалось. Когда я попытался открыть кран с холодной водой, оказалось, что ее нет. Мне объяснили, что я оши-баюсь, действую не по той методике: надо открыть кран за 15 минут.

Ведущий: *А то, что касается продовольствия, то, что называ-ется житейскими проблемами для населения?*

Егор ГАЙДАР: Там система рациионирования, при этом свобод-ный рынок. Цены различаются в десятки раз. На свободном рынке продовольствие есть. Проблема в том, что очень высокие цены для доходов основной массы населения.

Ведущий: *Похоже вообще на Россию 1991 г.?*

Егор ГАЙДАР: Ситуация во многом другая, другая страна, куль-тура другая, по-другому себя ведут. Но масса проблем сходных.

Ведущий: *Например?*

Егор ГАЙДАР: Например, Вы помните наверняка проблему де-фицита бензина в 1991 г. Страшная была проблема. Важнейшая про-блема для Ирака сейчас — проблема дефицита бензина. Причем си-туация очень похожая, парадоксальная. Ирак — нефтедобывающая страна, она вывозит нефть по программе «Нефть в обмен на продо-вольствие», так как есть проблемы с нефтеперерабатывающими за-водами, они работают плохо, значительная часть средств идет на за-купку бензина. Бензин продается по ценам в 10–20 раз ниже, чем в соседних нефтедобывающих странах, по традиции. Пока были за-крыты границы, в конце концов, продается и продается. А потом пограничная служба развалилась, границы открыты, и сейчас что получается? Естественно, массовый вывоз бензина, т.е. вывозится нефть, вывозится бензин, сохраняется дефицит. Очень похоже все.

Ведущий: *Как драгметаллы мы вывозили?*

Егор ГАЙДАР: Совершенно точно.

Ведущий: *Снимали провода с троллейбусов, то же самое. И что, какие замеры Вы там произвели? Как профессионал, как экономист что поняли?*

Егор ГАЙДАР: Первое, что я понял, что меня порадовало, я, собственно, это и знал, что довольно много квалифицированных людей, квалифицированных кадров.

Ведущий: *Местные?*

Егор ГАЙДАР: Да, квалифицированные экономические кадры, с которыми можно всерьез обсуждать проблемы, которые способны сами выработать политику, надо просто помочь им советом. Но они выросли, как мы, допустим, к 1989–1990 гг., совершенно в другой экономике, — в экономике, которая была не совсем, конечно, социалистическая, но с очень сильными искажениями. В связи с этим они не очень представляют себе, как функционирует нормальная рыночная экономика, какие проблемы возникают при переходе. У них возникает тот же набор вопросов, который возникал у нас где-нибудь в конце 1980-х, которые мы обсуждали, потом решали, ломали дрова, набивали шишки, получали опыт. Теперь мы, конечно, очень многое знаем. Собственно, главное, что мы там могли сделать, — это поделиться этим опытом при обсуждении совершенно конкретных проблем, которые стоят сегодня перед теми, кто управляет иракской экономикой.

Ведущий: *Как Вы думаете все-таки, почему американская администрация с такой любовью и с таким уважением относится к восточно-европейским экспертам? Ведь там же не только Егор Гайдар был, там же есть представители других стран, связанные с экономикой.*

Егор ГАЙДАР: У них, у представителей администрации, хватило ума понять, что, конечно, в Америке есть замечательные, прекрасные специалисты, экономисты, но им не приходилось размораживать цены, проводить экономическую политику в стране, где нет закона и порядка, не приходилось жить в стране, где параллельно ходит несколько валют, не приходилось решать вопросы о том, как нормализовать цены в условиях отсутствия контроля за денежной массой, и т.д. Просто мы у себя вынуждены были делать это. Жизнь поставила перед нами задачи справиться с некоторым набором проблем, которые являются необычными, уникальными и в экономической практике, и в экономической истории.

Ведущий: *Скажем, как в медицине потребовалась срочная операция?*

Егор ГАЙДАР: Представьте себе, что рухнул режим в Северной Корее. Там же придется решать многие проблемы, которые были

решены в 28 постсоциалистических странах. Это не значит, что есть патентованные решения на все случаи жизни, но по крайней мере опыт надо использовать.

Ведущий: *Я теперь хочу обратиться к вопросам наших слушателей. «Егор Тимурович, что бы Вы хотели осуществить в Ираке из того, что Вам не удалось в России, какие проведенные Вами меры в России Вы считаете ошибочными?» Спрашивает, извините за выражение, так написано, Владимир Путин из г. Екатеринбург.*

Егор ГАЙДАР: Во-первых, я ничего не собираюсь осуществлять в Ираке. Это прошла информация по всем странам, из которых приглашены специалисты, что нас туда пригласили руководить восстановлением Ирака, что мы там будем рулить.

Ведущий: *А на самом деле?*

Егор ГАЙДАР: Нет, конечно, нас пригласили для того, чтобы принять участие в обсуждении набора стоящих сегодня ключевых проблем. Скажем, в ноябре истекает срок действия программы «Нефть на продовольствие». Продолжать рационирование, не продолжать? Вводится в октябре новая валюта, а какую после этого проводить денежную политику, политику валютного курса? Готовится донорская конференция в Мадриде, а с чем, собственно говоря, ехать на донорскую конференцию, что там просить, что говорить о том, какую мы будем проводить политику? Хорошо, у нас та, старая налоговая система Ирака, очевидно, не соответствует новым реалиям. Какую новую примерно строить?

Ведущий: *Подождите, а кто на эти вопросы дает ответ? Вы лично или какой-то консилиум?*

Егор ГАЙДАР: Окончательные решения все равно остаются за иракскими властями. Мы же не решаем за них. Мы принимаем участие в обсуждении, мы говорим, какие есть альтернативы, к чему обычно приводит то или иное решение, что, скорее всего, будет разумно исходя из нашего понимания ситуации в Ираке. А решать-то, конечно, предстоит им.

Ведущий: *Все-таки какие меры, проведенные в России, Вы считаете ошибочными?*

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что масса была технических ошибок, скажем так, сочетание жесткой денежной политики и мягкой бюджетной в 1995–1998 гг. — ошибка или нет? Это не ошибка, это просто политические реалии того времени. Не понимали те, кто про-

водил эту политику, что это опасно? Понимали. Надеялись, что удастся урегулировать проблемы с ужесточением бюджетной политики, но в парламенте этого не получилось. В результате получили взрыв 1998 г., т. е. подобного рода вещей было, конечно, очень много в нашей истории. Если бы мы вырабатывали экономическую политику в вакууме, т.е. сели бы мы, реформаторы, и сказали: так, будем делать это, это, это в такой-то последовательности, вперед, ребята, выполняйте. Это как в раю жить. Так, к сожалению, не бывает. У вас есть парламент, парламентское большинство, президент со своими представлениями о жизни, регионы, губернаторы, сложная политическая борьба. В связи с этим мы говорили на конференции прежде всего о том, что вопрос проведения экономической политики, экономических реформ в той ситуации, которая сложилась сегодня в Ираке, так же как и в той, что сложилась в начале 1990-х в России, — это в первую очередь не вопросы экономической техники. Да, есть много технически важных вопросов, но в первую голову это вопросы политики, вопросы о том, что можно сделать. В этом, собственно, и была наша позиция, и точно такая же позиция была у иракских специалистов.

Ведущий: *На Ваш взгляд, после того как Вы там побывали, Вы для себя ответили на вопрос, должна ли в принципе Россия участвовать в экономическом восстановлении Ирака?*

Егор ГАЙДАР: Я считаю, что должна. Россия имеет там свои интересы, Ирак потенциально очень богатая страна. Не все знают, что в 1979 г. ВВП Ирака, подушевой, естественно, был равен ВВП Италии или Австралии. Правда, сейчас он равен подушевому ВВП Конго, но это отдельная история. Так что потенциал роста там огромный, потенциал спроса на продукцию, в том числе российскую, есть. У нас там заключены контракты, в том числе не с иракскими властями, а в рамках программы «Нефть на продовольствие» еще с ООНовской администрацией. У нас есть много просто запущенного в производство. Мы можем это сделать быстрее, чем кто бы то ни было, потому что уже есть чертежи, часто опытные экземпляры и т.д., стоит много дешевле. В связи с этим, конечно, я убежден, что мы заинтересованы в том, чтобы участвовать в восстановлении.

Ведущий: *В материальном отношении нужно вкладывать туда деньги России или нет? Или ограничиться консультацией?*

Егор ГАЙДАР: Сейчас вкладывать деньги в Ирак вообще достаточно сложно. Иракские власти на конференции МВФ и Мирового банка в Дубае представили свой новый Закон об иностранных инвестициях. Раньше, при Саддаме, инвестиции были запрещены, сейчас они предложили закон, который легализует иностранные инвестиции, это шаг в правильном направлении, только не надо иллюзий. При том уровне законности и порядка, безопасности, который ощущается в Ираке, надежда на то, что туда сейчас потекут потоком иностранные инвестиции, конечно, малоосновательна.

Ведущий: *Давайте я опять обращаюсь к вопросам, потому что их очень много. «Можно ли по итогам конференции сделать вывод о наличии концепции развития Ирака, если да, то как Вы ее оцениваете, Ваш прогноз развития событий». Спрашивает Марина Волкова из Челябинска.*

Егор ГАЙДАР: Во-первых, о характере самого мероприятия. Дело в том, что английское слово «конференция» на русский переводится двумя разными словами. Это «конференция» и «совещание», близкого нет к этой двузначности. У нас нельзя сказать, что мы провели конференцию по проблемам восстановления пятого энергоблока. Точно так же нельзя сказать, что мы провели совещание по вопросам новых направлений в теоретической физике.

Ведущий: *То есть либо круглый стол, либо совещание.*

Егор ГАЙДАР: Совершенно верно. На самом деле это скорее совещание, там не обсуждались вопросы теории, там обсуждались вопросы, что делать, допустим, 26 октября или 28 ноября.

Ведущий: *По конкретным датам?*

Егор ГАЙДАР: Конкретные даты, когда что-то происходит, 28 ноября, скажем, истекает срок действия программы, а 26-го будет проходить совещание доноров, тогда-то вводится новая валюта, все это скорее совещание, чем конференция. Второе, конечно, все в самой начальной стадии. В общем и американцы, и иракские власти в первые месяцы занимались исключительно вопросами наведения элементарного порядка и обеспечением снабжения населения продовольствием, восстановлением инфраструктуры. И эти задачи сейчас еще не решены. Первые шаги в области экономической политики сделаны буквально в последние дни. Вопросы более стратегические, скажем налоговая система, перестройка ее, только в самой первоначальной стадии обсуждения, т. е. очень понятна

повестка дня, понятно, что придется делать, по каким направлениям идти, но то, что пока сделано, — это скорее обсуждение первоочередных, неотложных шагов. Мы договорились о том, что, когда встанет вопрос о следующих шагах, вполне возможно, мы снова соберемся для их обсуждения. Мне кажется, это будет полезно.

Ведущий: *Люди там работают вообще, на работу ходят?*

Егор ГАЙДАР: Люди там ходят на работу. Там, конечно, сейчас огромная безработица, усиленная демобилизацией армии, увольнениями людей, близких к старому режиму. И так-то была высокая, сейчас, конечно, гораздо выше.

Ведущий: *А зарплаты выплачиваются?*

Егор ГАЙДАР: Зарплаты выплачиваются, более того, сейчас они начали выплачивать как бы компенсацию тем, кто был уволен, 20 долл. обычно, это для большей части Ирака, конечно, немного, но хоть что-то. Правда, в Курдистане цены повыше, там жизнь дороже, и это совсем мало. Но в Курдистане и работающих больше.

Ведущий: *Дальше смотрим. Вопросы, связанные с безопасностью. Вопрос, конечно, несколько издевательский, но, мне кажется, темы этой стоит коснуться. Кузьма Фишман, даже имя и фамилия говорят сами за себя: «Уважаемый Егор Тимурович, согласившись на сотрудничество с американскими оккупационными войсками, Вы не боитесь, что Вас убьют в Багдаде? Что Вы в связи с этим намерены предпринять?» Давайте, так скажем, о мерах безопасности, необходимы они?*

Егор ГАЙДАР: Они вообще там необходимы, конечно. Наша поездка была организована достаточно безопасно, и я считаю, что это одна из самых безопасных моих поездок в горячие точки. Мне приходилось бывать в массе мест — от Ингушетии и Осетии до Белграда 1999 г., это одна из самых безопасных поездок. Там, собственно, опасно по-настоящему 20 минут, когда на тебя надевают бронезильт и каску. Действительно, опасно, но ничего страшного. Но в общем, конечно, там достаточно опасно. Дело в том, что американская система безопасности основана на системе фортов: безопасна зона аэропорта, безопасна зеленая зона в центре Багдада. Между ними опасно. А выйдешь за нее, там совсем опасно. Конечно, там как бы есть два подхода к обеспечению безопасности. Первый из них традиционно предлагает ООН. Один мой хороший друг, он сейчас тоже участвовал в этой конференции, Марек Домбровский,

только в августе был по просьбе Мирового банка в Багдаде неделю, готовил там для них соображения, сейчас тоже об этом говорил на конференции. Его инструктировали перед отъездом. Самое опасное — быть рядом с американцами. Не надо быть в американских конвоях, не надо быть рядом с американским патрулем, рядом с охраняемыми американцами объектами, и тогда в общем более безопасно. Эта концепция не подтвердилась, потому что через три дня после того, как он оттуда уехал, была взорвана миссия ООН, где погибло около 100 человек, позавчера еще раз там взорвали миссию ООН. У американцев другая линия, они пытаются в максимальной степени обезопасить свой персонал и тех, кто с ним работает. В общем у них это получается. Но это значит, что, как только ты выходишь за эту зону, туда, где много людей, там, конечно, опасно, там стреляют, взрывают.

Ведущий: *Следующий вопрос от Михаила. «Успешное развитие большинства развитых стран стало возможным благодаря доведению до относительного максимума четырех факторов: рынок труда, рынок капитала, доступ к информации, институты государства. Как Вы думаете, какой из этих факторов и почему будет самым проблематичным для Ирака? И какой из этих же факторов и почему был и есть самый проблематичный для России?»* Профессиональный вопрос.

Егор ГАЙДАР: Абсолютно профессиональный, абсолютно правильный вопрос. Собственно, об этом мы там и говорили. Поэтому опыт России интересен. Особенно четвертый фактор — это институты государства. Дело в том, что главная проблема, которая стояла перед нами в 1991–1992 гг. в России и которая сегодня стоит перед иракскими властями — это то, что крах тоталитарного режима означает вместе с тем крах всех институтов государства, которые были с ним неразрывно переплетены, это значит крах системы, которая обеспечивает законность и порядок, пусть отвратительную законность и мерзостный порядок.

Ведущий: *Россия после СССР.*

Егор ГАЙДАР: Совершенно точно. После этого либо милиция разбежится, либо полиция, либо она перестает работать. Правосудие, которое раньше осуществлялось, просто перестает функционировать, контракты не выполняются. Все это важнейшие реалии России 1991 г. и важнейшие реалии сегодняшнего Ирака.

Ведущий: *Но эту проблему вы точно решить не сможете, поскольку это проблема как раз, наверное, американской администрации в первую очередь?*

Егор ГАЙДАР: Конечно. Не только американской администрации, вообще иракских властей, да, это правда. Но дело в том, что это как раз создает фон экономической политике. Когда приезжает специалист из хорошо устроенной, стабильной страны, где работают суды, контракты, стабильная валюта, и начинает рассказывать, как надо вести экономическую политику в стране, где всего этого нет, все это очень интересно. Неудивительно только, что это не работает. Но это же не значит, что, если у вас всего этого нет, вы должны скрестить руки и сказать: ну что же... Значит, надо учиться проводить экономическую политику в условиях слабых государственных институтов. Мы это делали в начале 1990-х, тяжело, это трудное занятие. Это очень тяжело, это опасно, но это нужно сделать, мы, в конце концов, пришли к тому, что стабилизировали и государственные институты, и экономику. На это потребовалось время. В Ираке тоже для этого потребуются время. И надо понимать (и они потихоньку приходят к этому пониманию), что то, что у них сейчас так тяжело с функционированием государства, это не просто потому, что какие-то недоумки пришли. Они, может, где-то и сделали ошибки, но это объективная проблема. Если бы они выбрали лучших людей, которые бы принимали только лучшие решения, все равно проблемы, связанные с обеспечением законности, порядка, а в связи с этим проблемы функционирования инфраструктуры сохранялись бы немалое время. Проблема в том, что разворовали все и продолжают разворовывать, неся из электростанций, из госпиталей, из университетов. Конечно, надо делать все возможное, чтобы как можно быстрее восстановить эти институты. Но надо понять, что этого с сегодня на завтра не делает никто.

Ведущий: *Скажите, пожалуйста, мы все время проводим аналогии с Россией в целом, но мы совсем забыли про Чечню, в этом регионе можно решить проблемы прежде всего экономического характера теми же способами?*

Егор ГАЙДАР: Чечня — это совершенно другая история, чем Ирак, конечно.

Ведущий: *Но факторы там те же.*

Егор ГАЙДАР: Нет, там все-таки все очень и очень по-другому. Когда мы обсуждали иракские проблемы, а там принимал участие набор людей, который знает друг друга с конца 1980-х гг. и вместе с которым в то время обсуждали, что будет происходить в Восточной Европе, у нас еще где-нибудь в 1989 г., мы просто поражались, до чего проблемы сегодняшнего Ирака, которые ставят перед нами сами иракцы, похожи на те, которые мы обсуждали тогда, а потом решали. Чечня — это отдельная история, при необходимости я готов о ней поговорить, но она совсем другая по природе.

Ведущий: *Вопрос неожиданный, связанный с Россией и с политикой. «Будет ли СПС выдвигать кого-то на выборах мэра Москвы?»*

Егор ГАЙДАР: Мы еще не приняли, по-моему, решения по этому поводу.

Ведущий: *Поздно уже, скоро выборы, нет? Осталось-то всего ничего. Кириенко же был на прошлых выборах.*

Егор ГАЙДАР: У нас этот вопрос будет обсуждаться на политическом совете, а какое решение политический совет примет, посмотрим.

Ведущий: *Коротко и ясно. Я смотрю последние вопросы, которые приходят нам на пейджер, остается у нас буквально две минуты до конца нашей встречи. «Как Вы относитесь к намерению американцев распродавать государственную собственность в Ираке, можно ли это считать законным и долговечным?» Спрашивает Николай. Кстати, пишет: «...Во Франции после войны все сделки, заключенные при немцах, были аннулированы».*

Егор ГАЙДАР: Нет такого намерения, нет такого решения у американцев продавать собственность в Ираке. Обсуждается вопрос о том, нужно ли проводить приватизацию или нет, в какие сроки проводить приватизацию, но в любом варианте решения по этому вопросу должны принимать иракские власти. Есть Гагская конвенция о правах и обязанностях оккупационных властей, и у них масса прав и обязанностей, связанных с обеспечением текущей жизнедеятельности, снабжением продовольствием, обеспечением функционирования инфраструктуры, с взиманием налогов. Но подобного рода структурные реформы, такие как приватизация, по-моему, в Гагскую конвенцию никак не укладываются.

Ведущий: *Я смотрю на вопросы, которые приходили во время нашей с Вами встречи, вообще удивительно, как меняется мнение на-*

рода. Вам все время инкриминируют, что Вы развалили, разграбили, разворовали, сделали нищими. А теперь пишут, что Ирак-то Вы готовы восстанавливать, а почему Вы российскую экономику не восстанавливаете? Где же Ваш патриотизм, Егор Тимурович?

Егор ГАЙДАР: Я продолжаю заниматься проблемами российской экономики все время после того, как ушел из правительства, я продолжаю заниматься ими и как директор института, который довольно активно работал и работает над программами реформ в самых разных областях. И сейчас мы готовим новую программу реформ, которая, на наш взгляд, может быть реализована в рамках следующего «окна возможностей» после президентских выборов. Сейчас, я уже говорил в прошлый раз, когда мы беседовали с Алексеем Венедиктовым, сейчас выборы, сейчас не до реформ никому.

Ведущий: *Ну что же, я желаю Вам удачи. Скажите, когда следующий визит Ваш в Ирак?*

Егор ГАЙДАР: Мы договорились, что соберемся при необходимости. Сейчас, скажем, был блок срочных вопросов. Дальше возникнут вопросы более стратегические, например, когда придется решать, что делать с налоговой системой, с финансовой системой в целом. Тогда при необходимости мы снова соберемся.

Ведущий: *Спасибо большое, это Егор Гайдар, который был нашим гостем, как и обещал. Человек выполняет свои обещания, за что ему отдельное спасибо.*

Егор ГАЙДАР: Спасибо.

Может ли опыт России быть полезен Ираку

*Радиостанция «Радио России».
Передача «Открытая студия». 23 сентября 2003 г.*

Ведущий — Николай Сванидзе

Ведущий: *У нас в гостях Егор Тимурович Гайдар, который только что прилетел из Ирака. Вы в Багдаде были, Егор Тимурович?*

Егор Гайдар: Да, Николай Карлович, в Багдаде.

Ведущий: *Известно, что Гайдар был приглашен в Багдад не в качестве политика, а в качестве экономиста на предмет участия в разработке решения тех задач, которые сейчас стоят перед иракской экономикой. Я правильно все сказал?*

Егор ГАЙДАР: Да, Вы абсолютно правильно сказали. С нашим совещанием в Ираке была масса недоразумений, и не только в России — во всех восточноевропейских странах, откуда приглашали экспертов. Практически в каждой из них — при том что к реформаторам везде отношение неоднозначное — прошла почему-то информация, будто нас позвали руководить восстановлением экономики Ирака. А это не соответствует действительности. Нас позвали туда посоветоваться. Руководить же восстановлением экономики Ирака должны, разумеется, иракские специалисты, тем более что хорошие специалисты там есть. Я об этом слышал, я об этом читал, и я в этом убедился. Мы подробно обсуждали многие экономические темы. Повторю: в Ираке есть хорошие, квалифицированные, подготовленные специалисты. Но ведь и в Советском Союзе были в 1990 г. квалифицированные кадры. Только никто из них не имел опыта экономической политики, экономических реформ после краха социализма. Ни один специалист его не имел — не было в при-

роде такого опыта. Собственно, в Ираке тоже опыта, необходимого для проведения нужной на нынешнем этапе экономической политики, нет. Не пришло еще понимание того, что надо делать. Именно поэтому здесь очень ценен диалог.

А у нас в постсоциалистических странах огромный опыт ошибок, побед, решений, который мы накопили. Всегда самое разумное — учиться на чужих ошибках, извлекать из них уроки и вместе с тем использовать лучший опыт, а не пытаться повторить все снова, снова пройти по всем возможным развилкам. В связи с этим идея посадить вместе иракских специалистов, которым предстоит вырабатывать политику — денежную, налоговую, финансовую, таможенную, в отношении собственности и т.д., и тех людей, которые проводили реформы практически, — такая идея была, мне кажется, правильной. Интересно, что сам круг вопросов и аргументация, которая приводилась в том числе иракскими коллегами, поразительно напоминали все, что мы обсуждали в 1989–1991 гг.

Ведущий: *Кто Вас пригласил?*

Егор ГАЙДАР: Меня пригласил руководитель временной администрации в Ираке Пол Бремер.

Ведущий: *Кого еще пригласили, кроме Вас?*

Егор ГАЙДАР: Там было несколько человек, всех я прекрасно знаю. Эти люди, с большинством которых мы познакомились еще в 1980-е, имеют опыт практического осуществления реформ. Приехали, в частности, руководители центральных банков ряда стран — и ныне действующие, и бывшие...

Ведущий: *Западных?*

Егор ГАЙДАР: Нет, восточноевропейских. Были бывшие министры экономики, заместители председателей правительства по экономике, министры финансов. Скажем, действующий министр финансов Сербии и Черногории Джелич, молодой, но прекрасный специалист, его я знаю тоже с конца 1980-х. Кстати говоря, сербский опыт для Ирака очень полезен — в обоих государствах ситуация в чем-то весьма сходная: и та и другая страны долго были «под санкциями»; и в той и в другой была разрушена инфраструктура; и в той и в другой были расстроены финансы... Государство, которое называется сейчас «Сербия и Черногория», выходит из кризиса успешно.

Ведущий: *Перед Вами стоит задача разовая? То есть Вы съездили, посмотрели, что-то посоветовали, участвовали в разговоре и все? Или Вы продолжите работу?*

Егор ГАЙДАР: Нет, мы договорились о том, что будем проводить такие встречи снова, как только перед коллегами, работающими в Ираке, опять встанут проблемы серьезного выбора на новых экономико-политических развилках.

Сейчас же обсуждали планы на три первых месяца. Кончается срок действия программы ООН «Нефть на продовольствие», надо размораживать цены — как проводить компенсацию? Вводится новая валюта — иракская, которая заменит и существующие иракские динары, и так называемый швейцарский динар, который имеет хождение в Курдистане. Какую после этого проводить денежную политику, какую политику валютного курса? Пройдет конференция доноров в Мадриде. А, собственно, какие проблемы следует ставить перед донорами, что говорить им о перспективах экономической политики?

Вот те практические вопросы, которые обсуждались. Мы обсуждали и некоторые более долгосрочные проблемы, например, как в принципе формировать налоговую систему. Она была при Хусейне весьма своеобразной. Американцы, попав в Багдад в первый раз, попытались ее изучить, но вскоре поняли, что разобраться не в состоянии. В первом документе, написанном ими по этому поводу, говорилось, что эта налоговая система очень похожа, как ни странно, на советскую. В действительности на советскую она не похожа, но тем не менее любому западному экономисту понять ее сложнее, чем нам. И нам проще разобраться, что с ней делать.

Ведущий: *Вы мне поясните вот что. Россия 1992 г. и Ирак сегодня — страны ведь совершенно разные. Нет такого ощущения, что есть известный охотник на слонов, который перебил дикое количество этих млекопитающих, а у нас столько тараканов в доме, что жена боится ночью ноги с кровати спустить. И охотнику на слонов предлагают заняться этой проблемой?*

Егор ГАЙДАР: Ирак 2003 г. лучше сравнивать с Россией не 1992 г., а конца 1991 г. Различий много, очень много: у нас была внутренняя революция, там — внешнее воздействие, направленное на устранение режима; у нас было ослабленное свое правительство, там — оккупационная администрация; у нас другие традиции, другая религия... Все так, но при всех очевидных различиях есть фун-

даментальные стороны жизни, которые я видел в 1991 г. в России и знал, что увижу их точно такими же в 2003 г. в Ираке.

Что принципиально важно и тут, и там? Это рухнувший тоталитарный режим. У нас он рухнул в силу собственных, внутренних наших причин. В Ираке его устранила коалиция. Но в обоих государствах происходит крушение тоталитарного режима. А люди, которые не переживали крушения тоталитарного режима, не понимают, что это такое. Они думают, что это красиво. Они не понимают, что режим, конечно, отвратителен, кровав, ужасен, но...

Ведущий: ... *Но это режим.*

Егор ГАЙДАР: Это режим, это государство. Оно хуже или лучше. Там убивают диссидентов, но государство обеспечивает порядок на улицах, присутствие полицейского, то, что тебя не грабят в доме, то, что у тебя хотя тяжело и с перебоями, но есть вода и электроснабжение, то, что как-то у тебя есть доступ к продуктам питания, что хоть как-то, ужасно, но функционирует правовая система. И вдруг все это рушится, как картонный домик.

Если уж вести об этом речь, параллели прослеживаются не только между Ираком 2003 г. и Россией 1991 г. Если Вы перечитаете сейчас свежим взглядом либеральные журналы, которые продолжали выходить в России в конце 1917 — начале 1918 г., когда еще была относительная свобода слова, то все они пронизаны одной мыслью: как же так, мы же думали, что, когда рухнет этот отвратительный, коррумпированный, мерзкий царский режим, все пойдет хорошо? А что получилось? Исчез городской, и нас начали грабить прямо у нашего дома. И к тому же начались перебои с электроэнергией и стало совсем трудно с продовольствием. Почему?! Доминировало именно это чувство, и я, скажу откровенно, ждал, что встречу с тем же доминирующим чувством сегодня в Ираке. Как же так, вопрошают сегодня иракцы, был отвратительный режим, мы-то думали, что, когда он рухнет, тут-то счастье и наступит.

Ведущий: Причем сразу.

Егор ГАЙДАР: Сразу. В результате начались массовые грабежи, было разграблено и многое из того, что необходимо для функционирования: школы, госпитали, университеты, диспетчерские пункты. В результате развал всей инфраструктуры, не подающееся электричество, не поступающая вода, беспорядки на улицах, отсутствие безопасности.

И нет такого великого организатора и политика, который, если у вас сегодня рухнул режим, построит к завтрашнему дню другие институты. Если разбежались городовые, к завтрашнему дню эффективно функционирующая милиция у вас не появится. Так не бывает. Для этого нужно много времени и постоянство усилий.

Была единая система. Как у Саддама обеспечивалось электро-снабжение? Конечно, электроэнергетика понесла тяжелейший урон не во время последней кампании, а во время кампании 1991 г. Мощности резко сократились, очень мало было инвестиций, дикий износ оборудования... Тем не менее давалась директива: чтобы в Багдаде электроэнергия была; не будет в Багдаде электроэнергии — пойдешь к стенке. И кого-то там отключали (не Багдад, другие города), подсоединяли, нарушая все нормы безопасности, используя аварийное оборудование, но как-то, хуже-лучше, а свет был.

Ведущий: *Классические приемы, сталинские, по-своему эффективные...*

Егор ГАЙДАР: Да. Теперь же нельзя сказать: «Не будет в Багдаде электроэнергии — я тебя к стенке поставлю». Обслуживающий персонал ведет себя не так, как при диктаторе. Люди говорят: «Это оборудование нельзя эксплуатировать. Посмотрите, на каком оборудовании мы работаем. Мы что, идиоты, что ли, чтобы нарушать все нормы безопасности? Лучше этот агрегат отключить».

Вот это то, что сближает очень сильно ситуацию в России 1917–1918 гг., 1991 г. и в Ираке 2003 г. При всех различиях.

Ведущий: *Ну, применительно к 1917–1918 гг. сопоставление, наверное, относительно, потому что как раз тогда не рухнула тоталитарная система.*

Егор ГАЙДАР: Тогда рухнул авторитарный режим, который вместе с тем тоже был государством. Вместе с крушением авторитарного режима произошло крушение государства. Главное, что объединяет все эти случаи, — вы оказываетесь в ситуации, когда урбанизированное общество, цивилизованное, которое на самом деле очень хрупко...

Ведущий: *Ирак — урбанизированное общество?*

Егор ГАЙДАР: Именно. Ирак — это совершенно не Афганистан. Ирак — урбанизированное общество. В Ираке в 1979 г. ВВП на душу населения имел ту же величину, что в Италии или в Австралии. Правда, благодаря высоким ценам на нефть.

Ведущий: *В каком году?*

Егор ГАЙДАР: В 1979 г., к началу иракско-иранской войны ВВП душевой в Ираке был...

Ведущий: *Как в европейской стране?*

Егор ГАЙДАР: Как в Италии и Австралии.

Ведущий: *Мама дорогая!*

Егор ГАЙДАР: Конечно, это было из-за высоких цен на нефть и продолжалось сравнительно недолго...

Ведущий: *Но это был именно тот средний ВВП, который, как средняя температура...*

Егор ГАЙДАР: Конечно, но тем не менее. Это были огромные деньги, они частично были вложены в инфраструктуру. В Ираке и сейчас хорошие дороги — европейского класса. А все остальное начало разрушаться. Это урбанизированное общество, где большая часть населения живет в городах и зависит от свойственной современным городам деликатной инфраструктуры. Это совершенно не Афганистан, где значительная часть населения кочевала, кочует и будет кочевать еще долго независимо от того, как меняется режим в Кабуле. Вот в этом иракском урбанизированном обществе — деликатном, хрупком — есть какой-то порядок и вдруг — вся структура рушится. Первое. Нужно время, чтобы ее восстановить, постоянство усилий. Второе. Обманутые ожидания: наконец-то рухнул отвратительный режим, все должно идти как будто к лучшему, но идет-то к худшему.

Ведущий: *Свергли трех толстяков, теперь все должно...*

Егор ГАЙДАР: ...да, все должно быть замечательно, все ликуют, ликуют, ликуют... Отликовались. Электричества нет, воды нет...

Ведущий: *Надо ходить в школу, все дорожает, надо жить...*

Егор ГАЙДАР: И за новыми институтами не стоит длительная традиция их легитимности. Они не существовали вчера, их не было год назад, два года назад, десять лет назад, двести лет назад. Они только сейчас кое-как слеплены. Кстати говоря, а как границы были проведены между разными частями страны? Диктаторский режим как-то их устанавливал, а легитимны ли они сейчас? Не надо ли нам повоевать немножко, чтобы выяснить, кому должны принадлежать, скажем, те или иные нефтяные поля?

Все это реалии рухнувшего тоталитарного режима. И недовольство общества, и слабость государства неизбежны. Оно может состо-

ять из лучших людей, самых сильных, но в целом государство будет все равно слабым.

В чем наш опыт может оказаться в такой ситуации действительно полезным — это, на мой взгляд, прежде всего в том, что он подсказывает: не надо рвать на себе волосы, нельзя говорить: «Если так, я немедленно уйду в отставку» или: «Я вообще не беру на себя ответственность, потому что как можно проводить экономическую политику, когда у нас нет нормальной полиции» и т.п. А надо тем не менее работать, брать на себя ответственность, думать, с помощью какого набора мероприятий, за которые тебя будут многократно ругать и называть разными нехорошими словами, улучшить положение. Одним словом, создавать базу для стабилизации не в той ситуации, когда все замечательно и есть все государственные институты, а создавать ее шаг за шагом теперь, после краха режима. Подумать, какую курсовую политику построить, что сделать с налоговой системой...

Ведущий: *На Ваш взгляд, когда эта база для стабилизации может быть создана в Ираке и насколько она будет прочной, серьезной?*

Егор ГАЙДАР: Очень трудный вопрос. Я могу только сказать, что этого не произойдет с сегодняшнего дня на завтрашний, как и с нынешнего месяца на следующий. Это вообще вопрос не нескольких месяцев. Это вопрос лет. Если хотите — вопрос постоянства усилий на годы.

Ведущий: *Все в сравнении. Восточная Германия до сих пор не сравнялась с Западной по экономическому развитию, хотя прошло уже много времени, а это Германия. Поэтому ясно, что речь идет о годах. Но о скольких?*

Егор ГАЙДАР: Боюсь гадать. Дело в том, что все мы в свое время ошибались. Каждый из ведущих экономистов, который проводил реформы, имел свою гипотезу о том, сколько времени понадобится для стабилизации положения и начала экономического роста. И мы все ошибались. И Лешек Бальцеревич¹, и я, например, начиная реформы соответственно в Польше и России, примерно в 2 раза ошибались в оценке времени, которое понадобится, чтобы...

¹ Лешек Бальцеревич — польский экономист и политик. Будучи в 1989–1991 гг. вице-премьером и министром финансов Польши, а также главой Экономического комитета при правительстве страны, возглавил проведение экономических реформ в Польше. В 1997–2000 гг. снова находился на должностях вице-преьера и министра финансов, в 2001–2007 гг. — председатель Национального банка Польши. Относится к числу высокоавторитетных экономистов в мире. — *Прим. ред.*

Ведущий: *Ошибались в оптимистическую сторону?*

Егор ГАЙДАР: Да, в оптимистическую. Допустим, он думал, что потребуется полтора года, а оказалось — три. Я думал, что три, а оказалось шесть.

Ведущий: *Понятно.*

Егор ГАЙДАР: В связи с этим давать точный прогноз не берусь.

Ведущий: *Вопрос не как к экономисту. О том, что касается Ирака и параллелей с нашей страной, с нашей недавней историей. Ведь, насколько я понимаю, Ирак оказался сейчас в той же ситуации, в которой были мы не только экономически, но и идеологически, потому что возникла пустота идеологическая в нашей стране после того, как рухнул Советский Союз. Была империя и была партия. Так или иначе, пусть многие люди были недовольны и рассказывали анекдоты про Брежнева, но ощущение, что ты часть империи, ощущение, что есть некое дело, которому ты, может быть, и не очень веришь, но власть эта уже, черт возьми, несколько десятков лет правит, и конца этому пока не видно, — вот это ощущение как-то изнутри грело очень многих людей. Оно исчезло.*

В Ираке был великий и любимый вождь. Он тоже исчез. Он оказался плохой, как Сталин оказался плохим в 1956 г. Что на смену? В России пока что эта проблема остается, потому что есть, с одной стороны, такая замена, как традиционная религия, православие в основном, потому что большая часть населения по религиозной принадлежности православные, если у кого есть вообще религиозная принадлежность. Это особый разговор. Есть, скажем, какая-то этика западная, которая очень трудно прививается в нашей стране, потому что у нее нет никакой базы. В Ираке ислам. Ирак, как известно, из всех арабских стран далеко не самая исламская, но тем не менее. Ислам сейчас на той стадии развития, когда он по энергетике, по экспрессии напоминает христианство периода раннего Средневековья и крестовых походов, т. е. эта религия сейчас пустот не оставляет. Вероятно, именно ислам, причем достаточно жесткий вариант ислама, может занять пустующее место в государственной идеологии в Ираке. Как Вам кажется?

Егор ГАЙДАР: Это возможный вариант развития событий, но он несовместим с сохранением Ирака как единого государства. Дело в том, что Ирак — это страна, где есть шиитское большинство, которое, правда, никогда не было элитой, и суннитское меньшинство,

в свою очередь разделенное на суннитское арабское и суннитское курдское. Ислам — это религия, очень тесно связанная с законом. Если вы пытаетесь строить государственную идеологию на догматах ислама, то должны совместить в той или иной форме, достаточно жестко, законы с исламом. Писанный закон шиитский и писанный закон суннитский — это разные законы. Если вы попытаетесь построить государство на шиитском законе, я вас уверяю, что никогда в жизни вы не сохраните целостность Ирака.

Ведущий: *Курдистан отойдет?*

Егор ГАЙДАР: Курдистан отойдет, и вполне вероятно, что отойдут другие суннитские территории. Если вы попытаетесь построить на суннитском законе, у вас возникнут очень тяжелые проблемы с шиитами юга. Поэтому, скажем, в добаасистские времена, во времена конституционной монархии Ирак был светским государством.

Ведущий: *Добаасистские времена, я поясню, имеется в виду до правящей партии Баас, лидером которой как раз был Саддам Хусейн.*

Егор ГАЙДАР: Совершенно верно. Традиция секуляризма, отделения церкви от государства в Ираке насчитывает десятилетия. В эту традицию Саддам и не привнес ничего, он ее просто наследовал, понимая, что так можно править. А путь к превращению Ирака в религиозное государство с опорой, скажем, на шиитское большинство — это неизбежный путь к гражданской войне и развалу страны.

Ведущий: *А противоречия между двумя направлениями ислама в данном случае настолько остры, что объединение практически невозможно.*

Егор ГАЙДАР: Это как обычно: самые худшие враги — это самые близкие к тебе по убеждениям люди. Это как Владимир Ильич Ленин прекрасно показал, как Иосиф Виссарионович Сталин...

Ведущий: *Конечно. Точно так же как и противоречия, скажем, между католицизмом и православием...*

Егор ГАЙДАР: Гораздо легче некоторым сторонникам узкохристианских течений принять буддиста, чем...

Ведущий: *Или даже мусульманина...*

Егор ГАЙДАР: ... или даже мусульманина, чем представителя другого направления в христианстве.

Ведущий: *Да, конечно.*

Егор ГАЙДАР: Он конкурент в борьбе за потенциально ту же паству.

Ведущий: *Ну, хорошо. А чем эта лакуна заполнится, на Ваш взгляд?*

Егор ГАЙДАР: Опять-таки очень трудный вопрос, и таким вот трудным он будет оставаться многие-многие годы. Что здесь важно? Конечно, интеллигенция — элита иракская, по меркам арабского мира хорошо образована, интегрирована в мир, у нее светская ориентация, хороший, как правило, английский язык унаследованный...

Ведущий: *Сохранилась еще такая интеллигенция? Как же ее не вырезали?*

Егор ГАЙДАР: Да, не вырезали. Часть приехала из эмиграции, конечно. Все-таки в Ираке традиция хорошего англоязычного образования сохранилась с колониальных времен. Проблемы общения на английском языке, которая была бы во многих других местах мира, скажем, в государствах, образовавшихся из Советского Союза, там нет. И видно, что в Ираке много людей, которые более-менее представляют себе, что такое современный мир, людей, прилично образованных. Мне все-таки кажется, что возможна тяжелая, но постепенная эволюция Ирака в направлении создания достаточно гибкой федерации с некими составными частями — в основном Курдистан и остальной Ирак (не знаю, с выделением суннитской и шиитской частей или нет), в направлении светского федеративного государства, ориентированного на модель развития а la Турция. Это оптимистический сценарий для Ирака. Но он, конечно, не гарантирован.

Ведущий: *А, на Ваш взгляд, американцы уйдут оттуда в обозримом будущем? Это ведь для них такая обуза на самом деле...*

Егор ГАЙДАР: Знаете, я ведь был противником операции в Ираке, и это хорошо известно, в том числе моим американским друзьям. Я был ее противником не потому, что считал режим Саддама Хусейна хорошим, — я знал, что он отвратителен, мерзостен, кровав, что он принес иракскому народу страшные лишения. И не потому я был противником этой операции, что считал, будто там разразится полномасштабная кровопролитная война. Нет, я разговаривал с лучшими специалистами по Ираку и в России, и в США

задолго до того, как все это началось, ну за год примерно, и они мне в один голос говорили: «Никто не будет умирать за Саддама Хусейна».

Но на мою позицию влияние оказали следующие два обстоятельства.

Первое. Я был убежден, что этой операцией американцы сигнализируют миру не о том, что не следует быть кровавым диктатором, а о том, что, если ты кровавый диктатор, так обзаведись как можно быстрее ядерной бомбой. Последующее развитие событий, в том числе в Северной Корее, подтверждает обоснованность моих опасений.

Второе. В отличие от американцев я понимал: там обязательно будет происходить все то, что мы увидели впоследствии, потому что я 1991 г. прожил в России, а они нет. Они думали, что вот придут в Ирак, достаточно быстро наведут там порядок, создадут администрацию иракскую...

Ведущий: ... и машинка заработает.

Егор ГАЙДАР: Да. Оказалось не так. Ни в коей мере не злорадствую, но увязли там американцы хорошо. Оказалось, что идея быстренько все в Ираке наладить и уйти, увы, неосуществима. И раз уж вы туда вошли, то, хочется вам или не хочется, придется довольно долго заниматься обеспечением безопасности, добиваться, чтобы там действительно начали функционировать собственные институты, чтобы появилась иракская полиция, иракская армия, легитимное иракское правительство... А выскочить обратно, сказав, что зашли сюда, мол, случайно, дальше разбирайтесь сами, — так нельзя.

Ведущий: *Острый был вопрос во время иракской войны и сразу после нее, касающийся нефти: Америка, иракская нефть, мы. Каковы перспективы, на Ваш взгляд: будет ли у нас какой-то доступ к иракским месторождениям, скажется ли американское присутствие в Ираке на ценах на нефть благоприятным для нас образом?*

Егор ГАЙДАР: Ирак действительно потенциально один из важнейших игроков на этом рынке. Важнейших. Восстановление иракского нефтегазового комплекса — это тот фактор, который серьезно изменит ситуацию и, по всей видимости, приведет к снижению цен на нефть. Мы ведь довольно долго боролись за отмену санк-

ций, наложенных на Ирак Советом Безопасности. И я всегда поражался такому альтруизму нашей позиции. Вообще-то политика может, конечно, быть альтруистичной, только надо отдавать себе отчет в том, что она на самом деле альтруистична, и, значит, первыми пострадавшими в финансовом отношении от отмены санкций стали бы мы, как мы же будем первыми пострадавшими с точки зрения финансов в результате стабилизации положения в иракской нефтедобывающей промышленности. Произойдет это потому, что Ирак захочет, естественно, претендовать на свое законное, принадлежащее ему место на общемировом рынке нефти. Случится такое не сразу, потому что иракские нефтепромыслы в очень тяжелом состоянии, добавьте к этим бедам и мелкий саботаж. Но если все будет развиваться более-менее предсказуемо, через два-три года предстоит полномасштабный выход Ирака на мировой рынок нефти, и это, конечно, изменит ситуацию. Значит, надо договариваться. Конкретно я имею в виду вот что. Для нас, откровенно говоря, не так даже важно, получит ли та или другая частная российская компания какие-то иракские месторождения нефти в свою разработку. Разумеется, хотелось бы, чтобы получила, но это вопрос второстепенный, вопрос прибыли, допустим, «ЛУКОЙЛА», которая еще неизвестно в какой степени будет пополнять российский бюджет. Для нас важно, чтобы к моменту, когда нефтяные месторождения Ирака заработают в полном объеме, была возможность диалога. В конце концов, ни Ирак, ни Россия не заинтересованы в том, чтобы цена обвалилась. Мы также не заинтересованы в сохранении экстремального уровня цен на нефть, который был связан с войной или с ожиданием войны. Этого нам тоже не нужно, ни с каких точек зрения не нужно, поскольку лишь расслабляет и провоцирует к тому же «голландскую болезнь», создает трудности для других отраслей экономики. Одним словом, нам не нужно крушения цен по образцу 1986 или 1998 гг. Иракцам обвал цен тоже ни к чему. Значит, надо договариваться. В первую очередь, я думаю, следует искать договоренности с теми иракскими властями, которые будут управлять нефтяным комплексом. Надо сказать, американцы ведут себя в этом смысле деликатно. Мы обсуждали на конференции все возможные важнейшие, острейшие проблемы, связанные с экономикой Ирака, но предварительно все договорились — договорились с подачи, кстати, нынешней временной администрации, — что

тему нефти под углом зрения перспектив ее приватизации вообще не затрагиваем ...

Ведущий: *С подачи администрации...*

Егор ГАЙДАР: Да. Но мы, собственно, и не собирались, да и иракцы тоже этого делать не собирались. Тем не менее представители временной администрации сочли необходимым сразу попросить: давайте, мол, этот вопрос оставим, потому что он очень деликатный. Когда сформируется легитимное иракское правительство, пусть оно и решает, что здесь делать, а мы лезть в это дело не будем.

Такой подход является абсолютно правильным и с политической точки зрения, и с точки зрения правовой. Есть Гагская конвенция, которая регламентирует права и обязанности оккупационных властей. Из нее следует, что они обязаны обеспечивать правопорядок, функционирование инфраструктуры, снабжение продовольствием; имеют право собирать налоги. Но решать стратегические вопросы будущего страны — такие, например, кому будет принадлежать иракская нефть, — оккупационные власти никакого права не имеют.

Ведущий: *На Ваш взгляд, Егор Тимурович, вот если одним мазком так, вот итоги иракской кампании с точки зрения интересов России как на нас сказались в конечном счете: плохо — хорошо — никак?*

Егор ГАЙДАР: Думаю, что принципиального влияния на Россию эти итоги не оказали. Во всяком случае пока не оказали. Все-таки затронута была не совсем наша сфера. Сказать, что кампания сказалась на России хорошо, — нет, этого тоже не скажу. Ничего хорошего.

Ведущий: *Эмоций было много.*

Егор ГАЙДАР: Эмоции в основном были антиамериканские. Но, кстати говоря, если вспомнить насыщенность эмоциями всего, что происходило в Сербии в 1999-м и в Ираке в 2003 г., уровень был совершенно разный. События 1999 г. в Сербии действительно концентрировали, если хотите — сгущали у нас в стране антиамериканские настроения.

Ведущий: *Но здесь две причины. Во-первых, сербы не иракцы, просто все-таки братья, практически родные. А во-вторых, в 1999 г. у нас в России ситуация была другая.*

Егор ГАЙДАР: Да, это тоже правда. Но все-таки ощущение того, что это как бы наше, во время событий в Сербии было. А после событий в Ираке ощущение иное — что все это важно, все мы люди, но это не наше, это все равно другой мир.

Ведущий: Ну, и Бог с ним. Егор Тимурович, есть у меня к Вам еще один вопрос, мимо которого, наверно, сегодня было бы не вполне логично пройти, потому что приближается годовщина событий сентября–октября 1993 г. Вы сыграли вполне определенную роль, и все мы помним роль, которую вы сыграли. Поэтому к Вам вопрос: десять лет прошло, комментариев только с одной стороны, я, честно говоря, кроме Вас, из политиков первого ряда, принимавших участие в событиях с президентской стороны, не могу припомнить никого, кто бы был готов комментировать происшедшее и не отказывался от своей роли. Все остальные либо краснеют и водят застенчиво носком ботинка по земле, либо просто отмалчиваются. И поэтому весь комментарий, вся интерпретация принадлежит другой, проигравшей стороне, называя вещи своими именами. Ваш комментарий к событиям того времени и с чем связано то, что вот так произошло?

Егор ГАЙДАР: Да, это очень интересно, насколько легко мы отдаем историю на откуп своим политическим оппонентам. Я убежден: события сентября–октября 1993 г. в России предотвратили полномасштабную гражданскую войну. Я убежден: то, что мы сумели подавить тогда мятеж крайне опасных сил, — это очень важно для России. В России в начале 1990-х произошла революция. Она свергла отвратительный тоталитарный режим. Всякая революция порождает вначале и хаос, и слабость государства, и борьбу не по правилам. Нет ни одной революции, включая североамериканскую, не говоря уже о французской, английской или русской 1917 г., — ни одной революции, которая проходила бы в соответствии с конституцией предшествующего режима, просто не бывает таких революций. Последняя революция в России тоже предполагала радикальное и разрушающее предшествующие конституционные установления изменение форм общественного и государственного устройства. Россия в 1991–1993 гг. оказалась в кризисе двоевластия, где старые, унаследованные от Советского Союза юридические документы не давали никакого ответа на вопрос о том, а как, собственно, в этой ситуации управлять страной, как ей жить, как распределяются полномочия, кто за что отвечает. Перечитайте сегодня, скажем, Конституцию образца 1991 г. — она же целиком унаследована от Советского Союза. И ведь все понимают, что устроено все, как по старому анекдоту. Имею право? Ну да, имеешь. А могу? Нет, не можешь, потому что есть КГБ, есть КПСС — да кто же тебе позволит самоопре-

делиться вплоть до отделения? Даже смешно об этом говорить. Или право на демонстрации — тоже в Советском Союзе как шутка воспринималось. И вдруг шутка становится основной конструкцией, потому что реально функционирующие структуры власти в России исчезли. А это очень опасно. Сейчас мы говорим об оружии массового уничтожения в Ираке. А я опишу ситуацию сентября–октября 1993 г. Есть на Урале регион, называется Челябинск. Внутри этой области расположены закрытые города — там основные ядерные объекты. Есть глава челябинской администрации Соловьев, есть глава областного совета Сумин. Областной совет назначает выборы главы администрации, суд объявляет их незаконными. Совет тем не менее эти выборы проводит, выигрывает их председатель облсовета — нынешний, кстати говоря, глава администрации. Федеральное правительство считает состоявшиеся выборы незаконными, Верховный Совет РФ — наоборот. Министерство финансов признает полномочия Соловьева. Центральный банк, подчиняющийся Верховному Совету, признает полномочия Сумина. Милиция областная переходит на сторону Сумина. Милиция городская остается верной Соловьеву. Как Вы думаете, в такой ситуации можно жить в ядерной стране, в регионе, начиненном ядерным оружием? И дальше либо все взорвется так или иначе и разнесет все, либо мы должны навести порядок. Мы должны решить: так или сяк. Ельцин, я это достоверно знаю, много раз пытался пойти на компромисс, при том что он кажется таким бескомпромиссным, с Верховным Советом по поводу Конституции. Он готов был на такие уступки, которые делали Конституцию президентской куда в меньшей степени, чем та, которая получила одобрение на референдуме 1993 г. Да, Ельцин был готов к широким компромиссам, много раз их предлагал, иногда заключал соглашения, как в декабре 1992 г., которые потом все равно дезавуировались его оппонентами. У наших коммунистических партнеров, к сожалению, было глубокое убеждение, что всякий компромисс — это признак слабости. И в этой ситуации Ельцину пришлось принимать всю ответственность на себя. Он пытался от этого уйти, он очень этого не хотел. Я это знаю опять-таки достоверно. Но в какой-то момент стало ясно, что да, надо принимать на себя ответственность. Он референдум объявил, он получил поддержку от населения, от общества. В конце концов, даже на тяжелую для огромного большинства экономическую политику

он получил согласие народа — начинай наводить в стране порядок. И если бы Ельцин не принял в этой ситуации своего ответственного решения, он походил бы на Керенского, человека нерешительного и слабого, и, подобно Керенскому, отдал бы данную ему народом власть, а Россией сейчас бы макашovy с баркашовыми правили. Решение было для Ельцина тяжелейшим, после событий 3–4 октября он стал во многом другим человеком. Но он принял на себя эту ответственность. И мы не допустили полномасштабной гражданской войны. В ходе революции 1917–1921 гг. у нас, напомним, погибли в Гражданской войне миллионы и миллионы. Да, очень тяжело, что во время событий 1993 г. погибло около ста пятидесяти, по-моему, человек, но гражданской войны не было.

Ведущий: *Спасибо, Егор Тимурович. Спасибо. Это была программа «Открытая студия». Вел ее Николай Сванидзе. В гостях у нас был Егор Гайдар. Всего доброго.*

Десятилетие мятежа 1993 года. Как удалось не допустить прихода к власти фашистов

*Радиостанция «Эхо Москвы».
Передача «2 Пархоменко 2». 4 октября 2003 г.*

Ведущие — Петр Пархоменко, Сергей Пархоменко

С. ПАРХОМЕНКО: «2 Пархоменко 2» снова в эфире. Сюжет, который сегодня, я надеюсь, будет нас занимать, сюжет 10-летней годовщины событий 1993 г. Сегодня 4 октября, сегодня ровно 10 лет тому, что случилось в Москве. А в гостях у нас сегодня...

П. ПАРХОМЕНКО: Егор Гайдар.

С. ПАРХОМЕНКО: Ни больше, ни меньше. В гостях у нас сегодня Егор Гайдар. Формально он называется главой Института экономики переходного периода. Правильно, Егор Тимурович?

Егор ГАЙДАР: Абсолютно правильно.

С. ПАРХОМЕНКО: Добрый вечер, Егор Тимурович.

Егор ГАЙДАР: Добрый вечер.

С. ПАРХОМЕНКО: От имени радиостанции «Эхо Москвы» и радиослушателей «Эхо Москвы» приветствую Вас в этой студии, хотя не обещаю приятного и удобного разговора сегодня.

Егор ГАЙДАР: Да я, собственно, и не надеялся.

С. ПАРХОМЕНКО: Давайте я начну ровно с того, с чего начал сегодня встречу с Егором Тимуровичем, когда он появился в студии. Я разложил перед ним несколько бумаг и сказал: вот, Егор Тимурович, поглядите, что я для Вас тут приготовил. А приготовил я несколько социологических опросов, точнее, отчетов о них, которые выкачал из Интернета, они все на поверхности, достать их чрезвычайно просто. Вот, например, есть такая социологическая служба под

названием «Фонд общественного мнения», ФОМ. Она проводила социологический опрос населения фактически по ходу событий 1993 г. Я смотрю на этот отчет. Был опрос 2 октября 1993 г., еще раньше был, 25 сентября, потом был 4-го. Причем 4-го они ухитрились опросить людей дважды: до штурма Белого дома и после. И тот же самый ФОМ буквально несколько дней назад поинтересовался у москвичей, что они помнят про то, что происходило 10 лет назад. И вот сейчас, в 2003 г., 23% респондентов ФОМ, а они опросили 1500 человек, из них 23% заявили, что тогда, 10 лет назад, их симпатии были на стороне Верховного Совета. Скажу Вам сразу, что тогда, 10 лет назад, непосредственно до штурма в поддержку Верховного Совета, на самом деле высказалось 9% москвичей, а сегодня 23% считают, что они были «за». После штурма тех, кто высказывался в поддержку Верховного Совета, было 6%. А сегодня 23% считают, что тогда они были именно на этой стороне, 20% заявляют, что они соблюдали нейтралитет. 10 лет назад, непосредственно до штурма, таких было всего-навсего 8%, после штурма стало 11%. 72% опрошенных людей сегодня в 100 городах РФ из 44 областей, краев и республик, всех экономических и географических зон, как хвалится ФОМ, 1500 респондентов, дело было 27 сентября 2003 г., так вот 72% сказали, что они забыли, кто в октябре 1993 г. возглавлял Верховный Совет, 7% сообщили гордо, что они помнят, кто это, и назвали неправильные фамилии, например Горбачева, Примакова, Язова, Бог знает кого, только не тех, кто был на самом деле. Правильно на этот сложный вопрос дали ответ 22% опрошенных. Из этого можно сделать один небольшой вывод. Люди забыли, что с ними было 10 лет назад. Не помнят ни что и с кем было, ни что они видели, ни что они слышали, ни что было непосредственно с ними, что сами они думали 10 лет назад. Этого они не помнят. Следующая история. Прошу прощения, что такая лавина цифр, но давайте от этого оттолкнемся и уже забудем про них, а дальше, если надо, будем пытаться их объяснить. Другая социологическая служба, ВЦИОМ. В связи с известными Вам событиями в этом году он несколько дезорганизован и не провел традиционного опроса о том, как люди относятся к событиям 10-летней давности. Но 9 предыдущих лет он такие опросы проводил подряд, год за годом. Обычно это делалось в сентябре. Так вот вопрос: как вы считаете, оправданно ли было во время беспорядков в Москве (видите, они аккуратно говорят «беспорядков в Мо-

скве», Бог его знает, отчего эти беспорядки, может быть, кто-то листву не сгреб вовремя), 3–4 октября 1993 г. использовать военную силу для достижения контроля над ситуацией?» Опять аккуратно: «контроля над ситуацией», не то что подавление чего-то или низвержение чего-то, а контроля над ситуацией, больше ничего. «Да, правильно», — ответили ВЦИОМу 51 % опрошенных в 1993 г. «Да, правильно», — ответили ВЦИОМу в 2002 г., т. е. 9 лет спустя, в прошлом году 22%. От 51 к 22% это свалилось. Точно так же спрашивают они, кто виноват, что, по вашему мнению, послужило основной причиной этих столкновений. И предлагают такие варианты: «Безответственная политика Ельцина и его окружения». В 1993 г. так считало 28% опрошенных. 9 лет спустя их стало 32%. «Стремление Руцкого и Хасбулатова любыми средствами сохранить власть». В 1993 г. их было 46%. В 2002 году их стало 22%, более чем вдвое меньше. «Готовность коммунистических и экстремистских организаций совершить переворот». В 1993 г. было 19% тех, кто так думал, в 2002 г. — 11%, почти вдвое меньше, и т. д. Наконец, «Эхо Москвы». Если радиослушатели «Эхо Москвы» полагают, что их чаша сия миновала, и что они относятся к делу совершенно иначе, и что аудитория «Эхо Москвы» представляет «что-то особенное», то напоминая, что сегодня, 3 октября 2003 г., был задан вопрос радиослушателям «Эхо Москвы»: «10 лет назад в Москве был штурм Белого дома. На чью сторону вы встали бы сегодня?» Голоса разделились пополам: 53% — на сторону президента Ельцина, 47% слушателей «Эхо Москвы» — на сторону Верховного Совета.

П. ПАРХОМЕНКО: Это, пожалуй, самое удивительное.

С. ПАРХОМЕНКО: Сегодня же был задан еще один вопрос на ту же тему. «Эхо Москвы» как-то настаивает: «Вы считаете события октября 1993 г. мятежом парламента?» 41% сказали, что да, мятежом парламента, 59%, больше половины, сказали...

П. ПАРХОМЕНКО: ...что это переворот, устроенный президентом.

С. ПАРХОМЕНКО: Да. Слушатели радиостанции «Эхо Москвы», той самой радиостанции, которая сыграла некоторую роль на самом деле в событиях 10-летней давности, сыграла потому, что огромное количество москвичей не «отлипало» от приемников, слушая ее и надеясь получить оттуда правдивую информацию. Вот о чем мы пробуем сегодня поговорить. Как Вам эти цифры, Егор Тимурович?

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, они для меня неувидительны. Народ у нас, как, собственно, во всем мире, забывчив. Знаете, я как-то давал интервью очаровательному каналу, который я очень люблю, каналу «Культура». Пришла очаровательная молоденькая девочка собирать информацию у меня по поводу параметров моей жизни, чтобы дать субтитры, и спросила меня: Егор Тимурович, напомните, пожалуйста, Вы были до Хрущева или после Хрущева? Честно говоря, после этого я ничему не удивляюсь. Скажите честно, через 10 лет, сегодня кто-нибудь всерьез помнит, кто такой Руцкой и кто такой Хасбулатов? Говорят, за это был ответственный Хасбулатов. Кто такой Хасбулатов? На улице кого-нибудь встретите и спросите, кто такой Хасбулатов.

С. ПАРХОМЕНКО: *Петя, ты помнишь, кто такой Хасбулатов?*

П. ПАРХОМЕНКО: *Я помню, кто это такой.*

Егор ГАЙДАР: Петя — исключение. А если подойти к кому-то на улице, то удивятся: какой Хасбулатов, это что такое, это кто?

С. ПАРХОМЕНКО: *Хасбулатов, как и Руцкой, — это люди, которые в телевизоре. Довольные, лакированные.*

Егор ГАЙДАР: Они довольные, лакированные, живые, сытые. Просто они никому не интересны.

П. ПАРХОМЕНКО: *Ну как же, Руцкой губернатор все-таки.*

С. ПАРХОМЕНКО: *Был.*

Егор ГАЙДАР: А Ельцин все-таки еще совсем недавно был президентом. В связи с этим, когда вы спрашиваете, а кто отвечал за заварушку непонятную в 1993 г., какой-то вообще никому не ясный Хасбулатов, который вообще непонятно кто такой, «Хасбулат удалой» из песни или кто? Или Ельцин, которого все-таки помнят, что был такой. Совершенно естественно, что о нем говорят. А народ русский, что его красит? Он отходчивый, и он любит убогих, сырых и побежденных. Ельцин тогда, в 1993 г., победил. Мы бы ему не простили, если бы не победил. Я считал бы его просто предателем российской демократии, если бы он не победил. Но он победил. А вот эти проиграли. Да, они хотели всеми силами победить. Они все делали для того, чтобы пытаться убедить, втянуть армию. Не получилось, проиграли. А народ у нас, русский народ, по традиции, любит побежденных, он любит слабых, тех, кого обидели. Если бы они обидели нас, нам бы мало не показалось. Но у них не получилось, не получилось в 1993 г. так. Поэто-

му вполне естественно, что через 10 лет народ говорит: ну, убогие люди, несчастные, видите, не получилось у них ничего. Ну что же, мы теперь на них ответственность за все это возложим? Поэтому я на самом деле считаю абсолютно естественным, неправильным, но абсолютно естественным, имеющим глубокие исторические основания то, что мы имеем сегодня в области общественного мнения.

П. ПАРХОМЕНКО: *Егор Тимурович, у меня не складывается такого впечатления, потому что, если говорить о том, что думают об этом люди моего поколения, люди, которые...*

Егор ГАЙДАР: Прошу прощения, так как у меня четверо детей, мне будет очень интересно узнать, сколько Вам лет.

П. ПАРХОМЕНКО: *Мне 20 лет, 21 будет через месяц. Когда это было, мне было почти 12 лет. Поэтому я достаточно многое помню, я не очень хорошо понимал, что происходит, политическую подоплеку, но наблюдал из окна, расположенного прямо на пересечении Нового Арбата и Садового кольца, как внизу люди убивают арматурой милиционеров и прочее. У людей складывается впечатление не то, что Хасбулатов и Руцкой проиграли и поэтому их жалко. А в целом впечатление от ситуации такое, что президент поссорился с Верховным Советом и взял, чтобы не мучиться, расстрелял его из танков и вопрос был решен. И действительно, полное ощущение складывается, что люди не помнят, что открытый конфликт начался после того, как к Белому дому прорвалась толпа, которая перед этим действительно убивала милиционеров.*

Егор ГАЙДАР: Вы, конечно, абсолютно правы. Давайте представим себе ситуацию. У нас в XX в. было две истории с полным крахом предшествующего режима. Одна из них относится к 1917–1921 гг., вторая — к 1991–1993 гг. Когда институты старого режима, либо царская монархия, либо коммунистический режим, развалились, естественно, новый режим сразу не возникает. Недавно я был в Багдаде. Зачем меня приглашали туда? Меня приглашали туда, потому что там такая же ситуация. Институты старого режима развалились, а новые автоматом не возникли и надо думать, что после этого делать. Это необычная ситуация, очень опасная. У нас в обоих случаях, как и бывает, возник кризис двоевластия. Никто не знает, у кого власть. У нас была Конституция, которая была написана в 1978 г., в которой все было, как в анекдоте.

С. ПАРХОМЕНКО: *Я ровно сегодня на эту тему прочел Пете лекцию. Я ему все это напоминал.*

Егор ГАЙДАР: Попробуй сегодня, прочитай Конституцию 1978 г., понять из нее, как надо управлять такой большой страной. Между прочим, вчера президент напомнил, что у нас куча ядерного оружия, ракеты «Сатана». Как управлять страной, в которой куча ракет «Сатана», по этой Конституции? Невозможно, это сделать.

С. ПАРХОМЕНКО: *Особенно если эта страна, вдруг из статуса части другой, большой страны сразу становится совершенно отдельным, самостоятельным субъектом.*

Егор ГАЙДАР: Да, совершенно невозможно. Я даже не хочу углубляться в подробности, потому что...

С. ПАРХОМЕНКО: *Все-таки эта подробность стоит того.*

Егор ГАЙДАР: Поверьте, что управлять страной по Конституции РСФСР 1978 г. нельзя. Просто вообще нельзя. И оба раза, и в 1917-м, и в 1991-м, возникал кризис двоевластия, когда никто не знает, кто управляет. Как тогда не знали, Советы или Временное правительство, так и в 1991 г. не знали, президент, правительство или Верховный Совет. После этого есть проблема: либо у вас все это скатывается в анархию, как это было в 1917–1921 гг., либо тяжело, но вы наводите какой-то порядок, как произошло в 1993 г., и это в общем довольно тяжело.

С. ПАРХОМЕНКО: *Вот с чем на самом деле предлагает нам сравнивать ситуацию Гайдар. Не с тем, что «могло было бы быть, если бы» победила другая сторона, если я правильно понимаю, а с тем, что уже однажды было в России, когда события пошли по другому сценарию, когда война эта оказалась затяжной и когда она вырвалась из пределов одного дома. В этот раз был Белый дом, в прошлый раз — Зимний дворец, вырвалась за пределы одного дома, одного города, одной области и захватила страну целиком. В Москве эти события происходили в горячем виде 3 дня, а если считать весь предшествовавший им период, — две недели. Эти события... видите, мне приходится тоже выбирать выражения. Я хотел бы здесь процитировать статью моего очень хорошего друга и коллеги Маши Липман, она время от времени пишет в газете «Вашингтон пост». В последнем своем тексте она попробовала напомнить американцам, что было в 1993 г. и каковы последствия всех этих событий, и написала, по-моему, одну очень правильную вещь, с очень правильным акцентом.*

То, что раньше называлось подавлением мятежа, то теперь называется расстрелом парламента.

Егор ГАЙДАР: Знаете, я очень хорошо понимаю. Если Вы помните, а Вы наверняка помните...

С. ПАРХОМЕНКО: *Я помню хорошо, в подробностях.*

Егор ГАЙДАР: Я имею в виду, что помните другое, Вы помните мемуары Раскольниковца, который был командующим Балтийским флотом от большевиков в 1917 г.?

С. ПАРХОМЕНКО: *Плохо помню, напомните, пожалуйста, мне и слушателям.*

Егор ГАЙДАР: Он пишет, я цитирую приблизительно, не совсем точно, но очень близко к тексту. Если бы Временное правительство разместило две батареи пушек на набережной Невы, оно могло бы полностью перекрыть возможность переброски войск Балтийского флота в Петербург. Но этим беспомощным идиотам даже в голову не пришло это сделать. А теперь представьте себе, что Александру Керенскому, который был все-таки беспомощным идиотом, хватило бы сил поставить 7 пушек к Смольному и произвести из них 12 выстрелов, 10 учебными и 2 бронебойными. После этого через 3 месяца Ленин, Троцкий и Сталин сидели бы в Учредительном собрании. А история России пошла бы по другому. И нас, русских, было бы в 2 раза больше по прогнозу. Представим себе, сколько бы гадостей вылилось на голову Керенского через 10 лет после происшедших событий, сколько бы рассказывали, каким он является страшным губителем российской демократии.

С. ПАРХОМЕНКО: *В 1927 г. ему бы рассказали.*

Егор ГАЙДАР: В 1927 г. ему рассказали бы, какой он губитель российской демократии, какая он редкостная сволочь, как благодаря ему у нас не состоялось нормальное, спокойное, демократическое развитие России и т.д. Можете себе представить?

С. ПАРХОМЕНКО: *Давайте вернемся к событиям 10-летней давности все-таки. Для того чтобы это было сделать проще, я поделюсь с вами со всеми одной своей находкой, которую я благодаря своим друзьям на Российском телевидении сделал. Эта находка длится 49 секунд. Мне кажется, неплохо будет сейчас ее послушать.*

«Друзья мои, проснитесь, не спите. Сегодня ночью решается судьба несчастной России, нашей несчастной Родины. Наша несчастная

Родина в опасности. Не спите. Нам грозят страшные вещи. Опять придут коммунисты. Убивают наше мирное население, убивают милиционеров, которые должны нас защищать и защищают нас. И они защищают нас не от воров, не от убийц, не от грабителей, не от насильников. Они нас защищают от тех, кто защищает Конституцию. Что же это за проклятая Конституция?! А где наша армия? Почему она нас не защищает от этой проклятой Конституции?!»

С. ПАРХОМЕНКО: *Это была Лия Ахеджакова. Это была замечательная актриса Лия Ахеджакова, которой я звонил вчера и которую вчера очень просил прийти в программу, но вы понимаете, что для актера не может быть и речи, чтобы пропустить спектакль. У нее стоит в расписании театра сегодня спектакль, она сегодня играет, поэтому, разумеется, никуда больше прийти не может.*

П. ПАРХОМЕНКО: *Это ночь с 3-го на 4 октября?*

С. ПАРХОМЕНКО: *Да, это сразу после того, как Александр Любимов призвал всех ложиться спать. Почему она говорит «не спите», это ведь не фигура речи, это ответ совершенно конкретному человеку. Буквально за несколько минут до нее Александр Любимов выступил со своей точкой зрения, на которую тоже имел право. И он сказал, пожалуйста, на улице не высовывайтесь, сидите дома, как-то он сказал, что нечего нам своими трусами прикрывать их конфликт. У них там конфликт, а у нас здесь пиво. Мол, ложитесь спать. Я очень благодарен Александру Любимову, что он 2 дня назад оказался в студии НТВ на передаче Савика Шустера вместе со мной и замечательно там говорил и во всяком случае противопоставил что-то Руцкому, который был доволен и уверен в себе как победитель этих самых 10 лет. Но самым главным выступлением той ночи было выступление Гайдара, который взял на себя ответственность позвать людей на улицу. А где теперь это выступление? Можно его теперь услышать?¹*

Егор ГАЙДАР: *Я сам пытался найти его, не смог. Я выяснил, что этого выступления не существует. Кстати, я буду очень благодарен слушателям «Эхо Москвы», если вдруг у кого-то оно сохранилось в аудио- или видеоформе.*

С. ПАРХОМЕНКО: *Дайте знать, пожалуйста, нам на радио по обычному пейджеру.*

¹ Это выступление приведено во втором материале настоящего тома.— Прим. ред.

Егор ГАЙДАР: Я буду очень благодарен.

П. ПАРХОМЕНКО: Сразу после Ваших слов на пейджер пришел вопрос. Лев пишет: «Гайдару. Не расцениваете ли Вы свой призыв 10-летней давности к вооружению москвичей как откровенную провокацию? К ужасу тех дней не хватало только столкновения мирного населения». Я так понимаю, что это была достаточно пространная точка зрения, что Вы таким образом чуть не развязали гражданскую войну.

С. ПАРХОМЕНКО: *И она остается таковой.*

Егор ГАЙДАР: Это чистая правда. Я был готов при необходимости вооружить сторонников президента. У меня для этого было заготовлено оружие с боекомплектom. Я знал, что при необходимости мы сможем это сделать. И я знал, что эту шоблу¹ мы, конечно, раздавим при необходимости. И кстати, именно потому, что было понятно, что мы эту шоблу раздавим, армия и милиция начали что-то делать. Есть ситуации, когда нельзя отдавать свою судьбу в руки исключительно силовых структур. Я в своей жизни довольно много читал всего про русскую революцию 1917 г. Если вы перечитаете мемуары Набокова-старшего, который был управляющим делами Временного правительства, Вы увидите чувство безумной беспомощности. Есть много интеллигентных людей, куча офицеров, которые совершенно не собираются отдавать власть в Петербурге большевикам. Но вдруг так получилось, что их никто не позвал, не раздал оружия, не сказал, что надо делать. И они приходят, им говорят: ну-ка, пошли отсюда, — и они подчиняются насилию. А я не хотел, чтобы мы подчинялись насилию. Я не понимал, почему мы должны этим людям отдать власть в России, и до сих пор этого не понимаю.

С. ПАРХОМЕНКО: *Егор Тимурович, Вы не хотели подчиняться насилию или хотели подать сигнал?*

Егор ГАЙДАР: Я хотел подать сигнал, и я не хотел подчиняться насилию. Я знал, что демонстрация поддержки президента, скорее всего, заставит Вооруженные силы действовать. Я знал, что, если она не заставит Вооруженные силы действовать, значит, я раздам автоматы и дальше мы разберемся с этим сами.

¹ Слово «шобла» имеет, как правило, значение скопища агрессивно настроенных, опустившихся людей, отбросов общества, сборища преступников. — *Прим. ред.*

П. ПАРХОМЕНКО: *Егор Тимурович, расскажите, пожалуйста, потому что мне и таким, как мы, не очень понятно, что происходило в тот момент с армией.*

Егор ГАЙДАР: Знаете, армия страшно не хотела вмешиваться в происходящее. И это вполне понятно. Понимаете, у нас развалился старый, коммунистический режим, где были понятны правила, он был ужасен, но был понятен, много раз подставлял армию, потом говорил, что они сами отвечают, как с Литвой в 1991 г. Развалился. И больше всего Вооруженные силы в 1993 г. не хотели быть вовлеченными в происходящее. В этот момент у всех генералов отключаются телефоны, они все тяжело болеют. Они все на бюллетене. У всех тяжелые проблемы со связью.

С. ПАРХОМЕНКО: *Срочные командировки.*

Егор ГАЙДАР: Да.

П. ПАРХОМЕНКО: *То есть армия самоустранилась?*

Егор ГАЙДАР: Ну, конечно. В некотором смысле это абсолютно естественно в том случае, если бы было ощущение, что происходит народная революция. А там что было? Там хорошо организованная группа примерно 12 тыс. человек, которая прорвала оцепление. Там была безоружная милиция, потому что шли переговоры у патриарха, в рамках которых милицию разоружили, чтобы, не дай Бог, не было провокаций. После этого на фоне переговоров у патриарха группа из 10–12 тыс. человек прорвала милицейские кордоны.

П. ПАРХОМЕНКО: *Да, это я наблюдал. Это была страшная картина.*

Егор ГАЙДАР: После этого она взяла мэрию, где опять же были безоружные милиционеры.

П. ПАРХОМЕНКО: *С дубинками.*

Егор ГАЙДАР: Да, резиновыми. А у этих автоматы. 1972 единицы было оружия в Белом доме.

С. ПАРХОМЕНКО: *Руцкой вчера на 4-м канале сказал, что было 180 табельных автоматов у охраны.*

Егор ГАЙДАР: Вот бумажка у меня есть, книжка, я прочитаю. Это документ прокуратуры: 3–4-го числа было 1972 элемента боевого оружия в Белом доме, 144 захвачено в мэрии, 36 — у милиционеров. Я не выдумываю. Просто вы мне резонно сказали до передачи, что не будем документами шуршать. Хотите пошуршать, я вам оставлю. И в этой ситуации, конечно, армия больше всего не хочет вооб-

ще ввязываться. Черт его знает, кто из них прав, то ли Ельцин, то ли Верховный Совет. Верховный Совет безумно хотел вовлечь армию. Все документы между 21 сентября и 3 октября показывают, с каким энтузиазмом они хотели вовлечь армию. Есть радиоперехват Руцкого, который велит армейским частям вечером идти к Останкино и открывать огонь на поражение. Все это существует. И армия, конечно, ничего не стала бы делать, если бы не было ясно, что а) у президента есть поддержка и б) что по большому счету, если надо, обойдемся без нее. Представьте себе положение какого-нибудь Грачева, если бы утром 4-го мне бы этого страшно не хотелось, и так-то было ужасно, а было бы совсем ужасно, пришлось бы делать это не ему, а мне. Представьте себе после этого, какое у него было положение. В связи с этим только когда они поняли, что есть серьезная поддержка у Ельцина, они выступили на его стороне. А все объясняется социологией, вы цитировали сегодня, я ее тоже хорошо знаю, она показывает, что 4-го числа, не сегодня, сегодня ладно, сегодня этот вопрос длинной истории, это как по отношению к Ивану Грозному, а тогда подавляющее большинство москвичей было на стороне Ельцина, а не на стороне Хасбулатова, соотношение было 1 к 10.

С. ПАРХОМЕНКО: *6% после штурма, 9% перед штурмом.*

Егор ГАЙДАР: Да-да, и ежу было понятно, что мы их задавим.

П. ПАРХОМЕНКО: *Еще один вопрос с пейджера процитирую и присоединюсь к нему. «Егор Тимурович, почему же этих бандитов выпустили из Матросской тишины? Дмитрий». Я так понимаю, что не из Матросской тишины, а из Лефортово.*

Егор ГАЙДАР: Мне, честно говоря, непонятно. Я был против этого решения.

С. ПАРХОМЕНКО: *Что в 1991 г., что в 1993 г., спрашивает Дмитрий.*

Егор ГАЙДАР: Я был против этого решения, я и голосовал против него, я не очень понимал. Я не понимал, что это за такая государственная необходимость так отвечать на попытки государственного переворота. В 1991 г.¹ ладно, там сложный правовой вопрос, хотя для меня с политической точки зрения он очевиден, а в 1993-м все было понятно, они просто совершали государственный переворот. Почему их надо было отпускать? В конце концов, ладно, выпу-

¹ Речь идет об организаторах путча августа 1991 г. — Прим. ред.

стили и выпустили. Мы же играем, поймите, по существу мы играем по разным правилам. Вот сегодня у вас выступали в эфире Сергей Глазьев, который работал у меня в правительстве, и Абдулатипов. Кстати говоря, очень было интересное выступление, и, что приятно по отношению к людям такого типа, бывшим на той стороне, они не сказали ничего из того, что было бы полной, откровенной неправдой. Все, что они говорили, было довольно близко к правде. Например, их спросили, а был ли такой указ, чтобы арестовывать сторонников Ельцина. И они резонно сказали, что не было такого указа. И они были абсолютно правы, не было такого указа, был указ другой — о расстреле сторонников Ельцина. Была длинная интересная дискуссия 22 сентября. Суть ее состояла в том, чтобы расстреливать с конфискацией или без.

С. ПАРХОМЕНКО: *Между кем и кем дискуссия?*

Егор ГАЙДАР: Среди депутатов, там, в книжечке, в сборнике документов, это есть. Один из депутатов говорил, если расстреливать, то чего там конфисковывать. А С. Н. Бабурин говорил: нет, правильно, надо и расстреливать, и конфисковывать. И решили, что надо и расстреливать, и конфисковывать. А вот сейчас у нас есть наши политические оппоненты, они потерпели поражение, не сумели пробраться тогда к власти. Они все в Думе, хорошо себя чувствуют, они в эфире. И в общем не могу сказать вам, что я этим недоволен, нет. Вы знаете, я по большому счету в 1993 г. тоже все, что делал, делал для того, чтобы они были в Думе, были живы-здоровы, чтобы семьи их были здоровы.

С. ПАРХОМЕНКО: *Вы знаете, я позволю себе, хотя меня обвиняют в том, что я тащу на себя одеяло, лишаю Вас слова, мало оставляю Вам времени для изложения своей точки зрения, но просто для того, чтобы Вы чуть передохнули и попили водички. Есть одна вещь, которую мне бы очень хотелось Вам зачитать. Дело в том, что у меня есть форум, ветвь на форуме, здесь, на «Эхо Москвы», некоторое количество людей туда ходит и там спорит. И вот один из них, человек, который сам себе дал прозвище Зануда, отвечает другому участнику форума, который задается риторическим вопросом: как же это получилось, что помилованные мятежники чувствуют себя героями, а защитники демократии тушуются? И этот Зануда ему отвечает: «А это очень просто, мы, видите ли, причисляем себя к тем, кто на стороне Ельцина, сожалеем о погибших и по-*

страдавших, кто бы они ни были, и даже скорбим, и в ельцинском выступлении 10-летней давности, показанном в пичуловском фильме, который шел по 2-му каналу буквально несколько дней назад, это отчетливо прозвучало. И нам стыдно, что мы это допустили, потому что хотели вовсе не этого. Они же получили именно то, чего хотели и добивались, кроме результата, конечно. Впрочем, результат их не может не устраивать. Были расстрелянные, но инициаторы не получили даже царапины, живы, здоровы, цветут и пахнут благополучием, дают публике автографы. И кровь, и гибель людей по их вине, как минимум по их вине тоже, только добавляет им доблести и героизма, и они отлично это знают и поэтому старательно завышают число погибших и пострадавших. Во всяком случае то, что касается Лимонова с Прохановым, — это совершенная правда. Они очень подпитываются этим».

П. ПАРХОМЕНКО: *На пейджере как раз есть вопрос о количестве погибших милиционеров. Есть у Вас?*

Егор ГАЙДАР: По выступлению нашего коллеги, который дал сообщение на пейджер, ничего не могу добавить. Наш коллега сказал чистую правду. Действительно, для меня решение позвать людей 3-го числа было самым тяжелым решением в моей жизни. Я много чего делал в своей жизни, раздавал людям оружие в Осетии в 1992 г., во время конфликта. У меня длинная жизнь с массой сложных моментов. Цены размораживал. С Советским Союзом у меня были некоторые приключения в 1991 г., короче, много всего сделал. Ничего подобного тому, что я сделал 3 октября 1993 г., когда действительно позвал людей, включая своего отца, брата, племянника, родственников, знакомых, которые у меня все оказались. Ничего более страшного я не делал. Я убежден был тогда и убежден сейчас, что был абсолютно прав, но поверьте мне, что никогда я не принимал столь тяжелого для себя решения. Я безумно счастлив, что не погибли люди, которые пришли тогда на Тверскую к Моссовету, безумно счастлив. Самое счастливое, что для меня есть, что там люди не погибли. Теперь что Вы меня спрашивали?

П. ПАРХОМЕНКО: *Есть ли какие-то данные о количестве погибших, как милиционеров, так и...*

С. ПАРХОМЕНКО: *Я уточню — о количестве погибших до того. Вопрос с подтекстом. Мы же с Вами понимаем, что имеется в виду.*

Имеется в виду, что, до того как вы со своими танками приехали к Белому дому, все были целы, а только с этого момента начались всякие погибшие.

Егор ГАЙДАР: Не совсем так. Первые жертвы начались 22-го или 23-го числа, сейчас просто на память не очень помню, это было при нападении на штаб СНГ.

С. ПАРХОМЕНКО: *Да, на Ленинградском проспекте.*

Егор ГАЙДАР: Там были убиты 2 милиционера и женщина, которая просто из окна выглянула. Потом были убиты люди в мэрии, несколько человек, потом были убиты в Останкино, было 46 убитых в Останкино.

П. ПАРХОМЕНКО: *А на Смоленской площади?*

Егор ГАЙДАР: Там были раненые. Там, по-моему, не было убитых. Крупные масштабы потерь были в Останкино. Кстати говоря, по поводу Останкино. Вспомню замечательную передачу, которую вели у вас сегодня С. Ю. Глазьев и Абдулатипов. И Сергей Юрьевич, кстати говоря, что в нем приятно, никогда не врет. Он сказал, что не было решения Верховного Совета штурмовать Останкино и идти на Кремль, что чистая правда, не было такого решения Верховного Совета, как, собственно говоря, не было решения рейхстага строить Освенцим, тоже ведь такого решения не существует в анналах. Правда, конечно, есть выступление Руцкого, есть выступление Хасбулатова, записано на пленку. Известно, как в 19.40 3-го числа Хасбулатов рассказывал, что Останкино уже взято и теперь надо брать Кремль. И действительно, Глазьев же абсолютно прав. Не было формального голосования по поводу необходимости штурма Кремля.

С. ПАРХОМЕНКО: *Мы, конечно, очень погружены в события 10-летней давности, в попытку понять, что тогда происходило, как это все правильно называется, на ком лежит большая ответственность и т.д. Но ведь последствия этих событий были огромные. Я не встречал ни одного человека, более-менее внимательного к политике, который бы мне не сказал: в результате событий 1993 г. у нас образовалась Дума, в которой было огромное количество коммунистов и люмпенов во главе с Жириновским. Чистая правда. Только это краткосрочное последствие. А были еще следующие и следующие. Егор Тимурович, как Вы думаете, в сегодняшней России, в сегодняшней политической ситуации мы можем нащупать непосредственные последствия 1993 г.? Например, многие говорят о том, что су-*

перпрезидентский режим, который мы имеем сегодня, зависимость от президента, от его воли, каприза, настроения и т.д. — это тоже следствие 1993 г.

Егор ГАЙДАР: Это чистая правда. Только тогда уж надо говорить всю правду. Что Конституция, которая существовала в 1993 г. и была написана в 1978 г., не давала возможности функционировать стране. Я могу привести массу примеров того, насколько она была опасна для страны. Ельцин очень хотел разрешить кризис двоевластия и навести некий порядок в стране, который даст понятные ответы на вопрос о том, кто за что отвечает, кто принимает какие решения, причем не только на федеральном уровне, а — что не менее важно было по тем временам — на уровне регионов. Он вел сложные консультации с парламентским большинством и был готов идти на самые широкие компромиссы. Больше того, давайте я расскажу то, что хорошо знаю. Это декабрь 1992 г. В декабре 1992 г., после конфликта между Ельциным и Верховным Советом, ко мне приехал тогдашний и нынешний, кстати, председатель Конституционного суда Валерий Зорькин (в правительстве я был исполняющим обязанности премьера) и спросил, готов ли я для того, чтобы проложить дорогу к стабильности и некоему согласию уйти от власти. Я сказал, да, вопросов нет, конечно, готов, только это действительно должен быть путь к стабильности, к конституционному соглашению, которое проложит России дорогу к новой конституции. И мы об этом договорились. Потом мы организовали переговоры в Кремле, которые вели я, Хасбулатов, Зорькин. Мы договорились, потом было принято по результатам этих переговоров 12 декабря 1992 г. постановление Съезда народных депутатов, оно существует, есть в документах, можно всегда поднять, при необходимости хоть сейчас покажу. Суть, если перевести на простой язык, не шурша страницами, была предельно простая: я ухожу в отставку, взамен за это мы проводим референдум по новой конституции в апреле 1993 г. И если Ельцин не договорится со съездом по поводу того, какая будет конституция, мы выносим на референдум 2 варианта этой конституции. Вот о чем мы договорились, вот что было проголосовано Съездом народных депутатов, вот что есть во всех официальных, юридически основанных документах. Ежу понятно, что та конституция, которую можно было принять в 1993 г., была бы неизмеримо менее президентской и «скошенной» в сторону испол-

нительной власти, чем та, которая есть сейчас. Это просто очевидно. Ну и что? А ничего. В январе большинство Верховного Совета сказало: мало ли мы чего подписывали, Гайдар же ушел в отставку.

С. ПАРХОМЕНКО: *И получился референдум «Да-да-нет-да».*

Егор ГАЙДАР: И хватит. Чего говорить-то даже. Все, что хотели, они получили, обманули дурака на четыре кулака. А потом мы получили референдум, на котором граждане России отвечали на издевательские вопросы, которые формулировал Верховный Совет.

С. ПАРХОМЕНКО: *Это я помню отлично.*

Егор ГАЙДАР: На издевательские вопросы, которые сформулировал Верховный Совет, тем не менее народ дал однозначный ответ. Он сказал, поддерживаем Ельцина, его политику, а вы идите далеко и надолго. Это все очень мило, сказали они нам, но это не имеет для нас никакого значения. Так же это все было. После этого действительно, когда получилось это противостояние 3-го и 4-го и когда Ельцин его выиграл, и слава Богу, что выиграл, тем не менее после этого получилось такое смещение центра принятия решений в сторону президента, которое, конечно, было крайне опасным. Я прекрасно помню те реалии конца сентября—начала октября. Все газеты пишут, все радиостанции говорят, что судьба противостояния решится в регионах. Никогда в это не верил, я знаю, что у нас судьба выборов решается в регионах, а судьба революции решается в Москве и Питере. А это революция. Поэтому никогда не верил в это. Тем не менее ходят по кабинетам такие вальяжные, я бы сказал, просто величественные губернаторы. Огромные, важные люди. Потом 4-е число наступает. Их собирают на совещание на Старой площади, в 6-м подъезде, приходит шеф секретариата Черномырдина и говорит: так, кто тут собрался-то? Пошли все вон, к чертовой матери. Таких-то и таких-то просьба остаться. Они: спасибо большое, огромное спасибо, что сказали, куда надо идти, мы-то не знали, куда надо идти, а теперь поняли. Огромное спасибо за ценные указания, мы теперь знаем, куда надо идти. Это реалии, со стороны и Верховного Совета, и губернаторов на самом деле неспособность заранее, вовремя пойти на разумный компромисс, который предлагал им Ельцин, поверьте мне, много-много раз.

С. ПАРХОМЕНКО: *То есть Вы хотите сказать, что, почувствовав себя вправе, президентская власть решила раз и навсегда решить уже эту проблему?*

Егор ГАЙДАР: Конечно. Так же бывает. Это реальные люди, это не ангелы, спустившиеся с небес. Если власть не ограничивать, то она становится безграничной. Самая главная задача — связать руки власти. Если бы у вас была нормальная архитектура, которая позволяла договориться с властью о том, как ей связать руки, то это надо было сделать. Потом она сказала: слушайте, вы не хотели договариваться, руки у нас теперь развязаны, о чем нам теперь с вами разговаривать? Конечно, я согласен, что последствия событий 1993 г. были страшными. Я в 1992 г., в начале 1993 г. всегда был за то, чтобы выработать любую разумную форму компромисса. Я был убежден, что для России это полезно. Я только, к сожалению, как и Чубайс, понял лишь летом 1993 г., что с этими коллегами договориться нельзя, потому что они живут по принципу «если кто-то идет на компромисс, значит, он слабый, значит, ему надо вцепляться в горло и добивать до конца».

С. ПАРХОМЕНКО: *4 октября 1993 г., как все мы хорошо помним, в Москве была остановлена гражданская война. Она длилась всего несколько часов. И остановлена она была в конечном счете президентом Ельциным. Хочется спросить наших слушателей, судя по тому, что они присылают нам на пейджер, а где, собственно, теперь во всей этой истории президент Ельцин? Очень упрекали организаторов передачи на НТВ, ток-шоу Савика Шустера: почему вы не позвали президента Ельцина? где он, почему он нам не ответил? Нам тоже пишут: а где у вас президент Ельцин, почему он не высказался на этот счет? Егор Тимурович, как Вы думаете, отчего же молчит президент Ельцин?*

Егор ГАЙДАР: Разумеется, лучше всего на это может ответить президент Ельцин, но мы с ним эту тему обсуждали. Я просто знаю, что события сентября–октября 1993 г. для Бориса Николаевича события страшные, трагические, он ужасно не любит это обсуждать.

С. ПАРХОМЕНКО: *Это почему? Потому что он считает, что был не прав?*

Егор ГАЙДАР: Нет, думаю, он считает, что был прав, он знает, что был прав. Но одно дело знать, что ты прав, другое дело взять на себя ответственность за безопасность страны и жизнь людей, которые погибли. Он был прав. Если бы этого не сделал, он был бы, на мой взгляд, безответственным человеком, таким же безответственным, как Керенский в 1917 г. Если бы он не принял на себя

решение и ответственность за него, погибло бы неизмеримо больше людей, чем погибло. Но тем не менее, знаете, это не те соображения, которые очень приятно самому понимать. Приятно, когда эти решения за тебя принимает кто-нибудь. Я был бы рад, если бы в 1917 г. кто-нибудь принял за господина Керенского решения, которые бы не привели к Октябрьскому перевороту, а потом к катастрофическому развитию событий в России. Но это он должен был принять эти решения, а он был неспособен. Ельцин был способен, но тем не менее от этого ему не легче.

П. ПАРХОМЕНКО: *Нас обвиняют, что мы игнорируем пейджер, мы не игнорируем пейджер, просто вопросов действительно очень много. Я сразу могу сказать, что очень много благодарностей Вам, Егор Тимурович, за то, что Вы сделали тогда, и люди говорят вам спасибо за то, что их позвали.*

Егор ГАЙДАР: Я очень благодарен тем, кто тогда, 3-го числа, пришел по моему призыву к Моссовету. Это были очень смелые, очень честные, благородные люди. На мой взгляд, они сделали очень много важного и полезного для России.

П. ПАРХОМЕНКО: *Но тем не менее здесь, на пейджере, есть несколько сообщений с недоумением о том, почему, я добавлю от себя, почему, победив, не удалось воспользоваться своей победой, почему действительно не показывают по телевизору, даже в тех фильмах, которые сейчас прошли, есть же записи того, как Руцкой требует бомбить Кремль, того, как Макашов зовет штурмовать Останкино. И в одном из сообщений говорится, что у Останкино погибло не 46, а 47 человек. И не от рук мятежников, а мятежников от рук «Витязя». Вообще не показывают Макашова, который зовет людей штурмовать Останкино, который провоцирует эту бойню. Естественно, этот «Витязь», который был внутри, когда начался штурм здания, начал обороняться.*

С. ПАРХОМЕНКО: *Мы начали с того, что люди забыли. И Вы сказали, что это естественно, что они забыли. Другой вопрос: почему им позволили забыть? Есть специально обученные люди, которых мы все время обвиняем в том, что они манипулируют общественным сознанием. Чего недоманипулировали?*

Егор ГАЙДАР: По моему глубокому убеждению, эффективно работающая государственная система пропаганды существует только тогда, когда есть эффективно работающая

секретная полиция рядом с ней. Когда говорят, как же так, демократы не сумели наладить пропагандистскую машину, которая так здорово работала в условиях социалистического режима, то я всегда прислушиваюсь к мнению своих друзей, у меня они есть, которые резонно говорят, что эффективно работающая пропагандистская машина есть только тогда, когда у вас есть эффективно работающая полиция, которая «открутит» голову каждому, кто скажет что-нибудь несоответствующее тому, что идет из этой пропагандистской машины. А дальше, конечно, мне не нравится все, что произошло со СМИ в последние 3 года, честно не нравится, мне кажется это опасным. Но сказать, что у нас выстроена эффективная пропагандистская машина, которая, по крайней мере, работает на важные стратегические задачи, этого нет. Да, где-то манипулируют, кого показать, кого не показать. Общество должно все это понимать само.

С. ПАРХОМЕНКО: *Раз Вы об этом заговорили, может быть, у нас и нет эффективно действующей пропагандистской машины сегодня? Может быть, она и ошибается, эта машина, может быть, не достигает своих целей? Во всяком случае ее цели видны. Довольно часто видно, чего хочет эта машина.*

Егор ГАЙДАР: Я бы спросил, а вы думаете, что она действительно хочет, чтобы все помнили о правде 1993 г.?

С. ПАРХОМЕНКО: *Это тот вопрос, который я хотел Вам задать. Тогда возникает третий вопрос. Отчего так случилось, Вы же ведь такой умный, все должны знать, может быть, вы и это знаете? Отчего так случилось, что в список интересов нашей пропагандистской машины, той самой, которая отстаивает сегодня интересы государства, совершенно не входит раскрытие этой правды? Это видно по тому, что выдвигают контролируемые государством телеканалы, а мы сегодня не сомневаемся, что они хорошо, тщательно контролируются государством. Так вот по их деятельности видно, что власть сегодняшняя не хочет возвращения общественного мнения «обратно», от состояния расстрела парламента, о котором мы говорим сегодня, к состоянию подавления мятежа. Она стыдится этого, она отмежевывается от этого. Что такое, чего тут опасного для нынешней власти?*

Егор ГАЙДАР: Было бы гораздо естественнее задать этот вопрос нынешней власти.

С. ПАРХОМЕНКО: *Я понимаю, да, нынешней власти. Нынешняя власть сделала многое, чтобы я не имел возможности к ней его обратиться.*

Егор ГАЙДАР: У меня есть только гипотеза по этому поводу.

С. ПАРХОМЕНКО: *Поделитесь, пожалуйста.*

Егор ГАЙДАР: Она связана с тем, что нынешней власти политически нерентабельно брать на себя ответственность за тяжелые реалии начала 1990-х гг. Ведь революция — тяжелое время, довольно неблагоприятное, когда надо принимать на себя массу ответственности за тяжелые решения, за которые в общем тебе потом никто спасибо не скажет. Конечно, из альтруистических соображений можно взять на себя ответственность за это и сказать, что нынешняя власть выросла оттуда, что не было бы никакого экономического роста в последние 5 лет, если бы не то, что мы делали в начале 1990-х, и не было бы никакой политической стабильности, если бы не было того, что было в начале 1990-х и т.д. Это очень сложно, это политически нерентабельно.

С. ПАРХОМЕНКО: *Очень правильное слово. И сегодня мы можем констатировать, что это электорально вредно — перед выборами появиться где-то возле 1993 г.*

Егор ГАЙДАР: Абсолютно верно. Зачем это нужно с чисто прагматической точки зрения.

С. ПАРХОМЕНКО: *И последнее, может быть. Тут в той или иной форме встречаются вопросы о судьбе депутатов. Тоже замечательная история. Депутаты расстрелянного парламента.*

Егор ГАЙДАР: Это очень интересная вещь. Когда я слышу о расстреле парламента, мне всегда хотелось бы посмотреть на хотя бы одну царापину у одного депутата.

С. ПАРХОМЕНКО: *Говорят, что побили депутата Румянцева.*

Егор ГАЙДАР: Возможно, но царапин он не предъявил.

С. ПАРХОМЕНКО: *Да и синяков как-то тоже. 600 с чем-то было тогда депутатов.*

Егор ГАЙДАР: 638 их там было в это время. Там не было кворума, они даже Ельцина, собственно, отстраняли незаконно, потому что не было кворума для отстранения Ельцина. Было 638 депутатов, живехонькие, здоровенькие.

С. ПАРХОМЕНКО: *И все они целехонькие.*

Егор ГАЙДАР: Да.

П. ПАРХОМЕНКО: *Ну что ж, настало время впустить в наш разговор еще одного человека под наименованием «радиослушатель».*

С. ПАРХОМЕНКО: *И мы начинаем отвечать на телефонные звонки. Я сбросил тех, уж извините, кто висел долгие часы на телефоне, такой у нас на «Эхо Москвы» порядок. Пожалуйста, называйтесь и задавайте Ваш вопрос. Алло, здравствуйте.*

Радиослушатель: Меня зовут Олег Токарев, в сети Зануда.

С. ПАРХОМЕНКО: *Тот самый Зануда, чье послание я зачитывал несколько минут назад.*

Радиослушатель: Несколько патетическое.

С. ПАРХОМЕНКО: *Вы уж извините, я без спросу, может быть, не положено так. Слушаю Вас.*

Радиослушатель: Все в порядке, спасибо. Сергей Борисович, вопрос про то, почему сейчас в центре внимания СМИ «расстрел парламента». По-моему, это выражение «запустил» не Гайдар, а, скорее, Ваши коллеги-журналисты.

С. ПАРХОМЕНКО: *Часть упрека, конечно, я приму.*

Радиослушатель: Это не упрек, это вопрос. Как так вышло?

С. ПАРХОМЕНКО: *Отчасти потому, что журналисты тоже люди и по большей части малообразованные люди, по большей части не слишком отважные люди и вообще разные люди. Но штука в том, что очень сложно переломить тенденцию общественного мнения. У нас просто ничего с этим не вышло. Даже у тех, кто этого очень хотел, я, например, очень этого хотел, я очень бесился на протяжении всех этих 10 лет. Каждый раз, когда я это слышал. У меня не вышло, слишком толста эта стенка. Егор Тимурович, я все-таки к Вам обращаю этот вопрос. Вы как делите ответственность здесь между журналистами и публикой?*

Егор ГАЙДАР: Пополам.

С. ПАРХОМЕНКО: *Спасибо. Олег, давайте перейдем к следующему вопросу.*

Радиослушатель: Давайте говорить об этом вслух.

С. ПАРХОМЕНКО: *Еще раз говорю, есть специально обученные люди, которые в последнее время приложили много усилий к тому, чтобы это было в уме.*

Радиослушатель: О последних годах я бы не говорил, но это ведь сложилось давно.

С. ПАРХОМЕНКО: *Между прочим, этих последних лет примерно треть, а может быть, даже больше трети того срока, который обсуждаем. Неспроста это все.*

Радиослушатель: Да, это раньше сложилось.

С. ПАРХОМЕНКО: *Спасибо, Олег, счастливо. Ну что, пойдём к следующему телефонному звонку. Вторая линия. Добрый вечер.*

Радиослушатель: Алло, меня зовут Ольга, добрый вечер. Сергей, я просто сказать хотела, мне тоже обидно, и в шоке я была. Может быть, мы сами виноваты, что так живём? О людях, 53% которых голосуют, что Америка заслужила теракт, что надо раскулачить олигархов, мало нам было 1917 г., я вообще улетаю, ой, извините, потеряла мысль. А вообще я жалею, что не победили «белые». Мы бы сейчас так не мучались.

П. ПАРХОМЕНКО: *Возможно. Глобально Вы мыслите.*

Радиослушатель: И ещё, Сергей, хочу сказать спасибо Гайдару, Ельцину, Чубайсу. Ну как же этого не видеть? Может быть, Егор меня поправит, ведь плановой экономики в природе не бывает, она не имеет права быть. Невозможно с ней жить, всегда должен быть рынок нормальный, здоровый. То, что та власть дала нам, Ельцин, Гайдар, Чубайс, многие другие, спасибо им за это. То, что эта власть губит, разве они в этом виноваты? В том, что в нынешней власти сейчас творится?

С. ПАРХОМЕНКО: *Спасибо, Ольга. Я попробую, если позволите, не обижайтесь, немножко переиначить Ваш вопрос. Как Вы себе представляете, можно ли вообще с этим бороться? С тем, что произошло после 1993 г.? Мы видим эти проблемы, на что не хватает денег, что не состоялось, не сложилось, что развалилось и т.д. За Хасбулатовым, за Руцким, за проигравшими тогда осталось преимущество сослагательного наклонения. Они всегда вправе сказать: «Что произошло с вами, мы уже видим, вот все ужасно, все развалилось, вот если бы мы тогда...» Ваш контраргумент.*

Егор ГАЙДАР: Это чистая правда. И с этим практически невозможно спорить. В мире существует 28 постсоветских государств.

С. ПАРХОМЕНКО: *Включая Монголию, Венгрию и прочие.*

Егор ГАЙДАР: Да. И в каждом из них есть свои проблемы. Тем не менее все эти страны в начале 1990-х гг. падали по объёму ВВП, у них накапливались проблемы. А со второй половины 1990-х гг. все они начали расти. Где-то приходили одни премьеры, где-то другие, где-то стреляли по парламенту, где-то не стреляли. Но тем не менее

сначала они все падали, потому что так ведут себя индустриальные экономики после краха социализма. Так устроена социалистическая экономика, что на крах своей политической структуры она отвечает свертыванием экономической активности. А потом они все начинают расти. Можно говорить, что хорош был Гайдар, или хорош был Чубайс, или хорош был Черномырдин, или хорош был кто угодно, тем не менее эти проблемы...

С. ПАРХОМЕНКО: *Что называется, хоть ты тресни.*

Егор ГАЙДАР: Хоть ты тресни, они везде такие. Поэтому, когда мне рассказывают, ой, как мы тут всех погубили в начале 1990-х, а потом почему-то вдруг начало все расти. Это все элементы одного и того же процесса. Так было в Венгрии, Польше, Монголии, России и т.д. Да, конечно, у наших оппонентов всегда есть огромное преимущество сослагательного наклонения, потому что у всех оппонентов, у всех, кто никогда ничем не руководил, у них есть прекрасное преимущество сослагательного наклонения. Сейчас уже, честно говоря, смешновато обсуждать вопрос, что там сначала надо было приватизировать, а потом либерализовать цены, ни у кого этого не получалось в мире до сих пор и вряд ли получится. Тем не менее почему людям, которые никогда ни за что не отвечали, не говорить, что если бы мы были у власти, то бы все сделали в обратном порядке. Это просто разница положений между тем, кто берет на себя ответственность и делает, и тем, кто не берет на себя ответственности.

С. ПАРХОМЕНКО: *Поехали дальше, следующий телефонный звонок. Добрый вечер.*

Радиослушатель: Добрый вечер. Меня зовут Борис. Вопрос Егору Тимуровичу. Как Вы смотрите на такую схему: существует государство, государственная власть, которая в конечном счете предназначена для того, чтобы усреднить позывы, желания, эмоции людей...

С. ПАРХОМЕНКО: *Не углубляйтесь, пожалуйста. Переходите к вопросу.*

Радиослушатель: Необходимо чуть-чуть объяснить. Люди выбрали две ветви власти — исполнительную и законодательную. Обе эти власти были абсолютно законны. И вот появился конфликт. И одна из конфликтующих сторон задумала насильственно убрать вторую сторону, а одна из них это осуществила. На мой взгляд, Вы понимаете, сильнее карается то, что исполнено, а не то, что задумано.

С. ПАРХОМЕНКО: *В чем вопрос?*

Радиослушатель: Не считаете ли Вы, что насильственный ввод танков, направленный на верховную власть, — это преступление президента?

С. ПАРХОМЕНКО: *Несмотря на то, вы хотите сказать, что начали не те, а эти? Что, в конце концов, неважно, кто первый начал?*

Радиослушатель: Неважно, кто первый начал.

Егор ГАЙДАР: Знаете, на мой взгляд, преступлением было бы, если бы Ельцин этого не сделал. Я являюсь политическим оппонентом Г. А. Явлинского. Мы не состоим в одной партии, но я, перечитывая документы, с интересом вспомнил его обращение к Ельцину вечером 3 октября, где он говорит, что Ельцин обязан навести порядок в Москве, если милиция с этим не справляется, он должен привлечь войска, и это его сфера ответственности. Я говорил то же самое Борису Николаевичу. И я убежден, что, если власть в такой ситуации, когда к ней рвутся люди крайне опасные, а все документы сентября–октября пронизаны упоминаниями о людях со свастикой, я уже знаю, слава Богу, как было в мире, когда люди со свастикой приходили к власти...

С. ПАРХОМЕНКО: *А люди, между прочим, совершенно конкретные со свастикой по Москве ходили. Баркашов с компанией, например.*

Егор ГАЙДАР: А кто, собственно, собирался брать Останкино, интересно? Кто мэрию брал? Не баркашовцы ли со свастикой? И в этой ситуации не принять мер для того, чтобы не позволить людям со свастикой захватить власть в ядерной стране, на мой взгляд, это безответственная халатность и преступление.

С. ПАРХОМЕНКО: *Насчет Явлинского. Я, по-моему, даже никогда не писал об этом. Я писал много раз, я был в Кремле, собственно, той ночью и наблюдал воочию, что происходило на другой стороне события, а именно внутри президентской администрации. И я хорошо помню, что Григорий Алексеевич позвонил одному кремлевскому чиновнику в самый страшный момент, примерно тогда же, когда Вы выступали со знаменитым своим заявлением, Егор Тимурович. А поскольку этот чиновник в этот момент пытался вылезти из своего плаща и от волнения в нем запутался, он нажал кнопку громкой связи, ему было нечем трубку держать. Поэтому все, кто был в кабинете или возле кабинета, все это слышали. И Григорий Алексеевич был очень решительно настроен, и я был абсолютно солидарен в тот мо-*

мент и сейчас с тем, что он говорил. Это было очень похоже на то, что говорили Вы.

Егор ГАЙДАР: Да, я просто действительно посмотрел сейчас документ, когда готовился, и понял, что я подписался бы под каждым словом, как, видимо, он подписался бы под тем, что я говорил тогда.

С. ПАРХОМЕНКО: *Наверное. Телефон. Алло, здравствуйте.*

Радиослушатель: Алло, добрый вечер, это из Екатеринбурга. Меня зовут Сергей. Вопрос такой. Не кажется ли товарищу Гайдару, пускай будет не товарищу...

С. ПАРХОМЕНКО: *Неважно, не придирайтесь.*

Радиослушатель: ...что на самом деле незаконно он все-таки воспользовался этими всеми невкусными событиями, которые были в октябре 10 лет назад и еще до этого?

С. ПАРХОМЕНКО: *Попробую расшифровать.*

Егор ГАЙДАР: Да, мне бы хотелось понять, пока не понял.

С. ПАРХОМЕНКО: *Мне кажется, что радиослушатель интересуется тем, не думаете ли Вы, что воспользовались этой ситуацией для того, чтобы сохранить себя у власти, так?*

Радиослушатель: Именно, да.

С. ПАРХОМЕНКО: *Спасибо. Попробуем дать ответить Егору Тимуровичу. Это Вы боролись за свою власть в это время? И Вы на защиту себя позвали людей к мэрии? Вот в чем вопрос.*

Егор ГАЙДАР: Я понял. Меня Борис Николаевич попросил вернуться в правительство за несколько дней до начала событий, 16 сентября. Я понимал, что нам предстоит. Все-таки для того, чтобы понимать, что кризис двоевластия не может дольше длиться, не надо было обладать бесконечной информированностью, это было мне вполне понятно. Было ясно, что да, мы приближаемся к рубежу, на котором решится, как, собственно, пойдет российская история, как это решалось так или иначе в октябре 1917 г. И я именно поэтому не мог Борису Николаевичу отказать. Мне не понравилось, как потом развернулось развитие событий. И я вам говорил почему. Потому что, когда по комплексу причин и неспособности добиться компромисса у власти оказываются слишком сильно развязаны руки, она начинает вести себя, на мой взгляд, не очень хорошо и опасно. Поэтому в январе 1994 г. я подал Борису Николаевичу прошение об отставке и ушел в отставку. Меня, собственно, никто

не выгонял из правительства, я там мог сидеть сколько угодно. Мне это просто не казалось разумным и полезным.

С. ПАРХОМЕНКО: *Не знаю, удовлетворится ли Сергей этим ответом. Очень часто я слышу сегодня от тех, кто на самом деле целым и невредимым вылез из парламента, прежде всего от этих 638, что Гайдар сражался за собственную власть, что называется, этих людей не переделаешь, мозги у них отшибает.*

Егор ГАЙДАР: Я согласен. Только зачем мне было в отставку-то тогда уходить?

С. ПАРХОМЕНКО: *Следующий звонок. Алло, здравствуйте.*

Радиослушатель: Добрый вечер, это Леонид, Москва. Если можно, я сделаю маленькое дополнение. Дело в том, что 3-го числа как раз нас уже в середине дня по телефонному звонку подняли и мы пошли защищать Моссовет.

С. ПАРХОМЕНКО: *Кого вас? По какому телефонному звонку, откуда?*

Радиослушатель: Из одной из демократических групп, которые тогда были.

Егор ГАЙДАР: Да, я хорошо знаю, это чистая правда, я знаю об этом.

Радиослушатель: И мы не видели того, что происходило на Тверской улице, нам разрешили где-то часов в 12 вылезти туда, а до этого было распоряжение: только если толпа пойдет на вас с оружием, вы тогда отступаете к милиции, которая стоит сзади, а она пойдет навстречу им. Я хотел задать, Егор Тимурович, другой вопрос. Во-первых, дело в том, что, когда тоталитарный режим кончается, как в 1991 г., ведь чтобы все стало лучше, все варианты тоталитарной партии должны были быть запрещены. И Ельцин, как известно, это пытался сделать. Могло ли это помочь в этой ситуации, с одной стороны? А с другой стороны, так как я крутился в демократическом движении, не пытаясь стать депутатом, еще с Октябрьского райисполкома, то считаю, что вина лежит и на демократических силах, которые сразу же разделились на несколько групп. Я пытался в Октябрьском районе как-то объединить. И то, что сейчас происходит, когда, как Вы сами говорите, слишком много власти у власти, это вина в том числе демократов.

Егор ГАЙДАР: Я убежден, что, если бы Конституционный суд в 1992 г. не отменил Указ Ельцина о прекращении функциониро-

вания структур КПСС, это было бы полезно. Не надо думать, что это решило бы проблему, ведь страну таким образом, к сожалению, не переделаешь. Она бы называлась не КПРФ, а РКПРФ или как-нибудь иначе, но все равно поражение Ельцина в попытке запретить КПРФ, на мой взгляд, это был удар по стабильности российских институтов. Только не надо иллюзий. У нас действительно в это время был кризис двоевластия. Ельцин, да, был президентом, он сидел в кабинете, он при необходимости мог ездить в машине ЗиЛ или в «Мерседесе». Только власти у него было крайне мало. А в Белом доме сидели люди, которые все оттуда, из этого коммунистического прошлого, они категорически не хотели...

С. ПАРХОМЕНКО: *Строго говоря, Ельцин тоже оттуда.*

Егор ГАЙДАР: Да. Но он очень хотел тем не менее под этим коммунистическим прошлым подвести черту. А они нет, не хотели. Вообще, конечно, в стране, где коммунизму, тоталитарному режиму 40 лет, и в стране, где тоталитарному режиму 75 лет, бороться с его наследием — две большие разницы.

П. ПАРХОМЕНКО: *Пришел вопрос на пейджер. И мне тоже на самом деле непонятно, и некоторая путаница создается, пишет нам Сергей Леонидович, что замкнуло у всех в головах в области памяти, что Егор Тимурович был не кем иным, как председателем правительства, а стало быть, начальником над всеми министрами, формально главой и Вооруженных сил.*

С. ПАРХОМЕНКО: *Э, нет, товарищ, эх, Сергей Леонидович...*

Егор ГАЙДАР: Это из области я был раньше Хрущева или после Хрущева. Я был руководителем правительства, если быть точным, исполняющим обязанности председателя правительства в 1992 г. И я ушел в отставку в декабре 1992 г. в рамках того самого компромисса, о котором мы говорили час назад. В рамках того, что мы как-то разрушаем гордиев узел с кризисом двоевластия, что, ладно, хорошо, президент, который меня очень поддерживал, отправляет меня в отставку, но за это мы получаем решение о референдуме по новой конституции в апреле. В апреле, конечно, никакого референдума не провели. Естественно, большинство Верховного Совета сказала, что оно погорячилось и ничего такого делать не будет. И в сентябре 1993 г. Борис Николаевич пригласил меня принять пост первого вице-премьера, министра экономики, что я, собственно, и сделал.

С. ПАРХОМЕНКО: *Так что никакой власти над силовыми ведомствами не было.*

Егор ГАЙДАР: Мои силовые структуры включали трех охранников, причем шеф моей охраны, только что назначенный, сбежал 3-го числа.

С. ПАРХОМЕНКО: *Это бывает с охранниками. Ну что же, продолжим дальше. Кстати, подождите, одну вещь я должен сказать от своего имени. Что касается запрещения компартии и всего остального, я хотел бы напомнить тем, кому следует это напоминать, тем, кто про это не помнит, что была еще одна проблема, не только с коммунистическими партиями, но еще и с коммунистической печатью. Первым позывом, рывком, который произошел после событий 4 октября, было, между прочим, создание цензурного комитета во главе с товарищем Шумейко. И этот цензурный комитет немедленно снял несколько статей, немного, буквально 2 или 3. Одна из них была не чем иным, как воззванием группы российских журналистов, я его подписал вместе с большим количеством других достойных людей с просьбой не закрывать коммунистические газеты. Дескать, дайте мы сами их, своими силами победим на открытом информационном рынке. Цензура тогда ухитрилась снять это заявление, решив, что оно не отвечает особенностям момента. Но теперь я задаю вопросом: надо ли было бросаться на защиту коммунистических изданий.*

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что все-таки надо. На самом деле у Ельцина был очень глубокий инстинкт поддержки свободной прессы. Я с ним ведь обсуждал эту тему. Мне много раз разные люди, включая весьма авторитетных для меня, таких как мой отец, говорили, что вы не ведете последовательной пропагандистской политики. У вас нет структур, которые объясняют, что вы делаете. Эти структуры надо создавать. И я как-то пошел к Ельцину говорить, давайте мы создадим что-то, ясно, что мы не можем создать цензуры, но хотя бы что-то, что проводило бы соответствующую линию в СМИ. На что Борис Николаевич мне сказал, что отдел пропаганды создавать не будет. У него на самом деле была глубокая аллергия на все это. Если Вы помните, вся цензура продержалась дней пять, и то пока Борис Николаевич отдыхал.

С. ПАРХОМЕНКО: *Буквально 5 дней. Продолжаем наш разговор с радиослушателями, которые сидят у телефонов и звонят нам. Алло.*

Радиослушатель: Меня зовут Анна. Егор Тимурович, но ведь, к сожалению, подобного рода пропагандистские структуры совершенно необходимы, для того чтобы у «Союза правых сил» было не 5 %, а 15 и 25 %, до сих пор мало кто понимает в стране, что Вы делаете. Поэтому так мало союзников у Вас. Не считаете ли Вы, что если не промывку мозгов, то нормальный, спокойный разговор со страной уже давно пора вести и не стесняться этого? Спасибо.

Егор ГАЙДАР: Спасибо Вам большое, абсолютно согласен с Вами.

П. ПАРХОМЕНКО: *Я не могу не ответить на сообщение на пейджер, которое прислала нам Наталья, которая обвиняет нас в том, что мы якобы отбираем звонки, чтобы сделать красиво гостю. «Создается впечатление, что вы отбираете звонки по степени “делать красиво гостю”, только позитивные по отношению к Гайдару, не получается у вас дискуссии. Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку». Неправда. Очень просто устроена эта система. Есть кнопка, нажимая на которую мы выводим в эфир слушателя. До этого момента ни мы его не слышим, ни он нас, он нас слышит только из радиоприемника. Мы не знаем, кто звонит. Такое же соотношение на пейджере: примерно на 10 сообщений о том, что «Егор Тимурович, большое спасибо за то, что Вы сделали» приходится одно сообщение о том, что Егор Тимурович — преступник и предатель.*

С. ПАРХОМЕНКО: *И удавил бы своими руками. Есть передо мной два рычажка. Левый — линия номер 1, правый — линия номер 2. Все, что в моих силах, — это дернуть за левый рычажок или за правый, вслепую, точнее, вглухую, не зная, что там, на том конце, и не слыша заранее. Дергаю за рычажок номер один: алло.*

Радиослушатель: Здравствуйте. Меня зовут Андрей, я бы хотел...

С. ПАРХОМЕНКО: *Вы откуда?*

Радиослушатель: Из Москвы, из Подмосковья, из деревни. Сажу в машине, слушаю ваше радио, которое люблю и уважаю очень. И не могу идти в дом, потому что дома у меня УКВ-приемника нет. Все понятно, понятна тема и понятна дата. Тем не менее, пользуюсь тем, что Егор Тимурович в эфире, хотел бы задать ему вопрос. В результате такой смелой либерализации наша экономика, очевидно, понесла тяжелые утраты, прежде всего наш дорогой, ува-

жаемый рубль. До сих пор американская валюта является практически расчетной в нашей стране. Что с этим делать? Может быть, Егор Тимурович до сих пор считает, что это полезно, что этот процесс неизбежен и полезен? Я придерживаюсь диаметрально противоположного мнения. Нам нужна сильная отечественная валюта. Но заботы о восстановлении не то что репутации рубля, а рубля как такового, настоящей расчетной единицы я не вижу, несмотря на то что президент Путин 16-го числа продекларировал это.

С. ПАРХОМЕНКО: *Спасибо, Андрей. Мы немножко отклоняемся от темы, но действительно, кому как не Гайдару задавать эти вопросы. Я Вас понимаю и в некотором роде с Вами здесь солидарен.*

Егор ГАЙДАР: Я совершенно с Вами согласен. Конечно, нам нужна сильная, устойчивая отечественная валюта. Больше того, я могу сказать, что все, что я и мои коллеги делали в последние годы, во многом было направлено на то, чтобы получить сильную, устойчивую отечественную валюту. К сожалению, это не делается на основе пожелания. Нельзя сказать, я хочу, чтобы рубль был сильной, устойчивой валютой, и после этого он станет таковым. Так не получается. Для этого надо хорошо учиться и много работать, как говорилось в старом советском анекдоте. На самом деле спрос на рубль растет. И доля рублей в сбережениях населения совершенно очевидно растет. Доля национальной валюты и ВВП постепенно начинают повышаться. В валютной сфере не бывает никаких быстрых приключений, кроме плохих приключений: как развалить национальную валюту. Это проще всего. Это как в 1991 г., накануне моего прихода к власти, когда все валютные резервы взяли и разбазарили. Я напому моему коллеге, слушателю, может быть, он не знает, про то, что Советский Союз перестал обслуживать свой долг до того, как я пришел в правительство, и он полностью разбазарил свои валютные резервы до того, как мы пришли в правительство, мы пришли руководить страной, у которой нет ни копейки денег, которая не может обслуживать свои 100-миллиардные долги. Потихонечку разбирались. Я очень уважаю нынешнее руководство Центрального банка, очень уважаю нынешнее руководство Министерства финансов, очень рад тому, что мы наконец провели решение, которое давно защищали, — о создании Стабилизационного фонда. Короче говоря, мы постепенно идем к тому, чтобы рубль стал устойчивой, стабильной валютой, на которую есть спрос.

С. ПАРХОМЕНКО: *Следите за рекламой, что называется. Что, я продолжаю лотерею?*

П. ПАРХОМЕНКО: *Да.*

С. ПАРХОМЕНКО: *Теперь другой рычажок, под номером два. Алло.*

Радиослушатель: Алло, здравствуйте, меня зовут Андрей, я из Москвы звоню.

С. ПАРХОМЕНКО: *Еще один Андрей, здравствуйте. Но уже другой, судя по голосу.*

Радиослушатель: Да, совершенно верно. Я хотел бы узнать. Егор Тимурович говорил, что Ельцин всячески шел навстречу Верховному Совету и хотел как-то разрешить разногласия, договориться о чем-то. Скажите, сколько раз был Ельцин в Верховном Совете, выступал перед депутатами?

Егор ГАЙДАР: Надо посмотреть протоколы. Но я могу сказать, что это десятки раз.

С. ПАРХОМЕНКО: *Во всяком случае, я понимаю, на что Андрей намекает, что не видно было на поверхности особенного стремления к этому компромиссу. Но я скажу Андрею, что мне как политическому обозревателю тех времен довольно наглядно было это видно. Существуют разные формы контактов. Совсем необязательно выходить на трибуну парламента для того, чтобы контактировать с парламентом и его руководством. Есть много разных механизмов.*

Егор ГАЙДАР: Я могу рассказывать об этом долго, почти бесконечно. Он очень хотел компромиссов. У него внешность такая, кажется, что он сейчас всех порвет, что он такой страшный, не хочет ни с кем разговаривать. На самом деле Борис Николаевич — человек, абсолютно понимающий логику политического процесса. И он больше всего в 1992— начале 1993 г. хотел добиться компромисса. Могу приводить по этому поводу массу подробностей, но с учетом короткого времени просто поверьте мне на слово.

П. ПАРХОМЕНКО: *Давай быстро, думаю, еще два звонка, потому что у нас ровно 5 минут осталось. Даже 4. Алло, здравствуйте, как зовут Вас?*

Радиослушатель: Алло, здравствуйте. Меня зовут Татьяна. Я хотела бы спросить, что, может быть, тот процент, который был сегодня на голосовании, 57 %, что прав Верховный Совет, не случаен, к сожалению.

С. ПАРХОМЕНКО: *Да нет, конечно, чего же в нем случайного.*

Радиослушатель: Я принадлежу к тем людям, которые были в 1993 г. целиком на стороне президента и на стороне правительства.

С. ПАРХОМЕНКО: *Напомню, 53% сегодня сказали, что они на стороне президента Ельцина, 47% — что на стороне Верховного Совета. Из 3600 слушателей «Эхо Москвы», которые позвонили.*

Радиослушатель: Я хочу сказать, что я была на стороне, естественно, президента в то время. Но хочу сказать, что сейчас бы я подумала, как голосовать. Те чудовищные события, которые произошли потом, эта жуткая приватизация, когда действительно ничего не объясняли.

С. ПАРХОМЕНКО: То есть Вы ровно на стороне этого самого сослагательного наклонения? Вы полагаете, что если бы тогда события повернулись иначе, то, наверное, бы все пошло лучше?

Радиослушатель: Нет. Я не такой наивный человек. Не нужно. Я прекрасно понимаю, что совершенно неизвестно, как бы пошло. Но то, что произошло, — это чудовищно, потому что действительно это произошло в интересах очень маленькой горстки людей. Остальной народ находится в чудовищном состоянии.

С. ПАРХОМЕНКО: *Спасибо, Татьяна. Давайте дадим ответить Егору Тимуровичу.*

Егор ГАЙДАР: Мне тоже не нравится, что произошло после 1993 г. Что я могу сказать? Но только я твердо знаю, если бы мы в 1993 г. дали власть в руки баркашовцам, было бы точно хуже. То, что никто не захотел с Ельциным договариваться в 1992–1993 гг., страшно обидно. То, что в результате у нас оказались пробуксовывающие на годы экономические реформы, — это реальность. То, что в результате мы живем хуже, чем могли бы жить, — это тоже правда. Только не надо становиться в положение ребенка, который на зло маме собирает себе уши отморозить.

С. ПАРХОМЕНКО: *У нас осталось совсем мало времени. Я позволю себе подвести маленький итог и попрошу через полминуты продолжить подведение итога Егора Тимуровича. Я меньше всего уважаю сегодня людей, опирающихся на это самое сослагательное наклонение. Милая Татьяна, ни в коем случае не подумайте, это я не про Вас. Вы как-то случайно в этой ситуации под колесо попадаете. Но действительно это спекуляция на том, «что бы сделали бы, если бы вы в нас бы не выстрелили бы из танков, ух, как отлично бы мы управ-*

ляли бы вашей бы страной бы». Послушайте, я хочу напомнить всем, кто это забыл. Эти люди были у власти, они два дня управляли страной. За эти два дня они сделали то, что они сделали, они погрузили город в ужас. Они удавили всех, до кого смогли дотянуться, они разгромили все, до чего успели доехать, они разграбили все, мимо чего шли. И они утратили всякий контроль над бандой подонков, которая собралась в Москву пострелять. Они были у власти, они потеряли право на «бы», вот о чем я хочу напомнить. Егор Тимурович, а о чем все-таки хотите напомнить Вы, 10 лет спустя?

Егор ГАЙДАР: Во-первых, я просто полностью с Вами согласен, Вы абсолютно правы. Я очень хорошо помню события этого времени, я помню это ощущение полного хаоса, безвластия, ощущение приближающихся к контролю над ядерной кнопкой крайне опасных людей. Я могу сказать одно, я убежден, что то, что мы сделали тогда, я сделал, Борис Николаевич сделал, то, в чем нас поддерживали тогда люди, объективно было предельно важным и полезным для страны и мира. Это не решило всех наших проблем, но дало нам шанс на будущее. Никто не нанес такого ущерба Германии, как немецкие фашисты в XX в. Тогда мы не дали русским фашистам прийти к власти. Думаю, больше не дадим.

С. ПАРХОМЕНКО: *Спасибо, Егор Тимурович, это была очень важная фраза: «Это дало нам шанс на будущее». Я бы продолжил «Мы пользуемся этим шансом до сих пор» как можем, может быть, не очень удачно, но мы этим пользуемся. И много мне приходится в последнее время говорить, как именно неудачно, но мы продолжаем пользоваться этим шансом, который был дан нам 10 лет назад, 4 октября 1993 г.*

П. ПАРХОМЕНКО: *Ну что ж, на этом все. Спасибо всем, спасибо Вам, Егор Тимурович, спасибо нашим радиослушателям.*

Егор ГАЙДАР: Спасибо, до свидания.

Частных капиталовложений без надежной гарантии прав личности и собственности не бывает

Телеканал «НТВ».

Программа «Обозреватель». 8 ноября 2003 г.

Ведущий — Андрей Егоршев

Ведущий: *Сегодня у нас в гостях директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар. Доброе утро, Егор. Давайте, наверное, подхватим заявленную прессой тему, тем более вчера был День согласия и примирения, по-другому это годовщина революции. Так вот та первая революция, отмечают наши многие пишущие коллеги, привела сначала к нэпу, к определенному расцвету экономики, а потом это все было на корню загублено Сталиным. Можно ли думать, что если ленинский нэп тогда закончился известным результатом, то и путинский нэп, или госкапитализм, приведет к тому же?*

Егор ГАЙДАР: Такие параллели мне кажутся спорными. Нэп 1920-х гг. действительно имеет очевидные параллели с тем, что происходило в России в последние лет пять — и теперь, и тогда шел восстановительный рост. Дальше возникают сходные проблемы. Важнейшей проблемой ленинского нэпа было отсутствие стимула для частных капиталовложений. Главная задача последних четырех лет политики В. Путина состояла в том, чтобы создать стимул для вложения частных денег, в первую очередь отечественных, в отечественную экономику, в частную экономику. По существу все, что вытекало из программы Грефа, все, что делалось в последние три с половиной года, имело одну фундаментальную задачу — улучшение инвестиционного климата России. И то, что произо-

шло на протяжении последних нескольких месяцев, перечеркнуло сделанное.

Ведущий: *Получается так, что сейчас государство, власти, бюрократия увидели ситуацию, когда нефть приносит приличные доходы и на этом фоне появились люди, которые реанимировали нефтяную экономику, кладут себе в карман миллиарды и дают немножко миллиардов в бюджет.*

Егор ГАЙДАР: Я бы не сказал, что немного. Много миллиардов долларов.

Ведущий: *Ну, решили все забрать. Подумали, что это эффективно.*

Егор ГАЙДАР: Да. Сегодня у нас золотовалютные резервы составляют 64,8 млрд долл. Не так уж очень много, но нормально, в том числе потому, что у нас пятый год на 40 млн т в год растет добыча нефти. Растет экспорт в других отраслях, не связанных с природными ресурсами. Мы намного больше вывозим за деньги продукции машиностроения, чем Советский Союз. Вы думаете, что коммунисты отдали бы власть в 1991 г., если бы у них было 64,8 млрд долл. валютных резервов, а не несколько сот миллионов, как было тогда? Когда все налажено, когда работают хорошо организованные компании, когда у них хорошо организованная финансовая политика, когда они имеют огромные финансовые резервы, когда их не мучают неплатежи, когда у них быстро растет добыча нефти и главная проблема сегодня — как не рассориться с ОПЕК из-за того, что бурно растет наша доля на нефтяном рынке (мы сегодня обогнали Саудовскую Аравию), тогда возникает соблазн взять все и поделить.

Ведущий: *Ваш прогноз, будет ли действительно радикально меняться экономическая политика?*

Егор ГАЙДАР: Многие не помнят, вокруг чего, собственно, заварилась каша во время английской революции XVII в., с которой начинается современная история. Знаете с чего? Там уже в течение трех веков к этому времени было довольно хорошо отлаженное налоговое законодательство и король не имел права принимать решения по налоговым вопросам без собрания парламента, но у него было еще одно право — право королевского ареста. И он имел обыкновение богатых людей сажать в тюрьму, а потом объяснять им, что они не выйдут оттуда, если не предоставят бессрочный и безвоз-

Частных капиталовложений... без... гарантии... не бывает

вратный заем государю. Собственно, вокруг этого развернулись все события в Англии в середине XVII в., вокруг этого развернулось то, что привело к тому, что Карлу I отрубили голову. Надо понять, что гарантии собственности и гарантии частных капиталовложений без надежной гарантии прав личности не бывает.

Предвыборные дебаты

Радиостанция «Радио России». 11 ноября 2003 г.

Ведущий — Виталий Ушканов

Ведущий: Государственная компания «Радио России» согласно закону предоставляет бесплатное время движениям, избирательным блокам, которые баллотируются в Госдуму Российской Федерации. В этой студии в прямом эфире встречаются все, кто имеет право и решился участвовать в предвыборных дебатах. Сегодня 11 ноября, согласно официальным результатам жеребьевки в наших дебатах участвует «Народная партия Российской Федерации», от нее Валентин Владимирович Лебедев.

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Здравствуйте!

Ведущий: Избирательный блок «Партия возрождения России — партия жизни» — Ирина Михайловна Рукина.

И. М. РУКИНА: Здравствуйте, уважаемые радиослушатели!

Ведущий: И политическая партия «Союз правых сил» — Егор Тимурович Гайдар.

Егор ГАЙДАР: Добрый день!

Ведущий: Четвертый участник — политическая партия «Единая Россия» в жеребьевке участвовал, но от участия в публичных дебатах, как известно, официально отказался. Вас трое, дорогие участники! И мы начинаем! У нас есть вопросы из информационного центра «Выборы-2003», которые чуть позже у меня будет время озвучить. Пока я бы хотел обозначить основную тему сегодняшних дебатов. Она звучит так: «Почему в богатой России так много бедных людей?» Вот эти песочные часы мне помогут никого из вас не обидеть. У каждого из вас будет ровно 1 минута. Коротко, сжато и емко

я прошу вас высказать ваше отношение к объявленной теме. Итак, «Народная партия Российской Федерации».

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Спасибо! Для человека, который трезво смотрит на жизнь, очевидно, что сегодня причиной кризиса, который охватил все сферы нашей российской жизни, является вовсе не отсутствие территории, людей с хорошими, добрыми планами и полезных ископаемых, а другой, более духовный кризис. Под духовным кризисом мы имеем в виду не потерю интереса к театру, а потерю веры — веры в Бога, отеческой и святоотеческой веры. Это породило полное бессилие в нашем народе. Это мы видим, к сожалению. И чудовищную безнравственность во всех основных сферах нашей жизни: в экономике, государственном строительстве, социальной сфере, на духовно-интеллектуальном уровне. Поэтому те партии, те парламентские группы, которые не строят свою деятельность на основе возрождения коренных духовных традиций нашего народа, по существу не делают ничего.

Ведущий: *Такова позиция «Народной партии Российской Федерации». Послушаем избирательный блок «Партия возрождения России — партия жизни».*

И. М. РУКИНА: Я назову, пожалуй, 2 самые главные причины. Я выйду на экономические категории. Я считаю, что были допущены очень серьезные ошибки в начале 1990-х гг., во время так называемой перестройки. И это совершенно неизбежно. Эти ошибки должны были быть, но оказалось, что исправлять эти ошибки некому. И исправлять их нужно было в режиме ручной настройки. Нечему было исправить. К сожалению, все назначения, которые затем происходили, были гораздо хуже предыдущих. Второе: есть 2 базовых экономических кита: труд и капитал. Капитал находится в рыночной экономике. Труд потерян. К сожалению, о труде никто не говорит и труда не видно. Девальвировано понятие труда, понятие достойной заработной платы. И реформы должны начинаться с заработной платы, с достойной заработной платы, а не с каких-то ценностей. И последнее, что я хотела сказать, перефразируя известную фразу: если мы такие бедные, то почему мы думаем, что мы такие умные?

Ведущий: *Благодарю Вас! И «Союз правых сил».*

Егор ГАЙДАР: Не надо преувеличивать уровень нашего богатства. Если говорить о природных ресурсах, их запасы велики, но по

реальному экономическому потенциалу, по производству душевого валового внутреннего продукта мы находимся примерно на среднемировом уровне. Так было 80 лет назад, так было и 125 лет назад, хотя случались небольшие колебания вокруг этого тренда. Просто так устроена жизнь. Это не значит, что мы обречены быть на этом уровне. Мы должны стараться быть богаче. Только это не значит, что мы уж совсем такие богатые. Многие считают, что у нас одна проблема — перераспределение. Проблему по перераспределению мы решаем поразительно плохо. Я думаю, что из всего несделанного за последние 10 лет главное то, что не были проведены серьезные реформы системы социальной поддержки. Мы сегодня продолжаем перераспределять ресурсы через государственный бюджет от бедных к богатым. Это показывают все существующие исследования. И все наши попытки (нельзя сказать, что мы не пытались решить эту проблему, много раз пытались) наталкиваются на нежелание, в том числе наших оппонентов слева, добиться серьезной реформы системы социальной поддержки.

Ведущий: *У вас будет еще время продолжить вашу мысль, я благодарю всех. Позиции свои вы обозначили. А вопросы наших слушателей — ваших избирателей помогут прояснить детали. Наталья Александровна Борисевич из Биробиджана, Геннадий Петрович Черников из Краснодарского края и очень многие другие задают вопрос такой: почему граждане России остались в стороне от реализации природных богатств? Когда будет принят закон, который бы контролировал экспорт национального достояния? Эта тема сейчас супер-популярная. Ну, тут дадим больше: по 2 минуты, чтобы вы могли высказать свои позиции по этому вопросу. Давайте начнем теперь справа. Егор Тимурович.*

Егор ГАЙДАР: Во-первых, экспорт национального достояния довольно давно и неплохо контролируется. Взимаются экспортные пошлины. Нефтяные доходы — это фундаментальная часть российского бюджета, из которого мы финансируем армию, правоохранительные органы, судей, учителей, врачей и т. д. Во-вторых, действительно есть важная проблема — в какой степени достаточными являются те ресурсы, которые мы изымаем из природного сектора. Наш институт провел подробные исследования в этом году. И у нас есть предложения по тому, как существенно улучшить налогообложение нефтяного сектора и получать дополнительные доходы.

В этих предложениях содержится ответ на вопрос, сколько можно получить, не зарезая курицу, которая несет золотые яйца. Советский Союз погиб в том числе потому, что думал, будто нефтяной сектор — курица, которая будет нести золотые яйца всегда. Резкое снижение добычи нефти началось за три года до падения Советского Союза и было важнейшим фактором, который к этому падению и привел. Повторять еще раз подобные ошибки, мне кажется, крайне опасно.

Ведущий: *А закон, который бы контролировал экспорт?*

Егор ГАЙДАР: У нас есть законодательство по контролю экспорта и по экспортной пошлине. Оно сегодня прописано в Налоговом кодексе.

Ведущий: *Это была позиция СПС. Избирательный блок «Партия возрождения России — партия жизни».*

И. М. РУКИНА: У меня немножко другое мнение. Я считаю, что, к сожалению, ситуация, связанная с природными ресурсами, иная, ведь в Советском Союзе за счет природных ресурсов обеспечивалась та самая социальная направленность нашей жизни, и в Советском Союзе мы имели бесплатную медицину, бесплатное образование, детские сады, пионерские лагеря, возможность отдыха в летний период тоже на те же природные ресурсы. Сейчас основной доход бюджета те же самые природные ресурсы, но ничего этого нет — ни бесплатной медицины практически, ни бесплатного образования, ни садиков, ни лагерей и т. д. А проедаются те же ресурсы. Значит, их и тогда было много и достаточно. Все дело в том, что, к сожалению, из 700 нефтяных и газовых компаний, которые имеют сегодня лицензии, налог на добычу полезных ископаемых платят только 11. К сожалению, не существует адекватного экономического механизма, допустим, подобного механизму концессии. Я даже не говорю о ренте, о роялти. Сейчас об этом все говорят, хотя не знают пока, как это сделать. Но механизм концессии наиболее интересен, потому что комплексно включает все: и разработки, и разведку очень дорогостоящую, и добычу. И самое главное, те компании, которые сегодня являются ведущими: «Сибнефть», ЮКОС, — берут самые верхние слои, которые легче всего добыть. И это тоже является очень серьезным фактором. И отсюда видно, что государство своими законами не стимулирует ни глубину добычи нефти, ни разработку и разведку, ни, так сказать, какие-то тех-

нические инновации, внедрение новейших технологий в эту сферу. И я считаю, что мы обречены, если это все вместе не поймем.

Ведущий: *«Народная партия Российской Федерации».*

В. В. ЛЕБЕДЕВ: У «Народной партии» свое мнение. Я как бы немножко продолжу ту мысль, которую начал во вступлении. Видите, вот сейчас звучало, что только 11 компаний платят из 700, и Егор Тимурович сказал, что он специалист и закон есть в Думе хороший, наверное. Да не действует он, ничего не действует правильно в нашем Отечестве, потому что устройство власти само по себе безнравственно и незаконно. То, что часто называют сегодня олигархией, существует действительно. Ведь вот спросите депутатов нашей Думы. Например, недавно мы дебатировали с представителем того же СПС господином Немцовым. Он до конца не знает, что есть на самом деле олигархия. Да, он думает, что это просто сращивание капитала с властью. На самом деле олигархия, по Аристотелю, — это власть немногих и власть незаконная, это то, что ниже аристократии в свое время. Незаконная теневая власть. Но потом это получило значение власти богатых. Немногих и богатых вместо законных. Они у нас, политологи не дадут соврать, сращены: олигархия с охлократией¹, т. е. немногие богатые с низовым бандитским уровнем, от Думы и Центрального банка до брокера на таможне. Отсюда все и происходит. Контролировать власть в этом случае может только то, что мы называем часто громко гражданским обществом или обществом граждан, которые, собственно, и призваны, опираясь на целостную нравственную основу, контролировать традиции, общественные нравственные нормы, т. е. мораль и собственно власть в ее поступках, в исполнении законов. Вот, собственно, «Народная партия» и работает на дело создания того, что мы называем действительно, а не голословным гражданским обществом. Если этого не будет, то ничего не изменится. Никакие компании, наши радиослушатели понимают, никаких налогов настоящих платить не будут, так же как не платит их обыкновенный хозяин небольшого ларька. Это понятно каждому нашему гражданину. Пора действовать.

Ведущий: *Так считает «Народная партия». У нас в студии сейчас появились какие-то противоречия в подходах к решению обозна-*

¹ Охлократия — господство толпы, черни, вырожденная форма демократии. — Прим. ред.

ченной проблемы. Я думаю, что следующий раунд, господа товарищи, мы посвятим перекрестным вопросам: каждый из вас задаст по одному вопросу коллегам-кандидатам. Только, моя просьба, вопросы задавать коротко. На каждый ответ будет по 2 минуты.

Первым будет отвечать представитель «Народной партии Российской Федерации» Валентин Владимирович Лебедев, и первый вопрос от избирательного блока «Партия возрождения России — партия жизни».

И. М. РУКИНА: Уважаемый Валентин Владимирович, скажите, пожалуйста, вот Вы в своей программе очень много внимания уделяете нравственному, духовному состоянию человека. Вы совершенно правы. Но, кроме того, в Вашей программе, я смотрела ее, я нашла очень правильные слова в экономической области. Вы представляете себе конкретные механизмы и инструменты, с помощью которых можно реализовать благие цели?

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Да, конечно. Но у нас ведь вообще в партии 160 тыс. человек и около 50 депутатов, которые работали сначала в группе «Народный депутат», а теперь уже в «Народной партии» вот уже несколько лет. Ну разве Вы не видите, как они реализуют эти... вернее, как они применяют эти механизмы, чтобы реализовывать цели? Вот последний законопроект по ЖКХ, по земле, по самым основным, фундаментальным, так сказать, вопросам нашей жизни. Не знаю, но, по-моему, в отличие от некоторых других партий все это решается именно в народных интересах.

И. М. РУКИНА: К сожалению, не вижу, потому что есть так называемая правоприменительная практика и, если закон принят, нужно добиваться его исполнения, и это тоже дело депутатов, дело парламента.

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Совершенно согласен с Вами, надо добиваться. Вот и пытаемся добиваться вместе с другими общественными организациями.

И. М. РУКИНА: С той только разницей, что вы уже в Думе, а «Российская партия жизни» еще в Думе не была.

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Желаем вам попасть в Думу, что же. Мы не являемся вашими такими острыми противниками.

Ведущий: Вот такая доброжелательная атмосфера у нас царит.

В. В. ЛЕБЕДЕВ: А «Народная партия» всегда доброжелательна, потому что она и народная.

Ведущий: *Больше нет вопросов у Вас?*

И. М. РУКИНА: Нет, у меня еще есть вопрос: сколько в «Народной партии» женщин, сколько молодежи, какой состав этой партии?

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Ну, Вы знаете, этот вопрос как-то обычно встает про женщин у нас. Дело-то ведь не в количестве женщин, женщин, надо сказать, достаточно и даже очень много, как кажется. Вот я сейчас езжу по области, я первый в списке по Московской области, и такое впечатление, что женщин даже побольше, чем мужчин, а возраст средний. Но дело-то ведь не в половых признаках, этот вопрос сам по себе какой-то не очень корректный, а в эффективности работы членов той или иной фракции, той или иной партии, той или иной общественной группы. Но женщин у нас много, может быть, даже около половины.

И. М. РУКИНА: Я задала вопрос не случайно. Я посмотрела список руководства, списки в Думу — женщин, мне показалось, все-таки очень мало.

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Согласен, в руководстве может быть. Просто в данном случае наши женщины делегировали, как оно и положено, нашим мужчинам право сражаться за их жизнь.

Ведущий: *Вопрос «Народной партии» от «Союза правых сил».*

Егор ГАЙДАР: У меня один вопрос. Я потратил довольно много усилий в последние лет 10, чтобы добиться единства партий демократического или правоцентристского спектра. В чем-то успешно, в чем-то, к сожалению, не очень. Хорошо знаю, как Вы работали и Ваши коллеги, и коллеги из «Единства» в Думе — дружно, хорошо, с консолидированной, как правило, позицией. Скажите, зачем вы повторяете наши ошибки?

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Дело все в том, что это не повторение ошибок. Вы правильно говорите, что, так сказать, достигнуть какой-то эффективности, какой-то пользы можно только в единстве. Вообще, так сказать, с грехом... с грехопадением в мир вошло разделение — это главная беда, с нею смерть. Нет, тут дело в другом. Дело все в том, что «Народная партия», ее депутаты, члены, те общественные организации, в частности «Союз православных граждан», который я представляю, хотят создать все-таки отличную от «Единства» партию и, увы, отличную от «Союза правых сил». А именно партию, подобную буржуазным консервативным партиям, правым партиям, по-настоящему правым, потому что, с нашей точки зре-

ния, «Союз правых сил» и другие демократические партии, ну, скажем, «Яблоко», правыми не являются. Вы это в общем-то знаете, они являются правыми только, так сказать, в экономическом спектре, дальше — нет, т. е. настоящую консервативную партию, которая опирается на традиционные ценности, скажем, в области семьи, государственного строительства, той же самой церкви...

Ведущий: *Понятно.*

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Поэтому решили выделиться в отдельную партию, но приглашаем всех, вот что хочу сказать, самое главное, принять участие в этом строительстве. Ведь количество тех же депутатов в группе «Народный депутат» прибывает. Даже организационно, вы же знаете, работает межфракционная депутатская группа, в которую входят самые разные депутаты. Но группа «Народный депутат» выступает за сохранение, а правильнее сказать, за возрождение в нашем Отечестве духовно-нравственных, традиционных для каждой традиционной религии, не только для православия, ценностей.

Ведущий: *Я благодарю Вас, Валентин Владимирович, и следующей у нас будет отвечать Ирина Михайловна Рукина от избирательного блока «Партия возрождения России — партия жизни». Валентин Владимирович, задавайте Ваш вопрос. Я еще раз напоминаю, вопросы коротко, пожалуйста.*

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Да, коротко. Ирина Михайловна, как Вы относитесь к введению в школьный курс такого предмета, как основы православной культуры?

И. М. РУКИНА: Я честно Вам отвечу, я глубоко верующий, но не церковный человек. Я верю и могу Вам сказать, что для меня очень важно, чтобы такие предметы изучались по желанию и добровольно. Ни в коем случае никакого насаждения преподавания подобных предметов не должно быть. Другое дело, что я с огромным удовольствием смотрю, когда открываются воскресные школы при храмах, и помогаю этому, но, я думаю, это добровольное дело.

Ведущий: *Егор Тимурович, Ваш вопрос «Партии жизни».*

Егор ГАЙДАР: Мне даже немножко неудобно задавать Вам этот вопрос, потому что он входит в сферу моей компетенции. Просто Вы сказали про нефть, роль ее в Советском Союзе, в России. Вот как Вы думаете, навскидку, во сколько раз средние цены на нефть

в конце брежневского периода были выше, чем в 1990-е гг.? Ну, если в реальных долларах пересчитать?

И. М. РУКИНА: Чем в 1993 г.?

Егор ГАЙДАР: За средний период в 1990-е гг., если хотите, за последние 3 года...

И. М. РУКИНА: Нет, ну цены, безусловно, были намного ниже. Я сейчас не могу сказать точно.

Егор ГАЙДАР: Ниже?

И. М. РУКИНА: В смысле цены, которые были в 1993 г., намного ниже.

Егор ГАЙДАР: На самом деле я Вам скажу. Цены конца брежневской эпохи в реальных долларах были примерно в 5 раз выше, чем в среднем за 1990-е, и примерно в 3 раза выше, чем за очень благоприятные последние 4 года. Так что вся система базировалась на идее: большие деньги за дешевую нефть (а нефть действительно доставалась относительно дешево из-за разработки тогда самых эффективных месторождений), а еще на том, что эффективные месторождения неисчерпаемы, а крайне высокие мировые цены на нефть будут всегда.

Ведущий: *Как хитроумно... Задает вопрос, на который сам отвечает.*

И. М. РУКИНА: Я могу только сказать, Егор Тимурович, что Вы прекрасно знаете, с чем выступал Косыгин в 1970-е гг., говорил и предупреждал об опасности, которая нас подстерегает. Вы знаете прекрасно те тенденции, которые были по развитию новых технологий, по вложению денег в перерабатывающую, в обрабатывающую промышленность, и, к сожалению, эта линия совсем заглохла, она ушла, и мы потеряли труд.

Егор ГАЙДАР: Совершенно согласен, сам писал записки по этому поводу.

Ведущий: *И наконец, вопросы представителю «Союза правых сил» Егору Гаюдару, вопросы от «Народной партии России».*

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Да, спасибо. Егор Тимурович, вот скажите, Вы считаете верными действия правоохранительных органов, которые взяли Михаила Ходорковского под стражу, т. е. заключили его в узы?

Егор ГАЙДАР: Нет, я считаю эти действия неверными. Я не юрист, хотя многое из того, что я читал, для меня крайне странно, включая

вызов адвокатов в качестве свидетелей, это, на мой взгляд, не соответствует логике и духу права. Но я хорошо знаю экономические последствия. Мы четыре с половиной года пытались создать представление о России — и в стране, и в мире — как о предсказуемой стране, где тебя не подстерегают крупномасштабные неожиданности. А сейчас у людей вновь возникает представление о России как о непредсказуемой стране. Значит, то, что сделано, сделано неадекватно и потенциально опасно.

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Но у массы нашего народа как раз возникает представление о том, что все-таки совершается справедливость. Человек с таким состоянием, человек, нарушающий закон, должен быть призван к ответу. Вы же ссылаетесь на невидимую мировую общественность.

Егор ГАЙДАР: То, что человек нарушает закон, как известно, устанавливает суд. Так вот суд пока Ходорковского виновным не признал.

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Но предварительное заключение существует в нашей стране до суда.

Егор ГАЙДАР: Предварительное заключение до суда существует, но человек в этом случае не является преступником.

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Да, но заключение существует.

Егор ГАЙДАР: Да, конечно.

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Ваши сторонники в Думе и прессе просто развернули какую-то чудовищную кампанию в защиту именно Ходорковского и вот как раз обвиняют правоохранительные органы в том, что они его содержат под стражей. А почему? У нас ведь, как известно, тюрьмы переполнены, простые люди там, совершившие маленькие преступления, уклонившиеся от тех же налогов, содержатся в этих чудовищных тюрьмах, и ничего с ними как бы не делается, увы, хотя Вам их и жалко. Почему столько шума вокруг Ходорковского?

Егор ГАЙДАР: Знаете, мы с вашей поддержкой провели ряд изменений в уголовное законодательство, в результате которых число не осужденных судом людей, сидящих в тюрьмах, за последний год сократилось примерно на треть. И я считаю, что это правильная тенденция.

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Это правильно.

Егор ГАЙДАР: Не думаю, что нам надо гордиться тем, что в России сидят не осужденные судом люди в переполненных тюрьмах.

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Гордиться нечем, и Вы правильно сказали, что поправка была сделана с помощью и «Народной партии», «Народного депутата». Но все-таки Вы считаете, что Ходорковского не надо было заключать под стражу?

Егор ГАЙДАР: Я не вижу оснований для заключения его под стражу.

Ведущий: *Ваша позиция ясна. Спасибо, Егор Тимурович. И еще один вопрос, Вы будете отвечать на вопрос от избирательного блока «Партия возрождения России».*

И. М. РУКИНА: Уважаемый Егор Тимурович, Вы возглавляете Институт экономики переходного периода. Скажите, пожалуйста, как долго экономика может быть переходной?

Егор ГАЙДАР: Вы чуть-чуть опережаете события. Мы 27 ноября представляем наш новый двухтомник экономических трудов, посвященных программным документам последних лет и программным документам для следующего окна политических возможностей. Как раз там я хотел сказать, что, на мой взгляд, нам надо подумать о возвращении институту его первоначального названия. Вы знаете, он назывался Институт экономической политики. А подумать об этом стоит, потому что основные этапы переходного периода, на мой взгляд, сегодня в России завершены.

И. М. РУКИНА: То есть Вы уверены в том, что переходный период завершается и мы переходим в другую фазу?

Егор ГАЙДАР: Да. Я считаю, что...

И. М. РУКИНА: Основные черты, коротко, этой фазы, следующей.

Егор ГАЙДАР: Расскажу. Суть переходного периода состоит в том, что после краха социализма проходит неизбежный период дезорганизации и становления новых рыночных институтов. Поэтому всегда и везде в высокоиндустриальных постсоциалистических странах начинается падение, которое завершается восстановительным ростом. Последние 4 года у нас были явные элементы восстановительного роста, как, скажем, при нэпе начиная с 1922 г., когда вы вводите в оборот старое оборудование, старые квалифицированные кадры, но — для реализации иной продукции. Сейчас этот период в основном завершен. Дальше все зависит от того, сумеем ли мы создать нормальный инвестиционный климат в России.

И. М. РУКИНА: У меня есть еще один вопрос?

Ведущий: *Коротко.*

И. М. РУКИНА: Егор Тимурович, зачем ликвидировали налог с продаж? Его так легко брать, он давал такие прибыли регионам, и он никому не мешал. Это налог на роскошь.

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, налог с продаж мы действительно ликвидировали. Я убежден, что сделали правильно, потому что мы снизили ставку налогообложения потребителя с 25 до 18%. Один процент НДСа дал столько же доходов, сколько давали 3,2%. Ликвидация налога с продаж на самом деле для нас обошлась дешевле, чем снижение на 2% НДС.

И. М. РУКИНА: Для Москвы это катастрофа, 26 млрд мы потеряли, и по нашим социальным программам нанесен очень тяжелый удар, хотя налогом с продаж в Москве никто не возмущался.

Егор ГАЙДАР: Потому что налог с продаж в Москве...

И. М. РУКИНА: Мы все товары первой необходимости освободили от налога с продаж, это был налог на роскошь. Каждый день, каждый час он поступал в бюджет. Без армии инспекторов налоговых и т. д.

Егор ГАЙДАР: Помните, какая часть налога с продаж по всей стране попадала в Москву? Вы понимаете, что не все, кто покупают товары в Москве, живут в Москве.

И. М. РУКИНА: Но субъекты Федерации пострадали все.

Ведущий: *Разговор становится экономическим. Я благодарю вас. Ответы на вопросы завершены.*

Вернемся к главной теме — богатство страны и бедность граждан. Надо отметить, что вот под богатствами России как-то уже привычно разумеют нефтяные реки, газовые потоки. А вот господин Анисимов из города Тамбова, и не только его одного, занимает такой вопрос: как из мирового сырьевого придатка Россию превратить в страну, которая бы экспортировала лучшие в мире электротехнику, технику, автомобили, т. е. что сделать для возрождения нашей промышленности? Давайте, по 2 минуты каждому участнику изложить свою позицию по этому вопросу. «Народная партия Российской Федерации».

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Ну, я продолжу стоять на своем, что никакие, понимаете, никакие мудрые или немудрые законы и теории ничего не изменят, потому что нехватка теорий породила 10 лет в нашей стране такое положение. Что, у нас нет научных институтов,

нет ученых? Есть. Они даже есть не только в «Народной партии», но и в разных других партиях и институтах наших отечественных. Значит, надо что-то другое. Нет, во-первых, возможности для того, чтобы люди трудились, а страна не превращалась просто в сырьевой придаток, потому что мы уповаем на то, что у нас много полезных ископаемых, как бы сидя на диване, у нас их отнимут и уже отнимают, мы видим, как наши олигархи создают различные концессии, все будет вывезено, конечно, и мы будем очевидным сырьевым придатком. Значит, нужно создать условия, и прежде всего условия нравственного порядка, т. е. политического, выбрать наконец-то на этих выборах и далее на всех уровнях власти достойных людей, создать народное, т. е. национальное, не националистическое, а национальное правительство. Что это значит? Ну, я скажу самые простые вещи, которые все повторяют. Надо создавать условия для работы того самого среднего класса, т. е. среднего предпринимателя, а не 3–4 больших концернов, которые тоже от этого заработают, но там все будет перераспределено... во всем мире происходит примерно одинаково. Нужно создать условия для того, чтобы наши люди трудились так же, как они трудились до октябрьского переворота 1917 г., несмотря на то что иностранный капитал был в России, это известно, никому это не мешало при твердом народном правительстве. Так же как и сейчас трудятся в Швеции и в других странах, во Франции скажем. Колоссальное количество людей утром открывают ставни, мы видим это в хороших иностранных фильмах, своих, так сказать, частных заведений. Как они прекрасно живут! Ну, давайте дадим условия для того, чтобы не грабили нашего частного предпринимателя, не обирали, не обижали, не облагали чудовищными какими-то налогами, которые начались еще, надо сказать, не в обиду Егору Тимуровичу, в пору его правления. Мы просто все поражились, я тоже, у нас издательство, я вообще издатель, главный редактор журнала... Мы поразились той налоговой системе, которая была внедрена и до сих пор поддерживается нашими либеральными экономистами. Правда, нас потом освободили.

Ведущий: *Ваша позиция понятна. Блок «Партия возрождения России — партия жизни».*

И. М. РУКИНА: Я тоже буду говорить, наверное, в экономических категориях. Самая главная опасность текущего дня, вызов, который сегодня нам брошен, — это ликвидация, недружественное

поглощение предприятий промышленности и производственного бизнеса. В 2000 г. из 275 обследованных нами предприятий 58 полностью ликвидированы, превращены в склады, в какие-то совершенно невозможные, так сказать, организации, терминалы, сдаются в аренду, все пущено просто на разграбление.

Ведущий: *Как исправить это?*

И. М. РУКИНА: Я хочу сказать, что причина самая понятная, эта причина кроется в законах, которые существуют. Были приняты законы очень демократичные для либеральной экономики, законы об акционерных обществах, законы о ценных бумагах, но забыли о простой вещи — должны быть ограничения. Закон о банкротстве — это самый плохой закон России. Он позволил привести к лжебанкротству множество предприятий, и самое ужасное, что не пришел эффективный собственник. Сегодня исправить можно только в законодательной плоскости. Я знаю как, я делала это в Москве, и достаточно эффективно, и я знаю, с чем мы идем в Думу, я знаю, каким образом нужно исправить эту ситуацию — сегодня только в законодательной плоскости. Привести в соответствие законодательную базу, потому что субъекты Федерации, к сожалению, сегодня сами такие законы принимать не могут. Это гражданское право, это должна принимать Государственная дума.

Ведущий: *Сколько лет нужно на решение этой задачи?*

И. М. РУКИНА: Очень немного. Введение ограничений и обременений — это вопрос технический. Другой вопрос — правоприменительная практика. У нас, к сожалению, законы что дышло, у нас сегодня никто из политических партий не говорит о необходимости проведения полной ревизии экономических законов, они противоречат друг другу, в них есть, так сказать, черные дыры, колоссальная взяткоемкость этих законов, это специально делается, поэтому без проведения ревизии ничего сделать нельзя. Мы готовы провести и такую ревизию. Это технические вопросы, надо просто иметь политическую, умную политическую волю для того, чтобы запустить эти механизмы.

Ведущий: *Благодарю Вас. И «Союз правых сил».*

Егор ГАЙДАР: Во-первых, здесь тоже не надо совсем самоуничжаться. Всего в этом году Россия вывезет машиностроительной продукции примерно на 10 млрд долл. Советский Союз в середине 1980-х годов (если посмотреть материалы ДСП, они теперь не се-

кретные) тоже вывозил машиностроительную продукцию за деньги. Не по бартеру, а за деньги. Знаете на сколько? На 500 млн. Так что сказать, что ничего за это время в стране не произошло, нельзя. Конечно, мало, хотелось бы побольше, хотелось бы намного побольше, но сразу ничего не делается. Я знаю, что важнейшей задачей — другой вопрос, насколько она была успешно решена, — которая ставилась президентом, правительством в начале своей работы, было создание предпосылок именно для этого поворота. И я убежден, что задачи, которые мы будем решать в следующие годы, — это задачи создания того набора инструментов и механизмов, которые позволят России перестать быть столь зависимой от экспорта сырья. У нас есть предложения по этому поводу.

И. М. РУКИНА: У нас тоже.

Егор ГАЙДАР: Очень рад.

Ведущий: *И ответьте мне еще на один короткий вопрос, пожалуйста, все участники: на кого рассчитывать отечественной промышленности больше — на зарубежного инвестора или на внутренние ресурсы?*

Егор ГАЙДАР: Конечно, на внутренние ресурсы. Опыт показывает, что зарубежный инвестор не идет в страны, куда не идет отечественный инвестор. Поэтому для того, чтобы пришел иностранный инвестор, должен прийти в крупных масштабах отечественный инвестор.

Ведущий: *Почва для этого есть?*

Егор ГАЙДАР: Это ключевой вопрос следующего этапа нашей экономической политики.

Ведущий: *Ирина Михайловна.*

И. М. РУКИНА: Если мы уже говорим о практической экономике и о практических проектах, я занимаюсь сейчас таким проектом, может быть, вы слышали о проекте «Пром-сити», создании нового промышленного облика города, это «Индустриализация-2» — я ненавижу термин «постиндустриализация», — и среди тех предложений, которые мы получили, есть интереснейшие предложения иностранных инвесторов, но это не просто предложения инвесторов, это люди, которые хотят сотрудничать. Нам как воздух необходимы новые технологии, новое оборудование, к сожалению, не все сегодня здесь производится и для перевооружения, для модернизации нашего производственного комплекса. Для того чтобы заработал действительно хайтек, нам придется пользоваться и зарубежными

новыми технологиями, и новым оборудованием, привлекать иностранные инвестиции, используя, конечно, экономические механизмы.

Ведущий: *Спасибо. И «Народная партия России».*

В. В. ЛЕБЕДЕВ: «Народная партия», может быть, ничего нового не скажет. Конечно, «Народная партия» считает, что рассчитывать надо в основном на собственные силы, на наш народ и на наших инвесторов.

Ведущий: *Силы — понятно...*

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Финансы тоже, но финансы связаны все-таки с производством, о чем мы раньше уже говорили... Да, кстати, и с устройством политическим. Если дело пойдет правильно, то и иностранные инвестиции отнюдь не помешают. Ведь в великой дореволюционной России около 25 %, если не больше даже, было иностранных предприятий. Тот же «Рот-фронт» теперешний это французские конфеты, а тот же ЦУМ — это «Имирулис», однако русские люди от этого хуже не жили, потому что они сами были сильны и крепки. Вот за восстановление той финансовой, промышленной и социальной крепости ратует «Народная партия», все остальное, собственно, приложится.

Ведущий: *Я так понял, что против рынка здесь никого нет.*

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Нет.

И. М. РУКИНА: Против рынка нет, но еще есть один вопрос для тех, кто попадет в Думу, он принципиально важный — заработная плата, реформа заработной платы. С нее начинается все. Уже такие атавизмы, как единая тарифная сетка, ну никак не вписываются в то, о чем говорит Егор Тимурович Гайдар.

Ведущий: *И давайте еще один вопрос. Вы знаете, мы тут такие глобальные аспекты сегодня обсуждали, и это все интересно, но наших слушателей, ваших избирателей, интересуют больше, наверное, какие-то конкретные вопросы. Я не стал брать вопросы, скажем, когда повысят детские пособия, потому что, ну, чего спрашивать у кандидатов. Когда изберетесь, тогда спрошу.*

И. М. РУКИНА: В Москве повысили. В Москве с 1 октября до 500 руб.

Ведущий: *Давайте вы ответите на один вопрос. Кировчанин Асташов спрашивает: «Почему в России бананы дешевле огурцов?» Рыночный вопрос такой. «Народная партия».*

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Ну, потому, наверное, что Россия ближе к Финляндии. Чем дальше от Финляндии, тем бананы в стране дороже. Ну, потому что производство наше слабее, наверное, чем у наших соседей, мы сегодня об этом говорили, но будет другое, когда мы придем к власти.

Ведущий: *Ирина Михайловна.*

И. М. РУКИНА: Ну, понятно, что бананы — это основной предмет экспорта для тех стран, где растут бананы, и поэтому цена очень низкая. А еще бывают условия, когда договариваются с таможней. Огромное количество бананов — это очень хорошо, дети это любят, и это как раз не самое опасное.

Ведущий: *Егор Тимурович.*

Егор ГАЙДАР: Собственно, ответ был дан — потому что средняя заработная плата в странах, которые являются производителями бананов, более низкая, чем в России.

Ведущий: *Я благодарю вас. Давайте подведем черту и, если у вас нет больше никаких возражений и замечаний, как и вначале, у вас будет по песочным часам, так мы приблизительно смотрели, ровно одна минута, чтобы вы ответили на вопрос, почему, на ваш взгляд, избиратель должен отдать свой голос, бесценный голос, именно вашей партии. Итак, «Народная партия Российской Федерации» и Валентин Владимирович Лебедев.*

В. В. ЛЕБЕДЕВ: Да, потому что, как председатель «Союза православных граждан», я свидетельствую, что «Народная партия» и группа «Народный депутат» строят свою программу не только на бумаге, но и в своих действиях, на том документе, который называется Основами социальной концепции Русской православной церкви, где выражены все глубинно-нравственные, онтологически нравственные, так сказать, отношения к главным вопросам жизни — к труду, собственности, семье, преступлению и наказанию, защите Родины. И если партия строит свою практическую деятельность и будет строить, потому что уже несколько лет мы видим ее дела, на твердом камне целостного национально-духовного мировоззрения, то такая партия является подлинно народной и защищает подлинно народные интересы. Как мы говорим — партий много, а народная одна. Так что голосуйте смело за «Народную партию».

Ведущий: *Как Вы ровно уложились. Я благодарю Вас. Избирательный блок «Партия возрождения России — партия жизни». Ирина Михайловна Рукина.*

И. М. РУКИНА: Я являюсь депутатом Московской городской думы уже 10 лет, возглавляю Комиссию по экономической политике, являюсь координатором московской промышленности и очень много работаю с регионами, потому что одно из направлений моей деятельности — это региональная политика, укрепление внутреннего рынка. Так вот именно в «Российской партии жизни» и «Партии возрождения России» я нашла ответ на свои вопросы — кто может помочь, кто встанет рядом. Я считаю, что эта партия действительно партия конкретных дел. Все, что мы делали за короткий период с момента нашего создания — это чуточку больше, чем один год, — это конкретная практическая деятельность, это защита базовых человеческих ценностей. Мы очень много работаем в области медицины с врачами, в области образования с учителями, мы очень нацелены на то, чтобы реально в течение двух-трех лет изменить ситуацию.

Ведущий: *Благодарю Вас. И «Союз правых сил». Егор Гайдар.*

Егор ГАЙДАР: Мы немало сделали вместе с проправительственными фракциями в Думе этого созыва для продвижения программы реформ, но у нас есть различия. Мы существенно лучше, чем наши коллеги, понимаем, что построить эффективную либеральную экономику можно, только если ты высоко ценишь демократические институты. И мы в большей степени готовы их защищать.

Ведущий: *Не использовали время. Достаточно?*

Егор ГАЙДАР: Достаточно.

Ведущий: *Я благодарю всех, кто участвовал сегодня...*

И. М. РУКИНА: Мы тоже не против демократии, но демократия требует очень жестких правил игры.

Ведущий: *У нас есть еще время, можете поговорить в свободном режиме.*

И. М. РУКИНА: И я думаю, что, когда обсуждается вопрос, что должно делать государство, а что рынок, вот государство как раз и должно создать законы, правила игры и обеспечить неукоснительное их выполнение, а в середине — либеральная экономика, рынок, демократия. Но демократия либеральная, защищенная законами. Не иначе.

В. В. ЛЕБЕДЕВ: «Народная партия» прибавила еще к этому, что упоминание о либеральном подходе, а другого, естественно, у Егора Тимуровича и СПС быть не может, оно само по себе в общем-то не очень нравственно. Ведь тот самый монетаризм, который вы утверждаете, оставляет людей, так сказать, за бортом лайнера, который блесит огнями и в котором летят вовсе не представители среднего класса. Поэтому, понимаете, либеральный подход сам по себе несостоятелен с точки зрения, скажем, человека православного, любого религиозного, я не побоюсь сказать, что и с точки зрения представителей ислама и иудаизма...

Ведущий: *Оставьте чуть-чуть время для ответа.*

В. В. ЛЕБЕДЕВ: ...тут ничего не получится. «Народная партия», конечно, считает, что экономика должна быть рыночной, но вот эти подходы, о которых я сказал, никак не...

Ведущий: *Извините, перебиваю, 15 секунд у Вас есть ответить.*

Егор ГАЙДАР: На протяжении последних 120 лет среднедушевой доход в мире вырос во много раз больше, чем за предыдущие две тысячи лет. И знаете почему? Потому что сложилась либеральная система общественных институтов сначала в Западной Европе, потом во многих других регионах, которая и дала дорогу беспрецедентному в истории экономическому росту. Теперь мы обсуждаем вопрос о том, где наше место в этом росте, но надо понимать и исторический контекст.

Ведущий: *Спасибо всем.*

Сколько мы можем взять у нефтяников, чтобы не навредить развитию отрасли?

Радиостанция «Эхо Москвы». 21 ноября 2003 г.

Ведущий — Алексей Венедиктов

Ведущий: У нас в гостях Егор Гайдар. Добрый день, Егор Тимурович.

Егор ГАЙДАР: Добрый день.

Ведущий: В последнее время в обществе активно обсуждается вопрос о том, что нефтяные компании частенько недоплачивают в бюджет то, что дано от Бога в недрах земли, что необходимо ввести дополнительный налог, его часто называют природной рентой, установить справедливое перераспределение путем этого самого налога. Каково Ваше отношение и как бывшего руководителя Правительства России, и как человека, который долго занимался реформированием экономики, включая этот налог и с учетом нынешней ситуации с нефтяными ценами?

Егор ГАЙДАР: Меня умиляет, когда этот вопрос ставится за три месяца до выборов. Ставится в режиме: давайте возьмем у нефтяников 30 млрд долл. и решим все проблемы. Я проблемой изъятия ренты занимаюсь последние лет 10, институт у меня издал по этому поводу кучу книг, мы провели фундаментальную реформу рентных платежей в 1991 г., не буду рассказывать о технических деталях. С 2002 г. мы увеличили рентные платежи до 11 млрд долл., это самый быстрорастущий элемент российских налоговых поступлений последних двух лет. Дальше возникает масса конкретных проблем. Суть их, если предельно упростить ситуацию, вот в чем: первое — сколько можно взять у нефтяников так, чтобы не повредить

развитию отрасли, так, чтобы не убить курицу, которая несет золотые яйца, как это в свое время делал СССР. Второе — какими инструментами это делать? Вокруг этого годы шла борьба.

Я могу рассказать, что, например, в мае–июне 2003 г. одним из самых острых, на мой взгляд, вопросов между нефтяным лобби и правительством, которые обострили отношения до предела, был вопрос о том, в какой мере повышать в следующем году НДС, налог на добычу полезных ископаемых. Правительство хотело повысить больше. Я также считал, что можно повысить больше просто исходя из своих расчетов, а нефтяники, естественно совершенно, как любое лобби, говорили, что надо повысить меньше. Ключевое голосование было 20 июня 2003 г. Так вот, как Вы знаете, за что проголосовал главный инициатор повышения природной ренты Сергей Юрьевич Глазьев? Он проголосовал вместе с нефтяниками. Можете посмотреть распечатку, она есть.

Ведущий: *Егор Тимурович, если сейчас перейти все-таки к сути проблемы. Существуют высокие цены на нефть, выше 28 долл. за баррель, имеется ли сверхприбыль у частных нефтяных корпораций? Каким образом сделать так, чтобы она была более социализирована?*

Егор ГАЙДАР: Первое, бывает сверхприбыль у корпораций. Кстати говоря, то, что мы сделали и с НДС, и с экспортными пошлинами, было в значительной степени ориентировано на создание простых и прозрачных инструментов изъятия сверхприбыли. При относительно низких ценах мы берем с них более низкие взносы. При более высоких ценах, как сейчас, те налоги, которые они платят, резко идут вверх и после 30 долл. за баррель достигают уже очень высоких значений. Дальше всегда есть развилка. Что вы хотите: вы хотите в наибольшей степени изъять сверхприбыли и создать благоприятные условия для своих менее выгодных месторождений или вы хотите получить более или менее надежные доходы и создать простую систему? Мы сами в свое время разрабатывали в институте систему, ориентированную на стандарты наиболее развитых стран, которые верят в то, что у них очень эффективная бюрократия, скажем Англии. А потом, когда немножко посмотрели, подумали, то полностью изменили свою концепцию. Мы поняли, что если, как предлагалось, выстраивать эти платежи исходя из того, кто, когда, сколько вложил в скважину, сколько сейчас оттуда получает, это модель налога на сверхдоходы, то выясняется, что Мин-

налогов не может обеспечить вам бухгалтерию при нашей инфляции, при всех изменениях, которая покажет вам адекватно, сколько было потрачено. Значит, будет произвол. Либо вы вводите коэффициенты с учетом факторов, от которых зависит рента, но тогда только докажите мне, что эти 10 коэффициентов нельзя будет купить за деньги, когда речь идет о миллиардах долларов. В связи с этим мы и ввели систему предельно простую. Ты добыл тонну нефти — заплати столько-то. Если цена выше, заплати больше. Цена ниже, заплати меньше. Были жалобы на коррупцию в последние два года в этой сфере? Никаких. Были жалобы на то, что мы недополучили доходов, запланированных в бюджете? Нет, мы каждый раз их перекрывали, причем заметно, по сравнению с тем, что планировали получить. Так что, на мой взгляд, при всей этой предвыборной демагогии через два дня после выборов все забудут про эти 30 млрд, потому что я с трудом себе представляю любое правительство России, которое захочет уничтожить нефтяную отрасль, а вместе с ней бюджет и платежный баланс.

В связи с этим возникает другая угроза, сейчас уже снова появились эти идеи: одно министерство, которое могло бы считать коэффициенты, говорит: давайте мы начнем считать коэффициенты, это будет намного эффективнее и точнее, другое министерство, которое могло бы считать налог на сверхдоходы, говорит: нет, давайте считать затраты. Я прекрасно понимаю интересы, которые за этим стоят.

Ведущий: Подождите, Егор Тимурович, но Вы не будете отказываться от того, что, во всяком случае в общественном мнении, нефтяные корпорации сейчас в России благодаря высоким ценам все-таки получают мощные сверхприбыли. Или, может быть, не получают сверхдоходы, которые можно было бы дополнительно забрать? Не скажу «изъять», забрать законодательно в бюджет и распределить?

Егор ГАЙДАР: Да, не буду. Не буду не потому, что я абстрактно исхожу из принципов социальной справедливости, а потому, что мы подробно, полгода на основе не статистики, из которой ничего не вытащишь, а балансов, данных аудитов, данных Минналогов анализировали финансовое состояние отрасли. В Кремле лежит наша записка о том, в каких масштабах, на наш взгляд, можно было бы увеличить изъятие НДС из нефтяной отрасли. По нашим

расчетам получается, что где-то примерно 3–4 млрд долл. можно изъять из отрасли дополнительно без ущерба для ее развития и роста добычи.

Ведущий: *А что для этого надо? Это кто должен решать, правительство или парламент?*

Егор ГАЙДАР: Это, естественно, решает парламент, это решается законом, это как раз то, что я Вам говорил в июне, тогда мы решали вопрос, насколько можно повысить НДСП. Если вы попытаетесь взять еще 2 млрд., в принципе это можно, но вы остановите развитие отрасли. Если вы попытаетесь изъять 30 млрд, тогда получится, как в СССР. Давайте я Вам расскажу, как было в СССР. Вся экономика СССР в самом конце 1970-х — начале 1980-х гг. «висела» уже на сверхдоходах от нефти. Цены были в 3 раза выше, чем сейчас, в 5 раз выше, чем в 1990-х, вводились очень дешевые месторождения, соответственно можно было на эти сверхдоходы от нефти финансировать гонку вооружений наперегонки со Штатами, закупать 40 млн т зерна, разворачивать разные социальные программы, дотировать убыточные предприятия. Потом происходит совершенно катастрофическое падение цен, по сравнению с которым все эти колебания между 1997, 1998 и 2003 гг. выглядят как такие маленькие волночки, а у вас уже вся экономика висит на этой нефтяной ренте, у вас нет ни сил, ни воли, ни желания резко сокращать расходы на оборону, перестраивать сельское хозяйство. Что вы начинаете делать? Вы начинаете недофинансировать нефть. Ведь нефть — это отрасль очень капиталоемкая.

Ведущий: *Много денег выбивает, да?*

Егор ГАЙДАР: Для того чтобы поддерживать добычу, там текущая добыча довольно дешевая, но для того, чтобы ее поддерживать, нужны очень большие капиталовложения, причем растущие. Вам не хочется их туда давать, вы же привыкли, вы посадили экономику на нефтяную ренту. Собственно, мы в 1980-х гг. это обсуждали многократно, когда работали в Академии наук, мы писали по этому поводу записки в правительство и в ЦК КПСС, что это важнейшая стратегическая проблема — растущая капиталоемкость нефтедобычи, которую каким-то образом надо покрывать. Не покрывали. В результате не в 1992-м, а в 1989 г. начинается катастрофическое падение добычи нефти. В 1991 г. падение достигает уже 50 млн т в год, т. е. вы получаете одновременно сочетание низких

цен на нефть при бурно падающей добыче, некапитализированной отрасли и экономике, которая вся висит на нефтяной ренте. После этого у вас начинает бурно расти долг, вы теряете возможность его обслуживать, у вас разваливается бюджет, у вас всеобщий дефицит товаров, собственно, после этого крах СССР. Конечно, за ним стоят более длинные исторические причины: почему СССР не мог наладить эффективное сельское хозяйство, почему не экспортировал машиностроительную продукцию на конвертируемую валюту, — но вот тактическая логика развития процесса была именно такая. Если сейчас попытаться перейти пределы, которые совместимы с нормальным функционированием нефтяной отрасли, то, конечно, это просто запуск механизма экономического краха.

Ведущий: *Смотрите, что Вы сейчас сказали, Егор Тимурович, Вы сейчас практически сказали, что нефтедобыча и нефтепродажа, весь нефтяной комплекс, обеспечивает целостность государства и государственную безопасность. Значит, правы те, кто считает, что нужно взять нефтяную отрасль под госконтроль в том или ином виде, вынуть ее из жадных лап нефтяных монополий.*

Егор ГАЙДАР: Замечательно, в 1988 г. она была вся государственная. Она развалилась к 1991–1992 гг., будучи вся государственная, это не решает ни одной проблемы. Проблема — это эффективность, проблема — это заинтересованность в частных капиталовложениях, в финансовой прозрачности, в том, чтобы быть в связи с этим respectable, привлекать капиталовложения из страны и мира и т.д. Идея, что можно взять, национализировать...

Ведущий: *Или проконтролировать, необязательно национализировать.*

Егор ГАЙДАР: Это в смысле, кто взятки будет получать?

Ведущий: *Наверное.*

Егор ГАЙДАР: В этом смысле да, конечно.

Ведущий: *Вопрос вот какой. Мы все-таки накануне выборов, до них осталось 20 дней. Вы сейчас, выступая и от себя и, видимо, как член партии, кандидат в депутаты от СПС, Вы сейчас занимаете странную позицию с точки зрения электората. Вместо того чтобы обрушиться на нефтяные корпорации, которые владеют тем, что принадлежит народу, я имею в виду недра, Вы сейчас просто отталкиваете от себя избирателей, выступая в роли защитника нефтяных монополистов или, наоборот, как их там назвать, баронов.*

Егор ГАЙДАР: Я считаю, что у нас достаточно умный избиратель, я привык говорить ему правду, я всю жизнь говорил ему правду, вряд ли буду менять свою позицию.

Ведущий: *Александр пишет, Вы говорите правильно, но это надо было делать раньше, а сейчас поезд ушел, имеется в виду, вводить эту систему, забирать эти 3–4 млрд.*

Егор ГАЙДАР: Бодливой корове Бог рогов не дает, я давно пытался это сделать. Кстати говоря, наши предложения по изменению системы платежей на природные ресурсы, которые мы разработали вместе с независимым Институтом топливно-энергетических исследований, которые были поддержаны правительством и дважды вносились в Государственную думу — в 1997 и 1998 гг., где большинство было коммунистов, как Вы думаете, были приняты? Нет.

Ведущий: *Егор Тимурович, Михаил Иванович такой текст прислал нам: «Почему Вы опять сознательно путаете понятия “налог на добычу” и “рентные платежи”, которые от Бога, которые должны платиться автоматически, от Бога в смысле полезные ископаемые?»*

Егор ГАЙДАР: Потому что налог на добычу — это один из возможных вариантов рентных платежей, рентные платежи в мире взимаются разными системами. На самом деле налог на добычу, если это не рентный платеж, тогда, прошу прощения, получается двойное налогообложение дохода, это противоречит первой части Налогового кодекса. Поэтому хотя он прописан в Налоговом кодексе, как, собственно, все предлагалось прописывать в Налоговом кодексе, тем не менее это типичный рентный платеж, но рентный платеж, который взимается в относительно простой форме. Можно, конечно, придумать другие формы, и существуют другие формы рентных платежей, только не надо думать, что это нечто отличное от ренты.

Ведущий: *Андрей Николаев из Москвы спрашивает: «Скажите, природная рента, выплаты по ней закладываются в стоимость продукции?» Тонкий вопрос.*

Егор ГАЙДАР: Это вопрос тонкий, деликатный, как вообще распределение налоговых издержек между потребителем и производителем. Вынужден апеллировать к экономической классике: это вопрос эластичности спроса по цене; эластичность спроса на нефть по цене одинакова независимо от того, как вы изымаете эту ренту, в общем и там, и там распределение издержек между потребителем

и производителем примерно одинаковое. Да, конечно, любой налог увеличивает частично цены для потребителя. Часть его возлагается на производителя и не компенсируется ростом цены.

Ведущий: *Еще вопрос. Сергей из Химок спрашивает: «Как Вы считаете, есть ли связь между проблемами соглашений о разделе продукции, трубопровода в Китай, природной рентой и повышенной активностью Ходорковского, что привело к известным событиям? Можно ли это как-то разделить?»*

Егор ГАЙДАР: Есть некоторая связь между системой налоговых льгот по прибыли и внутренних офшоров, вопросов о том, нужны ли нам ограничения по уровню экспортных пошлин на нефтепродукты и т.д. Конечно, в чем-то действительно есть связь. Нефтяники сформировали в Думе хорошее, мощное лобби, что не является необычным нигде в мире. Я знаю, что есть лобби, скажем, производителей алкоголя в Думе, я знаю многие другие лобби. Нефтяное было сильным. И мы, кстати говоря, при поддержке нефтяного лобби вместе с правительством сделали массу всего полезного, скажем, взяли и ввели плоский подоходный налог, они нас поддержали, без них нам бы было довольно трудно. Естественно, при этом они отстаивают свои интересы, было бы странно, если бы они их не отстаивали. Они отстаивали грамотно, в том числе используя технологии, хорошо отработанные в Штатах, в Конгрессе, когда именно в тот законопроект, который труден для власти, тебе во втором чтении вставляют поправку, которая нужна лобби, с этим Америка живет столетиями. Есть способы борьбы, и они лежат в русле главного, что определяет политический процесс, — нужно работать с партиями, которые голосуют за эти поправки, думать о том, как усилить свое влияние в парламенте, но, если ты выбрал демократическую систему, ты просто пойми, что лоббирование, нравится или не нравится, — это органичный элемент процесса. Мне очень хотелось провести многие законы, которые я не мог провести из-за сопротивления нефтяного лобби, тем не менее я понимал: что же делать, не могу, потому что недостаточное внимание власти, потому что она недостаточно скоординирована, в том числе координация между правительством и президентской администрацией не всегда достаточно высока и т.д. Но в какой-то момент, если демократия молодая и неопытная, власть может взять и обидеться, сказать: как это так, они мешают нам работать? И мы стукнем кулаком по столу и исполь-

зую неконвенциональные¹ меры борьбы с лобби. Как, собственно, я вижу происшедшее. А дальше выясняется, что, как только начинаешь использовать такие методы, у тебя радикально меняется вся политическая ситуация в стране.

Ведущий: *Кстати, Стас из Екатеринбурга спрашивает: «Вы можете кратко сказать, в чем позиция СПС по ренте отличается от позиций основных четырех партий — “Единой России”, КПРФ, ЛДПР и “Яблока”?»*

Егор ГАЙДАР: Главное, чем отличается наша позиция по ренте, состоит в том, что мы провели реформу ренты, рентных платежей, повысили их до 11 млрд долл. сегодня. Должен сказать честно, они этого не сделали. Хотя не могу не сказать, что пропрезидентские фракции, когда нас поддержало правительство, тоже нас поддерживали. Это главное. Второе, мы твердо убеждены в том, что любые действия, связанные с рентой, должны проходить проверку на коррупциогенность. Когда и если ты не убежден, что у тебя прекрасная и абсолютно некоррупцированная бюрократия, то, прежде чем что-нибудь сделаешь, подумай, а в результате у тебя возрастут доходы бюджета или доходы чиновников? С этой точки зрения мы принципиальные защитники простых решений. Наряду с многими полезными реформами в налоговой области за последние три года было проведено, на мой взгляд, две самые эффективные — это плоский подоходный налог и простая система взимания природной ренты. Мы на этих двух реформах получили прирост 15 млрд долл. Получали по этим двум налогам до реформ где-то 10 млрд долл., сейчас получаем порядка 25 млрд. Дальше можно идти по этому пути, совершенствуя налоговое законодательство, повышая ставки в разумных пределах и наращивая платежи. Но когда сейчас, в ходе избирательной кампании, из-за этого перераспределительного ража мы уже слышим от председателя Совета Федерации, что надо ввести вновь прогрессию подоходного налога, что надо ввести сложные, запутанные, абсолютно коррупциогенные системы обложения природных ресурсов, мы с этим никогда не согласимся.

Ведущий: *Еще один вопрос, мне кажется, любопытный от Веры Филипповой из Сочи: «Хотелось бы знать, сколько платят налогов*

¹ Неконвенциональные — буквально не соответствующие конвенции, в более широком смысле — не соответствующие принятым профессиональным или общественным правилам. — *Прим. ред.*

с нефти наши нефтяные компании, в частности ЮКОС, Роснефть, каковы эти показатели у зарубежных компаний?»

Егор ГАЙДАР: Мы проводили эти расчеты, показатели примерно одинаковые. С тонны нефти наши компании платят примерно столько же, сколько платят основные крупные зарубежные компании. Наша налоговая система по нефтяной отрасли с точки зрения международных сопоставлений стоит где-то в середине. Когда я говорю, что давайте увеличим еще на 3–4 млрд, мы хотим ее от середины перевести чуть-чуть выше, не так, чтобы она делала отрасль инвестиционно непривлекательной, налоговый режим запретительным для конкуренции за международные капиталы, а так, чтобы чуть-чуть сдвинуть ее от середины к верхнему краю графика.

Ведущий: *У меня еще один вопрос. Я бы коснулся актуальной сегодняшней темы. Вы знаете о том, что сегодня городской Мосизбирком разбирает вопрос об одном из кандидатов от СПС — Владимире Кара-Мурзе. Он у нас сегодня был в эфире, его противник вменяет ему в вину то, что он на своих листовках обозвал себя единым кандидатом от СПС и «Яблока», единым кандидатом демократического фронта. Попросили снять его с регистрации. Вам, Егор, первый вопрос: не обидно, что Владимир Кара-Мурза называет себя не кандидатом от СПС, а единым кандидатом от СПС и «Яблока»?*

Егор ГАЙДАР: Нет. Наоборот, очень рад, всю жизнь выступал за единство демократических сил, очень сожалею, что наши успехи в этой области были крайне ограниченными. Если мы можем выдвинуть единого кандидата — это замечательно.

Ведущий: *Какова сейчас ситуация, как Вы оцениваете ситуацию за 20 дней до голосования вообще для СПС?*

Егор ГАЙДАР: *Я думаю, что она вполне приличная.*

Ведущий: *То есть Вас не гнобят, но Вас и не хвалят? Помните, мы говорили об административном ресурсе?*

Егор ГАЙДАР: Нет, Вы знаете, мне не нравится ситуация в стране, а ситуация с выборами и СПС, мне кажется, нормальная.

Ведущий: *Напоминаю, у нас в гостях Егор Тимурович Гайдар. Последний, наверное, вопрос, очень многие наши слушатели задают его всегда, когда приходят лидеры либо СПС, либо «Яблока»: а что Вы подразумеваете под объединением вообще с учетом того, что списки зарегистрированы, что такое «давайте немедленно объединяться»? Что Вы подразумеваете?*

Егор ГАЙДАР: На самом деле это было абсолютно технологичное предложение. Оно было озвучено СПС. Суть его состояла не в том, что мы сейчас объединим списки, а в том, что мы, СПС и «Яблоко», выступим с общим заявлением о том, что не будем вести борьбу друг против друга, что призываем тех избирателей, которые разделяют демократические ценности, прийти на избирательные участки и проголосовать за ту из наших партий, которая ему наиболее симпатична. Вот, собственно, о чем шла речь. После выборов можно обсуждать дальнейшие вопросы координации действий в Думе и т.д., но предложение это было предельно простое: давайте мы хотя бы нашим избирателям скажем, что мы не воспринимаем друг друга как враги, мы считаем важным ваше участие в выборах. А за кого из нас вы проголосуете, вы сами выберете.

Ведущий: *Спасибо большое, я напоминаю, в прямом эфире «Эха Москвы» был один из кандидатов в депутаты от СПС, один из лидеров списка, возглавляющий московский список, Егор Тимурович Гайдар.*

Результаты голосования повлияют на то, какая страна у нас будет к 2008 году

Радиостанция «Эхо Москвы».

2 декабря 2003 г.

Ведущий — Сергей Бунтман

Ведущий: *Сегодня у нас в гостях Егор Тимурович Гайдар. Добрый день, Егор Тимурович.*

Егор ГАЙДАР: *Добрый день.*

Ведущий: *Я Вас поздравляю, во-первых, с выходом книжки «Экономика переходного периода». Правда, сегодня остроумно в «Коммерсанте» сказали, что Егор Гайдар с соавторами взяли себе работу на века, потому что у нас всегда будет переходная экономика: от чего-то к чему-то. Выборы у нас судьбоносными перестали быть или нет? Сегодня мы говорили с одним из наших гостей, что региональные выборы скучны, потому что предсказуемы. Что приносят эти выборы?*

Егор ГАЙДАР: *Вы знаете, так как у нас Конституция сильно сдвинула баланс власти в сторону президента, иногда есть представление, что парламентские выборы малозначимы для политических процессов в стране. Мой длительный опыт присутствия и в политике, и во власти, и в парламенте показывает, что это глубочайшее заблуждение. В ноябре–декабре 1993 г. в российской элите активно шла борьба вокруг выбора курса. Вот сейчас преодолен кризис двоевластия, будет принята новая Конституция. Что делать? Начинать энергичные экономические реформы или этого не делать? Или отдохнуть, расслабиться, заняться приятным дележом власти и т. д.? И Борис Николаевич, надо сказать, колебался. Я думаю, что мож-*

но себе представить, кто какую позицию занимал. И вот результаты выборов 1993 г. в огромной степени повлияли на то, что не была принята концепция ускорения реформ, а у российской политики скоро во весь рост встала проблема чеченской войны. В 1995 г. успех коммунистов на выборах в колоссальной степени повлиял на невозможность проведения впоследствии программы молодых реформаторов и на то, что мы подошли к кризису, дефолту 1998 г. В 1999 г. выборы были восприняты как успех прореформаторских сил в том числе из-за сильного выступления СПС, из-за того, что не очень сильно выступили коммунисты, и это во многом послужило базой тех либеральных реформ, которые проводились, по крайней мере, в первые годы президента Путина. Вот сейчас, на мой взгляд, выборы тоже крайне важны. И важны они потому, что есть очень серьезная угроза появления значительной части Думы, которая охотно заигрывает с фашистскими, можете называть их как вам удобно, но реально с фашистскими, нацистскими идеями.

Ведущий: *Как бы Вы определили фашистские, нацистские идеи? Потому что это полемика. Не называйте того или иного нацистом, фашистом, потому что нет решения какого-нибудь Нюрнбергского суда.*

Егор ГАЙДАР: Да, я именно поэтому даже не называю фамилий.

Ведущий: *А каково для Вас определение? Давались базовые определения нацизма?*

Егор ГАЙДАР: Разумеется. Я считаю, что определения, которыми у нас пользуются, очень узкие, как правило, они все восходят только к Нюрнбергскому трибуналу. На самом деле феномен фашизма или нацизма предельно простой. Это те политические движения, которые заигрывают с двумя идеями. Первая — что во всем виноваты инородцы. Вторая — что у них надо все отобрать и поделить и это будет решением наших проблем. И надо сказать, что в условиях молодых неокрепших демократий, в условиях еще не очень богатого общества это, как правило, эффективная политическая технология. Вы всегда можете получить голоса какого-то набора людей, которые скажут: здорово, конечно, инородцы, ясно же, что у них надо отобрать и поделить. Почему это не очень принято в приличном обществе? Потому что люди, которые используют такие технологии, как правило, очень плохо кончают. В идеальном варианте, в мягкой Европе сажают в тюрьму, как Милошевича,

в худшем случае вешают за ноги, как Муссолини. В общем такая перспектива малопривлекательна. Но тем не менее в краткосрочном плане это эффективная политическая технология.

Ведущий: *В краткосрочном плане это может привести к объединению усилий и к определенному экономическому скачку. Так это или не так? Очень многие смотрят на историю Германии не только 40-х гг., но в основном середины 30-х. Безработицы нет, все отлично, экономический рост.*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, никто не принес Германии больше несчастий, чем фашисты. Никто не уничтожил больше немцев, чем Гитлер. Кстати говоря, это творят люди, которые обычно любят говорить о своей любви к родине. Я напомним эпизод, который в общем-то известен, хотя его иногда забывают. Когда стало ясно, что Германия проигрывает войну, Гитлер сказал, что если страна не оправдала его ожидания, то германская нация должна погибнуть. Самое обидное состоит в том, что Гитлер пришел к власти действительно в тот момент, когда Германия начинала выходить из экономического кризиса 1929–1933 гг. Было ясно, что ситуация начинает улучшаться, уже в 1932 г., хотя позади были тяжелые времена, это отдельная история, история кризиса. Тем не менее нацизм пришел не в момент пика кризиса, он пришел, когда экономика начала улучшаться, расти. И надо сказать, что тот рост, который был при Гитлере, конечно, существовал, но он был внутренне неустойчив. К 1938 г. у Гитлера, собственно, не было выбора — начинать войну или нет, у него был практически полностью исчерпан золотовалютный резерв. Ему нужно было начинать войну, начинать дальше использовать те ресурсы, которые он мог взять в завоеванных странах Европы.

Ведущий: *Но и германские ресурсы тоже были на это направлены.*

Егор ГАЙДАР: Давайте представим себе, что у нас сегодня 66 млрд долл. валютных резервов. Если Вы завтра возьмете у Центрального банка 10 млрд и на эти деньги загрузите оборонные заводы, у вас начнется экономический рост?

Ведущий: *Начнется.*

Егор ГАЙДАР: Ускорится. Продолжится некоторое время. А потом деньги кончатся. И что делать?

Ведущий: *Вот сейчас идет серьезное лоббирование того, о чем Вы говорите, о загрузке ВПК. Одно из объединений, оппонировавших Вам, в частности, тоже говорит: у нас такой интеллектуальный*

ресурс в ВПК, давайте его загрузим. Не одними своими сырьевыми запасами должны мы богатеть. Вот что Вы в этом отношении предлагаете? Интеллектуальный ресурс.

Егор ГАЙДАР: Я считаю, что это прекрасно — загрузить интеллектуальные ресурсы, если есть деньги. Только деньги не из воздуха, не напечатанные, а реальные деньги. Вы хорошо собираете налоги, у вас есть финансовый ресурс. У нас действительно масса проблем в военной области, в том числе проблемы, связанные с обновлением вооружения, программой вооружения. Я же не против. Я просто глубоко убежден, что не надо придумывать несуществующих решений. Если вы собираете налоги и у вас есть деньги для того, чтобы обновить вооружение нашей армии, замечательно. Если их нет, если вы просто уничтожаете национальную валюту, то потом кому-то придется объяснять, а где, собственно, сбережения-то. Ведь что это такое? Это значит изъять сбережения у людей. А потом кто-то придет, вот как я, например, в 1991 г., и будет вынужден отвечать, а, собственно, деньги-то где. А их уже потратили, программа вооружения на них профинансирована.

Ведущий: *«Гайдар украл мою пенсию» — это мы слышим уже очень давно. Концентрируется очень многое в экономической программе вокруг пресловутой природной ренты. Называют разные цифры, отобрать ли все, отобрать ли частично. И у меня начинает складываться впечатление, что вообще для народа это какая-то иллюзия, как Лука рассказывал Актеру про больницы, где лечат и все очень здорово¹.*

Егор ГАЙДАР: Это чистая правда. Особенно все это забавно слушать за три месяца до выборов. Реформой природной ренты мы занимались годами. В свое время правительство с нашей подачи вносило две главы Налогового кодекса, связанные с введением налога на дополнительные доходы от углеводородов. И ни разу не смогли провести его через контролируемую коммунистами Думу. В 2001 г. у нас в институте была разработана глава, посвященная реформе ресурсных платежей. Мы согласовали ее с правительством, согласовывали вместе с Министерством финансов, с трудом провели через Думу. Сегодня этот налог дает нам 11 млрд долл. Это не мифические какие-то деньги, а просто в бюджете сегодня у нас 11 млрд

¹ Имеется в виду пьеса А. М. Горького «На дне». — Прим. ред.

долл. поступлений от налога на природный ресурс. Раньше собирали от 2,5 до 5. Можно ли собрать больше? Можно собрать больше. Но только это вопрос очень серьезный. Вот мы, скажем, провели анализ для того, чтобы оценить, сколько можно собрать, не нанеся ущерба нефтяной отрасли, не разрушая нефтяную отрасль, как Советский Союз разрушил сам свою нефтяную отрасль за счет недостаточных инвестиций, после чего получил резкое падение добычи начиная с 1988 г. По нашим расчетам, основанным на балансах, аудите, данных налоговых органов, можно. Можно на 3–4 млрд долл. примерно. Еще раз подчеркиваю: не разрушая отрасль. Если захотим взять больше, затормозится развитие нефтяной отрасли. Захотим взять заметно больше, глядя на цифры, которые сегодня называют некоторые наши политические оппоненты, начнется крутое падение добычи и в конце концов рухнет из-за этого и платежный баланс, и бюджет страны.

Ведущий: *То есть Вы считаете, что разговоры, которые сейчас ведутся, — это иллюзия, не имеющая отношения к реальности?*

Егор ГАЙДАР: Те депутаты, которые самым активным образом продвигают сегодня эту идею, как Сергей Юрьевич Глазьев, реально голосуют по-другому. Когда 20 июня было ключевое голосование в Государственной думе по поводу природной ренты, когда голосовались поправки в Налоговый кодекс, Сергей Юрьевич, как и практически вся коммунистическая фракция, проголосовал против предложений правительства.

Ведущий: *Они считают, что оно было недостаточное и шло не туда.*

Егор ГАЙДАР: А где были поправки Сергея Юрьевича Глазьева, которые были бы направлены на то, чтобы было больше и шло бы туда? Я специально провел подробный анализ всех поправок. Не было таких поправок.

Ведущий: *Главный аргумент против «Союза правых сил»: вы сами придумали забрать и поделить, а теперь навязываете избирателям и населению.*

Егор ГАЙДАР: На самом деле то, что мы делали в последние годы, по сути замысла состояло в том, чтобы получить в России стабильные отношения частной собственности, потому что мы понимаем, что невозможно надеяться, что страна наша будет развиваться за счет государственных средств, у нас нет таких государственных

ных средств, у нас и так большая социальная нагрузка на экономику. И попытка взимать очень большие налоги приводит просто к уклонению от уплаты. У нас есть одна надежда на развитие: это то, что люди будут вкладывать свои деньги в отечественную экономику в разных формах — в малый бизнес, в средний бизнес, в большой бизнес. Это возможно, если создать надежно гарантированную частную собственность, создать твердое представление, что если ты вкладываешь деньги в нашу страну, а не в Монако, то у тебя их здесь не отнимут. Это почти самое главное из всего, что мы делаем. И в общем именно в последнее время, уже в 2003 г., у меня, например, на основе анализа большого массива статистической информации стало складываться впечатление, что мы либо решили эту задачу, либо вплотную к ней приблизились, потому что стало ясно, что меняется направление потока капитала, в первом полугодии это было абсолютно очевидно. Стало ясно, что быстро растет производство не только в топливной энергетике, но и, скажем, в машиностроительной отрасли. Стало ясно, что быстро растет спрос на машиностроительную продукцию, быстро растут инвестиции. Короче, все признаки инвестиционного подъема в первом полугодии этого года были налицо. И в этой ситуации вновь поставить вопрос о том, что собственность-то можно отобрать и поделить, — это страшный удар по перспективам экономического роста.

Ведущий: *Существует мнение аналитиков, что показательный жест с ЮКОСом принес партии, поддерживающей власть и относящейся к власти, голоса так называемых консервативных левых, которые лояльно относятся к исполнительной власти и будут голосовать не за откровенно левых, не за оппозицию, а за партию власти.*

Егор ГАЙДАР: Охотно верю. Не знаю, но охотно верю. Ведь тема отобрать и поделить в краткосрочной перспективе политически почти всегда выигрышна. Да, это потенциально вновь создание обстановки нестабильности в стране. Да, это удар по перспективам экономического роста. Да, это открытый ящик Пандоры, потому что, как только ты начал обсуждать эту тему, а вместе с ней почему-то всегда возникает и тема инородцев, сразу на теледебатах становится приятным обсуждать вопрос о национальности оппонента, т.е. делать вещи, которые в общем, кроме крайних маргиналов, в российской политике в последнее время обычно не делали.

Ведущий: *Сейчас Вы замечаете, что это делают все чаще и чаще. И вот нас спрашивают: «Не задали бы Вы вопрос Геннадию Андреевичу Зюганову, зачем у него в тройке Кондратенко — человек откровенно националистических и ксенофобских взглядов?»*

Егор ГАЙДАР: Это правда. Конечно, КПРФ традиционно заигрывала с националистическими взглядами, регулярно появлялись люди, имеющие обыкновение делать крайне неприличные антисемитские высказывания и т. д., но само руководство КПРФ все-таки пыталось соблюдать, я бы сказал, какие-то минимальные приличия в этой области. Все-таки так, чтобы из Страсбурга пинками не выгоняли.

Ведущий: *Есть еще два вопроса, тоже связанные с изменением государства, которое может пойти в националистическую и даже нацистскую сторону, — это образование и военная реформа. Как этой опасности можно противостоять? Потому что Вы помните, что в Германии разворачивание патриотического рейхсвера тоже началось с такого вот небольшого, компактного, а потом во что превратилось? Что здесь можно сделать?*

Егор ГАЙДАР: Есть масса проблем, которые стоят в стране. Я могу читать длинный лист, и по каждой из них у нас есть набор своих осмысленных, разработанных предложений, начиная от военной реформы и кончая реформой всей бюджетной сферы, структуры бюджетной сферы, образования, здравоохранения, миграционной политики и т. д. Я надеюсь, что после выборов многое из того, что мы предлагаем, будет воспринято властью и реализовано. И это полезно для долгосрочных перспектив развития страны. Но если мы говорим об угрозе демократическим институтам, — угрозе, связанной с радикальным национализмом, к сожалению, самое главное, что нам нужно, — это время. Есть уровни развития, при которых возникают разные риски. Скажем, демократии при душевом ВВП в 1000 долл. на человека в год бывают, но редко и, как правило, малоустойчивые. А скажем, авторитарные режимы при душевом ВВП 15 тыс. долл. и больше тоже бывают крайне редко и крайне неустойчивы. У нас революция 1917 г. случилась, когда мы проходили один из очень рискованных периодов развития — период ранней индустриализационной дестабилизации. А сегодня мы проходим другой, тоже рискованный период. Это когда еще молодая демократия при том уровне развития, который есть у нас сегодня с точки

зрения урбанизации, грамотности, образования, душевых доходов. Он, конечно, чуть-чуть повыше, чем тот, который был в Германии в 1930-х гг., но именно чуть-чуть, там разница меньше поколения.

Ведущий: *А по уровню недовольства, может быть, не менее.*

Егор ГАЙДАР: А по уровню недовольства, может быть, не меньше, и демократия была не более длинной, если говорить о полноценной демократии, веймарской. И проблемы политические, связанные с тем, что происходило в последние 15 лет, похожи.

Ведущий: *Считаете ли Вы угрозой фашизма в России реальной? Мы слушаем ответы на вопрос, который задали.*

СЕРГЕЙ: Я думаю, нет. Вот у «Единой России», когда другие говорят о каких-то реальных предложениях интересных, у них такая отговорка, что это популизм. А в СПС почему-то сразу начинают говорить о фашизме.

Ведущий: *Вы считаете, что это отговорка СПС. Спасибо, я Вас понял. Как у «Единой России» популизм — это всё, то у Вас всё — фашизм.*

Егор ГАЙДАР: Наш институт подготовил очень много программных документов, которые были реализованы в этой Думе. Я могу сказать, кто авторы главы, посвященной плоскому подоходному налогу, — Сергей Синельников, Саид Баткибеков и Анна Золотарева. Могу сказать, кто авторы главы, посвященной реформе рентных платежей, — это тот же Сергей Синельников и Юрий Бобылев. Короче говоря, мы регулярно занимаемся практическим проведением экономических реформ и экономической политики. И я абсолютно не сторонник кричать «волки, волки», когда волков нет. Вообще я не очень люблю публичную политику. Но сейчас мне кажется, что эта угроза реальна.

АННА: Я считаю, что это вполне реальная угроза. Причем я так считаю не только потому, что об этом говорит сейчас Егор Тимурович, а я давным-давно считаю, еще когда наш парламент поддерживал Милошевича. Я считаю, что все события, происшедшие в Югославии, обострились из-за такой направленности некоторых членов нашего парламента, которые обещали даже ракеты ему в помощь послать и тем самым его позицию укрепляли. Может быть, там бы и мирно все кончилось, если бы наши, так сказать, националисты-патриоты не вели такую политику поддержки Милошевича.

Ведущий: *Я Вас понял. Спасибо, Аня. Мне, честно говоря, кажется, что позиция нашей Думы и многих депутатов по югослав-*

скому вопросу гораздо важнее была для нас, чем для реальной ситуации в Югославии.

Егор ГАЙДАР: Да, конечно. Вот пример Милошевича, который пришел к власти, укрепил ее на самых простых и эффективных лозунгах, которые можно было в это время придумать в Сербии, — на лозунгах о величии Сербии и того, что во всем виноваты албанцы. Эти лозунги действительно в краткосрочном плане были крайне эффективны, а в долгосрочном привели к страшной трагедии для Югославии, развалу страны, по существу к развалу Сербии к нынешнему времени, к сотням тысяч погибших, к сотням тысяч беженцев и т. д.

Ведущий: *Егор Тимурович, Вы рассчитываете, что многие предложения после выборов могут быть приняты и проекты СПС тоже. Не знаю. Предполагаете ли Вы такую тенденцию, что, например, власть при поддержке некоторых блоков, которые окружают партию власти и имеют жесткие взгляды по миграционной политике, — вот тест, интересно, сколько за них проголосуют, что они во многом больше будут определять политику, чем идеи экономические и те, которые предлагает тот же самый СПС.*

Егор ГАЙДАР: Я совершенно с Вами согласен. Дело в том, что от партии власти никогда не исходит никакого импульса, т. е. это такой инструмент, он, может быть, эффективен для самой власти, но это инструмент. Импульс исходит от того, как строится ситуация на правом и левом флангах, или, условно говоря, среди демократов и антидемократов. И это неизбежно. Не прямо, не через то, какие там немедленно будут внесены законы, а через общую ситуацию в стране, в парламенте, настроения, ощущения тенденций, неизбежно начинают сказываться на власти. Страна не изменится с 7-го на 8 декабря немедленно независимо от результатов выборов. Но то, какие будут результаты голосования 7-го, в колоссальной степени повлияет на то, какая страна у нас будет к 2008 г.

Ведущий: *Вы сейчас даже как-то придаете, Егор Тимурович, больше значения выборам 7 декабря, чем мартовским выборам президента. У меня такое ощущение.*

Егор ГАЙДАР: Во-первых, они ближе. Во-вторых, у меня есть гипотеза, кто победит на президентских выборах, не хочу ее сейчас комментировать. Но вот то, как само общество позиционирует себя

по отношению к политике 7-го, на мой взгляд, в колоссальной степени задаст тренд, тенденции на следующий год.

Ведущий: У нас закончился опрос. Я могу Вам рассказать о его результатах, потом мы прокомментируем. Итак, нам позвонили за эти минуты 4969 человек, прилично. У нас считают, что угроза фашизма в России реальна, 74%, считают, что эта угроза нереальна, 26%. Спасибо всем, кто позвонил. Егор Тимурович, скажите, пожалуйста, Вы за счет чего относите такой результат? Понятно, что аудитория достаточно специфическая, это не социологический опрос, не дай Бог. Но зависит ли результат от того, что Вы собрали аудиторию, которая Вас более чувствует, относится сочувственно, слушает Вас и убеждается Вашими доводами? Или в общем-то это отражает какое-то понимание того, что происходит?

Егор ГАЙДАР: У «Эха Москвы» грамотная аудитория. А у грамотных людей есть понимание того, что происходит в стране. Если люди смотрели, скажем, теледебаты последних недель, то не почувствовать исходящей от некоторых наших политиков националистической угрозы, не почувствовать, что есть страстное желание оседлать эту тенденцию, использовать ее в политической борьбе, не понимая того, что этот конь дальше несет тебя уже сам, ты думаешь, что ты можешь им легко управлять, а это не получается. Я думаю, что у большей части аудитории «Эха Москвы» это понимание есть.

Ведущий: Скажите, пожалуйста, сейчас есть дежурное, скажем так, понимание, как мы уже с Вами говорили, национального так называемого самосознания и того, что связано с определениями нацизма и его уравнительной по отношению ко всем инородцам политики в пользу коренного народа. Если худо будет, СПС к этому болотцу то не подойдет близко? Можете ли Вы, как один из руководителей этого союза, сказать?

Егор ГАЙДАР: Нет, не подойдет.

Ведущий: Уверены?

Егор ГАЙДАР: Абсолютно.

Ведущий: Егор Гайдар был в нашей студии. Спасибо большое, Егор Тимурович.

В России нет кризиса либерализма, есть кризис демократии

Радиостанция «Эхо Москвы». 15 апреля 2004 г.

Ведущие — Алексей Венедиктов, Алексей Воробьев

Алексей ВОРОБЬЕВ: *«Слухи о смерти преувеличены» — так называется статья, которую написал Егор Гайдар, глава Института экономики переходного периода. Сегодня он у нас в гостях. Официально заявлена тема эфира: будущее либеральных сил в России, возможность пересмотра итогов приватизации. Статья «Слухи о смерти преувеличены» фактически ответ господина Гайдара господину Ходорковскому¹, не так ли?*

Егор ГАЙДАР: Да, только уточню, это не ответ господину Ходорковскому, это первая часть ответа господину Ходорковскому и если быть точными, то не господину Ходорковскому, а группе товари-

¹ Из статьи Е. Гайдара: «Статья “Кризис либерализма в России”, подписанная М. Ходорковским, вызвала оживленную дискуссию. Даже те, кто принял ее с восторгом, обратили внимание на банальность сказанного, на то, что все это неоднократно повторялось противниками российских либералов. Принципиальной новостью стало не содержание статьи, а авторство, а также место, где она была написана. Автор из-за решетки совершает покаяние, вершит моральный суд, благословляет и ниспровергает. Пишет о сервильности либералов, их готовности забыть про конституцию ради севрюжины с хреном. Прочитав письмо, оказался в сложном положении. Согласиться со сказанным невозможно. Спорить с тем, что человек пишет из неволи, по российской традиции занятие малопочтенное. Для меня с 6 апреля (когда Минюст обнародовал объяснительную записку, в которой Ходорковский говорит, что “собственноручных материалов” в газету не передавал) автором статьи становится группа неизвестных товарищей, объединенная псевдонимом “М. Ходорковский”. Впрочем, нет претензий к газете, опубликовавшей текст, подписанный Ходорковским. Текст представляет общественный интерес, кто бы не был его автором...»

Полностью статья Е. Гайдара «Слухи о смерти преувеличены» опубликована в 7 томе настоящего собрания. — *Прим. ред.*

щей, выступившей под псевдонимом «господин Ходорковский». Я написал статью, она в полном виде выйдет на следующей неделе в «Еженедельном журнале». А в сокращенном виде часть ее опубликована в газете «Ведомости», а часть будет опубликована позже.

Алексей ВОРОБЬЕВ: *Не кажется ли Вам, и у Алексея Венедиктова такое же впечатление сложилось, что половинчатая получилась статья? Это из-за того, что вторая часть пока не опубликована?*

Егор ГАЙДАР: Это не вопрос к автору, это вопрос к издательству. По такой советско-российской традиции, первая газета, которой я должен был предложить этот материал, — это газета «Ведомости», мною уважаемая. Газета «Ведомости» сказала, что по ее нормам, вполне мне понятным как человеку, который работал в печати, максимум, что они могут сделать, напечатать ее в двух частях. Мне тоже казалось, что это не самое логичное решение, но я понимаю, что есть редакционные правила.

Алексей ВОРОБЬЕВ: *Вы признаете свою вину перед демократами или, во всяком случае, так тезисно можно было бы сформулировать некоторые послы в статье? В чем вина? В том, что вы не довели до конца реформы?*

Егор ГАЙДАР: Я бы сказал так: о том, что мы многое делали несовершенно, мне приходилось говорить неоднократно. Я в этом убежден. В том, что мы делали ошибки, нет никаких сомнений. Мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе. Но каяться, когда тебе предлагают каяться в подобной стилистике, я считаю занятием просто малопримечательным.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Хорошо, есть вопрос от Шуры из деревни Свиблово: «Короче, где работа над ошибками?»*

Егор ГАЙДАР: Работа над ошибками в многочисленных моих статьях и книгах, посвященных истории российских реформ. Действительно, я и Анатолий Чубайс, наверное, лучше многих других понимаем, где были тактические ошибки, где были компромиссы, за которые заплачено слишком дорого. Это понятно. Речь идет на самом деле отнюдь не об этом. Я в двух словах расскажу, как вижу ситуацию. Подобного рода материалы, как показывает российская история, больше говорят о строе сознания не тех, кто их подписывает или с ними соглашается. Моя бабушка в 1937 г. согласилась с тем, что она японская шпионка, что, я ее осуждать за это буду? По-

том ее репрессировали. А материалы больше говорят о строе мысли тех, от кого зависит, сколько человек пробудет в тюрьме.

Вот первый упрек либералам: ваше поражение на выборах. Да, это упрек серьезный, основательный и надо думать, что делать, чтобы поправить положение. Я убежден, что поправить можно. При этом опять-таки космополиты во многом виноваты. Тем, кто совсем молод и не знает российского политического языка, я напомним, что с начала 1950-х гг. на российском политическом языке, не когда мы обсуждаем культуру, слово «космополиты» это не к Байрону и не к Пушкину, это по поводу евреев, если быть точным — по поводу бранного слова, которым их называют антисемиты. У нас виноваты оказываются космополиты, демократия-то вообще России не нужна. Какая может быть демократия, когда человек, по утверждению авторов статьи, не являясь демократом, демократичнее 70 % населения? И надо преклонить колени перед действующей властью. Вот когда у вас устраивается этот строй мышления и появляются тяжелые слезы по поводу поражения либералов на выборах. На мой взгляд, люди, которые это писали, они в день поражения либералов на выборах открыли бутылку шампанского и, весело прыгая на одной ножке, праздновали это событие. Конечно, там есть глубокая, искренняя ненависть к российским либералам вплоть до севрюжины с хреном и т. д. Откуда? Из-за поражения на выборах? Да нет, по моему глубокому убеждению, они не могут нам простить не поражение на выборах, а 1991 г. Я ведь, Вы знаете, в советские времена был не из самой последней семьи, занимал не самые последние должности и довольно хорошо знаю представление поздней советской элиты о своем народе. Представление о том, что все демократы трусы и, стоит только стукнуть кулаком по столу, они все разбегутся, было очень глубоко укоренено. Того, что мы в 1991 г. не разбежались, а разбежались они, вот этого они действительно не могут простить нам по гроб жизни.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Давайте я сейчас займусь неблагодарным делом, назову себя М.Б. Ходорковским, поскольку он сейчас...*

Егор ГАЙДАР: *Давайте так, Вы назовете себя группой товарищей, подписавшихся Михаилом Борисовичем Ходорковским.*

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Тем не менее он все-таки говорит, что это его мысли. Давайте пойдём по теме. Я буду одним из той группы*

товарищей, анонимным товарищем, договорились. Первый вопрос: как Вы относитесь к тезису о том, что проигрыш либералов на выборах — это следствие реального отношения большей части народа, 90% народа, к тому, как были проведены эти реформы и лично к Вам, Егор, и к Анатолию Борисовичу Чубайсу?

Егор ГАЙДАР: Думаю, что этот тезис во многом правильный. В статье группы товарищей есть другой очень забавный тезис. Там сказано, что социальная стабильность — залог, предпосылка устойчивости реформ. Когда я это читаю, я понимаю, что люди, которые это писали, никогда в жизни никаких реформ не проводили, потому что реформы никто не проводит, чтобы поразвлечься. Из разумных людей. Реформы проводятся, когда старая система полностью развалилась или находится в глубоком кризисе и избежать реформ нельзя, потому что реформы — это изменение, и то, что изменение, даже потенциально ведущее к лучшему, — это всегда травма, по этому поводу существует колоссальное количество поговорок и поговорок у всех народов мира. Эти изменения в чем-то меняют жизнь к лучшему, в чем-то к худшему. Никто никогда в демократической стране не благодарит людей за улучшения. Власть, я имею в виду. Потому что они, улучшения, воспринимаются как реальность. Наши люди десятилетиями жили при карточках, дефиците и очередях. Теперь они об этом, естественно, забыли. Что, они мне должны говорить за это спасибо? Да нет, конечно, потому что это же естественно — жить без карточек, и при конвертируемой валюте, и при полных прилавках. А вот, конечно, в том, что жизнь ухудшается, власть виновата всегда. В связи с этим не только у нас, а на всем постсоциалистическом пространстве политические процессы — это такие качели: приходят либералы, начинают делать реформы, выясняется, что они болезненные, хотя и нужные. Потом они проигрывают выборы, приходят другие люди, с течением времени выясняется, что либо у них разваливается, либо они должны делать то же самое, что и либералы, потом они проигрывают выборы и т. д.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *В связи с этим я хочу сказать, что Вы являетесь одним из членов этой группы товарищей в части написания письма М. Ходорковского, потому что анализ показывает, что есть многие совпадения серьезные. Например, когда Ходорковский говорит, что мы, Вы...*

Егор ГАЙДАР: В 1991 г., когда у нас страна развалилась и нечего было есть, я эту группу товарищей рядом с собой не видел. Поэтому давайте лучше «они».

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Хорошо, они говорят, в том числе вины в этом и так называемых старых либералов, что Гайдар, Чубайс должны уйти. И Вы пишете «должны прийти новые лидеры, должна быть смена стилистики». Это цитата из Вашей статьи. Совпало.*

Егор ГАЙДАР: Даже если я перечитаю «Майн кампф», то найду там набор суждений, которым в целом невозможно возражать в силу того, что солнце восходит на востоке, ну что делать, наши суждения даже с Гитлером могут совпасть.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Вы не ответили на самом деле. Это принципиальный вопрос. Новые люди, новый либерализм, новые либералы, новые либеральные партии.*

Егор ГАЙДАР: Конечно. Я пишу в статье по поводу опыта Польши. У меня есть совершенно не научный, но работающий способ прогнозирования развития политических событий в России. Скажем, когда моего друга Лешка Бальцеровича в 1989 г. назначили министром финансов и вице-премьером, почему-то мне показалось, что реформы могут начаться и у нас. А потом, когда «Солидарность» проиграла выборы в 1993-м, я понял, что у ДВР¹ могут быть серьезные проблемы в 1995-м. Когда они в Польше объединили всех либералов, четырех бывших премьеров и т. д. в «Уни Вольноще» и выиграли выборы в 1997 г., я понял, что это надо делать и нам, мы это сделали в СПС и неплохо прошли на выборах 1999 г. И потом немало реформ смогли организовать. Когда на фоне экономического роста, уровня жизни, который уже в Польше намного выше даже по статистике, чем в социалистические времена, либералы потерпели сокрушительное поражение в 2001 г., я понял, что у нас могут быть проблемы в 2003-м. И когда я увидел, как они после этого реорганизовались, выдвинули новых людей, создали гражданскую платформу, выработали новую стилистику и сейчас, кстати говоря, по всем опросам пользуются поддержкой 30 % населения и имеют серьезные шансы на следующих выборах, я понял, что, конечно, нам предстоит серьезная работа, подобная той, которую мы провели после 1995 г. по реконструированию нашей части политическо-

¹ Партия «Демократический выбор России». — Прим. ред.

го спектра. Это всегда тяжелый процесс, это процесс выдвижения новых лидеров, их нельзя назначать, сказать: вот тебе этот лидер, этот и этот. Они возникают постепенно, они становятся узнаваемыми. Да, этим надо заниматься.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Совпало. И конечно, центральный вопрос у меня — это вопрос об отношении к институту президента и конкретно к президенту Путину. Здесь два тезиса, может быть, во второй части Вашей статьи об этом есть, но сейчас я задаю вопрос Вам. Есть тезис группы товарищей, в котором сказано, что президент либеральнее и демократичнее 70% населения страны. И второй тезис: эта власть законна и с ней надо сотрудничать.*

Алексей ВОРОБЬЕВ: *Я поправлю: выглядит едва ли не либеральнее 70%.*

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Вы согласны?*

Егор ГАЙДАР: Первое. Да, власть законна. Мне не кажется, что прошедшие президентские выборы были образцом демократических выборов. Но давайте не будем лукавить, если бы выборы были проведены по всем демократическим канонам, то, я думаю, вряд ли у вас есть сомнения, что президент Путин победил бы на них. Так что да, конечно, это законные выборы. Второе. В статье группы товарищей, на мой взгляд, дело не в том, что там написано прямыми словами, дело там совсем в другом. Мне кажется, что это вообще стержневой момент статьи. И я на него отвечаю во второй своей статье в «Ведомостях» и во второй части статьи в «Еженедельном журнале». Вопрос о том, а в условиях, когда президент, который не является демократом, демократичнее 70% населения страны, вообще демократия в России: а) возможна ли? б) нужна ли? Вот, собственно, тот главный вопрос, который поставлен в этой статье, если убрать глупости про покаяние либералов, про космополитов, стилистику 1934–1953 гг. и т. д. На самом деле этот вопрос в отличие от много другого имеет серьезное внутреннее содержание. Я по своим убеждениям либерал, и я убежден, что свобода самоценна. Убежден, что России свобода нужна. Но в конце концов речь идет не о том, в чем я убежден, а о реальности. Собственно, в России, конечно, был демократический опыт в городах-государствах Северо-Запада, но это было давно. Первая попытка построить демократию в России в широком плане между 1905 и 1917 гг. окончилась кровавой бойней, последняя так и не кончилась, но, прямо скажем, не была бесконечно

удачной. А может, действительно (сколько раз нам говорили) нужно сначала обеспечить стабильность, экономический подъем и потом постепенно сформировать базу для реальных демократических институтов? Я думаю, что Вы слышали эти рассуждения, в том числе на Западе, бесконечное количество раз. Говорить, что в этом вообще нет содержания, я бы не стал. Просто надо понимать, дальше додумывать логику. То, что есть взаимосвязь между уровнем экономического развития и стабильностью демократии, — это давно и хорошо установленный факт. Традиционное аграрное общество — это обычно более-менее стабильная монархия, постиндустриальное общество — это обычно стабильная демократия. Бывают редкие исключения, но именно исключения подтверждают правило. Есть промежуток, который проходит государство, когда происходит индустриализация, урбанизация, рост уровня образования, для которых характерны нестабильный демократический режим, авторитарный режим, время, на которое приходится все революции. Вот этот период мы проходим. Мы уже близки к завершению этого периода, к верхнему пределу, после чего открытая функционирующая демократия становится нормой. Но мы еще его не прошли. Но здесь тогда надо понимать, что имеется в виду. Один из ответов на вызов нестабильности, который характерен для таких переходных процессов, — это формирование последовательно авторитарных режимов. Диктатор, одни памятники, как у туркмен-баши. Все от него зависит, он незаменим.

Алексей ВОРОБЬЕВ: *Это на период мобилизации.*

Егор ГАЙДАР: Например, беда таких режимов, тоже хорошо и давно выявленная, — это их внутренняя нестабильность. Вроде как поначалу будет стабильность, но вот в этом грамотном, урбанизированном обществе, каким является сегодня Россия, надолго объяснить людям, что кто-то, ими не выбранный, решает, как им жить, нельзя. Поэтому раньше или позже диктатор убегает, его свергают, убивают. А после этого рушится вся конструкция, которая висит на власти одного человека, — контракты, система распределения собственности и т. д. Альтернативное решение, которое было в мире опробовано на протяжении десятилетий и которое, как мне кажется, во многом разделяется значительной частью политической элиты, — это формирование того, что можно назвать закрытой или, если хотите, управляемой демократией.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Нет, не хочу.*

Егор ГАЙДАР: Я называю это закрытой демократией. Это Мексика после революции, до конца 1980-х гг., это Япония после Второй мировой войны и до конца 1980-х, это Италия после окончания Второй мировой войны и до конца 1980-х, т. е. у вас есть оппозиция, она сидит в парламенте, а не в тюрьме. Критиковать правительство можно не только на кухне, а даже в малотиражных изданиях.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *И на малослышимых радиостанциях.*

Егор ГАЙДАР: В СМИ, которые не имеют выхода на массовую аудиторию. Проходят регулярно выборы, можно спокойно въезжать в страну и выезжать из нее, репрессии по отношению к оппонентам — редкость, как правило, репрессии в таких режимах применяются к предателям правящей партии и обычно под предлогом избирательных дел о коррупции. Это, кстати, тоже хорошо описано в литературе, я не выдумываю, могу привести большое количество сносков. Эрнесто Че Гевара, который в революциях понимал неплохо, в свое время писал, что такие режимы свергнуть революционным путем практически невозможно. Обеспечивается стабильность надолго, есть все видимые элементы демократии. Что еще желать, чтобы надолго уберечь страну от разных непонятных перепадов, связанных с молодой демократией?

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Вы это видите за письмом группы товарищей имени Михаила Борисовича Ходорковского?*

Егор ГАЙДАР: Да, конечно. Именно это я вижу как внутреннюю глубокую идею, которая стоит за письмом группы товарищей.

Алексей ВОРОБЬЕВ: *И с этой идеей Вы не согласны. А что делать?*

Егор ГАЙДАР: Я с этой идеей не согласен по следующему набору обстоятельств. Я хорошо знаю, что такое закрытая демократия. Да, это стабильность, но у них есть три характерные черты, которые им присущи. Это тоже хорошо известно. Первое, закрытая демократия устроена так, что в ней всегда широкое распространение на многие десятилетия получает коррупция. Так устроен этот политический процесс, что коррупция — неотъемлемая его часть. Это не значит, что функционирующая демократия — это гарантия от коррупции. Это не так. Но вот отсутствие демократии в рамках такого режима — это точная гарантия широкого распространения коррупции. Причем если вспомнить, что коррупция в России яв-

ление не новое, глубоко укоренное, вспомнить про Петра Первого, то можно представить, какую траекторию развития мы задаем для России, причем не на день, не на год, а на десятилетия, выбрав такой вариант развития страны

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Раз.*

Егор ГАЙДАР: Второе: опыт показывает, что такого рода режимы внутренне не способны к серьезным реформам. То, почему они неспособны, — предмет отдельного обсуждения и дискуссии. Чисто авторитарные режимы иногда бывают способны проводить радикальные реформы: в Чили при Пиночете. Функционирующая демократия тоже бывает способна иногда проводить вполне радикальные реформы: Великобритания при Маргарет Тэтчер. А вот в таких режимах так встраиваются лобби, группы влияния, что частные интересы, которые неизбежно всегда задевает глубокая реформа, оказываются настолько сильными, что реформы провести вроде бы сильный и стабильный режим никак не может. Япония — одна их самых развитых стран мира — столкнулась с тяжелейшим экономическим кризисом на протяжении последних 15 лет. 15 лет все говорят, какие реформы надо провести в Японии, но никто не может ничего сделать. Все так заблокировано, что сделать ничего нельзя. Это второе обстоятельство.

Третье: если мы хотим быть конкурентоспособными не только в нефти и газе, а в высокотехнологичных отраслях, то ключевой вопрос для нас наша способность воспроизводить и сохранять в стране высококвалифицированные кадры. А здесь тоже опыт показывает, что это не только вопрос зарплаты, которую им платят. Западные крупные фирмы сегодня платят в России очень приличные зарплаты. Это вопрос о том, что люди, которые конкурентоспособны на мировом рынке рабочей силы, хотят, чтобы их мнение было услышано при обсуждении проблем той страны, в которой они живут. Кстати, мне приходилось обсуждать это с сингапурскими коллегами. Сингапур — это единственное, пожалуй, постиндустриальное общество, где нет функционирующей демократии, и в общем, надо сказать, я не буду называть персоналии, учитывая характер режима, они признают, что да, это фундаментальная проблема для них.

Алексей ВОРОБЬЕВ: *Я нашел несколько пересечений с выступлением...*

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Группы товарищей имени МБХ.*

Алексей ВОРОБЬЕВ: *Вопрос к слушателям связан с темой нашей беседы. Кто, как вам кажется, в большей степени прав: условный Гайдар с идеями совершенно конкретными, которые были озвучены, либо условный Ходорковский? Звоните.*

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *А есть кризис либерализма в России? Конечно, кризис — это не результат выборов, выборы — это термометр. Показали ли выборы, как парламентские, так и президентские, кризис идей либерализма, практики либерализма, лидеров либерализма? Внутренняя самооценка какая, если это кризис, то кризис чего?*

Егор ГАЙДАР: *Думаю, что да, это правда. Здесь надо разделить несколько вопросов. Первый из них — экономический либерализм. С либерализмом ведь очень сложно. Когда я выступаю в Америке и Англии, в двух странах, откуда к нам через французский язык пришло слово «либерализм», имеющее римские корни, то мне всегда надо объяснять, а что я имею в виду — либерализм в английском смысле этого слова или в американском. В Германии либеральная партия была союзом, сложившимся в течение некоторого времени в составе экономических и политических либералов.*

Экономический либерализм. Нет никакого кризиса экономического либерализма в России. В России при всех проблемах, конечно, была за последние годы воплощена значительная часть либеральной повестки дня в экономической области. То, что делает сейчас и готовит правительство, в целом находится в рамках продолжения и развития этой повестки. Это не значит, что мне нравится то, как это делается, это отдельная история.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Это вопрос практики либерализма.*

Егор ГАЙДАР: *Но то, что в целом мы находимся в экономике, по крайней мере, пока в области очевидного продолжения либерального экономического тренда, более-менее успешно воплощаемого, вопросов никаких нет.*

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *То есть все эти призывы к социальной ответственности олигархов и бизнеса укладываются в либерализм? Призывы правительства я имею в виду, не людей с улицы, а правительства Фрадкова¹.*

¹ Фрадков Михаил Ефимович — с 5 марта 2004 г. по 12 сентября 2007 г. — председатель Правительства России, с 9 октября 2007 г. — директор Службы внешней разведки РФ. — *Прим. ред.*

Егор ГАЙДАР: Я пока говорю не о призывах, а о тех формах, которые обсуждаются, планируются и т. д. Дальше мы переключаемся на вторую тему. В России нет кризиса либерализма, есть кризис демократии. Можно назвать это «политический либерализм». Да, то, что за последние годы у нас рынок, частная собственность оказались вполне укорененными, это правда. Да, ведутся споры о том, не надо ли переделить собственность, но никто не спорит о том, что она должна оставаться частной. Да, спорят о том, можно ли было создавать рынок более эффективно, не левой задней, а правой передней, но от рынка же никто отказываться не собирается. Так что это все глубоко укоренено. Да, можно наделать здесь много глупостей, но рынок в России будет существовать. А политические свободы в России, конечно, пока не укоренены. И то, что произошло за последнее время, показало, в какой степени они не укоренены.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Эта дискуссия о выборе между свободой и собственностью возникла более трех лет назад, когда произошла известная история с НТВ, когда Ваш коллега и друг Альфред Кох говорил о конфликте между собственностью и свободами. Это и есть кризис либерализма, вот тогда возник кризис либерализма, когда либералам пришлось выбирать между собственностью и свободой?*

Егор ГАЙДАР: Вы же знаете всю эту историю.

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Я говорю о сегодняшнем дне. Я просто оттуда выбрал яркий термин, вопрос благосостояния, люди хотят жить хорошо, быть здоровыми, чтобы дети учились и т. д., хотят не просить милостыню, хотят не голодать. С другой стороны, есть свободы и приходится ставить вопрос, что важнее: благосостояние или свободы? Это вопрос смешной, но он постоянно возникает. Чем люди готовы пожертвовать: свободой ради благосостояния или благосостоянием ради свободы — в этом вопрос либерализма.*

Егор ГАЙДАР: Да, это правда. Комментировать историю с НТВ, учитывая, что Вы очень хорошо знаете ее корни, вряд ли имеет смысл, это тема отдельного разговора. Я всегда готов эту тему обсудить. Она действительно довольно трагическая, только началась она пораньше. Я еще очень хорошо помню, как Вы приходили ко мне и просто со слезами на глазах говорили о том, что Вам придется продавать «Эхо» Гусинскому. Дело в том, что действительно есть такая проблема. Она не вечная, нет такой проблемы в Ан-

глии, нет такой проблемы во Франции, Германии, США, ни в одной практически стране, которая богаче нас всего процентов на 15–20 по уровню душевого ВВП. Что обидно: мы безумно дорого заплатили за то, чтобы сформировать предпосылки к функционирующей демократии в России. Не игрушечной демократии, как во многих странах СНГ, а функционирующей. Она еще 2–3 года назад была у нас функционирующей демократией, это точно совершенно. И теперь еще раз для видимой стабильности пожертвовать ею, помня о нашей истории, помня, что именно за негибкость существующих режимов мы заплатили двумя революциями в XX в.? Революция в отличие от того, что писалось в учебниках истории в советские времена, — это отнюдь не романтическое приключение, а это всегда страшное перенапряжение для общества, вот этого бы очень не хотелось. Как человеку, которому приходилось руководить правительством во время революции, я страшно бы не хотел, чтобы кто-то потом вынужден был решать сходные задачи, необходимые для выхода из режима закрытой демократии.

Алексей ВОРОБЬЕВ: *Самое время объявить результаты интерактивного опроса. За 5 минут нам позвонили 4400 человек.*

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *И еще кто-то говорит, что никого не интересует либерализм.*

Алексей ВОРОБЬЕВ: *Расклад сил какой, на Ваш взгляд?*

Егор ГАЙДАР: Не знаю. Даже не буду гадать.

Алексей ВОРОБЬЕВ: *Алексей Венедиктов.*

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Не могу угадать.*

Алексей ВОРОБЬЕВ: *Потрясающе. Давайте я вам скажу. 53% Гайдар получил, Ходорковский — 47%. И я поделюсь наблюдением. В самом начале, в середине голосования за Гайдара отдавали свои голоса 65%, за Ходорковского — 35%. Процесс обратный начался в тот момент, когда Вы очень убежденно говорили о том, что кризиса экономического либерализма в России нет, а с политическим либерализмом действительно проблемы. В конечном счете за последние 2 минуты получился такой расклад.*

Алексей ВЕНЕДИКТОВ: *Я хочу сказать следующее: когда Михаил Ходорковский выйдет, надеемся, что он выйдет из тюрьмы, я хотел бы, Егор, чтобы Вы собрались здесь и перед лицом людей, которым небезразлична судьба России, наших слушателей прежде всего,*

продолжили дискуссию уже в открытом режиме, когда оба собеседника находятся на свободе, в одинаковом положении, на свободе.

Егор ГАЙДАР: Я был бы рад такой дискуссии. Но здесь надо иметь в виду одно обстоятельство. Когда человек вышел из тюрьмы, а я могу примерно себе представить по какой формуле, не надо думать, что, даже находясь на свободе, он полностью свободен. В связи с этим еще раз подчеркну, у меня нет к Михаилу Борисовичу никаких моральных претензий, потому что требовать от человека, чтобы он был героем... Ходорковский может себе это позволить, но я считаю, что мы этого позволить себе не можем.

Алексей ВОРОБЬЕВ: *Замечательная концовка для этого эфира от Виктора из Тольятти: «По итогам голосования московская образованщина верна себе самой». Всем спасибо.*

О кризисе либерализма в России

Радиостанция «Радио Свобода». 15 апреля 2004 г.

Ведущий — Михаил Соколов

Ведущий: В последнее время упорно идет дискуссия о кризисе либерализма в России, что закономерно — демократические партии проиграли на парламентских выборах. Но если приглядеться к стану так называемых победителей, то очевидно: в «Единой России», поставившей не на выигрышные персоны на выборах губернаторов в Архангельской и Рязанской областях, на Алтае, где «единороссы» не только проиграли губернаторский пост, но не смогли и должность спикера областного Совета получить, идут бои местного значения.

Надо отметить, что расколы и шатания в региональных организациях «Единой России» показывают, насколько неустойчива эта искусственная конструкция, объединенная в центре не вокруг идеи, а вокруг популярной личности президента и раздираемая противоречиями между разнообразными кланами.

Можно констатировать, что, пока правые спорят о кризисе либерализма и его возможной гибели в России, партию власти буквально трясет изнутри. Было бы интересно, если бы какой-нибудь олигарх-«единоросс», естественно находящийся на свободе, своевременно проанализировал кризис так называемого русского центризма и вовремя покаялся перед народом.

А теперь о либералах. Они как-то приспособились переписываться друг с другом через газету «Ведомости». После первого произведения Михаила Ходорковского появилось и второе, где нефтяной магнат родом из комсомола призывает либералов покаяться перед народом, подчиниться президенту, а народ умоляет не отказываться от де-

мократии. На тему кризиса высказались в газете Владимир Рыжков и Ирина Хакамада. А вот теперь и сам гуру правых Егор Гайдар опубликовал в той же газете статью «Слухи о смерти преувеличены», ответив первому произведению «коллективного» Михаила Ходорковского.

Директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар дал эксклюзивное интервью программе радио «Свобода»: «Россия вчера, сегодня, завтра. Выборы-2004».

Егор Тимурович, Вы выступили со статьей «Слухи о смерти сильно преувеличены» и вступили в полемику с посланиями от имени Ходорковского. Какой все-таки смысл в том, чтобы обсуждать пройденное, хоть и не забытое, 10 лет назад?

Егор ГАЙДАР: История есть история, от нее никуда не уйдешь. В письме, которое было написано от имени Михаила Ходорковского, высказывается ряд суждений об историческом процессе в России последних 15 лет. Мое понимание того, как устроено социально-экономическое развитие, свидетельствует о том, что принимаемые сегодня решения, формирующееся общественное мнение, настроения в элитах и в обществе очень сильно зависят от того, как общество понимает, что с ним происходило последние 15 лет. И в связи с этим это важно, это заслуживает ответа. Ключевой момент мировоззрения на исторический процесс, который отражен в письме группы авторов, подписанном Михаилом Ходорковским, — это такое жесткое деление, если быть точным, даже не двух, а трех периодов. Был в общем очень хороший Советский Союз, в неявном виде он так описан, не очень точно. Потом кто-то его развалил. Потом был ужасный период, когда Ельцин с его реформаторами проводили антинародную политику. И потом, как Афродита из морской пены, возникает прекрасный путинский период. История так не бывает устроена и так не была устроена в России. Очень хорошо и приятно, когда растут валовой внутренний продукт, экономика, инвестиции, уровень жизни, реальная зарплата; главная макроэкономическая проблема страны — это как справиться с избыточным притоком валюты, а главная забота председателя Центрального банка — что делать с макроэкономической политикой в условиях крайне высоких цен на нефть и как не допустить дальнейшего роста золотовалютных резервов (которые составляют примерно 85 млрд долл.). Это все очень славно, но надо понять, что

растет рыночная, в основном частная экономика с конвертируемой валютой и сформированными рыночными институтами. Но как можно представить себе мир, где ты одним шагом перескакиваешь из осени 1991 г. (обанкротившегося Советского Союза, нулевых резервов, неотоваренных талонов, карточек, дефицита) прямо вот в эти реальности, не сформировав рыночную экономику, не обеспечив конвертируемость валют, не создав частного сектора экономики, — у меня как-то в голове это не укладывается. Для меня это элементы единого исторического процесса: после того как старая система развалилась, прежде всего надо было создать основу новой, и только потом она могла начать работать. Вот это на самом деле, пожалуй, мое самое серьезное возражение тому видению истории, которое есть в статье. Та часть моей статьи, которая еще не опубликована и будет опубликована на следующей неделе, посвящена уже не истории, а некоторым ключевым моментам, развилкам дальнейшего развития России.

Ведущий: *Советник президента по экономическим вопросам господин Илларионов считает, что кризиса либерализма, дискуссия о котором проходит, собственно, и нет, поскольку и либерализма не было в Вашей, например, деятельности, а это он называет «интервенционистской политикой», т. е. это такой вот извращенный, грубый вариант...*

Егор ГАЙДАР: Ну, во-первых, я убежденный либерал и в связи с этим сторонник свободы слова. Каждый человек имеет право высказывать свое суждение, и Андрей Илларионов, к экономической квалификации которого я на самом деле отношусь с уважением, тоже здесь не исключение. Другое дело, что я со всем сказанным не могу согласиться. Андрей, собственно, работал в нашем правительстве первым заместителем руководителя Центра экономических реформ одного из наших ключевых институтов, в котором, собственно, и вырабатывались принципиальные решения. Я его очень давно знаю, у него есть свои убеждения, но как соотносить то, что он говорит, с реалиями времени, когда он работал в правительстве, мне понять трудно.

Российская экономическая политика 1991–1992 гг. вырабатывалась не в вакууме. Она вырабатывалась в рамках неких реалий, которые не существуют в нормальных, стабильных рыночных экономиках. В нормальных, стабильных рыночных экономиках очень

хорошо понятно, что такое либеральные реформы и что такое нелиберальная политика. В экономике, где, с одной стороны, уже не действует система централизованного распределения ресурсов, а с другой — не существует рынков, не существует рыночных связей, больше того, не существует национальных денег (потому что 16 центральных банков их печатают), больше того, не существует таможи (потому что старая, советская, скажем, в Эстонии, Литве и Латвии уже не работает, а новая, российская, на границе Эстонии, Литвы и Латвии еще не работает), трудно проводить реформы, примеры которых имеются в устоявшихся рыночных экономиках.

Здесь приходилось решать две взаимосвязанные задачи — запуск рыночных механизмов и немедленное создание институтов, которые необходимы, чтобы эти рыночные механизмы могли функционировать. Скажем, разделение рублевой зоны для создания ситуации, при которой Центральный банк России контролирует денежную массу на собственной территории, формирование собственной пограничной и таможенной служб, собственной армии, которой, прошу прощения, не было, потому что старая уже не функционировала, а новой еще не было.

И это очень необычная ситуация. Она гораздо меньше напоминает Англию времен тэтчеровских реформ и гораздо больше напоминает характерные проблемы экономические (в том числе проблемы управления экономикой, создания институтов), которые обычно возникают после полного коллапса предшествующих режимов, в тех ситуациях, которые принято называть революцией.

Когда я читаю, скажем, об английской революции XVII в., о французской революции, о мексиканской революции, о нашей революции 1917–1921 гг., о китайской революции в широком смысле слова начиная с 1912 г., при всех различиях уровней развития, проблем, которые возникали, политического фона с экономической точки зрения это для меня настолько родное, как будто читаю о нашем времени.

Это время, когда старые институты развалились, а новые не работали. И тебя как человека, отвечающего за экономику, никто не спросил: а можно ли брать Бастилию, пока у нас новые институты не сформировались?..

Вот ситуация, когда власть не опирается на длинную традицию легитимации, связанную с тем, что именно так было 10 лет назад,

20 лет назад и 30 лет назад, при папе и бабушке, когда власть плохо собирает налоги или вообще их не собирает, не может выполнить свои бюджетные обязательства...

Ведущий: *То есть извиняться не за что...*

Егор ГАЙДАР: Знаете, как-то вот, особенно в нынешней политической ситуации, совсем не хочется. Нет, это не значит, что я считаю, что все, что мы делали, было безошибочно. Я, наверное, провел в рассуждениях сам с собой о том, как надо было делать, используя слова Шварца «второй правой задней, а не третьей правой передней...» (если я правильно его цитирую), больше, чем подавляющее большинство моих оппонентов.

Ведущий: *То есть могло быть хуже.*

Егор ГАЙДАР: Наверное, могло быть лучше, но то, что могло быть хуже, любому человеку, который оказался бы в кресле главы российского правительства осенью 1991 г., было абсолютно очевидно.

Ведущий: *Егор Тимурович, давайте о настоящем все-таки. Вот в любом случае новое президентство того же самого президента — это новый этап реформ. Все-таки какой объем их может осилить сейчас правительство Фрадкова?*

Например, новый премьер уже заявил, что он хочет в 2007 г. видеть уровень инфляции 4–6%, есть еще другие амбициозные задачи.

Егор ГАЙДАР: В принципе уровень инфляции в 2007 г. 4–6% отнюдь не является невозможным. Просто динамика снижения инфляции в последние годы, которая задана бессмысленной политикой правительства и Центрального банка, если ее просто продолжить дальше, выведет вас на инфляцию 6% просто по тренду. Другое дело, что это задача, которая автоматически не решается.

Захотеть ведь можно все что угодно. Вопрос не в том, что надо хотеть и что можно хотеть, а в том, что можно сделать и какую цену надо платить.

Главная проблема в дальнейшем снижении инфляции в России — это проблема выбора приоритетов: валютный курс, сдерживание темпов номинального и реального укрепления рубля по отношению к корзине валют наших партнеров или снижение инфляции. Центральный банк между ноябрем и февралем пытался, бессмысленно пытался сдержать темпы инфляции, пойдя на номинальное укрепление рубля по отношению к доллару. В некотором смысле,

если перевести это на русский язык, он пытался показать, что у нас рубль неявно привязан не к доллару, а к корзине валют, что разумно. Но в долларизованной экономике, когда ты идешь на номинальное укрепление рубля, у тебя растет денежное предложение, потому что население начинает думать, а что будет с их долларовыми сбережениями. В результате Центральный банк столкнулся с очень тяжелой проблемой сдерживания очень высоких темпов роста денежной массы. А как у тебя будет со спросом... Короче, это профессиональный вопрос, никто в мире не знает стандартных примеров решения. Это как выиграть у Каспарова — наверное, можно, но только никто не написал стандартных решений и программа все равно вынуждена реагировать на то, что он делает.

Это одна из очень непростых ситуаций, не самых худших, это не то, что решать проблему, как накормить страну, имея нулевые валютные резервы и нехватку зерна до нового урожая на 4 месяца. Надо сказать, что она более комфортно решается, тем не менее технически это очень сложная задача.

Ведущий: *Егор Тимурович, а если говорить об уже принятых решениях? Вот была объявлена административная реформа, и вот мы видим ее реализацию: вместо системы с разделением функций по этажам власти получилось три этажа власти и чисто бюрократическое решение. Как Вы оцениваете качество исполнения?*

Егор ГАЙДАР: Я тут не судья моим коллегам, работающим в правительстве, потому что административная реформа — это, может быть, самое важное из всего, что хотелось бы сделать за следующие четыре года, но надо понять, что это и самое сложное в техническом отношении. Я неоднократно обсуждал со своими коллегами, работающими в структурах власти, эту тематику, или они со мной обсуждали. И проблема здесь в одном. Написать простой семистраничный документ, осмысленный и логичный, о том, как надо проводить административную реформу, никакого труда не составляет. Вы напишите о том, что чиновников должно быть меньше. Вы напишите о том, что им нужно больше платить. Вы напишите о том, что нужно переводить всякого рода натуральные льготы в денежное жалованье. Вы напишите о необходимости прозрачности, публичности процедур. Вы напишите о необходимости сокращения перекрещивающихся контрольных функций, которые позволяют убирать взятки. Вы напишите о необходимости упорядочения про-

цедур административных. И вы будете абсолютно правы. Но для того чтобы после этого провести административную реформу, вам надо написать не эти 7 страниц текста, а тысячи страниц абсолютно конкретных документов, посвященных тому, как должен работать СЭС и какие функции должны быть у него изъяты, как должна работать ГИБДД, как должен работать пожарный надзор и т. д.

И написать эти тысячи страниц можно только с помощью людей, которые работают в этих ведомствах.

Ведущий: *Но когда начинается все с грубых, принципиальных ошибок, сразу же возникают большие сомнения.*

Егор ГАЙДАР: Я скажу так: не мог не согласиться с критической оценкой сделанного, но давайте дадим коллегам, которые только начали работать, что называется на английском преимущество сомнения.

Ведущий: *Я подозреваю, что о бюджетной реформе, которая еще не начиналась, Вы скажете примерно то же самое.*

Егор ГАЙДАР: Ну, уж об одной вещи не могу умолчать — по поводу числа заместителей. Оно меняется у нас циклически — обычно сокращается в начале работы правительства и увеличивается к концу его деятельности.

В общем против идеи, что должен быть один заместитель премьера и не более чем два заместителя министра, я не могу спорить, потому что это идеологически разумно. Но если честно сказать: когда и если Вы думаете, как использовать первые 100 дней для того, чтобы провести фундаментальные реформы, более надежного способа их точно парализовать не существует, потому что сейчас в правительстве все ключевые игроки думают о том, кто у них будет заместителями министров, кого придется разжаловать, как это все будет устроено; заместители министров думают о том, кто останется...

Ведущий: *Ищут работу. А темп важен вообще? Вот эти потерянные 100 дней аукнутся?*

Егор ГАЙДАР: Ну, как сказать... Ведь когда Владимир Владимирович Путин менял кабинет, он довольно откровенно объяснил свою логику. Он сказал, что «если я буду ждать, пока пройдет инаугурация, потом я буду вносить нового премьера, — правительство все это время практически не будет работать, а мне нужно максимально эффективно использовать то время, которое прошло меж-

ду выборами и концом нынешнего политического сезона, т. е. концом июня».

В свое время, вот в 2000 г., этот период был, на мой взгляд, использован крайне эффективно, очень большая часть из успешно проведенных реформ пришлась именно на первые, условно говоря, 67 дней. Задумка, если я правильно понимаю, была такая же: использовать этот период. Но мне кажется, что пробуксовки абсолютно очевидны.

Ведущий: *Егор Тимурович, ситуация с рентой и всеми этими нефтяными доходами, в которых купается страна... Михаил Делягин¹ очень активно раскручивает тему более активной социальной политики, большего потребления, стимулирования потребления, да и другие это предлагают. Речь идет об изъятиях, Глазьев говорил, по-моему, о 20 млрд, а Вы теперь говорите о двух. Вы тоже втянулись в эту игру по дележу, по «стрижке» олигархов?*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, мы говорим об этом не теперь, а довольно давно. Мы ведь были активными участниками разработки той системы реформирования налогообложения природного сектора, которая была проведена в прошлом году (в отличие, кстати, от некоторых наших оппонентов, которые вспомнили о проблеме перед выборами), мы просто провели ее. И в рамках этой реформы у нас налог на добычу полезных ископаемых один из самых быстрорастущих налогов, мы и получаем сегодня по нему, по прошлому году, на 8 млрд долл. больше, чем получали до реформы.

Категорический противник того, чтобы сейчас эту систему менять, т. е. вводить коэффициенты, это пока крайне преждевременно. Рады, что правительство с нами в данном случае согласилось. Дальше возникает вопрос: ну хорошо, провели реформу, она сработала, а можно дальше еще увеличить НДС?

И для меня это вопрос не идеологический, а счетный. И надо сказать, что по просьбе одной очень большой нефтяной компании мы в прошлом году провели подробный анализ ситуации, перспектив в секторе. Это сложный вопрос, он, знаете, на клочке бумаги

¹ Михаил Геннадьевич Делягин — экономист, публицист и политик, доктор экономических наук. С марта 2002 по август 2003 г. — советник председателя Правительства РФ М. М. Касьянова. Бывший председатель идеологического совета партии «Родина», ныне председатель партии «Родина: здравый смысл». — *Прим. ред.*

так вот не решается. Надо посмотреть сектор целиком, статистики не хватает. Нам пришлось лезть кроме статистики в налоговые документы, в налоговую отчетность, потом в бухгалтерскую отчетность компаний, смотреть все это: разведка, добыча, переработка, реализация, смотреть перспективы. Ну в принципе этот примерно тысячестраничный доклад существует. Действительно, нам показалось, что налогообложение нашего нефтяного сектора находится где-то в пределах, недалеких от мировых норм (хотя это все немножко условно) по доле налогов в добыче, и т. д. и что в принципе можно сдвинуть (учитывая серьезные бюджетные проблемы) чуть-чуть выше ту часть спектра, которая является обычной, неаномальной, чуть-чуть выше средней, а это значит увеличить налогообложение где-то в диапазоне 90–120 млрд руб. в данном случае.

Мы с самого начала, когда принимали этот контракт, сказали, что можно нам заказать эту работу, но нельзя заказать выводы. И вы можете сказать, что согласны с тем, чтобы мы делали это публично, или нет?

Ведущий: *Ходорковский сказал, что он согласен теперь делиться.*

Егор ГАЙДАР: Собственно, уж если быть точным, ЮКОС нам и заказывал эту работу. Заказывал, правда, задолго до того, как Михаил Борисович оказался там, где он оказался. И мы с самого начала сказали, что проанализируем и скажем. Мы проанализировали и сказали, а они сказали, что они не против того, чтобы мы предали эти цифры публичности. И действительно, мы их предали публичности, они публичны. Действительно, о них хорошо знают и в Министерстве финансов, и в Кремле, и в правительстве. И в общем то, что сейчас делается по НДС и по экспортным пошлинам, наверное, каким-то образом связано, хотя надо сказать, что правительство подошло к этому вопросу несколько осторожнее, чем мы предлагали.

Я думаю, что в этой осторожности может быть резон, лучше здесь идти пошагово и смотреть, что ты действительно не вредишь сектору. Ведь мы ориентировались на то, что должны не убивать курицу, которая несет золотые яйца, а создать предпосылки, при которых она несет золотые яйца, и даже больше несет их, но при этом этими золотыми яйцами пользуется не только курица.

Ведущий: *Вот о «пользовании золотыми яйцами». Егор Тимурович, а нет ли такого все-таки сиюминутного соблазна, который все*

больше охватывает правящие круги: руки чешутся поделиться, повысить одни выплаты, другие?.. Вот уровень бедности должен быть снижен с 20 до 10 млн человек, как сказал премьер-министр, а способ простой — увеличение бюджетной занятости. И скоро около 40% рабочей силы будет занято в секторе нерыночных услуг, такого даже в СССР не было. Так?

Егор ГАЙДАР: Почему? Можно найти примеры. Скажем, в Саудовской Аравии еще больше. Дело здесь вот в чем. Я не против снижения, как Вы понимаете, уровня бедности, я «за». Мне очень нравится эта задача. Больше того, я не представляю себе в целом ситуации, когда подобного рода политика наносит вред.

Очень хорошо, если у нас будет реформирована система социальной поддержки.

Очень хорошо, если будет продолжаться экономический рост. Надо только понять, всегда иметь в голове — а это почему-то очень легко забывается, — что никто в мире не умеет точно и долгосрочно прогнозировать цены на нефть. Была длинная, подробная работа, которая была посвящена анализу различных способов прогнозирования цен на нефть. Результат авторов работы, который вполне убедителен, довольно интересен и важен для тех, кто выработывает долгосрочную политику в нефтедобывающей стране: самый надежный способ прогнозирования — это так называемый drunk walk — пьяная походка, т.е. случайные колебания вокруг сложившегося уровня. Все остальные способы тоже несовершенны и дают худший результат. Попросту говоря, это значит, что никто не может Вам сказать, сколько будет стоить нефть через 3 года. То, что она сегодня стоит заметно выше, чем она стоила в последние 15 лет, в общем известно. То, что никто Вам не даст гарантии, что она будет стоить столько же через 3 года, — это тоже ясно. То, что Советский Союз совершил ключевую макроэкономическую ошибку в конце 1970-х — начале 1980-х гг., потому что его руководство (не очень квалифицированное, видимо) почему-то решило, что высокие цены на нефть (а они тогда были намного выше, чем сейчас) — это данность и вечность и можно всю структуру экономики подстраивать под то, что это будет всегда, — это тоже известно. Но зачем надо все время наступать на одни и те же грабли?

Ведущий: *Так что, сейчас продаются все-таки эти нефтяные...*

Егор ГАЙДАР: Они не проедаются. То, что, на мой взгляд, сделало хорошего правительство на протяжении последних нескольких лет, так это проведение ответственной экономической политики в условиях высоких цен на нефть. Это задача тяжелейшая для любого правительства, и это прекрасно знают те, кто проводил ее в развитых, цивилизованных странах. Например, если Вы поговорите с министром финансов Норвегии, он Вам будет плакать в жилетку, рассказывая, какие у него огромные проблемы с тем, чтобы сдержать натиск по поводу того, что надо немедленно разбазарить куда-то нефтяные доходы. Вот то, что строго делало в последние годы правительство, не допуская полного использования нефтяных доходов на текущие нужды, это было правильно. Они оценивали риски и пытались сдержать расходы, потому что понимали, что повысить денежное довольствие военных исходя из гипотезы о том, что цена на нефть будет 30 долл., — это легкое, приятное, популярное и даже полезное решение, а вот как их потом снижать, когда выяснится, что она 15 долл., — вот на это как-то авторы идей привязки социальных выплат к ценам на нефть отвечают очень неохотно.

Ведущий: *Ну, армию можно сокращать...*

Егор ГАЙДАР: Для того чтобы сокращать армию, нужны деньги. Сокращение армии — да, это процесс важный и в целом, по моему мнению, полезный...

Ведущий: *Говорят, реформа уже закончилась.*

Егор ГАЙДАР: Да, но надо понимать — а мы обсчитывали военную реформу многократно, — что этот процесс стоит денег.

Ведущий: *Вы обсчитывали военную реформу, но военная реформа не пошла, так же как и пенсионная, насколько я понимаю, зависла. Это правда?*

Егор ГАЙДАР: Ну, о пенсионной я бы так все-таки не сказал. По пенсионной были приняты полезные решения, да, они компромиссны, да, есть суета, но пенсионная реформа вообще всегда очень тяжелая. И в целом — при том что я в чем-то не согласен — движение скорее в правильном направлении медленнее, чем мне хотелось бы, но продолжается.

Ведущий: *Но накопительную систему хотят урезать в грубой форме, это же «либерал» Кудрин делает.*

Егор ГАЙДАР: Я же не спорю с Вами, мне это не нравится.

Ведущий: *Но Вы в ответе за брата своего либерала в глазах массы людей.*

Егор ГАЙДАР: Я в ответе за брата своего либерала, но... Как-то было одно обсуждение как раз военной реформы, еще когда она не была окончательно, скажем мягко, изменена, где представитель Министерства обороны ссылаясь в дискуссии с моими коллегами из правительства на то, что «необходимость этих затрат признает даже Институт экономики переходного периода...», на что один из моих коллег, работающих в правительстве, сказал: «Ну что ж, и на солнце бывают пятна...» Вот и я могу сказать применительно к нашему разговору, что и на солнце бывают пятна.

Ведущий: *Вот ситуация с той же пенсионной реформой — на военную люди уже махнули рукой — затрагивает самый активный слой граждан. И это опасно: отъем накопительной системы, реальное повышение пенсионного возраста...*

Егор ГАЙДАР: Они же не пытаются отнять, собственно. Они пытаются придумать другой механизм решения той же задачи. Ну, на мой взгляд, это ошибка, просто ошибка. Это то, чего не надо делать. Концепция пенсионной реформы была, на мой взгляд, выработана достаточно неплохо, сбалансирована, хотя и не идеально, можно было понимать, как ее дальше развивать. Нельзя в таких случаях, как мне кажется, суетиться. Это ошибка.

Ведущий: *Егор Тимурович, несколько вопросов по задачам либеральных сил, давайте все-таки этим определением пользоваться. Нет все-таки у Вас ощущения, что были избыточные компромиссы в течение последних четырех лет с властью? Скажем, вот ради той же военной реформы фракция СПС в Думе уступала по ряду вопросов, где ее мнение могло даже повлиять на принятие решений. В результате реформы не были проведены, СПС был достаточно грубо «кинут» и в том числе потерял избирателей.*

Егор ГАЙДАР: Это всегда вопрос оценки, суждений. Как Вы знаете, в истории не бывает сослагательного наклонения.

Ведущий: *А учиться?*

Егор ГАЙДАР: У нас были проведены довольно подробный внутренний «разбор полетов» и оценка, где надо было — еще раз процитирую Шварца — бить «не второй передней, а второй задней...». Наверняка — здесь я не цитирую, это в другом варианте статьи — «мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут

иначе». Партия, которая потерпела поражение на выборах, наверняка совершала ошибки. Конечно, можно обсуждать, какие ошибки, в чем были эти ошибки, что надо было делать иначе.

Ведущий: *Расскажите.*

Егор ГАЙДАР: Я не твердо убежден, что знаю ответ на этот вопрос, не твердо убежден. Я обычно люблю говорить то, в чем убежден твердо. Наверняка совершали.

Ведущий: *А эти ошибки не продолжаютя? Потому что многие из числа правых и либеральных деятелей продолжают сотрудничество с властью, закрывая глаза на очевидные ее нелиберальные действия в сфере массовой информации, скажем, избирательное преследование бизнесменов и т. д., т. е. на авторитаризацию режима.*

Егор ГАЙДАР: Мне кажется, что здесь надо всегда говорить правду власти и всегда давать четкую оценку того, что она делает. А собственно, в какой степени при этом сотрудничать или не сотрудничать с ней в решении конкретных проблем, скажем, в той же военной реформе — этот вопрос нельзя обсуждать универсально. Если в чем-то можно позитивно повлиять на власть в важных для общества проблемах, мне кажется, что это надо делать.

Ведущий: *А Вы считаете, что недемократический характер режима не усугубляется его авторитаризацией? Зажим критики, такая монархическая система власти... Ну что, надо идти царя обслуживать?*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, как раз этому посвящена та часть моей статьи, которая еще не опубликована. Я думаю, что модель, по которой сегодня развивается Россия и которая реально сформировалась, как мне кажется, в России, — это скорее не авторитарная модель в собственном смысле этого слова. Беда авторитарных режимов — это внутренняя нестабильность. Авторитарные режимы, обычным обоснованием существования которых является как раз потребность в политической стабильности, сами, как показывает опыт, оказываются источником нестабильности, потому что объяснить хорошо образованным людям в урбанизированном обществе, что кто-то, ими в общем не выбранный, должен решать, как им жить, никому не удавалось, по крайней мере, в течение длительного времени. То, что формируется у нас сегодня, — это скорее режим хорошо известный и описанный, который называется «закрытая или управляемая демократия». Это режим, при котором оппозиция есть

и сидит в парламенте, а не в тюрьме, а в тюрьме — в исключительных случаях. Как правило, в закрытых демократиях в тюрьму попадают предатели правящей партии, именно к ним предъявляют выборочные обвинения в коррупции. Есть свободная пресса, если она не массовая, и никого не сажают, если он слушает «Свободу».

Ведущий: *Но телевидения нет.*

Егор ГАЙДАР: Но средства массовой информации подконтрольны власти. Проходят выборы, но только исход их почему-то достаточно хорошо предопределен. И там как ты ни голосуй, но преемником президента Мексики на протяжении 10 лет всегда почему-то становился тот человек, которого предшествующий президент назначил министром внутренних дел.

Ведущий: *И партия есть — Национальная революционная.*

Егор ГАЙДАР: Ну, Мексика — это же не один пример. Так были устроены политические процессы в Италии, например, десятилетия.

Ведущий: *Южная Корея.*

Егор ГАЙДАР: Южная Корея — нет. Там был все-таки более откровенно авторитарный режим. А вот Япония, например, да. Преимущество такого режима в том, что он надолго гарантирует высокий уровень стабильности. Элита договорилась о механизме ротации, о правилах игры, и в общем такой режим может существовать достаточно долго.

Ведущий: *Но он обслуживает достаточно узкую элиту, а недолюльство растет.*

Егор ГАЙДАР: Это даже необязательно. Скажем, и в Японии, и в Италии на этом фоне шел довольно заметный экономический рост. У этого режима есть несколько фундаментальных проблем, я просто не хочу сейчас занимать время. Главная из них — что для таких режимов абсолютно внутренне присуще высокое распространение коррупции. Вот они почему-то так устроены — и это прекрасно известно, исследовано, — что они неотделимы от укоренения коррупции на десятилетия. А если помнить, какая это проблема в России на протяжении веков, то можно понять, какую траекторию развития страны мы задаем, если мы сознательно (я имею в виду власть) выбираем такой путь развития.

Ведущий: *А Вы не случайно сказали «мы» и «власть»? Вы себя ассоциируете с властью?*

Егор ГАЙДАР: «Мы» — я имел в виду страну. В данном случае для меня «мы» — это страна.

Ведущий: *Егор Тимурович, Вы не покидаете «Союз правых сил»? После Вашего ухода из политсовета многие решили, что вообще партия обречена, а тут еще и Хакамада Вас покинула.*

Егор ГАЙДАР: Нет-нет, я не покидаю «Союз правых сил».

Ведущий: *А какие перспективы у партии? Обслуживать «Единую Россию»?*

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что перед нами стоит тяжелая, но решаемая задача реструктурирования либеральной части политического спектра. Это та задача, за которую мы, как ДВР, взяли в свое время после поражения на выборах и которую решили к 1999 г. И мне кажется, что сейчас перед нами именно та же функция. Мы, конечно, были ключевым элементом формирования СПС. И сейчас мне кажется, что стратегически (я не обсуждаю вопросы — как, когда, в какие сроки) именно такая же задача стоит перед СПС.

Ведущий: *То есть можно найти новых людей и новую стилистику, Вы считаете?*

Егор ГАЙДАР: Думаю, что да.

Ведущий: *На этой неделе годовщина гибели Сергея Юшенкова. Закончился суд и вынесен приговор. Вам не кажется, что эта потеря была абсолютно невозможной для демократического движения, какой-то стержень выпал и до сих пор его нет?*

Егор ГАЙДАР: Сергей Юшенков был моим другом, мы с ним очень долго работали вместе. Я считаю, что его гибель — это действительно страшная потеря для либерального движения. Но борьба за свободу в России все равно на этом не кончается.

Ведущий: *Мы беседовали с директором Института экономики переходного периода Егором Гайдаром.*

Мы делаем все возможное, чтобы испортить инвестиционный климат в России

Телеканал «ВВС». 13 сентября 2004 г.

Ведущий — Александр Коляндр

Ведущий: *В свете угрозы терроризма и развития событий вокруг нефтяной компании ЮКОС специалисты все чаще задаются вопросом о том, ухудшили ли эти факторы инвестиционный климат в России.*

Экс-премьер, глава Института экономики переходного периода Егор Гайдар представил свой взгляд на сложившуюся ситуацию в интервью корреспонденту Русской службы Би-би-си Александру Коляндру.

Егор ГАЙДАР: Это сложный вопрос, ответ на который даст только время. Долгосрочные инвестиции в отличие от краткосрочных — процесс инерционный. Для того чтобы создать предпосылки, при которых в страну приходят надолго крупные компании с долгосрочными крупными капиталовложениями, нужно время. Им надо время, чтобы разобраться в ситуации, принять решение. Я точно видел, зная многих руководителей крупных компаний, заинтересованных в крупных инвестициях, что в 2001–2002 гг. произошел перелом и возникла ситуация, когда крупнейшие игроки мирового рынка приняли решение, что они не могут оставаться вне серьезных проектов в России.

Это важнейший результат того, что было сделано в предшествовавшие 10 лет при всех ошибках и проблемах. Они поняли, что Россия вместе с СНГ — динамично развивающийся регион мира и если они хотят оставаться глобальными операторами, то должны быть здесь.

К счастью для нас, как процесс принятия решения прийти имеет инерционный характер, так и противоположный — уйти — тоже очень трудное решение. Но мы в последнее время делаем все возможное, чтобы испортить инвестиционный климат в России. Пока, к счастью, нам это не удалось. Будем смотреть, насколько последовательны будут наши усилия.

Ведущий: *Что именно Вы имеете в виду?*

Егор ГАЙДАР: Я считаю, что все, что происходит в последнее время вокруг ЮКОСа, — типичный пример. Я прекрасно знаю всю эту историю. Я прекрасно знаю, что в ЮКОСе работали отнюдь не ангелы бестелесные и не все, что они делали, было великолепно. Мне как экономисту, заинтересованному в росте российской экономики, это не так уж и важно. Мне важно, что все, что делается в этой области, — это все возможное, чтобы остановить приток долгосрочных инвестиций в Россию.

Ведущий: *Каковы могут быть экономические последствия мер, направленных на борьбу с терроризмом, в частности предлагаемое ужесточение миграционного контроля и законодательства?*

Егор ГАЙДАР: Россия, как и многие другие страны, в частности страны Западной Европы, будет испытывать серьезную нужду в привлечении иностранной рабочей силы. Представьте себе Москву, функционирующую без украинских рабочих. Как будет, например, функционировать городской транспорт, строительный комплекс? Москва и Россия в целом будут все больше нуждаться в иностранной рабочей силе. Основной резервуар ее очевиден — русскоязычное население.

Если мы будем пытаться остановить этот процесс, то мы либо нанесем серьезнейший удар по собственной экономике, либо криминализируем рынок рабочей силы. Мы переведем рынок иностранной рабочей силы в нелегальную форму, которая всегда будет связана с организованной преступностью, этнической солидарностью, где рабочая сила не платит налогов, не интегрирована в сообщество.

Если вы хотите подтолкнуть терроризм, то это как раз тот путь. Вместо того чтобы создавать широкие каналы легальной миграции, когда иностранные рабочие получают легальные визы, где у них легальные паспорта и они платят налоги, становятся частью общества, вы толкаете их к тому, чтоб они приезжали сюда по поддельным паспортам, жили черт знает где, не платили налогов, ненавидели

общество, в рамках которого живут и работают. Все эти предлагаемые меры по ограничению нанесут вред экономике и не только не решат проблему терроризма, но и будут стимулировать его.

Ведущий: *Ну, не может же быть, чтобы политики этого не понимали?*

Егор ГАЙДАР: Элементарно может. Часть из тех, кто называет себя политиками, абсолютно не интересуются вопросом, что хорошо или плохо для России. Они интересуются одним вопросом — что хорошо и что плохо лично для них. А возложение вины на иностранцев — один из самых эффективных политических трюков.

Ведущий: *А что же остановило реформы в экономике?*

Егор ГАЙДАР: Сказались два фактора. Первый из них — административная реформа. Никто не говорит, что она не нужна. Более того, я считаю ее важной. Но если вы хотите на полгода полностью парализовать работу правительства — начните административную реформу. После этого не ждите, что кто-то из высокопоставленных чиновников, от которых реально зависит процесс выработки решений, будет думать о чем-либо, кроме того, в каком кресле он окажется через два месяца, кто будет его подчиненным, а кто начальником.

А второй фактор — выстроенная вертикаль власти. Прошрое правительство было правительством, которое приходило к президенту и говорило — давайте мы сделаем то-то, то-то и то-то. А президент говорил: «Это сделайте, это отложим, а это не будем».

Нынешнее правительство приходит к президенту и говорит: «Уважаемый господин президент, мы сделаем все, что Вы ни прикажете». А в этом случае президенту надо принимать на себя бремя принятия решений, причем в вопросах непростых, где есть куча разных мнений и по которым он, будучи умным человеком, понимает, что не является специалистом. И в этой ситуации очень легко получить паралич принятия решений.

Ведущий: *Возобновятся ли реформы в России? При нынешнем контроле президентской власти над всей законодательной процедурой власть может перегруппироваться и начать реформы.*

Егор ГАЙДАР: Я не люблю подобных прогнозов, потому что не знаю на них ответа, как и никто. Это гадание на кофейной гуще.

На мой взгляд, понимание того, что полгода с точки зрения структурных реформ полностью упущено, в обществе возника-

ет. В какой степени это понимание станет очевидным и превратится в проблемы в условиях нашего контролируемого информационного пространства, мы увидим в ближайшие несколько месяцев.

Но при нынешнем контроле президентской власти над всей законодательной процедурой власть может перегруппироваться и начать реформы. Однако вот сделает она это или нет опять же гадание на кофейной гуще.

Ведущий: *А может, и не нужны эти реформы, ведь вертикаль власти выстроена, цены на нефть высокие, доходы растут?*

Егор ГАЙДАР: Да, за нами шесть лет бурного экономического роста, соотношение долга к ВВП сократилось в 3 раза, а резервы ЦБ выросли в 9 раз, бюджет профицитен, цены на нефть высокие. И конечно, в этих условиях хочется расслабиться и не делать ничего конфликтного и сложного... А вот цены на нефть и газ никто прогнозировать не умеет. Значит, надо делать максимум возможного, чтобы сделать экономику страны менее зависимой от цен на нефть и газ, подготовив ее к моменту, когда они упадут.

Ведущий: *То есть снижать зависимость экономики от нефти, о чем и говорит правительство?*

Егор ГАЙДАР: Есть одна фундаментальная проблема в подходах правительства. Сначала выдвигается тезис о том, что основная задача — избавиться от зависимости от цен на нефть и газ. А вот перечень правительственных проектов — строительство нефтепровода до Мурманска, расширение мощности нефтепровода на Восточную Европу с выходом на Адриатику, строительство нефтепровода на Находку... Нужны другие усилия — создание не зависящих от нефти и газа отраслей... Госаппарат у нас коррумпирован, и с завтрашнего дня мы с этим не справимся.

Ежели на это закрывать глаза и писать планы в вакууме, то не удивляйтесь, что за любой промышленной политикой будут стоять взятки. А если это понимать, то для любой ответственной отраслевой политики нужно время для реконструкции государственного аппарата. А в это время главное направление — создание предпосылок, чтобы не чиновник решал, куда вкладывать деньги за взятки, а чтобы частный предприниматель — иностранный или отечественный, который хочет получать прибыль от вложений, — вкладывал их в Россию, а не в Южную Африку.

А для этого надо сделать немало. Защита прав собственности, защита судебной системы, улучшение качества госаппарата, банковского посредничества, реформа естественных монополий — вот те направления, которые надо обсуждать, если мы хотим улучшить темпы роста. На год любой дурак увеличит темпы роста — возьмите 20 млрд из резервов ЦБ и вложите куда угодно, и у вас за год увеличатся темпы роста.

Ведущий: *А вдвое за десять лет?*

Егор ГАЙДАР: Это сложнее, но тоже в принципе возможно. Но это не главное. Что с того, что вы удвоите ВВП за 10 лет? А потом, если не создать необходимых институтов, он у вас замедлится, потом начнет падать, а потом вы окажетесь в кризисе. Всерьез нас интересует не соревнование по темпам роста, а то, как будет развиваться Россия на протяжении следующих двух-трех поколений.

Ведущий: *То есть то, что делает правительство или, иными словами, президент, не решает задачу структурных изменений?*

Егор ГАЙДАР: То, что сделали президент и правительство с точки зрения экономической политики на протяжении первых трех лет своей работы, было очень хорошо. Это было подготовлено до того, как они пришли к власти, разработано в 1996–1997 гг. Но до Путина это сделано не было, а он сделал. И это база инерции роста, который сегодня есть.

Качество денежной и финансовой политики в сложнейших условиях высоких цен на нефть было безупречно высоким. Но то, что структурные реформы остановились в 2003 г. и не начались в 2004 г., — это факт, с которым невозможно спорить, и это создает риски. Сначала приближались выборы, а перед ними никто не проводит серьезные реформы. А к следующему году была развернута программа по подготовке следующего раунда реформ, были разработаны неплохие документы и выбраны точные приоритеты. Но по двум причинам ничего не произошло. Во-первых, по той причине, что административная реформа на полгода парализовала правительство, а во-вторых, потому что цены на нефть остаются рекордно высокими.

Ведущий: *Получается, что надо молиться не на высокие цены на нефть, а на их падение?*

Егор ГАЙДАР: Я считаю нынешний уровень цен на нефть крайне опасным для российской экономики с точки зрения долгосроч-

ной перспективы. Это ведет к ухудшению экономической политики, рискам, различным авантюрам, снижению стимула структурных реформ.

Ведущий: *Если цены на нефть не упадут, верите ли Вы лично, что в правительстве, а особенно у президента, будет достаточно воли к дальнейшему реформированию, к дальнейшему интегрированию России в мировую экономику? Или же популизм все съест?*

Егор ГАЙДАР: Я не знаю ответа на этот вопрос. А догадки, когда я не знаю оснований для них, делать не могу.

Об изменении законодательства после событий в Беслане

Радиостанция «Эхо Москвы».
Передача «Ищем выход». 13 сентября 2004 г.

Ведущий — Ксения Ларина

Ведущий: *Сегодня у нас нет «круглого стола», а есть один гость, Егор Гайдар, директор Института экономики переходного периода. Уже очень много вопросов от слушателей поступило, но, думаю, начнем с той страшной трагедии, которая произошла на прошедшей неделе в истории нашей страны. Учитывая, что договаривались мы о встрече еще до нынешнего выступления президента Путина, напомню, что он сегодня сделал программные заявления на расширенном заседании Кабинета министров¹, думаю, стоит прокомментировать те самые шаги и вспомнить о том, что Вы уже говорили. А Вы говорили, что будут очень серьезные политические последствия этой истории. Как Вам кажется — те самые последствия, которых Вы ждали, есть в сегодняшних заявлениях президента?*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, во-первых, я не считаю себя лучшим в мире специалистом по безопасности. Очень не люблю, когда люди, которые являются специалистами в области безопасности, начинают рассказывать, как надо вести экономическую политику, иногда им это приходится, если они возглавляют страну... Но в данном слу-

¹ 13 сентября 2004 г. президент В. Путин выступил на расширенном заседании правительства с участием глав регионов с заявлением, где давалась оценка бесланских событий и других терактов и были внесены предложения об изменении законодательства, приводящие к существенным переменам политического строя в стране. В частности, отменялись прямые выборы глав субъектов РФ. — *Прим. ред.*

чае, кстати, Владимир Владимирович осторожен — обычно он этого не делал. У него есть набор достаточно разнообразных, но, как правило, разумных экономических советников. Но многие его коллеги, выходяцы из того же ведомства, что и президент, глубоко убеждены, что они лучшие специалисты по экономике. Вот я точно знаю, что я не лучший специалист по безопасности.

Второе. Я знаю, что в таких трагических ситуациях реакция редко бывает хорошо продуманной, взвешенной и адекватной. Жизнь покажет, но я не могу сказать, что реорганизация систем служб безопасности в США, прошедшая после известных трагических событий 11 сентября 2001 г., является самым замечательным изобретением в истории человечества. Надеюсь, что я не прав. В связи с этим я прекрасно понимаю, что в общем здесь нет чего-то одного, что можно сделать и поправить ситуацию. Но как связать то, что сделано сегодня, решено сегодня, с проблемой обеспечения безопасности, моему сознанию пока недоступно.

Ведущий: *Судя по всему, все равно остается приоритетом сильная власть, мечта о сильной власти. Давайте вспомним предыдущее выступление президента сразу по следам этих событий, которые были 4 сентября, — кстати, он сегодня не раз ссылаясь в своем выступлении именно на этот день, на это обращение. Видимо, он признал фактически нынешнюю слабость России прежде всего как государства, как структуры. И, видимо, нынешние шаги, которые он сегодня предложил, укрепляют ту самую пресловутую вертикаль. Не хочется по этому поводу иронизировать, но вектор понятен.*

Егор ГАЙДАР: Иронизировать совершенно не хочется. Это не тот повод, по которому можно иронизировать. И как человек, который когда-то возглавлял российское правительство и немного следил за тем, что происходит в России, я почти понимаю те мысли, которые обуревают человека, ответственного за ситуацию в России на фоне того беспорядка, который бывает у нас во многих регионах. Скажем, когда смотришь за тем, что происходило в Приморье при Наздратенко, как потенциально богатейший и преуспевающий регион был превращен просто в нечто ужасное, конечно, хочется... Вот мы сейчас с Вами не отвечаем за происходящее... а если ты сидишь премьер-министром или президентом, и отвечаешь за происходящее там... Господи, да я бы сейчас вот этого умника... и руки тянутся к пистолету. Но беда в том, что это не решает проблему.

Это показывает вся история мира и России. В России назначаемые губернаторы были на протяжении долгого периода. Воровали. Их иногда вешали. Но их преемники продолжали заниматься именно этим делом. Система назначаемых первых секретарей обкомов тоже была долго. Если Вы думаете, что в СССР не было коррупции, — это серьезная ошибка. Как человек, который в свое время немало писал о коррупции в Советском Союзе в конце 1980-х гг., могу Вас заверить, что это было не так. Она просто проявлялась обычно в других формах — связи, поступление детей в институты, назначения и т. д. Хотя, конечно, иногда и приносили... Но это самое простое: начать назначать губернаторов, ввести смертную казнь... все эффективно. Но ничего не помогает. Мы с огромным трудом в России формировали на протяжении последних более 10 лет федеративное устройство. Федеративное устройство — это головная боль для любой центральной власти. Управлять унитарной страной гораздо проще, я Вас уверяю как человек, которому пришлось управлять правительством. Очень трудно управлять федеративным государством. Но Россией, если мы предполагаем, что она должна быть демократией, управлять при ее размерах, многообразии, этнической разнородности как унитарным государством просто нельзя. Это невозможно. И вот мы сейчас — просто потому, что такова первая реакция на действительно трагические события, — начинаем дергать за самые привычные рычаги: дернем один рычаг, другой, усилим вертикаль власти, ограничим свободы, ну еще смертную казнь введем.

Ведущий: *Вы уже не впервые вспоминаете, что были премьером России как раз в тот год, когда был осетино-ингушский конфликт. Так что эту меру ответственности, наверное, Вы на себе испытали?*

Егор ГАЙДАР: Конечно. Я прекрасно помню осетино-ингушский конфликт. Надо сказать, что, как и сейчас, наши правоохранительные органы проспали все, что только можно было проспать. Я, собственно, тогда впервые за много месяцев решил с женой на день уехать в отпуск. И уехал под Москву. Утром в воскресенье меня разбудили, сказали — вот такая у нас история: разоружен отряд ОМОНа, захвачено оружие, начались боевые действия. Мне пришлось, так как Бориса Николаевича не было, действовать, принимать решения, организовывать взаимодействие силовых структур. Поэтому

все, как это делается, не будучи специалистом в этой области, я хорошо знаю. И знаю, что ключевая проблема здесь — это обеспечение взаимодействия силовых структур с человеком, который может принимать решения и готов взять ответственность на себя.

Ведущий: *У каждого есть воспоминания и о Буденновске, о том, как В. Черномырдин принимал активное участие в переговорном процессе. Ошибка это была или нет — это постоянные споры. Но возможно ли вообще какие-то уроки извлекать из таких ситуаций? Ведь все время на те же грабли наступаешь...*

Егор ГАЙДАР: Наверняка возможно. Я никого не хочу учить, как действовать в таких ситуациях, именно потому, что хорошо понимаю, насколько они тяжелы, трагичны. Насколько легко судить об этом и комментировать, не отвечая ни за что, и насколько высока цена любого принимаемого решения и высока ответственность за это решение. Поэтому у меня нет никакого злорадства, не дай Бог, по поводу того, что да, это закончилось кровавой трагедией. Раз закончилось кровавой трагедией, значит, кто-то был не прав, значит, что-то было сделано неправильно. Но учить кого бы то ни было, как надо было действовать, я не готов.

Ведущий: *Я не призываю Вас давать советы нынешнему руководству, наверное, не то время сейчас. Но тем не менее давайте немножко назад раскрутим эту историю — где-то была допущена системная ошибка, которая привела к такого рода конфликтам... да и к войне в Чечне тоже и в итоге к этому террористическому потоку.*

Егор ГАЙДАР: Знаете, был допущен набор ошибок. Если говорить об этом всерьез, то ключевой ошибкой, думаю, было решение Александра Первого, принятое в начале XIX в., включить Грузию в состав Российской империи, которое привело в долгосрочной перспективе к растянувшейся на десятилетия войне на Северном Кавказе. С неизбежностью привело. Знаете, был у нас такой секретарь Совбеза г-н Лобов. Он до этого работал первым заместителем председателя российского правительства, специалист по яйцу был, если Вы помните. Я в то время пытался убедить Б. Ельцина не начинать чеченскую войну. У меня это не получилось. А товарищ Лобов тогда говорил, что никакой партизанской войны на Кавказе быть не может, потому что она не в традиции чеченцев. Куда мимо него прошла вся российская литература XIX в., я просто не понимаю,

но прошла. Так что у этой проблемы длинные исторические корни — в войне XIX в., в депортации чеченцев, в том, как был устроен СССР и в вере Ленина в принцип права наций на самоопределение вплоть до отделения, — кстати говоря, по поводу того, почему у него была такая глубокая вера, есть большая и содержательная литература. Если Вы вспомните, он охотно и сразу, без всяких колебаний отказался от своих слов о свободе митингов, демонстраций, печати, Учредительного собрания — от этого всего он отказался сразу. А вот указанного принципа он как-то твердо придерживался, видимо, полагая, что власть извлечет из этого некие новые политические дивиденды. Придерживался на словах, конечно... в условиях, когда все формы государственности устроены так, что все определяет компартия, хоть как самоопределяйся, это все равно никого не волнует — у меня там обком партии работает, и все. Так что это длинная история. И было сделано, на мой взгляд, много трагических ошибок на протяжении двух веков.

Ведущий: *Я все-таки обращаюсь к вопросам слушателей — люди готовились к Вашему визиту. Вопросы разные, буду задавать подряд. «Какое, на Ваш взгляд, долгосрочное влияние на нашу экономику оказывают высокие цены на нефть, как стоит тратить нефтяные деньги?» Стас из Екатеринбурга.*

Егор ГАЙДАР: Если коротко рассказать историю краха СССР, то стоит лишь привести график цен на нефть в реальном исчислении между 1973 и 1991 гг. Мы не единственная страна, которая богата ресурсами, сильно зависит от экспортных доходов, связанных с одним или двумя видами природных ресурсов, цены на которые неустойчивы. Если Вы думаете, что мы единственные, кто делал глупости в период высоких цен на нефть, — это не так. Таких стран было довольно много. И было много тяжелых кризисов. Иногда экономических, иногда экономико-политических, иногда приводящих к тяжелым последствиям. Кризис позднего СССР, конечно, носил структурный характер и был связан со всей предшествующей моделью социалистической индустриализации, но механизм его был предельно прост: у страны, в которой все, от экспортных доходов до бюджета и возможности снабжать народ хлебом, зависит от цен на нефть, эти цены падают между 1982 и 1986 гг. в 6,8 раза. И все. Все разваливается. Что касается наших дней, то очевидно — наступил период аномально высоких цен на нефть. В этих условиях, постепенно осла-

бля бюджетную политику под давлением разного рода естественных требований, тем не менее Центробанк и Минфин в последние годы проводили единственно ответственную политику, которая известна в мире, тратили нефтегазовые доходы в значительной части либо на создание резервов, либо на снижение нашего долга и соответственно снижение тех расходов, которые мы из наших налогов оплачиваем на обслуживание ранее созданного, в первую очередь союзного, долга. Надо сказать честно, что это нелегкая борьба. Сложно объяснить, например, министру обороны, что ты не можешь увеличить расходы на нужды армии не потому, что у тебя нет денег, — он знает, что они есть, — а потому, что это будет опасно с точки зрения долгосрочных перспектив стабильности, что никто в мире не научился прогнозировать цены на нефть, что, если они сегодня высокие, это на самом деле, как показывает опыт, повод к опасениям, что они могут резко снизиться, потому что это значит, что мы провоцируем избыточные вложения в увеличение добычи нефти.

Ведущий: *Не Вы один это говорите — почему никто не слышит?*

Егор ГАЙДАР: Я не могу сказать, что никто не слышит. Я могу сказать, что пока, по состоянию на сегодняшний день, Минфин и Центробанк в этих сложнейших условиях сумели сохранить контроль над денежно-финансовой политикой. И я себе прекрасно представляю — учитывая, что многих знаю в этих организациях, — как это тяжело. Они пока сумели это сделать. Вопрос в том, насколько хватит их запаса прочности.

Ведущий: *К этой же теме: «Ваше отношение к решению В. Путина оставить доходы от нефти внутри Чечни?»*

Егор ГАЙДАР: Мне это не нравится...

Ведущий: *А что это значит вообще в перспективе?*

Егор ГАЙДАР: Ничего принципиального это не значит.

Ведущий: *Там вообще много нефти?*

Егор ГАЙДАР: Это все в пределах десятых долей процента общероссийской добычи, сотых долей процента общероссийских запасов. С точки зрения финансов страны это не имеет вообще никакого значения. Это просто дурной прецедент, потому что в общем я верю в единство налогового поля страны. Я считаю, что налоги в стране должны собираться единообразно, потому что объяснить, почему в Чечне они должны собираться так, а в Татарстане по-другому... мне было бы трудно.

Ведущий: *Странно, почему никто из региональных лидеров по этому поводу не возразил.*

Егор ГАЙДАР: Я думаю, что именно потому, что все-таки мы движемся от плохо функционирующей, неэффективной, молодой Федерации (а все молодые федерации бывают такие) к унитарному государству — им управлять легче.

Ведущий: *Следующий вопрос политический от Александра из Москвы: «Почему Вы и Ваши соратники самоустранились с политической арены? Результаты выборов явно сфальсифицированы, почему же Вы не боретесь?»*

Егор ГАЙДАР: Во-первых, мои соратники не устранились с политической арены. А я считаю, что свою вахту отстоял. Я никогда не хотел быть профессиональным политиком. Я оказался вовлеченным в этот процесс в силу той ситуации, в которой оказалась страна, потому что мне пришлось брать ответственность и в силу этого и дальше заниматься политикой, потому что без этого было невозможно. Я не считаю себя прирожденным публичным политиком, я не думаю, что всю жизнь должен заниматься не своим делом.

Ведущий: *Но тем не менее мы же наблюдаем полное отсутствие так называемого правого крыла в публичной российской политике. Наверняка это какие-то последствия повлечет.*

Егор ГАЙДАР: Конечно. Но, честно говоря, я думаю, что нам предстоит нечто неизбежное — довольно серьезная реорганизация всего либерального фланга российской политики. Я ведь довольно хорошо знаю постсоциалистическую политику и постсоциалистических политиков либерального крыла. Многие из них мои старые, многолетние друзья. Я знаю, что им приходилось работать на фоне этих очень тяжелых революций, в которых нет ничего хорошего. Они всегда очень болезненны. Если можно обойтись без революции, всегда лучше обходиться. Если элита старого режима не смогла провести упорядоченную реформу, происходит революция. Революция — это длинный период беспорядка, это период, когда не обеспечивается законность, когда не собираются налоги, когда государство не может выполнять свои функции. Я, например, до того как через это все прошел, читал много книжек об этом. Но из книжек это непонятно. Это понятно, когда ты все это пройдешь. И в это время совершенно неизбежно накапливается усталость... Я считаю, что в общем мои действия были небезупречны

и где-то мы допускали ошибки, но в целом, подводя итоги своей политической деятельности, считаю, что мы сделали то, что могли сделать. Но объяснить людям, что те, кто стоит у власти, когда тебе тяжело и плохо, за это не отвечают, невозможно. Значит, совершенно неизбежно происходит смена поколенческих страт... тех политиков, которые должны дальше нести на себе бремя борьбы...

Ведущий: *У нас этого не произошло, не получилось... смены не будет, знаете?*

Егор ГАЙДАР: Пока не получилось — получится. Я многократно говорил, что у меня есть не научный, но работающий способ прогнозирования политических событий в России. Он просто много раз работал. Я Вам о нем расскажу. Я смотрю на то, что происходит в Польше, с лагом в два года. Когда моего близкого друга Лешека Бальцеровича назначили зам. премьер-министра, министром финансов и поручили проводить реформы, я подумал, что у нас что-то такое может произойти. И это произошло. Когда мои друзья в Польше с треском проиграли выборы в 1993 г., потому что реформы были... несмотря на то, что они сегодня признаны как образец, все равно были тяжелыми, я подумал, что в 1995 г. у нас могут быть проблемы. Когда в 1997 г. опять же мои польские друзья во главе с Л. Бальцеровичем объединились в «Союз свободы», выиграли выборы и сформировали правительство вместе с «Солидарностью», я подумал, что в 1999 г. у нас есть перспективы. Когда они проиграли выборы, потому что им все равно пришлось проводить набор необходимых тяжелых реформ для вступления Польши в Евросоюз, я подумал, что в 2003 г. у нас все ненадежно... Так вот сейчас — конечно, обновившись, в составе «Гражданского союза», с новыми лидерами, которых, надо сказать, два года назад вообще никто не знал, в глаза в Польше не видел, — они на выборах в Европарламент получили, по-моему, 22 % голосов. Ну так и у нас что-то подобное может произойти.

Ведущий: *Это можно расценивать как некий оптимизм?*

Егор ГАЙДАР: Как некую базу... Конечно, нужна серьезная реорганизация, новая политическая стилистика и нужны новые лица.

Ведущий: *А с другой стороны, мы видим, что происходит в Белоруссии, — вот сейчас под шумок такой трагический А. Лукашенко сделал весьма резкое и яркое заявление по поводу третьего срока, и многие стали говорить, что это та самая еще одна репетиция,*

что Белоруссия — это такой полигон для российской политики, что, вполне возможно, и нас будет ждать такое ближайшее будущее.

Егор ГАЙДАР: Я не знаю ответа на этот вопрос. Но думаю, что движение в эту сторону было бы глупым и неразумным. У меня немало хороших знакомых в высоких эшелонах китайской власти. Китай, как известно, сегодня вполне динамично развивающаяся страна, — страна, стремительно индустриализирующаяся, использующая преимущества демографического перехода, перераспределение рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, страна с серьезными проблемами в старом госсекторе — но это отдельная история. И в общем в китайском руководстве прекрасно понимают — а там прекрасная бюрократия, за ней очень длинная история, — что стратегическая задача, как обеспечить неизбежную вместе с ростом образования, урбанизации демократизацию режима с сохранением политической стабильности. Мы уже прошли через тяжелейший период, связанный с тем, что предшествующий коммунистический режим оказался не способным провести упорядоченно ни экономические, ни политические реформы. Мы неэффективная, плохо работающая, но функционирующая демократия. По крайней мере, Россия была таковой до последнего времени. Сейчас все это переделать, зная, что не живут недемократические режимы в условиях образованного, урбанизированного общества, что потом все равно к демократии придется возвращаться? А это всегда тяжело, и за это всегда нужно платить. Но зачем платить столько раз, сколько можно?

Ведущий: *Петр из Питера: «Как повлияет кризис в Беслане на экономическую ситуацию в России?» Я сегодня увидела небольшое интервью, которое Вы дали «Интерфаксу». Вы сказали, что никак не повлияет. Почему?*

Егор ГАЙДАР: Я не могу сказать, что никак не повлияет. Я просто не знаю, как повлияет. Я пока не вижу здесь таких четких и очевидных взаимосвязей. Кризис в Беслане — это трагические события. Но на решение «Бритиш Петролеум» вкладывать или не вкладывать деньги в Россию это повлияет в крайне ограниченной степени. Там другое повлиять может. Если мы говорим об экономике, повлиять может не сам кризис, а истерическая, неадекватная реакция властей. Если мы после этого начнем делать одну глупость, за ней вторую глупость, затем следующую глупость, то, конечно, это мо-

жет повлиять. Скажем, мы можем сейчас взять и решить ввести новые жесткие ограничения на трудовую миграцию в Россию. Ну это создаст очень тяжелые проблемы с рабочей силой, потому что есть масса рабочих мест, которые сегодня занимают трудовые иммигранты из СНГ, которых нам будет очень трудно или невозможно заместить. Это создаст серьезные проблемы для устойчивости долгосрочной пенсионной системы — в силу того, какая у нас возрастная динамика, какой у нас пенсионный возраст и т.д. То есть да, это может оказать влияние, но только если реакция российских властей будет истеричной и неадекватной.

Ведущий: *Я хотела бы вернуться к сегодняшнему выступлению президента в той части, где он говорит о причинах терроризма: «Корни его лежат в безработице, недостаточно эффективной социально-экономической политике, недостатке образования — все это богатая почва для роста экстремизма». В этой части Вы согласны?*

Егор ГАЙДАР: В какой-то степени да. Корни терроризма, конечно, многообразны. Иначе один из мультимиллионеров, Усама бен Ладен, не был бы лидером мирового терроризма. Вряд ли можно заподозрить, что он страдает от безработицы и недостатка денежных ресурсов. Они многообразны, частично связаны вообще со спецификой цивилизационного перехода в государствах с разной культурой. Короче говоря, ситуация намного сложнее. Есть культуры, которые на протяжении многих столетий формировались так, что объективно в них есть база для массового распространения терроризма в новых, изменившихся условиях. Есть, и в этом я глубоко убежден, об этом знают все люди, которые хоть что-нибудь знают, — есть деньги, которые тратятся на терроризм. И они не все российские. Есть проблемы с терроризмом, природа которого не Россия. Дальше вопрос в том, как это находит воплощение и что с этим делать. Вот когда мы говорим о том, что делать со всем этим, тут я бы, пожалуй, согласился с В. Путиным — да, конечно, экономическое развитие, рост образования, борьба с коррупцией в собственных правоохранительных структурах, создание возможностей для занятости — это те вещи естественные, которые, по-видимому, в долгосрочной перспективе только и могут позволить нам побороть эту страшную угрозу.

Ведущий: *А что касается мер безопасности, которые предложил сегодня президент, среди основных — это создание Министерства по национальной политике, его воссоздание, возрождение, кроме*

того, В. Путин предложил гражданам активно участвовать в помощи правоохранительным органам. Кроме этого он предложил создать Общественную палату, которая будет контролировать деятельность правоохранительных органов, спецслужб и госаппарата в целом, ну и, конечно, самое главное — довольно грозные заявления в адрес террористов — опять же добивать их где только можно, уничтожать. И еще там прозвучало предложение — я, правда, не очень понимаю механизм — перекрыть как раз те самые финансовые потоки, которые обслуживают террористические организации, и поставить вне закона откровенные экстремистские религиозные организации, которые являются опасными для безопасности страны в первую очередь.

Время нашего «рикошета». Итак, вопрос для радиослушателей — как вы считаете, меры безопасности, предложенные президентом, будут ли эффективны, поддерживаете ли вы их? Думаю, что мы сумеем принять звонок слушателя.

Радиослушатель: У меня вопрос — можно ли рассматривать современное состояние глобального терроризма как следствие глобализации экономики, т. е. неравномерного распределения?

Ведущий: Ваш вопрос я поняла. Но прежде ответьте на наш.

Радиослушатель: Думаю, что это очень однобокое предложение президента.

Ведущий: А что Вас больше всего не устраивает?

Радиослушатель: Если честно, я смотрел это все скомканно. Но я вообще думаю, что сегодня никакое решение не может быть реализовано просто в силу общего плачевного состояния страны, населения и т. д.

Ведущий: И еще один звонок.

Радиослушатель: Понимаете, трудно сказать, достаточно будет того, что Путин озвучил, или нет, потому что он мало что озвучил — в основном общие фразы. Из этого делать выводы рано. Но у меня вопрос к Егору Тимуровичу — как Вы оцениваете уровень оппозиции, в том числе правой и либеральной, потому что, насколько я понимаю, то, что слышу, у оппозиции, как и у власти, не сформированы базовые ценности — это не только частная собственность, свобода, но и такие понятия, как «территориальная целостность», «первоочередные интересы России по отношению к международным договорам», «сильные спецслужбы».

Ведущий: *Итак, мы предприняли мини-референдум о доверии президенту — меры безопасности, предложенные президентом, будут ли эффективны, спросили мы радиослушателей. Приняли участие в голосовании всего 3457 человек. Удивительным образом распределились голоса — отказали в доверии, сказали «нет» 94%. И всего лишь 6% сказали «да». Конечно, это о многом говорит. Я прекрасно понимаю, что люди голосовали не только по конкретным мерам безопасности, но и по ситуации, по отношению к тому, что сегодня предпринимается нашим президентом. А сейчас мы ответим на вопросы слушателей, которые прозвучали в эфире.*

Егор ГАЙДАР: Терроризм и связь с глобализацией. Очень интересный вопрос и очень сложный. Я буквально днями завершаю работу над первым томом книжки, посвященной социально-экономической трансформации мира и в связи с этим стратегическим проблемам России. Так вот у меня в книжке вопросы глобализации и терроризма стоят в одном томе, правда, второй еще недописан, т. е. вопросы эти действительно связаны. Но я бы сказал, что они связаны не так прямо. Современный терроризм, на мой взгляд, неразрывно связан со всем процессом трансформации жизни человечества, которая началась примерно два века назад, радикально ускорила в последнее время, охватывает уровень жизни, систему расселения, уровень образования, систему распределения занятости, вызывает огромные перегрузки. Разный уровень сложности адаптации ко всему этому разных цивилизаций, имеющих разные культурные корни. Вот со всем этим терроризм, конечно, очевидно связан. Но мы же с Вами не можем остановить этот процесс. Просто надо понимать объективную природу этих проблем и думать, как на них реагировать.

Ведущий: *Больше всего угнетает, что в любой стране мира эта аксиома рано или поздно произносится — что терроризм в принципе победить невозможно.*

Егор ГАЙДАР: Во-первых, нет простых рецептов. Но то, что нет простых рецептов, не значит, что не надо стараться. Стараться по всем линиям, начиная от культурной интеграции потенциальных этносов, которые тяжело адаптируются к современной жизни... Чем больше мы их исключаем из этого процесса, чем больше мы их пытаемся изолировать, замкнуть в себе, тем шире становится база экстремизма. Сказать, что они нам не годны, значит тем

в большей мере провоцировать терроризм. Итак, первое — культурная интеграция, создание ситуации, при которой они органичная часть нашего общества. Так, кавказская война XIX в. закончилась, когда российская политическая элита поняла, что чеченцев надо не истреблять, а интегрировать. И вот тогда в общем на Кавказе наступил долгий период мира. Чем в большей степени мы будем реагировать на происходящее ксенофобски, чем больше будут бить выходцев с Кавказа, таких как хорошо мне знакомого Героя России, бывшего депутата Толбоева — я его прекрасно знаю, это достойнейший человек, — тем больше будет терроризма. Тут ничего с этим не поделаешь. И второе. Конечно, создавая возможности занятости, включая в нормальный экономический процесс, наращивая уровень экономического развития, трудно найти страны с очень высоким уровнем экономического развития, которые были бы источниками международного терроризма, в том числе те, которые имеют традиции, совершенно не сходные с европейскими. То есть задача тяжелая, не имеющая простых решений. Человеку, который Вам точно скажет, как решить проблему мирового терроризма, никогда не верьте. Но то, что эту проблему все равно надо решать и есть разумные, понятные меры, не дающие немедленной отдачи, но дающие надежду в долгосрочной перспективе, очевидно.

Ведущий: *И вопрос от радиослушателя.*

Егор ГАЙДАР: Вопрос об оппозиции — базовые ценности... То, что у нас сегодня слабая оппозиция как на левом, так и на правом фланге, — это совершенно очевидно, вряд ли об этом есть смысл говорить.

Ведущий: *Она слабая, или она уничтожена?*

Егор ГАЙДАР: Она слабая, и, конечно, власть сделала много чего для того, чтобы она была слабой, начиная от зачистки информационного поля... потому что политический процесс без информационного поля сложен. Но что я могу сказать: это нельзя сохранить надолго. Раньше или позже возникнет политическая ситуация, когда появится сильная оппозиция. Я бы очень не хотел, чтобы эта оппозиция была опасной для страны, потому что ведь проще всего вести публичную политику, поддакивая самым низким страстям значительной массы населения. На них можно играть, это многократно было продемонстрировано: во всем виноваты инородцы, введем смертную казнь...

Ведущий: *И Чубайс еще...*

Егор ГАЙДАР: И он виноват. Но это все просто. Это опасно. Это может быть опасно для страны, для мира. Надеюсь, что так все-таки не развернется. А если так не развернется и Россия не станет опасной на этом фоне миру, у нас возникнет снова функционирующая демократия, и произойдет это не через 75 лет, а на протяжении исторически короткого периода. У меня нет никаких сомнений — об этом свидетельствует весь опыт развития человечества.

Ведущий: *Я вспомнила еще один опрос, который мы провели на этой неделе. Вопрос был простым: кто мы — нация или стадо? Звонков было около 5 тыс. 89% наших слушателей признали, что мы не нация.*

Егор ГАЙДАР: Я бы так не сказал. Во-первых, Россия действительно проходит через беспрецедентно трудный процесс формирования в ходе постсоциалистической трансформации тех демократических институтов, которые если и были у нас когда-то, то несколько веков назад в Новгороде, Пскове и Вологде. Первая попытка их создания кончилась кровавой кашей и стоила нам миллионы и миллионы жизней. И если кто-то думает, что это легко, так это не легко. Но я абсолютно убежден — да, у нас масса исторических проблем, но мы прилично образованная страна, имевшая обыкновение много раз прилично себя вести на протяжении последних 15 лет... Мы не свалились при всех проблемах с той же Чечней в кровавую кашу, как неизмеримо более западная, адаптированная к рынку Югославия, мы сумели от всего этого уйти. Вот этого «самоуничужения паче гордости», по-моему, не надо.

Ведущий: *15 сентября открывается саммит президентов Белоруссии, Казахстана, России и Украины в Астане, и речь пойдет о едином экономическом пространстве. Это к вопросу о том, как Россия вообще сегодня себя позиционирует — как для своих бывших братьев, так в Европе и мире. Вообще нужно ли это единое экономическое пространство и чем мы жертвуем, если на это идем?*

Егор ГАЙДАР: Я считаю, что в целом это движение тяжелое, требующее огромной технической работы, которая сейчас ведется, но движение в правильном направлении. Мы не будем членами Евросоюза в обозримой исторической перспективе. У наших стран длинная традиция культурного, человеческого, экономического взаимодействия. Если мы что-то можем сделать для того, что-

бы закрепить это взаимодействие, снять преграды на пути этого взаимодействия, это разумно. Это всегда тяжело: режимы разные, некоторые из них не очень симпатичны. Но это же относится к режимам, а не к людям. Белорусы мне глубоко симпатичны, и я хочу, чтобы у нас сохранялось единое гуманитарное пространство независимо от того, как я отношусь к некоторым белорусским руководителям. Так что в целом это непростая работа, но работа в правильном направлении.

Ведущий: *А если говорить об остальных республиках СССР — опять же, возвращаясь к Кавказу, Грузия. Здесь какой Вам видится ситуация в дальнейшем?*

Егор ГАЙДАР: Мы сегодня проводили большую конференцию, посвященную развитию событий на пространстве СНГ. И там были представители большинства государств СНГ, в том числе Грузии. Конечно, есть проблема в наших отношениях. Мне приходилось заниматься как проблемой осетино-ингушского конфликта, так и проблемой ввода миротворческого контингента в Южную Осетию, чтобы там прекратить боевые действия с Грузией. Там есть тяжелые болячки, там нет простых вопросов. Здесь главное — по возможности понимать, что это общая проблема, и уходить как можно дальше от эмоций. Чем меньше будет политиканства, тем больше будет понимания того, что проблемы реально есть. Есть проблема территориальной целостности Грузии? Да. Есть проблема предотвращения тяжелого кровопролития? Да. Надо искать пути к диалогу, а не предъявлять ультиматум? Да. Мне кажется, что в основном если убрать реагирование на безответственных авантюристов от политики, для которых главное — получить какие-то политические дивиденды, то шансы избежать там худшего существуют. Очень бы хотелось их реализовать.

Ведущий: *Возвращаясь к событиям в Беслане. Были опубликованы требования, которые предъявляли террористы Путину как президенту России. И меня в списке этих требований удивила одна вещь — понятно, вывод войск, указ о прекращении войны, но: Чечня — это самостоятельное государство в составе СНГ, требование оставить Чечню в рублевой зоне.*

Егор ГАЙДАР: Знаете, я не хочу комментировать требования террористов. Особенно террористов, которые убили сотни детей, вот не хочу комментировать их требования, извините.

Ведущий: *Ваше право. У слушателей очень много вопросов по поводу монетизации льгот. Ваше отношение к этому и как это вообще повлияет на течение нашей жизни, в том числе экономической?*

Егор ГАЙДАР: Вы знаете, у меня сложное отношение к этому Закону. По существу то, что предложено, правильно. Иметь законодательство, которое ты сам как государство не выполняешь, а именно это одна из фундаментальных проблем нашей финансовой системы, — это очень плохо. Это создает хаос в стране, это плохо для людей, для государственных финансов, это стимулирует коррупцию, безответственность. Когда ты обещаешь, что за что-то будешь платить, скажем, за жилищно-коммунальное хозяйство, а потом не платишь — не удивляйся, что у тебя там будет полный беспорядок. Причем ты не сможешь навести порядок, потому что, как только ты начнешь наводить порядок, тебе те, кто обеспечивает беспорядок — ворует деньги, скажут: дорогой, да ты же в законе написал, что ты нам это дашь. А ты нам это даешь? Не даешь. То есть по смыслу сделано правильно. Но как человек, которому в жизни пришлось проводить некоторое количество реформ, включая последнюю налоговую, например, я могу сказать, что так реформы не проводят. Мне трудно себе представить, как можно еще хуже по тактике, по организации, по принятию решений организовать процесс проведения реформ.

Ведущий: *И напоследок два вопроса. Это вопрос терминологии, но это вопрос только к Вам, только Вы можете это назвать — что мы построили? Как назвать сегодняшнее устройство страны, можно ли применить хоть какое-то название? Страна капиталистическая, страна демократическая?*

Егор ГАЙДАР: Сегодня очевидно, что страна с рыночной экономикой, причем есть абсолютно явный консенсус по вопросу о том, что она и есть страна с рыночной экономикой, и будет страной с рыночной экономикой. У нас же, когда обсуждается рыночная экономика, спорят не о том, надо ли нам снова построить социализм без рынка — задается вопрос, как собственность поделить, кому ЮКОС должен достаться. Это, конечно, все неприятные вопросы и вредные во многом, но тем не менее это все вопросы о стране, в которой есть консенсус, что она рыночная экономика. Мы пока не построили устойчиво функционирующую демократию. По этому вопросу у нас нет согласия ни в обществе, ни в элитах. Даже не по

вопросу, построили ли мы ее — очевидно, что не построили, а по вопросу, нужна ли она на этом этапе развития.

Ведущий: *Вы тоже сомневаетесь?*

Егор ГАЙДАР: Я считаю, что нужна. Я в этом убежден и готов за это сильно биться. Но я не один в нашей стране и в нашей политической элите. Есть другие люди, которые, может, и считают, что в целом нужна, — что плохого в демократии? Да и в России, может быть, когда-то, но сейчас просто не дозрели. Я считаю, что это серьезная ошибка с глубокими и долгосрочными неприятными последствиями. Я убежден, что она будет исправлена.

Ведущий: *То есть нельзя сказать сегодня, как говорят граждане той же Америки или любой европейской страны, которую мы считаем цивилизованной, что я живу в свободной демократической стране? Так однозначно не скажешь?*

Егор ГАЙДАР: Я бы так не сказал.

Ведущий: *То есть можно сказать скромно — я живу в стране с рыночной экономикой.*

Егор ГАЙДАР: Вот это точно. Это пожалуйста. Кстати говоря... я просто поражаюсь, встречаясь с людьми, которые жили в 1990-х гг. и теряют память, говорят, что дефицита не было, все было хорошо, не помнят, какой был свободный валютный курс и соответственно что в декабре 1991 г. была зарплата 7 долл. ...Это все в прошлом. Теперь рыночная экономика есть. Она неэффективна, несовершенна, масса всего недоделано, но она есть. Экономика растет 6-й год довольно динамично и, видимо, будет дальше расти, если мы не наделаем каких-то поразительных по масштабу глупостей. Эта битва в общем выиграна. А вот битва за то, чтобы здесь, в нашей стране, построить функционирующую демократию еще предстоит.

Ведущий: *Многие называют сегодняшнюю позицию президента Путина моментом истины. Можно это так назвать в том смысле, что сегодня очень важно, по какому пути развития дальше пойдет Россия? Или момент выбора уже прошел?*

Егор ГАЙДАР: Думаю, что нет, не окончательно. Есть такое понятие «преимущество сомнения». Я бы его сохранил. Бывали в истории, и неоднократно, примеры президентов, которые начинали абсолютно блестяще, неожиданно блестяще... но второй срок президентства оказывался прямой противоположностью первому. Насколько первый период был временем блестящих, очень полез-

ных для страны, тяжелых, но стратегически важных реформ, настолько второй оказывался периодом несбывшихся надежд, нерешенных проблем, нереализованных реформ, накапливающихся трудностей... Вот президент Аргентины Менем, пожалуй, классический пример. Никто от него не ждал всего, что он сделал за первые 4 года, и никто не ждал, что так все плохо закончится. Вот я очень надеюсь, искренне надеюсь, я хочу своей стране только хорошего, — я очень хочу надеяться, что ничего этого в России не произойдет.

Ведущий: *Ну что же, мы отпускаем Вас из эфира. Я напомню, что это Егор Гайдар, который отвечал на наши вопросы.*

Егор ГАЙДАР: Спасибо Вам большое и всего хорошего.

Егор Тимурович Гайдар
Собрание сочинений в пятнадцати томах
Том 11

Выпускающий редактор *Е. В. Попова*
Редактор *Ф. Н. Морозова*
Художник *В. П. Коршунов*
Оригинал-макет *О. З. Элоев*
Компьютерная верстка *А. В. Генералова*

Подписано в печать 11.11.14. Формат 70×100/16
Гарнитура «ПТ Сериф Про». Усл. печ. л. 47,5.
Тираж 3000 экз. Изд. № 412. Заказ № .
Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82–84

Коммерческий отдел
тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
delo@rane.ru
www.ranepa.ru

ISBN: 978-5-7749-0869-1

